

МЕДИАЦИЯ И ДИАЛОГ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Осмысление пятнадцатилетнего
опыта по трансформации конфликтов

Об International Alert

International Alert – независимая миротворческая организация с двадцатилетним стажем работы, работающая с пострадавшими от вооруженного конфликта людьми в целях улучшения перспектив установления мира. Помимо этого, мы стараемся влиять на политику и подходы правительств, международных организаций, таких, как ООН, и транснациональных компаний в направлении снижения риска и увеличения мирного потенциала.

Мы работаем в Африке, в ряде регионов Азии, на Южном Кавказе, Ближнем Востоке и в странах Латинской Америки, а недавно начали осуществлять проекты в Великобритании. Наша работа по формированию политики охватывает влияющие на перспективы мира и безопасности основные направления: экономику, климатические изменения, гендер, роль международных организаций, эффект гуманитарной помощи и последствия неэффективного/эффективного государственного управления.

International Alert представляет собой одну из ведущих миротворческих НПО в мире: у нее 14 региональных офисов, лондонский штат ее сотрудников насчитывает 148 человек. Дополнительную информацию о том, как и где мы работаем, можно найти на нашем вебсайте по адресу: www.international-alert.org.

Эта публикация выходит благодаря помощи Европейского Союза. Только International Alert несет ответственность за ее содержание, которое не должно рассматриваться как отражение взглядов Европейского Союза.

© International Alert 2012

Все права защищены. Ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные средства, средства записи и любые другие системы сохранения и изъятия информации, или использована любым иным способом, без полного указания имени автора и источника заимствования.

Медиация и диалог на Южном Кавказе: осмысление пятнадцатилетнего опыта по трансформации конфликтов

Редакторы

Батал Кобахия, Джана Джавахишвили, Лариса Сотиева
и Джулиет Скофилд

International Alert.

Содержание

Список сокращений	5
Об авторах статей	6
Предисловие	13
Введение	14
Глоссарий	21
РАЗДЕЛ I: Медиация в официальных и гражданских процессах	23
ГЛАВА 1	24
Медиация и диалог: официальное и неофициальное направления Наталья Мириманова	
ГЛАВА 2	52
Возможности и ограничения гражданского общества в процессе трансформации конфликта на примере грузино-абхазского конфликта Лиана Кварчелия	
РАЗДЕЛ II: Политика и медиация	63
ГЛАВА 3	64
Шлайнингский процесс Джонатан Козн	
ГЛАВА 4	107
Шлайнингский процесс: взгляд с абхазской стороны Манана Гургулия	
ГЛАВА 5	116
Шлайнингский процесс: взгляд с грузинской стороны Паата Закареишвили	
РАЗДЕЛ III: Постоянно действующая конференция как медиация	128
ГЛАВА 6	129
Построение и сохранение работы постоянной действующей конференции Пола Габ	

ГЛАВА 7	140
Проект Калифорнийского университета (Ирвайн) по грузино-абхазскому диалогу: взгляд с грузинской стороны Нодар Сарджвеладзе	
ГЛАВА 8	146
Проект Калифорнийского университета (Ирвайн) по грузино-абхазскому диалогу: взгляд с абхазской стороны Арда Инал-Ипа	
РАЗДЕЛ IV: Развитие гражданского общества и медиация	158
ГЛАВА 9	159
Опыт Кавказского Форума: эксперимент целостного миротворчества Геворг Тер-Габриелян	
ГЛАВА 10	207
Феномен Кавказского Форума Жанна Крикорова	
ГЛАВА 11	223
Воспоминания о забытых Алан Парастаев	
РАЗДЕЛ V: Экономика и медиация	235
ГЛАВА 12	236
Экономика и конфликт на Южном Кавказе Кавказская сеть бизнеса и развития Диана Клейн и Оскар Пентикейнен	
ГЛАВА 13	281
Экономика и конфликт на Южном Кавказе Мой опыт медиации: от теории к практике Агавни Караханян	
РАЗДЕЛ VI: Медиа и медиация	304
CHAPTER 14	305
Средства массовой информации и посредничество на Кавказе: некоторые соображения Томас де Ваал	

ГЛАВА 15	313
Медиация – от слова “медиа”?	
Карине Оганян	
ГЛАВА 16	326
Институт освещения войны и мира – медиа и миротворчество	
Шахин Рзаев	
РАЗДЕЛ VII: Гендер и медиация	336
<hr/>	
ГЛАВА 17	337
Лига женщин Кавказа как опыт миротворчества	
Нателла Акаба	
ГЛАВА 18	346
Лига женщин Кавказа: через призму пяти лет	
Марина Пагава	
РАЗДЕЛ VIII: Медиация через культурное и научное сотрудничество	362
<hr/>	
ГЛАВА 19	363
Грузия-Абхазия: историография и конфликт	
О моем опыте медиации посредством передачи исторических знаний	
Георгий Анчабадзе	
ГЛАВА 20	378
Диалог через культуру или культурный диалог	
Батал Кобахия	
ГЛАВА 21	399
«...Постигать и защищать человека»	
Гурам Одишария	

Список сокращений

АГУ	Абхазский государственный университет
БТД	Нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан
ВПЛ	Внутренне/Вынужденно перемещённые лица
ДОПМ	Департамент операций ООН по поддержанию мира
ДПВ	Департамент по политическим вопросам ООН
ЕБРР	Европейский банк реконструкции и развития
ЕК	Европейская комиссия
ИГЭК	Исследовательская группа по экономике и конфликту на Южном Кавказе
ИМД	Институт многоуровневой дипломатии
КС	Координационный совет (Кавказского Форума НПО)
КСБР	Кавказская сеть бизнеса и развития
КСПМ	Коллективные силы СНГ по поддержанию мира
КФ	Кавказский Форум НПО
КЧР	Карачаево-Черкесская Республика
ЛЖК	Лига женщин Кавказа
МНЕС	Миссия наблюдателей ЕС в Грузии
МНПО	Международная неправительственная организация
МООННГ	Миссия организации ООН по наблюдению в Грузии
МСБ	Малые и средние бизнесы
МСП	Малые и средние предприятия
НАТО	Организация Североатлантического договора
НПО	Неправительственная организация
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОГО	Организация гражданского общества
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ООН	Организация Объединённых Наций
РБЦ	Региональный бизнес-центр
РП	Ресурсы примирения
СБ ООН	Совет Безопасности ООН
СКК	Смешанная контрольная комиссия (по урегулированию грузино-осетинского конфликта)
ТАСИС	Техническая помощь Содружеству Независимых Государств — программа Европейского союза
УВКБ	Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев

Об авторах статей

Наталья Мириманова – является одновременно теоретиком и практиком в области разрешения конфликтов, она обладает обширным опытом работы в России, на Южном Кавказе, в Центральной Азии, Молдове, Украине, на Балканах и в Восточной Европе. С 1993 г. она занимается разработкой и реализацией программ анализа и урегулирования конфликтов, а также обучающих программ для университетов, деловых кругов и гражданского общества, НПО и местных общественных групп. Наталья проводила междисциплинарные исследовательские проекты под эгидой ООН, ОБСЕ, Интерньюз, International Alert, «Ресурсов примирения», Фонда Ага Хана, Национального института демократии и других организаций. Она является соавтором книг «От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе» (изд. «International Alert», 2004 г.), «Коррупция и конфликт на Южном Кавказе» (изд. «International Alert», 2006 г.) и ряда других, а также статей и учебных руководств по трансформации конфликта, строительству демократии в переходных обществах и СМИ. Наталья защитила кандидатскую диссертацию в Институте анализа и урегулирования конфликтов университета Джорджа Мейсона в США.

Лиана Кварчелия – заместитель директора Центра гуманитарных программ (ЦГП), одной из самых первых НПО Абхазии, созданной в 1994 г. Она занимается целым рядом вопросов развития гражданского общества, регулярно выступает в роли фасилитатора, преподавателя и модератора в различных проектах, связанных с процессом демократизации в Абхазии, с трансформацией конфликта и с гражданским образованием как в рамках Абхазии, так по всему Кавказу. Начиная с 1996 г. она активно участвует в ряде проектов, касающихся грузино-абхазского конфликта, включая участие в долгосрочных программах совместно с Калифорнийским университетом (Ирвайн), Ресурсами примирения и International Alert. С 1997 г. по 2000 г. она работала фасилитатором местных национальных сообществ по Программе волонтеров ООН в Абхазии. В 2000–2001 учебном году она была международным научным сотрудником организации «Реагируй на конфликт» в Великобритании. Лиана – один из первых лидеров «Лиги избирателей за справедливые выборы», осуществлявшей наблюдение за выборами в Абхазии с 2004 г.

Джонатан Коэн работает в организации «Ресурсы примирения» с 1997 г., где разработал кавказскую программу, посвященную инициативам диалога и миротворчества. В сентябре 2008 г. он стал директором программ, отвечающим за региональные программы «Ресурсов примирения» в Восточной и Западной Африке, на Кавказе, в Индии/Пакистане (Кашмире), на Филиппинах, Фиджи и в Колумбии. До этого Джонатан был заместителем директора Фонда межэтнических отношений в Гааге, где работал с Верховным комиссаром ОБСЕ по вопросам национальных меньшинств. Перед этим он работал в организации International Alert и в Институте по изучению мира в Осло. Он был членом совета Департамента по международному развитию/ фонда «Чаритиз Эйд Фаундейшн» в Программе некоммерческого сектора для России; выступал в роли консультанта Волонтеров ООН, Фонда имени Генриха Бёлля, Фонда Бергхофа по изучению конфликтов, а также

преподавал в Лондонской школе экономики. Джонатан Коэн – выпускник университетов Бристоля, Лондона и Оксфорда.

Манана Гургулия является директором информационного агентства «Апсныпресс» и президентом «Сухумского Медиа-клуба». Манана сотрудничала с международными неправительственными организациями, такими как «Ресурсы Примирения», International Alert, Статья 19, Научно-исследовательский центр Бергхофа по конструктивному управлению конфликтами, концентрируя внимание на инициативах по диалогу и наращиванию потенциала, а также способствуя доступу к информации и развитию независимых СМИ в Абхазии. Она была координатором Кавказского форума НПО, участвовала в проекте «Диалог через исследование», осуществляемом International Alert, а до этого являлась координатором «Шлайнингского процесса» с Абхазкой стороны. Манана окончила факультет философии Ростовского государственного университета и преподавала в Абхазском госуниверситете, где читала курсы лекций по истории философии.

Паата Закареишвили с 2009 г. является председателем Института изучения национализма и конфликта. С 2000 г. по 2007 г. он был координатором со стороны Грузии Шлайнингского процесса диалога для политиков, официальных лиц и активистов гражданского общества Грузии и Абхазии под эгидой организации «Ресурсы Примирения» и Научно-исследовательского центра Бергхоф по конструктивному управлению конфликтами. С 1996 г. он активно участвует в целом ряде проектов по грузино-абхазскому конфликту, в том числе в долгосрочных программах совместно с Калифорнийским университетом (Ирвайн), «Ресурсов примирения», Открытым обществом и International Alert. В дополнение к работе по миротворчеству он до 2007 г. являлся членом городского совета Тбилиси. До этого Паата был главой Отдела исполнения наказаний Министерства юстиции и членом Государственного комитета Грузии по правам человека и этническим меньшинствам, где вел переговоры об обмене военнопленными и о защите прав граждан в зоне грузино-абхазского конфликта. Паата Закареишвили – хорошо известный комментатор грузино-абхазского конфликта, он регулярно публикуется в грузинской прессе.

Пола Гарб – один из директоров и основателей Центра гражданского миротворчества при Калифорнийском университете (Ирвайн). Она читает лекции по антропологии, является директором факультативной программы по урегулированию конфликта, а также директором факультативной программы по взаимодействию с гражданским обществом и местными сообществами в Калифорнийском университете (Ирвайн). Пола Гарб была фасилитатором и исследователем проектов гражданского миротворчества (с участием граждан) с 1995 г. Ее основной проект концентрирует внимание на содействии и изучении усилий по миротворчеству абхазских и грузинских ученых, журналистов, представителей НПО и политиков. В 1999 г. она стала инициатором создания координирующей сети миротворческих проектов и организаций, работающих в сфере грузино-абхазского конфликта, и в настоящее время она продолжает развивать эту сеть. Пола Гарб – выпускница МГУ, она защитила кандидатскую диссертацию в Институте антропологии Российской академии наук.

Нодар Сарджвеладзе – доктор психологических наук, профессор и член Академии философии Грузии. В 1996 г. он основал и с тех пор является председателем Фонда «Развитие человеческих ресурсов», где руководил проектами психосоциальной реабилитации беженцев и вынужденно перемещенных лиц в Грузии, принимая участие в народной дипломатии и инициативах по укреплению доверия между людьми из зон конфликтов. Нодар участвовал в «Кавказском форуме» НПО и в различных инициативах грузино-абхазского диалога и гражданского миростроительства с International Alert и Калифорнийским университетом (Ирвайн) с момента начала их диалога в 1996 году. Нодар также является членом Международной ассоциации консультантов, автором десятков книг и статей, опубликованных на грузинском, русском, английском, немецком и французском языках.

Арда Инал-Ипа – является абхазским координатором миротворческого диалога представителей организаций гражданского сообщества Грузии и Абхазии, спонсором которого выступает Калифорнийский университет (Ирвайн). Она была заместителем директора исследовательских программ в Центре гуманитарных программ (ЦГП) с момента его создания в 1994 г. Этот центр – одна из первых НПО в Абхазии. Арда работает по целому ряду вопросов развития гражданского общества, трансформации конфликта и гражданскому воспитанию. До этого она работала научным сотрудником в Абхазском исследовательском институте языка, истории и литературы и читала лекции в Абхазском государственном университете. Она является одним из редакторов пятнадцати томов серии «Аспекты грузино-абхазского конфликта». Арда – выпускница факультета психологии Московского государственного университета (МГУ). С 2007 г. она является членом Общественной палаты Абхазии.

Геворг Тер-Габриелян – директор «Фонда партнерства Евразия» в Армении. Имеет 27-летний опыт работы в частном, государственном и неправительственном секторах. Ранее работал старшим советником-консультантом по вопросам политики и менеджером программы «Евразия» организации International Alert в Лондоне, а также заместителем директора Центра региональных исследований в Ереване. Он преподавал политику и экономику (основное внимание уделялось Кавказу и США) в Ереванском государственном университете и в Государственном университете Боулинг Грин в Огайо. Он также работал бизнес-консультантом в Москве. Геворг имеет степень кандидата наук (тюркские языки) МГУ, степень магистра (общественные науки/политика) Университета Ланкастера, а также степень магистра (государственное управление) Государственного университета Боулинг Грин.

Жанна Крикорова является заметной фигурой в общественной жизни Нагорного Карабаха; будучи журналистом и гражданским активистом, занимает ряд должностей, связанных со СМИ. Она была корреспондентом новостного агентства «Ноян Тапан» и исполнительным секретарем Кавказского форума НПО, а также активным членом Лиги женщин Кавказа до 2005 года. Жанна была одним из основателей местных НПО – Степанакертского пресс-клуба и Института общественной дипломатии. С 2008 года Жанна является директором Центра по международному сотрудничеству в Нагорном Карабахе, ответственным за отношения сектора НПО с международными организациями.

Жанна окончила филологический факультет Ереванского государственного университета и также работала преподавателем русского языка и литературы.

Алан Парастаев в 1998 г. создал НПО «Южно-Осетинский центр гуманитарных инициатив и исследований». Он был координатором Кавказского форума НПО и участвовал в Кавказской сети бизнеса и развития (КСБР) в Южной Осетии с момента ее создания. Участвовал в различных исследовательских проектах по разрешению конфликта на Кавказе. В настоящее время в качестве независимого эксперта освещает события на Южном Кавказе и сотрудничает с информационным интернет-агентством Эхо Кавказа, а также Регнум и Лента ру. Алан закончил факультет истории и филологии в Юго-Осетинском государственном педагогическом институте.

Диана Клейн является менеджером проекта в International Alert по программе «Вопросы миротворчества» и в настоящее время возглавляет группу экономики и миротворчества. Ранее она управляла региональной сетью по исследованиям и диалогу, лоббированием интересов гражданского общества в проекте «Экономика и конфликт на Южном Кавказе», привлекая акторов из частного сектора всех сторон конфликта в регионе, содействуя диалогу между различными сторонами конфликта, а также используя экономические подходы к миру и примирению в регионе. До работы в организации International Alert Диана работала в должности помощника фасилитатора и координатора проекта в Исследовательском институте поддержки мира им. Гарри С. Трумэна в Еврейском университете в Иерусалиме. Диана имеет степень магистра (развитие и послевоенное восстановление) Университета Йорка, Великобритания, диплом (исследования мира) Европейского университета проблем мира в Штадтшляйнинге, Австрия, а также степень бакалавра (международные отношения и журналистика) Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль. Диана была соавтором и редактором нескольких публикаций и статей по вопросам экономики и конфликта, природных ресурсов, экономического восстановления и коррупции.

Оскар Пентикейнен руководит проектом «Экономика и конфликт» программы Евразия в International Alert. До прихода в International Alert он работал в Германии, в Европейском центре по делам меньшинств. Оскар получил степень магистра (европеистика) в Лондонском институте экономики и степень бакалавра (русские и восточно-европейские исследования) в Университете Сассекс, Великобритания.

Агавни Караханян – директор Института гражданского общества и регионального развития в Ереване (Армения). Она работает по нескольким международным исследовательским проектам: Экономика и конфликт (International Alert, Великобритания), Глобализация, Регионализация и демократизация, а также Мир, Образование, Искусство, Культура и Окружающая среда в мире глобализации (Институт глобального мира и политики Тода, Гавайи, США) и др. Агавни является членом Клуба экспертов ООН и автором «Глобализации и интеграции» для отчета «Десять

лет независимости и переходного периода в Армении» Программы развития ООН по Армении за 2001 г. Агавни имеет степень магистра (политическая история) МГУ и работает над кандидатской диссертацией (политология) в Ереванском государственном университете. Она получила грант Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртур 1999 г. на индивидуальные исследования и написание труда по теме «Урегулирование конфликта и силы медиации: В поисках стратегии – сравнительный опыт управления ирландским и карабахским конфликтами».

Томас де Ваал – старший научный сотрудник программы Фонда международного мира Карнеги по России и Евразии и эксперт по региону Кавказа и Черного моря. Он является автором авторитетной книги по карабахскому конфликту «Черный сад: Армения и Азербайджан сквозь мир и войну» (изд. NYU Press, 2003 г). Томас также автор книги «Кавказ: Введение» (изд. Oxford University Press, 2010 г) и соавтор, вместе с Карлоттой Голл, книги «Чечня: бедствие на Кавказе» (изд. NYU Press, 1997 г), за которую авторы были награждены премией Джеймса Камерона за выдающийся репортаж. Томас – выпускник Оксфордского университета (колледж Бейлиол) по специальности русский и греческий языки. Он делал репортажи для Всемирной службы БиБиСи, для газет The Moscow Times и The Times of London. С 2002 г. по 2009 г. он работал аналитиком и руководителем проекта по конфликтам на Южном Кавказе в лондонской НПО «Ресурсы примирения» и в Институте по освещению войны и мира (IWPR).

Карине Оганян – журналистка информационно-аналитического центра “Армедиа” и руководитель карабахских проектов для НПО “Европейская интеграция”. С 1993 года работала в различных СМИ Нагорного Карабаха, одновременно принимала участие во многих миротворческих и профессиональных проектах, инициированных такими организациями, как Статья 19, «Ресурсы примирения», International Alert, Хельсинкская гражданская ассамблея (ХГА), Институт по освещению войны и мира (IWPR) и др. Карине была членом жюри Южно-Кавказского кинофестиваля “Я – человек” и карабахским координатором проекта радиодневников “Непридуманные истории”. Является соавтором нескольких документальных фильмов и циклов телепередач, а также автором более 300 статей как для региональных СМИ, так и для BBC, IWPR, The Moscow Times и др.

Шахин Рзаев с 1999 г. является страновым директором в Азербайджане Института по освещению войны и мира (IWPR). Он также является одним из основателей и членом совета Центра прав человека в Азербайджане и экспертом Центра журналистики в экстремальных ситуациях. В 1997 г. Шахин возглавил первую группу азербайджанских журналистов, посещавших Армению под эгидой швейцарской организации Simera. С того времени он принимал участие в нескольких трансграничных журналистских проектах с армянскими и грузинскими коллегами, включая участие в Кавказском форуме НПО и в программах International Alert для молодых журналистов Кавказа. Он является автором многочисленных статей по вопросам конфликта, опубликованных в целом ряде различных местных и международных СМИ, включая Институт по освещению войны и мира и

журнал *Accord* (изд. «Ресурсы примирения»). Шахин – выпускник Нефтяной академии в Баку. Он стал журналистом в 1991 г., начав карьеру в газете *Истиклал* (Независимость), где был редактором молодежного приложения *Текамул* (Эволюция).

Нателла Акаба возглавляет Ассоциацию женщин Абхазии, созданную в 1999 г., и является секретарем Общественной палаты Абхазии. Она была депутатом Абхазского парламента (1991-1996 гг.) и главой Комитета по правам человека. Затем ее назначили министром информации и СМИ. С 1997 г. по 1999 г. Нателла работала директором Центра поддержки прав человека и демократии и была одним из основателей первой оппозиционной политической организации в Абхазии – «Айтайра» (Возрождение), которая победила на президентских выборах в 2004 г. Нателла является автором ряда статей, анализирующих корни и различные аспекты грузино-абхазского конфликта, она участвует в ряде совместных кавказских инициатив, направленных на усиление влияния женщин и реализацию их права на участие в принятии решений на всех уровнях.

Марина Пагава родилась и выросла в Абхазии. В 1993 г., в результате грузино-абхазского вооруженного конфликта, переехала с семьей в Тбилиси. С этого времени сферой ее профессиональных интересов стали гражданское миростроительство и проблемы перемещенных лиц из Абхазии. Она создала неправительственную организацию «Помоги себе сам», в рамках которой осуществлены проекты, направленные на адаптацию вынужденно перемещенных лиц (ВПЛ), усиление их гражданской и социальной активности и повышение осведомленности о проблемах ВПЛ. Марина является также членом сети адвокатской деятельности «Синергия». Она участвует в ряде инициатив по диалогу, в том числе в «диалоге женщин», проводившихся International Alert, Калифорнийским университетом Ирвайн, «Ресурсы примирения» автор нескольких миротворческих статей в сборниках и в периодической печати.

Георгий Анчабадзе – профессор Государственного университета Ильи в Тбилиси, одновременно читает лекции в Абхазском государственном университете. Георгий является одним из учредителей фонда «Кавказский диалог». Он автор около 150 научных трудов, на основании которых написаны 18 книг (монографии, сборники статей, учебники). Сфера научных интересов: история народов Грузии и Кавказа, военная история, историческая география и картография, источниковедение и историография. С 1984 года он участвует в инициативах по разрешению конфликтов на Кавказе и в этой области имеет как теоретические труды, так и опыт практической деятельности: он является Послом мира «Федерации за всеобщий мир» и тесно сотрудничает с организацией International Alert с 1998 года. Георгий окончил востоковедческий факультет Тбилисского государственного университета (1971 г.), защитил диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (1975 г.) и доктора исторических наук (1990 г.)

Батал Кобахия учредил в 1994 году одну из первых НПО в Абхазии – Центр гуманитарных программ (ЦГП). ЦГП занимается развитием институтов гражданского общества и

демократических институтов, проблемами разрешения конфликтов, установлением связей и взаимодействием с различными общественными организациями на Кавказе, в странах СНГ и за рубежом. Он является также одним из организаторов сети неправительственных организаций Кавказского форума НПО. Батал опубликовал серию статей, публицистических и аналитических материалов, связанных с разрешением конфликтов, миграционными процессами, развитием демократических институтов и гражданского общества не только в Абхазии, но и в целом на Кавказе. Он является одним из авторов и редакторов сборника рассказов писателей Южного Кавказа «Время жить» и литературного альманаха «Южный Кавказ», публикуемого при поддержке International Alert. С 2007 по 2012 год – член Абхазского Парламента.

Гурам Одишария – писатель, автор более 20 сборников поэзии и прозы, написал несколько пьес, поставленных в театре и даже адаптированных для телевидения. Его работы переведены на десять языков. Он родился в Абхазии, сейчас живет в Тбилиси. Гурам работал корреспондентом газет и радио, литературным консультантом в абхазском Союзе писателей, а также писал передовицы для общественно-литературного журнала «Рица». С 1997 г. Гурам принимает активное участие во встречах народной дипломатии и осуществляет несколько проектов, вносящих вклад в этот процесс, в качестве координатора фонда «Кавказский диалог» так и члена Кавказского форума НПО. Он является также членом «Международной ассоциации писателей и публицистов» (Лондон-Рига). Гурам награжден золотой медалью им. А.П.Чехова и премией «Золотое перо» Международной ассоциации журналистов. Он получил несколько правительственных премий в области литературы и театра, включая государственную награду Грузии.

Предисловие

Зажатый между Черным и Каспийским морями регион Южного Кавказа состоит из бывших советских республик – Армении, Азербайджана и Грузии, а также спорных территорий – Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Войны на стыке 90ых годов привели к гибели почти 30 000 человек, более одного миллиона были изгнаны из своих мест. Хотя официальные договоры о прекращении огня позволили сохранять хрупкую стабильность в течение более десяти лет, мирные переговоры при международном посредничестве до сих пор не смогли привести к долговременным решениям. Вспыхнувший в августе 2008 года военный конфликт в Южной Осетии привел к пятидневной войне между Грузией и Россией, после этого Россия признала Абхазию и Южную Осетию в качестве независимых государств.

На Южном Кавказе географические названия являются спорным вопросом. В статьях сборника авторы используют свое предпочтительное написание географического названия. Однако, это не означает выражения какого-либо мнения со стороны International Alert, касающегося основных политических дебатов по правовым и политическим статусам.

Введение

Генезис книги

International Alert (Алерт) с середины девяностых годов прошлого столетия занимается вопросами трансформации конфликтов на Южном Кавказе – грузино-абхазского, грузино-осетинского и армяно-азербайджанского. Работа ведется преимущественно на уровне гражданского общества. В процессе трансформации конфликта, собирая вместе представителей гражданского общества обеих сторон и расширяя рамки общения, Алерт стремится уменьшить вероятность прямой конфронтации конфликтующих сторон путем изменения взаимоотношения участников.¹ Такой подход многостороннего сотрудничества принят в проекте «Инициативы медиации и диалога на Южном Кавказе», в рамках которого издается данная книга.

Проект «Инициатива медиации и диалога на Южном Кавказе» работает в трех временных срезах (и, соответственно, направлениях): прошлом, настоящем и будущем. Направление проекта, нацеленное на прошлое, ставит перед собой задачу осмысления медиационной работы в процессе гражданской дипломатии, проводимой не только Алерт, но и другими западными неправительственными организациями. Эти результаты вы найдете на страницах данной книги. Направление, нацеленное на настоящее, – это исследовательский проект, изучающий механизмы формирования мифов и увековечивания «образа врага», способствовавших эскалации существующих в регионе конфликтов (политические мифы и сведения, распространяемые СМИ и политиками). Направление, нацеленное на будущее, вбирает в себя опыт осмысления первых двух направлений и использует его для разработки обучающих пособий и модулей, являющихся ресурсом для будущего процесса трансформации конфликтов.

Таким образом, данная книга является первым интеллектуальным продуктом проекта «Инициатива медиации и диалога на Южном Кавказе». Над статьями этой книги работали в течение длительного периода времени - с января 2009 г. до сентября 2011 г. С ее помощью медиация гражданской дипломатии становится предметом обсуждения и осмысления с различных точек зрения всеми заинтересованными субъектами, участвующими в процессе гражданского миротворчества (как международными фасилитаторами и медиаторами этих процессов, так и их участниками и «внутренними» медиаторами).

Цель и аудитория книги

Народная мудрость гласит: *«Никогда не заблудишься, если знаешь, откуда идешь»*. Вот и наша книга помогает оглянуться назад и изучить опыт деятельности гражданских организаций

¹ По поводу определения «трансформации конфликтов» и иной такого рода терминологии, используемой в данной книге, обратитесь к прилагаемому глоссарию на стр. 21.

по инициированию, участию и развитию гражданских миротворческих процессов на Южном Кавказе при фасилитационной помощи западных неправительственных организаций. Она задумывалась как возможность для вовлеченного в работу по разрешению конфликтов профессионального сообщества и для представителей гражданского общества дистанцироваться от каждодневных занятий, постараться взглянуть на них со стороны, проанализировать и осознать прошлый опыт, оценить, что работает, а что нет, понять, что можно было бы сделать лучше.

Хотелось бы надеяться, что анализ, изложенный в книге, позволит специалистам, занимающимся разрешением конфликтов как в нашем, так и в других регионах, учиться на наших ошибках, узнавать об успешных инициативах, применять на практике методы, доказавшие свою состоятельность.

Возможно, читатели найдут ответы на ряд вопросов, которые мы задавали себе в процессе работы. Хотя есть целый ряд тем, на которых мы предпочли поставить вопросительный знак.

Ориентируясь на профессиональное сообщество, мы отнюдь не ограничиваемся им и надеемся, что книга написана настолько простым языком и понятным стилем, что сможет привлечь внимание и неискушенного в конфликтологии читателя. Мы надеемся, что книга поможет информировать жителей Южного Кавказа о гражданских инициативах, направленных на восстановление/построение мира в нашем регионе; мы также надеемся, что кое-кого из них она вдохновит на новые инициативы в деле гражданского миротворчества.

Предыстория книги

Работа над книгой, пытающейся обобщить десятилетний опыт гражданской дипломатии, началась еще до августовской войны 2008 года. Знаменательно, что последняя предвоенная встреча соавторов и некоторых участников прошла в конце июля 2008 года. После августовских событий представители гражданского общества Южного Кавказа, в течение многих лет посвящавшие свою энергию и время неофициальной дипломатии, испытали глубокое разочарование, которое, с одной стороны, соответствовало эмоциональному фону послевоенного времени, а с другой – было индикатором завышенных ожиданий по отношению к гражданской дипломатии и, вследствие этого, определенного крушения надежд. Вскоре после того, как эмоции несколько улеглись, с новой силой была осознана необходимость написания книги, анализирующей специфику, динамику и влияние гражданского миротворчества. Назначение данной книги заключается в том, чтобы заинтересовать/«приземлить» неадекватно высокие претензии к гражданской дипломатии, а также определить, на каком уровне может оказать влияние гражданская дипломатия, чего она может реально достичь, и, наконец, оценить – какую работу стоит продолжать, а какую сворачивать, что нуждается в педалировании, а что можно игнорировать.

Понимание медиации

Мы уже использовали целый ряд терминов для описания представленных в данной книге инициатив, и концентрация внимания на термине «медиация» заслуживает некоторого объяснения. Если «миротворчество» является общим термином, охватывающим любую деятельность, направленную на содействие мирному состоянию, то основная работа гражданского общества в этом регионе Кавказа была сфокусирована на «трансформации конфликта», и конкретно – на трансформации взаимоотношений между конфликтующими сторонами и восприятия конфликтов. Термин «гражданская дипломатия» часто используется для описания процесса, включающего в себя неофициальные контакты между людьми различных национальностей, в отличие от «официальной дипломатии», заключающейся в официальных контактах представителей правительств. В то время как медиация, осуществляемая международными, межгосударственными организациями и структурами, подразумевает четко заданные рамки общения сторон и ведения переговорного процесса, основанные на определенных протоколах, медиация неправительственного сектора сравнительно гибка по формату. «Диалог» является популярным инструментом в гражданской дипломатии и обычно осуществляется при посредничестве третьей стороны. Если диалог зачастую является не связанным условиями процессом, то «медиация», напротив, ставит своей целью достижение определенного рода соглашения между сторонами.

Часто в процессе работы методология проектов перетекала из одной формы в другую, например, из формата двустороннего диалога в формат многостороннего сотрудничества, или же из формата совместных исследований по обе стороны конфликта к способствованию развитию внутренней гражданской активности в особо уязвимых сообществах. В процессе такой работы многие трансформации конфликтов или процессы гражданской дипломатии переходят в разное время от диалога к медиации – в зависимости от зрелости процесса и изменения конфликта или политического контекста. Мы видели, как по мере развития процессов роль конфликтующих сторон, которые начинали просто как «участники», менялась, и они сами становились «медиаторами», выступая в роли брокеров между собственным обществом и другой стороной конфликта. В рамках таких процессов нас интересовал именно этот конкретный аспект медиации, и именно он явился центром концентрации внимания данной книги. Однако мы не настаивали на том, чтобы отдельные авторы ограничивали свои соображения только тем аспектом инициатив, в которых они принимали участие, и только ролью медиации в общем процессе. Поэтому данная книга в действительности содержит достаточно широкий спектр инициатив, ни одна из которых не является в чистом виде процессом «медиации».

Принцип отбора проектов/процессов для анализа в книге

После развала Советского Союза мы стали невольными участниками и свидетелями многих конфликтов, поразивших постсоциалистическое пространство и, в частности, Кавказ. В течение длительного времени наряду с конфликтами появлялись и развивались

различные процессы и проекты, направленные на трансформацию существующих конфликтов. Данная книга не претендует на отображение всех процессов, относящихся к разрешению конфликтов в данном регионе.

Выбор тех процессов/проектов, которые описаны в книге, предрешен нашим намерением показать многообразие направлений гражданского миротворчества, богатую мозаику различных ее ветвей – начиная от работы с политиками разделенных конфликтом обществ и заканчивая сотрудничеством в сфере экономики, гендерного равноправия, науки и культуры.

В частности, книга описывает опыт медиации широкого круга коллег, вовлеченных в течение ряда лет в проекты, направленные на трансформацию армяно-азербайджанского, грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Фасилитаторами проектов, описанных в книге, являются английские организации International Alert, «Ресурсы примирения», Институт по освещению войны и мира (IWPR), а также Калифорнийский университет (Ирвайн, США). Наряду с западными партнерами, фасилитаторами и медиаторами описанных процессов являются сами участники проектов, так называемые «партнеры на местах».

Принцип «Расёмон»

Данная книга – продукт совместного труда и коллективных усилий. Каждая глава анализирует конкретный процесс или конкретный эпизод того или иного миротворческого проекта. Мы, как группа редакторов, предложили соавторам руководствоваться в написании «принципом Расёмон»².

Согласно этому принципу, каждая глава книги описывает отдельный проект миротворчества или трансформации конфликта с различных точек зрения – западных (английских или американских) фасилитаторов и партнеров на местах (представителей разделенных конфликтом обществ). Каждый автор, исходя из принадлежности к той или иной стороне конфликта или будучи в роли нейтрального медиатора/фасилитатора, излагает свою версию анализа процесса, свое видение результатов и факторов, способствующих и мешающих разрешению конфликта, с которыми он столкнулся в ходе этого процесса, а также извлеченные уроки. Каждый автор использует топонимику географических мест и названий в соответствии со своими взглядами.

2 Знаменитый фильм Акиры Куросава «Расёмон» (экранизация новеллы Акутагава Рюноске «В чаще»), где каждый герой рассказывает свою версию произошедшего события и, таким образом, складывается мозаичная картина действительности, передаваемая в каждом конкретном случае через субъективную реальность того или иного героя.

Структура и содержание книги

Книга состоит из следующих восьми частей:

Первый раздел «Межгосударственные и неправительственные медиаторы» объединяет двух авторов: независимого эксперта Наталью Мириманову и сотрудницу Центра гуманитарных программ в Абхазии Лиану Кварчелия. Оба автора анализируют отличия в подходах официальной и неофициальной дипломатии, в принципах работы правительственных, межправительственных и неправительственных медиаторов, стараются показать разницу, потенциал влияния, результаты, достигнутые или не достигнутые ими на сегодняшний день.

Второй раздел «Политика и медиация» объединяет трех авторов: сотрудника британской неправительственной организации «Ресурсы примирения» Джонатана Коэна и представителей гражданских обществ: абхазского – журналистку Манану Гургулия и грузинского – политолога Паату Закареишвили. Авторы описывают один из немногих процессов неофициальной дипломатии, в рамках которого в течение десяти лет работали над трансформацией конфликта абхазские и грузинские должностные лица, политики и активисты гражданского общества. В этом разделе описан интересный, сложный, нужный, но в то же самое время заключающий в себе целый ряд «реал-политических» препятствий процесс.

Третий раздел «Постоянно действующая конференция как медиация» также объединяет трех авторов: представительницу Калифорнийского университета (Ирвайн) американку Полу Гарб, в течение ряда лет фасилитирующую грузино-абхазский неофициальный диалог, грузинского психолога Нодара Сарджвеладзе и абхазского психолога Арду Инал-Ипа. Авторы пишут о долгосрочном диалоге между представителями абхазского и грузинского гражданских обществ, который принял с течением времени форму постоянно действующей научно-практической конференции. Авторы анализируют специфику, результаты, смысл процесса, его сильные и слабые стороны, делятся своим опытом, надеждами и разочарованиями.

Четвертый раздел «Развитие гражданского общества и медиация» вновь объединяет трех авторов: Геворг Тер-Габриелян пишет о своем опыте медиации мультилатерального миротворческого процесса с участием представителей почти всех регионов Южного и Северного Кавказа, который он фасилитировал в 1994-2004 годах будучи директором евразийского отдела International Alert. Свое видение процесса также предлагают участники проекта – журналисты Жанна Крикорова из Нагорного Карабаха и Алан Парастаев из Южной Осетии. Авторы описывают опыт трансформации грузино-абхазского проекта, направленного на построение доверия, в общекавказскую миротворческую сеть – Кавказский форум. Они анализируют формы работы форума, сильные и слабые стороны межрегионального сотрудничества, динамику

развития гражданской миротворческой сети, факторы, способствующие и мешающие мультилатеральному сотрудничеству.

Пятый раздел «Экономика и медиация» посвящен описанию проекта International Alert, направленного на активизацию бизнес-сотрудничества представителей всех южно-кавказских регионов. Команда соавторов здесь, как и в предыдущих главах, включает западных фасилитаторов – Диану Клейн и Оскари Пентикейнена, фасилитаторов описываемого проекта от International Alert, а также местного партнера из Армении Агавни Караханяна. Авторы анализируют динамику развития Кавказской сети бизнеса и развития, способствующей региональному экономическому сотрудничеству и диалогу между деловыми сообществами, извлеченные из этого сотрудничества уроки, факторы успеха, достигнутые на сегодня результаты, перспективы на будущее и т.д.

Шестой раздел «Медиа и медиация» посвящен описанию опыта совместной работы представителей южно-кавказских СМИ в рамках проекта «Института по освещению войны и мира» (IWPR), направленного на диалог, сотрудничество и повышение уровня профессионализма в кавказском медиа-пространстве. И здесь соавторы представляют смешанную команду. Взгляд западного медиатора представлен английским журналистом и писателем Томасом де Ваалом, который в период осуществления описываемого процесса руководил работой на Кавказе. Армянская журналистка Карине Оганян и азербайджанский журналист Шахин Рзаев делятся своим опытом участия в данном процессе, описывая реакцию на него своих сограждан, пользу, которую подобные инициативы могут приносить в деле разрешения/трансформации конфликта, общественные настроения, которые препятствуют подобным процессам, извлеченные уроки, позволяющие продолжать подобные инициативы.

Начиная с седьмого раздела книги соавторами являются партнеры на местах, и здесь уже не представлены взгляды западных фасилитаторов. Дело в том, что указанные здесь инициативы проходили в рамках «Кавказского форума» Алерт, описание которого приведено в четвертом разделе.

Седьмой раздел «Гендер и медиация» описывает функционирование женской миротворческой сети «Лига женщин Кавказа», фасилитируемой Алерт в начале двухтысячных. Авторами здесь являются один из лидеров абхазского гражданского общества Нателла Акаба и грузинская гражданская активистка Марина Пагава. Соавторы анализируют опыт работы женской миротворческой сети, динамику ее развития, сильные и слабые стороны, факторы, влияющие на ее жизнеспособность, опыт работы с политиками над вопросом безопасности сторон и ее результаты.

Восьмой раздел «Медиация через культурное и научное сотрудничество» посвящен описанию гражданских миротворческих инициатив, где инициаторами идей являются партнеры на местах. Один из авторов – Георгий Анчабадзе, который начал свою

работу по разрешению конфликта задолго до первого вооруженного столкновения между грузинской и абхазской сторонами. Он не прекращает свою деятельность и по сей день, являясь, таким образом, медиатором между грузинским обществом, в котором он проживает, и абхазским, где он в течение ряда последних лет преподаёт современную историю в университете. Георгий Анчабадзе анализирует опыт сотрудничества представителей академических кругов в деле разрешения конфликта, а также возможности изложения истории в приемлемой для конфликтующих сторон форме.

Книга завершается последними двумя разделами, где описан опыт сотрудничества писателей Южного Кавказа в деле создания книги о войне «Время жить», объединяющей представителей пяти литератур Южного Кавказа и несущей в мир мирный мессидж. Это такой проект, где грузинский и абхазский писатели Батал Кобахия и Гурам Одишария выступают в роли медиаторов как между своими обществами, так и между другими конфликтующими сторонами на Южном Кавказе. Они, как инициаторы и координаторы данного процесса, описывают его с присущей им легкостью стиля и элегантностью, простым языком, что отнюдь не умаляет прикладную ценность данной части книги – она напрямую передает авторский опыт гражданской дипломатии, что может послужить полезным информационным ресурсом для деятелей культуры, имеющих добрую волю к примирению.

Некоторые из процессов, описанных в данной книге, были давно прекращены в результате либо преобразования их в новые процессы, либо прекращения финансирования, либо перехода их участников в другие области деятельности. Поэтому некоторые из этих процессов отображены с определенного временного расстояния и представляют собой ретроспективный взгляд. Другие процессы, несмотря на возникающие на их пути препятствия, все еще продолжаются. Ни один из них не может служить в качестве кальки для будущих инициатив или аналогичных инициатив в контексте других конфликтов, поскольку каждый из них зависит от времени, места, участников и политики в данный конкретный момент. Однако мы надеемся, что данная книга вдохновит читателей на поиск новых решений старых «миротворческих ребусов».

Редакторы: Батал Кобахия, Джана Джавахишвили, Лариса Сотиева, Джулиет Скоффилд.

Глоссарий¹

Гражданская дипломатия

(или Народная дипломатия) заключается в неофициальных контактах между лицами различных национальностей – в отличие от официальных контактов между официальными государственными представителями. Гражданская дипломатия включает обмен людьми (например, обмен студентами), межнациональную, религиозную, научную и культурную деятельность, а также неофициальные диалоги, обсуждения или переговоры между жителями противостоящих сторон.

Трансформация конфликта

Изменение (обычно улучшение) характера конфликта; снижение эскалации конфликта или примирение между отдельными лицами или группами. В отличие от принципа разрешения конфликтов, часто ориентированного на краткосрочный подход, который может оказаться неустойчивым в долгосрочной перспективе, или от принципа управления конфликтом, который предполагает, что людьми или их взаимоотношениями можно управлять так, как если бы они были физическими объектами, концепция трансформации конфликтов отображает представление о том, что конфликты продолжают существовать в течение длительного периода времени, изменяют природу взаимоотношений их участников и сами меняются по мере изменения со временем реакции людей на ситуацию.

Диалог

Диалог представляет собой ничем не обусловленный разговор между конфликтующими сторонами (фасилитируемый или модерируемый третьей стороной), направленный на развитие взаимного узнавания, понимания, сопереживания и доверия. В отличие от медиации цель диалога обычно заключается просто в улучшении межличностного понимания и доверия. Диалог – это не просто формальные встречи, это продолжительный процесс, который приводит к возникновению взаимоотношений между различными группами по некоторым общим вопросам, создает доверие и способствует ощущению местной инициативы. Диалог является инструментом, который может быть использован в гражданской дипломатии, медиации и при трансформации конфликтов.

Фасилитация

Фасилитация осуществляется третьей стороной, которая помогает проведению встреч для достижения консенсуса. Фасилитатор обычно помогает сторонам установить основные правила и повестки дня, добивается их исполнения, помогает участникам оставаться в выбранном русле и продвигаться в сторону их общих целей. Эта работа аналогична работе медиатора, однако фасилитатор обычно играет менее активную роль в обсуждениях и зачастую не считает целью своей работы «урегулирование», что может являться целью для медиатора.

¹ Данный глоссарий заимствован из глоссария Консорциума по исследованию конфликтов (CRH) – Колорадский университет (США), доступного по адресу <http://www.beyondintractability.org/library/glossary> за исключением определений терминов «Мир» и «Миротворчество», которые позаимствованы из концепции программы International Alert, доступной по адресу <http://www.international-alert.org/resources/programming-framework-2010>.

Медиация

Медиация представляет собой коммуникацию между представителями конфликтующих сторон (с помощью третьей стороны или инициированную третьей стороной и осуществляемую под ее руководством) с целью организации прямого диалога, обсуждения вопросов, достижения соглашения и совместного принятия решений. Цель медиации обычно заключается в достижении разрешения или урегулирования спора. «Внутренний» медиатор – это представитель одной из конфликтующих сторон, а не третьей стороны, который осуществляет медиацию внутри собственного общества.

Мир

Мир – это не просто отсутствие насилия. Мир – это когда люди воспринимают конфликты и управляют ими без насилия, когда они участвуют во всесторонних процессах социальных изменений, направленных на улучшение качества жизни. Они занимаются этим, не ставя под угрозу возможность заниматься этим процессом и в будущем или возможность других людей заниматься тем же процессом. В этом заключается идея взаимозависимого позитивного мира.

Миротворчество

Миротворчество представляет собой набор процессов, целью которых является достижение и поддержание мира. Это означает деятельность и вмешательства, предназначенные для оказания влияния на события, процессы и участников с целью получения новых результатов, позволяющих достичь и/или поддержать условия мирного сосуществования.

I

**Медиация в официальных и
гражданских процессах**

ГЛАВА 1

Медиация и диалог: официальное и неофициальное направления

Наталья Мириманова

Общий обзор¹

Медиация (посредничество) и диалог являются наиболее принятыми и разработанными стратегиями в разрешении конфликтов. Основанные на том принципе, что стороны конфликта должны разрешить конфликт сами при процедурной помощи нейтральной и непредвзятой третьей стороны, медиация и диалог видятся как справедливый, гуманный, малозатратный и демократичный способ разрешения конфликтов – в отличие от суда или военного вмешательства третьей стороны. Однако медиация и диалог не могут быть ограничены стенами башни из слоновой кости, а происходят в контексте реальной жизни, характеризующемся насилием, недоверием, политическим оппортунизмом, жадной мести и системной несправедливостью.

В данной статье исследуются подходы и форматы медиации и диалога, а также приемлемость и эффективность этих стратегий в контексте затяжных насильственных конфликтов, в особенности конфликтов на Южном Кавказе. Обозначены сходства и различия между медиацией и диалогом на официальном и неофициальном уровнях. Обсуждаются преимущества и недостатки, присущие неофициальной медиации и диалогу, и предлагаются новые творческие стратегии для того, чтобы вырваться из петли разговоров ради разговоров. Приводятся примеры инновационных форматов неофициального диалога из конфликтных регионов Южного Кавказа.

ЕС может играть важную роль в миротворчестве в отдельных конфликтах на Южном Кавказе, а также способствовать региональной стабильности и безопасности. Медиацию и диалог необходимо включить в палитру стратегий трансформации конфликтов ЕС. В ЕС и в программах и миссиях в зонах конфликтов в пределах Европейского соседства (включая Южный Кавказ) нужно развивать более тонкое понимание этих процессов, а также взаимовлияния медиации и диалога с факторами конфликтного контекста. Настоящая статья написана для этой цели. Ниже приведены рекомендации ЕС, как донору и политическому посреднику в конфликтах на Южном Кавказе, и европейским неправительственным организациям (НПО), которые осуществляют проекты неофициальной медиации и диалога в регионе:

1. ЕС должен поддерживать диалог и медиацию не только по основным вопросам конфликта, но и в тех случаях, когда диалог по ключевым содержательным противоречиям невозможен или неэффективен. ЕС должен уделять больше внимания медиации и диалогу по вопросам второго порядка или сопутствующим проблемам, или по проблемам наднациональным, регионального масштаба, таким как экологические угрозы, траффикинг людей и наркотиков, трудовая миграция и другие.

¹ Эта статья была впервые опубликована в рамках проекта Инициатива по миростроительству (IfP) при финансовой поддержке Европейского Союза. См. Наталья Мириманова. *Медиация и Диалог: официальные и неофициальные направления*. Инициатива по миростроительству и International Alert. Январь 2009 г. Доступно на http://www.initiativeforpeacebuilding.eu/pdf/Mediation_and_Dialogue_Official_and_Unofficial_Strands.pdf (319 Kb PDF).

2. Донорам ЕС необходимо выработать гибкость финансирования диалога и медиации, возможности для которых открылись неожиданно. Правильный выбор момента и способность реагировать на потребность в «гибкой геометрии» в условиях меняющегося контекста конфликта очень важны для усиления значения и влияния диалога и медиации. Проекты диалога должны осуществляться не тогда, когда поступает финансирование, а когда они наиболее соответствуют моменту. В дополнение к финансированию долгосрочных постоянных проектов диалога необходимо создать фонд для спонсирования вновь возникающих возможностей неофициального диалога.
3. Доноры ЕС и политические институты должны внести поправки в систему своей оценки проектов неофициальной медиации и диалога. Для того чтобы выявить влияние и значение долгосрочных процессов, направленных на изменение установок людей, необходимо применять стратегию оценки, в которой процесс является центральным.
4. Рекомендуется развивать более тесную связь между диалогом и медиацией, осуществляемыми официальными властями ЕС и отдельных государств и европейскими НПО, чтобы компенсировать недостатки официальной медиации преимуществами неофициальных каналов диалога и наоборот.
5. Необходимо разрабатывать и воплощать в жизнь специальные программы на стыке медиации/диалога и развития гражданского общества, средств массовой информации и добросовестного управления.
6. Необходимо поддерживать и институционализировать диалог и медиацию между сторонами конфликтов на периферии обществ и на уровне низовых организаций и местных властей. Позитивный опыт решения насущных социальных и экономических проблем через диалог с соседями на противоположной стороне может способствовать созданию модели стратегии разрешения конфликтов и мер по построению доверия для общества в целом.
7. Необходимо разрабатывать новые форматы, которые позволяют преодолеть недостатки неофициального диалога: например, проекты диалога посредством средств массовой информации заслуживают большего внимания, потому что они обеспечивают значительный общественный резонанс.
8. По мере возможности неофициальный диалог и медиация должны быть увязаны с практическими проектами, приносящими ощутимые дивиденды миротворчества (рабочие места, улучшение экологической обстановки, безопасные источники воды и энергии), которые способствуют дальнейшим изменениям установок на личностном уровне и улучшению человеческих отношений между участниками диалога. Такие проекты вовлекают их в качестве лидеров социальных перемен, независимо от масштаба и общественной известности проектов.

1. Введение

Медиация и диалог – это особые виды стратегии вмешательства в конфликт. Они основаны на принципе разрешения конфликта через управляемую коммуникацию, общение между сторонами конфликта. Эти стратегии служат разным задачам и работают по особым правилам. Медиация – это коммуникация между представителями сторон конфликта при помощи, по инициативе или под руководством третьей стороны для того, чтобы стороны могли разговаривать друг с другом напрямую, обсуждать проблемы, достигать соглашения и вместе принимать решения. Диалог – это коммуникация между сторонами конфликта, которая не предусматривает достижение соглашения или принятие решений. Процедурному ведению диалога помогают ведущие или модераторы третьей стороны для того, чтобы между сторонами появилось взаимное признание, понимание, сочувствие и доверие. «В отличие от медиации, целью которой обычно является достижение решения или урегулирование конфликта, целью диалога обычно является просто улучшение понимания людьми друг друга и повышение уровня доверия», – считают в Консорциуме по изучению конфликтов.² Это, однако, не означает, что диалог – это легковесная процедура по сравнению с медиацией. Практики, которым довелось работать на Балканах, на Южном Кавказе и в других зонах конфликтов, вероятно, не согласятся, что «просто улучшить» взаимоотношения и построить доверие – это простая задача. Неформальная беседа, обсуждение или спор между участниками сторон конфликта не является диалогом. Чтобы диалог состоялся, общение между сторонами должно происходить по определенным правилам, быть организовано так, чтобы участники могли услышать друг друга, признать существование истории конфликта с точки зрения другой стороны, выражать сочувствие друг другу и критически переоценивать позицию и поведение собственной стороны – словом, преодолевать ситуацию обмена ударами, когда стороны пытаются победить противника или обратить его в свою веру. Диалог – это такой метод коммуникации, когда стороны конфликта создают новое общее коммуникативное пространство. Коммуникационные процессы в медиации и диалоге очень похожи. Разница заключается в том, что в общем смысле диалог ориентирован, в основном, на процесс, тогда как медиация – на результат. Однако эта разница становится размытой, в особенности на неофициальном уровне. И диалог может быть нацелен на результат, если у сторон есть цели более высокого порядка, чем цели в конфликте (например, необходимость договора об обмене пленными), что требует достижения соглашения по конкретным вопросам, которое невозможно без построения доверия и развития сочувствия между оппонентами.

Конфликты, о которых пойдет речь в данной статье, относятся к категории затяжных социальных конфликтов³, или конфликтов с глубокими корнями⁴, которые характеризуются насилием различной интенсивности и продолжительности. Эти конфликты невозможно

2 'Glossary', Conflict Research Consortium (CRH) – University of Colorado, US.

3 E.E. Azar (1983). 'The theory of protracted social conflict and the challenge of transforming conflict situations', *World Affairs, Monograph Series*, Vol. 20, стр. 81–99

4 J. Burton (1987). *Resolving deep-rooted conflict: A handbook*. Lanham, Maryland: University Press of America.

разрешить в процессе переговоров, потому что в их основе – базовые человеческие потребности, такие как потребность в идентичности, безопасности, общественном участии и развитии, которые не могут быть предметом торга. Сдерживание воюющих сторон может привести к прекращению насилия в краткосрочной перспективе, но не обеспечит устойчивого мира без того, чтобы обратить внимание на институты и установки, которые вызвали и усугубили конфликт, и провести необходимые перемены.

Медиация и диалог являются необходимыми стратегиями разрешения и трансформации конфликтов, но сами по себе не приведут к построению мира. Необходимо интегрировать их в более масштабный процесс трансформации общественных и политических институтов и структур власти, борьбы с бедностью и разоружения. Включение медиации и диалога в программы вмешательства в конфликт, которые охватывают многие проблемы и используют различные стратегии, является инновационным и многообещающим подходом к миротворчеству.

2. Модель многоканальной дипломатии

Изначально термины «колея I» и «колея II» были предложены для того, чтобы различать правительственную и неправительственную дипломатии⁵ и чтобы отметить, что медиация и диалог должны происходить на различных общественных уровнях, и что элиты не обладают монополией на заключение мира. Модель Макдоналда-Даймонд развила существовавшую модель до девяти каналов или колея дипломатии между бизнесом, учеными, духовенством и другими категориями общества.⁶ Модель Макдоналда-Даймонд расширила исходную дихотомию. «Колея I» была сохранена как колея дипломатии на высшем уровне власти, тогда как «колея II» была диверсифицирована до восьми колея. Девять колея дипломатии между бизнесом, учеными, духовенством и другими категориями общества демонстрируют богатый потенциал неофициальной дипломатии (Рис. 1).

5 J.V. Montville (1987). 'The arrow and the olive branch: The case for track-two diplomacy' in W.S. Thompson and K.M. Jensen (Eds.) (1987). *Conflict resolution: Track two diplomacy*. Washington DC, US: Foreign Service Institute, US Department of State. стр. 253–269.

6 J. McDonald and L. Diamond (1996). *Multi-track diplomacy: A systemic approach to peace*. Virginia, US: Kumarian Press.

Рисунок 1: Модель многоканальной дипломатии⁷

«Коллея I» остается основным каналом политических переговоров, тогда как остальные восемь представляют собой, в сущности, расширенную и многообразную «коллею II». Это не предполагает, что неправительственные акторы исключены из процессов и деятельности на высшем уровне. Представители гражданского общества принимали участие в официальных переговорах в некоторых конфликтах⁸, тогда как представители власти могут участвовать в диалоге на неправительственном уровне. Медиация на официальном уровне имеет как видимую, так и невидимую части. Невидимая часть обычно включает закулисную челночную дипломатию, секретные переговоры между лидерами или представителями кругов, в которых принимаются решения. Мирный процесс Осло и многочисленные раунды секретных переговоров по Северной Ирландии являются примерами «неофициальной официальной» дипломатии.

3. Медиация и диалог на официальном и неофициальном уровнях: составление карты

Официальные медиация и диалог происходят между теми, кто принимает решения на высшем уровне или их делегатами. Это могут быть *de jure* лидеры признанных образований,

⁷ Доступно на сайте Института Многоуровневой Дипломатии на <http://www.imtd.org/at-a-glance/mission/working-methods/what-is-multi-track-diplomacy>.

⁸ C. Barnes (Ed.) (2002). 'Owning the process: Public participation in peacemaking', *Accord*, No. 13. Доступно на <http://www.c-r.org/accord/participation>.

таких как государства и правительства, или *de facto* лидеры, представляющие группы, такие как вооруженные повстанцы или самопровозглашенные государства, которые не признают законы и власть государства и/или правительства, с которым они находятся в состоянии конфликта, или которые не признаются последними.

Неофициальные медиация и диалог имеют много названий, таких как «частная дипломатия»⁹, «общественный мирный процесс»¹⁰, «мастерские по решению проблем»¹¹ и «трансформационная медиация»¹². Этими терминами «обозначаются различные неформальные, неофициальные формы взаимодействия между представителями сторон-противников, которые предпринимают попытки повлиять на общественное мнение, разработать стратегии или мобилизовать ресурсы для разрешения конфликта», – замечает Рональд Фишер.¹³ В действительности процессы интерактивного разрешения конфликтов превратились в гибридные процессы, в которых одинаково важны взаимоотношения и получение результата¹⁴. Эта тенденция отчасти объясняется разочарованием от разговоров ради разговоров¹⁵, которые зачастую не приводят к ощутимым переменам в ситуациях затяжных конфликтов. Появление стратегий на пересечении трансформации конфликтов и сфер развития, прав человека и средств массовой информации открывает новые горизонты для диалога между сторонами конфликтов и построения доверия. Такие проекты могут привести к ощутимым результатам, таким как обмен военнопленными, помощь беженцам, экономические инициативы, фильмы и публикации. Это междисциплинарные инициативы, которые соединяют диалог с практическими результатами в трансформации конфликтов. Диалог в рамках этих инициатив разворачивается на разных уровнях – между теми, кто вовлечен в эти инициативы и их соответствующими целевыми группами, и между более широкими сообществами по обе стороны конфликта – и таким образом становится и средством достижения результата, и результатом.

Растущую популярность слияния диалога с другими миротворческими проектами можно объяснить давлением со стороны сообщества доноров, которым необходимо получить доказательства продуктивности диалога как деятельности, которую стоит финансировать (иными словами, как вида деятельности, в результате которой появляется доверие, понимание, эмпатия и, в конечном итоге, устанавливается мир).

9 Термин используется Инициативой Управления Кризисом (CMI). Подробности на www.cmi.fi

10 H.H. Saunders (1999). *A public peace process: Sustained dialogue to transform racial and ethnic conflicts*. New York, US: St. Martin's Press.

11 H.C. Kelman (1972). 'The problem-solving workshop in conflict resolution' in R.L. Merritt (Ed.) (1972). *Communication in international politics*. Urbana, US: University of Illinois Press. стр. 168–204.

12 Conflict Research Consortium, University of Colorado, USA.

13 R.J. Fisher (1997). *Interactive conflict resolution*. New York, US: Syracuse University Press., стр. 9.

14 Этот процесс нацелен как на получение продукта, так и на легитимизацию диалога как ценной, эффективной и результативной стратегии трансформации конфликтов. Поэтому диалог на неофициальном уровне все чаще рассматривается как проект, а не как процесс с неизвестной конечной точкой. Доверие, понимание, эмпатия, которые пестовались в классической версии диалога, стали казаться и участникам диалога, и спонсорам слишком эфемерными продуктами.

15 Такие встречи также известны под названием «хумусных встреч» – единичных, не подчиненных единому плану встреч между палестинцами и израильянами, которые не приводили ни к каким результатам, но в процессе опустошалось множество блюд с хумусом.

Диалог может быть творчески модифицирован с тем, чтобы заменить общение лицом к лицу посредством слов общением через искусство (фильмы, фотографии, песни, спектакли и так далее). Проект «*Диалог через фильм*» является ярким примером необычного, но искреннего диалога между армянами и азербайджанцами (см. пример 1). Кавказская сеть бизнеса и развития (КСБР) (см. пример 2) является примером диалога через бизнес. Например, сыроделы с противоположных сторон конфликта пришли к согласию по поводу новой марки сыра и выпустили этот новый коммерческий продукт. В другом случае фермеры, выработав совместную стратегию борьбы с насекомым-вредителем по обе стороны реки Ингури¹⁶, вовлечены в диалог, который принес конкретные дивиденды.

Пример 1: Проект *Диалог через фильм*

Проект «*Диалог через фильм*» начался в 2006 г. как совместный проект «Ресурсов Примирения» (Лондон) и Интерьюс-Армения, Интерьюс-Азербайджан и Степанакертского пресс-клуба. Этот проект нацелен на наведение мостов между молодежью, преимущественно журналистами из армянского населения Нагорного Карабаха, и их азербайджанскими ровесниками, включая беженцев из Нагорного Карабаха, путем непосредственного общения. Они делают короткие документальные фильмы, которые становятся способом обмена идеями и эмоциями по поводу войны и послевоенной жизни их обществ. Отобранные участники получают интенсивный тренинг по трансформации конфликтов и производству фильмов, и отправляются назад в свои сообщества для поиска человеческих историй, которые стали бы посланием противоположной стороне.

Пример 2: Кавказская сеть бизнеса и развития

Кавказская сеть бизнеса и развития (КСБР) является примером диалога между сторонами конфликтов на Южном Кавказе. Этот диалог происходит в региональном формате и осуществляется посредством экономических инициатив. КСБР была основана как группа людей со всех сторон конфликтов в регионе, у которых было видение экономически интегрированного Южного Кавказа. Осознание взаимозависимости людей и экономик, и неестественность существования непроницаемых границ на Южном Кавказе мотивировали их на претворение в жизнь проектов, которые одновременно были направлены на структурные перемены и на изменение общественного сознания. К числу инициатив, направленных на структурные перемены, относятся выработка предложений по временным правилам торговли и бизнеса между сторонами конфликтов, создание новой торговой марки «Кавказского сыра» как воплощения интегрированного Южного Кавказа, внедрение схемы аренды фермерского оборудования и производства меда и сока по обе стороны конфликтов.

¹⁶ Река Ингури является физической границей, разделяющей Абхазию и Грузию.

Деятельность по изменению общественного сознания включает в себя Южнокавказский фестиваль чая и другие публичные акции, а также политическое лоббирование. КСБР с самого начала своего существования стала включать регулярные исследования в арсенал действий. Географически КСБР покрывает Армению, Азербайджан, Грузию и Турцию и охватывает Абхазию, Южную Осетию и Нагорно-Карабах.

Часто официальный диалог и медиация совмещаются с тренингом по разрешению конфликтов. В таких тренингах представители сторон конфликта вместе практикуются в медиации и диалоге в ролевых играх реальных или выдуманных сценариев конфликта – но, как правило, не собственного – или отработывают навыки медиации и диалога в упражнениях на тему реальных проблем из контекста собственного конфликта. Такой подход обычно применяют, когда ситуация изменчива, когда у участников нет предыдущего опыта медиации или диалога со стороной противника, или когда прямой разговор или другие виды совместной работы членов противоборствующих сторон на неофициальном уровне не приветствуются или запрещаются властями. Тренинг-диалог может быть полезной точкой начала более масштабных инициатив, которые претворялись бы в жизнь участниками тренинга, получившими навыки достижения соглашений со стороной противника по сложным вопросам различного масштаба.

В следующем разделе обсуждаются в подробностях два кластера медиации и диалога, их сильные и слабые стороны и сочетаемость.

Официальный и неофициальный процессы медиации и диалога различаются не только тем, что происходят на разных уровнях общества. Есть и другие принципиальные различия, которые разделяют эти процессы. Важно понимать эти различия и планировать вмешательства в конфликт методами медиации и диалога соответственно. Неоправданно высокие ожидания или непродуманная последовательность процессов и неправильно расставленные акценты тают в себе опасность, потому что способны обесценить медиацию и диалог как миротворческие стратегии в глазах сторон конфликта и даже усугубить ситуацию.

В следующей главе мы подробно опишем сферу интерактивного разрешения конфликтов, в которой медиация и диалог являются стратегиями, и выделим различия и сходство между официальными и неофициальными процессами.

4. Различия между официальной и неофициальной медиацией

Результаты и временные рамки

От официальной медиации ожидают принятия решений о прекращении вооруженной борьбы или промежуточных либо окончательного решений конфликта. От неофициальной

медиации и диалога, как правило, не ожидают, что в результате прекратится насилие или будут выработаны решения по основным противоречиям конфликта. Эти процессы прежде всего направлены на личностные перемены самих участников, что, в свою очередь, должно привести к гуманизации отношений между членами сторон конфликта, построению доверия и мотивации задумывать и осуществлять миротворческие инициативы.

Участники

Участниками официальной медиации являются официальные лидеры своих народов или сообществ, которые обладают политической властью изменять ход конфликта. Участниками неофициальной медиации и диалога могут быть лидеры гражданского общества, студенты, предприниматели, журналисты, бывшие участники боевых действий и т.д. Чиновники и политики также могут принимать участие в неофициальном диалоге и медиации, но лишь в качестве лидеров общественного мнения или экспертов, или когда решаются побочные проблемы в конфликте, такие как проблемы местных сообществ (экологические угрозы, эпидемии, распределение водных ресурсов, приграничная торговля и т.д.).

Юридическая обязательность выполнения соглашения

Соглашения, достигнутые в промежуточных раундах медиации на официальном уровне (в том числе и секретные переговоры, и челночная дипломатия) и медиации на неофициальном уровне, могут нарушаться. Нарушения и пересмотр промежуточных соглашений, в том числе и в одностороннем порядке, случаются довольно часто. Медиация позволяет сторонам конфликта прийти к соглашению, приемлемому для всех или, по крайней мере, не отвергаемому ни одной из сторон. Это позволяет исследовать различные варианты решений за пределами предписываемых национальным или международным законодательством, а также создать прецедент инновационных политических и экономических моделей и моделей безопасности. В этом преимущество медиации и диалога в сравнении с судом или навязыванием решения силой. С другой стороны, неофициальная медиация и диалог, и закулисная официальная медиация могут, в силу отсутствия юридических механизмов выполнения соглашения, обмануть ожидания. Нарушение окончательного соглашения одной или всеми сторонами может привести к санкциям со стороны международного сообщества. Однако угроза санкций – не единственный фактор, который заставляет стороны соблюдать соглашение. Ответственность лидеров сторон конфликта соблюдать соглашение может объясняться моральными или прагматическими мотивами: высшее руководство может быть привержено достижению мира или может усматривать больше преимуществ, чем потерь в том, чтобы пройти дорогу к миру до конца. Неофициальный диалог с участием представителей гражданского общества и других негосударственных акторов является в таком случае важным синергистом для официальной медиации, поскольку он легитимирует официальный мирный процесс, не дает ему сорваться и обеспечивает укоренение официального соглашения в обществе¹⁷.

17 J.P. Lederach (1997). *Building peace: Sustainable reconciliation in divided societies*. Washington DC: US Institute of Peace Press.

Неофициальная медиация не имеет механизмов принуждения к выполнению соглашения, кроме приверженности участников следовать принятому соглашению и их решимости пропагандировать достижения медиации и диалога в своих обществах и перед своими властями.

Живучесть

Процесс неофициального диалога может пережить различные стадии конфликта, чтобы держать каналы коммуникации открытыми и продолжать проводить меры по укреплению доверия, что жизненно необходимо в ситуации затяжного конфликта, когда уровень насилия меняется. Официальный процесс медиации зачастую срывается, как только начинается насилие, и возобновляется лишь после его стихания, чем пользуются противники мирного процесса и подрывают его вспышками насилия. На стадии «замороженного» конфликта, которая характеризуется либо отсутствием официальных переговоров, либо их пробуксовкой, но в целом их крайней непредсказуемостью, неофициальный диалог и медиация, в которых генерируются новаторские рамки для решения основных противоречий конфликта и устранения последствий насилия, могут стимулировать возобновление официальных переговоров при «сохранении лица» и с целью достижения необходимого всем прогресса. В то же время неофициальный диалог может быть полезен для пробуждения общественного сознания и общественной поддержки мирных переговоров внутри обществ по разные стороны конфликта, что может повлиять на решение руководства интенсифицировать мирный процесс.

Беспристрастность и нейтралитет

Официальная и неофициальная медиация отличаются по степени важности следования третьей стороной принципам беспристрастности и нейтралитета. Когда роль посредников в официальных переговорах играют действующие государственные лидеры, медиацию в угоду политическим интересам третьей стороны часто путают с профессиональной медиацией. Это не означает, однако, что медиация с позиции силы, когда третья сторона оказывает давление на одну или более сторон конфликта, сулит им выгоду в случае достижения соглашения или предлагает и лоббирует определенное соглашение, недопустима: «... мир войны и политики терпим и даже требует спектра ролей в медиации, которые выходят за рамки традиционно понимаемой практики медиации из-за экстремальных человеческих и политических последствий продолжающегося вооруженного конфликта»¹⁸.

Политически мотивированная официальная медиация может быть действительно очень эффективна для прекращения огня, разведения сторон и предотвращения возобновления войны, и даже для достижения окончательного соглашения о разрешении конфликта.

18 H. Slim (2007). *A guide to mediation: Enabling peace processes in violent conflicts*. Geneva, Switzerland: Centre for Humanitarian Dialogue. Доступно на <http://www.hdcentre.org/publications/guide-mediation-enabling-peace-processes-violent-conflicts>.

Однако когда основной принцип беспристрастности (не становиться ни на чью сторону) и нейтралитета (отсутствие заинтересованности в определенном решении) не соблюдаются, что часто бывает в подобных усилиях по медиации, это может поставить под удар устойчивость и общественное одобрение промежуточного или окончательного решения.

Российская Федерация являла собой один из таких примеров, когда заявляла о своей посреднической роли в грузино-абхазском и грузино-югоосетинском конфликтах и при этом обеспечивала политическую, гуманитарную и экономическую поддержку Абхазии и Южной Осетии. Грузия не доверяла такому процессу, искала сильного патрона для уравновешивания динамики сил и сфокусировала внимание на военных методах решения этих конфликтов. США также неоднократно отличились предвзятостью посреднических усилий, например, в ситуациях кризиса в Боснии и Косово¹⁹. Дейтонские мирные соглашения были достигнуты вовремя, и благодаря этому удалось остановить жестокую войну, но эти соглашения не помогли построить функционирующее многонациональное государство и, в конечном итоге, привели к усугублению обид во всех сообществах Боснии. Узаконенное отделение Косово в обмен на перспективу присоединения Сербии к ЕС привело к расколу в сербском обществе, а присутствие международных институтов в секторе безопасности и в управлении Косово воспринимается косовскими албанцами как ущемление их суверенитета. В результате ситуация в регионе не продвинулась вперед.

В некоторых случаях для преодоления пристрастности формируются многосторонние третьи стороны. Посредническая роль Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Нагорно-Карабахском конфликте является одним из таких примеров. В других случаях, когда Джордж Митчелл играл роль посредника в Северной Ирландии, а Джимми Картер – в нескольких конфликтах в Африке, стороны конфликтов выбирали посредника, который не являлся действующим политиком. Посредник может быть назначен Советом Безопасности ООН или эту роль может играть Генеральный секретарь ООН, как было в случае Восточного Тимора в сентябре 1999 года. Официальная дипломатия этого типа больше профессиональная, чем политически мотивированная. Однако у этого типа посредничества есть серьезный недостаток в смысле рычага воздействия (давления или ресурсов) для обеспечения неуклонного прогресса медиации в направлении мирного соглашения. Но преимуществом является то, что нейтральный и беспристрастный посредник, который принимается всеми сторонами, может работать над улучшением отношений и доверия, которые цементируют поэтапный прогресс в переговорах.

Неофициальная медиация и диалог подчиняются профессиональным принципам нейтралитета и беспристрастности. Ведущие и посредники, работающие в рамках «колеи II», которые не связаны своей формальной ролью или статусом, обладают большим маневром для вовлечения различных сторон конфликта в диалог, что, в свою очередь,

19 P. Wallensteen (2002). *Understanding conflict resolution: War, peace and the global security*. London, UK and New Delhi, India: SAGE Publications.

делает конкретный процесс диалога более справедливым и объективным. Основным препятствием для полноценного участия европейских государств в трансформации конфликтов, связанных с формированием нового государства,²⁰ является принцип неприкосновенности границ. Эта ситуация возводит стену между европейскими государствами как третьей стороной, вмешивающейся в конфликт (в качестве посредника или донора), и непризнанными политическими территориальными образованиями или *de facto* государствами, такими как Абхазия, Приднестровье и Нагорно-Карабах. Европейским неправительственным организациям удается обойти вопрос признания путем предоставления всем сторонам конфликта возможностей участия в исследованиях, мерах по построению доверия, правозащитных и других проектах по обе стороны конфликта. Крайне важно восприятие местным сообществом беспристрастности и нейтралитета внешней третьей стороны. В этом смысле неправительственные акторы обычно пользуются большим доверием среди местных сообществ.

Недостатки официальной дипломатии нужно компенсировать преимуществами работы в неофициальной коллее, и наоборот.

Принуждение

Во многих случаях официальная медиация навязывается воюющим сторонам. Однако даже если стороны согласны с предложенным процессом медиации, третьей стороне по-прежнему приходится проводить «медиацию с мускулами», когда обоснованные угрозы или реальное применение силы третьей стороной подстегивает одну или все стороны конфликта стать приверженцами мирного развития событий или соглашения. Переговоры, которые привели к Дейтонском соглашению, перемежались с бомбардировками НАТО позиций армии боснийских сербов. Неофициальная медиация и диалог – добровольные процессы. Посредниками в них обычно выступают ученые или практики из международных и иностранных НПО. У них нет ни кнута, ни пряника, чтобы оказывать давление или соблазнять участников остаться в процессе. Преимуществом в этой ситуации является то, что те, кто сделал свой выбор в пользу участия в медиации и диалоге, скорее всего, останутся приверженцами миротворчества.

Традиционные рамки понимания безопасности в официальной дипломатии

Официальная дипломатия происходит в рамках *realpolitik* (реальная политика). Принуждение часто рассматривается как единственно верный способ гарантировать мир и порядок. Побеждает тот, кто сильнее. Слабая сторона либо сдается, либо пытается

²⁰ «Конфликт формирования государства противопоставляет законное правительство регионально базирующейся оппозиции, которая требует радикального изменения статуса определенной территории. Эти требования касаются автономии, федерализма, независимости или присоединения к соседнему государству». См.: P. Wallensteen (2002). Там же, стр. 169.

улучшить свои позиции за счет союза с крупной силой. По этой логике «медиация с мускулами» рассматривается как легитимный и эффективный способ усадить стороны за стол переговоров и заставить их говорить друг с другом. Если у третьей стороны, действующей в стиле «медиации с мускулами», есть предпочтительный вариант решения, то она с большей готовностью подкрепляет выполнение этого решения ресурсами. Так, США имели ясную позицию на протяжении конфликта в Косово и стали основным донором в переходный период и в создании независимого Косово.

В парадигме *realpolitik* государство обладает монополией на использование военной силы. Использование силы часто представляется как легитимный шаг в помощь процессу медиации. Государство является единственным легитимным актором в международном сообществе национальных государств, поэтому равное участие акторов, которые не являются государствами, в официальной медиации проблематично. Дополнительной сложностью в официальной медиации между признанным и непризнанным *de facto* государством или другим негосударственным актором является асимметрия процесса. Внутригосударственные конфликты не имеют четкого решения в рамках международного права из-за столкновения принципа территориальной целостности и права народов на самоопределение. Государства и межгосударственные организации, которые действуют как третья сторона-посредник, обычно отдают предпочтение принципу территориальной целостности. Исключения из этой тенденции вызывают вопросы, возбуждают эмоции, подвергают сомнению беспристрастность в применении международного права, но двусмысленность сохраняется.

Рамки человеческой безопасности в неофициальной медиации и диалоге

Рамки человеческой безопасности открывают новые горизонты неофициальной медиации и диалогу, особенно в случае внутригосударственных конфликтов. При использовании этого подхода, который во главу угла ставит человека, а не государство, представители групп идентичности становятся легитимными сторонами в официальном мирном процессе. В этой парадигме «медиация может и должна помогать выражению легитимных потребностей и интересов всех сторон для достижения справедливых, практически осуществимых и взаимоприемлемых решений».²¹ Не требуется, чтобы их участие называлось «официальным», и участники в неофициальной медиации и диалоге не имеют никакого формального мандата от своих групп идентичности. Они не обязательно говорят от лица своих групп идентичности, но их групповая идентичность говорит в них. Тогда как официальные посредники мучаются над дилеммой – включать или не включать непризнанные и/или *de facto* стороны в переговоры, так как их включение может в явном виде легитимировать их требования, что бросает вызов существующему порядку национальных государств, международные неправительственные организации (МНПО)

21 J.P. Lederach (1995). *Preparing for peace: Conflict transformation across cultures*. New York, US: Syracuse University Press. стр. 14.

и академические институты обходят проблему непризнания, предоставляя всем сторонам возможности участия в процессах интерактивного разрешения конфликтов.

Отношения между сторонами

Отношения между третьей стороной, посредником или ведущим и сторонами конфликта в официальных и неофициальных переговорах и диалоге различаются. В последнем случае это должны быть отношения искреннего уважения и готовности учиться друг у друга. Целью неофициального диалога является трансформация отношений между участниками с тем, чтобы появились возможности для совместных усилий, даже если участники не подвергают сомнению или отказываются от своей позиции по основным вопросам конфликта. Посредник в неофициальном диалоге не критикует и не судит участников, а вдохновляет их размышлять и общаться друг с другом. Участники диалога и медиации, а также их общества присматриваются к тому, насколько искренне третья сторона стремится оказать помощь сторонам конфликта в их переходе на дорогу, ведущую к миру. Когда академическое исследование маскируется под диалог и участники выступают в роли подопытных кроликов, репутация неофициального диалога как основательной миротворческой стратегии может быть подорвана. Официальные посредники обычно более жестко управляют мирным процессом и гораздо менее отзывчивы по отношению к сторонам, потому что им предстоит добиться принятия соглашения за ограниченное время.

5. Возможности для подхода взаимного дополнения

Процесс неофициального диалога в различных сферах общества может предшествовать официальным переговорам, разворачиваться параллельно с ними и продолжаться после того, как переговоры либо сорвутся, либо увенчаются соглашением. В отсутствие процесса неофициального диалога официальная медиация может привести к соглашению, которое приемлемо для лидеров, но не для широкой публики или определенных сильных фракций, которые не были включены в диалог с противоположной стороной, а посему могут сорвать официальный мирный процесс. Легитимность правительства «заключать мир с врагом» коренится в понимании людьми того, что данное соглашение полезно для них, и в готовности людей примириться с противником. В одиночку государственные лидеры не могут указом вызвать политический переход от вооруженного конфликта к его искренней трансформации. Предпочтение лидеров в конфликте определенно имеет значение, но двумя другими факторами, которые определяют этот переход, являются соотношение «электората войны» и «электората мира» в обществе и чувствительность лидеров к общественному мнению²². Убийство Ицхака Рабина²³ было крайним выражением ситуации, когда лидеры были готовы к миру, а «электорат войны» в обществе доминировал над

22 B.D. Mor (1997). 'Peace initiatives and public opinion: The domestic context of conflict resolution', *Journal of Peace Research*, Vol. 34, No.2, стр. 197–215.

23 Один из аргументов противников мирного процесса, инспирировавших кампанию против Рабина, заключался в том, что правительство не имело «мандата на заключение мира».

«электоратом мира». Аналогично образ врага встроился в «национальное сознание» по всему Южному Кавказу. Эти проблемы не исчезнут, если даже мирное соглашение может быть подписано завтра или послезавтра, а их решение необходимо для перемен.

Когда большинство в демократическом обществе предпочитает мир, лидерам-ястребам приходится уступать народу. Однако в демократическом обществе, где само общество отвергает переговоры, уступки и компромисс, лидерам-голубям не удастся заключить мир. Тип государственного строя, качество гражданского общества, степень независимости средств массовой информации и другие структурные характеристики общества в состоянии конфликта непосредственно влияют на эффективность официальной и неофициальной медиации и диалога и на перспективы взаимного дополнения этих двух уровней процесса. Гражданское общество – это основное действующее лицо в неофициальном диалоге, но необходимо помнить, что программы, направленные на развитие гражданского общества, не усиливают его роль и навыки в диалоге и миротворчестве автоматически. Гражданское общество зачастую ложно воспринимают как клуб миролюбивых и умеренных, тогда как оно – это кровь и плоть общества в целом, однако более организованная и политически и социально активная. НПО, средства массовой информации и ученые часто оказываются в авангарде националистических движений, они могут манипулировать и фабриковать исторические доказательства, разжигать ненависть и даже призывать к войне как средству освобождения и восстановления исторической справедливости. Гражданское общество может быть разделено по вопросу использования силы. Соотношение противников и сторонников варьирует, но всегда есть те, кто считают войну приемлемым средством разрешения конфликтов, и те, кто предпочитает исключительно мирные способы. Но, как правило, существует консенсус в отношении причин и способа разрешения конфликта, и тем, кто бросает вызов общественному консенсусу, приходится бороться не только с политической властью, но и с гражданским обществом.

Организации гражданского общества (ОГО), которые призывают к диалогу с «врагом», вынуждены маневрировать между Сциллой конформизма и Харибдой маргинализации: с одной стороны, им нужно сохранить доверие и уважение своих обществ и не потерять влияние на власть, с другой стороны – призывать к диалогу с противоположной стороной. Необходимо претворять в жизнь тщательно скроенные программы на пересечении медиации и диалога и развития гражданского общества, развития средств массовой информации и добросовестного управления, такие как Инициатива Консорциума (пример 3). Например, создание коалиций объединено в этой инициативе с миротворчеством в направлении работы Консорциума с гражданским обществом, а направление развития парламентаризма сочетается с диалогом парламентариев по нагорно-карабахскому конфликту.

Пример 3: Инициатива Консорциума

Инициатива Консорциума возникла в 2003 году. Ее лидерами являются International Alert, Conciliation Resources и LINKS. Инициатива Консорциум содействует многогранному процессу работы над нагорно-карабахским конфликтом. В этот процесс вовлекаются армяне и азербайджанцы из всех слоев общества, включая армянское население Нагорного Карабаха и азербайджанских беженцев. Работа построена так, что каждый член Консорциума отвечает за свое направление. «Ресурсы примирения» занимаются вопросами средств массовой информации и общественного мнения, Алерт концентрируется на работе с гражданским обществом, а также на вопросах чувствительности к конфликту экономических и гуманитарных программ, а LINKS работает на уровне политического диалога.

Представление об официальной медиации между застегнутыми наглухо и циничными лидерами и о неофициальном диалоге между пацифистами, открытыми новым идеям, является упрощенным. Оба процесса имеют ключевое значение для построения мира, и ни один из них не может привести к успеху изолированно от другого. Между ними есть связь. Лидеры гражданского общества могут быть избраны или назначены на политические посты и включиться в официальный диалог. Ожидания таковы, что они привнесут свой опыт неофициального диалога в официальные переговоры. С другой стороны, в результате неофициального диалога могут быть выработаны документы и предложения, которые будут приняты для дальнейшего обсуждения и одобрения на уровне официальных переговоров.

6. Вызовы неофициальной медиации и диалогу

Проекты медиации и диалога медленно адаптируются к изменениям в контексте конфликта

Признание того факта, что противоречия, заинтересованные стороны (включая основные стороны и стороны второго и третьего порядка), карта предпочтений и контекст, в котором существует конфликт, меняются со временем, оказало существенное влияние на разработку и воплощение в жизнь медиации и диалога²⁴. Внутренняя динамика и изменения в контексте определяют течение конфликта. Изменения в контексте могут включать сдвиги в региональной динамике сил, международные влияния, флуктуации в спросе и предложении энергии, воды и других ресурсов и экологические катастрофы. Качественным и количественным изменениям подвержены и стороны конфликта. Вовлекаются новые стороны, первоначальные стороны разделяются. В течение затяжного конфликта возникают новые противоречия, причины и симптомы эволюционируют,

24 Р. Вайринен (1991 г.) Цит. в Хью Майалл (2004 г.). 'Трансформация конфликтов: комплексная задача.' Руководство Бергхофа по трансформации конфликта. Концепции и междисциплинарные проблемы. Доступно на http://www.berghof-handbook.net/documents/publications/russian_miall_handbook.pdf (319Kb PDF).

и симптомы превращаются в причины второго поколения: ненависть (установка) и милитаризм (поведение) становятся предметом конфликта сами по себе.

Например, грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты существенно изменились с тех пор, когда они впервые проявились. Новыми факторами в этих конфликтах стало стремление Грузии присоединиться к НАТО, растущий российский неоимпериализм, поддерживаемый усилением возможностей государства защищать интересы своей безопасности, и открытое столкновение с интересами безопасности США в регионе, а также энергетические потоки между Россией и Европой и взаимозависимость в других сферах, сопровождающаяся сложными взаимоотношениями между Россией и Европой, с одной стороны, и между соперниками России и Европы, с другой. Вдобавок, новый межгосударственный конфликт между Россией и Грузией вылился в войну, и Россия стала явной стороной конфликта, при этом оставаясь сильным региональным игроком. Позиция США тоже была явно односторонней. Подход ЕС в этой ситуации был более сбалансирован.

Необходим постоянный анализ конфликта и его включение в разработку проектов медиации и диалога или любого другого вмешательства в конфликт. Результаты анализа необходимо переносить на практику. Изменения внутри и вне конфликтной системы, которые могут привести к сдвигам в балансе сил, открыть новые возможности или увеличить вероятность возобновления насилия, должны приводить к изменениям в медиации и диалоге. Несмотря на то, что нет недостатка в анализе конфликта исследователями изнутри и извне, существует, как правило, разрыв между многочисленными статьями и презентациями на конференциях и реальными поправками в процессе диалога в зоне конфликта. Параллельный анализ конфликта исследователями по обе стороны является формой диалога, трудной, но необходимой на всех стадиях конфликта. С другой стороны, медиация и диалог неизбежно меняют конфликтную систему, и эти изменения необходимо учитывать исследователям в анализе конфликта.

Отбор участников

В случае официальной медиации отбор участников является ясной процедурой – все потенциальные участники известны. Это, однако, не означает, что они с готовностью и убежденностью будут участвовать в медиации. Отбор участников для неофициальной медиации и диалога – процесс открытый. Некоторые практики даже считают, что правильный подбор участников является ключом к успеху, поскольку люди, а не структуры строят мир²⁵.

25 G. Baechler (2008). "Emerging archetypes": A comparison of patterns of the peace processes in Sri Lanka and Nepal', *The Berghof handbook for conflict transformation dialogue series, No. 6: A systemic approach to conflict transformation. Exploring strengths and limitations*. Доступно на http://www.berghof-handbook.net/documents/publications/dialogue6_baechler_com.pdf (241Kb PDF).

В постсоветских регионах, включая Южный Кавказ, идея начала диалога или медиации на неофициальном уровне обычно предлагается зарубежными НПО, академическими институтами или правительствами самостоятельно, или после консультаций, и в сотрудничестве с инициативными группами одной или нескольких сторон конфликта. Далее такое предложение представляют местному гражданскому обществу и другим негосударственным акторам, и происходит отбор участников. Примеров проектов диалога, которые были бы инициированы и проведены местными силами, очень мало, но ситуация меняется. Мотивация сохранить и развить положительный опыт диалога или скорректировать отрицательный опыт привела к появлению нескольких устойчивых длительных инициатив диалога в регионе, которые развиваются в партнерстве или в коалиции с институтами местного гражданского общества и международными НПО, или даже разработаны и проведены в жизнь исключительно участниками с обеих сторон конфликта. Такие инициативы могут развиваться с участием или без участия третьей стороны. В некоторых случаях третья сторона становится отличным советчиком, помогает в поиске средств и с международной поддержкой и резонансом, или действует как ведущий/фасилитатор, когда это необходимо, но движущей силой всегда являются местные активисты. Партнерство между Алерт и Кавказской сетью бизнеса и развития (см. пример 2) является одним из таких примеров. В других случаях нет внешней третьей стороны, а роль посредника или ведущего/фасилитатора играет комитет, состоящий из представителей всех сторон конфликта, либо нет вообще ведущего/фасилитатора, и стороны сами строят свой диалог. Программа Интерньюс под названием *Vis-à-vis* (см. пример 4)²⁶ и гражданская инициатива Южнокавказская Интеграция – Альтернативный Старт (см. пример 5)²⁷ являются примерами диалога, начатого и поддерживаемого изнутри конфликта.

При отборе участников неофициальной медиации и диалога необходимо соблюдать принцип равного статуса участников с разных сторон в ситуации симметричного конфликта или более высокого статуса стороны-меньшинства по сравнению со стороной-большинством в асимметричном конфликте. Диалог между людьми с противоборствующих сторон обычно более эффективен и разворачивается быстрее, если у участников уже есть что-то общее, не относящееся к конфликту, например, профессия, пол, поколение, социальная роль и т.д. Например, диалоги между женщинами, молодежью, учеными, журналистами, правозащитниками, бывшим участникам боевых действий и предпринимателями проводились в различных конфликтах. Предположение о том, что если у людей уже есть общая идентичность, то они легче вовлекаются во взаимодействие с противоположной стороной, никогда эмпирически не проверялось, но, тем не менее, является базовым при планировании разных проектов неофициального диалога. Если в проект вовлечены участники с противоположных сторон, которые разделяют социальные цели, такие как снижение бедности, поддержка независимых средств массовой информации, реабилитация и социальная интеграция бывших участников

²⁶ Более подробная информация на <http://www.internews.am/projects/archive/frontline/index-e.htm>.

²⁷ Более подробная информация на <http://www.southcaucasus.com/old>.

боевых действий или устранение насилия в семье, и которые известны в обществе как социальные активисты, то это может привести к транснациональной солидарности и даже создать транснациональные социальные движения, что станет козырем в трансформации конфликта²⁸.

Существуют разные взгляды и на то, каким должно быть соотношение умеренных и радикалов в списке участников проектов медиации и диалога. Умеренность или экстремизм может касаться взглядов участников на причины и верное разрешение конфликта или на способы достижения желаемого решения. Сторонники включения в проекты медиации и диалога всех заинтересованных сторон, в том числе экстремистов, говорят, что именно увеличение числа сторон за столом переговоров, а не избавление от некоторых из них – наилучший путь к трансформации конфликта²⁹. Противники смешивания умеренных и экстремистов возражают, что необходимо начинать диалог среди умеренных, чтобы сдвинуться с мертвой точки и набрать момент движения. Умеренные думают об альтернативах как вариантах решения, так и способов действий в конфликте. Умеренные могут потом начать работать со своими собственными обществами и консолидировать общественное мнение в пользу диалога. Только после этого включение экстремистов в диалог может быть более эффективным.

Умелые «предприниматели от миротворчества», которые маскируются под активистов-миротворцев, правозащитников, ученых и так далее, могут захватить весь процесс медиации и проекты вмешательства в конфликт для того, чтобы удовлетворить собственные амбиции, лоббировать в пользу одной из политических партий или просто получить деньги.

Нет явной связи между диалогом и структурными переменами

Один из тех, кто оценивал долгосрочный проект арабо-израильского диалога в Израиле, высказал важную мысль о диалоге в асимметричных конфликтах: «Когда диалог подменяет действие, получается два результата. Во-первых, диалог успокаивает совесть тех, кто притесняет других, до такой степени, что они начинают думать, что им ничего больше делать и не надо. Их совесть спокойна и они удовлетворены. С другой стороны, те, кого притесняют, получают клапан для вентиляции своих разочарований. В обоих случаях диалог становится средством для укрепления существующего притеснения и таким образом служит воссозданию этой ситуации»³⁰. В самом деле, какую ценность представляют медиация и диалог для структурных перемен, необходимых для построения мира? Любые

28 J. Smith, C. Chatfield and R. Pagnucco (1997). *Transnational social movements and global politics: Solidarity beyond the state*. New York, US: Syracuse University Press.

29 J. Galtung (2000). *Conflict transformation by peaceful means (The Transcend method)*. Trainer's manual. Geneva, Switzerland: United Nations Disaster Management Training Programme. Доступно на http://www.transcend.org/pctrcluj2004/TRANSCEND_manual.pdf.

30 J. Kuttab (1988) cited in M. Abu-Nimer (1999). *Dialogue, conflict resolution and change: Arab-Jewish encounters in Israel*. New York, US: State University of New York Press. стр. 152.

попытки установить диалог и моделировать сосуществование в формате семинара неизбежно сойдут на «нет» вне зависимости от профессионализма и приверженности диалогу как ведущих/фасилитаторов, так и участников, когда изначальный восторг возобновленного общения и хороших личных отношений угаснет. Критики диалога в ситуациях затяжных асимметричных конфликтов считают его бессмысленным, если параллельно с процессом диалога происходят перемены на макроуровне. Диалог внутри сообществ и между сообществами «может создавать ложное впечатление мирных отношений, тогда как подспудные процессы гораздо более злокачественны»³¹. Это не означает, что диалог ради диалога – пустое занятие. Но чистый диалог должен быть сбалансирован другими проектами вмешательства в конфликт. Сторонники диалога как практики трансформации конфликтов утверждают, что к тому времени, когда произойдут перемены на макроуровне, доверие и понимание будут, благодаря диалогу, восстановлены и люди будут готовы жить в мире.

В этом отношении системный подход к конфликту и его трансформации является многообещающим философским, методологическим и практическим новшеством³². Прежде всего, в методологии медиации и диалога необходимо сбалансировать ориентацию на проблему ориентацией на видение будущего. Ориентация на видение будущего в методологии медиации (и разработка структурных перемен) лучше отвечает парадигме конфликта и его разрешения на базе основных человеческих потребностей. Однако видение будущего не равносильно решению конфликта. Конфликт сохраняется потому, что решение для одной стороны является проблемой для другой. Следовательно, создание общего видения будущего – это только малый шаг, за которым должен следовать интенсивный поиск политических, территориальных и экономических моделей, моделей безопасности и других структурных перемен, которые приведут к реализации созданного видения. Это может казаться идеалистичным, но есть примеры, когда именно такое видение стало движущей силой в процессе трансформации конфликта.

Во-вторых, важно вовлекать тех, кто активны и влиятельны в экономике, политике и медийной сфере, мотивированы и способны проводить в жизнь структурные изменения на микроуровне и лоббировать миротворческие инициативы. Однако все проблемы с отбором участников, обозначенные выше, необходимо преодолевать. Диалог нацелен на личностные перемены, а на социальном уровне эта стратегия трансформации конфликтов обычно считается терапевтической³³, которая сама по себе не бросает вызов системе распределения власти, институтам и законам в обществе. Проекты диалога должны сопровождаться продвижением и активной поддержкой системных перемен для того,

31 К. Клементс (2004 г.). 'К трансформации конфликта и справедливому миру', Руководство Берghофа по трансформации конфликта. Послевоенное восстановление: постконфликтное возрождение и примирение. Доступно на http://www.berghof-handbook.net/documents/publications/russian_clements_handbook.pdf (274Kb PDF).

32 N. Ropers (2008). 'Systemic conflict transformation: Reflections on the conflict and peace process in Sri Lanka', *The Berghof handbook for conflict transformation dialogue series*, No. 6, стр.11–43. Доступно на http://www.berghof-handbook.net/documents/publications/dialogue6_ropers_lead.pdf.

33 Цит. по К. Клементс (2004).

чтобы внести вклад в миротворчество и способствовать трансформации конфликта. Такие проекты основаны на диалоге и, тем не менее, будят критическое мышление в обществе и стимулируют перемены институтов и законов.

В-третьих, процесс диалога и медиации сам создает модели необходимых структурных перемен. Например, стереотип двустороннего мирного процесса может оказаться ущербным и даже принести вред, если какое-то третье или четвертое сообщество, политическая сила или народ, который является стороной конфликта, систематически исключается из процесса медиации и диалога. Присутствие только двух сторон за столом переговоров воссоздает модель игры с нулевой суммой как подхода к конфликту, в то время как выявление и признание фракций внутри сторон конфликта или включение новых сторон может открыть новые области для поиска решения. Исключение сообществ беженцев как отдельной стороны конфликта и объединение этнических азербайджанцев, беженцев из Нагорного Карабаха, с Азербайджаном как со стороной конфликта подвергалось сомнению некоторыми практиками трансформации конфликтов. Действительно, сообщество азербайджанских беженцев может иметь свою уникальную позицию по конфликту, которая, возможно, и не разделяется их соплеменниками в Азербайджане, не имевшими такого же опыта.

Диалог как суррогат примирения: где же компонент «правосудия»?

Практика медиации и диалога происходит из традиции гуманистической психологии. Каждое мнение процедурно пользуется одинаковым уважением, и все участники считаются равными, вне зависимости от поведения их стороны в конфликте. Такая ситуация может казаться искусственной и даже аморальной, особенно когда конфликт характеризуется массовыми жестокостями: «Когда целью перестает быть справедливость, сомнению должны подвергаться любая роль, действие или стратегия. Если подход является уловкой для того, чтобы кооптировать или манипулировать теми, кто слабее и у кого меньше возможностей, то он не должен применяться»³⁴. Тем не менее, медиация и диалог совместимы с установлением справедливости. Вопрос заключается в том, какого рода подход к восстановлению справедливости применить. В миротворчестве, в ситуациях затяжных конфликтов в сообществах, отдается предпочтение восстановительному правосудию, в отличие от легалистического, формального правосудия. Система восстановительного правосудия «предполагает, что договор, который учитывает субъективное восприятие справедливости сторонами конфликта, лучше принимается сторонами и с большей вероятностью будет способствовать примирению, чем навязанный (судом или третейским судьей) договор»³⁵.

34 J.P. Lederach (1995). Там же, стр. 14.

35 M. Estrada-Hollenbeck (2001). 'The attainment of justice through restoration, not litigation: The subjective road to reconciliation' in M. Abu-Nimer (Ed.) (2001). *Reconciliation, justice and co-existence: Theory and practice*. New York and Boulder, CO and Oxford, UK: Lexington Books. стр. 65–86.

Диалог прокладывает дорогу к восстановительному правосудию, потому что он позволяет разделить сторону оппонента на разные фракции, включая и тех, кто всегда выступал против насилия. Это является и важным сигналом противоположной стороне. Кроме того, выслушав историю, точнее, истории конфликта с противоположной стороны в формате диалога, человек может начать различать проступки и преступления собственной стороны, которые могли разжечь насилие. Диалог является таким форумом, где конфликтующие стороны имеют возможность убедить друг друга в своей приверженности мирному пути развития событий и попросить прощения.

Взаимоотношение между восстановлением справедливости и примирением сложное. В целом, наблюдается следующая тенденция в тех государствах, где происходили массовые преступления против человечности и нарушения прав человека: последующее правительство имеет больше шансов продвинуть ситуацию вперед, если восстановительное правосудие в какой-то степени свершилось³⁶. Вопрос о пределах применимости подходов легалистического и восстановительного правосудия очень важен, но простого алгоритма не существует. Стратегия Комиссий правды и примирения сработала в Южной Африке, но была отвергнута в Боснии. Оценка роли Гаагского трибунала в примирении в Боснии и Косово проблематична. Уровень враждебности между косовскими сербами и косовскими албанцами так же высок, как и раньше. Можно предположить, что так происходит отчасти потому, что подход к правосудию, при котором косовские албанцы получили образ жертв и победителей, а косовские сербы предстают как преступники и проигравшие, воспринимается как несправедливый. После выхода в свет книги Карлы дель Понте, разоблачающей преступления косовских албанцев против косовских сербов, которые остались ненаказанными, перспективы для диалога в Косово мрачнее, чем прежде.

Считается, что диалог и восстановление справедливости взаимно усиливают друг друга, если они происходят синхронно и если попытки восстановительного правосудия предшествуют или сопровождают применение формального правосудия. Крайне важно вовлекать в проекты диалога диссидентов со всех сторон конфликта, которые раскрывают преступления собственной стороны и активно ведут поиск правды и справедливости.

Неофициальная медиация и диалог являются важными стратегиями, которые способствуют восстановлению справедливости путем гуманизации отношений между сторонами конфликта.

Диалог и медиация не приводят к изменениям в структуре общественного мнения

Диалог на неофициальном уровне важен для того, чтобы противостоять воинственной риторике, а также ощущению беспомощности и комплексу жертвы в обществе. Однако

³⁶ D. Bloomfield, T. Barnes and L. Huyse (Eds.) (2003). *Reconciliation after violent conflict*. Stockholm, Sweden: International Institute for Democracy and Electoral Assistance (IDEA). Доступно на <http://www.reconciliationmovement.org/docs/ReconciliationAfterConflict.pdf>.

публичное проведение диалога и медиации представляет собой трудность для участников. Диалог посредством средств массовой информации является творческим способом решить дилемму публичности и охвата аудитории. *Диалог через фильм* (см. пример 1) является примером диалога посредством документальных фильмов, которые формируют послания, нацеленные на людей на другой стороне конфликта. Молодое поколение армян и азербайджанцев выросло в отсутствии прямого общения. И большинство из них никогда не встречали человека с другой стороны. На фоне разнузданной националистической пропаганды в средствах массовой информации и виртуальных словесных войн в Интернете консолидировался «электорат войны» на обеих сторонах. *Диалог через фильм* обеспечивает альтернативный медийный формат для выражения боли, страхов, горя, гнева и отчаяния каждой из сторон, он обладает потенциалом сблизить стороны, а не оттолкнуть их еще дальше друг от друга.

В серии *Линия фронта*, в которой диалог транслировался по телевизору посредством видеомоста между армянскими и азербайджанскими политиками, людьми искусства, активистами гражданского общества и другими героями, успешно был применен формат *vis-à-vis* (лицом к лицу), открытый Интервью (см. пример 4). Этот формат стал революционным технологическим решением социальной задачи. *Vis-à-vis* – это формат, позволяющий людям в разных частях мира, разделенным расстоянием или непреодолимыми обстоятельствами, которые в реальной жизни не могут встретиться, увидеть друг друга и поговорить с помощью цифровой видеосвязи. Аудитория наблюдает за диалогом по мере того, как он разворачивается. Формат *vis-à-vis* представляет особый интерес для сферы разрешения конфликтов, поскольку позволяет организовать встречу людей, разделенных насильственным конфликтом.

Пример 4: Линия фронта: телевизионный диалог по нагорно-карабахскому конфликту

В 2000–2001 годах Интервью-Армения и Интервью-Азербайджан начали выпуск программы *Линия фронта*, которая представляла собой телемосты Ереван-Баку. Государственные чиновники и оппозиционные политики, активисты гражданского общества, интеллектуалы, бывшие футболисты одной команды, люди искусства и другие собеседники в течение шести месяцев вели диалог, который показывали по телевизору. Две команды отказались от редактирования отснятого материала и выпускали программы в прямом эфире. Этот подход помог обеим командам избежать впоследствии проблем с гостями программы и сделал диалог выглядящим более правдоподобным для зрителей. Эти программы демонстрировали сложности во взаимоотношениях и непримиримые позиции по ряду вопросов, но также предоставляли участникам и аудиториям возможность услышать спектр точек зрения как с другой стороны, так и на своей стороне конфликта. Высоко оцененная как «выдающийся формат диалога», телевизионная программа Интервью с *Линии фронта* была названа Институтом мира и демократии в Азербайджане «Лучшим журналистским проектом года». Она была также награждена ежегодным призом Ереванского пресс-клуба.

Существуют продукции медийного диалога, которые всегда и везде принимаются аудиторией, тогда как влияние некоторых других усиливается, если они представлены в нужное время. Время трансляции *Линии фронта* было удачным, потому что в 1999 году мирный процесс на высшем уровне между Арменией и Азербайджаном стал более интенсивным и в 2000 и 2001 годах произошло несколько встреч президентов Армении и Азербайджана³⁷. Можно сказать, что потепление в политических отношениях и обмен символическими «оливковыми ветвями» сыграли роль в том, что стала возможной трансляция всех двадцати четырех телемостов. Социологический анализ реакции аудитории программ *Линии фронта* выявил потрясающие результаты. Более 50 процентов случайно выбранных людей смотрели эти программы, при этом 60-70 процентов из них рассматривали телевизионный диалог как модель и знак надежды на диалог между двумя народами. Подавляющее большинство респондентов в двух странах приветствовали открытость диалога и оценили его как интересный и необходимый. Эти результаты показывают, какое влияние может оказывать телевизионный диалог на общественное мнение.

Подобные примеры диалога, проводимого публично, открывают новые возможности для вмешательства в конфликт с помощью средств массовой информации. Однако тирания рынка и уязвимость средств массовой информации для политического давления становятся основными препятствиями для распространения диалога с помощью средств массовой информации. Ключевое значение имеет финансовая и политическая поддержка ЕС и европейских НПО. Эти инициативы некоммерческие и редко могут быть финансово устойчивыми, однако их общественное и политическое влияние делает их заслуживающими финансовой помощи. Существуют, однако, и малозатратные инициативы медийного диалога, такие как Интернет-платформа для интеллектуалов, правозащитников, миротворцев и диссидентов Южного Кавказа (см. пример 5). Модераторами является команда, сформированная из людей различных регионов Южного Кавказа. Этот диалог через Интернет – хороший ресурс для тех, кто готов к неустанному поиску альтернативных решений и открыт критическому переосмыслению собственной позиции. Эта инициатива также обеспечивает платформу для вовлечения в диалог диаспор, живущих вне пределов Южного Кавказа.

Пример 5: Южнокавказская Интеграция – Альтернативный Старт

Гражданская инициатива *Южнокавказская Интеграция – Альтернативный Старт* была начата группой журналистов с тем, чтобы творчески использовать Интернет для связей мыслителей и активистов со всего Южного Кавказа. Эта инициатива изменила традиционный двусторонний формат диалога, сделала его многосторонним и региональным. В то же время эта инициатива сделала дискуссионную платформу доступной для того, чтобы люди из разных частей Южного Кавказа могли в ней участвовать, обмениваться идеями, размышлениями и эмоциями и призывать к солидарности. Эта инициатива противостоит

национализму и изоляции не только с помощью эссе на острые темы из области политики, конфликтов, прав человека, которые каждый из зарегистрировавшихся партнеров может выложить на сайт или прокомментировать, но и посредством будирования общественного мнения, кампаний в защиту и помощи жертвам преследования по политическим мотивам. Это пример создания транснациональной солидарности между людьми на противоположных сторонах конфликта, которые привержены защите прав человека и свободы как высшей цели. Важно отметить, что эта инициатива давно поддерживается волонтерами при незначительном времени от времени финансировании отдельных инициатив.

Устойчивость неофициального диалога

Ключевую роль во вмешательстве в конфликт, которая эффективно приближает мир, играет «сила устоять» – способность сохранять вовлеченность в процесс трансформации конфликта³⁸. Межтаджикский неофициальный диалог, который в конечном итоге привел к мирному соглашению и продолжался после его заключения, длился более семи лет³⁹. Это уникальный случай столь продолжительного диалога, в котором не ставилась цель достижения формального соглашения. Модель региональной аналитической группы Дартмутской конференции была успешно применена в контексте гражданской войны в Таджикистане. Обществу, особенно только еще выходящему из состояния затяжного насильственного конфликта, нужно время для того, чтобы начать использовать диалог как стратегию обсуждения противоречий. Таким образом, диалог как вмешательство в конфликт на разных уровнях и в разных сферах должен поддерживаться до тех пор, пока не станет привычным, и пока миротворчество не будет самовоспроизводиться в обществе. В идеальном мире диалог никогда не должен прекращаться. Например, постоянный диалог по расовым отношениям является частью университетской жизни в США⁴⁰. Однако в реальной жизни есть ограничения, особенно в ситуации затяжных конфликтов. Недостаточное финансирование, усталость участников, растущая угроза для участников, эскалация насилия и другие факторы нарушают первоначальные планы. Ниже приведено несколько предложений, которые позволят избежать ситуации прерванного диалога:

1. вовлеченные стороны должны уметь определять оптимальные временные рамки для выбранного состава участников диалога;
2. вовлеченные стороны должны обладать навыком маневрирования в изменяющейся среде конфликта, чтобы сохранять диалог приемлемым и отвечающим моменту;

38 F. O. Hampson (2001). 'Parent, midwife or accidental executioner? The role of third parties in ending violent conflict' in C.A. Crocker, F.O. Hampson and P. Aall (Eds.) (2001). *Turbulent peace: The challenges of managing international conflict*. Virginia, US: USIP Press. стр. 387–403.

39 Цит. по Н.Н. Saunders (1999).

40 Например, диалог между израильскими и арабскими студентами и межрасовый диалог в университете Джорджа Мэйсона, штат Вирджиния, США.

3. вовлеченным сторонам нужно иметь гарантию долгосрочного финансирования (первые два препятствия касаются способности участников и третьей стороны в конфликте, тогда как третье препятствие касается не только вовлеченных сторон, но и политики международных доноров);
4. процессы неофициальной медиации и диалога не должны быть изолированы, а должны быть связаны с программами развития гражданского общества, университетскими программами, экономическими и медийными инициативами. В этом случае дух диалога будет сохраняться в обществе.

Не стоит ни переоценивать, ни недооценивать неофициальную медиацию и диалог как миротворческие стратегии. Эти процессы работают на субъективном уровне человеческих эмоций, страхов, иллюзий и откровений, и иногда к ним относятся как к «мягкому» способу вмешательства в конфликт по сравнению с «жесткими» миротворческими операциями или политическими переговорами. Неофициальная медиация и диалог занимают свое уникальное место в спектре стратегий трансформации и разрешения конфликтов. В то же время неофициальная медиация и диалог являются ключевыми в мирных инициативах с многими задачами и стратегиями.

7. Рекомендации для ЕС и НПО, работающих в регионе

Ниже приводятся некоторые рекомендации по усилению общественной и политической эффективности диалога и взаимному дополнению процессов официальной и неофициальной медиации и диалога, которые могут способствовать более полноценному, экономичному и устойчивому миротворческому процессу.

1. В тех случаях, когда диалог по ключевым содержательным противоречиям невозможен или неэффективен, ЕС должен большее внимание уделять медиации и диалогу по вопросам второго порядка или сопутствующим проблемам, или по проблемам наднациональным, регионального масштаба, таким как экологические угрозы, траффинг людей, наркотики, трудовая миграция и др. Это может снизить напряженность, вдохновить участников медиации и диалога взяться за более трудные проблемы в будущем и, что самое важное, посеять семена надежды в обществах, пребывающих в состоянии конфликта, на достижение взаимоприемлемых и выгодных решений.
2. Донорам ЕС необходимо выработать гибкость финансирования диалога и медиации, возможности для которых открылись неожиданно. Правильный выбор момента и способность реагировать на потребность «гибкой геометрии» в условиях меняющегося контекста конфликта очень важны для усиления значения и влияния диалога и медиации⁴¹. Проекты диалога должны осуществляться не тогда, когда поступает

41 Цит. по G. Baechler (2008).

финансирование, а когда они наиболее соответствуют моменту. В дополнение к финансированию долгосрочных постоянных проектов диалога необходимо создать фонд для спонсирования вновь возникающих возможностей неофициального диалога.

3. Доноры ЕС и политические институты должны внести поправки в систему своей оценки проектов неофициальной медиации и диалога. Для того чтобы выявить влияние и значение долгосрочных процессов, направленных на изменение установок людей, необходимо применять стратегию оценки, в которой процесс является центральным.
4. Рекомендуется развивать более тесную связь между диалогом и медиацией, осуществляемыми официальными властями ЕС и отдельных государств и европейскими НПО, чтобы компенсировать недостатки официальной медиации преимуществами неофициальных каналов диалога и наоборот.
5. Необходимо разрабатывать и воплощать в жизнь специально скроенные программы на стыке медиации и диалога и развития гражданского общества, средств массовой информации и добросовестного управления.
6. Необходимо поддерживать и институционализировать диалог и медиацию между сторонами конфликтов на периферии обществ и на уровне низовых организаций и местных властей по вопросам энергетики, приграничной торговли, организованной преступности, траффинга наркотиков и людей, эпидемий и других вопросов выживания. Диалог и медиация по обе стороны границы на периферии обществ в состоянии конфликта является окном возможности для устойчивого диалога, поскольку на карту поставлены насущные проблемы выживания людей по обе стороны раздела. Такой диалог имеет все шансы стать моделью стратегии разрешения конфликтов и мерой построения доверия для общества в целом.
7. Необходимо разрабатывать новые форматы, которые позволяют преодолеть недостатки неофициального диалога. Проекты диалога посредством средств массовой информации заслуживают большего внимания, потому что они обеспечивают значительный общественный резонанс.
8. По мере возможности неофициальный диалог и медиация должны быть увязаны с практическими проектами, приносящими ощутимые дивиденды миротворчества (рабочие места, улучшение экологической обстановки, безопасные источники воды и энергии и т.д.), которые способствуют дальнейшим изменениям установок на личном уровне и улучшению человеческих отношений между участниками диалога. Такие проекты вовлекают их как лидеров социальных перемен, независимо от масштаба и общественной известности проектов.

ГЛАВА 2

Возможности и ограничения гражданского общества в процессе трансформации конфликта на примере грузино-абхазского конфликта

Лиана Кварчелия

1. Введение

Конфликты на Кавказе достаточно широко изучены и описаны местными и зарубежными экспертами, в то время как тема миротворчества на гражданском уровне обсуждается в достаточно узких кругах, а идеи и рекомендации гражданских дипломатов часто оказываются не востребованными как официальной дипломатией, так и сообществами по разные стороны конфликта. Несмотря на усилия миротворцев популяризировать в своих сообществах идею диалога как альтернативы войне, масштабной мобилизации обществ против насилия не произошло. Августовская война в Южной Осетии, повлекшая за собой человеческие жертвы, заставила многих усомниться в ценности гражданских миротворческих усилий и способности гражданских организаций каким-то образом повлиять на ситуацию в плане предотвращения использования силы. Сегодня участники миротворческих инициатив на Южном Кавказе задают себе вопрос: «В какой степени гражданское общество способно влиять на трансформацию конфликта, и оправданы ли их многолетние усилия, если применение силы все еще рассматривается официальными политиками как способ разрешения конфликта, и это, к тому же, не вызывает широкого гражданского протеста?»

Чтобы оценить, насколько эффективны гражданские миротворческие инициативы, каков их «коэффициент полезного действия», и имеет ли смысл их продвигать, полезно проанализировать сильные и слабые стороны гражданского миротворчества, цели и возможную мотивацию участников, их возможности и ограничения с точки зрения влияния на трансформацию конфликта. В настоящей статье предпринята попытка такого анализа на примере миротворческой деятельности в рамках грузино-абхазского диалога.

Речь в статье будет, в основном, идти о деятельности неправительственных организаций, поскольку именно они были инициаторами и основными участниками кросс-конфликтных контактов на разных уровнях и в разных форматах. Следует заметить также, что в грузино-абхазском неофициальном процессе почти не было взаимодействия на уровне “grass roots”. Скорее это были контакты на уровне экспертов из неправительственного сектора.

В грузино-абхазском неформальном процессе существовало несколько форматов для взаимодействия. В двустороннем формате контакты осуществлялись в виде диалога в рамках конференций, круглых столов, семинаров для совместного анализа ситуации и т.д. Темы таких мероприятий были связаны с разными аспектами конфликта. Например, на встречах обсуждались интересы и опасения сторон в конфликте, глубинные причины конфликта, роль третьих стран, влияние на конфликт внешних факторов, вопросы миграций в различные исторические периоды и др. Параллельно велась исследовательская работа, связанная с различными аспектами конфликта, по результатам которой подготовлены и опубликованы доклады с рекомендациями. Тематика исследований варьировала от международных гарантий неприменения силы и международного присутствия в Абхазии до различных аспектов безопасности человека, включая ситуацию в

приграничных районах. Круг участников конференций, организованных в рамках диалога, включал, в первую очередь, представителей гражданского общества, а также, по мере возможности, представителей официальных структур Абхазии и Грузии, представителей международных НПО и официальных структур, независимых западных и российских экспертов.

Следует отметить, что взаимодействие сторон не происходило исключительно на академическом или аналитическом уровне. Наряду со всесторонним анализом конфликта участники процесса на различных этапах занимались адвокатированием ненасильственных форм разрешения конфликта. На международном уровне они пытались влиять на официальные подходы посредников к урегулированию конфликта, считая эти подходы не только несправедливыми, но и малоэффективными в силу того, что им недостает сбалансированности и они не учитывают интересы всех сторон. На местном уровне гражданские дипломаты предлагали властям собственное видение решения тех или иных проблем, связанных с конфликтом. Наиболее критично настроенные грузинские участники процесса публично осуждали официальную политику Грузии, демонстрировавшую отсутствие интереса к серьезному диалогу с Абхазией и Южной Осетией. В свою очередь, абхазские участники контактировали с руководством Абхазии по поводу ситуации грузинского населения в Гальском районе Абхазии, помогая в решении конкретных проблем отдельных лиц, чьи права были нарушены в результате конфликта.

В рамках двустороннего неформального грузино-абхазского процесса зародилась инициатива создания многосторонней сети представителей гражданского общества Кавказа. Уникальность этой инициативы заключалась в том, что впервые на равных с Грузией, Арменией, Азербайджаном и Россией в процессе регионального диалога участвовали представители Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Это позволило восполнить существенный пробел, который присутствовал во многих других региональных инициативах. В многостороннем кавказском формате стало возможным проводить, помимо конференций и обсуждений, совместные тренинги и семинары для представителей Северного и Южного Кавказа, а также осуществлять мониторинг ситуации на местах, организовывать миссии мобильных групп медиаторов во время кризисных ситуаций в разных регионах Кавказа.

2. Точки соприкосновения в процессе гражданской дипломатии

Попытаемся разобраться в том, какие цели и задачи ставили НПО в грузино-абхазском миротворческом процессе, каких принципов они придерживались, в чем совпадали повестки дня гражданских обществ двух стран, а в чем они различались. Однако прежде чем сформулировать возможную общую цель гражданской дипломатии, проанализируем факторы, которые могли повлиять на мотивацию участников процесса.

- Одним из важных факторов, способствовавших миротворческой деятельности, оказалось наличие некоторых **общих интересов** у представителей гражданского общества обеих сторон. Более того, среди участников было понимание того, что эти общие интересы необходимо **идентифицировать и артикулировать**.
- Главным общим интересом было **мирное урегулирование конфликта**. То, что обе группы выступали против применения силы, не означает, что участники диалога были мотивированы только своей приверженностью ненасильственным формам урегулирования конфликтов. Представители сторон имели свои политические убеждения и позиции в отношении конфликта, которые, несомненно, влияли на их мотивацию. Можно предположить, что абхазы, к примеру, могли последовательно выступать за неприменение силы хотя бы потому, что считали, что Абхазия, восстановившая в 1993 г. контроль практически над всей своей территорией (кроме Кодорского ущелья), явно не планировала нападение на Грузию, в то время как Грузия своих намерений любой ценой вернуть «потерянные территории» не скрывала. Со своей стороны, многие грузинские представители, вероятно, осознавали, что в сложившейся геополитической обстановке Грузии вряд ли удастся насильственно «вернуть» Абхазию, не рискуя при этом встретить сопротивление не только со стороны Абхазии, но и России. Следует отметить также, что большинство грузинских участников считали, что «возвращать» надо народ, а не территорию. Несмотря на возможное наличие иных мотивов, главной установкой обеих групп участников процесса было то, что **диалог является альтернативой военным действиям**, хотя и ориентированным на результаты в более отдаленной перспективе.
- Было общее понимание того, что **нет простого и быстрого решения конфликта**, что любая стратегия должна **формироваться на основе углубленного анализа ситуации**, изучения причин конфликта, интересов, опасений и мнений всех сторон.
- Важным моментом было то, что участники уделяли особое внимание **организации процесса диалога**. Ключевым вопросом в этом плане был **выбор медиаторов и фасилитаторов процесса**. Участники с обеих сторон считали не просто желательным, но обязательным выбор таких фасилитаторов, которые занимали непредвзятую позицию в отношении сторон. Фасилитаторы предоставляли участникам нейтральную площадку для дискуссий на равных условиях. Они не выражали свою точку зрения в отношении окончательной формулы урегулирования и тем более не навязывали ту или иную формулу урегулирования в качестве изначально заданных рамок. Такими фасилитаторами в грузино-абхазском процессе гражданского диалога стали представители международных НПО. То, как был организован неформальный диалог, выгодно отличало его от официального переговорного процесса, в котором медиаторы и фасилитаторы поддерживали позицию одной из сторон конфликта. В официальном переговорном процессе желаемый одной, в данном случае грузинской, стороной результат использовался в

качестве рамок для переговоров, что делало сами переговоры малоэффективными и бесперспективными с точки зрения достижения всеобъемлющего урегулирования. Участники гражданской дипломатии (местные и международные) организовали процесс, который не ограничивал их никакими рамками, поэтому они могли предлагать для обсуждения самые разные варианты решений конфликта.

- Важный фактор, способствовавший лучшему взаимопониманию между двумя группами, заключался в том, что большинство участников являлись **приверженцами демократических преобразований в своих сообществах** и именно с демократических позиций оценивали ситуацию внутри своих стран и в отношении конфликта. Степень открытости в обсуждении внутренней ситуации в двух странах была достаточно высокой, а тот факт, что и Абхазия и Грузия – постсоветские страны, в определенной степени переживающие сходные процессы, облегчал понимание внутренней динамики в каждой из стран. Такое обсуждение способствовало лучшему пониманию **воздействия внутривнутриполитической динамики на динамику конфликта и наоборот.**

3. Внутренние ограничения в процессе гражданской дипломатии

Вместе с тем, существовал целый ряд факторов, связанных с установками и позициями самих участников неформального миротворчества, серьезно влиявших на процесс диалога.

- Наиболее важный из таких факторов – **различия в видении того, каким должно быть окончательное урегулирование конфликта.** Именно в этом состоит базовое различие в интересах сторон. Грузинские участники последовательно выступали за мирное объединение Абхазии и Грузии, хотя и признавали, что сегодняшняя Грузия вряд ли может быть привлекательным для Абхазии партнером. Позиция абхазов состояла в том, что Грузия и Абхазия могут мирно сосуществовать как два самостоятельных соседних государства.
- Другим важным различием, особенно на начальных этапах процесса диалога, было **наличие в одной группе ориентированности в большей степени на причины конфликта, а в другой – на ее последствия.** Для многих грузинских участников в большей степени актуальными были вопросы, связанные с последствиями войны, а не с ее причинами. В частности, для них наиболее важным был вопрос о положении грузинских беженцев и ответственности Абхазии за отсутствие условий для их возвращения в Абхазию (за пределы Гальского района). Для абхазских участников приоритетным был анализ причин конфликта и ответственности Грузии за развязывание военных действий в 1992 г., повлекших за собой большое количество жертв и разрушений. Поэтому последствия конфликта, включая вопрос беженцев, абхазская сторона рассматривала именно в этом контексте.

- Следует отметить также, что **грузины и абхазы во многом по-разному оценивали роль России** в грузино-абхазском конфликте. Для грузинских участников Россия является силой, которая существенно влияет на динамику конфликта в негативном плане. Грузины признают ответственность своего собственного руководства за события 1992-1993 гг., а также августа 2008 г., хотя при этом многие из них делают ссылку на то, что именно Россия спровоцировала соответствующие действия грузинских лидеров. Важно, однако, что в отличие от грузинского руководства, участники гражданской дипломатии из Грузии настаивают на том, что помимо российско-грузинского конфликта существует собственно абхазо-грузинский конфликт, и что отрицание этого конфликта никак не будет способствовать грузино-абхазскому взаимопониманию. Наличие нескольких уровней конфликта признают и абхазские участники, при этом первичным для них является грузино-абхазский. Абхазские участники считают, что Россия, как, впрочем, и другие внешние игроки (США, Евросоюз), руководствуется, в первую очередь, собственными интересами в регионе, но они не согласны с тем, что именно Россия является инициатором грузино-абхазского конфликта. Если говорить о посреднической роли России в процессе урегулирования, то с точки зрения грузинских участников Россия не может быть нейтральным медиатором, поскольку имеет свои собственные интересы в регионе. Одновременно они рассматривают официальное западное посредничество как гораздо более нейтральное и потому более приемлемое. Абхазские участники не воспринимают западное посредничество как более нейтральное. Придерживаясь мнения о том, что в данном контексте нейтральных медиаторов нет, они не считают нужным ставить под сомнение исключительную посредническую роль России.
- Как следует из вышесказанного, **оценки участников диалога не совпадают в отношении роли Запада в регионе**. Хотя грузинские участники признают, что западное сообщество не оказало достаточно сильного влияния на грузинское руководство в плане недопущения применения силы, тем не менее большинство не видит проблемы в том, что западные государства заранее определили необходимость урегулирования конфликта исключительно в рамках «территориальной целостности» Грузии. Для абхазских участников такое посредничество в официальном процессе не представлялось нейтральным именно в силу того, что западные страны поддерживали позицию Грузии по урегулированию. При этом некоторые грузинские и абхазские участники совпадали в характеристике подходов западного сообщества к внутренним процессам в Грузии и Абхазии и в целом на Южном Кавказе. Они считали эти подходы недостаточно критичными, поскольку часто нормативная кондициональность фактически приносилась в жертву геополитическим или экономическим интересам, а демократические ценности часто подменялись вопросом внешней лояльности.
- **Разность политических позиций сказывалась и на восприятии международных процессов**, которые рассматривались через призму того, какие последствия

они могут иметь для желаемого той или иной стороной итога урегулирования. Например, после признания Косово целым рядом стран особое раздражение у абхазской стороны вызывали попытки западных дипломатов отрицать тот факт, что «Косово» является прецедентом для признания независимости Абхазии. Поэтому тема Косово довольно часто звучала из уст абхазских участников. Те грузинские участники, которые были готовы обсуждать тему Косово, в свою очередь отрицали наличие прецедента, другие же предпочитали не затрагивать эту тему вообще.

4. Цели и задачи гражданской дипломатии

Совершенно очевидно, что с самого начала участники гражданского миротворческого процесса не видели в качестве своей цели окончательное урегулирование конфликта, поскольку в принципе не могли ставить такие амбициозные цели, не будучи ключевыми акторами в грузино-абхазском процессе. Кроме того, они хорошо понимали, что у разных сторон имеются противоположные представления и установки по базовым вопросам, касающимся урегулирования. Поэтому цели и задачи гражданской дипломатии формулировались не в связи с окончательной формулой урегулирования, а скорее с точки зрения влияния на подходы к разрешению конфликта.

Представляется, что основной целью гражданской дипломатии, а более конкретно, процесса диалога, была выработка модели мирного взаимодействия двух сторон конфликта на основе равноправного участия и свободного обмена мнениями по разным аспектам конфликта. В соответствии с данной целью участники стремились к взаимодействию, в рамках которого ставили следующие задачи:

- стремиться к большему взаимопониманию, осознанию нужд и опасений друг друга, пониманию особенностей внутреннего развития на каждой стороне;
- искать взаимоприемлемые решения по вопросам, представляющим взаимный интерес или вызывающим общую озабоченность (например, ситуация в приграничных районах);
- предлагать местным властям идеи и рекомендации по тем или иным вопросам, связанным с конфликтом (например, рекомендации в связи с необходимостью подписания соглашения о неприменении силы);
- популяризировать в двух сообществах эти идеи и, в целом, необходимость урегулирования конфликта мирным путем;
- оказывать влияние на международные подходы к урегулированию, отличающиеся односторонностью и ориентированностью только на официальную грузинскую позицию; для этой цели предоставлять международным институтам результаты

независимого экспертного анализа и рекомендации, основанные на всесторонней оценке ситуации и учете интересов и мнений, существующих по обе стороны конфликта.

Ставя перед собой эти задачи, гражданские активисты пытались внести свой вклад в создание среды устойчивого мира.

5. Внешние ограничения в процессе гражданской дипломатии

Следует отметить, что помимо внутренних ограничений, обусловленных установками и позициями самих участников процесса гражданской дипломатии, существовали и внешние факторы, создававшие определенные препятствия.

Участники процесса гражданской дипломатии были своего рода катализаторами обсуждения внутри двух сообществ «трудных тем», связанных с конфликтом. Однако серьезным ограничением являлось то, что круг людей, проявивших активный интерес к проблемам конфликта и готовых вести диалог с противоположной стороной, был достаточно узок. Кроме того, сам факт установления контактов и диалог с противоположной стороной вне официальных рамок часто воспринимались обществами как вызов устоявшейся «картине мира», в которой существуют четкие разделительные линии.

Были и свои нюансы в восприятии грузинским и абхазским обществами гражданской дипломатии. Например, стремление грузинских представителей к установлению контактов с абхазским обществом не противоречило ориентированности грузинского общества на объединение с Абхазией. Возможно поэтому гражданская дипломатия на общественном уровне если и не пользовалась широкой поддержкой в Грузии, то, по крайней мере, не вызывала серьезного протеста. Что касается Абхазии, то абхазскому обществу была менее понятна одновременная ориентированность абхазских участников на независимость Абхазии и готовность вести диалог с Грузией, которая противится признанию этой независимости.

Сложная внутривнутриполитическая динамика в двух странах порой приводила к ситуации, когда во внутривнутриполитической борьбе происходила инструментализация грузино-абхазского конфликта и, как следствие, процесса гражданского диалога. Особенно ярко это проявлялось во время избирательных кампаний, когда в качестве повода для критики и нападок на гражданских активистов использовалась тема неофициальной дипломатии.

Не способствовала процессу трансформации конфликта и позиция официальных международных структур. Возможно, некоторые официальные западные институты видели в гражданской миротворческой деятельности лишь инструмент для примирения двух обществ в рамках единого грузинского государства. Поэтому поначалу их интересовал скорее сам факт

существования кросс-конфликтного взаимодействия, нежели его содержание. С течением времени международные официальные структуры стали более открытыми к восприятию идей, выработанных независимыми местными и международными экспертами. Однако эти идеи редко находили отражение в официальных подходах к урегулированию.

Официальный Запад изначально занимал достаточно жесткую позицию относительно формулы окончательного урегулирования, что не способствовало более серьезному учету международными институтами мнений и рекомендаций гражданского общества не только в отношении конфликта, но и в отношении внутривнутриполитического развития в Грузии и Абхазии. Например, грузинские участники не раз высказывали свое разочарование ролью западных институтов во внутривнутриполитической ситуации в Грузии, осуждая их нежелание публично критиковать грузинского президента за серьезные нарушения прав человека и ущемление свобод внутри Грузии.

6. Влияние на трансформацию грузино-абхазского конфликта

С учетом некоторых субъективных и объективных факторов, ограничивавших эффект гражданской дипломатии, ее основным положительным итогом можно считать создание основы для взаимодействия на неформальном уровне по вопросам, представляющим взаимный интерес.

В рамках гражданского диалога были созданы каналы коммуникации, которые используются, по мере необходимости, для решения проблем конкретных лиц, чьи права нарушаются, или лиц, нуждающихся в помощи на противоположной стороне, а также во время кризисных ситуаций.

Важно, что в гражданских кругах по обе стороны конфликта сформировалось понимание того, что мирное урегулирование является долгосрочным интересом и Грузии и Абхазии.

У участников неформального процесса сформировалось более полное представление о ситуации, основанное на лучшем понимании опасений и нужд общества по другую сторону конфликта.

Во многом благодаря процессу диалога сформировалось более адекватное представление о ситуации не только у местных участников, но и в международной экспертной и журналистской среде. Сегодня оппонентами неэффективных и не оправдавших себя подходов к урегулированию и к региону в целом являются не только представители сторон, но и международные НПО и независимые эксперты и журналисты.

У гражданского миротворческого процесса есть и более **конкретные результаты** в виде различных публикаций, докладов с рекомендациями, фильмов, кавказских миротворческих сетей.

7. Новые акценты после августа 2008 г.

Использование силы в августе 2008 г. вызвало негативную реакцию всех участников гражданской дипломатии и в Абхазии, и в Грузии, и в целом на Южном Кавказе. Однако отношение к последствиям августовских событий у сторон было разным. Для абхазских представителей, как и в целом для абхазского общества, признание независимости Абхазии со стороны России и нескольких других государств в первую очередь означало, что процесс восстановления исторической справедливости, наконец, начался. Для представителей Грузии признание Абхазии Россией скорее всего означало, что урегулирование конфликта отодвигается на неопределенное время и вопрос о восстановлении «территориальной целостности» Грузии становится делом более отдаленной перспективы. В дискурсе акцент отчасти переместился с грузино-абхазских отношений на российско-грузинские и российско-абхазские.

Грузинские участники хотели бы, чтобы в отношениях с Россией Абхазия сохранила свою независимость. Того же хотят и абхазские участники, хотя изначальная мотивация у сторон разная. Абхамам в принципе важно сохранить свой суверенитет в дружественных, хотя и ассиметричных отношениях с Россией. Для части грузинских представителей доминирование России в Абхазии означает невозможность доминирования Грузии.

Важным аспектом, по которому совпадают мнения грузинских и абхазских представителей гражданского общества, является вопрос деизоляции Абхазии и создания условий, которые позволят ей сотрудничать с международным сообществом. В связи с идеей деизоляции следует особо остановиться на грузинском «Законе об оккупированных территориях» и так называемой «Стратегии Грузии в отношении оккупированных территорий».

Разное видение окончательного урегулирования существенно влияет на отношение участников диалога к теме «оккупации». Для абхазских представителей применение термина «оккупация» в отношении Абхазии в корне неприемлемо. Что касается грузинских участников, то они не оспаривают сам по себе закон об «оккупации», но считают, что в нем не должно быть формулировок, блокирующих международную помощь и международное присутствие в Абхазии.

Таким образом, можно сказать, что при наличии прямо противоположных установок в отношении применения термина «оккупация», а также при наличии разной мотивировки в пользу международного присутствия в Абхазии, участники диалога согласны с тем, что

нельзя допускать изоляции Абхазии от внешнего мира. Однако существует риск того, что официальная политика Грузии приведет к полному блокированию прямых контактов Абхазии с международным сообществом.

Именно в связи с этим у грузинских участников вызывает критику политическая составляющая «Стратегии Грузии в отношении оккупированных территорий», которая ограничивает возможности для международного присутствия в Абхазии политическими рамками. С точки зрения многих абхазских участников, «Стратегия» как раз была придумана для того, чтобы обусловить процесс «деизоляции» и «открыть» Абхазию, в первую очередь, для Грузии, фактически обеспечив Тбилиси контроль над внешними контактами Абхазии. Безусловно, такой подход неприемлем для Сухума. Создается впечатление, что продекларированная, но пока еще не проработанная Евросоюзом политика в отношении Абхазии на основе формулы «взаимодействие без признания», вызывает беспокойство в официальных кругах Грузии из-за того, что Абхазия в результате смогла бы самостоятельно контактировать с внешним миром. Однако попытки Грузии ограничить самостоятельный выход Абхазии во внешний мир только усиливают недоверие к идее деизоляции и подрывают возможности для какого-либо взаимодействия. Грузинская «Стратегия» и политика в целом усугубляют неприятие диалога с Грузией, тем более, что после августовских событий в сознании многих людей тем для разговора с Грузией вообще не осталось.

Сегодня актуальной становится необходимость серьезного диалога внутри каждого сообщества. В Грузии многие считают проблему «восстановления территориальной целостности» вопросом, отложенным на неопределенную перспективу, но не снятым окончательно с повестки дня. В грузинском обществе нет понимания того, что независимость Абхазии – это осознанный выбор ее граждан, и что они от нее не откажутся. В Абхазии же, после признания ее Российской Федерацией, многие считают диалог с Грузией вообще неактуальным, а конфликт полностью разрешенным вопреки тому, что до сих пор не подписан договор о неприменении силы. Но если не только узкий круг гражданских активистов, но и более широкая общественность по обе стороны конфликта не будет думать о том, какова цена неразрешенности конфликта, то добиться устойчивого, долгосрочного мира в регионе будет сложно.

II

Политика и медиация

ГЛАВА 3

Шлайнингский процесс

Джонатан Козн¹

1 Директор программ организации «Ресурсы примирения», Лондон.

Автор берет на себя полную ответственность за содержание данной статьи и изложенные в ней взгляды, однако сам Шлайнингский процесс был коллективным детищем целого ряда людей. Мартин Шумер и Норберт Роперс сыграли ключевую роль в концептуализации того, что мы назвали «социальной инфраструктурой мира», и того, как процесс диалога может способствовать созданию такой инфраструктуры, а затем и в осуществлении самого процесса. Клем Маккартни вносил необходимую нотку креативности и гибкости в работу команды фасилитаторов. Коллеги из организации «Ресурсы примирения» оказывали постоянную и совершенно бесценную поддержку. В особенности Рэйчел Клогг, чье сопровождение Шлайнингского процесса на протяжении всего срока его существования было абсолютно незаменимым. Позже Рэйчел выступила в центральной роли фасилитатора. Коллеги из Бергхофского центра сыграли важнейшую роль в развитии всего процесса, в особенности Оливер Вули и Антье Бюлер, участвовавшие в качестве наблюдателей, подпитывавшие его новыми идеями в области фасилитаторства и выполнявшие ключевые вспомогательные функции. Ряд неправительственных доноров и правительств финансировали процесс, оказывали помощь в организации поездок участников и осуществляли визовую поддержку (особенно правительства Австрии, Германии, Швейцарии и Соединенного Королевства). Представители МООННГ, равно как и коллеги из других проектов и организаций (Пола Гярб, Бруно Коппиетерс, Вальтер Кауфманн, Геворг Тер-Габриэлян, Магдалена Фричова) подсказывали нам полезные идеи. Участники и многие представители политических кругов и гражданского общества оказывали необходимую поддержку в рамках своих обществ, критически оценивая нашу деятельность и заставляя нас думать по-новому. Наконец, процесс просто не состоялся бы без Мананы Гургулия, Пааты Закареишвили, Лианы Кварчелия и Арды Инал-Ипа, чье бесстрашие и приверженность идее изменения подхода своих обществ к разрешению конфликта были и остаются источником вдохновения для нас.

1. Введение

Как правило, мирные процессы протекают одновременно на нескольких уровнях. В переговорах, ведущихся с целью заключения соглашения по урегулированию конфликта, участвуют политические лидеры на высшем дипломатическом уровне – именно они, независимо от их демократической легитимности, подписывают соглашения. Но урегулирование конфликтов предполагает гораздо большее, нежели простое подписание соглашений. Для того чтобы произошла устойчивая трансформация конфликта, недостаточно официального договора, явившегося результатом переговорного процесса. В то время как прямое взаимодействие между сторонами конфликта является идеальным способом достижения соглашения, глубоко укоренившаяся неприязнь и даже вражда, возникающая между сторонами в результате вооруженного конфликта, не говоря уже о чувстве незащищенности и собственной уязвимости (непрерывными производными асимметрии многих конфликтов), тормозят мирный процесс. Более того, сам конфликт обычно влияет на устремления пострадавших от насилия сообществ. Таким образом, для того, чтобы достичь стадии, когда стороны готовы рассматривать возможность заключения соглашения об окончании вооруженного конфликта, необходима масса усилий по подготовке благодатной почвы, а также холистический подход, который позволяет обратиться к более широким политическим и социальным изменениям и работать на разных уровнях. Такие усилия часто предпринимаются одновременно разными группами акторов как изнутри, так и извне.

В этой главе рассматривается опыт Шлайнингского процесса, одним из фасилитаторов которого являлся ее автор.² В рамках этого процесса с 2000 по 2007 год было проведено двадцать семинаров-диалогов для грузинских и абхазских участников. Сам Шлайнингский процесс был частью обширной серии мероприятий в рамках взаимодействия сторон, которые осуществляла организация «Ресурсы примирения» в партнерстве (иногда формальном и структурированном, иногда неформальном) с целым рядом абхазских, грузинских и международных НПО. Для того чтобы представить контекст, в котором протекал Шлайнингский процесс, необходимо сначала сделать несколько замечаний, касающихся роли гражданского общества в мирных процессах и природы грузино-абхазского конфликта и мирного процесса.

2 С 2000 по 2005 год фасилитаторами Шлайнингского процесса выступали организации «Ресурсы примирения» (РП) и Бергхофский центр конструктивного управления конфликтами, после чего эту работу продолжили «Ресурсы примирения». См. O.Wolleh, *A Difficult Encounter – the informal Georgian-Abkhaz Dialogue Process*, 2006. См. также выпущенные после встреч (с 4 до 20) пресс-релизы: http://www.c-r.org/resources?search_api_views_fulltext=schlaining&=Search.

2. Гражданское общество и мирный процесс

Гражданские акторы выполняют множество ролей, стараясь способствовать трансформации отношений внутри и между сообществами, расколотыми конфликтом.³ Проводя работу как внутри своих сообществ, так и между ними, инициативы на уровне гражданского общества дают возможность анализировать симптомы, причины и варианты решений. Они помогают стимулировать диалог, оспаривать стереотипы, восстанавливать отношения, проявлять большую инклюзивность в отношении маргинализированных групп, разрабатывать и выдвигать содержательные предложения для местных политиков и международных посредников и продвигать идею трансформации аналитических, поведенческих и познавательных моделей. Гражданские инициативы способствуют изменениям разными путями, но контекст, в котором они оперируют, убедительно показывает невозможность их осуществления отдельно от усилий на политическом уровне. В действительности один из инновационных аспектов урегулирования конфликта силами гражданского общества заключается как раз в том, что в контексте дисфункциональной политики гражданские акторы могут налаживать мосты и мостики между политическими элитами и теми социальными группами, которые готовы к новому видению возможного варианта потенциального мира. Восприятия общества, его ожидания и страхи, актуальные для мирного процесса, часто далеки от ограниченного взаимодействия элит за столом переговоров. Без серьезной работы по вовлечению в этот процесс пострадавших от конфликта обществ возможности изменений будут носить весьма ограниченный характер, и сама эффективность переговоров, с точки зрения достижения долгосрочного урегулирования, останется под вопросом.

В рамках широкого спектра гражданских инициатив по осуществлению изменений в грузино-абхазском контексте образовался ряд взаимосвязанных процессов. Некоторые из них были направлены на создание возможностей диалога между сторонами конфликта и на выработку новых идей, способных повысить осведомленность о существовании различных альтернатив, а также повлиять на более широкие слои общества и официальные переговоры. Большинство этих процессов проходило исключительно на уровне гражданского общества и охватывало конкретные профессиональные, функциональные группы или репрезентативный срез гражданского общества. Шлейнингский процесс с самого начала задумывался как деятельность, создающая среду, в которой активисты гражданского общества, официальные лица и политики будут вовлечены в диалог для решения проблем.

3 T. Paffenholz ed., *Civil Society and Peacebuilding: a critical assessment*, Lynne Reiner Publishers, London, 2010. В этом сборнике приведен замечательный обзор различных инициатив гражданского общества в области миротворчества.

3. Осмысление грузино-абхазского конфликта и мирного процесса

В центре грузино-абхазского конфликта стоит проблема оспариваемых / конкурирующих идентичностей.⁴ Грузинская сторона нередко преподносит сейчас конфликт как грузино-русский, связанный с попыткой Грузии в самом начале 1990-х годов выйти из-под советского, а позже российского влияния. В 2000-е годы он объяснялся российской реакцией на Революцию роз и откровенным желанием грузинских лидеров начать движение в сторону евроатлантической интеграции. Ключевой вехой для грузин стало поражение 1993 года и последовавшее за ним массовое вынужденное переселение грузин, которое позднее привело к обвинениям в этнической чистке. Это обвинение нередко используется в качестве принципиального риторического и политического орудия против абхазов, а также в качестве напоминания о гуманитарной травме, которую пережили десятки тысяч людей. С абхазской точки зрения давние антагонизмы и опасения политического и демографического господства грузинской нации усугублялись восприятием грузинского империализма и националистической риторики, присутствовавшей в грузинском политическом дискурсе в конце 80-х – начале 90-х годов и нашедшей выражение в знаменитой фразе первого постсоветского президента Грузии Звиада Гамсахурдия «Грузия для грузин». Хотя факторы, лежащие в основе конфликта, не обязательно поддерживают его существование в настоящее время, страх ассимиляции или внешнего господства по-прежнему находит отклик у обеих сторон, а страхи, передаваемые из поколения в поколение и подпитываемые пересказыванием историй прошлого, являются, пожалуй, самым мощным стимулом конфликта.

В любом конфликте существует множество пластов, которые можно и нужно анализировать, чтобы заложить фундамент возможных подходов к взаимодействию и миротворчеству. Эти пласты формируются под влиянием интерпретаций конфликта его сторонами. Некоторые из них больше связаны с внутренней политикой и отношениями между государством и обществом по обе стороны водораздела, другие связаны с отношениями его участников/акторов (внутренних и внешних), взаимодействующих друг с другом. Можно выделить пять таких пластов, которые служат в качестве возможных точек начала взаимодействия:⁵

- Грузино-абхазские отношения в Абхазии (выделяя вопросы безопасности и прав человека в Гальском районе, но охватывая и более широкий и сложный комплекс взаимоотношений абхазов и перемещенных лиц грузинского происхождения);

4 Y. Anchabadze, B. Coppeters, G. Nodia, (eds). *Georgians and Abkhazians, The Search for a Peace Settlement*, Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, Kolln, 1998; L. Broers, «'David and Goliath' and 'Georgians in the Kremlin': a post-colonial perspective on conflict in post-Soviet Georgia», *Central Asian Survey*, Vol.28, No.2 (June 2009), стр. 99-118.

5 Я благодарен Лоренсу Броэрсу, который поделился со мной своими идеями по поводу уровней конфликта, изложенными в его готовящейся к публикации статье «Деконструкция метаconfликта: притязания на суверенитет, самоопределение и территориальную целостность в грузино-абхазском конфликте».

- Грузино-абхазские отношения с точки зрения взаимных притязаний на осуществление суверенных прав на Абхазию;
- Грузино-российские отношения (межгосударственный процесс, которым управляют элиты и основой которого являются, скорее, разные стратегические видения и концепции безопасности, нежели этническая вражда);
- Отношения Россия-Запад, в основе которых лежит вновь проявившийся дух соперничества. Он стал набирать силу при президенте Владимире Путине и наиболее ярко проявился в вопросе признания Косово. Этот дух соперничества находит выражение в сложном клубке межгосударственных отношений России, США и ЕС, оттеняемых нюансами разных динамик и моделей, в зависимости от вопроса и игрока;
- Абхазо-российские отношения. Они нередко недооцениваются и упрощаются, чтобы доказать, что абхазские лидеры стремятся к интеграции с Россией. При этом опровергается утверждение абхазов о том, что они стремятся к независимости, а также их завуалированное признание того, что зависимость от России в потенциале представляет угрозу их идентичности.

Эти пласты формировались на протяжении некоторого времени и продолжают развиваться, так что в разные моменты времени разные их аспекты становятся более важными и приоритетными. Анализ, предпринимаемый третьими сторонами, показывает, что у сторон конфликта существуют разные точки отсчета и разные ожидания результатов переговоров. С середины 1990-х годов переговоры при посредничестве ООН проходили без согласованной повестки дня и довольно часто превращались в механизм по управлению кризисами вместо механизма, способного продвигать процесс по существу. В контексте пяти уровней конфликта можно сделать заключение, что в центре внимания переговоров находился грузино-абхазский конфликт вокруг проблемы суверенитета, но усилиям переговорщиков постоянно мешали грузино-российские отношения и взаимоотношения России и западных держав. Тем не менее то, как ООН позиционировала себя по отношению к сторонам конфликта, на деле поддерживая тот вариант разрешения, которого добивалась одна из сторон, стало структурным недостатком, подорвавшим ее способность выступать в качестве посредника. Тем не менее это не должно преуменьшать роль, которую сыграли сменявшие друг друга специальные представители ООН, поддерживая процесс на плаву и принимая меры по устранению возникающих время от времени всплесков напряженности.

Переговоры продолжались более десяти лет, и на их фоне становилось ясно, что ни грузины, ни абхазы не разделяют идею о том, что переговоры приблизят их к достижению поставленных целей или приведут к конечному результату, на который они могут полагаться. Абхазы воспринимали ООН как клуб государств, который, несмотря на попытки посредничества в женевском процессе, сделал территориальную

целостность Грузии неперенным условием урегулирования, что, по определению, исключало желаемый с точки зрения абхазов результат – признание независимости, которую они провозгласили в 1999 году. Грузины все меньше и меньше доверяли России и ее принципиальности в качестве посредника (и члена Группы друзей Генерального секретаря ООН), а, следовательно, и способности Группы друзей обеспечить результат, которого они ожидали – восстановление территориальной целостности Грузии. В связи с тем, что обе стороны ставили под сомнение эффективность переговоров, со временем геополитическая обстановка, в контексте которой проходил мирный процесс, позволила сторонам делегировать свои права на урегулирование конфликта внешним спонсорам (для Грузии это были США/ЕС, а для Абхазии – Россия). Отсутствие единого голоса и видения среди государств, осуществлявших посредничество, превратило процесс переговоров в арену соперничества. По мере возникновения иных международных приоритетов внешние спонсоры меняли режим срочности, то набирая, то снижая «обороты». Как правило, их устраивало сохранение того состояния, которое воспринималось ими как устойчивый статус-кво (что, в свою очередь, дало укорениться довольно ошибочной идее «замороженного конфликта», так как заморожен был не конфликт, а процесс поиска мирного решения конфликта), но временами они начинали с удвоенной энергией добиваться урегулирования.

Если при Шеварднадзе существовало ощущение, что Россию можно использовать для разрешения конфликта в пользу Грузии, то после двух лет своего правления президент Саакашвили пришел к убеждению, что Россия является главным препятствием урегулирования. Это в очередной раз привело к утверждению, что конфликт является не грузино-абхазским, а грузино-российским. Последнее сопровождалось более решительными действиями Грузии, целью которых было изменение роли России таким образом, чтобы вместо третьей стороны-посредника она рассматривалась как третья сторона-игрок, способствующий укреплению конфликта. Таким образом, стратегия Грузии заключалась в том, чтобы интернационализировать конфликт и заручиться более последовательной внешней поддержкой. В итоге это привело к тому, что абхазы восприняли такую стратегию Грузии как попытку изолировать их и оказать на них давление. Это увеличило их зависимость от России и усилило сопротивление действиям Грузии. Что же касается Грузии, то внешняя поддержка оказалась не такой безусловной, как она предполагала. Грузия и Россия все быстрее скатывались вниз по спирали взаимных провокаций к войне 2008 года.

Этот краткий обзор определяющих факторов и уровней конфликта и мирного процесса, действовавших на протяжении всего периода работы Шлайнингского процесса, не претендует на исчерпывающее описание их сложности. В то же время его цель заключается в том, чтобы подчеркнуть: природа идентичности уходит своими корнями в политический контекст и постоянно меняется по мере его изменения. Это сила, которая движет конфликтом, сила, которой пользуются стороны для представления себя и своих аргументов, и сила, с которой должны считаться игроки, желающие изменить ситуацию.

Осознание этого факта сказалось на ходе Шлайнингского процесса. Наличие нескольких уровней ограничивало возможности урегулирования, но когда мы пытались определить для себя, что именно можно предложить в такой ситуации, мы пришли к выводу, что нельзя терять из виду центральный характер грузино-абхазских отношений. Особенно важным представлялось, что процесс не должен быть сведен к политике крупных держав или к ожиданию каких-либо действий со стороны крупных держав – это могло подорвать владение процессом и участие в нем тех, кто непосредственно вовлечен в конфликт и испытывает на себе его влияние. В то время как процесс такого рода не мог заменить собой работу посредников и, тем более, официальные переговоры, он мог предоставить альтернативу в отдельно взятом пространстве, не отягощенном ощущением ангажированности или ограничениями, с которыми сталкивалась ООН, пытаясь уравновесить различные позиции членов Группы друзей. Отсутствие статуса и рычагов давления давало возможность создать творческую атмосферу внутри Шлайнингского процесса, когда участники могли рассматривать и обсуждать вопросы, которым в других контекстах нередко придавалась излишняя важность или ценность еще до того, как они были должным образом изучены. Во многом эта ситуация оказалась идеальной для развития «колеи» или «дорожки» такого рода.

4. Вторая колея или одна с половиной?

Иногда неясно, есть ли разница между уровнями, на которых действуют инициативы «колеи одна с половиной» и инициативы «второй колеи». Одно из определений «второй колеи», которое как раз помогает разрешить эти дилеммы, заключается в том, что она «может пониматься в широком смысле слова как неофициальные, неправительственные мероприятия по предупреждению или разрешению вооруженного конфликта». Это могут быть попытки осуществления прямого посредничества в конфликте, когда нет официальных посредников, подготовка почвы для официальных инициатив или работа параллельно с официальными переговорами для того, чтобы создать благоприятную среду и способствовать успешному разрешению переговоров. Это, главным образом, неофициальная работа в поддержку официальных дипломатических переговоров, цель которых – попытаться прекратить гражданскую войну. Она отличается от других инициатив, которые тоже могут вносить вклад в построение мирного общества, например, от народного миротворчества... Наше понимание «второй колеи» включает так называемые инициативы «колеи одна с половиной», которые могут иметь более тесную связь с официальным процессом, чем инициативы в диапазоне «второй колеи», но во многом осуществляются при участии одних и тех же людей. Однако понимание того, что конкретно представляет собой «вторая колея», неизбежно носит субъективный характер.⁶

6 P. Dixon and M. Simmons (2006). "The role of track two initiatives in Sudanese peace processes"; in P. Dixon and M. Simmons (Eds.) *Peace by piece: Addressing Sudan's conflicts, Accord: a review of international peace initiatives*, London: Conciliation Resources, стр. 60-61

Фасилитаторы процесса межтаджикского диалога, которые провели 29 встреч в период между 1993 и 2000 годами, описывают, как «его участники и сам процесс превратились в своего рода мозг, работавший на фоне создававшегося государства».⁷ Процесс осуществлялся в четыре этапа: решение пойти на риск переговоров с противником и обеспечение широкого представительства всех фракций конфликта; картографирование проблем и взаимоотношений для того, чтобы перейти из области взаимных обвинений в область анализа, а также создание пространства для подготовки к переговорам или для самих переговоров; изучение проблем и отношений; наконец, разработка сценариев и планирование стратегий, содержащих взаимодополняющие и взаимоусиливающие шаги по созданию импульса для преодоления препятствий.⁸

Бывший американский дипломат и один из фасилитаторов процесса Хал Сондерс, говоря о принципе «Устойчивого диалога», отмечает, что «многие конфликты не готовы к официальному посредничеству и переговорам. Учитывая тот факт, что на официальных переговорах редко рассматриваются вопросы идентичности, страха, исторических претензий и несправедливости, которые являются жизненно важными для урегулирования конфликта, «Устойчивый диалог» предоставляет пространство, в рамках которого граждане могут сами начать процесс изменения отношений». Опыт межтаджикского диалога был именно тем уроком, который имели в виду фасилитаторы из «Ресурсов примирения» и Бергхофского центра, когда взялись за организацию первых встреч того, что позже стало называться Шлайнингским процессом.

Шлайнингский процесс представлял собой инициативу, которая вовлекала тех, кто занимался официальным процессом посредничества (должностные лица), в неформальный контекст. Участие в инициативах и помощь в развитии инициатив, в которых участвовали только представители гражданского общества (и которые чаще воспринимались как колея два, в противоположность колее один с половиной), позволили сформулировать два соображения. Первое – колея один с половиной по своей природе связана с макрополитическим процессом, и хотя колея два может не иметь такой связи, фасилитаторы все же должны быть предельно чувствительны к такой динамике. Второе – такие процессы, как бы мы их не называли, способствуют диалогу, а не переговорам с помощью посредника. По сути своей они относятся к переосмыслению возможностей и к подготовке почвы для более эффективных переговоров.

5. Эволюция Шлайнингского процесса

Шлайнингский процесс ставил своей целью выработать формат, который относился бы с уважением к уязвимости и ощущению собственной незащищенности сторон, и в то

7 R. Slim and H. Saunders (2001). 'The Inter-Tajik Dialogue: from civil war to wards civil society' in K. Abdullaev and C. Barnes (Eds.) *Politics of compromise: the Tajikistan peace process*, (eds), *Accord: an international review of international peace initiatives*. London: Conciliation Resources, стр. 44

8 Там же, стр. 45–46.

же время предоставлял бы им пространство для поиска возможных путей выработки более согласованных подходов к общим проблемам. Это основывалось на желании повлиять на контекст и даже на сами переговоры, но при этом не подразумевалось, что стороны начнут переговоры в рамках процесса. В то же время встречи участников совершенно очевидно включали в себя элемент переговоров в том смысле, что вниманию присутствующих предлагались идеи, после чего участники проверяли их действенность и привлекательность. Испытание идей и рассмотрение вопросов представляли собой способ определить возможную степень их податливости и гибкости в иных контекстах, и, учитывая уровень представительства в процессе, такие контексты включали в себя официальные переговоры между сторонами.

Процесс вырос из работы по повышению потенциала грузинских и абхазских НПО, которую начал Мартин Шумер, сотрудник организации «Добровольцы ООН», проводивший полевые исследования в 90-е годы. Работая с гражданскими активистами в Сухуме/и и Тбилиси, Шумер ощущал насущную потребность в объединении активистов разных сторон кавказских конфликтов. «Добровольцы ООН» и Хельсинская гражданская ассамблея организовали общекавказскую встречу по вопросам прав человека и урегулированию конфликтов в австрийском Центре мира и урегулирования конфликтов (город Штадшлайнинг) летом 1996 года. В результате разговора, который состоялся между Шумером, автором данной статьи (который был приглашен на встречу в качестве докладчика) и парой участников, была проведена недельная встреча 22 грузинских и абхазских активистов гражданского общества (включая одно должностное лицо и одного депутата парламента) в январе 1997 года. В то время «Добровольцы ООН» и организация «Ресурсы примирения» работали вместе с «Центром гуманитарных программ» в Абхазии над организацией серии учебно-подготовительных мероприятий для зарождающегося гражданского общества, журналистов и студентов, с привлечением официальных лиц из числа молодежи. В Грузии также были организованы мероприятия для журналистов и перемещенных лиц, чтобы оказать поддержку активистам и получить информацию об условиях, в которых они работали. С местными партнерами был обсужден вопрос систематизации такого участия с целью создания так называемой «социальной инфраструктуры мира», которая увязывала бы работу в сообществах с созданием возможностей для политического диалога.

Основываясь на имеющейся у нас информации и оценке возможности конструктивного вклада в мирный процесс, фасилитаторы январской встречи 1997 года⁹ попытались понять, можно ли использовать подход по умозрительному решению проблем с участниками, близко стоявшими к соответствующим властным структурам сторон конфликта. Партнерские НПО также понимали необходимость проведения встреч-диалогов, не ограниченных участием гражданских активистов, как это происходило до сих пор. Именно в это время

9 Речь идет об авторе данной статьи и Норберте Роперсе из Бергхофского центра управления конфликтами; в то же время Мартин Шумер направлял этот процесс, но решил не брать на себя роль фасилитатора, чтобы избежать конфликта интересов с его работой в сообществах.

происходило оформление нескольких процессов в рамках гражданского общества¹⁰, и принимавшие в них участие абхазские партнеры одновременно занимались инициативами по повышению внутреннего потенциала абхазского гражданского общества. Они считали, что необходимо двигаться дальше, выходить за рамки узкого круга активистов НПО, чтобы оказать более широкое социальное и политическое воздействие на общество. Они также хотели обезопасить себя от обвинений в общении с грузинами спустя небольшое время после окончания конфликта, что воспринималось весьма негативно многими представителями абхазского общества.

Эти заключения разделял один из ключевых партнеров с грузинской стороны, который считал, что между официальными лицами и политиками по обе стороны конфликта нет достаточных контактов. Кроме того, чувствовалась необходимость познакомить должностные лица и политиков с ожесточенными дебатами, проходившими среди гражданских активистов, участвующих в неофициальных процессах, которые, по их мнению, качественно отличались от дебатов на уровне официального процесса, когда официальные представители могли легко спрятаться за завесой и шумихой официальных переговоров. Сложился консенсус о том, что такие «встречи без галстуков» могут оказаться чрезвычайно полезными для политических акторов.

Как грузинские, так и абхазские партнеры были озабочены ограниченностью демократического пространства в своих обществах и видели явную связь между его расширением и урегулированием конфликта. Демократизация воспринималась как самоценность, и в то же время существовало мнение, что расширение демократических горизонтов поможет создать более высокую степень плюрализма для более глубоких обсуждений вопросов конфликта. Не похоже, чтобы этот подход разделялся элитами. Абхазскую сторону сдерживали опасения возможных последствий для безопасности, а грузинскую сторону в последние годы правления Шеварднадзе беспокоило управление все более и более разлаженной государственной машиной. Среди грузинской оппозиции также существовали различные точки зрения, включая мнение о том, что сначала нужно бросить все усилия на построение демократического государства в Грузии, после чего можно заняться урегулированием конфликта. Однако один из ключевых партнеров «Ресурсов примирения» считал, что без интеграции урегулирования в процесс демократических преобразований существует риск, что националисты сделают конфликт частью своей повестки и это подорвет шансы демократии.

На протяжении 1999 года организация «Ресурсы примирения» провела ряд обширных дискуссий с гражданскими активистами, официальными лицами и политиками. Кроме необходимости убедить этих людей, привыкших к советскому диктату и риторике, в полезности подхода к решению проблем, серьезным барьером были трудности с поездками

¹⁰ Один из них осуществлялся Полой Гарб под эгидой Калифорнийского университета (Ирвайн) (http://www.peacebuilding.uci.edu/pb_cs_abkhazia); второй проводила лондонская организация "International Alert"; процесс, который она координировала, вскоре приобрел общекавказский характер и привел к созданию Кавказского Форума НПО.

абхазских участников. У них были советские паспорта, которые не были законными документами для поездки в Австрию, выбранную местом проведения первого семинара. Проблема была решена, когда австрийские власти согласились на выдачу разрешения на въезд *laissez-passer* после получения согласия от российских и грузинских властей.

Пока утрясались технические аспекты встречи, продолжалось обсуждение политических вопросов. Инициативу поддержал австрийский посол на Южном Кавказе, а специальный переговорщик ООН по конфликтам в бывшем Советском Союзе обратился к Шеварднадзе с просьбой поддержать участие в первой встрече должностных лиц высокого ранга с грузинской стороны. Эта внешняя поддержка дополняла усилия главного партнера «Ресурсов примирения» со стороны гражданского общества в Грузии по обеспечению грузинского участия в семинаре. С абхазской стороны попытки убедить власти должны были исходить от самих абхазских коллег. Активисты гражданского общества хорошо ориентировались и лавировали в сложных переплетениях властных отношений абхазских высоких должностных лиц, среди которых были такие, кто видел пользу во взаимодействии. Но даже те, кто поддерживал эту идею, проявляли всяческую осторожность. Наиболее благосклонно настроенный из них сообщил автору статьи, что он не хочет «участвовать в чисто грузино-абхазском диалоге, но, в общем, открыт для идеи фасилитаторства неофициальных контактов». Поначалу фасилитаторы рассматривали возможность проведения более широкого диалога, чтобы пойти навстречу желанию этого должностного лица. Однако диалог со слишком большим числом участников мог нивелировать идею прямого грузино-абхазского взаимодействия. Таким образом возникла идея призыва в качестве средства разрешения существовавших трудностей (более подробное объяснение приведено ниже).

На этом фоне в 2000 году начался процесс более структурированного и устойчивого диалога. С того момента и по 2004 год проходило по три 5-6-дневных встречи в год. В 2004 году бурные политические события по обе стороны конфликта дали возможность провести всего одну встречу. В 2005-2006 годах прошло по три встречи, продолжительностью три-четыре дня каждая, так как официальным лицам было трудно оторваться от дел на более длительный срок.

Начавшийся в середине 2006 года процесс переосмысления конфликта повлиял на пространство для инициатив второй колеи. С середины и до конца 2006 года, по мере того, как грузинские власти вели политику интернационализации конфликта (чтобы уменьшить влияние России), акцент на грузино-российское измерение привел к сужению пространства для грузино-абхазского диалога и к изоляции Абхазии. Хотя чисто гражданские процессы не были официально запрещены, но они не особо приветствовались официальными кругами в Тбилиси, а любые инициативы гражданского общества с подключением должностных лиц высокого ранга и политиков к участию в работе между сторонами конфликта все больше рассматривались как непродуктивные. Вследствие этих изменений в динамике конфликта стало гораздо труднее устраивать встречи именно в тот момент, когда они представлялись особенно нужными. Летом 2007 года в Лондоне прошла встреча, на которую приехали

депутаты парламента, но не правительственные чиновники, причем два грузинских депутата парламента от правящей партии отказались от участия за три дня до проведения семинара, дав понять организаторам, что на них было оказано давление. Организация «Ресурсы примирения» чувствовала потребность в продолжении взаимодействия, так как обстановка в регионе постоянно ухудшалась, а риторика сторон свидетельствовала о нарастании несогласий, но все попытки устроить очередную встречу весной и летом 2008 года не увенчались поддержкой достаточного количества игроков в грузинском правительстве¹¹. С точки зрения фасилитаторов, нежелание грузинских официальных лиц продолжать взаимодействие означало, что Шлайнингский процесс завершился.

6. Организация и осуществление процесса диалога

6.1. Задачи

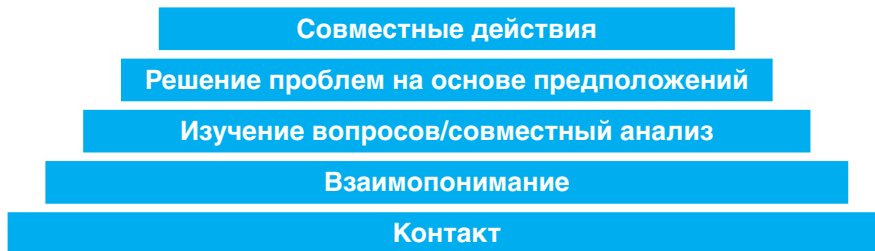
По замыслу фасилитаторов, процесс диалога должен был решить несколько задач. Главная цель состояла в том, чтобы создать безопасную среду, в которой могли бы взаимодействовать влиятельные акторы, представляющие стороны конфликта. Это делалось отчасти для того, чтобы наладить отношения между лицами, принимающими решения, равно как и лицами, которые влияют на процесс принятия решений. Другая задача состояла в том, чтобы организовать форум, в рамках которого появилось бы новое аналитическое мышление, которое с течением времени стало бы подпитывать новыми идеями официальный процесс. После окончания войны решение проблемы отсутствия общения между сторонами заключалось уже не просто в генерировании новых идей для официального процесса. Целью стало создание пространства или среды, в которой можно было бы подвергать критической оценке стереотипы и добиваться того, чтобы идеи постепенно просачивались в общественную среду. Это подразумевало необходимость изменений в обоих контекстах – официальном и общественном.

С самого начала у фасилитаторов зародилась идея ряда взаимосвязанных этапов, которые представлены в следующей диаграмме:¹²

11 В июне 2008 года в Стокгольме состоялась встреча между политиками и высокими должностными лицами, представляющими стороны конфликта. Встреча была инициирована специальным представителем президента Грузии по конфликту Ираклием Аласания при поддержке шведского ученого. В беседах, состоявшихся с рядом участников после завершения встречи, они отметили, что она лишь подтвердила расхождения, укоренившиеся к лету 2008 года.

12 С. McCartney, (1986) 'Human Rights Education' in Northern Ireland Standing Advisory Committee on Human Rights, 11th Annual Report. London: HMSO.

Рисунок 1: Основные взаимосвязанные этапы в процессе диалога

Эти шаги не задумывались как взаимоисключающие или как взаимодействие, ограничивающееся Шлайнингским процессом. То, что каждый последующий этап строился на предыдущем, не означало, что на этом работа по консолидации предыдущего этапа заканчивалась или что нельзя было перескочить через определенные этапы. Другими словами, представленные здесь шаги являлись продолжающимся взаимоусиливающим процессом. Такая когнитивная модель рассматривала идею процесса диалога как часть разнонаправленного подхода. Важным элементом этой модели было признание того факта, что эффективная работа между сторонами конфликта будет иметь больший резонанс, если она будет строиться на работе сторон внутри своих сообществ. Исходное предположение заключалось в том, что для уверенного взаимодействия с собеседниками по другую сторону конфликта по ряду чувствительных вопросов участникам, стремящимся к такому взаимодействию, нужно было иметь корни в собственном сообществе. Это должно придать им авторитетность и означать, что идеи и темы, которые они представляют вниманию участников диалога, отражают вопросы, вызывающие особый интерес в их собственном обществе. Таким образом, помимо работы по налаживанию связей между сторонами, организация «Ресурсы примирения» занималась фасилитаторством целого ряда мероприятий с участием гражданского общества и политических акторов по обе стороны конфликта.¹³ Эти инициативы предпринимались в ситуации, когда другие акторы осуществляли ряд других проектов, что время от времени создавало тесное сотрудничество между различными представителями гражданского общества и все вместе способствовало рождению «социальной инфраструктуры мира».

6.2. Начало процесса – призма

Для того чтобы запустить процесс, фасилитаторам необходимо было заручиться активным согласием наиболее влиятельных коллег. Многие участники скептически относились к диалогу и его пользе, так что было важно представить их вниманию формат, структурированный таким образом, чтобы они почувствовали себя комфортно в рамках

¹³ См. также информацию и отчеты о реализуемых в настоящее время проектах и мероприятиях на вебсайте «Ресурсов примирения»: www.c-r.org

этого формата. Их скептицизм отчасти являлся результатом нежелания обсуждать собственную ситуацию, так как подобное обсуждение могло обнажить уязвимые места в их подходе. Для того чтобы преодолеть эту проблему, фасилитаторы решили ввести в процесс идеи из разных контекстов, как региональных, так и тематических. В этом была логика по существу (введение новых точек зрения) и политическая логика (желание несколько «размыть» внимание к грузино-абхазской динамике, в обсуждение которой отдельным участникам не хотелось окунаться в самом начале диалога). Поначалу фасилитаторы обсуждали возможность сведения вместе коллег из разных конфликтов, но потом они пришли к выводу, что это было совершенно невыполнимо логистически; кроме того, это разбавило бы грузино-абхазский процесс до такой степени, что полностью изменило бы поставленные цели. Таким образом, появилось понятие призмы, когда в первые дни семинара приглашали экспертов из других конфликтных регионов, что делало семинар не просто встречей грузин и абхазов, но давало внешним экспертам возможность поделиться своими взглядами и, таким образом, поддержать грузин и абхазов в их попытке взглянуть на свой опыт под иным углом зрения. На первый семинар были приглашены два члена Законодательной ассамблеи Северной Ирландии: один – член партии ольстерских юнионистов, другой – представитель социал-демократической и лейбористской партии. Но потенциальные участники семинара выразили желание рассматривать конфликт не только через призму, но и обсуждать определенную тематику конфликта. Поэтому на один день в середине семинара был приглашен эксперт по вопросу санкций.

Как оказалось, присутствие этих людей, особенно членов Североирландской ассамблеи, спасло весь процесс, когда прямо накануне семинара госминистр Грузии неожиданно для всех прислал на встречу дополнительного участника, чья кандидатура не оговаривалась заранее. Этот участник был одним из ведущих политиков сообщества внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), и абхазские коллеги пригрозили отказом от участия в семинаре – отчасти потому, что он не был согласованной фигурой, и отчасти потому, что он обладал весом и влиянием в политических кругах ВПЛ. Вопрос участия ВПЛ, на которое абхазские власти шли чрезвычайно неохотно, был на деле разрешен путем приглашения на семинар молодого представителя ВПЛ-сообщества, который работал в рамках Двусторонней координационной комиссии, оказавшей поддержку в подготовке семинара. Проблема заключалась в самом факте прибытия незаявленного нового участника, несмотря на то, что для большинства абхазских участников он был хорошо известным и уважаемым человеком. На самом деле он был лучше известен абхазским участникам семинара, нежели их грузинским коллегам.

Семинар начался с обсуждения грузинскими и абхазскими участниками, отдельно друг от друга, вопроса о том, как реагировать на прибытие дополнительного участника. Сидя в разных комнатах, они рассмотрели имеющиеся у них варианты, а затем на общем заседании приняли совместное решение: провести не диалог, а простой семинар, на котором будут обсуждаться различные вопросы, связанные с конфликтами, начиная с Северной Ирландии, но не сам грузино-абхазский конфликт. Это был выход, который давал абхазским

партнерам возможность сказать, что они присутствовали на международном семинаре (если бы против них были выдвинуты обвинения в том, что они находились в одной комнате с ведущим политиком из сообщества ВПЛ); кроме того, это давало возможность «сохранить лицо» грузинам, которые прекрасно понимали, что грядущий потенциальный срыв встречи связан со спонтанным и непредвиденным прибытием на встречу делегата по инициативе Тбилиси.¹⁴ Тот факт, что встреча на деле превратилась в научный семинар по вопросам, выходящим за рамки грузино-абхазских отношений (хотя неофициально участники обсуждали и свои собственные проблемы), также позволил сторонам убедиться, что фасилитаторы не пытаются сами сменить повестку, но просто предоставляют сторонам пространство для формулирования собственных взглядов и позиций, связанных с процессом. Для самого Шлайнингского процесса это был исключительно важный шаг в сторону построения доверия.

Призма других конфликтов оставалась вступительной частью всех остальных семинаров первых двух лет (и занимала обычно день-два). Частично это структурировало семинары, частично было связано с ее символической или политической ценностью для абхазов, но также и потому, что она вносила довольно существенный вклад сравнительного анализа, позволявшего сторонам проецировать историю собственных отношений на опыт других конфликтов. На первых четырех семинарах политические акторы, представлявшие стороны конфликтов в Северной Ирландии, Боснии, Шри-Ланке и Кипре, каждый из которых содержал актуальные аспекты для сравнения, представляли вниманию участников «призму» этих конфликтов. Пятая призма была связана с рассмотрением ошибок прошлого в подаче представителя Южной Африки, который работал в южноафриканской Комиссии по установлению истины и примирению. Она послужила полезным введением в тему примирения, которая подспудно постоянно присутствовала на заднем плане всех обсуждений, но к которой трудно было подойти. Возможно это было связано с тем, что участники не хотели отказываться от позиций, которые, по их мнению, укрепляли интересы их стороны. Это также отражало серьезную проблему, которую представляла собой необходимость критически оценить поведение своей стороны накануне войны и во время войны. Разительно отличающиеся друг от друга нарративы – изложения фактов сторонами конфликта – и по сей день остаются фундаментальным вопросом, который их разделяет.

6.3. От призм к политике

После пятого семинара процесс мог продолжаться в двух разных направлениях: можно было пойти по пути углубления сравнительных и тематических аспектов, которые, без всякого

¹⁴ Важно отметить, что приезд данного участника был реакцией тогдашнего госминистра на давление, которое на него оказывали представители правительства в изгнании, болезненно реагировавшие на свое исключение из встреч и пытавшиеся сорвать их путем широкой публичной критики. Новоприбывшее лицо выполняло обязанности советника госминистра, но на деле не входило в окружение главы правительства в изгнании, так что его участие, с одной стороны, являлось своего рода прикрытием позиции госминистра, и с другой – нейтрализовало возможную критику со стороны правительства в изгнании.

сомнения, помогали участникам каждой встречи, шаг за шагом подводя их к ключевым вопросам, связанным с их собственной ситуацией. А можно было продолжить диалог, который совершенно открыто и целиком будет посвящен грузино-абхазской динамике. В определенном смысле направление процесса становилось все более очевидным по мере того, как участники все сильнее стремились сфокусировать свое внимание на собственном опыте и более значимом диалоге. События в Кодорском ущелье Грузии в ноябре 2001 года, во время подготовки к шестому семинару, разрешили эту дилемму. Последовавший за этим период повышенной напряженности чуть не привел к возобновлению военных действий. В результате за десять дней до проведения семинара у нас еще не было подтверждения участия сторон. С одной стороны, организаторы не хотели тратить лишние деньги на оплату приезда дополнительных лиц для представления «призмы», когда не было уверенности в том, что семинар вообще состоится, с другой – и это было важнее – стало ясно, что если семинар все-таки будет иметь место, то все внимание придется сосредоточить на актуальности происходивших событий.

Семинар, состоявшийся в декабре 2001 года, оказался важным по целому ряду причин. Прежде всего, на нем состоялся наиболее острый критический диалог за все время процесса, позволивший участникам использовать безопасную площадку форума, чтобы обсудить вопрос о том, почему последние события чуть не привели к возобновлению военных действий. Это дало им возможность более творчески подойти к размышлению о возможности избежать подобных эскалаций в будущем. Это, в свою очередь, подготовило почву для гораздо более умозрительного подхода к решению проблем на последующих семинарах. Во-вторых, спецпредставитель генерального секретаря ООН воспользовался тем, что семинар проводится в Берлине, где он сам находился в это время, чтобы приехать на встречу с группой ведущих фигур в составе грузинской и абхазской делегаций и рассказать о плане ООН по структуризации будущих переговоров. Этот план, который позже стал известен под названием Документ Бодена, был разработан по просьбе Группы друзей Грузии, но оказался весьма неоднозначным для абхазов, так как заранее исключал предпочитаемый ими исход. В результате они отказались его рассматривать. В этот период серьезных трений посол Боден два часа отвечал на вопросы участников, что дало ему возможность изложить свою позицию и произвести впечатление на присутствующих принципиальностью своего мышления. В то время как общая ситуация не позволяла возобновить формат переговоров, проведение семинара было важным сигналом сторон о своем намерении вести диалог.

Идея применения призм в качестве механизма анализа грузино-абхазского конфликта под иным углом зрения по-прежнему использовалась после пятого семинара, хотя и не столь формально. Докладчиков из других конфликтных регионов больше не приглашали. Вместо этого фасилитаторы время от времени перемежали семинар мини-сессиями, посвященными другим конфликтам. При таком более структурированном

сравнительном подходе на основе других контекстов, Шлайнингский процесс оказался более целенаправленно сфокусирован на диалоге между сторонами.¹⁵

Присутствие посла Бодена на семинаре высветило еще один заслуживающий внимания аспект: необходимость налаживания каналов общения с посредниками в официальном процессе переговоров. Фасилитаторы регулярно встречались со специальным представителем генерального секретаря ООН и старшими сотрудниками в офисах ООН в Тбилиси и Сухуме/и; несколько раз фасилитаторов приглашали на встречи в Нью-Йорке для выступления перед представителями Департамента операций ООН по поддержанию мира (ДОПМ) и Департамента по политическим вопросам ООН (ДПВ); один раз они организовали в Лондоне коллективное обсуждение идей методом мозгового штурма при участии Специального представителя Генсека ООН. Такое взаимодействие, наряду с регулярными встречами с представителями Группы друзей, помогало фасилитаторам лучше понимать ограничительные факторы, влиявшие на официальный процесс, и делиться своими заключениями, полученными в ходе Шлайнингского процесса. Самым очевидным знаком, свидетельствующим о связи между двумя процессами, было участие ряда фигур в обоих процессах. Участники двух процессов отдавали должное Шлайнингскому процессу, так как он создавал климат, при котором неформальный характер встреч позволял совершенно по-иному изучать и анализировать вопросы по сравнению с официальным процессом, который редко позволял участникам рассматривать вопросы творчески или неортодоксально. Участие посла Бодена в семинаре в Берлине было одним из двух примеров участия внешней дипломатической фигуры в шлайнингском семинаре. В то же время были и другие моменты, когда фасилитаторы устраивали встречи участников с дипломатами в странах, где проводились семинары, чтобы проинформировать дипломатов и дать участникам возможность познакомиться с более широким кругом дипломатических подходов и позиций.

6.4. Непрерывное планирование и фасилитаторство

Для того чтобы организовать форум, который позволил бы достичь обозначенных целей, постепенно сформировался «элицитивный» стиль фасилитаторства – организаторы составляли повестку дискуссий на основе идей и потребностей, озвученных самими участниками. Непрерывное планирование с самого начала являлось неотъемлемой частью процесса, хотя, как говорилось выше, чтобы добиться комфортного ощущения участников процесса, самые первые семинары-диалоги носили гораздо более структурированный характер. Фасилитаторы не прибывали на встречу с готовым набором моделей для представления их участникам, но определяли содержание семинара на основании своих

¹⁵ В 2002 году «Ресурсы примирения» организовала три учебных поездки в Северную Ирландию для политиков и активистов гражданского общества обеих сторон конфликта. См. <http://www.c-r.org/resources/occasional-papers/study-visit-reflections.php>. Дальнейшие учебно-ознакомительные поездки в другие конфликтные регионы, организованные «Ресурсами примирения», Бергхофским центром, «International Alert» и другими организациями, продолжали обеспечивать важный сравнительный аспект процесса.

предварительных знаний и понимания потребностей и приоритетов, выделенных самими участниками. В начале каждого семинара предоставлялось дополнительное пространство, чтобы участники могли вывести на первый план вопросы, которые интересовали их в данный момент. Постепенно сложился порядок, при котором в первый день семинара отводилось время для детального анализа видения ситуации обеими сторонами. Фасилитаторы использовали этот анализ, чтобы определить круг вопросов, которые могли лечь в основу относительно легко управляемой дискуссии, и вопросов, в которых наблюдалась пробуксовка и которые нуждались в переосмыслении. Такой подход требовал серьезной рефлексии в конце каждого рабочего дня на заседании команды фасилитаторов. После этого фасилитаторы могли концептуально представить структуру следующего дня (или дней), часто выбирая одного из членов своей команды в качестве руководителя процесса выработки конкретных структур для обсуждений.

Важным был тот факт, что отношения между фасилитаторами были прекрасными, и они очень хорошо знали друг друга, так как нередко совместно работали в других контекстах. Благодаря этому фасилитаторство диалогов носило почти интуитивный характер. Весь процесс оказался возможным в результате подбора команды фасилитаторов, которые обладали подробными знаниями ситуативного контекста, широким опытом других контекстов и понятий трансформации конфликта, которые могли быть введены в диалог в нужный момент. В основе лежало желание, даже, можно сказать, готовность фасилитаторов выслушивать осмысление участниками собственного контекста и опыта и намерение находить возможности возвращать эту информацию обратно, но под разными углами зрения. Постепенно роли фасилитаторов также эволюционировали: автор данной статьи имел большой опыт работы в регионе и, таким образом, отвечал на первой стадии процесса за достижение вовлеченности сторон и увязку дискуссий на семинарах с политическим и гражданским обществами обеих сторон для поддержания их заинтересованности и вовлеченности. Норберт Роперс и Клем Маккартни обладали большим концептуальным и фасилитаторским опытом, позволявшим им направлять процесс диалога. Со временем изменилась и роль автора статьи, который стал принимать более активное участие в непосредственном фасилитаторстве, особенно после выхода из процесса Норберта Ропера, сосредоточившего свои усилия на важной инициативе в Шри-Ланке. Другие члены команды, начинавшие работу над процессом в качестве наблюдателей, подпитывавших процесс своими идеями во время подробных обсуждений внутри команды фасилитаторов в конце каждого рабочего дня, постепенно стали выполнять функции фасилитаторов небольших заседаний рабочих групп, а позднее и пленарных заседаний. Коллективный вклад разных членов команды имел решающее значение, так как позволял подбадривать и подробно изучать идеи друг друга и играл роль своего рода страховочной сетки, которая улавливала идеи, ускользнувшие от внимания того или другого члена команды.

Фасилитаторы стремились создать пространство, в котором участники чувствовали бы себя уверенно и могли бы обмениваться информацией, совместно анализировать ключевые

проблемы и систематически исследовать возможные сценарии. Обмен информацией имел особое значение, так как после войны многие из предположений относительно другой стороны, которые были в ходу среди участников семинара, либо устарели, либо воспринимались как взгляд сквозь розовые очки, либо порождали антагонизм, нужный некоторым из них, чтобы оправдать послевоенный политический курс перед собственными избирателями. Насколько бы хорошо, как казалось самим участникам, они ни знали друг друга и другую сторону, семинары служили постоянным местом, где разрушались стереотипы и развенчивались иллюзии. Совместный анализ играл ключевую роль в понимании самого конфликта, процесса многочисленных попыток по его разрешению и возможностей, которые можно было использовать. В процессе урегулирования конфликта такой анализ играет критически важную роль, особенно если принять во внимание отсутствие у сторон общего понимания конфликта, что серьезно затрудняет их способность найти взаимоприемлемые решения. Выстраивание сценариев и изучение того, как будут выглядеть желаемые или вероятные контексты по прошествии определенного времени в будущем, ставили своей целью выработку нового взгляда на потенциальные ситуации в условиях, определяемых самими участниками.

Создавая пространство для интерактивного взаимодействия, фасилитаторы намеревались сохранить полемическую динамику, оставаясь чувствительными к узким местам, которые возникали в отдельных дискуссиях, и решая, когда стоит направлять участников (или всю группу) дальше. Иногда участники хотели бы избежать обсуждения сложных вопросов. Это касалось либо одной из сторон, либо всей группы. Если сами участники недостаточно хорошо стимулировали и провоцировали друг друга на творческое рассмотрение вопросов, то фасилитаторы сами решали, вносить ли в обсуждение элемент остроты, или стоит учесть были важные причины, связанные с политикой или эмоциями, которые означают, что вопрос лучше отложить на некоторое время и позже подойти к нему с другого конца. Точно так же иногда дебаты заходили в тупик, и фасилитаторам приходилось решать, дать ли пробуксовывавшим обсуждениям продолжаться, чтобы найти свой собственный выход из тупика, или положить им конец. Иногда смена методики служила тем самым орудием, которое позволяло вдохнуть новую динамику в застопорившееся обсуждение. Поддержание темпа и управление списком выступающих способствовало тому, что все получали возможность высказать свою точку зрения, и одновременно позволяло избежать ложной почтительности, которая могла иногда вклиниться в процесс в связи с полом или политическим статусом кого-либо из участников. В то же самое время было важно понять, когда ход обсуждения требовал изменения порядка выступавших, и нужно ли выслушать чье-то, по всей видимости, неотложное замечание. Нередко группа могла сама регулировать происходящее, но это происходило не всегда. В целом можно сказать, что участники доверяли фасилитаторам и различным инструментам и методикам, которые вводились в процесс для поддержания течения беседы.

Кроме пленарных обсуждений, в которых принимали участие все, фасилитаторы с самого начала процесса ввели в обиход работу в малых группах для облегчения более

доверительных обсуждений. Сначала рабочие группы сторон работали по отдельности, чтобы иметь возможность обсудить собственную ситуацию в более безопасном окружении, в отсутствие «другой стороны», прежде чем перейти к дискуссии в общей группе на пленарном заседании. На третьем семинаре был внедрен принцип смешанных рабочих групп. Этому предшествовали достаточно долгие рассуждения и раздумья относительно того, отреагируют ли участники на такой ход с должной конструктивностью, но со временем они стали чувствовать себе комфортно и привыкли к такому стилю работы, который позволял им тестировать различные проблемы и проверять реакцию друг друга. Время от времени один из фасилитаторов или кто-нибудь из членов вспомогательной команды фасилитаторов выступал в качестве модератора работы смешанных групп, однако чаще всего участникам предоставлялась возможность для досконального изучения вопросов в отсутствие внешних игроков. Отчет группы на пленарном заседании становился тем моментом, когда участники получали возможность артикулировать идеи и выставлять их на всеобщее обозрение, выходя за рамки узкого круга группы, родившей эти идеи, что, возможно, давало участникам хорошее представление о том, как можно выносить эти идеи на другие форумы по возвращении домой.

Цель такого стиля дискурса и фасилитаторства состояла не в достижении определенных итоговых результатов или соглашений, но в поощрении нового видения, которое могло бы способствовать поиску результатов в иных контекстах, например, на официальных переговорах, которые обладали необходимой легитимностью. Фасилитаторы рассматривали встречи в качестве форума, способного стимулировать мышление, которое потом могло передаваться политическим сообществам сторон и влиять на их взаимодействие в рамках официального процесса.

6.5. Динамическая фаза диалога, ставшая результатом политических перемен

Как говорилось ранее, постепенно процесс развивался, менялись его содержание и характер. В 2002-2003 годах семинары начали приобретать более аналитический и глубокий характер. С каждым разом знакомство участников становилось все более тесным; политический контекст характеризовался изменчивостью – стагнация режима Шеварднадзе означала неизбежные перемены; плюс вовлеченность «Ресурсов примирения» в работу по обе стороны конфликта (наряду с другими гражданскими акторами) приобретала все большую глубину и широту, и все это придавало процессу определенный импульс.

«Революция роз» в ноябре 2003 года во многом сыграла роль катализатора перемен и неизбежно повлияла на Шлайнингский процесс. В середине декабря должна была состояться очередная встреча, через шесть недель после ноябрьских выборов в Грузии, которые повлекли за собой смену режима. Несмотря на изменение ситуации, организаторы не теряли связи с главными контактными лицами. Обе стороны по-прежнему высказывали заинтересованность в проведении встречи. Грузинские партнеры и ведущие фигуры,

которые заявили о своем участии в семинаре, хотели донести до абхазов свое возбужденно-эмоциональное состояние, вызванное переменами, свидетелями которых они стали, и вывести отношение с ними на новую, позитивную орбиту. Абхазские партнеры и должностные лица высокого ранга видели во встрече возможность получить из первых рук информацию о происходящем в Грузии, так как эти события вызывали серьезную озабоченность в Абхазии, где все уже привыкли к статус-кво и считали, что лучше «знакомый черт», чем пришедшие к власти менее известные новые лидеры.

Обсуждения, состоявшиеся на семинаре, носили чрезвычайно откровенный характер. Абхазские участники, по сути, вопрошали грузин о том, что нового сулит эта ситуация и каким образом может изменить подходы к конфликту. Во многом эта встреча оказалась преждевременной для грузинских участников, которые еще не могли четко выразить существование какого-либо нового подхода, но они пытались передать абхазам иное видение Грузии, которое пока было туманным и интуитивным, а не сложившимся и четко оформившимся. Тем не менее, было высказано несколько довольно четких формулировок. В течение года, предшествовавшего декабрьской встрече 2003 года, несколько грузинских участников принимали участие в разработке подробной концептуальной записки, в которой излагались новые отношения Грузии и Абхазии. Этот процесс подробно описан ниже, но суть состояла в том, что грузинские коллеги воспринимали встречу как возможность представить свои ключевые идеи вниманию абхазов и выслушать их реакцию. Это и общая ситуация в Грузии сделали декабрьскую встречу особенно захватывающей. Такой приподнятый настрой сохранился в некоторой степени и на следующей встрече в мае 2004 года, прошедшей с участием грузинского министра по урегулированию конфликтов и других ведущих фигур. Тем не менее на майской встрече, проходившей через несколько дней после отстранения от власти в Батуми Аслана Абашидзе, грузинские участники по-прежнему находились на гребне событий и не особенно внимательно прислушивались к абхазским коллегам, которые предупреждали их, что Южную Осетию и Абхазию нельзя сравнивать с Аджарией.

Обострение ситуации в Южной Осетии летом 2004 года и затяжные и чрезвычайно острые президентские выборы в Абхазии осенью и зимой 2004/5 годов привели к тому, что следующая встреча-диалог состоялась лишь в апреле 2005 года. К этому времени эйфория, вызванная «Революцией роз» в Грузии, сменилась более трезвым настроением. Абхазы чувствовали себя более уверенно после завершившихся президентских выборов, во время которых, несмотря на потребовавшееся посредничество Москвы, победил кандидат, не являвшийся ее ставленником.

Такие события требовали от фасилитаторов постоянного обновления анализа вместе с партнерами из рядов гражданского общества и непрерывного выстраивания отношения с меняющимися политическими элитами. Все это способствовало углублению дебатов на встречах в 2005 и 2006 годах. В паре семинаров 2005 года принял непосредственное участие специальный представитель президента Грузии. Он сумел успешно донести

до абхазов свое понимание их ситуации таким образом, что можно было предположить, будто Грузия открыта для новых веяний и подходов. Все это совпало с разработкой «Ключа к будущему» и «Дорожной карты» – соответственно абхазского и грузинского документов. Авторы, участвовавшие в подготовке обеих концепций, принимали участие в шлайнингских встречах на протяжении 2004-2006 годов. В июне 2006 года оба плана – каждый со своим видением будущего – были одновременно рассмотрены участниками восемнадцатого семинара. Они подвергли планы критическому разбору и обнаружили в них немало погрешностей, но, несмотря на все недостатки, участники отнеслись к ним как к документам, артикулирующим пространство, на котором можно было заниматься поиском согласованных вариантов будущего. Этот аналитический оптимизм оказался весьма недолговечным. Через шесть недель после встречи новая серия «кодорских событий» ознаменовала очевидную победу «ястребов» над «голубями» в грузинской стратегии урегулирования. После этого пространство для неформального и формального взаимодействия между официальными лицами и политиками обеих сторон значительно сузилось, а взаимодействие на уровне гражданского общества не обладало достаточными рычагами для того, чтобы отвести беду – наступавший период более глубокого отчуждения и возобновления военных действий, кульминацией которого стали события августа 2008 года.

6.6. Роль инсайдеров и партнеров

Шлайнингский процесс вырос из дискуссий между «Добровольцами ООН», «Ресурсами примирения», командой из Бергхофского центра и представителями грузинского и абхазского гражданских обществ в 1997-2000 годах. Самые первые обсуждения, на которых складывалось видение будущего процесса, проходили по отдельности в двустороннем формате между внешними фасилитаторами и грузинскими и абхазскими коллегами, так как возможностей встретиться всем вместе для такого обсуждения было мало. По мере становления процесса сами семинары превратились в пространство, где можно было коллективно обсуждать различные вопросы – как двигаться дальше, что принимать во внимание, дает ли процесс результаты и как взаимодействовать с динамикой конфликта и с широкими слоями общества. «Внешние игроки» выступали в качестве мостика, вносили ноту солидарности в решение чрезвычайно сложных задач, предлагали вниманию участников процесса уроки, почерпнутые из других конфликтных регионов, демонстрировали желание подвергать критическому разбору идеи коллег, заставляя их выходить за рамки их «зоны комфорта», и обеспечивали доступ к ресурсам, без которых проведение встреч было бы невозможным. Но сами участники, «свои», были в то же время партнерами, которым приходилось осторожно нащупывать путь через психологические и политические «минные поля» собственных обществ.

Процесс вырос из отношений, которые возвращают нас к идее «внутренне ангажированных и внешне нейтральных» игроков. Эта идея была сформулирована Джоном Полом Ледерахом. На основании собственного опыта работы в Никарагуа он пришел к выводу, что деятельность

внешнего постороннего нейтрального посредника была бы невозможна без тесных рабочих отношений с «инсайдерами», близкими группам, с которыми он работал, и приверженными мирному процессу. Признание важности таких инсайдеров для процесса фасилитаторства символизирует понимание важности культуры и контекста в миротворчестве, а также силы воздействий изнутри. Это одновременно является признанием вторичной роли и пределов возможностей внешних посредников/фасилитаторов даже при их обширных опыте и навыках.

Для внешней, третьей стороны очень важно понимать культурный контекст общества или обществ, среди которых они работают и в нормальный ритм жизни которых они вмешиваются. Иногда очень трудно проникнуть в культурные особенности до конца, поэтому важно избегать первых ошибочных впечатлений или скороспелых выводов. Например, в Шлайнингском процессе грузины и абхазы общались весьма успешно как вне заседаний, так и в их процессе: они рассказывали анекдоты, вспоминали случаи из прошлого, вместе пили, вместе ели в соответствии с особыми культурными обычаями, которые временами требовали объяснения для фасилитаторов. Участники по обе стороны конфликта, тем не менее, хорошо осознавали, что эта культурная эмпатия не могла заслонить собой чрезвычайно реальные политические интересы, которые их разделяли. Партнеры-фасилитаторы «изнутри» выполняли важную функцию, предоставляя ориентиры, которые помогали внешним фасилитаторам разобраться в этих сложных моментах.

В то же время в таких ситуациях не менее важно не обращать слишком большое внимание на социокультурные вопросы. Во всех конфликтах культурные коды и противоположные восприятия сторон являются ключевыми, и это требует очень чуткого расширения точек доступа внутри общества. Это также требует признания того, что не существует какого-то априорного доверия третьей стороне и что сама роль аутсайдера, который стремится к осуществлению перемен, может спровоцировать трения. Доверия сторон можно добиться путем добросовестных усилий, и в то же время у сторон могут быть разные взгляды на смысл этих усилий из-за разного восприятия конфликта; третьей стороне необходимо проникнуться мотивацией и логикой сторон, с которыми она работает, вместо того чтобы пытаться слепо навязывать им чуждую систему ценностей. Все это делает взаимоотношения с надежными инсайдерами особенно важными.

Инсайдеры Шлайнингского процесса выступали в роли фасилитаторов в собственных обществах, но с точки зрения самого процесса они играли роль незаменимых соединителей. Они налаживали связи между самими участниками и между участниками и фасилитаторами. Они служили мостиком между переговорами на уровне элит и другими слоями социума, снизу доверху. Они сообщали внешним фасилитаторам о «реальных проблемах», передавали им восприятия, реакции, требования, претензии простых людей – чего часто не удавалось сделать участникам переговоров между элитами из-за их привязки к определенному результату или из-за боязни риска, с которым ассоциировались перемены и компромиссы. В случае Шлайнингского процесса ключевые фигуры с обеих

сторон конфликта сопровождали процесс на протяжении всего периода. Они постоянно «поднимали на поверхность» вопросы, которые лежали в основе конфликта и мешали достижению прогресса в мирном процессе, они подвергали критическому анализу не только мышление политических акторов внутри собственных обществ, но и фасилитаторов (посредством передачи дискурса обратно в общество). В таком контексте они рассматривали возможность трансформации отношений как внутри собственных обществ, так и между сторонами конфликта. Такие соединительные функции нередко могут осуществляться отдельными лицами, но подчас они нуждаются в институциональной поддержке какой-либо организации или даже в ассоциации с какой-либо организацией: образовательной, местными или центральными властями, религиозной или неправительственной. Это отчасти делается в целях обеспечения необходимой логистической поддержки, но также в качестве предоставления моральной и интеллектуальной испытательной площадки, которая требуется для анализа эффективности такой работы, иногда изолирующей ее участников от окружающего мира.

Партнеры осуществляли функции посредничества без каких-либо притязаний на статус посредников. Они исполняли роль «горизонтальных медиаторов» в качестве надежных лиц, которые хорошо разбираются в тонкостях всех отношений внутри собственных сообществ и способны выступать в роли брокеров интересов других членов общества (отдельных личностей или групп), имеющих свои собственные приоритеты. В то же самое время они выполняли функции и вертикальных посредников, постоянно поддерживая связь между элитами и обществом. В некоторых из этих функций внешние партнеры могли осуществлять поддержку и даже порой играть руководящую роль, например, при проведении встреч с министрами по обе стороны конфликта или с официальными посредниками (спецпредставителем Генерального секретаря ООН или представителями Группы друзей). Иногда внешние фасилитаторы встречались с представителями власти отдельно; по мере развития процесса это стало превращаться в своего рода тенденцию, так как внутренние проводники часто считали, что им необходимо сохранять свои особые отношения с этими политическими акторами на фоне постоянно усложнявшегося политического ландшафта. Поэтому они всячески поддерживали фасилитаторов в их стремлении наладить надежные отношения с правительственными и политическими игроками. Речь шла об одновременном осуществлении различных повесток: грузинский партнер, например, встречался с министром для обсуждения Шлайнингского процесса или для обсуждения отдельного вопроса, связанного с конфликтом/мирным процессом или более широкими процессами перемен. То же самое делали и абхазские партнеры. Помимо вертикальной динамики партнеры (внутренние и внешние) также взаимодействовали с более широкими слоями общества в рамках целого ряда инициатив, опять-таки либо по отдельности, либо совместно, иногда осуществляя то, что фасилитаторы считали вкладом в развитие «инфраструктуры мира», но также в рамках усилий инсайдеров продвигать трансформацию собственных обществ.

Для фасилитаторов было важно сохранять свою независимость от партнеров в восприятии окружающих и иметь возможность получать аналитические сведения от широкого спектра собеседников – как из рядов гражданского общества, так и в политических и правительственных кругах. По мере того как происходило становление процесса, один из элементов этой работы заключался в том, что фасилитаторы начали вовлекаться в процесс челночного анализа с политиками и экспертами по обе стороны конфликта. Частые поездки в регион преследовали цель обмена результатами анализов и, следовательно, способствовали обсуждению стратегий (часто в ходе встреч один на один), которых придерживались стороны, и их возможного восприятия противоположной стороной. Это не только помогало наполнить дополнительным содержанием каждый семинар, но и создавало обратную связь, когда идеи передавались обратно официальным собеседникам, знающим, что фасилитаторы ведут параллельные обсуждения с коллегами по другую сторону конфликта.

По мере работы с партнерами становилось ясно, что от внутреннего «проводника» не требуется сохранения непредвзятости, но он должен быть привержен мирному процессу. Внутренние «проводники» продолжали придерживаться своих принципов и целей, но также следили за тем, как эти цели и принципы взаимодействуют и оформляются в ходе изменений контекста: для них назначение процесса состояло не в том, чтобы поступиться своими собственными целями. На протяжении всего Шлайнингского процесса было ясно, что абхазские партнеры твердо придерживаются поставленной цели: добиться признания независимой Абхазии, а грузинские партнеры сохраняют в качестве четкого ориентира территориальную целостность Грузии, в рамках которой Абхазии отводилась важная и уважаемая роль. Они не требовали от внешних фасилитаторов, чтобы те полностью посвятили себя работе на результаты одной или другой стороны, но им было важно, чтобы фасилитаторы не занимали какую-либо позицию относительно конечного исхода конфликта и предоставляли политическое, интеллектуальное и психологическое пространство для взаимодействия в форме открытого диалога, способного помочь сторонам в переосмыслении того, что могло бы стать взаимоприемлемым и выигрышным вариантом.

Для того чтобы умело справиться с такой ролью в политически неустойчивом контексте, внутренний проводник-соединитель должен обладать эмпатией (умением поставить себя на место другого) и такими качествами, как творческая жилка, настойчивость, честность и смелость. Временами против этих соединителей выдвигались обвинения в том, что они поступались устремлениями своего сообщества, и им приходилось постоянно уравнивать свою веру в перемены в собственном обществе с верой в то, что взаимодействие между сторонами конфликта не подрывает эти цели. Для того чтобы процесс пустил корни в каждом из обществ и вошел в политические дебаты на уровне элит и на уровне гражданского общества, эти инсайдеры должны были пользоваться авторитетом в разных политических лагерях и среди заинтересованных групп. В Шлайнингском процессе эти аспекты со временем менялись: инсайдеры были активными

элементами политической жизни собственных обществ, и Шлайнингский процесс был лишь одной, но далеко не единственной формой их общественной активности. По мере формирования политического процесса того десятилетия претерпевало изменение и отношение к ролям, которые играли представители гражданского общества, что, в свою очередь, влияло на их собственное восприятие своей способности убедительно занимать беспристрастную позицию.

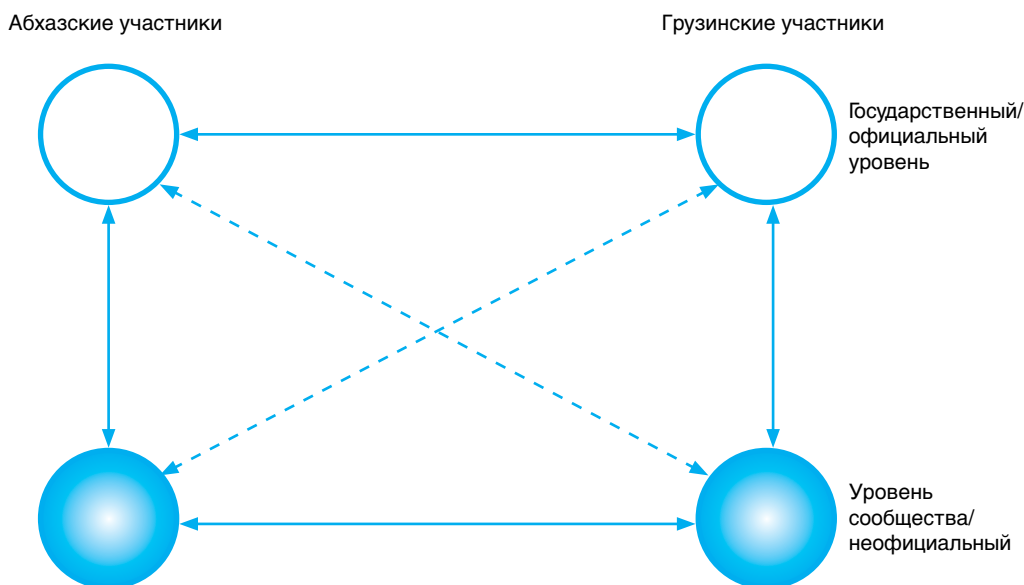
Хотя партнеры не теряли своей беспристрастности и объективности в том, что касалось их взглядов на процесс трансформации конфликта, но со стороны их начинали воспринимать как все более ангажированных, а значит необъективных по отношению к процессам перемен внутри их собственных политических контекстов. Это сказывалось на отношении к ним как акторам, способным передавать уроки Шлайнингского процесса по вертикали и горизонтали: нота искренности в их работе, безусловно, помогла им заручиться авторитетом и репутацией внутри собственных обществ, но эта ситуация изменилась, как изменился и уровень доступа к политическим элитам, которым они когда-то обладали. Это повлияло на восприятие и внешних фасилитаторов. Сочетание множества ролей – фасилитации диалога, поддержки процесса внутренних социальных и политических перемен – было абсолютно необходимым элементом репутации Шлайнингского процесса с самого начала его существования, но со временем это стало придавать окраску восприятию фасилитаторов и внутренних соединителей со стороны. Что касается критически важных групп, в особенности ведущих фигур в грузинском правительстве, то это, в конце концов, подорвало их доверие к процессу.

Еще одним культурным фактором, который нельзя обойти вниманием, когда вы беретесь за подобный процесс, является язык. Несомненно, знание языков является важным вопросом как для участников процесса, так и для его фасилитаторов. Шлайнингский процесс использовал русский язык, который являлся лингва франка для большинства участников, но не был родным языком для многих из них, равно как и для фасилитаторов, хотя среди команды фасилитаторов были люди со знанием русского языка. Перевод играл огромную роль для фасилитаторов, поэтому было особенно важно заручиться услугами надежной команды переводчиков, интегрированных в процесс и пользующихся доверием как участников, так и фасилитаторов. Знание языка является отражением понимания и проникновения в культуру, а значит и способности воспринимать вопросы с точки зрения тех, с кем взаимодействует фасилитатор. Фасилитатор-инсайдер имеет гораздо больший доступ к этой эмоциональной и политической «глубинке». Но, с другой стороны, такая интимность отношений может стать серьезным ограничением из-за степени его ассоциации. Это приводит к чрезвычайно важному аспекту работы фасилитаторов-инсайдеров: способности связывать и, в то же время, сохранять за собой возможность отстранения. Таким же образом фасилитаторам приходилось осторожно направлять процесс эволюции своих личных отношений с коллегами по обе стороны конфликта и сочетать это со способностью сохранять беспристрастность и рефлексивность в отношении сути взаимодействия.

6.7. Кого пригласить – выбор участников

Ключевую роль в процессе диалога играет вопрос выбора участников. Партнеры, представители местных НПО и активисты гражданского общества – все играли незаменимую роль в отборе участников. Вместе с фасилитаторами партнеры определили одну из целей процесса как встречу лицом к лицу должностных лиц высокого ранга, политиков и общественных деятелей (включая активистов гражданского общества) для осуществления диалога между сторонами конфликта и между различными сообществами согласно представленному на диаграмме.

Рисунок 2: Представление диалога между различными типами участников

Постепенно сложилась система участия по принципу ротации, что позволяло использовать прошлый опыт и одновременно расширять круг вовлеченных в процесс лиц. Это давало возможность увеличить доступ извне к содержанию диалога и его результатам, а также вводить в круг участников новые фигуры, если и когда они назначались на соответствующие посты или приобретали вес и влияние в собственных обществах. Дилемма заключалась в том, что новые участники не прошли через предыдущие стадии анализа. На первых семинарах проводился тщательный анализ потребностей и опасений сторон, их интересов и позиций, который оснастил всех участников общим лексиконом и общей структурой, заложив основу последующего совместного анализа. Обсуждения такого рода имели место и на более поздних семинарах, но нередко приобретали иные формы и базировались на предшествующем анализе. Поэтому у новых участников иногда создавалось ощущение, что их «катапультировали» в уже идущие дискуссии и сложившиеся отношения. Потенциальных участников вводили в

курс дела. Для них перед началом семинаров проводились брифинги о природе процесса, в котором им предстояло участвовать, однако это введение оказывалось недостаточным. В результате не все новые участники интегрировались в диалог с одинаковой легкостью. Более ста человек приняли участие в двадцати семинарах. Среди них были влиятельные фигуры, лица, принимающие решения, советники таких лиц на высшем уровне, люди, формирующие общественное мнение, ньюсмейкеры и иногда – люди, которых приглашали для участия по символическим причинам, в связи с их статусом или ради того, чтобы достучаться до определенного слоя общества или группы людей, которых хотелось интегрировать в процесс. Этот выбор делали на основе обсуждений с партнерами, он базировался на желании добиться баланса участников с каждой стороны и внутри каждой из групп, в зависимости от внутренней политики в данный момент. С течением времени в семинарах принимало участие все большее число министров и депутатов парламента, хотя и на самой первой встрече присутствовали заместители министров, старшие президентские советники и депутаты.

При отборе участников организация «Ресурсы примирения» консультировалась с широким кругом лиц: с партнерами из рядов гражданского общества, с официальными лицами, с министрами, ответственными за мирный процесс, и с другими влиятельными участниками политической жизни. Таким образом составлялся список потенциальных участников. Фасилитаторы несли ответственность за составление списка, но всегда заранее информировали стороны, чтобы избежать возможных будущих претензий по поводу участия того или иного лица. Грузинский министр по чрезвычайным ситуациям (позже переименованный в министра по урегулированию конфликтов) и де-факто министр иностранных дел Абхазии были ключевыми контактными лицами в этом отношении. Было важно, чтобы фасилитаторы не пригласили человека, которого потом могла отклонить одна из сторон, так что до рассылки приглашений фасилитаторы всегда стремились заручиться общим согласием сторон. Мы прекрасно понимали необходимость выстраивания и укрепления отношений с соответствующими представителями правительства, занимающимися мирным процессом, чтобы иметь возможность представить их вниманию список кандидатов и объяснить логику приглашения того или иного лица (а также иметь возможность открыто обсудить с ними ключевые вопросы, которые рассматриваются на семинаре). Такой подход к отбору участников на базе консенсуса означал, что со временем стало возможным вводить в процесс представителей важных для процесса социальных или политических групп, которые поначалу воспринимались другой стороной как абсолютно неприемлемые. Это особенно касалось участия представителей ВПЛ, в частности тех, кто имел отношение к правительству в изгнании. Как было указано выше, участие одного из таких людей чуть было не сорвало самую первую встречу. Позже появилась возможность пригласить участника, который был членом правительства в изгнании, но было оговорено, что его приглашают строго в ипостаси члена Двусторонней координационной комиссии. Этот человек не стал использовать факт своего участия для того, чтобы каким-то образом скомпрометировать абхазов, что со временем позволило абхазам проявить большую гибкость по отношению к вопросу участия других ВПЛ.

На отбор участников влиял целый ряд факторов. Отношение человека к конфликту и мирному процессу всегда было решающим моментом. Способность взаимодействия с представителями другой стороны также играли важную роль. Мы стремились приглашать людей, которым было что сказать и которые являлись выразителями того, что мы, в результате нашего совместного с партнерами анализа, считали важными аспектами представлений о конфликте, мирном процессе и устремлениях сторон. Существенность их потенциального вклада и наша оценка того, смогут ли они выслушивать других, учитывались наряду с необходимостью включать людей, которые либо сами являлись лицами, принимающими решения, либо имели доступ к таковым по обе стороны конфликта, и которые, таким образом, могли вводить идеи в политический дискурс своей стороны.

Еще одним важным фактором была политика: участников приглашали на основании их связей с политическим процессом в их обществе. Мы стремились к соблюдению баланса между разными силами внутри каждого из политических сообществ – правительства и оппозиции, официальных лиц и гражданского общества. Это было совершенно иным подходом по сравнению с официальным процессом, который ориентировался на объединение за одним столом в целях достижения соглашения лиц, обладавших властью по разные стороны конфликта. В процессе работы второй колей существовала возможность привлечь разные силы каждого из обществ – кроме правительственных фигур и должностных лиц это означало оппозицию, гражданское общество и представителей различных меньшинств, а также людей, наиболее близких к сообществам, разделенным конфликтом. Естественный результат заключался в том, что такой формат мог способствовать более позитивному взаимодействию между официальными лицами и представителями гражданского общества. Хотя лица, обладавшие властью, не всегда приветствовали сам факт того, что такая трибуна давала возможность артикуляции самых разных взглядов, шлайнингские встречи порой оказывались одним из немногих каналов общения между правительством и представителями оппозиции с абхазской стороны.

С самого начала процесса в 2000 году абхазы испытывали большую настороженность. Существовало желание свести воедино официальных лиц, политиков и активистов гражданского общества, но не было предусмотрено место для участия зарождавшейся оппозиции. Со временем ситуация изменилась, так что к моменту проведения пятого семинара абхазская сторона проявила большую гибкость, которая временно исчезла в период кодорского кризиса 2001 года, но вновь появилась после него. В первые годы процесса грузинские власти гораздо спокойнее относились к участию политиков или аналитиков из рядов оппозиции наряду с высшими представителями власти, включая министра, ответственного за ход мирного процесса, и спецпредставителя президента на переговорах. Но к концу 2006 года ситуация резко изменилась: грузинские власти стали добиваться большего единообразия или большего конформизма в составе участников, в то время как абхазы чувствовали себя гораздо спокойнее в отношении представителей оппозиции. Такое движение маятника было результатом попытки переформулировать

подход к процессу урегулирования конфликта со стороны грузинских властей – они стремились к большей интернационализации конфликта и одновременно добивались большего единства мнений, чтобы грузинская сторона могла выступать единым фронтом. Это было отражением их растущего нетерпения по отношению к мирному процессу в целом, но также и их восприятия семинаров-диалогов как «пустой говорильни», не приводящей к желаемым результатам. Этот контекст стал решающим моментом, заставившим «Ресурсы примирения» скрепя сердце признать, что у процесса оставалось все меньше возможностей вовлекать политические элиты в пересмотр своих подходов, что могло бы служить противовесом растущей бескомпромиссности в позициях сторон.

Выбор – работать с «умеренными» фигурами или пытаться привлечь на свою сторону приверженцев жесткой линии – лежал в основе вопроса «кого приглашать». Организаторы считали важным приглашать людей, которые стремились к взаимодействию с другой стороной, но одновременно целесообразно было подключать к процессу тех, кто в потенциале обладал правом вето или был близок к тем фигурам в обществе, которые обладали таким правом. С годами ситуация менялась; вначале, чтобы сдвинуть процесс с мертвой точки, представлялось особенно важным вовлечь в процесс тех, кто хотел взаимодействовать с другой стороной. Но не менее важно было привлекать к участию людей, которые являлись носителями определенных суждений и взглядов своих политических сообществ, иначе процесс просто не имел бы никакого влияния. По мере того как процесс набирал обороты, становилось легче приглашать людей, являвшихся самыми серьезными препятствиями мирному процессу. Было необходимо достичь баланса в том смысле, что если опасность вето грозила сорвать диалог, то процесс продолжаться не мог, но если диалог проходил слишком гладко, то он не был значимым. Для того чтобы процесс вызывал доверие, нужно было работать с широким спектром действующих лиц. В Шлайнингском процессе представлялось важным создать пространство, где можно было бы свободно общаться и оспаривать взгляды друг друга, не мешая продолжению диалога, чтобы последний не прерывался из-за бескомпромиссного поведения участников, которое, кстати, не следует смешивать с бескомпромиссными взглядами или интересами. Это отнюдь не означало, что лица, придерживающиеся убежденной позиции, не приглашались к участию, однако скорее приглашали тех лиц, которые, несмотря ни на что, осознавали ценность своей вовлеченности в процесс. Кроме того, фасилитаторы понимали: природа процессов этой колеи такова, что они не являются «теневым вариантом» официального процесса, и это позволяет иметь гораздо более разнородный состав участников; напротив, будь процесс более тесно увязан с официальным, было бы важнее привлекать людей, отражающих официальную линию, нежели тех, кто мог бы раскрепостить мышление и пойти дальше официальной позиции.

В качестве фасилитаторов мы постоянно размышляли над тем, насколько представительным каждый раз был подбор участников. Было важно достичь баланса между различными силами в каждом из политических сообществ – между правительством и оппозицией, политиками, чиновниками и гражданскими активистами. С учетом

неформального характера процесса второй колей от участников не требовалось выступать в роли официальных представителей своего общества: мы хотели, чтобы они отражали общество и его интересы, но не хотели ставить их в положение, в котором им пришлось бы нести ответственность за все общество или официально отчитываться перед ним. Хотя не исключено, что участники все равно ощущали такую ответственность или считали это своим долгом. Тем не менее от них не требовалось «обеспечить результаты», чего обычно ждут от участников официального процесса. Мы не называли группы «делегациями» – людей приглашали принять участие в их личном качестве и по причине того, что они играли функционально значимые роли в отношении мирного процесса. Если бы мы использовали слово «делегации», то это придало бы им более официальный, формальный характер, чем того хотели сами фасилитаторы, власти или наши партнеры в НПО, хотя иногда сами участники воспринимали себя таковыми и вели себя соответствующим образом. Это происходило чаще всего тогда, когда участники представляли собой достаточно однородную группу, как, например, абхазы в начале процесса или грузины на предпоследнем семинаре.

По мере того, как оформлялся процесс и все большее число людей принимало в нем участие, поддержание отношений с участниками процесса стало требовать серьезных затрат времени: одни переходили на новые должности в иных областях, другие терялись из виду, третьи интегрировались в иные проекты и программы, были и те, кто обижался, что их не приглашали повторно, и те, кто не видел в процессе большого смысла. Но неуклонно растущая сердцевинная группа участников ценила возможность апробировать свои идеи и предположения в разговоре с коллегами и иметь шанс регулярно узнавать о событиях, происходящих по другую сторону конфликта, признавая, что такую информацию было трудно получить из других источников.

6.8. Конфиденциальность и пресс-релизы

Участники осознавали, что обсуждения и дебаты на семинарах могут внести вклад в общественные дискуссии за пределами процесса. С самого начала существовала некоторая напряженность между теми, кто чувствовал, что идеи семинара важно распространять в более широкое общество, и теми, кто считал такие действия опасными. Последних заботил тот факт, что посторонние не будут понимать умозрительную природу дебатов на семинарах и творческие идеи будут представлены в качестве обещаний, чем они на деле не являлись. Это противоречие отражало настороженность двух сторон по отношению друг к другу, которая была особенно сильна в начале процесса, а также разные подходы к влиянию на собственное общество. На ранней стадии процесса во время встреч было решено, что важно передавать идеи по крайней мере в те круги, в которых вращались и работали сами участники, но соблюдая осторожность по поводу публичных заявлений и не ссылаясь на имена конкретных участников в связи с высказыванием тех или иных точек зрения во время обсуждений.

Конфиденциальность помогала обеспечить среду, в которой люди готовы рассматривать вопросы более открыто, не боясь скомпрометировать себя каким-либо образом. Создание такого пространства заняло немало времени – не существовало никаких априорных причин, благодаря которым участники могли просто доверять фасилитатору или представителю противоположной стороны в вопросе соблюдения конфиденциальности и обещания не компрометировать участников, которые были готовы воспользоваться возможностью умозрительного и творческого анализа. Участники быстро осознали, что если они хотят продолжения процесса, то необходимо наладить отношения на основе взаимоуважения – провал такой попытки означал бы, что стороны не смогут рассматривать формат семинаров в качестве способствующего полезным дискуссиям. Таким образом, уверенность вырастала из восприятия собеседников как надежных и заслуживающих доверия людей. Это общее понимание важности доверия необходимо было заново проговаривать на каждом семинаре, по мере вхождения в процесс новых участников, и, в конце концов, оно стало неотъемлемым элементом культуры семинаров.

Одним из способов разрешения противоречия между конфиденциальностью и необходимостью распространять идеи и информацию стали пресс-релизы, которые начали выходить, начиная с четвертого семинара. Первый пресс-релиз был подготовлен по просьбе участников. Логика здесь была двоякая: во-первых, в небольших по размеру обществах трудно держать под секретом или избежать слухов по поводу встреч высокопоставленных политиков и общественных деятелей. А такие слухи, если их не взять под контроль, могут навредить процессу. Во-вторых, пресс-релиз давал участникам возможность как соблюдать конфиденциальность, так и делиться впечатлениями о встрече по возвращении домой (грузины выражали большую готовность делать это публично, нежели абхазы).

Пресс-релизы создавали, таким образом, структуру или основу для более широкого обсуждения. Их готовили фасилитаторы в конце каждого семинара и утверждали окончательный вариант вместе с участниками. Подготовка пресс-релиза всегда рассматривалась как попытка обозначить параметры диалога таким образом, чтобы не поставить под удар его участников, если будут обнародованы аспекты творческого умозрительного анализа, которым они занимались. Сам язык пресс-релизов временами носил намеренно расплывчатый характер. Тем не менее цель пресс-релизов заключалась в том, чтобы продемонстрировать возможность продолжения открытого и творческого обсуждения, способного внести вклад в культуру диалога и мира, несмотря на отсутствие какого-либо прогресса в официальных переговорах на протяжении большей части работы Шлайнингского процесса. Эта цель была частично достигнута: участники чувствовали себя достаточно безопасно и комфортно, чтобы обсуждать процесс в собственных обществах (хотя грузинские участники, в целом, делали это более открыто и более активно, чем их абхазские коллеги, пытаясь донести до общества достижения и открытия процесса), так что в политических, дипломатических и общественных кругах двух сторон рос уровень осведомленности и понимания процесса. Тем не менее такая намеренная «туманность» пресс-релизов являлась препятствием для ясного понимания сути процесса. В целом,

фасилитаторы пришли к выводу, что брифинги один на один или с группой людей представляют собой более эффективный способ рассказа о процессе и его аспектах. Это ограничивало масштабы распространения информации и идей, рожденных во время процесса диалога, но сохраняло целостность процесса.

7. Влияние и воздействие процесса

Применяемая методология задумывалась с целью стимулирования достижения взаимовыгодных результатов, а также создания обстановки, в которой стороны могли размышлять над своими «просвещенными интересами». Тем не менее фасилитаторы понимали, что стороны не всегда и не обязательно подписывались под такой интерпретацией процесса и не без труда находили возможность пойти дальше парадигм, основанных на позиции силы, которые доминировали в отношениях между ними в это время. Несмотря на отсутствие у сторон доверия к переговорному процессу первой колей, они, тем не менее, рассматривали его как способ обеспечения любого достигнутого результата через механизм «силовой политики». Таким образом, участие в более творческом подходе к инициативам второй колей могло сделать стороны более уязвимыми и содержало в себе определенный риск.

Разрешение такой динамики в рамках Шлайнингского процесса задумывалось его организаторами как метод, *ориентированный на процесс*, а не на *результаты*. Тем не менее процессы дают результаты и оказывают влияние; кроме того, чтобы найти финансирование на такие процессы, доноров необходимо убедить в том, что имеет место прогресс в достижении поставленных целей. В случае со Шлайнингским процессом был определен целый ряд ориентиров относительно содержания (анализ, способный генерировать свежие идеи), отношений (обмен информацией и облегчение общения) и поведенческих сдвигов среди представителей гражданского общества и политических игроков, которые занимались конфликтом и мирным процессом. Иногда бывает трудно проследить путь перехода идей с уровня неформального процесса в официальный процесс переговоров или общественный дискурс – идеи редко являются достоянием одного человека, организации или собрания людей, они просачиваются через поры систем по своим собственным законам. Более того, изменения происходят в результате кумулятивных усилий и редко могут быть отнесены на счет одного конкретного проекта. Тем не менее важно рассмотреть, какой вклад вносил Шлайнингский процесс в каждую из этих областей.

7.1. Предметные результаты

Посредством совместного анализа, рассмотрения и обсуждения как основополагающих, так и постоянно возникающих новых проблем Шлайнингский процесс пытался внедрить новые рамки понимания корней конфликта и генерировать, а также испытывать идеи и замыслы, которые могли бы способствовать его урегулированию. За восемь лет его

существования участники Шлайнингского процесса проанализировали все ключевые вопросы переговорного процесса, такие как присутствие/вывод миротворцев СНГ из зоны конфликта, роль внешних сторон, статус и конституционные рамки урегулирования конфликта, процессы, необходимые для обеспечения безопасности и способствующие возвращению беженцев и ВПЛ, снятие санкций и торговых ограничений, возможность реализации и содержание соглашения о невозобновлении военных действий и процедуры реституции для ВПЛ. В разные моменты процесса на передний план официальных переговоров или общественной полемики выходил тот или другой из этих вопросов, и Шлайнингский процесс позволял политически ангажированным участникам изучать и обсуждать их путем совместного анализа, что редко происходило за рамками шлайнингского диалога.

Рабочие встречи-семинары давали участникам возможность прозондировать идеи и возможный климат восприятия этих идей, с тем чтобы это могло подпитывать процесс политических переговоров. Элиситивная природа процесса означала, что участники могли выстраивать его сами, в соответствии с актуальными темами текущего момента. Формат неформального диалога также создавал возможности для изучения вопросов, которые вызывали сильный резонанс в коллективном подсознании участников. Более того, у участников было достаточно возможностей для рассмотрения гипотетических сценариев будущих событий. Начиная с 2001 года периодически устраивались дебаты о будущем, во время которых проводился анализ возможной ситуации через пять, десять или двадцать лет и необходимых шагов для реализации тех изменений (и экономического развития), к которым стремились участники обеих сторон конфликта.

Процесс служил также форумом для обмена мнениями по поводу конкретных мер построения доверия. Иногда это были идеи, над которыми участники работали заранее и которые они затем выносили на обсуждение в рамках процесса, чтобы прозондировать отношение к ним другой стороны. Например, один из грузинских участников выступил с планом, подготовленным группой экспертов при его участии, продвижения идеи экономического сотрудничества через создание свободной экономической зоны. В других случаях меры по укреплению доверия обсуждались в рамках общих дебатов. На семинаре 2002 года завязалась оживленная дискуссия по поводу возможного открытия представительств, или, если эта идея не получит поддержки, информационных и пресс-центров в Тбилиси и Сухуме/и соответственно (причем сотрудниками центра в Тбилиси были бы абхазы, а сотрудниками центра в Сухуме/и – грузины).

На более концептуальном уровне предоставление пространства для аналитического восприятия перспектив, устремлений и мотиваций оппонентов давало возможность глубоко обсудить потребности обеих сторон в области безопасности, что почти никогда не происходило на иных форумах. Повторным лейтмотивом обсуждений было рассмотрение классической «дилеммы безопасности», когда противная сторона и ее действия рассматривались как враждебные, что приводило к контрмерам по защите собственных

интересов, которые, в свою очередь, воспринимались как враждебные другой стороной, и, таким образом, еще больше усугубляли конфликт, приводя к новому витку его эскалации.

По мере того как семинары-диалоги продвигались вперед и их участники все ближе знакомились и лучше узнавали друг друга и фасилитаторов, они все более активно вовлекались в процесс умозрительных размышлений, который был бы крайне проблематичным, если бы был формально связан с официальными позициями сторон. Хорошим примером является 2003 год, когда в ходе упражнения, в котором принимали участие советники двух президентов, обсуждались условия, при которых Грузия могла бы представить себе независимость Абхазии, а Абхазия могла бы рассмотреть возможность возвращения в лоно Грузии. Дискуссии такого рода были спорными и трудными, они специально задумывались с тем, чтобы помочь участникам как понять точку зрения противоположной стороны, так и углубить анализ собственных интересов и подходов. Иногда эти обсуждения проводились на открытых пленарных заседаниях, иногда в качестве ролевой игры, а иногда – в формате «аквариума» (когда одна группа обсуждала какой-либо вопрос, а другая наблюдала за этим обсуждением). Это создавало пространство, на котором участники могли подвергать тщательному разбору и анализу осуществимость и правомочность устремлений друг друга, а также последовательность и логику позиций сторон и их интересов. В то время как такое взаимное исследование подходов не обязательно приводило к сближению позиций, оно способствовало росту взаимного уважения. Многие участники признавали, что такая работа помогала официальным лицам высокого ранга лучше понимать друг друга и допускать возможность иных отношений с другой стороной.

Позднее один ответственный работник с грузинской стороны в своем анализе тех дебатов отметил, что если бы он сам и грузинские власти были готовы действовать на основе тех уроков, которые они извлекали на семинарах, то они смогли бы разработать куда более эффективную стратегию с точки зрения реагирования на нужды абхазов. Участие в семинаре дало ему возможность понять, почему предложения, которые выдвигались в рамках официального процесса, не приводили к прогрессу. В то же время он отметил, что встречи проходили в тот период, когда слабеющее грузинское государство (в преддверии «Революции роз») не могло адекватно реагировать на творческие идеи. Опыт семинаров показал, что сдвиги аналитического характера требуют времени, чтобы дойти до лиц, принимающих решения. Более того, идеи нередко доходят до адресата в отфильтрованном виде, что уменьшает их действенность.¹⁶

Самым динамичным примером того, как идеи семинара подпитывали официальный политический процесс, является концептуальная записка о конституционных альтернативах (и, в особенности, о модели федеративного устройства) урегулирования конфликта, разработанная под эгидой Грузинского национального совета безопасности.

¹⁶ На основе дискуссии автора с грузинским участником, занимавшим должность старшего советника в администрации президента Шеварднадзе, июнь 2007 года.

В 2002 и 2003 годах советник Национального совета безопасности (ставший в 2008 году спикером грузинского парламента) принимал участие в шлайнингских встречах и в организованной «Ресурсами примирения» учебно-ознакомительной поездке грузинских и абхазских представителей власти высокого ранга в Северную Ирландию.¹⁷ Позднее, в начале 2003 года, по просьбе тогдашнего Секретаря Национального совета безопасности, организация «Ресурсы примирения» оказала поддержку неформальной группе грузинских экспертов, часть которых принимала участие в Шлайнингском процессе, в разработке стратегии для представления ее президенту. Организация «Ресурсы примирения» финансировала встречу и покупку компьютера, а затем выступила фасилитатором обсуждений юридических вопросов и вопросов урегулирования конфликта с рядом международных экспертов. Участники рассматривали стратегию в качестве конституционного предложения, которое можно было направить абхазам. Окончательный вариант стратегии был готов в октябре 2003 года, однако в результате произошедшей вскоре после этого «Революции роз» идея на время была законсервирована.

Как уже говорилось выше, грузинский участник проходившей в декабре 2003 года шлайнингской встречи, на которой присутствовали ключевые соратники Михаила Саакашвили и высокопоставленные абхазские официальные лица, выступавшие в личном качестве, неформально представил вниманию собравшихся эту концепцию. В то время грузинские политики и должностные лица были, по вполне понятным причинам, чрезвычайно заняты разворачивающимися событиями «Революции роз», проведением новых выборов и формированием правительства. В 2004 году вновь назначенный министр по урегулированию конфликтов публично выступил с сообщением о готовящемся документе для передачи абхазам.¹⁸ Несколько его авторов были в то время ближайшими соратниками нового президента Саакашвили. Тем не менее правительство решило не класть документ в основу своей официальной политики. Пара авторов концепции представили ее вниманию общественности и провели серию презентаций для разных аудиторий. Хотя такой подход вызвал общественную полемику и ответную реакцию абхазов, сам факт отказа грузинского правительства официально поддержать документ означал, что абхазские официальные лица не чувствовали никакой необходимости отвечать на это предложение, в частности, из-за того, что хотя концепция шла дальше привычных общих мест в смысле предложения «широчайшей автономии», она оставалась неизменной в вопросе территориальной целостности Грузии, что было неприемлемо для абхазов.¹⁹

Абхазское политическое сообщество, в свою очередь, оказалось вовлеченным в собственные внутрисполитические перипетии во второй половине 2004 года, что несколько отвлекло их внимание от мирного процесса. Таким образом, документ так и не прошел специального

17 См. С. McCartney, J. Cohen and R. Clogg (2003). *The Georgian-Abkhaz conflict: Reflections on four study visits to the United Kingdom and Ireland*. London: Conciliation Resources Cm. <http://www.c-r.org/resources/occasional-papers/study-visit-reflections.php>.

18 "Saakashvili to announce Abkhazia concept on 26 May – State Minister", *Civil Georgia*, 13th May 2004, См. <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=6933>.

19 На основе беседы автора с абхазскими официальными лицами на протяжении 2004-2005 годов.

обсуждения на шлейнинговых встречах, которые возобновились в 2005 году, когда вопрос о возобновлении военных действий и проект грузинской «дорожной карты» вышли на первый план официальной повестки дня. Эти вопросы также оказались в повестке Шлейнингового процесса в результате участия в нем ключевых фигур с обеих сторон конфликта. Действительно, на одной из встреч в 2005 году в кулуарах семинара состоялся подробный разговор двух высокопоставленных чиновников с обеих сторон о тексте документа о возобновлении военных действий, который в то время готовился в рамках официального процесса. На фоне продолжения переговоров в последующие месяцы эти критические вопросы повторно обсуждались на шлейнинговых встречах, однако сама концептуальная записка осталась за рамками публичной повестки, за исключением серии встреч, в частности, с участием организаций ВПЛ, на которых один из авторов концепции постарался придать ее содержание как можно более широкой огласке. Совершенно неожиданным образом основные идеи концепции были представлены вниманию общественности в марте 2008 года, накануне саммита НАТО в Бухаресте, когда президент Саакашвили огласил план мирного урегулирования на публичном семинаре в Тбилиси.²⁰ Многие из представленных в речи идей конституционного устройства были, совершенно очевидно, позаимствованы из концептуальной записки, причем один из ведущих представителей оппозиции, присутствовавший на семинаре и являвшийся одним из авторов концепции (в то время, когда он еще не принадлежал оппозиции), был упомянут в президентской речи в качестве источника вдохновения, положенного в основу его нового плана.

Этот пример еще раз показывает, как идеи могут переходить из процесса неофициального диалога в стратегию сторон. Однако их эффективность или сила во многом зависят от политического контекста и правильно выбранного момента.

7.2. Влияние на отношение – информационно-коммуникационные результаты

По мере развертывания процесса один из его ключевых элементов состоял в структурированном обмене информацией о происходящем по обе стороны водораздела. Участники часто подчеркивали, насколько ценной была для них возможность подробно расспросить друг друга о внутренней политике другой стороны. Они использовали эту информацию, чтобы поставить в контекст события, связанные как с самим конфликтом, так и с более широкой динамикой, понять траекторию поступательного движения другой стороны, понять политический настрой и многообразие политической палитры по другую сторону водораздела и таким образом оценить, какие акторы и какие вопросы влияют на развитие событий. Предоставление такой возможности на фоне общего отсутствия рефлексивных политических обменов между сторонами было важным способом создания более чуткого политического мышления, а также подпитки идеями более эффективных

20 'Саакашвили выступает с новыми мирными инициативами к Абхазии', *Civil Georgia*, 28 Марта 2008. См. <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=16063>.

политических решений. В процессе изучения потребностей, опасений и надежд друг друга участники создавали пространство, в недрах которого могла зародиться аналитическая эмпатия, способность поставить себя на место другого. Эта эмпатия выростала не из одновременного участия в трех-пятидневном семинаре по решению проблем; она оформлялась с течением времени, в результате нескольких, предпочтительно регулярных, встреч. Участники были достаточно опытны для того, чтобы признавать необходимость «выверки координат», идей и знаний, которые они получали, путем сравнения с другими источниками информации. Шлайнингские встречи давали прямой доступ к другой стороне, который было невозможно получить на регулярной основе где-либо еще. Это было важным результатом процесса и одновременно его недостатком – периодическое конструктивное общение происходило в политической среде, которая характеризовалась отсутствием взаимодействия такого рода.

Обмены информацией и новостями, как правило, создавали свою собственную особую динамику: многие грузинские участники хотели донести до абхазов масштабы перемен, которые произошли в Грузии после войны 1992-1993 годов. Таким образом они стремились подчеркнуть, что грузинское государство, искавшее пути урегулирования конфликта с абхазами, радикально отличалось от государства, которое оказалось вовлеченным в войну. Другими словами, это было такое государство, частью которого вновь могли бы захотеть стать абхазы. Для этих участников процесс не был вопросом требования возврата Абхазия в состав Грузии как чего-то само собой разумеющегося или в рамках права (хотя среди грузинских участников были и те, кто придерживался именно такого подхода). Вместо этого они представляли вниманию остальных участников такое видение будущего, в котором более плюралистичное и сложное политическое сообщество, членами которого также являются абхазы, представляло собой особую ценность, а грузинская демократия двигалась в направлении, достойном их возвращения. В этом духе один из ключевых грузинских участников процесса говорил, что включение в диалог оппозиционных фигур демонстрирует степень возрастающей способности Грузии поощрять дебаты и плюрализм. В ответ на такой подход абхазы со временем стали говорить, что развитая и демократическая Грузия отвечает их интересам, но не потому, что такая Грузия станет более привлекательной для абхазов, а потому что это делает ее менее склонной к нестабильности и использованию силы, а значит и представляющей меньшую угрозу для Абхазии. В свою очередь грузинские участники часто пользовались возможностью получить информацию от абхазов о ситуации с различными этническими группами в Абхазии, особенно с грузинским населением Гальского региона и с армянами. Отчасти это делалось для того, чтобы еще раз акцентировать внимание на обязательствах абхазов в области прав человека, но также и для того, чтобы определить наличие уязвимых мест. Кроме того, частыми компонентами этих дебатов были роль отношений с Россией и ее влияние на потенциальные результаты урегулирования.

Эти вопросы повторно поднимались на семинарах. Участники приезжали на них со своими повестками, готовыми аргументами и убеждениями – одни пытались понять и получить

представление о состоянии дел, которое могло бы способствовать пересмотру ими своих аргументов и стратегии, другие не скрывали своего желания убедить собеседников. Настаивая на своей позиции, они рисковали остаться в плену иллюзий о том, что другая сторона должна начать мыслить так, как им хотелось, вместо того чтобы постараться понять мотивацию, заставляющую другую сторону думать именно так, а не иначе. Это внутреннее противоречие было характерно для многих участников – способность использовать формат семинаров-диалогов для исследования позиций или желание использовать его для убеждения собеседников. Роль фасилитаторов состояла в том, чтобы поддерживать атмосферу, в которой могли продолжаться дебаты, – в буквальном смысле путем фасилитаторства обсуждений, но также предлагая участникам ответить на поставленные перед ними вызовы. Вызовы, в основном, исходили от самих участников, задававших друг другу вопросы. В то же время иногда коллектив, независимо от его принадлежности, уходил от сложных вопросов, и фасилитаторам приходилось побуждать его копать глубже, чтобы затем пересмотреть свое понимание вопроса.

После семинара в декабре 2006 года один грузинский ответственный работник из среды ВПЛ сказал, что встреча дала ему «совершенно иное представление о мотивации абхазов». Это было важное признание, если учесть, что грузинская элита имела все меньше возможностей встречаться с абхазами. Оно свидетельствовало о том, что семинары предоставляли пространство, в рамках которого можно было лучше понять чувствительные места и стратегии сторон и свободно общаться. Один из наблюдателей процесса прокомментировал это следующим образом: такая форма диалога между участниками политического процесса была средством «создания необходимого пространства для изменений» через выработку новой коммуникационной динамики и подходов, которые могут принести плоды в условиях, созревших для более эффективных переговоров. Другой участник сравнил процесс с марафоном, требующим кропотливой подготовки и устойчивых усилий на протяжении долгого времени. Он выразил сожаление о том, что среди многих политических фигур существовала тенденция рассматривать урегулирование конфликта как некий спринт.

Один из ветеранов Шлайнингского процесса через несколько лет после прекращения своего участия в процессе признался в том, как много он от него получал, заметив: «мне теперь ясно, что когда я принимал участие в переговорах с абхазами в начале 1990-х годов, я совершенно не понимал, как надо с ними разговаривать. И не понимал, что они пытались сказать мне. Я не знал, как надо их слушать. Как объяснить им вещи, которые были важны для меня. Вместо этого я постоянно говорил им вещи, которые сейчас, по здравому размышлению, совершенно неизбежно должны были породить у них антагонизм. Мой опыт Шлайнингского процесса помог понять их так, как я никогда бы не смог этого сделать в рамках официального процесса, и понять, что надо и чего не надо говорить».²¹

21 На основе интервью, проведено в июне 2007 года

7.3. Изменение поведения?

Важным вопросом, вырвавшимся из диалога, был вопрос о том, могут ли усилия по выработке каналов общения между сторонами, а также пространств для осведомленного и в то же время неформального и конструктивного диалога влиять не только на восприятие, но и на само поведение. Логика встреч во многом состояла в том, что на их основе строились отношения и каналы прямого общения посредством встреч лицом к лицу, так что участники впоследствии могли воспользоваться этими каналами для продолжения общения и налаживания конструктивных деловых отношений со своими коллегами, в которых они до этого видели «врагов».

С 2004 по 2006 год, как уже было сказано, участники представляли собой лиц гораздо более высокого ранга, играющих центральную роль в переговорном процессе и во внутривнутриполитических событиях по обе стороны конфликта. Это приводило к наличию значительно более прямой связи между семинарами-диалогами и официальным мирным процессом, равно как и политической жизнью сторон. Выше уже говорилось о том, как процесс предоставил необходимое пространство для обсуждения «Дорожной карты» грузинского правительства и «Ключа к будущему» абхазских властей, равно как и концепции конституционной реформы. Еще один недолговечный обходной неофициальный канал образовался в результате участия официальных фигур высокого ранга в Шлайнингском процессе в 2005-2006 годах. После пары встреч на семинарах-диалогах они встречались еще несколько раз недалеко от пограничной разделительной линии, о чем было известно их президентам. Конкретная цель создания этого канала заключалась в том, чтобы подготовить почву для встречи самих президентов. Хотя эта встреча так и не состоялась, сам факт создания канала в то время был существенным шагом, который отразил вклад Шлайнингского процесса в качестве канала связи сторон для передачи друг другу сигналов, а также для оказания влияния на поведение другой стороны. Ответственные политические лица использовали Шлайнингский процесс для апробирования идей на предмет содержания и самого процесса, размышления над восприятием этих идей, а затем уточнения их для новой презентации на будущих семинарах или обсуждениях на иных форумах. В этом смысле многие участники совершенно по-новому стали подходить к диалогу после участия в Шлайнингском процессе. Однако определение степени индивидуальных изменений отличается от способности определить устойчивые изменения в политике или стратегии сторон.

Тем не менее Шлайнингский процесс видимо наполнял содержанием меры по укреплению доверия, предпринимаемые участниками. Хотя отношение к тому, что составляет меры по укреплению доверия, легко подвергнуть неверному истолкованию – стороны нередко делали упор на то, что надо требовать от другой стороны, вместо того, чтобы путем внутренней рефлексии попытаться понять, каким образом большая предсказуемость и прозрачность одной стороны может вселить уверенность в другую.²² Участники,

²² См. статью автора о мерах построения доверия и гражданском обществе на Южном Кавказе, с которой он выступил на конференции по Южному Кавказу, организованной Министерством иностранных дел Германии в октябре 2009 года. См. <http://www.c-r.org/resources/conflict-post-soviet-europe-south-caucasus-are-there-scenarios-resolution>.

представлявшие гражданское общество, не упускали возможности налаживать отношения, которые впоследствии легли в основу целого ряда мероприятий по сотрудничеству. Мероприятия по укреплению мер доверия, которые инициировались, обсуждались или согласовывались сторонами на шлейнинговых встречах, включали разработку концепции и создание летнего университета международных отношений в Абхазии (который позволил более чем двадцати грузинам и еще сотне других студентов и молодых специалистов с Кавказа, из Европы и США посетить Абхазию в период между 2002 и 2006 годами), а также приглашение ряда грузинских общественных деятелей принять участие в конференциях в Абхазии в 2004 и в 2006 годах. Участие в подобных мероприятиях дало грузинским общественным фигурам хорошую возможность выступить перед широкой аудиторией в Абхазии и выслушать мнения людей за пределами узкого круга участников структурированного диалога. Была также достигнута договоренность о том, что абхазские и грузинские журналисты снимут общий фильм о Гальском районе в 2002 году и фильмы о ситуации по обе стороны конфликта в 2003 году, плюс договоренность о совместной работе над «Материалами для дискуссий по грузино-абхазскому конфликту»,²³ опубликованными в 2002 году, по прошествии полуторагодичного периода, в которых приняли участие более тридцати грузинских и абхазских экспертов и которые впоследствии использовались для работы в области гражданского образования. В результате приглашения на один из шлейнинговых семинаров директора грузинского Фонда «Открытое общество» была достигнута постоянно действующая договоренность о предоставлении грантов абхазским инициативам гражданского общества через Институт «Открытое общество».

Все перечисленные инициативы представляют собой коллаборативное поведение, которое является важным компонентом переосмысления возможностей в мирном процессе. В то время как эти инициативы возглавляли по большей части представители гражданского общества, они обсуждались в присутствии политиков и официальных лиц, которые являлись свидетелями этих отношений сотрудничества гражданских акторов и одновременно взаимной критической оценки. Со временем большую важность, нежели конкретные действия, приобрели кумулятивные реакции участников – как официальных лиц, так и представителей третьего сектора – продолжавших взаимодействовать друг с другом. Причем взаимодействие шло как в рамках Шлейнингового процесса, так и на других форумах, и неформально, с использованием полученных идей и результатов анализа в качестве содержания мероприятий по взаимодействию. Наверное, сам факт того, что активисты гражданского общества участвовали в семинарах наравне с участниками политического процесса, придавал первым уверенность в продвижении своих идей на политическую арену, в повышении влияния таких понятий, как подотчетность, и в поддержании на плаву целого ряда односторонних и двусторонних проектов на уровне гражданского общества.

²³ См.: на русском языке на вебсайте «Ресурсы примирения»: <http://www.c-r.org/resources/georgian-abkhaz-conflict-discussion-pack> (676Kb PDF).

8. Перспективы диалога

После событий августа 2008 года взаимоприемлемое урегулирование грузино-абхазского конфликта представляется весьма отдаленной перспективой. Для фасилитаторов, вложивших значительное время и ресурсы в процесс, протекавший до августовской войны, возникает вопрос о том, что же было достигнуто, что не удалось, а также каковы перспективы будущих инициатив, которые могли бы способствовать перестройке отношений.

Достижения в таких областях, как миротворчество и трансформация конфликта обычно носят коллаборативный и кумулятивный характер и характеризуются частыми рецидивами. За восемь лет Шлайнингский процесс сумел успешно создать пространство для контакта и диалога; способствовал налаживанию каналов общения между разделенными конфликтом сторонами и выстраиванию отношений; он стал источником новых познаний и подходов, а иногда и конкретных примеров сотрудничества по решению связанных с конфликтом проблем. Многие из этих отношений, идей и совместных действий сохранились в той или иной форме, несмотря на разнонаправленные траектории двух обществ в период, прошедший со времени завершения Шлайнингского процесса.

В начале 2000-х годов, когда между политическими и гражданскими акторами двух сторон почти не было структурированного взаимодействия, Шлайнингский процесс позволил наладить такое более частое взаимодействие. В период после «Революции роз», с возникновением политического импульса, который мог оживить процесс переговоров, Шлайнингский процесс создавал возможности для взаимодействия, которые дополняли переговоры под эгидой ООН и расширяли рамки дискурса через предоставление высшим официальным лицам и представителям гражданского общества возможностей для лучшего понимания друг друга. Естественно, на процесс повлияла динамика растущей с середины 2006 года поляризации между Тбилиси и Сухумом/и.

В ситуации, когда сохраняющаяся хрупкость официального переговорного процесса привела к постепенной утрате доверия к понятиям мирной трансформации конфликта, неформальному процессу диалога было нелегко продвигаться вперед. Стратегические расчеты сторон не привели их к осознанию того, что наилучшим вариантом для них может стать решение, достигнутое в результате переговоров, требующее сотрудничества и компромисса в той или иной форме. Стороны считали свое стремление к одностороннему варианту вполне законным способом приобретения стратегического преимущества и избегали каких-либо фундаментальных изменений своих исходных позиций по ключевым вопросам конфликта, таких как политический статус и возвращение беженцев. В этом контексте инициативам типа Шлайнингского процесса трудно было существенным образом повлиять на степень вовлеченности сторон в диалог, не говоря уже о переговорах. К 2008 году общая динамика конфликта была уже такова, что процесс, пусть даже скромный и пошаговый, делавший особый акцент на важности грузино-абхазского измерения, по оценке грузинского правительства больше не отвечал его интересам.

Когда мы наблюдаем за тем, что происходит в грузино-абхазском конфликте с августа 2008 года, становится совершенно ясно, что понадобится пересмотр, переформулировка отношений России и Запада, России и Грузии и, в особенности, грузино-абхазских отношений, чтобы продвинуться вперед по пути достижения взаимоприемлемого урегулирования. Это задача многосторонних дипломатических, политических, экономических и международных отношений. Тем не менее это не должно увести нас от насущной потребности в межобщинных инициативах по трансформации конфликта типа форумов-диалогов, которые предоставлял Шлайнингский процесс. Опыт Шлайнинга показывает, что если мы хотим, чтобы будущая мирная трансформация конфликта была устойчивой и надежной, то усилия по предоставлению ресурсов для развития общения и генерации идей сохранят свою важность в качестве незаменимых элементов «закладки фундамента» миротворчества. Такая подготовительная работа по своей природе не может быть проведена в одночасье, но она будет иметь принципиальное значение в случае внезапного появления более благоприятных политических или контекстуальных условий. Такая работа сегодня важна вдвойне, так как нынешнее поколение политических лидеров в Грузии имеет ограниченный опыт общения с абхазами, которые, в свою очередь, все больше тяготеют к взаимодействию с Россией. В результате почти отсутствует прямой опыт или непосредственное понимание другой стороны, на которых можно было бы базировать будущие решения. Тем не менее накоплен опыт взаимодействия в рамках процессов типа Шлайнингского. Тайным капиталом миротворчества остаются более сотни человек и десятка организаций, каждая из которых имеет свою контактную сеть и свою «глубинку». И этот капитал сможет принести дивиденды, если (и когда) появится возможность для столь нужного переосмысления конфликта.

ГЛАВА 4

Шлайнингский процесс: взгляд с абхазской стороны

Манана Гургулия

1. Введение

Шлайнингский процесс – условное название цикла семинаров-диалогов по грузино-абхазскому конфликту и мирному урегулированию, организованных двумя международными неправительственными организациями, имеющими большой опыт работы на Кавказе – Бергхоф Центром по конструктивному управлению конфликтами (Германия, Берлин) и «Ресурсами примирения» (Великобритания, Лондон). Такое название объясняется тем, что сама идея проведения неформальных встреч политиков и активистов гражданского общества Абхазии и Грузии родилась на первой большой встрече представителей абхазских и грузинских НПО в январе 1997г. в Штадт-Шлайнинге (Австрия). Там же в феврале 2000 г. состоялась и первая встреча цикла. Всего с февраля 2000 г. по июль 2007 г. проведено 20 встреч. Два последних года семинары-диалоги организовывали «Ресурсы примирения».

Поскольку я была координатором от Абхазии, то эта статья – взгляд на Шлайнингский процесс именно с абхазской стороны.

Шлайнингский процесс представляет собой своего рода площадку для неформального диалога представителей сторон в конфликте, обсуждения волнующих стороны проблем, совместного анализа различных факторов, как способствующих, так и препятствующих урегулированию конфликта, обмена информацией о событиях на местах.

Способствовать совместному обсуждению возможных вариантов долгосрочного урегулирования конфликта – так, на мой взгляд, можно было бы охарактеризовать общий смысл проекта. Кроме того, этот проект давал возможность абхазской стороне в неформальной обстановке, на нейтральной территории донести до грузинской стороны свое видение ситуации, перспектив ее развития, своих интересов и опасений, а также лучше понять позицию грузинской стороны. Когда я говорю «понять», я не имею в виду «принять» позицию другой стороны. Ожидать этого было бы наивно. Позиции сторон в течение всего процесса практически не изменились, абхазская сторона заявляла о праве народа на самоопределение, де-факто независимости Абхазии, и о невозможности возвращения в состав Грузии. Грузинская же сторона исходила из принципа территориальной целостности страны, недопустимости отделения Абхазии и права всех беженцев на возвращение в свои дома. Но даже при этом чаще всего имело место понимание того, что конфликт должен решаться мирным путем, что военный путь губителен.

Одним из немаловажных моментов было и то, что этот процесс давал возможность восполнить дефицит информации о ситуации на местах.

В то же время у каждой из двадцати встреч были свои конкретные цели и задачи.

Если попытаться их суммировать, то можно выделить следующие:

- изучение опыта урегулирования конфликтов в различных регионах мира (Северная Ирландия, Босния и Герцеговина, Шри-Ланка, ЮАР, Кипр и др.), где, несмотря на различия, обнаруживаются некоторые структурные и процедурные параллели;
- обсуждение конкретных шагов, которые следовало бы предпринять сторонам, чтобы выйти из тупика и продвигаться к устойчивому миру;
- обсуждение вариантов промежуточных соглашений для достижения взаимоприемлемых результатов;
- выработка рамочных принципов, а также определение шагов, которые могли бы предпринять стороны по отдельности или совместно для возобновления переговорного процесса и продвижения процесса урегулирования конфликта;
- обсуждение возможных гарантий невозобновления военных действий, а также условий, при которых и на которых стороны согласились бы подписать Соглашение по безопасности и невозобновлению военных действий.

Несмотря на многообразие дискутируемых на встречах тем, все они имели прямое или косвенное отношение к грузино-абхазскому конфликту, к возможным путям его трансформации и урегулирования. Среди них: способы минимизации рисков при ведении переговоров; демократизация общества и государства как основа более конструктивного подхода к путям трансформации конфликта; меры по укреплению доверия; права человека и коллективные права в рамках процесса мирного урегулирования; степень эффективности различных форм экономического и политического давления на одну из сторон в конфликте в целях его трансформации; как минимизировать негативные последствия экономических санкций; как преодолеть трудности информационного обмена между сторонами в конфликте; роль мирового сообщества в урегулировании конфликта; роль России в переговорном процессе; возвращение беженцев и перемещенных лиц; влияние внутриполитических процессов на перспективы мирного урегулирования конфликта.

Осложнение ситуации в регионе, как, например, в Кодорском ущелье или Гальском районе, создавало дополнительные трудности и в без того непростою диалоге грузинской и абхазской сторон, однако участники Шлайнингского процесса в большинстве своем старались следовать основным правилам: открытости, уважению мнения собеседника, умению слушать, конфиденциальности (правило «четем-хаус», запрещающее прямо цитировать участников).

2. Подбор участников процесса

В Шлайнинговом процессе с абхазской стороны в общей сложности участвовали 57 человек. Это депутаты парламента, представители Администрации президента, Кабинета министров, МИД и других министерств, НПО, эксперты, журналисты. При подборе участников процесса учитывалось несколько моментов, таких как тема, выносимая на обсуждение (если таковая заранее была определена), ситуация на местах, состояние официального переговорного процесса, компетентность потенциальных участников, степень их влияния в обществе, представительство различных официальных структур (парламент, исполнительная власть). По мере возможности к семинар-диалогам привлекались участники официального переговорного процесса. Немаловажное значение придавалось и тому, чтобы в диалоге был представлен широкий спектр политических мнений грузинского и абхазского обществ.

Поскольку Шлайнинговский процесс – это не официальные переговоры сторон в конфликте, где принимаются обязательные к исполнению документы и решения, то участие в нем представителей абхазских и грузинских НПО было непреложным условием. Обычно во встречах участвовали от 6 до 8 человек с каждой из сторон, в том числе по 2-3 активиста гражданского общества.

При подборе участников с абхазской стороны проводились консультации с фасилитаторами, в частности, с Джонатаном Коэном («Ресурсы примирения»), министром иностранных дел Сергеем Шамба, Центром гуманитарных программ, с которым сухумский Медиа-клуб сотрудничает во многих проектах.

В состав участников порой вносились изменения в зависимости от того, какие структуры представляли грузинские участники. Если с грузинской стороны на встречу посылали больше депутатов, нежели представителей исполнительной ветви власти, участие которых в процессе зависело от согласия на то президента (особенно после прихода к власти М. Саакашвили), то и мы вносили коррективы в свой список¹.

Самым болезненным был вопрос участия в процессе представителей так называемых «легитимных структур власти Абхазской автономной республики»². Абхазская сторона выступала категорически против их участия как в официальном переговорном процессе, так и в неофициальных встречах. Такая категоричность объясняется тем, что Грузия пыталась представить грузино-абхазский конфликт как внутриабхазский. Руководство Абхазии соглашалось вести переговоры с официальным Тбилиси, Грузия же всячески старалась включить в переговорный процесс представителей беженцев из Абхазии, заявляя, что именно они представляют «легитимную власть», вынужденную после войны работать в изгнании. Так, первая встреча Шлайнинговского процесса чуть не сорвалась из-за участия в

1 См.: Паата Закареишвили. «Как шаг за шагом “розовое” правительство Грузии уничтожило грузино-абхазский неформальный процесс диалога». Газета Резонанс, № 256, 257 и 259 от 19, 20 и 22 сентября 2008 г.

2 Речь идет о структурах власти Абхазии, созданных в Тбилиси после завершения грузино-абхазской войны в 1993 г.

ней представителя «правительства Абхазской автономной республики в изгнании». Позднее абхазская сторона стала несколько терпимее относиться к их участию в процессе. Это связано с тем, что, во-первых, все участники неформального диалога выступают от себя лично, а не от организаций и структур, в которых они работают. Во-вторых, постепенно в самой Грузии стали предприниматься некоторые шаги по сворачиванию деятельности «автономных структур». В третьих, некоторые из «автономщиков», с которыми абхазские участники отказывались встречаться на первом этапе, оказались вовлеченными в процесс, когда уже работали в различных НПО или центральных структурах государственной власти Грузии.

3. Опасения и риски, связанные с проектом

Грузинская сторона, особенно после прихода к власти Михаила Саакашвили, всячески пыталась ограничить прямые контакты абхазской стороны с различными международными и европейскими структурами. Более того, Саакашвили настаивал на том, чтобы встречи с «сепаратистами» проводились не на нейтральной территории, а в Грузии, что категорически неприемлемо для абхазских участников. По-видимому, официальный Тбилиси опасался того, что представители Абхазии, не имея возможности официально представлять свою точку зрения в различных европейских структурах, используют Шлайнингский процесс как трибуну для заявления о своей позиции. Кроме того, Саакашвили стал запрещать официальным лицам участвовать в неформальном грузино-абхазском диалоге³.

По большому счету, у абхазской стороны не было особых опасений по поводу проекта, если не считать негативного отношения части общества к любым грузино-абхазским встречам. Иногда можно было услышать вопросы: «Почему именно вы участвуете во встречах? Кто вас уполномочил? А для чего все эти встречи, если существует официальный переговорный процесс?». Бывали случаи, когда некоторые по возвращении домой неохотно говорили о своем участии в Шлайнингском процессе, однако большинство участников понимало важность информирования общества о процессе, его целях, задачах, обсуждаемых вопросах, выводах.

4. Фасилитация процесса

Фасилитаторами в Шлайнингском процессе выступали Бергхоф Центр (Норберт Роперс, Оливер Уолле) и «Ресурсы примирения» (Джонатан Коэн, Рейчелл Клогт), а также независимый эксперт Клем МакКартни, приглашенный организаторами встреч.

Я согласна с мнением одного из фасилитаторов процесса Оливера Уолле в том, что международная команда выступала в роли скорее фасилитаторов нежели медиаторов. Если медиация более сфокусирована на «объективном уровне» конфликта, когда позиции и стоящие

3 См.: Паата Закареишвили, там же.

за ними интересы конфликтующих сторон обсуждаются с единственной целью – достижение конкретного результата в виде соглашения, учитывающего интересы всех вовлеченных в процесс переговоров, то фасилитация акцентирует внимание на «субъективном уровне», а точнее на взглядах, чувствах, мнениях, умении коммуницировать и др.⁴

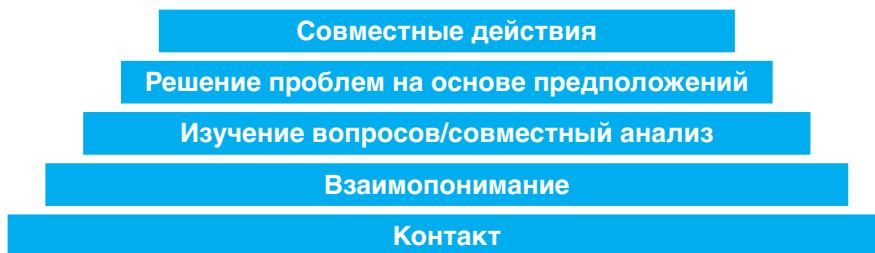
Наши фасилитаторы стремились создать такие условия и атмосферу, при которых участники семинар-диалогов могли бы свободно и открыто обмениваться мнениями, имели возможность анализировать различные аспекты конфликта, его причины, динамику и сложности, существующие на пути его трансформации и урегулирования. На мой взгляд, они успешно справлялись со своими задачами.

Работа на семинар-диалогах была построена таким образом, что одни проблемы мы обсуждали на пленарных заседаниях, другие – в малых группах, что давало возможность практически всем участникам процесса высказать свое мнение. Даже те, кто предпочел бы «отмолчаться» в общей группе, выступал в малых. Пленарные заседания обычно вел один из международных фасилитаторов; в малых группах сами участники выбирали ведущего и докладчика, причем не имело значения, кто будет презентовать итоги работы – абхазский или грузинский участник. В этом случае кто-то из международных фасилитаторов наблюдал за работой, при необходимости уточнял задание.

Команда фасилитаторов следила за динамикой дискуссий, ставя перед аудиторией задачи и предлагая темы для обсуждения. Причем она не навязывала свои темы, а структурировала то, что было записано участниками на карточках в самом начале встречи.

Мне представляется очень интересной так называемая «пирамида» уровней межгруппового взаимодействия, предложенная Клемома Маккартни:

Рисунок 1: Основные взаимосвязанные этапы в процессе диалога

4 См. O. Wolleh (2006). A Difficult Encounter – The Informal Georgian-Abkhazian Dialogue Process. Berlin: Berghof Research Center for Constructive Conflict Management. http://www.berghof-peacesupport.org/publications/SC_Difficult_Encounter.pdf (1.4Mb PDF).

Фасилитаторы так организовывали процесс, чтобы помочь нам подниматься по ступеням этой «пирамиды» при обсуждении тех или иных проблем, связанных с конфликтом. Самая высокая ступень, до которой мы добирались – это «решение проблем на основе предположений», да и то не всегда.

Организаторы и фасилитаторы Шлайнингского процесса демонстрировали достаточно глубокое знание сути грузино-абхазского конфликта. Чувствовалось их желание помочь нам в поиске мирных путей его урегулирования. Несмотря на то, что между участниками семинаров и фасилитаторами сложились теплые, дружеские отношения, это не мешало последним быть откровенными и непредвзятыми.

5. Что мешало деятельности проекта?

С одной стороны периодические обострения грузино-абхазских отношений, эскалация напряженности, перерывы в официальном переговорном процессе создавали объективные препятствия для организации встреч и неформального диалога сторон, а с другой стороны они же делали очевидной необходимость обсудить острые проблемы в неформальной обстановке. Кроме того, в условиях, когда власти по тем или иным причинам отказывались от официальных переговоров, Шлайнингский процесс давал одну из немногих возможностей прямых контактов сторон.

Если говорить о сложностях или препятствиях субъективного характера, то я бы к ним отнесла личные качества отдельных участников, неумение или нежелание слушать оппонента, чрезмерную эмоциональность. Однако международным фасилитаторам все же, за редким исключением, удавалось сгладить ситуацию, дав людям возможность выговориться во время заседаний, либо плавно перевести дискуссию во время «кофе-брейков».

Расширение круга участников Шлайнингского процесса – это, безусловно, позитивный момент. Вместе с тем, введение в процесс нового участника несколько меняло его динамику. Новым участникам, особенно тем, кто до этого не встречался с абхазами или грузинами, хотелось «выговориться», излить свои обиды, изложить в подробностях свое видение истории и причин конфликта.

Еще одно обстоятельство, которое нельзя не упомянуть, – это проблема паспортов абхазских участников. Ввиду того, что у нас были советские загранпаспорта, требовались немалые усилия организаторов, чтобы посольства западных стран в Москве согласились проставить в них визы. Кроме того, приходилось получать специальное разрешение МИД и Федеральной пограничной службы России для того, чтобы абхазские участники могли вылететь из международного терминала аэропорта «Шереметьево» в Москве. Из-за проблем с паспортами (до тех пор, пока Россия не согласилась на предоставление своего гражданства жителям Абхазии и выдачу общегражданских загранпаспортов) в семинар-

диалогах не могли участвовать некоторые представители Абхазии, чье вовлечение в этот процесс было очень желательно и полезно.

6. Результаты и уроки проекта

Шлайнингский процесс, длившийся семь лет, – это не единственный проект, в рамках которого проводились грузино-абхазские встречи. Были и другие проекты, которые осуществляли «Ресурсы примирения» (Лондон), «International Alert» (Лондон), Калифорнийский университет (Ирвайн, США), Южнокавказский региональный офис Фонда Генриха Бёлля (Берлин), Датский и Норвежский Советы по беженцам, шведская «Квинна тилл Квинна» в партнерстве с местными неправительственными организациями и др. Но в отличие от вышеназванных проектов, где публиковались материалы проводимых исследований, отчеты о работе, стенограммы встреч (в рамках проекта Калифорнийского университета уже опубликовано 15 томов стенограмм встреч) и пр., семинар-диалоги Шлайнингского процесса носили конфиденциальный характер. По их итогам публиковались пресс-релизы, а участники, как того требовало одно из базовых правил, в своих интервью или публичных выступлениях прямо не цитировали конкретных лиц.

Такая конфиденциальность имела свои плюсы и минусы. К плюсам я бы отнесла то, что участвующие во встречах официальные лица (хоть и в личном качестве, как эксперты) могли свободно общаться, обсуждать острые проблемы, вести откровенный и принципиальный диалог; к минусам – то, что наши общества оказались мало информированными о проекте. Мне неоднократно приходилось слышать упреки по поводу «закрытости» процесса как от представителей общественности, так и от журналистов.

Шлайнингский процесс дал возможность всем его участникам получить более полное представление о позициях, интересах и опасениях сторон в грузино-абхазском конфликте. На встречах происходил обмен информацией о последних политических событиях в Абхазии и Грузии, анализировались возможные последствия этих событий для мирного процесса, обсуждались различные варианты промежуточных соглашений, рамочные принципы возобновления переговорного процесса, гарантии невозобновления военных действий и многое другое.

Шлайнингские встречи были не только площадкой, на которой происходил неформальный диалог грузинской и абхазской сторон; в них имелись и обучающие элементы, такие как различные методологические подходы к анализу конфликта и возможностям его трансформации (картография конфликта, «призма конфликта», «GRIT» или постепенные взаимные инициативы по снижению напряженности и многое другое).

Участникам встречи также была дана возможность посмотреть на наш конфликт через призму других конфликтов (в Северной Ирландии, Боснии и Герцеговине, Шри-Ланке,

ЮАР, Кипре). Эксперты по этим конфликтам представили очень глубокие, содержательные, запоминающиеся доклады, из которых мы почерпнули много интересного и полезного для себя.

В отличие от Грузии, у которой имелась масса возможностей, чтобы представить «свою правду» о грузино-абхазском конфликте на международном уровне, у Абхазии они были ограничены. Благодаря небезуспешным стараниям Тбилиси представители официальных властей Абхазии (в отличие от того же Косова) практически не имели возможности участвовать, пусть даже в качестве экспертов или наблюдателей, в различных международных форумах, где рассматривались грузино-абхазские проблемы. Шлайнингский процесс в какой-то мере позволял восполнить этот пробел.

Не умаляя значения пленарных заседаний и работы в малых группах (смешанных или из числа представителей одной стороны), следует отметить то заинтересованное общение, которое происходило вне аудитории. Учитывая то обстоятельство, что в процесс были вовлечены госчиновники высокого ранга, такое неформальное общение давало, на мой взгляд, возможность уточнить позиции, лучше понять интересы и опасения сторон, чтобы принять их во внимание при разработке стратегии и тактики поведения в официальном переговорном процессе.

Грузины хотели убедить абхазов в том, что это два родственных народа, которые, несмотря на войну, должны жить в одном государстве. Они постоянно поднимали проблемы территориальной целостности Грузии и возвращения беженцев, увязывая с последней решение всех остальных вопросов (политического статуса, отмены санкций, возобновления железнодорожного сообщения, гарантий безопасности и др.). Абхазы старались убедить грузин в том, что Абхазия добровольно никогда не вернется в состав Грузии, что у нее есть все основания для того, чтобы быть независимым государством и строить с Грузией добрососедские, межгосударственные отношения. Двадцати встреч Шлайнингского процесса для этого не хватило.

События августа 2008 г. изменили картину в регионе. Абхазия стала частично признанным государством; с Россией подписан жизненно важный для Абхазии договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Однако грузино-абхазский конфликт все еще не урегулирован, тем самым остается актуальным вопрос подготовки и подписания соглашения о невозобновлении военных действий. Новые условия требуют новых подходов.

ГЛАВА 5

Шлайнингский процесс: взгляд с грузинской стороны

Паата Закареишвили

1. Введение

В главе рассмотрен цикл неформальных встреч грузинских и абхазских политиков в качестве одного из форматов медиации конфликта, а также факторы, препятствующие ему с грузинской стороны. Цикл в сообществе конфликтологов получил неформальное название «Шлайнингский процесс», поскольку первые встречи были проведены в австрийском городке Штадт-Шлайнинг.

Процесс, начавшийся в 2000 году, по определенным причинам, которые будут описаны далее, был приостановлен в 2007 г. Всего в период с 2000 года по 2007 год было организовано 20 встреч, в которых участвовали 57 абхазских и 56 грузинских представителей.

Первые 14 встреч проекта были организованы «Бергофским исследовательским центром конструктивного урегулирования конфликтов» и Британской организацией «Ресурсы примирения», которая начала свою деятельность по медиации грузино-абхазского конфликта с 1997 года. Начиная с 15-й встречи непосредственным организатором проекта стала организация «Ресурсы примирения».

Основной целью деятельности «Ресурсов примирения» в Грузии является мирное разрешение грузино-абхазского конфликта. Ради достижения данной цели организация работает с политиками, официальными лицами и общественными активистами, убеждая их в возможности демократического, ненасильственного решения конфликта. «Ресурсы примирения» также способствуют поддержанию постоянного диалога между представителями сторон. Шлайнингские встречи как бы совместили эти два направления деятельности организации. В частности, они проводились в формате неформальных диалоговых семинаров, на которых представителям политических элит сторон предоставлялась возможность свободно общаться и в режиме диалога обсуждать и анализировать ключевые факторы, препятствующие и способствующие разрешению конфликта.

Организаторы Шлайнингского процесса выступали также в роли медиаторов встреч. Соответственно, они никогда не фиксировали своей позиции по вопросу грузино-абхазского конфликта, а лишь оказывали содействие осуществлению конструктивного диалога между сторонами. Участники встреч не считались официальными делегациями и поэтому не принимали никаких решений. Они представляли лишь самих себя, а не свои организации или службы, и участвовали во встречах в роли экспертов.

2. Преимущества Шлайнингского процесса

Работа основывалась на принципе “Чатем-Хаус”, то есть была договоренность о запрещении открытого цитирования кого-либо из участников или какой-либо из сторон. Такая форма конфиденциальности обеспечивала открытый, прямой и принципиальный характер диалога.

Важной особенностью проекта являлось участие во встречах только грузинских и абхазских высокопоставленных чиновников, политиков и экспертов. Представители третьей стороны – России или других стран и даже международных организаций – во встречах не участвовали.

Встречи, организованные таким образом, давали ощутимый результат на индивидуальном уровне; в частности, процесс давал грузинским и абхазским политикам следующие возможности (информация, изложенная ниже, базируется на сведениях, полученных от участников):

- **Регулярно общаться в неформальной конфиденциальной обстановке, без присутствия третьих сторон.** Регулярность встреч позволяла участникам постоянно и последовательно обмениваться важной для них информацией; она также создавала уверенность в том, что любая сложная тема или проблема, периодически возникающая между сторонами, будет подробно обсуждена, в спокойной обстановке, где на поставленные друг другу вопросы будут даны ясные и исчерпывающие ответы, без какой-либо демагогии или пропаганды.
- **Ознакомиться с позицией и интересами противоположной стороны.** Это, в свою очередь, давало возможность принять их во внимание при разработке собственной стратегии и тактических шагов.
- **Уточнить (путем диалога) позиции друг друга в различных вопросах.** Это способствовало подготовке к следующей встрече или другим официальным или неформальным встречам.
- **Проверять действенность «домашних заготовок».** В частности, на встречах участники имели возможность увидеть и услышать реакции друг друга на новые предложения и инициативы, которые они впоследствии могли предложить для рассмотрения на официальном уровне.

Именно формат таких встреч пользовался наибольшим доверием абхазской стороны, абхазских политиков и экспертов. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, их высказывания на встречах, а с другой стороны – тот факт, что во время обострений грузино-абхазских отношений они не прекращали участия в Шлайнингском процессе, тогда как отказывались от других форматов.

Шлайнингский процесс привел некоторых участников с грузинской стороны к потребности систематизировать предложения, которые могли бы быть представлены абхазской стороне (после всеобщего общественного обсуждения внутри грузинского общества), например, в виде «Концепции особого статуса Абхазии в составе грузинского государства». Концепция и впрямь была написана ими и предложена грузинскому обществу и власти на обсуждение, хотя это не привело к каким-либо переменам.

Для пришедшего в 2003 года к власти правительства Саакашвили формат Шлайнингских встреч мог стать дополнительной площадкой, которая могла бы поощрять и поддерживать новых грузинских политиков, давая им возможность обсуждать свои взгляды о решении грузино-абхазского конфликта непосредственно с абхазскими коллегами.

Медиационный формат Шлайнингских встреч практически не содержал в себе риска навредить в плане разрешения конфликта, и в то же самое время приносил участникам существенную пользу, позволяя им вести работу по разрешению конфликта на политическом уровне более подготовленными и информированными.

Несмотря на вышеописанное, Шлайнингский процесс не привел к ощутимым результатам/ переменам на уровне динамики конфликта и постепенно угас. Ниже рассмотрены политические настроения грузинской стороны, препятствующие поощрению и продолжению процесса и, возможно, способствовавшие его безрезультативности.

3. Политические факторы, препятствующие неформальному двустороннему процессу с грузинской стороны

Если взглянуть на динамику влияния политических факторов с грузинской стороны на неформальный двусторонний миротворческий процесс, то вырисовывается следующая картина.

В период правления Эдуарда Шеварднадзе участие представителей властных структур в Шлайнингском процессе не встречало препятствий с грузинской стороны, хотя не было и какого-либо интереса или поддержки. Вследствие этой политики «не препятствования» процесс развивался и уже в 2003 году дал важный продукт: упомянутую выше концепцию по разрешению конфликта.

В 2004-2005 годах в Грузии в целом, и в Абхазии в частности, существенно изменилась общественно-политическая ситуация. И грузинская и абхазская общественность сумели путем выборов и защиты своих голосов после голосования сместить старые, недемократичные, коррумпированные системы правления и привести к власти новые силы. На фоне таких перемен процесс урегулирования конфликта также приобрел

новую, соответствующую общественным переменам динамику. В частности, в то время с абхазской стороны интерес к Шлайнингскому процессу не уменьшился, а увеличился. Так, даже в июне 2008 года, перед августовскими событиями, абхазская сторона была готова участвовать в запланированной на то время Шлайнингской встрече, хотя ситуация была напряженной. Что касается нового грузинского правительства, то постепенно создалось впечатление, что оно препятствовало участию ответственных грузинских политиков в регулярных двусторонних грузино-абхазских и грузино-осетинских неформальных встречах. С лета 2005 года такая позиция приняла характер тенденции и, как следствие, после июля 2007 года Шлайнингский процесс прекратился. Для иллюстрации мы ниже приведем несколько конкретных случаев.

Случаи, иллюстрирующие тенденцию препятствия Шлайнингскому процессу

С 2005 года был ряд прецедентов, когда влиятельные политические фигуры с грузинской стороны соглашались участвовать во встречах с абхазскими политиками, в предварительных беседах с координатором процесса с грузинской стороны (автором данной главы) подчеркивали важность таких встреч, но непосредственно перед встречей, в последнюю минуту, отказывались от участия, не объясняя и не обосновывая внезапное изменение решения. Это касается не только Шлайнингского процесса, но и, например, встречи грузинских и осетинских политиков в Любляне в феврале 2005 года, где согласие на участие с грузинской стороны дали два представителя парламентского большинства, но в последний момент отказались.

Что касается Шлайнингского процесса, то описанный алгоритм/сценарий (согласие, интерес, готовность участвовать и следующий за этим необоснованный отказ непосредственно перед встречей) приобрел характер стойкой тенденции.

Идею шестнадцатой Шлайнингской встречи предложил Ираклий Аласания, в то время личный представитель президента Грузии в грузино-абхазском конфликте. В частности, участвуя в очередной Шлайнингской встрече в апреле 2005 года, он предложил организовать более короткую двустороннюю встречу в более узком кругу. Абхазская группа проявляла явный интерес к диалогу с Аласания. С учетом его предложения медиаторами процесса было проведено несколько консультаций с представителями сторон, в результате чего было достигнуто соглашение о проведении в конце июля двухдневной неформальной встречи в Вене в узком кругу. С абхазской стороны согласились участвовать тогдашний секретарь Совета безопасности Станислав Лакоба, вице-премьер правительства Абхазии Леонид Лакербая, председатель Центральной избирательной комиссии Абхазии Батал Табагуа и представитель гражданского общества Сократ Джинджолия. Состав грузинской группы был предложен Ираклием Аласания – помимо него были приглашены руководитель Канцелярии

президента Гиги Угулава¹ и заместитель председателя парламентского комитета по обороне и безопасности Ника Руруа. Непосредственно перед встречей, когда абхазская группа уже выехала в Вену из Москвы, все участники, кроме Аласания, отказались. Ситуацию в последнюю минуту спас государственный министр Георгий Хаиндрава, приехавший на встречу вместе со своим заместителем. Утром того дня, когда должен был прилететь Аласания, он позвонил и, не объясняя причин, тоже отказался от участия.

Семнадцатый грузино-абхазский семинар-диалог Шлайнингского процесса состоялся в Лондоне 18-20 марта 2006 года. За месяц до его проведения желание участвовать в нем выразили Ираклий Аласания, Ника Гварамия (тогда – Генеральный прокурор республики), и Давид Бакрадзе (тогда – председатель парламентской комиссии по евроинтеграции). Когда до начала встречи оставалась неделя, все трое под разными предлогами отказались приехать в Лондон. В последний момент выбывших участников были вынуждены заменить Ивлиан Хаиндрава, Вахтанг Колбая и Давид Базгадзе (члены парламента).

Восемнадцатый семинар-диалог был запланирован на 9-13 июня 2006 года, вновь в австрийском городе Штадт-Шлайнинге. Уже 20 апреля, независимо друг от друга, о желании участвовать в июньской встрече заявили Ираклий Аласания и Ника Гварамия. Они обещали дать окончательный ответ до 10 мая. Девятого мая Аласания и Гварамия сообщили о своем отказе.

В девятнадцатой встрече Шлайнингского процесса, которая проходила в Лондоне 15-18 декабря 2006 года, отказались участвовать сотрудники министерства иностранных дел Георгий Лома и Георгий Вольский.

Следующая, двадцатая встреча Шлайнингского процесса должна была состояться в Лондоне 27-30 июля 2007 года. Существовала предварительная договоренность с депутатами парламента, представителями парламентского большинства Давидом Базгадзе и Роином Джанашиа, а также с сотрудником Совета национальной безопасности Георгием Каджая. Однако за семь дней до отъезда все трое отказались участвовать во встрече. 20 июля с координатором процесса с грузинской стороны связался Давид Базгадзе и сообщил, что тогдашняя председатель парламента Нино Бурджанадзе потребовала от него и Джанашиа отказаться от участия в лондонской встрече. Бурджанадзе заявила Базгадзе: «Мы (скорее всего подразумевалось грузинское руководство – примеч. автора) не участвуем во встречах такого формата». Хотя годом раньше, в марте 2006 года, именно она дала согласие на участие Давида Базгадзе в 17-й встрече. Интересно, что изменилось за один год?

¹ После того, как Гиги Угулава стал мэром Тбилиси, была приглашена председатель парламентского большинства Майя Надирадзе, которая высказала интерес к встрече и согласилась в ней участвовать.

В 2007 году, 21-25 сентября, немецкая организация «Бергофский исследовательский центр конструктивного урегулирования конфликтов» организовала на Кипре грузино-абхазскую встречу, на которую отказались (после предварительного согласия) приехать заместители государственного министра по вопросам урегулирования конфликтов Руслан Абашидзе и Дмитрий Манджавидзе.

Консультации, проведенные «Ресурсами примирения» с политиками сторон, позволили запланировать очередную, двадцать первую встречу Шлайнингского процесса. Несмотря на серьезную эскалацию напряженности в зоне конфликта в июне-июле 2008 года, абхазская сторона дала принципиальное согласие на участие абхазской группы во встрече, которая планировалась на 27-30 июля 2008 года в Лондоне. Депутат парламента Петре Мамрадзе согласился принять участие во встрече, но попросил время для консультации с парламентским руководством. Других желающих из числа представителей власти не было. Три представителя парламентского большинства ответили на приглашение твердым и принципиальным отказом². Тем временем, пока продолжались переговоры с ними, Петре Мамрадзе тоже отказался участвовать. После безрезультатных консультаций с грузинской стороной организаторы процесса приняли решение отложить встречу на неопределенное время.

Четвертого августа 2008 года, на заседании Специальной государственной комиссии, на котором присутствовали представители различных ведомств и где обсуждалась мирная инициатива президента Грузии по урегулированию конфликта в Абхазии, а также происходящие в конфликтных зонах события, секретарь Совета национальной безопасности Каха Ломая заявил: «Не будем себя обманывать, необходимо вести диалог с Россией, а не бегать в Сухуми и Цхинвали». До седьмого августа (драматического витка обострения грузино-осетинского конфликта, переросшего в грузино-российскую войну) оставалось три дня.

Таким образом, приостановка Шлайнингского процесса не позволяла официальным лицам участвовать в постоянно действующем неформальном грузино-абхазском процессе, препятствовала укреплению доверия между абхазской и грузинской сторонами и возникновению общих интересов в билатеральном формате – без участия России и международных организаций.

В условиях, где формат грузино-абхазского диалога совершенно отсутствовал (и продолжает отсутствовать), игнорирование существующего и единственного постоянно действующего (неформального) формата выглядело довольно странно. По логике, Грузия в первую очередь должна была быть заинтересована в изменении статус-кво в конфликте и всячески пытаться найти такие пути и формы восстановления доверия с абхазской и осетинской сторонами, которые позволили бы лучше понять их интересы, опасения и ожидания. Именно постоянные неформальные двусторонние встречи предоставляли

2 Фамилии не могу назвать по той причине, что не я вел с ними переговоры об участии в очередной встрече.

наилучшую возможность получать регулярную информацию о происходящих в Абхазии и в бывшей автономной области Южной Осетии процессах. В результате проделанной в рамках Шлайнингского процесса работы уже был создан устойчивый формат проведения такого диалога. Отказ от него перекрыл один из немногих существующих путей диалога и тем самым еще более отдалил стороны друг от друга, что должно было противоречить интересам Грузии.

Наверно, существовали конкретные причины, по которым целенаправленно блокировался годами проверенный мирный процесс. Но, не имея достоверных фактов, приходится ограничиться лишь предположениями, подозрениями и различными взаимоисключающими версиями, которые изложены ниже.

4. Предположения о возможных причинах торможения процесса

Версия первая

Она связана с неоднократными публичными заявлениями президента Саакашвили о том, что любые переговоры с сепаратистами должны проводиться на грузинской территории, а встречи с ними за пределами Грузии неприемлемы. «Беготня в другие города для встреч с Кокойты и Багапшем закончилась. Лично я не собираюсь встречаться с Кокойты и Багапшем, и нигде их искать не буду. Если им что-нибудь нужно, пусть приезжают в Тбилиси. Я дам им мой служебный адрес и даже домашний телефон. Пусть приезжают, я готов открыто говорить с ними»,³ – заявил он 7 апреля 2005 года.

Такая позиция, пользовавшаяся в свое время (в 1994-99 годах) популярностью в окружении тогдашнего председателя Верховного Совета Абхазской автономной республики Тамаза Надареишвили, была реанимирована Михаилом Саакашвили после его прихода к власти. Но до сегодняшнего дня нет аргументированного объяснения, какие угрозы или риски могли нести неформальные встречи представителей высших эшелонов власти за рубежом, учитывая, что альтернативой процессу было полное отсутствие таких встреч. Эта позиция противоречила принципам мирного урегулирования конфликтов, важное место среди которых занимает постоянный диалог.

В отличие от грузинской стороны, абхазы и осетины были и остаются заинтересованными в максимальном дистанцировании от Грузии. Если грузинские власти стали бы настаивать на своих условиях проведения встреч, то абхазы и осетины с радостью и большим удовольствием отвергли бы их. Грузинским политикам необходимо было определиться, нужен ли им постоянный двусторонний неформальный политический диалог с ведущими

3 Сакартвелос Республика, №81, 8 апреля 2005 г

абхазскими и осетинскими политиками или нет? При положительном ответе встречаться с абхазскими и осетинскими представителями следовало там, где это было более приемлемо для последних, поскольку этот процесс в большей степени отвечал нашим интересам. Таким образом, требование проводить встречи с сепаратистами только на грузинской территории было крайне контрпродуктивным. К сожалению, такие серьезные решения, как видно, принимались и продолжают приниматься на высшем уровне единолично, без какого-либо коллективного или экспертного обсуждения.

Версия вторая

Прерывание и препятствование мирному неформальному процессу ретроспективно может быть сочтено индикатором того, что власти Грузии серьезно рассматривали возможность силового решения существующих конфликтов. Данная позиция периодически озвучивалась представителями власти в более или менее завуалированном виде. В качестве примера можно привести высказывание начальника Генерального штаба ВС Грузии Левана Николеишвили. В январе 2006 года он говорил: «Грузинские миротворцы при необходимости используют накопленный в Ираке опыт для восстановления территориальной целостности Грузии в Абхазии и Южной Осетии».⁴

Если верить в правдоподобность этой версии (в то, что размораживание конфликта было запланировано с грузинской стороны), тогда естественно, что правительство не могло быть заинтересовано в восстановлении доверия между грузинами с одной стороны и абхазами и осетинами с другой.

Если в результате регулярных неформальных встреч сторонам удалось бы создать предпосылки для серьезного мирного процесса, то впоследствии выход грузинской стороны из такого процесса мог поставить под сомнение поддержку грузинских властей со стороны союзников и собственного населения. Соответственно, отказываясь от участия в регулярных неформальных встречах, грузинское правительство старалось избежать возможной ответственности в будущем перед мировой общественностью и своим населением.

Если эта версия действительно имеет под собой реальное основание, то тогдашнее поведение правительства вполне логично: оно предпочитало продолжать политику «мегафонной дипломатии»⁵ по отношению к лидерам сепаратистов, чтобы в дальнейшем, под предлогом отсутствия прогресса в деле урегулирования конфликтов, возложить ответственность на сепаратистов и таким образом оправдать неизбежное решение проблемы военным путем. В таком случае препятствование Шлайнингскому процессу можно рассматривать как индикатор того, что мы шли к войне.

4 Доступно на <http://www.apsny.ge/analytics/1137455619.php>.

5 Когда общение между сторонами ограничивается телевизионными выступлениями и официальными заявлениями.

Версия третья

Как бы парадоксально и в духе теории конспирации это не звучало из уст автора данной главы, всегда подчеркивающего ответственность грузинской стороны в динамике конфликта, тут вполне могло быть и влияние российского фактора. Ни для кого не секрет, что Россия вела себя вызывающе в грузино-абхазском конфликте и добивалась своих целей средствами, лишенными какой-либо политкорректности. Если и существует внешняя сила, не заинтересованная в успехе регулярных двусторонних грузино-абхазских и грузино-осетинских встреч, то ею могла быть только Россия. К этому заключению нас подводит принцип римского права, согласно которому поиск причинно-следственных связей в создавшейся ситуации начинается с поиска того, кому выгодна создавшаяся ситуация.

Вышесказанное требует рассмотрения условий, при которых российские интересы могли повлиять на грузинскую политику. Общеизвестны агрессивные высказывания Михаила Саакашвили в адрес России. Но тогда в какой форме российский фактор мог влиять на президента Грузии? Трудно с уверенностью сказать, кто из грузинских политиков лоббирует государственные интересы России в грузинском правительстве. При отсутствии доказательств, лишь на основе умозаключений можно сделать ложные выводы, поэтому не будем развивать дальше эту версию. Хотя в качестве иллюстрации подыгрывания России Грузии можно привести слова из выступления президента Саакашвили от 4 декабря 2007 года: «Таким образом, речь идет на самом деле о коротком периоде. И русские оговорились несколько раз, что Южная Осетия их больше не интересует. Они оговорились»⁶.

В заключение хочется отметить, что именно постоянный двусторонний диалог между конфликтующими сторонами являлся и является одной из наиболее эффективных форм ослабления российского влияния и реализации российских интересов в Грузии.

Версия четвертая

Ослабление роли гражданского сектора в процессе мирного урегулирования конфликтов с целью его дискредитации. Дело в том, что, как правило, представители правительства отказывались от участия во встречах за несколько дней до их начала, когда координаторы уже практически не могли исправить положение. Если представители власти хотели остановить процесс, они могли бы отказаться от участия в нем с самого начала. Однако в соответствии с определенной, возможно скрытой стратегией, нацеленной на то, чтобы не допустить появления любой, приемлемой как для грузинской, так и для абхазской и осетинской сторон позиции, власти вначале заявляли о своем согласии участвовать во встречах, а затем отказывались в самый последний момент. Этим они, возможно, хотели создать видимость того, что инициированные неправительственным сектором неформальные двусторонние

⁶ «Южная Осетия – вопрос нескольких месяцев», – заявляет Саакашвили. Civil Georgia 4 Дек.2007 г., доступно на <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=15044>

встречи плохо организованы и осуществлялись ненадежными организациями. Не исключено, что власти стремились дискредитировать процесс в глазах доноров и организаторов диалога, чтобы они окончательно прекратили поддерживать подобные проекты.

Версия пятая

Не исключено, что власти поддерживали собственные двусторонние контакты с абхазской и осетинской сторонами. Но если они понимали необходимость такого диалога, тогда вполне логично было бы не препятствовать, а, напротив, использовать возможности и других встреч для получения дополнительной информации и перепроверки уже имеющейся. Поэтому мы склонны думать, что такого процесса не было. Если бы он имел место, то люди, сведущие в этой области, обладали бы более или менее достоверной информацией о нем.

Хотя нельзя исключать и другой возможности – уровень конфиденциальности мог быть настолько высоким, что вся информация о существующих контактах надежно скрывалась.

По всей вероятности, были контакты с осетинской стороной, приведшие к созданию временной администрации Дмитрия Санакоева на территории бывшей Югоосетинской автономной области в противовес российскому влиянию и для демонстрации того, что не все население Южной Осетии поддерживает сепаратистов. В итоге все это привело к эскалации конфликта, усилению чувства опасности со стороны Грузии и еще больше подтолкнуло жителей Южной Осетии к России.

Как показало время, эти контакты послужили не мирному урегулированию, а наоборот, обострению конфликта.

5. Что делать сейчас, после войны?

Какими бы ни были действительные причины, Шлайнингский процесс не должен был прекращаться. Совершенно очевидно, что представители власти сегодня не готовы принимать решения о своем участии в подобных процессах, продолжающихся исключительно в формате встреч представителей гражданского общества.

Несмотря на наши старания учитывать варьирующееся отношение правящей партии к мирному процессу, в ответ мы неизменно сталкиваемся с глухим игнорированием. Отказ властей сотрудничать с нами дает нам свободу, учитывая интересы грузинского общества, максимально вовлекать в процесс как различных экспертов, так и представителей политической оппозиции.

Поскольку правительство принципиально блокирует созданный именно для них формат встреч, необходимо расширять состав участников путем включения представителей оппозиционных партий. Даже если власти продолжают привычными методами игнорировать такие встречи, формально они все же не будут сорваны и представители оппозиции получат больше возможностей ознакомить абхазскую и осетинскую стороны с важной для них информацией и предложениями. Одновременно надо всегда оставлять возможность представителям правительства в любое время подключиться к процессу или использовать ресурсы гражданского общества для реализации других, приемлемых форматов.

6. Заключение

В заключение можно сказать, что мирный процесс, в том числе и Шлайнингский, в котором активно участвовали представители гражданского общества, стал своего рода лакмусовой бумажкой, позволившей выявить угрозу войны. События августа 2008 г. подтвердили реальность опасений гражданского общества.

Нас часто упрекают в том, что мы не смогли остановить войну. Но мы ведь не «пожарники», а скорее некая «противопожарная система», позволяющая выявлять угрозу пожара. Поэтому такие проекты, как Шлайнингский процесс, следует, на наш взгляд, продолжать, находя при этом приемлемые форматы.

К сожалению, динамика конфликта изменила и отношение международного сообщества к миротворческим проектам. Оно стало несерьезно относиться к ним. Но если оно повнимательнее прислушается к тому, что говорилось в рамках Шлайнингского процесса, к той тревоге, которую выражали его участники, то поймет неоправданность скептического отношения к миротворческим проектам, наблюдающегося в последнее время.

Нам представляется, что международное сообщество могло бы внести существенный вклад в миротворческий процесс, убедив грузинские власти в необходимости двустороннего сотрудничества и побудив их признать свои ошибки.

III

Постоянно действующая конференция как медиация

ГЛАВА 6

Построение и сохранение работы постоянной действующей конференции

Пола Гарб

1. Как зарождалась идея проекта?

Летом 1995 года я отправилась в Абхазию с группой коллег из Калифорнийского университета (Ирвайн) [UCI] и Программы по урегулированию конфликтов Центра Картера для проведения семинара по теории и практике урегулирования конфликтов. В 70 – 80-е годы я занималась в Абхазии полевыми исследованиями по этнологии, наладила там тесные связи с местными учеными и теперь хотела познакомить их с последними достижениями в области урегулирования конфликтов. Мне хотелось как-то отблагодарить этих людей и их сообщество за гостеприимство, за ту щедрость, с которой они делились со мной своей традиционной практикой урегулирования конфликтов в рамках моих предыдущих исследований. В тот момент мои близкие друзья и коллеги в Абхазии с большими трудностями пытались преодолеть последствия разрушительной войны с помощью имевшихся у них скудных ресурсов. Семинар предназначался для местных ученых, политиков и неправительственных организаций – людей, которые в результате развала СССР и войны оказались оторванными от сетей своих профессиональных контактов в бывшем Советском Союзе. Принимал нас Центр гуманитарных программ – одна из первых организаций гражданского общества в послевоенной Абхазии.

Темой обсуждения последнего заседания нашего трехдневного семинара были позиции и интересы сторон конфликта, и вопросы о том, как попытка определить эти исходные интересы может вывести из тупика мирные переговоры. К моему удивлению и к удивлению моих коллег, во время “мозгового штурма” по определению интересов сторон участники семинара продемонстрировали понимание интересов грузинской стороны конфликта и определили точки соприкосновения интересов обеих сторон. На наш вопрос, хотят ли они более подробно рассмотреть эти вопросы в диалоге с грузинскими коллегами по неправительственным организациям, наши абхазские хозяева колебались с ответом, но были не против обсуждения этой идеи и дальше, вплоть до ее осуществления.

Меня воодушевила и захватила идея планирования такого диалога, но в то же время я испытывала определенные сомнения. Было ясно, что действовать нужно очень осторожно. Мне было известно полное нежелание многих абхазов вступать в какие-либо отношения с грузинами. Еще не затянулись раны войны. Тем не менее, лидеры зарождающегося гражданского общества считали, что встречи с грузинами необходимы для достижения мирного урегулирования конфликта. Некоторые из них уже участвовали в подобных встречах благодаря усилиям таких организаций, как International Alert, “Ресурсы примирения” (Conciliation Resources), “Колледж Парк” Мерилендского университета (the University of Maryland, College Park) и нескольких других миротворческих организаций. Позже, однако, те же самые абхазы отказались встречаться с грузинами за рамками общекавказских проектов. Учитывая все это, мы с коллегами из Калифорнийского университета (Ирвайн) организовали между 1996 и 1998 годами параллельные встречи с грузинами и абхазами, чтобы оценить возможность двусторонних встреч “лицом к лицу”. Мы понимали, что такие двусторонние встречи не менее важны для общекавказских

проектов. Эти параллельные встречи прошли в Тбилиси и Сухуме/и почти в одно и то же время, с разницей в несколько дней. Каждый раз мы с коллегами из UCI пересказывали содержание проходивших дискуссий другой стороне конфликта в попытке построения доверия между ними.

Первая возможность организовать двусторонние встречи лицом к лицу появилась в феврале 1998 года, когда мы привезли двух специалистов по экологии Черного моря из Абхазии и Грузии на встречу с американскими коллегами в рамках конференции, организованной Калифорнийским университетом. Эта встреча была официальным началом серии конференций, которая продолжается и по сей день и известна под именем “Постоянно действующая конференция”. Тем не менее, та встреча стала последней встречей по экологической тематике. К августу 1999 года мы уже провели восемь параллельных встреч и четыре совместных конференции – в феврале и сентябре 1998 года и в марте и августе 1999 года. Две совместные конференции состоялись в российском городе Сочи (ближайшем для обеих сторон нейтральном месте), одна – в Москве, а самая первая, о которой шла речь ранее, в американском городе Ирвайн в Калифорнии.

Первоначальное финансирование осуществлял Калифорнийский университет (Ирвайн), затем Фонд Уинстона “За мир во всем мире” (The Winston Foundation for World Peace). Настоящим прорывом в финансовой поддержке стало подтверждение обязательств по финансированию двухгодичной серии встреч-диалогов и связанных с ними исследований Фондом Уильяма и Флоры Хьюлетт (The William and Flora Hewlett Foundation), с последующим продлением этого срока до 2006 года. Такое щедрое финансирование дало нам возможность проводить грузино-абхазские конференции, результатом которых стала серия публикаций материалов конференций под названием “Аспекты грузино-абхазского конфликта”. На момент написания данной статьи вышло 16 томов этой серии, каждый из которых посвящен отдельному комплексу вопросов, выбранных совместно абхазскими и грузинскими участниками и организаторами встреч.¹

Наша цель при организации конференций заключалась в предоставлении форума, на котором интеллигенция обоих обществ могла рассмотреть представляющие обоюдный интерес вопросы в безопасной и открытой обстановке. Прошло несколько лет со времени проведения последней научной конференции в регионе, так что даже абхазы, у которых не было никакой заинтересованности в диалоге с грузинами – людьми, находящимися по другую сторону конфликта, были готовы принять участие в научной конференции на актуальные темы. Как уже было сказано, первые конференции были посвящены вопросам экологии Черного моря, коренным традициям миротворчества, передовой практике в развитии гражданского общества, роли гражданского миротворчества в мирном урегулировании конфликтов и эффективности такого рода гражданских инициатив.

¹ Часть материалов опубликована на русском языке, часть на английском, и их можно скачать с вебсайта http://www.peacebuilding.uci.edu/pb_cs_abkhaz_pub. Список материалов конференций и дискуссионных тем также представлен на последней странице настоящей статьи.

Абхазы представляли собой тесный круг друзей и коллег, с которыми я познакомилась ранее, во время проведения своих этнологических исследований в регионе. Мы набирали грузинских коллег, опираясь на рекомендации абхазских партнеров, а в дальнейшем руководствовались при отборе рекомендациями наших новых грузинских коллег. Предпочтение отдавалось представителям средних слоев общества, то есть лицам, формирующим общественное мнение, – мы следовали теории Ледераха (1997 г.) о том, что мирные инициативы с участием представителей этой прослойки обладают самой большой движущей силой, так как оказывают влияние как на широкие народные массы, так и на высшие политические круги. Мы также отбирали участников по принципу их умения слушать собеседника. Западными партнерами по проекту были коллеги из Калифорнийского университета (Ирвайн): Джон Уайтли, Джозеф ДиМенто, Эми Стаффорд, а также коллеги из других организаций: Сюзен Аллен Нан (Институт анализа и урегулирования конфликтов при Университете Джорджа Мейсона) и Джей Ротман (Группа Ариа).

2. Эволюция проекта

В течение первых двух лет мы пользовались методом систематической оценки для определения целей, с которыми участники приезжали на конференции, и для отслеживания возможных изменений этих целей. Данный метод под названием “Оценка действий” был разработан Джейм Ротманом. Цель метода состояла в том, чтобы не просто определить, какие из поставленных участниками целей были общими, а какие – отличными, включая и цели фасилитаторов, но также и в том, чтобы выработать инструмент для сплочения людей и урегулирования конфликта путем развития конструктивного процесса, в рамках которого сторонам станут очевидны цели друг друга. С самого начала проекта абсолютное большинство участников сформулировало следующие общие для них задачи:

- Организовать форум для обмена информацией, участники которого смогут получить лучшее представление об общественном мнении по другую сторону конфликта и о происходящих там политических и социально-экономических изменениях;
- Организовать форум для откровенного обсуждения всех аспектов конфликта: причин, последствий и урегулирования;
- Полностью опубликовать материалы этих дискуссий, чтобы сделать весь процесс прозрачным и доступным обществу по обе стороны конфликта;
- Создать в обоих обществах лагерь сторонников мирного урегулирования конфликта.

Основные отличия в поставленных задачах заключались в том, что абхазы открыто выступали за полную независимость Абхазии, а грузинские участники предпочитали, чтобы

Абхазия осталась частью Грузии. Некоторые грузинские участники отмечали, что если возвращение Абхазии под юрисдикцию Грузии будет мешать демократическому развитию последней из-за потенциальной необходимости использования силы для сохранения контроля над Абхазией, то демократия для них будет важнее реинтеграции Абхазии. Выяснилось, что существовали нюансы в мнениях грузин по вопросу реинтеграции Абхазии, на каких условиях она может произойти и с какой целью. Абхазские участники вполне открыто и недвусмысленно поддерживали идею независимости.

С самого начала проекта задачей фасилитаторов было продвижение конструктивного диалога между представителями обществ по обе стороны конфликта и оказание помощи участникам проекта в достижении поставленных целей через обеспечение конструктивного диалога и шагов по направлению к мирному урегулированию грузино-абхазского конфликта.

Сдвиги в отношении масштабов и направления работы

По ходу проекта произошли значительные сдвиги как в отношении масштабов, так и в отношении направления нашей работы, однако они не коснулись четырех скромных общих задач, намеченных ранее. Решающим фактором, повлиявшим на масштабы нашей работы, было наличие финансирования. Начальные деньги, полученные от UCI, позволили фасилитаторам из Калифорнии посетить Тбилиси и Сухум/и, чтобы прозондировать почву с потенциальными партнерами, оценить их готовность участвовать в проекте и их видение того, как надо начинать этот процесс. Это дало нам возможность подготовить проектное предложение для проведения диалога в рамках развития гражданского общества, которое заручилось поддержкой Фонда Уинстона “За мир во всем мире”. Эта работа стала основанием для получения серьезного финансирования из Фонда Уильяма и Флоры Хьюлетт для поддержки многолетнего проекта, предполагавшего проведение нескольких встреч в год, подготовку и публикацию материалов конференций и проведение научных исследований.

Сдвиг в содержании дискуссий произошел в августе 1999 года на конференции, которая проходила в подмосковном местечке Конобеево (Россия). Эта встреча происходила по прошествии четырнадцати параллельных встреч в 1998 и 1999 годах, а также пяти совместных конференций. Подходил к концу второй год проекта в рамках финансирования Фонда Хьюлеттов, которому предшествовали многочисленные параллельные встречи, заложившие фундамент проекта на деньги Фонда Хьюлеттов. До конференции в Конобеево грузины и абхазы намеренно избегали серьезных дискуссий о корнях конфликта и ключевых событиях, предшествовавших вооруженному конфликту 1992-1993 годов, а также о самом вооруженном конфликте и его последствиях. Не предпринималось никаких попыток официального анализа претензий сторон друг к другу. Презентация Арды Инал-Ипа “Земельный вопрос и другие проблемы на пути урегулирования абхазо-грузинского конфликта” в Конобеево открыла путь к обсуждению этой темы, что, в свою очередь, дало возможность участникам открыто и очень эмоционально выразить свои чувства и

претензии по отношению друг к другу. Эти первые дискуссии носили бурный характер и, казалось, могли пустить под откос весь процесс.

Тем не менее, нам удалось проскочить этот критический момент без особых потерь благодаря следующим факторам. Во-первых, на протяжении предшествующих встреч уже сложились отношения, которые оказались достаточно прочными, чтобы не только выдержать откровенное высказывание претензий друг к другу, но и позволить участникам провести достаточно длительное время за обсуждением тяжелых тем, и по окончании таких обсуждений выйти из этого процесса, не испортив отношения. Во-вторых, даже несмотря на то, что около 11 часов вечера дискуссии пришлось прекратить из-за позднего времени, и участники стали расходиться, явно расстроенные сказанным друг другу, мы приняли решение не возвращаться каждый в свою комнату, а отправиться всей группой в один из коттеджей и продолжить там неформальное общение на не связанные с конфликтом темы. Это была традиция, позаимствованная нами из предыдущих конференций. Такие полуночные беседы помогли “растопить лед” и залечить раны, которые обнажил этот самый тяжелый разговор.

Когда на следующее утро началось новое заседание, дискуссии продолжались уже без той неприязни, которой был окрашен предыдущий вечер. С того момента, независимо от того, были участники ветеранами проекта или новичками, они всегда могли открыто говорить о различиях в своих взглядах и конструктивно обсуждать их между собой. Это явствует из всех материалов конференций, начиная со 2-го тома, вобравшего в себя дискуссии в Конобеево.

Этот успех позволил нам перейти в задачах проекта сразу к области политического анализа, которой мы специально не касались до Конобеево, боясь, что обсуждение политических вопросов приведет к краху всего процесса диалога. Непосредственными результатами такого изменения в задачах и возникшего ощущения того, что мы заложили прочный фундамент отношений, стали следующие факты: 1) в декабре 1999 года трое участников из Тбилиси отправились в Абхазию и стали первыми грузинами, выступившими перед абхазской общественностью после прекращения боевых действий; 2) в декабре 2000 года четверо абхазов отправились в Тбилиси для выступления перед представителями грузинской общественности (том 3 в серии “Аспекты грузино-абхазских отношений”).

Конференции на политические темы

Результатом этих достижений стали две важные конференции на политические темы. Первая прошла 19-23 марта 2001 года в г. Сочи (Россия). 14 участников конференции обсуждали следующие вопросы: 1) Пакт стабильности на Кавказе; 2) анализ интересов сторон конфликта; 3) подходы к разработке промежуточных соглашений; 4) стратегии миротворчества. Впервые на конференцию был также приглашен внешний эксперт Джон Пол Ледерах, всемирно известный специалист по теории и практике гражданского миротворчества. Мы обратились к нему с просьбой прокомментировать задачи и

мероприятия нашего проекта и выступить с презентациями по разработке миротворческих стратегий и анализу конфликтов. Презентации Ледераха вызвали оживленную дискуссию о применении его концепций и методик. Его замечания, все доклады и дискуссии были опубликованы в 7-м томе материалов конференций.

Вторая конференция “Анализ основополагающих интересов сторон в развитии жизнеспособных моделей отношений”, посвященная политическим аспектам конфликта, состоялась также в Сочи 20-25 августа 2001 года. Ее цель заключалась в том, чтобы на основании проведенного анализа интересов сторон конфликта начать обсуждение путей поиска промежуточных краткосрочных решений, способных наладить отношения доверия в процессе выработки долгосрочного урегулирования конфликта. На этой конференции, впервые за все время проведения официальных и неофициальных дискуссий по миротворчеству, эксперты предприняли попытку серьезного анализа исходных интересов сторон. Дитер Боден, в то время являвшийся представителем Генерального секретаря ООН в Грузии, высказал свое одобрение и проявил большой интерес к нашей инициативе.

За несколько месяцев до проведения конференции абхазские власти впервые дали разрешение на проведение первой конференции-диалога на абхазской земле. Это разрешение было отменено прямо накануне конференции из-за начавшейся в июле военной эскалации, приведшей к росту напряженности между двумя сторонами и перерыву в мирных переговорах. В результате конференция была проведена в России, в непосредственной близости от Абхазии. Стенограммы всех докладов и дискуссий опубликованы в 8-м томе материалов конференций.

Координационная сеть

Приблизительно в это же время участники проекта добавили к списку поставленных задач еще одну – способствовать взаимодействию всех остальных проектов в области гражданского миротворчества путем создания координационной сети. Мы надеялись, что это приведет к большей отдаче от наших усилий, поможет дополнить работу друг друга с максимальной выгодой для нашей общей конечной цели – добиться мирного окончания конфликта. Координационная сеть очень быстро превратилась в динамичные рабочие отношения между участниками миротворческого процесса, которые включали в себя обмен информацией, совместный анализ, координацию отдельных проектов, обмен ресурсами и сотрудничество в рамках совместных проектов.

Только за период с 2000 по 2003 годы мы выступили в качестве фасилитаторов семи крупных координационных встреч, десятков обменов электронной почтой и нескольких телефонных конференций с участием местных и международных организаций, которые работали по абхазо-грузинским миротворческим проектам. Все это делалось с целью получения своевременной информации о проводимых в рамках того или иного проекта мероприятиях, сверки наших различных восприятий мирного процесса, рассмотрения возможности поддержать друг друга в нашей работе и достижения взаимодополняемости наших многочисленных усилий.

Работая вместе с другими организациями, мы повышали возможность конструктивного влияния на конфликт в более короткие сроки и в то же время предоставляли международному сообществу эффективную модель взаимообогащения и взаимовлияния различных проектов. Один из наиболее важных результатов таких попыток наладить координацию между всеми проходящими в регионе миротворческими проектами заключался в следующем: когда Фонд Хьюлеттов переключил свое внимание с международной работы по урегулированию конфликтов на другие вопросы и у проекта Калифорнийского университета оказалось гораздо меньше ресурсов на проведение своей работы в регионе, наши коллеги из других организаций приняли эстафету по поддержке проекта и продолжают это делать по сей день. Это Фонд Генриха Бёлла, “Ресурсы примирения” и “International Alert”. Подробности эволюции этих координационных усилий и извлеченных из них уроков можно найти в публикации Пола Гарб и Сюзан Аллен Нан.² Начиная с 2003 года вышеперечисленные организации совместно организуют и финансируют все конференции.

3. Заключение

Проекту удалось реализовать все четыре общие цели, которые были обозначены в начале настоящей статьи. Мы смогли организовать форум, на котором участники могут периодически обмениваться информацией, чтобы иметь более четкое представление об общественном мнении по другую сторону конфликта, равно как и о происходящих там политических и социально-экономических сдвигах. Мы способствовали созданию форума для откровенного обсуждения всех аспектов конфликта – причин, последствий и вопросов урегулирования. Результаты этого открытого и содержательного обмена мнениями публикуются в виде полного собрания материалов конференций, что делает весь процесс прозрачным и доступным всем членам обоих обществ. И, наконец, нам удалось создать лагерь сторонников мирного урегулирования конфликта и в том, и в другом обществе. Надо признаться, что круг этих сторонников пока невелик и еще не сумел значительным образом повлиять на лиц, принимающих решения ни на местном, ни на международном уровнях. Но ряды этих сторонников стабильны и имеют потенциал к росту. Далее идет перечисление индикаторов этих достижений.

Начиная с марта 1999 года и до августа 2010 года, к моменту написания настоящей статьи, в рамках проекта было проведено 16 крупных конференций-диалогов. 17-я конференция, которая должна состояться до конца 2010 года, сейчас находится на стадии планирования. Между этими крупными конференциями было организовано столько же или большее число встреч лидеров проекта. В результате периодического проведения таких конференций на протяжении десяти лет участники стали называть их «постоянной конференцией». Очевидно, что проект стал привычным атрибутом миротворческих усилий по

2 Пола Гарб и Сюзан Аллен Нан (2006 г.) “Ведение переговоров в рамках координационной сети гражданских миротворческих инициатив в грузино-абхазском мирном процессе», *International Negotiation*, том 11, номер 1.

урегулированию грузино-абхазского конфликта. Ветераны этого проекта с нетерпением ждут каждой конференции, и мы часто получаем заявки от активистов гражданского общества, выражающих желание впервые поучаствовать в наших конференциях, в которых они видят форум, где можно получить анализ событий по другую сторону конфликта из первых рук. Кроме того, конференции дают им возможность быть услышанными не только во время выступлений, но также путем публикации их презентаций и комментариев, которые затем распространяются по всему региону и доступны в режиме онлайн.

Еще одним осязаемым и постоянным результатом проекта является публикация всех докладов конференции и стенограмм всех прошедших на ней обсуждений.³ В числе этих тем развитие гражданского общества в постсоветских обществах; роль гражданского общества в миротворчестве; российский фактор в конфликте; роль ЕС и НАТО в конфликте; варианты разрешения вопросов политического статуса и возвращения беженцев.

Количество участников проекта из Грузии и Абхазии на сегодняшний день достигло примерно 100 человек. По подсчетам лидеров проекта, около 9000 человек в обоих обществах могли узнать о конференциях либо напрямую от их участников, либо увидев или прочитав одну из 16 публикаций материалов конференций.

Что же касается задачи создания лагеря сторонников мирного урегулирования конфликта, то индикатором успеха в обоих обществах служит следующий факт – непосредственные участники этой постоянной конференции, а также многие люди, на которых распространяется их влияние внутри и за пределами правительственных кругов, образуют то, что Джон Пол Ледерах называет «критической закваской».⁴ Ледерах разработал свою «теорию критической закваски» на основе признания того факта, что в конфликтной зоне мобилизация критической массы борцов за мир является почти недостижимым результатом из-за имевшего место насилия и сохраняющегося потенциала нового насилия. Однако «критическая закваска» в конфликтной зоне не только возможна, но ее необходимо культивировать и растить. Лишь единицы, исключительные личности с каждой стороны конфликта, пользуются необходимым доверием и уважением у себя в обществе для того, чтобы иметь желание и возможность встречаться и выслушивать другую сторону, а затем возвращаться домой и быть выслушанными там. Иногда могут предприниматься попытки остракизма и маргинализации этих людей, но благодаря их высоким моральным качествам и непрекращаемому авторитету у себя в обществе их не удается остановить.

«Критическая закваска», которую мы «вырастили» в годы, предшествующие войне в Южной Осетии 2008 года, не «скисло» даже в исключительно неблагоприятной атмосфере войны.

3 Эти материалы публикуются на русском языке и частично переводятся на английский язык. Их можно скачать с веб-сайта по адресу http://www.peacebuilding.uci.edu/pb_cs_abkhaz_pub. Список материалов конференций и обсуждаемых на них тем также приведен на последней странице данной главы.

4 Джон Пол Ледерах (2005 г.). *Нравственное воображение: искусство и душа в построении мира/миротворчестве*, Oxford University Press.

Все грузино-абхазские проекты, включая проекты Калифорнийского университета (Ирвайн), прошли через горнило августовских событий 2008 года, ничуть не пострадав. Насколько мне известно, мы не потеряли ни одного грамма «закваски». Было приятно видеть, как участники этого процесса по обе стороны конфликта продолжали активно общаться друг с другом с первого дня военных действий в Южной Осетии. Многие из ветеранов процесса встретились в третьих странах, как только появилась возможность заручиться финансированием и организовать подобные встречи, чтобы продолжать планировать и организовывать проекты по продвижению идеи мирного урегулирования конфликта и надежного обмена информацией. В миротворческом сообществе по обе стороны конфликта сохраняется твердая приверженность продолжению диалога и распространению результатов таких дискуссий внутри своих обществ и среди международных игроков. Участники проекта из Абхазии и Грузии не прекращают работы в рамках начатого Калифорнийским университетом проекта, они организуют конференции и участвуют в них, расшифровывают стенограммы дискуссий, редактируют и публикуют том за томом, несмотря на то, что денег на оплату их времени и сил на организации конференций и публикации материалов уже не осталось.

Создание координационной сети местных и международных миротворцев также является частью этой «критической закваски», и эта сеть продолжает работу в духе взаимопомощи и сотрудничества. Проект данной публикации, а также связанные с ним встречи местных и международных миротворцев, служит одним из многих примеров доверия и уважения, которые мы испытываем по отношению друг к другу. Все это разительно отличается от первоначальных опасений относительно возможной конкуренции, что было характерно для отношения международных участников мирного процесса в начале и середине 1990-х годов, когда мы только начинали различные проекты в отрыве друг от друга. Участники координационной сети наладили отношения и сформировали культуру координации, которая помогла членам сети перейти от простого обмена информацией к обмену ресурсами, разработке совместных стратегий, совместным конференциям-диалогам и совместным проектам, подобным тем, о которых идет речь в настоящей главе и во всей книге.

Работа над этой главой происходит в то время, когда проект не имеет финансирования, но продолжает работать благодаря добровольческим усилиям наших партнеров в Грузии и Абхазии и благодаря финансовой помощи других миротворческих организаций, которой хватает на проведение как минимум одной конференции-диалога в год и на публикацию ее материалов. Все фасилитаторы проекта и большинство участников с грузинской и абхазской сторон до сих пор стремятся способствовать, насколько это возможно, гражданским миротворческим инициативам, невзирая на политические перипетии. Все мы, кто занимается работой по продвижению диалога и урегулированию конфликта на протяжении многих лет, готовы продолжать свое дело наперекор трудностям. Мы не свернем с нашего пути. Нам может не хватать денег, но у нас нет недостатка в целеустремленности. Как сказала американский ученый-антрополог Маргарет Мид, «не сомневайтесь в том, что крошечная кучка вдумчивых и целеустремленных граждан может изменить мир. На самом деле только они его и меняют».

Список публикаций

Томы 1-16 в серии “Аспекты грузино-абхазского конфликта”

- Том 1. «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе». Март 1999 г.
- Том 2. «Материалы грузино-абхазской конференции». Август 1999 г.
- Том 3. «Стенограммы грузино-абхазских встреч и телепередач по абхазской проблеме». Декабрь 1999 г.
- Том 4. «Гражданское общество, беженцы и государственное устройство». 25-26 марта 2000 г.
- Том 5. «Преимственность культур в контексте государственного строительства». 26-28 августа 2000 г.
- Том 6. «Тбилисские встречи». Октябрь – декабрь 2000 г.
- Том 7. «Пакт стабильности на Кавказе и стратегия миротворческого процесса». 19-23 марта 2001 г.
- Том 8. «Пакт стабильности на Кавказе и стратегия миротворческого процесса». 20-25 августа 2001 г.
- Том 9. «Первоначальные итоги/выводы». 4-8 июля 2002 г.
- Том 10. «Время перемен». 2003-2004 гг.
- Том 11. «Обсуждение российского фактора». 21-22 июня 2004 г.
- Том 12. «Роль России: реалии и мифы». 28-29 июня 2005 г.
- Том 13. «Перспективы для Грузии и Абхазии в контексте черноморской интеграции». 24-27 июня 2006 г.
- Том 14. «Возможные последствия вступления Грузии в НАТО для грузино-абхазского мирного процесса». 12-15 июня 2007 г.
- Том 15. «Грузино-абхазский вопрос в европейском контексте». 18-19 июня 2008 г.
- Том 16. «Гражданское общество и мирный процесс». 4-6 июня 2009 г.

ГЛАВА 7

Проект Калифорнийского университета
(Ирвайн) по грузино-абхазскому диалогу:
взгляд с грузинской стороны

Нодар Сарджвеладзе

1. Введение

Судьба распорядилась так, что в течение последних 14 лет я активно вовлечен в народно-дипломатические мероприятия в ракурсе грузино-абхазского и грузино-осетинского диалогового процесса. Будучи вовлеченным и погруженным в процесс миротворчества и трансформации конфликта, я испытываю комплекс противоречивых чувств, порой тормозящих и изредка стимулирующих поиск новых возможностей обновления или улучшения отношений конфликтующих сторон. Не покидают меня пресловутые вопросы смысла и значения миротворческой деятельности: «А зачем она нужна? Есть ли смысл во всем этом, и если есть, то в чем же он заключается?»

Мне трудно судить за наших абхазских и осетинских коллег, но думаю, что грузинские участники разочарованы результатами народной дипломатии, так как им не удалось повлиять на грузинское правительство таким образом, чтобы оно проводило правильную политику в области трансформации конфликта.

Исходя из вышесказанного и оценивая проект Калифорнийского университета (UCI Ирвайн) по проблемам грузино-абхазского конфликта, я начну с обсуждения смысла столь значительного для меня проекта.

2. Смысл проекта

Для меня смысл проекта раскрывался постепенно. Занимаясь психосоциальной реабилитацией беженцев с 1996 г., мы обнаружили, что они зачастую рассматривали свою проблему не только в контексте возвращения в родные дома, но и в гораздо более широком аспекте – как разрешить конфликт и создать условия для примирения грузин и абхазов, несмотря на пролитую кровь. Иными словами, вопрос примирения возник спонтанно в среде самих беженцев.

Примерно в то же время прибыли в Грузию Пола Гарб (UCI Ирвайн) и ее сотрудники с намерением начать грузино-абхазский диалог. В ходе их контактов с разными людьми, в том числе и со мной, зародилась идея устроить встречу с абхазской стороной. Для этого предварительно следовало определить, готово ли наше общество к встречам народно-дипломатического характера с абхазами. С этой целью я приступил к обсуждениям в фокус-группах при участии представителей неправительственных организаций, которых в то время в Грузии было немного. В числе участников были Саша Русецкий, Паата Закареишвили, Гоги Хуцишвили.

Материалы этих фокус-групп легли в основу разработки концепции грузино-абхазской народно-дипломатической встречи, посвященной состоянию Черноморского побережья

(аналогично проекту заботы о побережье, который проводился среди израильтян и палестинцев). В качестве географа в проект был включен ныне покойный Шалва Джаошвили, а Пола Гарб подготовила почву для того, чтобы с абхазской стороны участвовал эколог Роман Дбар. В проект вошли по четыре человека с абхазской и грузинской стороны. Параллельно с абхазским психологом Ардой Инал-Ипа мы наметили проведение в Грузии и Абхазии опроса по поводу встречи президентов Шеварднадзе и Ардзинба, которая состоялась в тот год. Это экстренное исследование и обмен результатами были первым залогом начавшегося сотрудничества, а для меня – дебютом на народно-дипломатическом поприще. Тогда я вкладывал в этот проект совершенно конкретный смысл – помочь грузинским беженцам получить доступ к родным домам в Абхазии. Еще до начала этого проекта, работая с беженцами, я убедился, что главная их идея заключалась не столько в восстановлении территориальной целостности, определении статуса и пр., сколько именно в возвращении в Абхазию.

Смысл же моего участия в этом проекте заключался в желании помочь людям жить там, где они хотят. Безусловно, и абхазская сторона вкладывала свой смысл в участие в этом проекте. В этом плане интересна одна из процедур проекта, разработка которой принадлежит Поле Гарб. Каждая встреча начиналась с того, что всем участникам задавали вопрос о краткосрочной и долгосрочной цели и мотивации их участия в процессе. Получалось, что от встречи к встрече каждый из нас заново формулировал смысл и мотивацию своего участия. Таким образом, определение смысла проекта, т.е. побуждение участников заново определять смысл своего участия, было внутренним компонентом процесса встреч. Смысл, безусловно, был различным не только у абхазской и грузинской сторон, но и у каждого участника в отдельности.

У проекта были свое развитие и динамика, нашедшие отражение в книгах, издаваемых после каждой встречи. Первая книга была посвящена возможностям народной дипломатии, а сама народная дипломатия мыслилась как средство примирения сторон и разрешения конфликта; иными словами, суть проекта определялась как разрешение конфликта через примирение ранее враждующих сторон. Я, как один из участников с грузинской стороны, видел перспективу данного проекта именно в этом.

3. Подбор участников проекта

По моим подсчетам в проекте в общей сложности участвовало до 100 человек. Некоторые участники, в том числе и я, составляли некую «якорную группу», ядро, вокруг которого формировался состав участников с грузинской стороны на каждой встрече. Особых «фильтров» при подборе участников не было, но производилась ротация в довольно простой форме: постепенно в состав участников попадали все категории людей – беженцы, представители различных групп и профессий. Охватить всех было, конечно, невозможно, но ротация происходила.

4. Риски и опасения

О рисках, связанных с проектом, говорить сложно. Проводившиеся нами встречи состояли из двух частей: диалога по заранее оговоренным темам (уже издано 16 томов стенограмм этих встреч) и планирования тематики следующей встречи.

Предварительное планирование снижало вероятность рисков, но все-таки они оставались и были связаны с такими общими рисками, как эскалация конфликта, возобновление войны, негативное или настороженное отношение грузинского или абхазского истеблишмента к представителям гражданского общества или участникам народно-дипломатических встреч и др.

5. Непредвзятость медиатора

На обеспечение непредвзятости медиаторов большое влияние оказала Пола Гарб – очень опытный и умелый фасилитатор. На первых порах она сама вела процесс, а затем полностью делегировала эту функцию грузинским и абхазским фасилитаторам и координаторам проекта – Паате Закареишвили и Арде Инал-Ипа, которые вели встречи на паритетных началах. Пола Гарб глубоко вслушивалась в процесс, но не участвовала в нем в роли фасилитатора. Она была как бы активным фасилитатором “без активности” и интервенции. Именно в этом заключалась ее непредвзятость. Через доверие к П. Гарб строилось доверие сторон и участников друг к другу.

6. Оправдались ли ожидания?

Проект UCI Ирвайн был самоорганизующимся процессом, встречи в рамках которого мы назвали “перманентно-действующей народно-дипломатической конференцией”. Правда, нас было немного, но мы делали доклады, готовились к встрече, разрабатывали материалы, привлекали новых участников, затем проводили дискуссии в рамках тематики. Это один из проектов, ориентированных одновременно как на процесс, так и на продукт, которым являются 16 солидных томов издания “Аспекты грузино-абхазского конфликта”.

Несмотря на вышесказанное, ожидания грузинских участников, с моей точки зрения, в конечном итоге не оправдались, так как недостаточно учитывали реальность. Реальное же положение вещей изменилось так драматично, что все обернулось совершенно противоположным образом, оправдались самые худшие опасения: вследствие войны 2008 года произошло не только полное отторжение Абхазии от Грузии, но и размещение в Абхазии новых российских военных баз. Подтвердилась идея, активно поддерживаемая грузинскими националистами еще с 90-х годов, о том, что «всю эту кашу» заварилa Россия.

В контексте результатов войны 2008 г. не может быть и речи о том, чтобы хоть какие-то надежды, возлагаемые на народную дипломатию, могли осуществиться. Это вызвало во мне глубокое разочарование самим процессом народной дипломатии. Я убедился, что мы мало что можем сделать, когда задействованы механизмы «*realpolitik*» и мегаструктуры военно-промышленного комплекса разных стран, огромной военно-политической индустрии, которая существует не только в мире в целом, но и в Грузии, и в Абхазии.

Проект Калифорнийского университета (Ирвайн), руководимый Полой Гарб, приостановлен, и трудно что-либо сказать о его результатах.

Результаты развития политической ситуации, на которую проект был не в силах оказать какое-либо ощутимое влияние, уже налицо – Абхазия находится под жестким доминированием России, Грузия теряет территории, и моя мечта (а точнее, мое глубокое заблуждение) о возвращении беженцев так и осталась мечтой.

7. Личный опыт

В целом приобретенный мною опыт сводится к безрезультатному участию. Мое разочарование адресовано, прежде всего, мне самому: не следовало вкладывать большой смысл в свое участие в проекте, который в действительности оказался процессом ради самого процесса. Если бы проект начинался заново, я бы принял в нем участие только в случае его четкой ориентации на результат. И еще одно обстоятельство – я психолог, а психолог не может оставаться равнодушным к важнейшим составляющим человеческого бытия, таким как война и мир, страдания, надежды людей, поиск счастья.

8. Извлеченные уроки

Под уроками обычно имеют в виду какие-то конструктивные выводы. Но лично для меня урок состоит в том, что народную дипломатию питают не только чистосердечные побуждения и поиски выхода из тяжелейшей ситуации, но и чистосердечные иллюзии – т.е. иллюзии, которые присущи чистосердечным людям. В силу этого народная дипломатия, по меньшей мере, утопична.

В грузинском общественном и политическом дискурсе существует мнение, что подобные встречи укрепляют абхазский национальный проект и подрывают грузинский, что абхазские партнеры используют свое участие для реализации собственной цели – достижения независимости Абхазии. В качестве индикатора такого положения указывают на то, что абхазские участники проекта умело координируют свои действия со своим правительством, тогда как у грузинских участников такой возможности не было и нет. Для меня лично приоритетом и мотиватором участия было облегчение судеб людей. Что же касается

масштабов суверенитета Абхазии, то они волновали меня гораздо меньше. Но в любом случае, за исключением установления человеческих взаимоотношений между грузинскими и абхазскими участниками, я не вижу никаких институционально закрепленных механизмов взаимодействия сторон в деле трансформации конфликта, созданных в результате осуществления данного проекта.

Хотелось бы добавить, что народная дипломатия фактически не влияет на тех людей, которые принимают решения. Действенность народной дипломатии – это отдельная тема. Однако для проталкивания идеи, какой бы возвышенной она ни была, необходимо широкое информационное обеспечение, иначе все будет безрезультатно. Или же во главе народно-дипломатического движения должна стоять харизматическая фигура такого масштаба как Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг и другие. В силу этого я начал сомневаться в том, могу ли отвечать вызовам народно-дипломатического процесса.

ГЛАВА 8

Проект Калифорнийского университета
(Ирвайн) по грузино-абхазскому диалогу:
взгляд с абхазской стороны

Арда Инал-Ипа

1. Контекст

На мой взгляд, грузино-абхазская война 1992-1993 гг. стала возможной не только в силу существовавшего долгие десятилетия этнополитического конфликта. В годы *перестройки*, когда советские люди осваивали свободу слова, в течение четырех лет, по крайней мере с 1988 года, все мыслимые и немыслимые негативные стереотипы, предрассудки и мифы друг о друге были выплеснуты на экраны телевизоров и на страницы газет и журналов. В издании оскорбительных по отношению к абхамам текстов особенно преуспели сторонники Звиада Гамсахурдия. Сам лидер грузинского национального движения разработал стратегию идеологической борьбы с абхамами, изложенную в руководстве для грузин, проживающих в «Северо-Западной Грузии» – так он и его последователи называли Абхазию.

Я думаю, что не ознакомившись с публикациями того времени, в которых на разный лад говорится о том, что «такого народа, как абхазы не существует», не существует их истории и культуры, что это варвары, захватившие грузинские земли и т.п., невозможно понять ту степень жесточенности, которая до сих пор существует между грузинами и абхамами. Простые обыватели не так просто и не так легко становятся способными с оружием в руках воевать друг с другом. С нами в реальности произошло то, что хорошо известно из области социальной психологии – искажение объективной информации было использовано в качестве средства манипуляции сознанием людей и явилось одним из серьезнейших факторов углубления конфликта и подготовки войны. Но, конечно, ничто не может сравниться с вооруженными столкновениями, а тем более с войной по силе губительных последствий для взаимоотношений народов. Доверие разбивается вдребезги даже вне зависимости от того, как долго длится война – тринадцать долгих месяцев или пять дней. В нашей ситуации мы пережили и то, и другое – сначала информационную атаку, а затем и войну, поэтому вернуться к миру не только в политическом плане, но и в смысле восстановления нормальных человеческих отношений чрезвычайно сложно. Для того чтобы в сложившихся крайне неблагоприятных условиях достичь взаимного понимания, необходимо пройти гораздо более долгий путь, чем весь период острой фазы конфликта, включая войну, поскольку необходимо по крупицам восстанавливать объективную информацию, анализировать корни конфликта, отделять мифы от реальности, узнавать опасения, обиды и надежды друг друга.

Понятно, что такой процесс может развиваться только в условиях специально организованного общения, поскольку практически все естественные формы взаимодействия ученых, журналистов, общественных деятелей были разрушены. Проект Калифорнийского университета в течение многих лет фактически создавал такие условия для организации и поддержки грузино-абхазского гражданского диалога, в процессе которого происходило осмысление как факторов, предшествующих войне, так и послевоенной реальности и возможных перспектив.

2. Краткая предыстория и начало процесса

Сама идея о необходимости обсуждения за одним столом проблемных вопросов представителями грузинской и абхазской общественности возникла еще перед войной, когда конфликт вступил в стадию обострения в 1988 – 1989 гг. В те же годы были предприняты несколько не совсем удачных попыток организовать встречи общественности. Затем уже во время войны 1992 – 1993 гг. проходили встречи представителей интеллигенции в Москве.

После окончания войны, начиная с 1995 г., профессор Калифорнийского университета Пола Гарб неоднократно приезжала в регион и обсуждала с представителями власти и гражданского общества Абхазии и Грузии возможность реализации идеи двусторонних дискуссий. И уже с 1997 года, в рамках проекта Калифорнийского университета (Ирвайн), такие встречи-конференции стали регулярными. На первых встречах приходилось практически по каждому чувствительному вопросу вести дебаты – будь то географические названия, исторические события как недавнего, так и далекого прошлого, демография, экономика, политика. Постоянно требовалось прояснение многих фактов, которые либо не учитывались или игнорировались противоположной стороной, либо вовсе не были известны. Много времени уходило и на определение того, на чем строились радикально отличающиеся интерпретации тех или иных событий.

Предметом дискуссий были не только источники конфликта и существующее положение дел, но и перспективы его трансформации, условия, необходимые для исключения повторения военных действий. Одну из своих задач участники видели в оценке возможностей влияния неофициальной гражданской дипломатии на процесс трансформации конфликта и политического урегулирования. Часто обсуждались и такие внутренние проблемы, как становление гражданского общества и других демократических институтов.

Первоначально процесс был более структурированным – каждая встреча начиналась с того, что участники озвучивали мотивы участия в диалоге, свое видение краткосрочных и долгосрочных целей процесса. Очень важна была исследовательская составляющая, которая задавала некоторую степень академичности, насколько это было возможно в ситуации конфликта, когда разговор постоянно был сфокусирован на болезненных темах. Некоторые встречи были организованы и проходили как научные конференции с объявленной тематикой и заранее подготовленными докладами участников с обеих сторон, а иногда и международных экспертов. Другие встречи были больше сосредоточены на обсуждении и анализе текущих событий в регионе. В итоге сформировался некий комбинированный формат, удачно сочетающий научный и гражданский аспекты диалога. Участники проекта считали, что процесс диалога должен быть максимально прозрачным, поэтому с 1999 года материалы всех конференций публиковались, причем уже второй и

все последующие выпуски «Аспектов грузино-абхазского конфликта» содержали не только доклады, но и стенограммы обсуждений.¹

3. В чем смысл проекта?

Главной целью данного проекта, которую разделяли практически все участники, было стремление внести вклад в процесс трансформации конфликта через поддержание устойчивого двустороннего диалога. Участники предполагали, что сам диалог обладает миротворческим потенциалом, а мир – это не только отсутствие войны, не пустота; мир должен осуществляться через определенные механизмы и процессы – это и общение, и обмен мнениями, и стремление к узнаванию и пониманию опасений и интересов друг друга.

В конфликтологии хорошо известно, что для того, чтобы предотвратить обострение ситуации, избежать перехода к силовым способам решения конфликта, необходимо постоянно поддерживать коммуникацию. Думаю, что без коммуникации, которая практически постоянно осуществлялась посредством диалога на гражданском уровне, острота грузино-абхазского конфликта была бы еще большей. Было важно, чтобы сохранилась нить, связующая два враждующих общества, чтобы действовал некий информационный канал. Используя этот канал, уже невозможно было уйти слишком далеко от реальности в своих представлениях о другой стороне, а соответственно и в своих опасениях и ожиданиях. Этот канал давал возможность развенчать дезинформацию, усугубляющую отношение вражды.

Очень важно, что информацию мы получали из первых уст – это создавало возможности для того, чтобы дальнейший диалог строился на более достоверной основе, чтобы обсуждение фокусировалось на тех проблемах, которые реально волнуют общества обеих стран. Получить информацию в данном случае означало не только услышать новость, но и ознакомиться с анализом, проведенным с других позиций, с другой точки зрения, что позволяло исследовать проблему «стереоскопически».

Участники проекта понимали, что войны могут заканчиваться благодаря вмешательству извне третьих сил. Однако сокращать разрыв в восприятии причин конфликта, восстанавливать доверие, снижать уровень агрессии, то есть стремиться к установлению стабильных разумных взаимоотношений между обществами можно только через работу, которую должны осуществлять представители самих обществ. Причем продвижения в данном направлении можно достичь в процессе двустороннего взаимодействия.

Важной стороной процесса было и формирование наиболее эффективной модели взаимного общения. За столом гражданского диалога между представителями

1 Аспекты грузино-абхазского конфликта, Тома 1–15, 1999-2008 гг., доступно на http://www.peacebuilding.uci.edu/pb_cs_abkhaz_pub.

конфликтующих народов вырабатывались определенные правила, которые создавали благоприятные условия для ведения полноценного обмена мнениями. Уважение чужого мнения, равноправие, равные для всех возможности высказаться, равные возможности быть фасилитатором дискуссии – все это снижало уровень нервозности и недоверия. Представляется, что подобный подход был бы полезен и в большой политике.

В рамках данного проекта, а затем и в ряде других миротворческих проектов, осуществлялась еще одна очень важная функция – через поддержку общения между исследователями и гражданскими активистами двух сторон, стоящими на позициях исключительно мирных способов урегулирования, постепенно формировалось сообщество думающих и работающих над проблемами трансформации конфликта экспертов, в значительной степени освободившихся, благодаря диалогу, от ложных представлений и мифов. К сожалению, потенциал подобного сообщества остается практически нереализованным, если не считать совместное участие в брифингах, что помогало развенчать сформировавшиеся у дипломатов и журналистов различных стран ложные представления о тех или иных сторонах конфликта и о текущей ситуации в Абхазии и Грузии.

4. Подбор участников

Для того чтобы процесс был жизнедеятельным, необходим был тщательный подбор участников. С самого начала в диалоге участвовали представители различных общественных слоев и политических кругов, что давало возможность достаточно полно отразить палитру политических взглядов и мнений. Тем не менее, основу процесса составляли представители гражданского общества Абхазии и Грузии. При всем различии позиций участников, у них должна была быть важная общность – приверженность мирным решениям конфликта и демократическим ценностям в целом. К работе в проекте привлекались люди, готовые спокойно, без истерики говорить с представителями другой стороны конфликта о сложных и острых проблемах. Однако с каждой встречей становилось все более ясно, что круг людей, готовых к такому общению, не может быть очень большим. С другой стороны, многие считали, что полезно было бы встречаться и с людьми, имеющими более жесткие взгляды, с так называемыми «ястребами», – тогда диалог давал бы возможность лучше ознакомиться с аргументацией приверженцев силовых способов решения конфликта. Однако попытки подключения представителей подобной категории к проекту успехом не увенчались, поскольку «ястребы» были настроены только на монолог, приезжали, чтобы сделать заявление, высказаться самим, но не слушать других. На самом деле сложно было расширять круг участников, поскольку с обеих сторон было не так уж и много кандидатов на участие, мотивированных поддерживать диалог. Поэтому, чтобы не растворять процесс, чтобы не исключать заинтересованных и опытных участников, круг, к сожалению, приходилось сохранять довольно узким. Не желая оставаться в каком-то замкнутом пространстве, на каждую

встречу мы приглашали одного или нескольких новых людей с каждой стороны. Мы надеялись, что процесс сможет и дальше продолжаться в таком формате, когда основу будут составлять участники, имеющие большой опыт в диалоге, и к ним с каждой встречей будут присоединяться новые лица.

Первоначально в диалоге с абхазской стороны участвовали сотрудники абхазских НПО, занимавшиеся вопросами конфликта, журналисты, а также исследователи из научно-исследовательских институтов и университета. В течение двух лет участников отбирали через конкурс тезисов выступлений. Отборочная комиссия состояла из трех сотрудников американских университетов, хорошо знакомых с конфликтом. В связи с тем, что многие неоднократно участвовали в конференциях и встречах, за все годы диалога с абхазской стороны приняли участие немногим более сорока человек. Это, конечно, небольшой круг. Однако этот минус проекта является обратной стороной его преимущества, если иметь в виду его преемственность и накопление опыта. Меняя участников, можно решить проблему расширения круга лиц, приобщенных к процессу диалога, но при этом становится проблематичным выполнение другой задачи – углубление диалога, продвижение анализа и расширение тематики.

5. Роль медиаторов

Все участники проекта отмечали доброжелательную тональность встреч, в чем видели немалую заслугу его руководителя, профессора Пола Гарб, которая фасилитировала первые встречи, умело вела дискуссии, хотя не всегда заранее можно было предвидеть ход разговора и развитие событий на встрече. Гибкая повестка дня и регламент создавали свободную творческую атмосферу. Пола Гарб не воспринималась как внешний фасилитатор, настолько хорошо она владела контекстом, понимала специфику ситуации, воспринимала нюансы высказываний, юмор и т.п. Помогало процессу и свободное владение Полой Гарб русским языком, на котором велась дискуссия. За исключением тех встреч, на которых присутствовали внешние эксперты, организация перевода не требовалась. Все эти факторы способствовали тому, чтобы общение было максимально полноценным.

Свобода в обсуждении той или иной темы позволяла затрагивать широкий круг вопросов. При этом доброжелательная атмосфера способствовала эффективной работе и не препятствовала высказыванию нелицеприятных суждений – никто не сдерживал своего мнения по острым вопросам.

Пола Гарб от встречи к встрече постепенно «уходила в тень», передавая функции фасилитатора и ведение дискуссий координаторам или участникам с обеих сторон, что заставляло их оказываться в роли, требующей более широкого взгляда, нежели у обычного представителя одной из сторон. Хорошо помню свое удивление и даже сопротивление предложению занять место фасилитатора – мне казалось это абсолютно искусственным и

неловким. Однако уже небольшой опыт помог освоиться в этой роли и почувствовать себя естественно и более ответственно по отношению не только к участникам, но и ко всему процессу.

Можно сказать, что подход, реализованный П. Гарб, был серьезным фактором, способствующим диалогу. То, что никто не форсировал процесс, то, что не ставилась задача во что бы то ни стало достичь каких-то конкретных результатов, а постоянно подчеркивалась ценность самого процесса, то, что руководитель проекта был объективен, во всем осуществляя сбалансированный относительно двух сторон подход, естественно и незаметно привело к созданию таких условий и атмосферы, которые необходимы для открытого и свободного обмена мнениями, когда могут быть озвучены любые опасения, предположения и свежие идеи.

6. Некоторые особенности процесса

Важной особенностью данного проекта было то, что он не предлагал некие застывшие формы работы, а постоянно видоизменялся и развивался. Если в самом начале процесса предметом обсуждения могла быть свободная тема, то со временем встречи все более приобретали форму конференций, сфокусированных на одной из тем, представляющих взаимный интерес. Тематика менялась от менее острых проблем, когда, например, в повестку дня включались вопросы экологии или традиционных форм народной дипломатии и посредничества, до обсуждения российского фактора в грузино-абхазском конфликте или вопроса о перспективах вступления Грузии в НАТО.

С 2003 года двусторонний формат встреч расширился, когда участники, постоянно поднимавшие вопросы, связанные с ролью России на Кавказе, сочли целесообразным включать в дискуссии и представителей российской стороны. В последние годы активно стали приглашать к участию и международных экспертов, вносящих важный вклад в обсуждение по тем или иным проблемам, которым были посвящены конференции.

Отдельно следует остановиться на различиях в восприятии проекта со стороны двух сообществ. Для многих представителей абхазского общества, имеющих лишь отдаленное представление о содержании двустороннего диалога, народная дипломатия, предполагающая общение со стороной противника, в большинстве случаев воспринималась как деятельность, которая если и не наносит прямой вред, то уж польза от которой вызывает большие сомнения. Для грузинского общества, напротив, все проекты, направленные на сотрудничество, контакты и ведение диалога с абхазской стороной, воспринимались как средства, способствующие достижению политических целей – объединению Абхазии с Грузией. Именно поэтому в первое время в Грузии не препятствовали проведению диалога, правда позже, когда стало очевидно, что подобные встречи становятся своего рода трибуной для озвучивания абхазами своей позиции, грузинское руководство стало чинить

препятствия по отношению к тем проектам, а вернее к сотрудникам тех организаций, которые создавали нейтральную площадку для двусторонних дискуссий.

Кстати интересно, что и многие представители зарубежных организаций поначалу ошибочно воспринимали участие абхазов в проектах, включающих взаимодействие с представителями грузинской стороны, именно как проявление готовности к политическому сближению с Грузией. Как-то в одном из подобных проектов возникло «драматическое прозрение» относительно того, что урегулирование конфликта каждая из сторон воспринимала по-своему. Как оказалось, зачастую единственное совпадение между позициями грузинских и абхазских миротворцев состояло в том, что каждый был согласен на достижение своих политических притязаний мирным путем. Одним словом, большинство участников ставило знак равенства между урегулированием конфликта и мирным достижением политических целей своей страны. Т.е. многие грузинские участники надеялись на то, что эти встречи помогут вернуть Абхазию мирным путем. Абхазы же надеялись, что смогут убедить грузин отказаться от идеи возвращения Абхазии и будут способствовать установлению мирных добрососедских отношений. Конечно, многое подразумевалось и не все проговаривалось, поэтому происходящее не всегда правильно интерпретировалось международными представителями. Другие же противоречия были более очевидны и проявлялись во время дискуссий довольно остро. Это касалось различий в видении будущего – установка грузинских участников была ориентирована на прошлые, довоенные отношения, а абхазских – на настоящее: война перечеркнула очень многое, это уже новая Абхазия, новая необратимая послевоенная реальность. Грузинские же участники напоминали: мы жили вместе, а сегодняшняя жизнь беженцев – это не настоящее, а лишь временный «привал» перед возвращением к нормальной жизни, т.е. к «прошлому». Таким образом, и у одних, и у других эти психологические моменты были продиктованы или подпитаны в том числе и политическими позициями их стран. Однако, при всем этом, определенная часть постоянных участников свою основную задачу видела в том, чтобы способствовать объективному взгляду на действительность и адекватному восприятию обществами друг друга, в стимулировании движения политической мысли к отказу от силового подхода, в сторону нового понимания силы и авторитета государства, которые проявляются не столько в умении подавлять и навязывать свою волю другим народам, сколько в нахождении общих интересов и определении общих угроз, что могло бы стать основой для взаимодействия и сотрудничества в развитии различных сфер, таких как региональные транспортные коммуникации, энергетика, укрепление демократических институтов и т.д.

7. Восприятие проекта абхазским сообществом

Если постараться коротко ответить на вопрос о том, каким было отношение абхазской общественности к диалогу, то можно сказать, что оно было сложным и неоднозначным. С одной стороны, был большой интерес и поддержка, всегда были желающие присоединиться

к группе и участвовать в дискуссиях, многие живо интересовались тем, как проходили дискуссии, советовали, какие вопросы нужно поднимать на подобных встречах и т.п. С другой стороны, у части общества было недоверие ко всему процессу народной дипломатии, время от времени высказывались и публиковались негативные оценки нашей деятельности. Негативное отношение объяснялось целым рядом опасений. Некоторые предполагали, что неофициальные дипломаты без четких инструкций руководства могут наговорить лишнее или пойти на поводу у иностранных посредников, которым нельзя доверять, поскольку они представляют страны, поддерживающие позицию Грузии. Понятно, что эти опасения были напрасными, поскольку никакого давления со стороны фасилитатора не было, о чем мы уже говорили выше. Другое опасение было связано с тем, что готовность участников диалога спокойно говорить на самые болезненные темы могла неверно интерпретироваться и создавать иллюзорное впечатление бесконфликтных взаимоотношений. К сожалению, как уже отмечалось, некоторые международные «эксперты» именно таким упрощенным образом расценивали эффективность работу проекта. Приходилось довольно долго объяснять, что стремление к независимости и равноправию никак не следует ассоциировать с агрессивным поведением или с уклонением от трудных разговоров с противником.

Часто острота критики была связана не столько с непониманием мотивов участия в диалоге, сколько с тем, что основные его участники являлись довольно активными представителями гражданского общества, занимавшими принципиальную позицию по вопросам внутренней политической жизни и нередко высказывавшими критические замечания в адрес тех или иных политических сил. Когда не могли ответить на критику по существу, начинали звучать обвинения в ведении «разговоров с врагом» – самый безопасный и беспроеигрышный способ расправиться в послевоенном обществе с оппонентами. При этом, если в спокойные периоды внутривнутриполитической жизни эта критика в адрес участников проекта звучала более или менее корректно, то перед очередными парламентскими или президентскими выборами она превращалась просто в прокурорские обвинения. Однако следует отметить, что главные обвинительные статьи, которые затем тиражировались по абхазскому телевидению, подписывались либо псевдонимами, либо политсоветами или политотделами газет. Этот факт свидетельствует о том, что авторы не чувствовали своей полной моральной правоты. Иначе никто не отказался бы от лавров бдительных обличителей «зарвавшихся миротворцев».

Таким образом, ставя своей целью способствовать созданию условий, которые могли бы обеспечить стабильный мир, мы неожиданно оказались на другом, не менее жестоком фронте в своей собственной стране.

Для того чтобы объяснить остроту критики части представителей абхазской общественности в адрес проекта и его участников, следует остановиться на некоторых важных обстоятельствах, оказывающих существенное влияние на звучавшие оценки. И война, и непризнанное состояние Абхазии, и блокада – все это способствовало изолированности,

консервации в тяжелом послевоенном состоянии. В силу перечисленных объективных причин формировался особый тип восприятия и реагирования на действительность – психология осажденной крепости. Самому этому состоянию присуще единомыслие, четкие предписания – что верно, а что нет. Внутренний дискурс был перенасыщен завышенными оценками состояния дел в стране, формировался на основе собственных запросов и оценок. Наше внутреннее понимание политики порой было очень далеко от реального. Пропаганда и бравые лозунги часто заменяли анализ и учет сложных и не всегда благоприятных реалий. Желаемое очень часто выдавалось за действительное, и возразить было некому. В каком-то смысле существовало два уровня политики – на реальных переговорах с Грузией при посредничестве России и ООН и для внутреннего пользования. На первом уровне могли, например, обсуждать варианты союзного с Грузией государства, а на втором клеймили тех абхазских экспертов, которые в рамках проекта рассматривали теоретически возможные модели сосуществования, при этом каждый раз убеждали грузинскую сторону в том, что объединение не в интересах не только Абхазии, но, если заглянуть глубже, и самой Грузии. На первом уровне были политические визиты представителей властных структур в Тбилиси, а на втором клеймили членов НПО за участие в международных гражданских и научных форумах, где они озвучивали абхазскую точку зрения, только за то, что международный формат предполагал участие и дискуссии с представителями гражданского и экспертного сообщества Грузии. Понятно, что большинство этих моментов возникали в условиях изолированности и отсутствия открытого взаимодействия с окружающим миром. Нередко в абхазском информационном пространстве звучали оценки и предложения по решению конфликта без учета сложной послевоенной реальности, без учета требований международного права, без учета сложного расклада политических сил, задающих ту реальность, на фоне которой разыгрывался грузино-абхазский конфликт. На этом фоне тексты «Аспектов» вызывали беспокойство, недовольство, разрушали стройность бравурных репортажей, заставляли вспомнить о противоположной стороне конфликта. Одним словом, участники процесса шагали не в ногу.

Непонимание необходимости диалога с представителями противоположной стороны не было для нас неожиданностью – подобная реакция в травмированном войной обществе была вполне ожидаема. Проблема для многих участников диалога как раз и состояла в том, чтобы найти возможности преодоления травмированного состояния. Здесь, конечно, приходится вспомнить идеи выдающегося конфликтолога и медиатора Пола Ледераха о том, что миротворчеством могут заниматься только те, кто пытается несколько опережать процессы, происходящие в обществе, и не воспринимается при этом маргиналом или предателем. Выживаемость нашего проекта в таких сложных условиях свидетельствует о том, что участникам диалога все же хватило доверия со стороны общества для того, чтобы к обвинительным кампаниям не присоединилось большинство. Как говорил другой известный специалист по конфликтологии и миротворчеству профессор Хизкиас Азефа, поддержка миротворцев может проявиться только в молчании большинства. То, что к отдельным голосам обвинителей не присоединился хор общественности, на самом деле означало поддержку, было знаком того, что доверия к нашей деятельности было все же

больше, чем подозрений и коварных вопросов. Что касается вопросов, то мы не уставали задавать их самим себе. Сомнений было много. Действительно ли наша деятельность может оказывать позитивное влияние на ситуацию? Не инкапсулировался ли диалог в некие бесконечные дебаты старых участников? Есть ли реальный результат наших усилий?

8. Что можно считать результатом?

Если смотреть с позиции сегодняшнего дня, то нельзя не согласиться с тем, что пройден довольно большой и долгий путь – от предложений грузинских участников вовсе отказаться от названия Абхазия, используя слово «междуречье», до понимания того, что пока запросы общества будут базироваться на националистических ценностях, политики Грузии не смогут обеспечить прочный и стабильный мир в регионе; от отказа абхазских участников говорить о проблемах беженцев до организации международной конференции на тему «Конфликт и миграции». Взгляды и суждения участников процесса с обеих сторон стали более объективными, объемными, учитывающими существование разных точек зрения. В каком-то смысле проект Калифорнийского университета был первопроходцем – многие миротворческие и исследовательские проекты, а это немалое число конференций, семинаров и публикаций, были впоследствии реализованы благодаря тому, что первые шаги уже были сделаны и главные стрелы уже были выпущены. Участники многих двусторонних и многосторонних инициатив планировали свои действия, учитывая не только накопленный данным проектом опыт, но и реакцию различных политических и общественных кругов.

Судя по критике, звучавшей в адрес проекта, многие ожидали от этого гражданского процесса больших политических достижений. Вряд ли стоит доказывать, что наивно было бы рассчитывать на политический результат вне действующих официальных механизмов принятия решений, вне официального переговорного процесса и т.п. Что вообще можно понимать под результатом неформального диалога? Разрешение конфликта? Изменение общественного мнения? Нереально. Результат, который мог быть получен – это преодоление неосведомленности, это анализ ситуации с учетом большего числа актуальных факторов, это объективное описание существующей картины, это умение отличать мифы от реальности, стереотипы от объективной картины, это голографическое воссоздание различных аспектов конфликта, объемное видение сложной реальности. Это формирование, пусть только еще прообраза кавказского сообщества приверженцев мирного решения конфликта, обосновывающих необходимость подписания договора о неприменении силы, стремящихся к обеспечению доступности Южного Кавказа для всех его жителей, утверждающих культуру мира на Кавказе. Это создание механизма кроссконфликтных дискуссий, включая многолетнюю фиксацию взглядов, мнений и оценок, и их динамику с двух сторон, которые через серию публикаций стали доступны заинтересованным исследователям, политикам и журналистам.

Основным же реально достигнутым результатом многолетнего функционирования постоянно действующей конференции-диалога можно считать само создание площадки для столкновения различных мнений, для обсуждения и анализа актуальных проблем конфликта, представляющих взаимный интерес. Фактически эта площадка стала своеобразной опытной лабораторией, где проходили апробацию на понимание и принятие идеи, рождающиеся в различных кругах – политических, экономических, гражданских, призванные приблизить урегулирование конфликта.

Обобщая важный этап в работе проекта, в предисловии к 9 тому «*Аспектов*» мы писали: «... от встречи к встрече крепло убеждение в том, что диалог ценен сам по себе как попытка достижения взаимопонимания на гражданском уровне и является необходимой частью миротворческого процесса. Двусторонние встречи проходили не всегда гладко, дискуссии порой бывали очень острыми. Однако процесс совместного анализа конфликта продолжался, потому что и грузинские, и абхазские участники понимали, что путь к миру не может быть односторонним, его необходимо прокладывать с двух сторон».

IV

Развитие гражданского общества и медиация

ГЛАВА 9

Опыт Кавказского Форума: эксперимент целостного миротворчества¹

Геворг Тер-Габриелян

¹ Я начал излагать результаты этого анализа до начала августовской войны 2008 г. и закончил осенью 2008 г., уже после окончания войны. Он был пересмотрен и опубликован на русском языке летом 2009 г. с разрешения International Alert. Доступен на русском языке по адресу <http://www.southcaucasus.com/index.php?page=publications&id=2335>.

1. Как все начиналось

Кавказский Форум возник из проекта по построению доверия между грузинами и абхазами в 1998 году. Проект финансировался Евросоюзом, управлялся и фасилитировался организацией International Alert (для краткости буду называть ее Алерт), и именно для его реализации меня и наняла Алерт.

Грузино-абхазский проект

В феврале 1998 года я впервые поехал в Грузию и затем в Абхазию в новой должности, чтобы начать планировать проект. Со мной поехали Фил Шампэйн и Софи Кук. У меня с ними установились хорошие отношения ещё в Вашингтоне, в январе. Туда они прилетели из Лондона и вызвали меня из Огайо, чтобы обсудить программу. По проекту намечалось провести шесть встреч – парламентариев, женщин, молодёжи, НПО, а первая и последняя – организаторов. Встречи предлагалось проводить в различных уголках бывшей Югославии (Дубровник, Любляны), в Северной Ирландии, на Кипре, в Крыму и т.д.

Места эти были также и конфликтными, и соответственно, построение доверия происходило бы, по замыслу авторов проекта, параллельно ознакомлению с ситуацией на местах.

Проект был составлен два года назад, и цены с тех пор изменились. Было ясно, что на таком бюджете эти встречи не проведёшь. К тому же мы не знали, о чём будет идти речь на этих встречах. Мы с Филом договорились, что вместе поедem и обсудим следующий вариант: на первой встрече собираются все те, кто хочет участвовать в проекте, скажем, по десять человек с каждой стороны. Там же они обсуждают смысл и содержание остальных встреч. О чём они договорятся, в рамках возможного, то мы им и поможем выполнить.

С такой очень открытой программой мы поехали вначале в Тбилиси. Тут в офисе Георгия Хуцишвили² я познакомился с целым рядом лиц, которые играли существенную роль в процессе гражданского диалога и стали моими друзьями: Марина Пагава, Гурам Одишария, Гия Анчабадзе, покойный Анико Абрамишвили (ученый с мировым именем), покойная Эльза Тер-Мартirosянц (один из лидеров армянского землячества в Тбилиси), Миша Мирзиашвили и Мамука Купарадзе (оба в то время возглавляли неправительственную кинокомпанию Studio Re), Нодар Сарджвеладзе (один из ведущих психологов Грузии) и другие. Я также пытался познакомиться с Паатой Закареишвили, который к тому времени уже был известным правозащитником и миротворцем, но в эту поездку мне так и не удалось с ним встретиться, встретились мы позднее.³

2 Георг – опытный специалист в области разрешения конфликтов и лидер НПО, который возглавляет Международный центр по конфликтам и переговорам (ICNN), наш основной партнер по этому первому проекту.

3 Марина Пагава, Гурам Одишария, Георг Анчабадзе, Нодар Сарджвеладзе и Паата Закареишвили – авторы различных глав данного сборника.

В Абхазии я познакомился с Мананой Гургулиа и с Дианой Керселян – партнёрами по проекту. Выяснилось, как возникла идея проекта: тогдашний руководитель нашего офиса Кумар Рупесингхе вместе с Анной Матвеевой, на чьё место пришёл я, собрали конференцию в Москве, в которой участвовали Тамаз Кецаба (известный адвокат и активист из Абхазии), Манана и Георгий Хуцишвили. Там они и договорились о проекте. Пока проект писали и подавали в Еврокомиссию, пока он там рассматривался и утверждался, прошло два года. Поэтому проект и оказался устаревшим.

Манана и Диана любезно отнеслись ко мне. Они повели меня в клуб (кофейню-галерею), где собралось, можно сказать, всё гражданское общество Сухума. Я уже тогда удивился, что они знают про гражданское общество и НПО, и как они едины, что могут вот так собраться. Я-то сам узнал эти понятия года два назад, когда писал очередную магистерскую диссертацию в Огайо. Ещё в 1990 г. я с друзьями организовал НПО в Ереване, но тогда я не знал, что это и есть НПО.

С Баталом из Центра гуманитарных программ мы за день до этого познакомились в «Апсны пресс». Я заметил, как внимательны к нему остальные, хотя мне было непонятно, почему. На встрече в галерее я раздал бумажку, на которой описал лишь рамки нашего проекта: шесть встреч, первая решает, о чём остальные, и её построение таково: знакомство, обсуждение правил поведения, обсуждение повестки, а затем – работа по каждой из тем, согласованных на месте. Батал вдруг кинул эту бумажку мне в лицо и закричал, что это ерунда, что мы водим их за нос, и что с такой пустышкой он не собирается работать.

Это был первый серьёзный «челлендж», испытание моё на новой должности. Я не ожидал, что на меня будут кричать. У меня были доли секунды, чтобы сориентироваться. И я почему-то, вместо того, чтобы сделать всё, что угодно, но только не это, заорал в ответ: «Сами вы порете ерунду! Попали тут в войну, понимаешь ли, люди приезжают, искренне хотят вам помочь выпутаться, а вы орёте! Ерунда! Бумажка потому и пуста, что мы хотим, чтобы вы сами её содержанием наполнили! А не хотите проекта, так и не надо! Оставайтесь и сидите в своей изоляции, покинутые всем миром!»

Батал встал и вышел. Женщины бросились ко мне и стали утешать: мол, Батал хороший, он просто такой, ты ещё привыкнешь. Они объяснили, что у него много родственников погибло во время войны. И мы продолжили дальше работать над структурой и повесткой первой встречи, как ни в чём не бывало, даже более того – подружившись ещё крепче. Женщины обещали, что Батал вернётся и будет участвовать в проекте.

Когда я решил заорать в ответ Баталу, я по наитию использовал некий приём в медиации. Мой крик показал, что у меня нет секретных повесток дня, что я обычный типичный армянин, что я могу волноваться, переживать, провоцироваться. Крик укрепил доверие. Хотя, будь я более подготовлен к такому повороту событий, я бы, конечно, постарался удержаться от крика. Это был кикс. Официоз исчез, и хорошо, что абхазы простили мне

мой непрофессионализм. Но, как видно, эмоциональность – иногда неплохой приём в медиации.

Подтверждение, что они не только простили, но и немножко доверяют мне, не заставило себя ждать: Лейла Тания и Лика Кварчелиа, которые в то время были лидерами НПО, обступив меня и наперебой предлагая кофе, стали убеждать, что с грузинами, да, они хотят строить доверие, но рассматривают их только как своих будущих соседей, таких же, как и любые другие кавказские народы. Поэтому, сказали они, если уж и делать настоящий проект по построению доверия, то лучше всего делать его со всеми кавказскими народами, нежели только с грузинами и абхазами.

Эта идея зацепила нечто архетипическое во мне. Работая в Армении во время карабахского конфликта в 1989-1993 годах, участвуя в обсуждениях будущего региона⁴ и очень мало зная обо всём Кавказе, я пришёл к убеждению, что, действительно, решение кавказских конфликтов – в инклюзивности, в том, чтобы создать некую систему типа кавказской ООН или кавказской ОБСЕ, где все «ставкодержатели» будут представлены. Эти идеи продвигались тогда Суреном Золяном, который сейчас ректор университета, а тогда был членом парламента и комиссии по Карабаху, участвовал в переговорах Минской группы; он называл свой проект «Кавказская Швейцария». Его идею развивали Ашот Манучарян (в то время старший советник президента, а до этого – харизматичный лидер популярного движения, которое свергло коммунистическое правление в Армении), Ара Саакян, который был тогда вице-спикером Парламента, и другие. За рубежом тоже были поборники таких идей, например, германский парламентарий Шеллинг. Суть идеи была в том, чтобы создать некую надгосударственную систему, которая вберёт в себя признанные и непризнанные образования на Кавказе. Я её разработал и подробно описал в своей магистерской диссертации, которую закончил в Огайо. Затем я главную часть этой диссертации опубликовал в книге по конфликтам на Кавказе⁵.

Разговаривая с Лейлой и Ликой, я понимал, что речь идёт скорее о гражданской дипломатии, нежели о политиках и власти имущих, и всё же – а вдруг? Вдруг получится начать реализовывать идею общекавказского мирного процесса? Если получится, подумал я, то мы будем моделировать официальный процесс, т.е. готовить почву для него и показывать миру, как это надо делать.

Я сказал, что это меняет проект и, следовательно, я должен поехать обратно и спросить у грузин, согласны ли они на это.

4 Я работал заместителем директора вновь организованного Центра региональных исследований, который развалился по политическим причинам через несколько месяцев после того, как я уехал из Армении, а Ашот Манучарян, Главный советник президента, куратор Центра, подал в отставку.

5 G. Bonvicini, E. Greco, B. von Plate, R. Rummel (eds.) 'Strategies in Ethnic Conflict and a Regional Cooperation System for the Caucasus' *Preventing Violent Conflict: Issues from the Baltic and the Caucasus. A Joint Study of the Istituto Affari Internazionali, Rome, and the Stiftung Wissenschaft und Politik, Ebenhausen.* Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 1998 (Aktuelle Materialien zur Internationalen Politik, Band 50).

Мне нравилась эта идея. Наверное, это обстоятельство позволило мне быть убедительным с грузинами. Я стал «не нейтральным». У меня появилась повестка: вместо сугубо грузино-абхазского процесса сделать общекавказский процесс.

Для грузин это было не внове. Ещё в 1990-е, во время Гамсахурдиа, Наира Гелашвили выступила с инициативой общего мирного Кавказа и даже, с рядом конкретных предложений, поехала и встретилась с рядом лидеров Кавказа. В итоге возник «Кавказский дом» в Тбилиси. Сам Шеварднадзе, если помните, как-то раз в начале своего второго правления выдвинул инициативу «Кавказского дома», т.е. организации, которая бы объединила Грузию, Армению и Азербайджан. Хотя конфликтные зоны оставались вне его инициативы, но если бы это произошло, то опять-таки возникло бы поле, на котором можно было работать. Но эта идея, конечно же, потухла, едва возникнув, из-за отказа Азербайджана.

Затем, уже после создания Кавказского Форума, были идеи Майкла Эммерсона (лидера аналитического центра из Брюсселя) о Пакте стабильности для Кавказа и ряд подобных идей на политическом уровне, а также ряд общекавказских проектов на неправительственном уровне, такие, как проект Института освещения войны и мира, проект Статьи 19 «Свобода волеизъявления», а также проект «Гринго» датского Совета по беженцам – всекавказская коалиция НПО по внутренним перемещенным лицам (IDP).

В массе грузины чувствуют себя кавказцами в большей степени, чем те же армяне, живущие в Армении. У армян, живущих в других местах Кавказа, это чувство есть, но у армян, живущих в Армении, так же как у азербайджанцев, живущих в Азербайджане, кавказская идентичность, по моим наблюдениям, ослаблена. Не так у грузин. Не зря осетины, включая северных осетин, называют Тбилиси «Калак», т.е. город Тбилиси долгое время воспринимался как центр всего Кавказа.

Любой, кто удосужился бы поискать в интернете мои публикации на эту тему, мог бы увидеть, что общекавказский мирный процесс является моим коньком. Если бы абхазы без оговорок согласились на двусторонний процесс, я бы тогда, пожалуй, всё равно искал способы создать общекавказскую «тусовку». Но так как они сами потребовали расширить круг участников, я не возражал.

Один из принципов медиации – «нейтральность», часто интерпретируется лицемерно или же, наоборот, интерпретируется конспиративно, недоверчиво. Являются ли нейтральными медиаторы, которые работают в Минской группе ОБСЕ? Нет, конечно, ибо они – представители государств, а посредничают в конфликте между государством и не государством. Поэтому они и пытаются преподнести карабахский конфликт как конфликт между Арменией и Азербайджаном, хотя это не отражает полноту картины. Также и «Друзья Генерального секретаря» не были нейтральными, ибо отражали сугубо ту точку зрения, что Абхазия должна быть частью Грузии, и всё! Никаких вариантов! Кстати, вначале они назывались «Друзьями

Грузии», но Абхазия и/или Россия возражали так долго и сильно, что их переименовали. Более того, эксперты «Друзей Грузии» в частных беседах задолго до последнего обострения конфликта и признания Абхазии Россией говорили мне, что судьба Абхазии решена, и она достойна быть независимой. Но только в частных неофициальных разговорах. Официально они подчёркивали принадлежность Абхазии Грузии.

Итак, медиаторы часто не нейтральны. Однако будучи не нейтральными, или «пристрастными», они одновременно могут также приносить пользу. Это уже зависит от конкретного человека или конкретной организации. Паата Закареишвили много раз говорил, что он бы желал, чтобы Абхазия вернулась в состав Грузии. Он это объявляет открыто. Но это не делает его меньшим медиатором между остальной частью грузинского народа и абхазами, с которыми он развивает отношения уже много лет.

В каком-то смысле я был совершенно нейтрален, ибо мне было всё равно, каков будет конечный статус Абхазии, равно как и Карабаха – лишь бы их население (желательно включая беженцев) согласилось с этим статусом, люди жили бы мирно с окружающей средой и безопасно. Но эта моя позиция, вызывающая нарекания со стороны армян (мол, я недостаточный патриот), также вызывала нарекания и со стороны грузин (мол, я не придерживаюсь международно-принятой нормы – Абхазия есть часть Грузии). Но это не так. Я исходил из того, что де-факто Абхазия не является частью Грузии, и делал всё, чтобы сблизить представителей гражданского общества обоих народов.

То, что абхазы сразу ко мне хорошо отнеслись, быть может, случилось частично благодаря тому, что я был армянином, а армяне Абхазии поддержали абхазов во время войны. Но это только местные армяне поддержали. Армяне же Армении, тем более на политическом уровне, вполне представляли себе, что из-за грузино-абхазского конфликта они впадают в ещё большую изоляцию и блокаду, чем без него – ведь железнодорожное сообщение с Россией прекратилось для армян на долгие времена из-за этого конфликта. Они были бы более счастливы, если бы войны не было.

Грузины посопротивлялись моему предложению, но не очень – им было важно встретиться с абхазами, начать процесс диалога. Они рассматривали общекавказский формат как концессию, как временную уступку. Идея общекавказского формата была полностью воспринята теми, кто знал Абхазию глубоко, например, Гией Анчабадзе, Гурамом Одишария, Мариной Пагава. Те же, кто олицетворял собой прозападно ориентированную тбилисскую интеллигенцию, отнеслись с сомнением к этой идее.

Вот и второй момент, когда я, посредничая, добился чего-то, что отсутствовало в замысле проекта Анны Матвеевой или Алерт, когда они создавали этот проект. Я добился двух вещей: а) грузины и абхазы встречаются в Сочи (мы поменяли места встреч на менее экзотичные и более доступные); б) они встречаются в общекавказском формате.

Циники могли бы сказать, что ездить в Люблины или Дубровник, как делал, скажем, академик Тишков со своей сетью этнографического мониторинга, абхазы и грузины согласятся и так, ради удовольствия туда поехать. А тут Сочи, особого шопингового интереса город не представляет; тот, кто едет туда, едет работать, мириться.

Но я, конечно, сохранил баланс проекта, и на первую встречу были приглашены только четыре человека из других регионов Кавказа. Остальные были грузины и абхазы. Роль этих четырёх, помимо того, чтобы разработать концепцию общекавказского подхода, была также и фасилитационная: помочь грузинам и абхазам, рассказать о своих регионах и конфликтах, сделать так, чтобы грузины и абхазы не оказались заикленными только на своей проблеме.

Рабочая группа по общекавказским мероприятиям, созданная на этой встрече, договорилась о том, чтобы: а) сделать сугубо общекавказское совещание следующим мероприятием по проекту, б) на все мероприятия собирать также представителей других регионов Кавказа, хотя грузин и абхазов должно быть большинство.

Вот это следующее мероприятие и было решено устроить в Нальчике. Там и возник Кавказский Форум.

Ещё один скрытый приём медиатора-фасилитатора заключался в том, что я не сказал абхазам «нет». Приехала международная организация из Великобритании, через Тбилиси, хочет начать миротворческий процесс на неправительственном уровне и при этом соглашается на предложения абхазов! Я предполагаю, что такое не часто им встречалось. Наш офис не находился в Грузии, и наш проект не надо было согласовывать с грузинским правительством, иначе они бы с трудом позволили такое, если бы вообще позволили. Надо было только оповестить. Забегая вперёд, скажу, что оповестили мы, к примеру, батону Вахтанга Колбая, который, будучи выходцем из Абхазии, прекрасно понимал резон общекавказского подхода и чуть ли не приветствовал эту идею, видимо представляя, какие дивиденды это даст в будущем – построение реального доверия с абхазами.

Изменения в нашем проекте также не надо было очень уж сильно согласовывать с Еврокомиссией, у них не было причин не принимать эти изменения, так как выделенные ими деньги не выделялись именно Грузии. Что же касается нашего офиса, то мой откровенный анализ ситуации и вопрос: «Будем делать общекавказский вариант или откажемся?» завершился поддержкой всех, в первую очередь Фила, Софи и Мартина Хонивелла, который тогда был заместителем руководителя и сыграл судьбоносную роль в создании Кавказского Форума. Они не преследовали политических повесток, не находились под давлением британских официальных кругов, были настоящими представителями неправительственного сектора, верили в то, что надо рисковать и действовать независимо от правительств. Поэтому Кавказский Форум и возник.

В Нальчике я познакомился с Полой Гарб из Калифорнийского университета (Ирвайн)⁶, которая хотела присутствовать на нашей встрече, и я её пригласил. Она только начинала свой проект. С Джонатаном Коэном из «Ресурсов примирения»⁷ я был уже знаком с Лондона, и с первого же знакомства между нами установились доверительные отношения. Три главных проекта по грузино-абхазскому миротворчеству, начинающиеся почти параллельно, оказались работающими больше в духе сотрудничества, нежели соперничества. Соперничество тоже было. И всё же главным было то, что мы рассматривали нашу деятельность как единое целое. Джонатан, Пола и я смогли, без всяких посредников, или посредничая между собой, создать серьёзную взаимодополняющую интервенцию в конфликт. Тогда ещё нам помогал Мартин Шумер из ЮНВ, который, к сожалению, рано скончался.

Как возник Кавказский Форум

При подготовке нальчикской встречи Мартин Хонивелл вызвал меня и сказал: «Каков сценарий встречи в Нальчике?». Ведь я пригласил его туда фасилитировать. Мы обсудили сценарий в присутствии Фила и одного члена нашего Совета директоров, генерала в отставке, очень понимающего человека. Когда они говорили нечто, демонстрирующее их непонимание ситуации на Кавказе, я их поправлял в сильном волнении, чуть ли не криком. Они это сносили вынужденно. В Алерт была эта атмосфера понимания, что не принятые на Западе экспансивные формы выражения не показывают неуважение, а лишь темперамент. Мы хорошо понимали, что если британцы сдержанны и точны, то не британцы привносят с собой «культуру высокого контекста» (high context culture), которая, скажем, предполагает, что если человек опоздал на встречу, то это не потому, что он не уважает тех, с кем встречается, а потому, что он занимается одновременно несколькими важными делами, не приоритезируя время встречи по отношению к чему-то, что, по его мнению, не менее важно.

В конце нашей рабочей встречи Мартин меня спросил: «Итак, будем создавать какую-то сетевую структуру или нет? Будем принимать документ?» «Мартин, – сказал я, – если они захотят, то создадут, и документ примут, но как мы можем их заставить?» «Нет, – сказал он, – мой друг, ты должен предугадать всё наперёд. Навязывать им ничего не стоит, но к варианту развития событий ты должен быть готов – пиши сценарий варианта, при котором они решат создать сеть и подписать документ».

План-минимум – удачная встреча. План-максимум – сеть и долгосрочный проект. Встреча могла быть и неудачной. Нам была известна неудачная встреча, в своё время организованная Университетом Джорджа Мэйсона, когда приехавшие абхазы отказались лично встречаться с грузинами, и американцы всю встречу ходили из одной комнаты в другую, делая «шаттл дипломаси» вместо семинара. А произошло это из-за ошибки – стороны не согласовали список участников между собой наперёд. Сама организация Алерт тоже допускала ошибки: много

6 См. Главу 6 данного сборника

7 См. Главу 3 данного сборника

лет назад, по просьбе Шеварднадзе, Алерт снарядила миссию в Абхазию, в итоге которой возник документ не просто прогрузинский, но и безграмотный. Я этот документ сам читал. Так, там утверждалось, что причина конфликта в бедности, царящей в Абхазии в советский период, а ещё причина религиозная, ибо абхазы – мусульмане, а грузины – христиане. После публикации этого документа абхазы отказались сотрудничать с Алерт, и Кумару Рупесингхе пришлось лично просить извинения у Нателлы Акаба (общественного деятеля, которая является лидером НПО и время от времени занимала официальные должности) на одной конференции, где они встретились, и только после этого сотрудничество начало восстанавливаться.

Мне не оставалось ничего, кроме как обсудить с Мартином оба варианта, сделав упор на развитие событий в сторону плана-максимума. Документа мы, правда, так и не набросали, резонно полагая, что не можем предугадать, что же участники, если захотят, в него введут. Единственное, что я ему сказал – деклараций на кавказских тусовках подписывается масса, а вот если и подписывать, то такое, что затем станет руководством к действию. «И в этом смысле, – сказал я Мартину, – если они подпишут, то это означает, что Алерт даёт им карт-бланш и обещает поддержку». Это означало изменение стратегии организации Алерт (которая до тех пор не собиралась заниматься общекавказскими процессами), резкий поворот, расширение этой стратегии, необходимость фандрейзинга. Мартин сказал, что он даёт «им» (и мне) карт-бланш, а согласование изменений с Советом директоров берёт на себя. Генерал, который тогда был и.о. Председателя Совета директоров, тут же согласился.

Так и было написано в повестке: «Если участники захотят создать сеть и подписать документ, им будет предоставлена такая возможность».

Первый день работы семинара (а там было человек 40, это уже была конференция, а не семинар) прошёл в пересказах историй с места. Каждый говорил по часу. Все страшно устали. Второй день был, в основном, посвящён выработке совместной платформы и «вижонингу», т.е. общему представлению о сети, будущем Кавказа и т.д. Третий день – отдельным пунктам платформы. Вечером третьего дня я, усталый, решил попить пива. Но Мартин мне не дал: «Так подписывать будем завтра или нет?» – спросил он.

- Мартин, – сказал я, если захотят – подпишут.

- Нет, друг мой, – сказал он. – Если они должны что-то подписать, то этот текст им следует раздать с утра.

И заставил меня, Софи, Антона, который был переводчиком, и других, кого я сейчас не помню, из числа организаторов – может, Диану, может ещё кого – собраться в штабной комнате и часа четыре согласовывать проект документа, основывающегося на пунктах, обговорённых в течение дня. К двум часам ночи проект документа был готов. Следующий день ушёл на согласование каждого слова. Затем участники поехали на Эльбрус, тогда

как я остался, чтобы внести изменения и распечатать текст. Приехав, участники вечером устроили танцы, во время которых и подписывали текст, и продолжали подписывать утром следующего дня, до отъезда.

Так возникла Эльбрусская декларация.

Первые уроки

Медиация была коллективная – наша команда под лидерством Мартина сделала всё, чтобы фасилитировать, облегчить участникам согласие на подписание документа. Даже поездка на Эльбрус была «использована» фасилитационно, для поднятия духа.

Слова в документе были дипломатичные, не радикальные, однако это был документ о сотрудничестве и продвижении миротворчества на Кавказе. Но я понимал, что таких документов пруд пруди, а главное – что после него будет сделано.

Другой момент, который стал мне ясен из этой истории – я понял, что работаю **на точке пересечения интересов**, т.е. работаю на ненулевую сумму. Предположим, я хочу, чтобы двое встретились. Один сопротивляется. Я ему говорю: каково твоё условие? Он говорит своё условие. Я говорю другому: давай выполним условие, если тебе важнее встретиться, нежели сопротивляться и оставаться в одиночестве. Тот, если ему и правда важнее встретиться, соглашается. Наша встреча происходит не так, как он предполагал, на других условиях, но всё же происходит. Мы начинаем процесс с более близкого к базовому уровня, с уровня меньшего интереса некоторых его участников, но всё же начинаем – начать процесс оказывается достаточно интересным всем участникам, чтобы на это согласиться.

Мы начинаем обсуждать сущность проблемы. Но мы не можем найти согласованную точку, оценку этой проблемы. Мы не можем добиться консенсуса, к примеру, быть ли Абхазии независимой или частью Грузии. Абхазы говорят одно, грузины другое. **Тогда мы оставляем содержание проблемы и начинаем обсуждать форму процесса** – как именно мы будем далее обсуждать эту и другие проблемы, на каких встречах, где, почему.

На первой, Сочинской встрече, до Нальчика, возник вопрос – о чём грузино-абхазский проект? Обсуждение статуса Абхазии завело нас в тупик. Тогда мы обсудили процесс проекта и постановили, что парламентарии встретиться не могут (грузины сказали, что их парламентарии абхазских за таковых официально не признают), а встречаться будут: а) общекавказская группа (Нальчик), б) женщины, в) молодёжь и г) экс-комбатанты. А затем, на последнюю встречу, вновь соберутся те же, кто сейчас встречается в Сочи, и оценят, как прошёл проект. Но! Каждая из встреч не просто так будет проходить, люди не просто будут знакомиться и обсуждать конфликт. **Каждая из встреч должна выработать совместные проекты.**

Таким образом, и молодёжная, и женская, и экс-комбатантовская встречи получили импульс, цель – не только знакомство и построение хоть какого-то доверия на личном уровне, но выработка совместных проектов, которые затем, при нашей помощи, найдут финансирование и будут осуществляться. Так наш проект оказался проектом-катализатором, проектом-«зонтиком», проектом, начинающим нечто новое, всё более увеличивающееся – серию совместных проектов.

Теперь предположим, чем бы это могло закончиться в идеале: если бы каждая встреча заканчивалась совместным проектом и они были реализованы, то постепенно произошло бы столько встреч и обсуждений, столько малых проблем было бы решено, что построение доверия действительно продвинулось бы. Я это объясняю, чтобы показать, в чём была роль медиатора – в том, чтобы, поняв, что движение вперёд по содержанию невозможно, двигать процесс вперёд, причём в рамках конкретных действий, достигая результатов не менее важных, чем согласование, скажем, грузинского и абхазского видений конфликта. Если женщины будут совместно работать по своим проблемам, молодёжь – по своим, экс-комбатанты – по своим, если бизнесмены начнут совместные предприятия, если, наконец, политики увидят, как это работает, и присоединятся, то конфликт получит реальный шанс для продвижения к миру. Таково было наше совместное, с партнёрами, видение этого проекта.

Приём медиатора или фасилитатора тут в том, что если невозможно разрешить проблему конфликта, то необходимо найти не просто обходной путь, а путь-процесс, который позволит решать конкретные проблемы, которые в свою очередь помогут в дальнейшем сформироваться новому подходу к главной проблеме.

Правда, можно усомниться и сказать, что количество малых конкретных дел не обязательно вырастет в большое, но такова была наша стратегия, которая исходила из идеи, что из-за этого сомнения нельзя прекращать процесс.

Не отчаиваться, не прекращать процесс, во всём видеть положительную сторону и уметь её показать участникам, отступить от содержания к процессу, если содержание не поддаётся разрешению, но не покидать свои цели, и на новом этапе процесса возвращаться к этим целям. Такова была, в теории, наша методика. Это важно понимать и помнить сейчас, когда кажется, что общекавказской объединяющей повестки нет и не может быть из-за сопротивления государств.

Этот подход, плюс нахождение точки схождения взаимных интересов, даже если она очень «низка», очень близка к самому началу процесса, т.е. нахождение точки «положительной суммы», это «отступление» от содержательных проблем к формальным и есть суть применяемой нами методики. Если стороны в чём-то не согласны, то мы отступаем на более «низкий» уровень, где есть согласие и интерес, и работаем там. К примеру, одна сторона хочет делать совместный бизнес-проект, а другая не хочет. Но другая согласна делать параллельные бизнес-проекты. Тогда мы начинаем делать параллельные бизнес-

проекты и организовывать встречу руководителей проектов, чтобы они просто обсудили результаты совместно.

Это долгий путь, и он может бесконечно удлиняться. Его эффективность может почти исчезнуть. Тем более, если другие компоненты процесса отсутствуют – если вне нашего проекта не происходит ничего, что позволяло бы поднять уровень взаимного интереса, что двигало бы другие аспекты конфликта к устойчивому мирному процессу. Как только атмосфера вокруг мирного процесса менялась к лучшему, наш проект тоже достигал малых, но существенных результатов. Как только атмосфера портилась, наш проект тоже терял эффективность.

Но это касалось, в основном, грузино-абхазского проекта. Его отличие от Форума было в том, что он управлялся тремя организациями-партнёрами: Алерт, грузинской организацией и абхазской организацией. Достичь консенсуса между тремя было сравнительно легче, чем между пятнадцатью. Ведь в Форуме было именно так – около пятнадцати партнёров.

2. Борьба за целостный Кавказ

Некоторые мероприятия, проходившие в рамках грузино-абхазского проекта, по духу были близки форумовским и оказывались полностью включаемыми в его деятельность. Подготовка и публикация книги «Время жить: писатели Кавказа о войне», содержащей произведения абхазской, грузинской, армянской, азербайджанской и осетинской литератур, была осуществлена Гурамом Одишария, Баталом Кобахия и Дауром Начкебия в рамках грузино-абхазского проекта. Гурам и Батал ездили по Армении, Азербайджану и Карабаху, чтобы встретиться с писателями, уговорить их передать им произведения для публикации в книге. Это был типичный по духу форумовский проект, хотя он и осуществлялся в рамках грузино-абхазского.⁸

Много времени уделял Форум созданию и совершенствованию собственных структур, системе функционирования. Быть может, этому уделялось слишком много внимания, энергии и денег, и не очень успешно. Это было сложно.

Из изобилия проектов, мероприятий и событий я остановлюсь на следующих: история с Рабочей Группой УВКБ ООН, экс-комбатантовская встреча, посредническая миссия в Карачаево-Черкесию, общекавказская молодёжная Креативная игра и процессы формирования систем принятия решений и процедур в Форуме.

Рабочая Группа УВКБ

Рабочая Группа по Предотвращению Конфликтов УВКБ ООН была создана как часть проекта УВКБ, называвшегося «Конференция СНГ». Конференция, проходившая

ежегодно в течение пяти лет, собирала несколько сот представителей гражданского общества и НПО со всего СНГ, которые готовили свои рекомендации к съезду министров стран СНГ, ответственных за ситуацию с беженцами и переселёнными. В рамках этого плана влияния гражданского общества на правительства УВКБ предложило создать ряд Рабочих групп, таких, к примеру, как Группа по законодательству по вопросам беженцев, Группа по правам беженцев и т.д. Одной из таких групп и должна была быть Группа по предотвращению конфликтов. Когда меня и Алерт пригласили в неё, она уже существовала года два, но, в отличие от других Рабочих групп, непонятно было, в чём её результативность. Придя в неё, я узнал предысторию: она не планировалась со стороны УВКБ, а была создана по инициативе участников Конференции, где было много беженских организаций, заинтересованных в урегулировании конфликтов и требовавших создания специализированной рабочей группы по этой тематике.

Меня пригласили в этот проект Кирсти Флор, работавшая тогда в УВКБ, и Елена Садовская, руководитель Центра по урегулированию конфликтов из Алма-Аты. На конференции Рабочей группы в Москве, на которой и состоялось моё знакомство с участниками группы, а также с Кирсти и Еленой, Кирсти поручила мне фасилитировать разношёрстую подгруппу, которая должна была создать план действий в течение двух часов. Послушав участников подгруппы, я начертил на ватмане таблицу и предложил вписывать идеи в неё, разделив их на колонки: Кто, Что, Когда, Кто может помочь, Что уже сделано и т.д. Так к концу заседания у нас оказался более-менее видимый план действий, и подгруппа почувствовала себя на подъёме. Во время презентации я, не чувствуя себя знатоком ситуации, на каждый вопрос участников из других подгрупп (а вопросы были ревнивые, на засыпку) передавал слово тому из участников моей подгруппы, кто был автором того или иного предложения. На каждый вопрос был получен серьёзный и мотивированный ответ. «Участнический», инклюзивный подход проявил себя.

Кирсти попросила, чтобы Алерт возглавила руководство Рабочей группой. Я ответил, что мы входим в этот проект поздно, проект слишком большой, растянутый по всему СНГ, поэтому необходимо, чтобы те, кто был у истоков создания Группы, продолжали нам помогать. Кирсти сказала, что предлагает организацию Елены Садовской в соруководители, и я с готовностью согласился. Елена стояла у истоков создания Группы. К тому же я понимал, что с Центральной Азией, где у Алерт опыта не было, этой организации в одиночку не справиться.

Мы встретились в Лондоне – Кирсти, я и Елена, и начертили общие принципы проекта. Я считал, что говорить об урегулировании конфликтов, не привлекая все конфликтующие стороны, в корне неверно. Я считал, что невозможно вообразить себе серьёзное влияние на разрешение конфликтов теоретически, через рекомендации и экспертные заявления. Поэтому я предложил, чтобы в Рабочую группу были приглашены представители гражданского общества из «непризнанных» образований. Сделать это было сподручнее через Кавказский Форум. Другая моя идея была в том, что надо создать три субсети:

кавказскую, центральноевропейскую (т.н. «Западное СНГ») и центральноазиатскую, так как каждой из таких сетей будет сподручнее составлять планы по своему региону, находить деньги для их реализации и реализовывать эти планы, которые должны были быть миротворческими проектами гражданского общества. На это всё выделялось со стороны УВКБ минимальное количество денег, Алерт добавила немножко. Кирсти обещала, что поможет с фандрейзингом в дальнейшем. Но этого не произошло – к сожалению, мы не смогли найти дополнительные деньги. Пришлось ограничиться минималистским вариантом проекта.

Вскоре предстояла встреча Кавказского Форума, которая могла бы обсудить идею Рабочей группы. Поэтому выделили деньги под три встречи: в Центральной Азии и в Западном СНГ, плюс встреча всех трёх субсетей в конце проекта. До встречи в Центральной Азии необходимо было провести исследование по обнаружению организаций гражданского общества.

План казался убедительным и верным теоретически. Однако я не учёл ряд факторов из-за неопытности, а меня об этом не поставили в известность. Беженцы, которых было много среди участников Конференции СНГ, возражали против включения «другой стороны» в Рабочую группу, так как «другая сторона» в их эмоциональном восприятии – это причина того, что они стали беженцами. Более того, ряд организаций, которые были у истоков создания Рабочей группы до моего прихода в неё, оказались выпавшими из неё, так как не вместились в рамки Кавказского Форума, хоть и были с Кавказа. Оказалось также, что люди и организации, включившиеся в этот широкий проект, по-разному видят смысл существования Рабочей группы. На следующей встрече в Женеве я и Елена Садовская были «атакованы» критиками. В критике были правомочные пункты и несправедливые. Правомочно было спросить с нас за то, что мы заранее не обсудили проект со всеми заинтересованными сторонами. Причина заключалась в том, что тогда многим на территории СНГ интернет был недоступен, а обсудить по-иному не представлялось возможным, ведь почта тоже не работала. Это был 1999 год. Нас начали критиковать как раз тогда, когда мы, наконец, собрались вместе, чтобы всё обсудить. Критики объединились с теми, кто не имел причин критиковать, но был недоволен по другим поводам – к примеру, критиков поддержали азербайджанские организации беженцев просто потому, что я был армянин. Один известный россиянин поддержал, наверно, потому, что искренне считал, что Форум – антироссийское явление. Некоторые армяне поддержали в связи с тем, что к тому моменту считали себя оказавшимися за пределами Форума. Как бы то ни было, конфликт в Женеве не был разрешён и повлиял на следующие этапы.

То, что армяне поддержали критику, можно было бы использовать как положительный ход в дипломатии – получалось, что я нейтрален, не армянскую сторону поддерживаю. Но так не получалось – хоть армяне и критиковали меня, но это не означало, что азербайджанцы поддерживали.

Всё же ударение было на национальности, на якобы совпадении моих национальных интересов и работы, т.е. моих действий (по включению-исключению определённых игроков из Рабочей группы) и интересов моей «стороны» (армянской в карабахском конфликте и, шире, в геополитическом раскладе сил в постсоветском пространстве). Здесь я впервые почувствовал дискриминацию, выделение на основании моего этноса. Они как бы утверждали: «Он – армянин, следовательно, он не может иначе. Всё, что он делает, объясняется тем, какой он национальности».

Я не часто испытывал дискриминацию: живя в США не испытывал, а то, что мне рассказывал мой чернокожий друг-профессор (единственный чернокожий профессор в моём университете), умом понимал, но изнутри ощутить не мог, так как внешне дискриминации не было. В России я часто встречал случаи дискриминации по отношению к «людям кавказской национальности», но не ко мне лично и, как правило, не к армянам, так как армяне стали «ценными евреями» в современной России. Постепенно этот элемент нажима усиливался, и я ушёл из миротворческой работы также и потому, что перестал «не бывать армянином». Как у Маугли, у меня случилось самоопределение: «Вы столько раз говорили, что я – человек, что я, наконец, и сам поверил в это!». И первый признак того, что отношение ко мне может пойти по этому руслу, я почувствовал в проекте УВКБ.

В Кодексе поведения Алерт⁹, послужившим основой также и для форумовского кодекса, говорилось, что мы создаём свои стратегии «снизу-вверх», с того, как видят собственные миротворческие процессы наши партнёры-стороны конфликтов. В Кодексе Алерт также говорилось о непредвзятости. Но я не мог быть непредвзятым в чистом виде. Есть один идеальный тип интервенции в конфликт: две стороны и нейтрал-медиатор. Если этот нейтрал-медиатор «чужд», иностранец, то предполагается, что он в большей степени нейтрален. Чтобы компенсировать свою «чуждость», он должен становиться экспертом в конфликте, полюбить конфликт глубоко, узнать о нём всё, что возможно, полюбить место, где он работает, но оставаться нейтралом. Но всё равно он остаётся «чужаком», да и не надо, чтобы он переставал им быть. Я не мог предложить этот вариант медиации, да и не считал, что он приносит пользу. Пусть его выполняют другие, но, боюсь, он бесполезен по большей части. Я предложил другую модель миротворческой работы: предвзятую, заинтересованную работу во имя мира. Миротворческое движение по всему Кавказу. Солидарность тех, кто хочет работать на такое сложное дело, как миротворчество. Моей моделью были классовая солидарность или солидарность правозащитников, как в идеале и должно быть в мире. Только этим способом, считал я, можно что-то сдвинуть на Кавказе. Если в первые годы моей работы этот подход был понятен и приветствовался, то постепенно идеальный подход, описанный мною выше, две (или более) стороны плюс медиатор с Запада, возобладал по всему фронту работы над конфликтами на Кавказе. Итог: углублялся разрыв между теми повестками, которыми жили международные организации, и теми, которыми жили стороны конфликтов в своей локальности. Этот идеальный

9 Доступно по адресу <http://www.international-alert.org/sites/default/files/library/Code%20of%20Conduct.pdf>.

подход – упрощённый вариант идеологии либерализма в разрешении конфликтов, он предполагает, что если два представителя сторон конфликта могут договориться при посредничестве третьего, то и два социума смогут сделать то же самое. В этом подходе нет достоверной теории перехода от индивидуума к социуму, он рассматривает социум некритически, как простую арифметическую совокупность индивидуумов.

Постепенно мне становилось всё труднее заполнять собой этот разрыв, быть медиатором между этими двумя дискурсами: либеральным и коалиционно-миротворческим. Если я и был успешным медиатором, то именно в этом: не между сторонами кавказских конфликтов, а между западными дискурсами и постсоветскими и кавказскими дискурсами. Моя способность перевести постсоветские и кавказские проблемы на язык «западных» понятий, и наоборот – перевести «западные» повестки на язык понятий, важных для постсоветского кавказского мира, лежала, как я полагаю, в основе моих успехов в фандрейзинге.

С тех пор я продолжаю этим заниматься на любой работе – перевожу «западные» понятия на «местный» язык, и наоборот. Объясняю, что ни те, ни те – не дикари. Создаю понятийные мостики между двумя дискурсами, двумя контекстами. Перевожу. **В чистом виде медиатор – это переводчик? Я – двусторонний просветитель: просвещаю Запад про Кавказ, и наоборот.** Как преподаватель, который рассказывает студентам о физике, а физикам – о студенчестве.

В проекте УВКБ я впервые почувствовал, что меня силком хотят превратить в армянина-националиста.. Социальное давление: «Войди в свою клеточку! Стань частью социального механизма, понятной и беспроблемной! Смирись, прими, что все вместе будем жить бесперспективно!» со временем увеличивалось. Армянин без националистических взглядов, постсоветский менеджер-конфликтолог да ещё, по видимости, бессребреник – это вызывало всё усиливающийся нажим.

Есть ещё один тонкий вопрос. А может ли менеджер проекта быть медиатором? Ведь менеджер проекта отвечает за администрирование и финансы, он имеет существенно больше власти, чем любые участники. Мы поэтому часто приглашали фасилитаторами людей со стороны, не связанных напрямую с менеджментом. Однако конкретный фасилитатор – это ладно, а организация-медиатор в целом, приходящая с Запада, имеет больше власти, чтобы навязывать свои повестки, чем «фасилитируемые». Чтобы это компенсировать, необходимо увеличивать власть (to empower) «фасилитируемых», предоставлять им возможность формирования повестки проекта, иначе крен в сторону интересов «медиатора» становится непоправимым. Я пытался позиционировать Алерт в качестве катализатора миротворческих повесток партнёров, гражданского общества на местах, не идущего «на поводу», но и не навязывающего свои повестки. Это не всегда удавалось.

С некоторым конфликтом прошла встреча в Центральной Азии, хотя в целом она была успешной. Успешной была также встреча «Западного СНГ», во время которой я

впервые познакомился с приднестровцами. Организация из Киева, помогающая нам, была великолепной и профессионально, и по человеческим качествам. Прошло заседание Кавказского Форума. Подошло время совместной встречи трёх субсетей в Голицыно. Тут-то конфликт и проявился во всей красе, начиная с вопроса о том, кого мы можем финансировать для приезда на встречу и кого не можем, до вопроса – можно ли считать миротворцами людей, произносящих радикальные и экстремистские тексты, напрямую риторически «уничтожающие» противоположную сторону. Справиться с такой ситуацией мне, Мартину Хонивеллу и другим фасилитаторам было трудно. Надо было искать выход.

Вычленим уроки, почерпнутые мною из этого проекта: урок о том, что правозащитники-беженцы часто не являются миротворцами. Что те, кто не испытал насильственного масштабного конфликта со многими жертвами, как правило не понимают тех, кто его испытал. Что в проекты ООН и других международных организаций, в ожидании ли грантов, или ради того, чтобы ездить в разные прекрасные зарубежные страны, или же с провокационными целями, проникает разношерстный народ, зачастую не имеющий отношения к этике и принципиальности. Подтвердилось моё ожидание, что по отношению к конфликтам невозможно быть «высокоلوبым» экспертом, смотреть на конфликты «свысока» и при этом обсуждать их хоть с какой-либо пользой, что единственная возможность реально способствовать миротворчеству – пытаться работать здесь и сейчас с теми, кто реально находится в конфликте. Тренинги по общему разрешению конфликтов не помогают напрямую в деле обучения разрешению собственных конфликтов: только тренинг для сторон с участием самих сторон, т.е. моделирование процесса разрешения реального конфликта, является эффективным.

И пришлось нам с Мартином разбираться: чтобы успокоить пятьдесят или семьдесят человек, собравшихся в Голицыно и разрешить ситуацию, мы предложили создать некий «ареопаг», группу посредников, которым доверяют и решениям которых подчинятся. Кто эти люди было более или менее ясно из состава участников. Мы предложили включить в эту группу Паату Закареишвили из Тбилиси, Батала Кобахия из Сухума, Наталью Аблову из Бишкека и Эльдара Зейналова из Баку. Каждый из них пользовался безусловным авторитетом среди гражданского общества СНГ. Батал был тем, включение которого в Рабочую группу я и Алерт «лоббировали» как человека из «непризнанного образования». Паата и Наталья, старые участники Конференции СНГ, были согласны, что Алерт и Центр по урегулированию конфликтов поступили, мягко говоря, недальновидно, даже если они «исключили» или пытались «исключить» ряд старых участников Рабочей группы из проекта не по злому умыслу, а по недосмотру. Эльдар тоже так считал. Он был, как и Батал, одним из подписантов Эльбрусской декларации, т.е. основоположником Форума, одновременно Эльдар был одним из ключевых членов Рабочей группы. Трое были с Кавказа, одна – из Центральной Азии. Трое из «признанных» образований, один – из «непризнанного». Трое мужчин, одна женщина. «Ареопаг», с каждым членом которого мы поговорили в отдельности и попросили помочь, согласился, тут же взялся за дело, устроил заседания, вызывал «свидетелей» на собеседование, просил рассказать свои версии, и в итоге вынес ряд решений, которые

успокоили общественность и умилили пыл самых ретивых. Так Рабочая группа не распалась. Через полгода в Женеве, на очередном съезде Конференции СНГ, полномочно участвовали и Батал Кобахия, и Алан Парастаев из Южной Осетии. Никто не жаловался на их участие. Были также ребята с Северного Кавказа, из Чечни.

Через несколько месяцев в Баку (это был мой последний приезд в Баку, но надеюсь, что не самый последний), на конференции Датского совета по беженцам, я встретился с Андреем Каменщиковым, главой московской группы «Международное ненасилие» и активным членом Рабочей группы. Мы договорились, что Алерт передаёт управление Рабочей группой организации Каменщикова, как он этого и хотел. Это был слишком сложный проект, Алерт не в состоянии был уделять ему достаточно внимания, мне надо было укреплять Кавказский Форум. Теперь, когда организации были выявлены и находились в контакте между собой, ничего не стоило делать с ними проекты – будь то Алерт, Форум или сами эти организации друг с другом. Связи, возникшие тогда, породили ряд проектов в дальнейшем. Кирсти согласилась с тем, что управление Рабочей группой переходит к Андрею, и что стало с Рабочей группой после этого мне неизвестно. Помню, были ещё 1-2 встречи, о которых я узнавал от Батала или кого-то ещё из Форума, но больше ничего не знаю.

Значит, можно среди разношёрстой и малоуправляемой группы, называющей себя гражданским обществом, выделить авторитетных людей, воззвать к их совести, попросить их помочь, и они помогут – обратятся к совести людской, и люди их послушаются. «Коллегиальное посредничество» (peer mediation) есть реальная сила и влиятельный способ в СНГ, дали бы развернуться.

В наших сообществах плохо работают официальные системы альтернативного разрешения споров, потому что мало людей, чей авторитет признан безоговорочно, и особенно мало таких среди юристов и бывших судей, которые могли бы вне государственной судебной системы реально помочь, посредничать и разрешать конфликты. Мало тех, чей авторитет достаточен, чтоб к их решению прислушались и его бы исполнили. Наш опыт показал, что такие люди есть, и хотя они нечасто попадают, я уверен, что этой четвёркой СНГ не исчерпывается. Просто надо брать не бывших судей, не тех, кто считает, что у них есть авторитет, а тех, у кого реально такой авторитет есть. Именно так и происходит в «блатном» мире, а почему-то в «не блатном» это, якобы, не работает. Но тут есть тонкий момент: если бы Алерт не подкинула идею того, что можно передать решение проблемы в руки этой четвёрки, то сами участники конференции к такому решению не пришли бы. Как мы ни пытались дать им понять, что решение в их власти, что предложи они справедливый процесс принятия решения, и мы, Алерт, пойдём за ними, они не решались на это. Empowerment не работало. Люди отвыкли всерьёз брать инициативу в свои руки не для эскалации, а для нахождения креативных и справедливых выходов из конфликтов.

Мы дали толчок, показав, что этим четверым доверяем безоговорочно и согласны с любым их решением. И так, чтобы авторитет был признан сторонами, необходимо, чтобы

кто-то дал толчок, указал, что они вправду считают данных людей авторитетными, иначе сами граждане не догадаются или, из-за кавказской или постсоветской привычки не выдвигать никого, кроме себя, просто не выдвинут авторитетных. И этот кто-то, дающий толчок, должен быть сам частично авторитетным – может недостаточно, чтобы самому быть арбитром, но достаточно, чтобы к его заявлению об авторитете конкретного лица прислушались.

Встреча экс-комбатантов

Одним из наиболее значимых мероприятий в первый период существования Форума стала встреча экс-комбатантов. Она до сих пор вспоминается, притом, странным образом, даже теми, кто по той или иной причине в ней не участвовал. После начала грузино-абхазского проекта стало ясно, что двусторонняя встреча воjak невозможна: люди, воевавшие друг против друга, могли встретиться случайно, по двое, на том или ином миротворческом мероприятии, но организовать встречу существенного числа людей, воюющих друг с другом с разных сторон, представлялось невозможным и нецелесообразным. Поэтому на встрече Координаторов Кавказского Форума было решено устроить общекавказскую встречу экс-комбатантов, причём методика такой встречи была досконально обсуждена и грамотно реализована в последующие два месяца: каждому Координатору Форума предлагалось выделить двух экс-комбатантов, желающих встретиться с другими экс-комбатантами. Те из Координаторов, кто не обладал необходимым тренингом или навыком психологического ассистирования, должны были найти профессиональных и опытных психологов, которые будут сопровождать делегацию. Как люди воевавшие, экс-комбатанты являлись естественным миротворческим ресурсом в том смысле, что они меньше любых менее опытных людей хотели бы возобновления войны. Но если бы война возобновилась, они бы пошли воевать, и на этот крайний случай они хотели обсудить со своими коллегами или бывшими или будущими «противниками» каноны ведения боевых действий, которые, к сожалению, не раз нарушались в кавказских войнах. Они также хотели обсудить вопросы психологической и социальной реабилитации, помощи тем, у кого ограничены физические возможности после ранения на войне, а также семьям погибших, и, по возможности, выработать совместную платформу.

Это не были кадровые военные мирного времени, а лишь комбатанты, те, кто пошёл на войну добровольцем. Только от русских приехали мальчики, которые были призваны в армию и воевали в Чечне, их привезла из Новочеркасска Люся Павличенко, которая тогда работала с «Женщинами Дона». Приехали ребята из Чечни, комбатанты из Абхазии, комбатанты и беженцы из Грузии, комбатанты из Армении, Карабаха, из других регионов Северного Кавказа, Южной Осетии. Только азербайджанцы не приехали. Несмотря на эту неудачу, достойную сожаления, встреча прошла успешно. Эмоциональный накал был высок, однако согласование ряда принципов и документов на этой встрече прошло на удивление организованно и эффективно. В который раз подтвердилось, что люди военной школы, с военным прошлым достойны, принципиальны, не любят заниматься

чепухой, ответственны и придерживаются высоких моральных принципов. Комбатанты имели различные воинские звания, и иногда это мешало равноправному обсуждению.

На встречу сознательно не были приглашены иностранцы, ни как фасилитаторы, ни как наблюдатели – только свои, только кавказцы. Фасилитировали координаторы Форума, каждый, кто привёз с собой делегацию из той или иной страны, того или иного региона. Фасилитаторов было человек восемь, группа фасилитаторов работала допоздна вечерами, согласовывая динамику следующего дня. Видимо, ответ деловитости комбатантов падал и на фасилитаторов, так как, несмотря на размер группы, она работала слаженно и эффективно. Напряжение этой встречи способствовало возникновению спайки между Координаторами Форума, которая сохраняется по сей день, когда Форум, как говорят про некоторые конфликты, является «замороженным» или «спящим».

Уроки медиации из этой встречи:

1. Собери вместе профессионалов гражданского миротворчества сторон Кавказа, и они, если захотят, смогут организовать встречу между самыми нестыкуемыми группами или типами людей.
2. Хорошая предварительная командная работа медиаторов, их преданность идее, вера в неё, позволяют совершать чудеса.
3. Хорошо подготовленная встреча, учитывающая множество факторов и деталей, от политических до психологических, будет удачной.
4. Несмотря на кажущуюся трудность, именно те проекты удаются, которые соответствуют желаниям и видению «низов», т.е. тех групп, для кого мы и работаем, тех, кого по-английски называют «grassroots». Эту последнюю истину часто теоретически поддерживают, но на практике отрицают как те международники, которые пытаются что-то сделать, так и те местные, которые некритично соглашаются войти партнёрами в их «сверху» спущенные проекты.

Встреча... Большие дела. Разве встреча—это результат? Разве стоит такие существенные деньги тратить просто на встречи?

Стратегия последних лет Европейского Союза по сближению с соседями включает такое важное официальное направление, как «контакты между людьми». Т.е. Европа заботится о личных встречах людей между собой, европейцев и неевропейцев, притом, что туда ездят много, и оттуда приезжают много – европеец, эка невидаль, особенно в наши дни, а между тем данное направление – одно из важнейших в Политике соседства.

Мы же устроили встречу между людьми, которые иначе никогда и ни при каких обстоятельствах, вероятно, не встретились бы. Часть продолжения войны на Кавказе, даже когда пулями не стреляют, заключается в изоляционизме, в изоляции людей друг от друга – местных от иностранцев, но также и соседей друг от друга, а уж тем более представителей ранее воюющих сторон. Отрицается само существование воюющих сторон, как это происходит с «непризнанными образованиями», по многим причинам – конфликты превратились в рычаг управления обществами для сохранения и укрепления политической власти верхушек, а это, в свою очередь, им необходимо, зачастую, для личного обогащения и/или для недопущения развития демократических процессов, т.е. участия людей в решении собственных судеб, путём ограничения их права выбора различных вариантов жизни, политики, деятельности, путём изощённого ограничения их свободы. Для этого нет ничего удобнее, чем разделять и властвовать, сеять недоверие, создавать образ врага, и даже если два соседа не воюют друг с другом, то на всякий случай не давать им возможностей для встреч, общения, а то вдруг объединятся и на «верхи» начнут совместно нападать?

Устраивать встречи между теми людьми, которые иначе бы не встретились – эта максима стала ключевой, ею я пользовался, объясняя философию необходимости финансировать проекты по трансформации конфликта, притом, что ни один из них не обещает чудесного разрешения конфликта на системном уровне.

В таком случае, спросите вы, почему же эта встреча не имела продолжения? Во-первых, она имела не прямые продолжения. Именно её продолжением явилась другая масштабная встреча – встреча людей с ограниченными возможностями со всего Кавказа в Москве, породившая ряд совместных проектов, в частности между абхазской организацией Алхаса Цхагушева и карабахской организацией Вардана, между армянскими, грузинскими, осетинскими и другими экс-комбатантами с ограниченными возможностями в рамках подхода «Философия независимой жизни». Продолжением экс-комбатантовского проекта явилась также цахкадзорская конференция о кавказских традициях миротворчества и возможности их использования сегодня, на которую приезжал сам Сергей Арутюнов. Ведь идея о том, что в этических кодексах кавказских народов есть то, что может быть использовано сегодня для разрешения конфликтов, была преподнесена именно на встрече экс-комбатантов. Кроме того, грузинские и южноосетинские группы экс-комбатантов продолжили встречаться и общаться. Но разобщающая политика со времён прихода к власти Саакашвили не позволила этому довольно частому общению всерьёз повлиять на дальнейшие события. К сожалению, мало кто желал дальнейших встреч подобного рода. Вскоре началась вторая чеченская война. Затем события в Грузии после «революции роз». Официально признанные правительства не хотели реальных успехов гражданского миротворчества, а всё более прислушивающееся к ним международное сообщество решило в этом, также как и в ряде других вопросов, плясать под их дудку и не доверять голосу гражданского общества. В этом активно «помогало» само гражданское общество, та его часть, которая считала своим долгом быть больше «католиком», чем сами их

правительства, а тем более та часть, которая без стеснения пыталась использовать свой неправительственный статус для продвижения повестки дня своей стороны в конфликте или же для какой-либо меркантильной цели, и хорошо знакомым на Кавказе способом, сплетнями и другими средствами подрывала авторитет своих коллег – инициаторов реальных общегражданских процессов.

После этой встречи я лично продолжил общаться с экс-комбатантами (они отказывались от приставки «экс», говоря, что войны не завершены, и, к сожалению, минимум в двух случаях, чеченском и южноосетинском, оказались неопровержимо правы). Та прививка чувства собственного достоинства, которую я получил от общения с ними – абхазами, грузинами, северокавказцами, армянскими и карабахскими комбатантами, помогла мне в жизни. Это люди, живущие с высоко поднятыми головами, в какие бы социальные проблемы их не окунула мирная жизнь. Люди, стоящие на страже безопасности своих этносов в самом прямом и уважаемом смысле. Выковавшиеся в горниле войн Послы Доброй Воли выступили с самым сильным сообщением в пользу мира, которое я когда-либо слышал: **мы воевали, знаем, что такое война, поэтому хотим совместно предотвратить любые новые войны. Но если не получится – мы хотим, чтобы наши дети воевали, соблюдая правила человечности даже на войне.**

Что отличало настоящего комбатанта? Это были люди кристальной честности – они никогда в жизни не брали взятки и не лгали по пустякам. Жили не по лжи.

Миссия в республике Карачаево-Черкесии

В Карачаево-Черкесии начались волнения в связи с тем, что кандидат в президенты Дерев не получил кресло президента. Говорили, что итоги выборов подтасованы. Вы знаете Карачаево-Черкесию – время от времени там напрягалась ситуация. Это та самая республика, где много лет спустя после нашего визита обиженные женщины заняли дворец президента, и представитель президента Козак стал перед ними на колени, обещая уважить их жалобу и разобраться. Это был смелый поступок, красивый, кавказский – Козака зауважали на Кавказе. Такова ситуация на Кавказе: не совершай геройств, так как не позволяют. Лишь подлости не соверши, веди себя достойно, стань на сторону человеческих, человечных ценностей – и тебя зауважают. Простят, что пассивен в борьбе, в противостоянии произволу и несправедливости, что избирателен, что не смеешь сразу за всю правду встать грудью вперёд. Такое уж место Кавказ – сразу за всю правду грудью встать самоубийственно. Если хочешь пользу приносить, то необходимо быть хитрым и избирательным.

Во времена конфликта вокруг выборов Деревы форумовцы из Карачаево-Черкесии попросили Кавказский Форум прислать туда делегацию, которая написала бы непредвзято о том, что там происходит. Тогда было меньше информации, чем теперь, и уж точно меньше манипулируемой информации, поэтому наша миссия имела также информирующее значение.

Мы подошли к планированию миссии со всей ответственностью. Встретились за несколько дней до поездки, обговорили детали до мелочей, составили план действий и список встреч, предварительно согласованных. Делегацию мы тоже отбирали долго и тщательно. К сожалению, в последний момент делегат из Абхазии, Тамаз Кецба, не смог приехать. Поехали без него.

Ситуация в Карачаево-Черкесии была действительно напряжённая. Нас принимали не первые лица, но вторые или третьи. Вначале не хотели принимать, но затем, убедившись в представительности нашей делегации из пяти человек, соглашались.

Черкесы и карачаевцы почти не общались, избегали заходить в кафе и магазины друг друга. Нам приходилось много говорить с людьми на улицах, в гостинице, в общественных зданиях, с официальными лицами и с простым народом, урезонивать их, указывать, что политические распри не должны отражаться на отношениях этносов друг с другом... Было очень трудно и почти безнадежно. К нам прислушивались, изучали нас, глядели на нас удивлённо: как же, пять кавказцев из разных мест, да ещё армянин с азербайджанцем среди них, «Кавказский Форум»... Это серьёзно? Неужели такое возможно?

Дерев был черкес, черкесы были «обиженной» стороной, и было проще найти черкесов, согласных с нами говорить, чем карачаевцев, которые посмели бы сказать что-либо кроме дежурных фраз, тем более, если это были должностные лица. Черкесы говорили о своём желании отделиться, расколоть республику. Уже были начерчены карты, проведены теоретические границы, взятые из непростого прошлого этой многострадальной республики. Для меня перелом в оценке ситуации произошёл в тот момент, когда из Москвы вернулся Министр по делам национальностей республики и встретился с нами. Это был молодой карачаевец, грамотный и интеллигентный, кандидат наук, этнолог, кавказовед, знаток ситуации. Послушав его, я не только понял суть ситуации, но и понял, что она разрешима: если среди карачаевцев есть такие вменяемые личности, значит, есть серьёзный шанс. Через несколько месяцев я узнал, что его «ушли» в отставку, и он уехал преподавать.

Мы честно и подробно отобрали услышанное и понятое на бумаге. Наш доклад, доклад Кавказского Форума, не был опубликован, но был широко распространён, и затем мне говорили о том, что его читали в обоих «Белых домах». Его суть была не фактографической, а собранием рекомендаций по необходимым действиям. Он не был чем-то выдающимся, но это был текст, согласованный пятью участниками миссии, а затем пятнадцатью Координаторами Форума, от имени которых он вышел в свет. Доклад понравился в самой Карачаево-Черкесии, причём, как нам сообщали, и карачаевцам, и черкесам. Это был добрый и уважительный доклад, в этом, быть может, было его главное достоинство. В нём не было того отношения «свысока», которое наблюдается в докладах международных, даже неправительственных организаций, тон его был скорее увещевающим, нежели нейтральным, он избегал невыверенных оценок, присущих столь многим «жареным» журналистским произведениям.

Так народная дипломатия набирала обороты. Тогда ещё можно было более или менее передвигаться по Кавказу. Это были времена (странно вспомнить сейчас!), когда Россия блокировала Абхазию, а грузины без виз ездили в Россию. Можно было назначить встречу с высоким должностным лицом, не будучи зарегистрированной организацией, просто от имени сети, «Кавказского Форума». Свобода ароматизировала воздух, как весна, от людей самих зависело, на что её использовать: на войну или на мир, на распад или на созидание. К сожалению, большинство выбрало войну и распад. И получили отсутствие аромата свободы, весны в воздухе. И поделом, так как выбирали сознательно, похищая людей, обманывая, воруя, беря взятки, подвергая себе подобных пыткам.

Без всякой страховки, на свой страх и риск, полагаясь на своих друзей, собственные связи и на то, что мы хоть и гости, но также и местные, ибо кавказцы, мы ездили по сверхнапряжённой зоне, натянутой, как тетива. Проходя по улице Черкесска, я оглядывался и видел поспешно убегавшие вдаль взгляды прохожих, которые за мгновение до того задумчиво глядели нам вслед. В составе делегации были женщины, наши коллеги, но за них мы не беспокоились как-то по-особому, наоборот, их присутствие добавляло нам безопасности, «радирило» сообщение о том, что у нас мирные намерения. Если бы эта смелость, эта готовность, это умение принести пользу в напряжённой ситуации затем были взяты на вооружение, ретранслированы теми, кто поддерживал миротворческие инициативы, если бы на это умение больше полагались власть имущие, если бы оно размножилось и стало всеобщим достоянием, то эта миротворческая миссия стала бы эмбрионом будущего общекавказского миротворческого процесса.

Затем подобная миссия, без такого напряжения, но всё же не безоблачно прошедшая, была предпринята Гурамом и Баталом в писательском проекте.¹⁰ Кроме того, в рамках молодёжного журналистского проекта мы устроили поездки в ряд регионов. Армянин и азербайджанец ездили вместе в Джавахетию и Квемо-Картли и писали материал. Но журналисты не миротворцы, и стрингерством или участием журналиста в конфликтной ситуации никого не удивишь. А вот люди, несущие миротворческое сообщение (притом не легенду, как «женщины, бросающие свои платки оземь» – эти женщины существуют в мифологии каждой нации и не только Кавказа, но даже и Большого Ближнего Востока), реальными современными методами пытающиеся разобраться в ситуации и помочь – большой раритет. Если бы у меня было время и единомышленники, я бы создал курсы миротворца, где обязательно учились бы ребята с мест реальных конфликтов, и, в частности, они учились бы ездить вместе в трудные места, разбираться, не приносить вреда, а пытаться приносить пользу...

Затем были другие миссии. Но эта первая миротворческая миссия Кавказского Форума для меня незабываема. Один бы я не поехал, испугался бы. Не посмел бы взять ответственность на себя. Да и интереса было бы меньше, ибо мне казалось, что только в ситуации подотчётности перед моделью всего Кавказа стороны конфликта раскрываются

¹⁰ См. Главы 20 и 21

«правильно», т.е. и достойно, и честно, не по мелочам, и готовы прислушаться, подправить собственное мнение... С иностранцами я бы тоже не поехал. Чтобы эта миссия состоялась, надо было, чтобы нас пригласили, чтобы Форум согласился предпринять миссию, чтобы люди согласились приехать, съехались, объединились, стали командой... К сожалению, подобные поездки – раритет, и даже когда находятся люди, готовые их предпринять и всерьёз подготовленные к такому, то они не находят поддержки. Но эта школа, быть может, не пропала даром: в недавнем докладе по ситуации в Южной Осетии Ларисы Сотиевой (давнего преданного лидера Форума из Владикавказа и специалиста в деле миротворчества, которая в настоящее время работает в Алерте) я почувствовал ту же осторожность, ответственность и взвешенность, ту же честность, ту же интонацию, что и в том старом докладе. Притом, что Лариса подняла намного более глубокий слой информации, ибо она знает свою родину досконально, и притом, что свой текст она не согласовывала ни с кем, ибо проводила исследование и писала текст в одиночку, тогда как мы согласовывали многократно чуть ли не каждую буквуку.

Общекавказская молодёжная креативная игра

Общекавказская молодёжная креативная игра проходила в феврале 2003 года, в момент кратковременного расцвета Форума, в момент его зрелости, как одно из последних мероприятий в рамках его двухгодичного проекта по построению возможностей для гражданского общества Кавказа, поддержанного Фондом Большой лотереи Великобритании. Креативная игра – это метод групповой работы, который может применяться для развития умений и навыков мышления; для того чтобы принимать решения в ситуации экстраординарной неопределённости; для стратегического планирования с пересмотром и глубокой переоценкой обыденных установок.

По проекту планировалась работа с молодежью. Но как её организовать? В чём она должна состоять? Предположим, Форум объявит конкурс и профинансирует 10 малобюджетных проектов в регионах Кавказа. Проекты будут, вероятно, традиционными: во время первой встречи по забытым регионам основной тип молодёжного проекта, который предлагался – это футбольное или какое-то другое спортивное состязание, или приобретение караоке для сельского клуба. Продвинут ли такие проекты развитие связей, знание молодёжи различных регионов друг о друге? Помогут ли они научить совместной «озабоченности», совместной постановке вопроса о собственном будущем? Мы пытались делать так, чтобы Форум занимался только теми проектами, которые напрямую исходят из его мандата общекавказскости, а не вообще проектами на Кавказе.

Креативная игра была организована уже в конце проекта Лотереи, когда многие негативные тенденции на Кавказе стали ускоряться, и хотелось найти способ работы с молодёжью такой, который бы оказал хоть какое-то стратегическое влияние. В различных регионах, если там работали международники, осуществлялось много различных проектов, хотя их тоже было недостаточно. В ряде регионов не было никаких проектов, поэтому и традиционные проекты

были важны. Но этими проблемами занялось направление Форума по «Забывтым регионам». Это был период, когда из-за политического ли кризиса или по иным причинам стало проявляться то, что называется «усталостью от...»: проектов, финансирования, донорства, отсутствия видимых или существенных результатов проектов гражданского общества и т.д. Старые методики, казалось, исчерпали себя, а новое не проявлялось. Просто организовать встречу тех, кто иначе никогда бы не встретился – это хорошо, но хотелось большего: сделать такую встречу, но и выжать из неё всё, что возможно! А что возможно? Тренинг по развитию навыков создания проектов гражданского общества? А затем они вернутся назад, и у них не будет каналов для поиска финансирования таких проектов?

В этих обстоятельствах у меня и Нунэ Диланян, которая работала заместителем Исполнительного секретаря Форума в Ереване, возникла идея проведения молодёжной встречи в форме креативной игры. Мы к этому готовились досконально. Во-первых, наша команда провела такую игру в Абхазии для старшеклассников по заказу ООН и сухумского Дома юношества. Понимая, что могут быть проблемы с восприятием идеи проведения общекавказской креативной игры под руководством команды, состоящей только из армян, мы провели также тренинговую игру в Армении, обучая игротехнике ряд наших коллег ускоренным способом. С помощью этого мероприятия удалось добиться того, что при небольшой поддержке отдельную группу в креативной игре могли вести представители других национальностей Кавказа: Заурбек Кожев из Нальчика, Валя Череватенко из Новочеркасска, Джана Джавахишвили из Тбилиси, Влад Джения из Абхазии.

Зачем нужна общекавказская молодёжная креативная игра? Чтобы помочь молодым людям встретиться и пообщаться, познакомиться, но и работать с ними, сделать так, чтобы они работали друг с другом, притом так напряжённо, чтобы эти шесть дней работы были равны полугоду, проведённому в университете. Такова уж эта методика, системомыследеятельностная методология, применённая в виде креативной игры. Импульс, полученный в течение 5-6 дней такой игры, равен импульсу, получаемому от полугода образования в любом постсоветском университете с типично устаревшей системой преподавания, основанной на скучных лекциях. Я не буду рассказывать о методологии – это долгая история, неоднократно описанная. Мы хотели помочь ребятам усилить свои возможности и навыки мышления, а также коллективного, совместного мышления, радикальным способом креативной игры, через «мозговую встряску», brain shock.

Пришлось преодолевать ряд трудностей, политических и концептуальных. Так как это была не западная тренинговая метода, а местная¹¹, то к ней с подозрением относились самые различные мечтные группы. Люди как будто бы говорили: с западными-то всё в порядке, это мы понимаем, раз деньги дают, то и требуют усвоения западных технологий тренинга, скажем, «участнического» тренинга (participatory), фасилитационного и т.д. А

11 В 1953 г. был организован Московский логический кружок, позднее преобразованный Г.П. Щедровицким в Московский методологический кружок. Именно там был рожден метод «активного мышления». В начале 1970-х годов Щедровицкий начал организацию первых крупномасштабных Организационно-деятельностных игр (ОАГ).

вы, местные, что же вы такого можете придумать? Не вы ли недавно жили в советской системе, затем она разбилась, и вы были выкинуты в эту анархию, и как жили, так и живёте в войне, беззаконии и неумении обустроить свои общества? Если же вы такие, как и мы, то какие такие методики вы можете нам предложить?

Нет, «говорили» нам без слов наши оппоненты, не может этого быть. Не верим мы вам. Вероятнее, тут какой-то подвох: или вы секта какая-то, или вы просто армяне, которые хотят своё влияние каким-то странным, неподвластным нам, «кучерявым» способом на нас распространить, вот и вся подоплёка ваших креативных игр. В чём результат вашей игры? Ну, в чём?

И это говорили те, кто почти и не спрашивал, в чём результат любого проекта гражданского общества. Кто некритично адаптировался к безалаберному транжирству денег международных проектов по якобы развитию гражданского общества. Но также и те, кто отличал проекты результативные от фиктивных. Даже они были настроены критично, к примеру, некоторые лидеры гражданского общества Абхазии. Думаю, люди не верили, перестали верить или никогда не начинали верить, что можно собраться и всерьёз повлиять не на политику, не на социальные проблемы, а на нечто большее – на будущее, на принципы дизайна институций, в которых мы живем, таких, скажем, как семья, война, государство, или, тем более, на ценности, которыми мы оперируем и которые определяют наше поведение, притом, что никто и не понимает, что это такое – ценности. В войне повлияли, массы мобилизовались, но то война, вынужденная посадка. Когда физическая безопасность не под угрозой, легко потерять связь с управлением обществом, легко впасть в реактивизм и только реагировать на проблемы, не пытаться всерьёз строить стратегию...

Игра строится на иных принципах, чем традиционная фасилитационная методика, применяемая в кавказских тусовках. Здесь, к примеру, политическая корректность не в ходу. Хорошо это или плохо? Как посмотреть. Входя в мир креативной игры, с первого же шага надо начать думать и действовать не в рамках стереотипов, а вне них. Но стереотипы играют важную роль – они регулируют человеческое общение. Ведь это стереотип – подать женщине пальто. В США от него избавились и придумали новый: подавать женщине пальто – это подчёркивать её слабости и, следовательно, унижительно для неё.

В игре гендерный баланс неважен. В игре неважен никакой баланс. Здесь говорят не по очереди, а по невидимой табели о рангах: игротехник предоставляет слово тем, кто, по его мнению, имеет, что сказать в контексте процесса игры. Резко прерывает тех, кто, по его мнению, отклоняется. Здесь настырные и многоговорящие будут прерваны, а креативные и активные возьмут верх над креативными и пассивными, хотя хороший игротехник постарается включить и пассивных тоже, проявить их, если они креативны. Здесь кое-кто переживёт озарение, а кое-кто надолго «выпадет в осадок» и решит, что, скажем, «интеллектуализм» – это не для него. Представьте себе, что вы игротехник-кавказец, и в

игре представитель кавказской нации А несёт чушь, а представитель кавказской нации Б, находящейся в состоянии войны с нацией А, говорит очень даже значительные мысли по теме игры. Как вы поступите? Если вы позволите представителю А дальше нести чушь, то игра застопорится и развалится. Если вы решите сбалансировать и предоставить им одинаковое время искусственным способом ведения заседания, то игра опять же развалится. Единственное, что вы можете сделать – «заткнуть» А рот. Это означает, что вы предпочли Б, и из этого можно сделать скороспелый вывод, что вы предпочли не мысли Б, а «сторону» Б в их конфликте со «стороной» А! Более того, вы же представитель своей нации? Так вот, вся ваша «нация» нарушила баланс и предпочла «сторону» Б «стороне» А! Вот какой вывод может сделать зашоренный сторонний наблюдатель, глядя на креативную игру. А почему? Потому что игра предлагает вызов Кавказу, да и всему постсоветскому пространству, да и всему миру, в общем-то: а слабо разделяться не по нациям, не по религиям, а по смеси креативно-интеллектуальных качеств? А слабо принять, что хотя нация А, по твоему мнению – твой «противник», но у неё есть представитель А1, который мыслит невообразимо умно и ярко? Как только человек это понимает и принимает, умнее его уже никого не может быть, ибо он становится игроком в креативной игре, а умы не по ранжиру располагаются, их различия неизмеримы. Ситуация из плоскости «горизонтальной» – конфликт между «нациями» – переходит в плоскость «вертикальную»; а это порождает здоровую конкуренцию.

Мы не занимаемся тестами Ай Кью и в них не верим. К сожалению, есть люди, которые не в состоянии принять, понять, осознать предыдущий постулат и начать поступать в соответствии с ним: **цена свою и чужую креативность, смело двигать вперёд мысль, создавая совместную мыследеятельность, переоценивая всё и вся, стереотипы, унаследованные как с советских времён, так и за прошедший период, который, пытаюсь интенсивно создать новую систему ценностей взамен рухнувшей старой, был занят тем, что создавал твердокаменные стереотипы – религиозные, этнические, национальные, этические, политические, гендерные и т.д. и т.п. Переоценить всё, что произошло, создать новую программу, новое видение, новый вокабуляр** – вот о чём креативная игра! Вот насколько она амбициозна! Вот на что она замахивается!

И это мы планировали сделать с местной кавказской молодёжью, большинство которой не имело хорошего образования, а обычное постсоветское... На игре молодёжь трудилась днём, тусовалась, танцевала и спорила ночью, но дружила, как бы ни углублялась в противоречия любимых, родных конфликтов...

Мы собрали человек 70. Абхазские коллеги добились того, что нам позволили привезти на вертолёте ряд грузин на игру. Принципы отбора участников для креативной игры отличаются от принципов отбора на миротворческие мероприятия. Сколько, скажем, абхазов и сколько грузин должно быть на игре по сравнению с другими? Может ли быть больше армян, чем азербайджанцев? А почему игра происходит в Пипунде? Ведь это не нейтральное место?

По поводу нейтральности и не нейтральности места Форум объяснял, что проводит свои мероприятия в не нейтральных местах, ибо Форум – это кавказские миротворцы, которые хотят привести в порядок свой общий дом. По поводу же отбора участников возникла проблема: форумовцы хотели везти на игру своих детей и родственников. Принципы справедливого отбора, конфликта интересов отсутствовали, как институция, в сознании многих наших коллег. А это никак не укладывалось в идеологию западного донора. А имел ли место конфликт интересов?

Этот вопрос стоит обсудить подробнее как-нибудь в другой раз. Здесь же отметим, что с точки зрения системно-мыследеятельностной методологии проблема отбора участников лежит не в этой плоскости. Каждый человек – человек. Предполагается, что не предоставляется никаких явных преимуществ участнику по отношению к не участнику, это ещё большой вопрос – может, наоборот, не участнику повезло, ибо с участника спрос! Думать начать! Думать иначе! Научиться! Стать ответственным! Послушать критиков, получалось, что поездка в Пицунду – празднество, да и только. Да, в каком-то смысле это и было празднеством, но далеко не только!

Проблема участия-неучастия – это краеугольный камень проблемы миротворческих тусовок на Кавказе. На других тусовках это тоже проблема, но здесь она приобретает космическое значение. Вспомним, что и конфликт Рабочей группы был об участии-неучастии: кого-то хотели исключить, чтоб не участвовал («непризнанные» стороны, ибо это, видите ли, была Конференция под эгидой ООН, а раз ООН, то существование «непризнанных» должно отрицаться!); кого-то, наоборот, включить, и жаловались, что Алерт, якобы, исключила.

Я, человек, всю жизнь «проповедующий» участие, «участнический» (participatory) подход, столько раз обвинялся в том, что исключил чьё-либо участие, что уж потерял счёт.. В чём тут дело? Почему такие странные формы приобретает проблема участия? Ведь не развлекаться же едут, в конце концов, участники всяких конференций, и ведь их столько, этих конференций, что уж теперь-то любой, кому не лень, даже из «непризнанных», в конце концов хоть на какую-то да съездит, было бы желание... Ведь конференций больше, чем населения в некоторых местах Кавказа... Неужели всё же шопинг? Горько мне, человеки, яду мне, яду! Странный парадокс: гражданское общество Кавказа, в принципе согласившись с тем, что его исключили из участия в принятии решений на политическом уровне, борется за мелкие «места» под «солнцем» конференций... Я, конечно, понимаю, что парадокса-то и нет: борются там, где могут, и молча проглатывают своё унижение там, где их исключили... То, что борются – обнадёживающий знак...

Продолжение парадокса: добившись участия, часто через конфликт, представители гражданского общества возвращаются с конференций по разным курортам и первым делом пытаются исключить всех остальных, не поделиться тем, что они узнали, не сообщить, что они сказали... Но, опять же – парадокс ли? Ведь всё понятно, да?

Чтобы хоть как-то решить вопрос участия, а также избежать обвинений в «закрытости», реально сделать работу Форума и миротворческую проблематику доступной широкой публике и дать возможность массам влиять на Форум, мы создали систему обязанностей Координаторов, по которой им предписывалось (еще до отъезда на заседание Координационного совета) собирать Группу поддержки и обсуждать с ней, что именно она хочет поставить на повестку дня Форума. По возвращении Координаторы были обязаны собирать Группу поддержки и подробно рассказывать, что произошло... Также мы пытались добиться освещения деятельности Форума в местных СМИ (в газетах, на телевидении и т.д.). К сожалению, если в Грузии и Армении или даже в Абхазии это было несложно, то в Азербайджане это ставило под угрозу участников форумовских мероприятий – ведь там правительство запрещало контакты с армянами, а тем более с карабахскими армянами. Поэтому армянская сторона, из лояльности к азербайджанской, тоже отказывалась от масштабного освещения, ведь в Азербайджане армянские СМИ доступны, и если бы армяне широко освещали форумовские мероприятия, то в Азербайджане об этом узнали бы. Тогда азербайджанских коллег опять же обвинили бы в предательстве и измене, что неоднократно и происходило... Итог плачевен: из-за невозможности выйти на широкий простор телевидения армяно-азербайджанские проекты до сих пор не имеют того влияния на широкую публику, которое позволило бы поменять настроение в сообществах. Но всё же в форумовские времена деятельность тех из Координаторов, кто собирал Группу поддержки, в их сообществах воспринималась как более приемлемая, чем деятельность тех, кто этого не делал. Информированность – великая сила, и обладание информацией, коей не обладает ближний – великая власть. Делись информацией, которой обладаешь (при условии, что она нужна другим), и к тебе будут относиться положительно. И без того большинство миротворческих проектов обвиняют в секретности.

Почему-то предполагается, что встреча с «противником» двух людей, даже президентов, если их переговоры секретны – позволит о чём-то договориться, а если открыты, то нет. Я же пришёл к прямо противоположному выводу. Секретность – оружие слабых. Секретность – это боязнь, секретность – это когда тебе угрожают, и ты боишься раскрыться, когда не хочешь все карты на стол выложить, не доверяешь, хочешь козыри держать. Информация – это оружие. Я разоружаюсь постоянно, разоблачаюсь, раздеваюсь. Я – информационный эксгибиционист. Спрашивайте – отвечаем! Мое оружие транспарентность, а не секретность! Даже если транспарентность жестока к некоторым. По секрету доверия не построишь.

К счастью, по сравнению с другими проектами развития, спонсируемыми международными донорами, миротворческие проекты намного меньше обвиняют в коррумпированности. Но и это явление положительно только на поверхности. Ведь эти проекты менее масштабны и на них тратится несоизмеримо меньше денег, чем на другие, не миротворческие, или «миротворческо-нейтральные» проекты развития... Между тем ежу понятно, что пока конфликты не решишь, устойчивого развития на Кавказе не будет.

«Группа поддержки»... Название говорящее – это была группа, которая обеспечивала легитимность деятельности Координатора, снабжала его информацией, идеями, распространяла в обществе полученную от него информацию о Форуме ; это была также группа, которую Координатор сам отбирал, те лица из гражданского общества, на которых Координатор мог, в большей или меньшей степени, полагаться в своём сообществе. Ведь сообщества глубоко погружены в политические и другие дразги, многие представители гражданского общества не в состоянии сотрудничать между собой из-за прошлых конфликтов и стычек, из-за этического водораздела, когда один делает нечто, с чем другой не согласен по принципиальным соображениям, или из-за меркантильной конкуренции... И тут принципиальное требование «работы внутри сообществ», абстрактно означающее привлечение широких масс гражданского общества, независимо от того, уважает ли их Координатор, считается ли он с их авторитетом или они с его авторитетом, становилось невыполнимым. Поэтому было решено, что консультироваться нужно, информацию распространять нужно, но через кого – решает сам Координатор. В Группу поддержки, однако, должны были входить не только ближайшие соратники Координатора, но и так называемые «нейтралы» – те, с кем Координатор сам, у себя в сообществе, может, и не очень-то работает, но и в конфликте с ними не находится.

Эта сложная система была необходима, ибо простые азы работы гражданского общества – открытость, общительность, прозрачность – оказывались часто невыполнимыми в кавказских сообществах после распада Союза. Конфликт разобщил целые народы. Холод и голод сделали людей ещё более разобщёнными внутри своих сообществ. Спасались, кто может, взаимопомощь осталась, но приобрела черты клановости – она имела место внутри *гемайшафта*, а не в *гезайшафте*. Даже если взаимопомощь выходила за физические пределы клана, то те, кто её оказывал, как бы «входили» тем самым в «кланы» друг друга. Это могла быть и взаимопомощь на базе классово-сословного единства, скажем, интеллигенция помогала друг дружке, себе, как сословию (вымирающему), но... Сословия и классы поределели, распались, и настолько различные по происхождению группы населения были кооптированы во вновь слагающиеся сословия, что даже в рамках одного сословия взаимопомощь, опять-таки, приобретала черты клановости. Это как причина или как следствие отражалось на отношениях власти и народа, власти и гражданского общества – эти два явления оказались на прямо противоположных полюсах, реальный диалог между ними оказался практически исключённым. «Разделяй и властвуй» – вот принцип, который довели до совершенства властители всех мастей и видов почти на всём Кавказе. И сами оказались в ужасающем, головокружительном одиночестве, так что и власти-то у них как следует не осталось, разве что над своей семьёй... Остальным эта власть не помогает, лишь грабит их, или остальные апатично плюют на эту власть и выживают, как умеют.

Из-за проблемы с отбором участников на игру возникла творческая идея собрать «семейную конвенцию», и если бы Форум не впал в анабиоз, если бы у него были деньги, то это обязательно стоило бы сделать в ответ на сетования участников и лидеров Форума, что их дети остаются вне круга общения, так как всё меньше возможностей общаться на

общекавказском уровне, и что их детям тоже нужны все те тренинги, которые получают абстрактно отобранные дети... Что их детям, как воздух, необходимо понять, чем родители занимаются – отсюда возникла идея собрать лидеров Кавказского Форума семьями, в полном составе, с детьми. Это был творческий вызов проблеме конфликта интересов, который, к сожалению, так и остался в ранге идеи.

По методологии мыследеятельности предполагается, что люди встречаются как «космические тела» – встретились друг с другом целостные, интегральные (от английского слова «integrity») человечки, личности, и должны найти общий язык, но не просто между собой, а как бы «над» собой, «вне» себя, то, что больше, чем они сами, и изобразить то, что нашли, в схемах на ватманах.

Несмотря на противоречия, молодёжная игра прошла на ура. Это было одно из самых существенных мероприятий в жанре мыследеятельности, в которых я участвовал. Для многих участников она явилась системообразующим для их мировоззрения событием. Для меня тоже. Я, участвовавший в играх с 1989 года, притом как игротехник, вдруг в феврале 2003 года в Пицунде, во время игры, испытал ряд озарений, которые окончательно сформировали моё мировоззрение, до тех пор более изменчивое. Может, это и прозвучит эгоистично, но это так: я, наверное, больше пользы получил во время этой игры, чем принес. Большому научился, чем научил.

Так часто говорят фасилитаторы и западные консультанты, но я не хочу, чтобы это звучало, как политическая корректность: я не знаю, сколько пользы я принёс и чему научил, но что это мероприятие стало жизнеформирующим для меня – это мой личный внутренний факт.

Не буду вспоминать содержательные итоги игры: от новых понятий и слов, таких как *катахаграфия* (*катастрофа*, *хаос*, *игра* и *графия*), до понимания определённых тенденций (образ кавказца), до фиксации принципов постижения мира («калейдоскоп»), до стратегических наработок (критерии «хорошего проекта», «центровой проект», механизм с шестерёнками и т.д.), до политических понятий (скажем, роль Гальского района в грузино-абхазских отношениях). Итоги игры в плане построения отношений тоже были значительными. После неё в рамках других проектов мы организовали ещё несколько игр: одну в Абхазии, другую в Грузии, третью в Армении. И после долгого перерыва, совсем недавно, новую игру в Армении.¹² Игры не часто происходят. Они значительны по результатам. К сожалению, несмотря на их мощь и возможность применения их результатов для серьёзного, радикального решения проблем частичных и непоследовательных реформ, попыток построения цивилизованного цивилизационного пространства на Кавказе или вообще в постсоветском мире, а может, и в большом мире, они всё ещё не завоевали того центрального места в арсенале средств дизайна

¹² В течение года после написания первого варианта данной статьи мы провели четыре организационно-деятельностные игры и будем проводить их еще (примечание добавлено в августе 2009 г.)

программ общественного развития и средств самого общественного развития, которое они заслуживают. Нет пророка в своём отечестве, да также и в чужом. Я и Давид Оганесян, руководитель креативных игр, и наши соратники, команда игротехников, не отрицаем другие методы развития. Всё ещё впереди...

Конечно, для проведения игры в Абхазии были необходимы целые тонны медиаторских усилий. Однако суть не в этом. Игротехник – не медиатор в обычном смысле слова, и также не фасилитатор в традиционном смысле. Он не медиатор между людьми, а медиатор между идеями, и это лучшая, «высшая» медиация. Если бы мне предложили медиацию между мною и кем-то, с кем я в конфликте, или между моими и его идеями, то я бы предпочёл второе. Людям остаётся самим усвоить уроки такой «медиации» и затем сообразить, как их применять в жизни. А смогут или нет – зависит от них.

Не медиация была основой нашего маленького «переворота», приведшего к осуществлению креативных игр на Кавказе и к созданию Кавказского игротехнического комитета – его основой было лидерство. Это, пожалуй, единственная «не западная» технология организации деятельности, пришедшая на Кавказ со времён коллапса. Да и во всём бывшем СССР она единственная такая, кроме технологий отмывания денег, полагающихся на сугубо местные постсоветские реалии. А других и нет, поскольку сугубо кавказские технологии, которые Форум применял, исследовал и «модернизировал»¹³, остались недоделанными после упадка активности Форума.

Из медиаторов мы превратились в лидеров, но не тех, кто, желательно без личной повестки дня, пытается примирить стороны, а тех, кто всё больше понимает, ЧТО нужно делать, и начинает влиять этим своим пониманием, искать соратников, которые это понимание разделяют. Мы неизбежно превращались в лидеров гражданского общества, в тех, кто не стремится к политической власти в рамках существующих политических институтов, а стремится к влиянию на умы в широких масштабах, в рамках всего Кавказа, в тех, чьи амбиции направлены на системно-структурные, масштабные институциональные, конституциональные изменения.

Это происходило на фоне дальнейшего ухудшения политической ситуации на Кавказе. Вскоре последовали Норд Ост, Беслан, расформирование Северного Кавказа, 2004 год с аджарскими событиями и первой попыткой грузино-осетинской войны 2000-х, убийство Масхадова, бывшего президента Чечни, превратившегося в лидера повстанцев. Мы подозревали, что ситуация может повернуться таким образом и почувствовали эти изменения. По мере развития событий мы с рядом коллег из Кавказского Форума пытались найти альтернативные решения, радикальные, такие, как креативные игры. В ответ, однако, нам выражали недоверие, раздавались окрики негодования, так как люди –

¹³ Был, например, «Адыгейский консенсус» – впечатляющий комплексный и полностью функциональный метод достижения консенсуса путем комбинации голосования и координации, основанный на разделении электората на группы из трех человек.

существа консервативные, тем более кавказцы. Лениность мысли, однако, общечеловеческое качество. Пока гром не грянет, мало кто желает заранее перекреститься, тем более кавказец. Да и после. Уже грянул, чего уж там мычать-телиться. Крестись, не крестись – уже грянул. Способствовать устойчивости чего-либо инновационного на сейсмоопасном Кавказе не принято.

Естественно, что политическое развитие региона и наш личностный рост вели к расколу. Часть из нас уходила, с болью в сердце «покидая» братьев и сестёр по миротворчеству, в новые области, в неизведанное. Другая часть оставалась, чтобы продолжать реактивно бороться за свои права и за права своих сообществ, когда они нарушаются, реактивно выступать с бессильными совместными заявлениями, когда что-то произошло, или включаться с переменным успехом в политическую борьбу на условиях, продиктованных существующими политическими силами, вместо того, чтобы ценные свои силы отдавать созданию кардинально новых условий.

Я мучаюсь из-за необходимости постоянно возвращаться к теме медиации. Как Форум исчерпал себя в той форме, в которой сложился, так и медиация исчерпала себя как понятие – и в Форуме в своё время, и в данном проекте, как я его вижу. Вместо того, чтобы сказать нам: опишите свой опыт, нам говорят: пишите о медиации. Затем скажут: пишите о фасилитации. Или о построении доверия. Тема, продиктованная сверху – «социальный» или донорский заказ – вот что предопределяет «прокрустово ложе» наших текстов, заставляя принаравливать собственную жизнь, втискивать её в рамки, в которые она не вмещается. В том-то и трагедия нашей эпохи, что заказ определяет, что делать, а свободное творчество свободных людей не ценится за то, что оно существует и разворачивается. К сожалению, должен сознаться (лучше поздно, чем никогда), что **Форум не был про медиацию, и объяснять Форум через медиацию—то же самое, что делать операцию на сердце через нос**. В принципе, наверное, возможно, но уж слишком экстравагантно! Сила Форума была в том, что он сам создавал свои повестки. Иногда он «брал власть в свои руки» всерьёз, и тогда менеджеры и международные медиаторы должны были следовать его повестке, и эта повестка была впечатляюще интересна и глубока в своём стремлении усилить миротворческие тенденции на Кавказе.

Управление и принятие решений на Форуме

В административных и управленческих делах Форума, как нигде, проявились его сильные стороны – общекавказский подход, солидарность, чистота намерений, вера в возможность жить по-иному, и слабые стороны – разброд Кавказа, отсутствие навыков и институций дисциплинированной совместной деятельности, нечёткость различения того, что дозволено и не дозволено, а также недоверие, как результат горячих и не горячих конфликтов и этой нечёткости различения.

На встречу в марте 1999 года были приглашены неправительственные организации со всего Кавказа, про которые мы знали к тому времени, что они занимаются миротворчеством или близкими вопросами. Некоторые даже приехали без приглашения. Обсуждение было бурным. Было ясно, что без исполнительного органа Форум не выживет и не сможет осуществить свои грандиозные планы. А быть исполнительным органом, находясь в Лондоне, Алерт не имело смысла – Форум должен был быть более или менее самоуправляемым. Поэтому было решено, что поскольку никому на Кавказе все остальные стороны не доверяют, то офис Форума будет перемещаться, а его главным исполнительным должностным лицом будет некто нейтральный. Так уж случилось, что до приезда в Сочи я возобновил в Москве контакт с Максимом Шевелёвым, психологом, которого знал давно. В тот момент Максим нигде не работал. Я позвонил ему прямо из Сочи в Москву и спросил, хотел бы он участвовать в работе Форума, переселившись в Нальчик на год, если бы его утвердили. Он согласился, тут же прилетел в Сочи, форумовцы его проинтервьюировали, он оставил благоприятное впечатление, и его утвердили. Других кандидатов не было, никто не был готов к такому быстрому принятию решения. Правда, молодые чеченцы высказали свои сомнения, так как для них русский не был нейтральным лицом, но в целом идея Форуму понравилась. Так на этот год был решён вопрос менеджмента Форума. Максим переехал в Нальчик и с помощью форумовцев организовал там офис, куда приезжали и работали по несколько месяцев Координаторы из других регионов. Структура Форума в тот момент была такой: Координаторы представляют Форум в своём регионе, а Исполнительный секретарь работает в офисе Форума. Координаторы были из числа подписантов Эльбрусской декларации. Вестминстерский Фонд выделил скромный грант для работы офиса Форума (мы в Алерт не теряли время и между июлем 1998 г. и мартом 1999 г. нашли средства для поддержания орг. расходов Форума), который позволил создать офис, арендовав помещение, купив компьютеры и т.д. Форум был незарегистрированной организацией, ибо непонятно было, где его регистрировать, и офис Форума фактически был на балансе одной из неправительственных организаций в том регионе, где он находился, но в то же время это уже была серьёзная сеть с зачатками организации.

Так оно и пошло. Помню одну из следующих встреч. Разношёрстая публика, собравшаяся на Форум, не давала работать всерьёз и принимать решения. Каждый приехавший объявлял себя Координатором своего региона. Пришлось самоопределяться. «Старейшины», они же подписанты Эльбрусской декларации, и малая группка «примкнувших к ним», отъединившись, совершили маленький переворот: постановили, что право голоса имеют только они, т.е. только назначенные самими форумовцами представители от регионов. Форумовцем в изначальном смысле, Старейшиной таким способом объявлялся «подписант» Эльбрусской декларации (хотя были и такие, которые с момента подписания к Форуму больше отношения не имели). Именно эта группа назначила первую когорту Координаторов из своего числа или из числа других лидеров НПО. В дальнейшем Форум кооптировал в ряды своих органов людей по необходимости, а все те, с кем и для кого Форум работал, так сказать «массы» гражданского общества, объявлялись «участниками» Форума, а не «членами» – членства в Форуме не было.

Эти особенности устройства были необходимы для того, чтобы такая странная организация смогла бы хоть как-то выживать. Через год, на встрече в Кисловодске, возник очередной кризис. Максим открыл офис и организационно способствовал тому, чтобы Форум успешно функционировал (через интернет-рассылку и путем организации мероприятий). Однако он не обладал знанием Кавказа, необходимым для того, чтобы люди чувствовали себя комфортно. Возник вопрос – кого же назначить Исполнительным Секретарём? Стало понятно, что впопыхах найти «нейтрального» человека невозможно. А средств и времени, чтобы долго искать, нет. К тому же стоял вопрос переезда офиса. Куда он должен переехать? Предполагалось, что офис должен переезжать каждый год, и за 15 лет, если бы Форум выжил, побывать во всех основных регионах Кавказа.

Решение было найдено креативное. Сошёлся ряд обстоятельств: это были последние годы правления Шеварднадзе, видимого движения в сторону разрешения конфликтов Грузии не было никакого, но ещё существовал безвизовый проезд в Россию. Процветал Эргнетский рынок на границе между Грузией и Южной Осетией и казалось, грузино-осетинские отношения принимают такой оборот, что, несмотря на формальное отсутствие разрешения конфликта, неформально он наименее болезненный из всех конфликтов Кавказа. Форумовцы решили, что отныне должность Исполнительного секретаря будет выполнять один из них, и на этой должности будет осуществляться ротация. Однако проблема виделась в том, что если, скажем, офис Форума находится в одном городе, где есть сильный форумовец, который и становится Исполнительным секретарём, то он не сможет обеспечить нейтральность и паритет, так как нет таких кавказцев, которые у себя дома стали бы думать про весь Кавказ, и не просто думать, а реально сохранять баланс.

В итоге решение было предложено такое: перевести офис в Тбилиси (с учетом того, как много кавказцев из различных регионов могут встречаться в Тбилиси – тогда даже абхазы были согласны туда ездить, если по форумовским делам, а не для двустороннего «примирения» с грузинами), а Исполнительным секретарём предложить Алана Парастаева из Южной Осетии, который будет работать при полной поддержке тбилисских форумовцев. Ночью, часов в 11, когда эта идея возникла, мы пошли к Алану в комнату. Он согласился на год переехать в Тбилиси и работать Исполнительным секретарём. Такой тандем, Тбилиси и Алан, удовлетворял всех, поэтому на завтра на заседании это предложение было утверждено единогласно.

Так Алан переехал в Тбилиси, а с ним вместе и Форум. Это был активный год. Миротворческие проекты Форума набирали силу, а с ними вместе также и сопротивление, также и антимиротворческие политические процессы, также и то, что многие, думая, что они делают миротворческий проект, на самом деле делали проект «войнотворческий». Многие на Кавказе, на словах вполне понимая логику миротворчества, на деле считали, что их роль – продвигать свою «сторону» за счёт других, пользоваться такими проектами для голого продвижения вперёд повестки своей «стороны» в конфликте. К счастью, методика Форума позволяла скрадывать такие ситуации. Так, хотя черновой вариант,

написанный группой мониторинговой миссии, поехавшей в Панкисское ущелье, пестрел нецензурными выражениями в миротворческом смысле (скажем, представители одной из наций стилистически огульно и несправедливо характеризовались как «бандиты», и т.д.), итоговый документ, благодаря участию в миссии представителей различных сторон, получился приемлемым и важным.

Вопрос языка конфликта встал перед Форумом во весь рост, как и вопрос принципов принятия решений. Как писать: Сухум, Сухуми или Сухум/Сухуми? Такого рода проблемы требовали анализа и выработки совместных, консенсуальных принципов. Принятие решений базировалось на консенсусе Координаторов из регионов. Однако «Подписанты» Эльбрусской декларации, так же как и другие Старейшины (т.е. те, кто побывал Координатором, даже не будучи «Подписантом») получали совещательный голос. Собрать всех Координаторов на мероприятия становилось всё более трудно, а тем более также и «Подписантов», или хотя бы их значительную часть, и Старейшин... Особенно если учесть, что Форум родился из грузино-абхазского проекта и многие «Подписанты» были грузинами и абхазами.

Процедуры всё углублялись и усложнялись. Было решено, что консенсус работает, даже если кто-то отсутствует (почти как в своё время дипломатические баталии в ОБСЕ: возможен ли консенсус минус один?). Постепенно становилось понятно, что если Форум продолжит действовать по принципу многосторонности, то его эффективность будет низкой. Что делать? Возникла мысль, что для проработки идеи или проекта до стадии их обсуждения на заседании Координационного совета можно создавать Инициативные группы, которые могут быть в составе от трёх до семи человек, но в которых должны быть вовлечены представители двух сторон хотя бы одного кавказского конфликта. Скажем, группа, состоящая из абхаза, осетина, чеченца и армянина была бы неправомочной готовить предложение для Координационного совета, а группа из армянина, азербайджанца и абхаза была бы правомочной. Структурный баланс интересов Кавказа складывается из интересов тех, кто хочет вернуться к статус-кво-анте, т.е. не дать права самоопределения меньшим, чем союзные республики единицам, и тех, кто хочет обратного. Поэтому присутствие представителей сторон хотя бы одного конфликта в целом балансирует восприятие и является гарантией взвешенного подхода к любой проблеме. Добавление к этим двум «нейтралов» только укрепляет сбалансированность.

На Цахкадзорской конференции было решено, что офис Форума переезжает во Владикавказ и доверие между Координаторами возросло до той степени, что нет необходимости посылать туда представителя из другого региона Кавказа – все доверяют Ларисе Сотиевой. Она стала Исполнительным секретарём. Более того, срок пребывания офиса в одном месте продлили от одного года до двух лет, чтобы дать возможность развернуться и институционализироваться. Это отражало также и зреющее понимание того, что у Форума

происходит постепенный отрыв от «местных реалий», или, во всяком случае, есть такая опасность. Ещё через два года Форум переехал в Ереван на два года, а затем больше никуда – он перестал функционировать институционально...

Становилось всё более ясно, что консенсуально многие вопросы не решить, тем более между встречами – надо было бы поднимать ответственность Исполнительного секретаря, а между тем Исполнительный секретарь был сверхчувствительным и «дипломатически корректным», и не хотел принимать слишком много решений, чтобы не казаться диктующим свою повестку – повышение эффективности вело к дипломатическим трудностям. Когда-то, при принципиальном решении о создании позиции Исполнительного секретаря, мы исходили из чёткого понимания, что без исполнительных рычагов Форум не сможет состояться. Теперь мы искали способы выхода из тупика дипломатичности многосторонности, не нарушая принципов Форума, но увеличив его способность к быстрому реагированию. Но это было трудно, почти невозможно.

На одной из последних встреч в Москве, когда обсуждалась стратегия Форума на будущее, которое не реализовалось, некоторые резко поставили вопрос о доверии к Форуму и Координаторам внутри самих сообществ, регионов Кавказа. Получалось, во-первых, что Координаторы пользуются различным авторитетом в различных регионах, и во-вторых, что обилие некоординируемых проектов НПО вообще, и в частности миротворческих проектов всех мастей в некоторых регионах, и нажим на НПО со стороны властей в других регионах создают эффект отсутствия или даже падения доверия к Координаторам, Форуму и его деятельности. Как сделать так, чтобы Форум, оставаясь не представительской организацией, а чем-то вроде самопровозглашённой Академии, т.е. «местом», куда новички приглашаются с узким кругом Координаторов, стал более репрезентативным? Было понятно, что доверие к Форуму падает там, где разрыв между гражданским обществом и властями увеличивается, где общекавказская проблематика становится всё более подозрительной, где растут антимиротворческие настроения и тенденции... Но как физически преодолеть эту проблему в масштабах всего Кавказа так и осталось неизвестным.

Предпоследним масштабным проблеском активности Форума стала конференция «Язык конфликта». Её результаты так и не были опубликованы. То, что этого не удалось сделать, также как и то, что многие в прошлом активные форумовцы потеряли к нему интерес, были явными признаками прекращения функционирования Форума в той активной форме, в какой он это делал в течение шести предыдущих лет...

3. Форум, Кавказ и Европа

Извлеченные из Форума уроки

Реально от Форума на сегодня остался список адресатов рассылки азербайджанского представителя, лидера правозащитников Эльдара Зейналова, спасибо ему за это, и связи между людьми.

Почему Форум впал в анабиоз, несмотря на все силы стольких людей, вложенные в его существование и институционализацию? Даже то, что Штихтинг зарегистрировал Кавказский Форум в Нидерландах, не спасло положение, а может, и усугубило его. Ответов много, и ряд из них я изложил: он был слишком громоздким, не имел достаточно средств. Но, по-моему, двумя важнейшими причинами являются отсутствие или спад лидерства в той форме, в которой оно сложилось, с одной стороны, и с другой, взаимосвязанной с первой, – изменение, резкое ухудшение политической ситуации на Кавказе. Давно прошли те времена, когда молодые ещё и энергичные форумовцы могли отгрохать такое сложное мероприятие, как встреча экс-комбатантов, почти на энтузиазме. Хотя... Даже уже когда Форум впадал в спячку, были осуществлены проекты почти на голом энтузиазме, скажем, выставка произведений детей Кавказа, посвящённых детям Беслана, которая пропутешествовала из Карабаха, через Ереван, Грузию и Южную Осетию на Северный Кавказ, а оттуда в Абхазию... Так что энтузиазм – вещь странная, а вдруг и ещё появится?

Если в Грузии, России, Азербайджане или даже в Армении (в признанных странах) Форум вызывал различного рода сомнения и критику, то, казалось бы, что в «непризнанных» образованиях и в северокавказских республиках он должен был бы приниматься на ура. И вначале так оно и было. Однако впоследствии стало ясно, что, к примеру, в Южной Осетии тоже нет особого доверия к Форуму и желания его поддержать всерьёз. Причина была, видимо, в том, что южные осетины, с одной стороны, пытались выстроить горизонтальные отношения с грузинами, а с другой, находились под сильнейшим нажимом российских спецслужб. Затем и Абхазия, место, где идея Форума была зачата в разговоре с Лейлой Тания и Ликой Кварчелиа, вдруг перестала испытывать особые восторги по отношению к нему. И опять причина понятна – Россия считала Форум попыткой расколоть Северный Кавказ новым способом, она всё подкручивала гайки, уничтожала чеченское восстание, снимала проблему национальных движений по всему Северному Кавказу, а тут Форум. И Абхазия, как стратегическая союзница России, сильно зависимая от неё, всё более критично относилась к идее сотрудничества одновременно с Северным и Южным Кавказом. К тому же в Абхазии начался период выборов президента, и все силы гражданского общества оказались направлены на прямое влияние на политику, и безуспешно – президент Багапш был избран, более или менее честно, несмотря на нажим России, и в Абхазии установился режим демократически избранной власти, пожалуй, единственный подобный режим на Кавказе. Испугавшись процессов в России или решив не раздражать её сильнее, чем надо (а также не раздражать Азербайджан и идти на поводу у «новых грузин» под руководством Саакашвили), западные доноры тоже оказались

незаинтересованными в поддержке такого странного и сложного устройства, как Форум, пронизывающего несколько уровней государственного строительства, несколько стран и юрисдикций, международно-признанных и непризнанных. Наилучшую поддержку Форум получил в своё время от неполитизированных, негосударственных доноров, таких, как Фонд Мотта и Фонд Большой Лотереи.

На Кавказе в целом восторжествовала политика дальнейшего распада и раскола. Кавказский Форум, как и кавказские народы, оказался щепкой в новых войнах тех акторов, которые показали неспособность цивилизованно решать противоречия.

Это был непередаваемый, неопиcуемый опыт. До тех пор, пока мне не заказали эту статью... Но когда пишу, чувствую, что не могу этот опыт адекватно передать... Мир остался глух и равнодушен к идее Кавказского Форума. Кроме Армении, где время от времени дискуссии в духе общекавказских инициатив возрождаются. Но мало кто их слушает.

Одно знаю, нутро мне диктует – скучно делать не общекавказские тусовки... В рамках СНГ – скучно, сугубо армянские – скучно, скучно делать тусовки с любой отдельно взятой национальностью или с любым другим созвездием наций, европейцев, латиноамериканцев, прибалтийцев и т.д. А хочу я только общекавказские тусовки делать... Двусторонние? Это самое скучное: обречённые попытки «поженить» две кавказские нации, которые решили развестись – что может быть безнадежнее... Только мультилатерализм!

Двусторонние встречи на Кавказе имеют смысл, когда конфликт ещё не взорвался, между соседями, которым надо помочь стать друзьями, к примеру, между грузинами и армянами, а не между теми, кто уже стал «противниками» в итоге войны.

И тем завершилась наша медиация в общекавказских рамках. Да и всё остальное в общекавказских рамках остановилось. Может, временно? Это была «другая» медиация. Некоторые школы полагают, что посредник на переговорах в конфликтных ситуациях должен быть «чужаком», так как только отсутствие глубоких знаний о регионе позволит ему сохранить непредвзятость.

Другие школы говорят, что понятие медиации (или посредничества) шире и включает в себя также и фасилитацию, и арбитраж, который, хоть и в неофициальной обстановке, осуществляют профессиональные юристы. Юристы могут и не быть специалистами по региону, однако у них есть свой опыт разрешения конфликтов и свои приёмы, своя технология, в частности, закон. Пока не будет создана надстроечная структура на Кавказе типа Европейского Союза (кавказский вариант), арбитраж не будет возможен, разве только арбитраж Евросоюза – ведь для арбитража нужно, чтобы стороны принимали или хотя бы де-факто жили в рамках законов и правил, общих для всех. Арбитраж возможен внутри легальной системы. На Кавказе анархия и война, здесь нет общей охватывающей юридической системы, СНГ таковой не стало, другие не возникли...

Я свою роль рассматривал не как посредническую, но как каталитическую – я считал себя катализатором миротворческих инициатив. Однако когда меня критиковали и говорили, что я не имею права так уж сильно их катализировать, то один из аргументов, приводимый критиками, был следующим: «Он слишком много знает и понимает, иностранец был бы лучше». Получалось, что лучше каждый раз начинать заново, когда иностранец приезжает в регион, постепенно влюбляется в него, изучает его и становится специалистом по нему – и пока он не стал специалистом, он будет неплохим медиатором, ибо будет непредвзят... Получалось, что лучше терять эффективность, привозя каждый раз чужаков, лишь бы абстрактная непредвзятость сохранялась... Иностранцев (послов, работников организаций международного развития и других) после нескольких лет жизни и работы в регионе отправляли обратно под тем соусом, что они перестали быть непредвзятыми. Получалось, что тот, кто много знает и понимает, уж не годится. В этом подходе – «Пусть будет чужак, чтобы мы его не подозревали в предвзятости» – есть явная нотка спекулятивности. **Чужака-то легче обернуть вокруг пальца, чем своего, кавказского.** Я наблюдал много лет, как всё новые и новые руководители миссий или послы ООН, ОБСЕ и т.д. пытаются продвинуть вперёд миротворческую повестку и, добившись небольшого успеха, а чаще не добившись ничего, уезжают. На их место приходят новые, и теряется время, пока они поймут, что можно сделать и как это делать.

Проблема в различных пониманиях предвзятости. Есть абстрактная непредвзятость, и она служит абстрактной справедливости. А есть конкретная предвзятость, которая может служить конкретной справедливости. Абстрактная справедливость часто несправедлива конкретно. Скажем, если двое поступают на работу, но в офисе проводится политика «позитивной акции» (affirmative action), т.е. на работу предпочитают принять представителя национальных меньшинств, то может случиться несправедливость, ибо тот, кто сильнее по своим профессиональным качествам, не пройдёт из-за абстрактной справедливости, предпочитающей представителя нацменьшинства.

Чтобы моя предвзятость не влияла на работу, я консультировался, советовался. Система Кавказского Форума планировалась так, чтобы избежать конкретной несправедливости, оставаясь непредвзятыми в коллективе. Таким мог быть только весь Форум, в целом. Но в итоге случилось другое: стало понятно, что если Форум – модель Кавказа, а Кавказ состоит из намного большего количества единиц непризнанных, чем признанных, и негосударственных, чем государственных, то Форум наступают на мозоли государств слишком сильно. Оказалось, что **Кавказ – это не про государства.** А как иначе, чем через государства, создавать системы управления и действия на Кавказе – фантазии не хватало понять, да и меркантильные интересы власть имущих мешали.

Я был бы рад сотрудничать с государствами. Но то, что сложилось на месте Союза за годы после его распада и узурпировало это название, оказалось направленным, в первую очередь, на самого себя, на самовыживание за счёт своего «материала», своих граждан. **Магазин для продавца. Государства оказались пиявками на теле общества, пьющими**

из него кровь, а не инструментами этих обществ для осуществления их плана движения к процветанию. Произошло невиданное отчуждение реальных обществ от государств. Поэтому конфликт с государствами был неизбежен. Он мог оказаться кровавым или не очень, молчаливым или громким, но он всё углублялся, общества всё более раскалывались, и Форум испытывал этот нажим на себе.

Ещё одна проблема заключалась в укоренённом и почти незаметном, но присутствующем на Кавказе психологическом «этнолизме», который также отразился на структуре Форума. Каждый Координатор, хотели мы того или нет, становился «представителем» своей «стороны», нации. И если, скажем, Координатор из Кабардино-Балкарии был кабардинцем, то получалось, что балкарцы в Форуме не представлены. Для преодоления такого положения мы работали над тем, чтобы Форум воспринимался не представительской организацией, а экспертной. Это означало, что Координаторы – эксперты, специалисты в ряде областей и в миротворчестве, и они не представляют свои регионы или, тем паче, «нации», а имеют обязательство представлять Форум, как организацию, в своих регионах.

Но эта путаница, упрощённая идея о том, что если человек абхаз, то он представляет абхазов, а если армянин – армян, это приравливание этничности к представительству и к специальности оставалось слабой стороной и Форума, и всего Кавказа в целом. Я это испытывал много лет: допущение, что если я армянин, то я специалист по Армении. Если я говорил своё мнение о ситуации в Армении, то меня внимательно слушали. А если я говорил своё мнение о ситуации в США, Великобритании или Грузии, то меня слушали как «чужака», недоверчиво. Хотя мои высказывания об Армении были не более глубокими, чем о Грузии. Я ведь жил вовне.

Форум предпринимал шаги, чтобы выйти из этого тупика. Так, направления деятельности курировались теми, кто или был в них заинтересован больше, чем другие, или имел профессиональное преимущество: школа фасилитации возникла в Тбилиси в связи с тем, что там навыки фасилитации, восходящие ещё к грузинской школе психологии с советских времён, наиболее развиты по сравнению с другими регионами Кавказа. Забытые регионы курировались, в основном, осетинами и карабахцами – теми, кто чувствовал себя особенно «забытым» на Кавказе.

Оказалось, к примеру, что осетины – это народ, которому на Кавказе доверяют многие, несмотря на их конфликт с грузинами и ингушами. Осетинам доверяли даже грузины, уж не говоря о русских, армянах, азербайджанцах, кабардинцах, карачаевцах и т.д. Только ингуши могли частично не доверять, да и то те, с кем мы работали, в этом проблемы не видели. Не случайно два из четырёх Исполнительных секретарей Форума были осетинами. Армяне... Мало того, что я был армянин, но если бы мы захотели, то могли бы укомплектовать армянами представительство Форума в каждом регионе Кавказа. Ибо армяне есть везде, кроме того, они занимают ключевые позиции в неправительственной сфере в очень многих регионах. Приходилось балансировать армянское присутствие, но это плохо удавалось, тем более, когда Форум переехал в Ереван. Ну а как быть, если

армяне везде, да к тому же в Армению Форум можно было перевести, а в Азербайджан – никак? В Азербайджане Форум был бы парализован или пришлось бы исключить участие армян почти из всех мероприятий. Было бы великолепно, конечно, перевести офис в Баку и оттуда не только начать работать с азербайджанцами, но и с рядом других регионов и национальностей, которые в силу политических или иных причин оказывались не столь включёнными в работу Форума, как другие, к примеру, с Дагестаном, а также с тюркскими народностями Северного Кавказа. К сожалению, это оказалось политически невозможным.

Так национальная окраска в какой-то степени определяла приоритеты. Так и должно было быть, и если бы Форум существовал в более или менее цивилизованных условиях, то он многое бы совершил благодаря принципу ротации, проникая в различные уголки Кавказа.

Но одна из причин того, что Форум не смог встать на ноги после ухода Алерт из проекта, заключалась также и в «этнизме» – «многосторонняя» структура управления делала его неэффективным. Этот тупик концептуально так и не был преодолен. Для тех, кто замыслит нечто подобное в будущем: преодоление этого тупика заключалось бы в создании организации, занимающейся общекавказской деятельностью, но не зависящей от мнения людей из разных регионов Кавказа; это должна быть реальная крепкая организация с хорошей иерархией. А её общекавказская идеология должна будет подпитываться не физическим влиянием людей со всего Кавказа, а её миссией и мандатом. Люди здесь будут работать независимо от своих национальностей, и основным критерием их отбора будет профессионализм и преданность миссии организации.

Вывод, который я, завершая данные записки, выделяю: когда представители гражданских обществ сторон конфликтов встречаются и хотят делать что-то вместе, медиация становится чем-то побочным, хотя и происходит постоянно. Эти представители – не медиаторы в собственном смысле слова. Они «не непредвзяты» (they are not impartial). В английском есть выражение *partial facilitator* («односторонний» (?) фасилитатор, представляющий или поддерживающий одну из сторон в конфликте, или «частичный» фасилитатор (а частично – «не фасилитатор»)), которое характеризует этих людей. Таким был и я. Но есть две интерпретации слова *partial*: в одном из его смыслов это человек, который имеет «шкурный» интерес, т.е., в данном контексте, хочет продвинуть «добро» для своей «стороны». И если мир основан на *реалполитик*, на том восприятии, что любая игра – это игра с нулевой суммой, где выигрыш одного равен проигрышу другого, то такой человек никогда не сможет быть настоящим миротворцем. В другом смысле, мир основан на восприятии положительной суммы, и этот человек не преследует интереса «победы» своей «стороны», у него не «эгоистический» интерес, а «идеалистический» – он хочет, чтобы всем, вовлечённым в конфликт, было хорошо, чтобы все вместе нашли выход из ситуации. При такой интерпретации локальный миротворец становится очень сильным. В таком случае он *partial*, т.е. «не непредвзят», т.е. заинтересован в том, чтобы найти решение, выгодное всем вместе. Если бы он был чистым «альтруистом», то это всё

же оставалось бы в рамках реалполитического видения, видения нулевой суммы, где он просто жертвовал бы интересами своей «стороны». Но он не чистый «альtruист». Он не пацифист и не пораженец. Он «идеалист» (так называется данный подход в англоязычной науке международных отношений), он не просто верит, но и может аргументировать, что *реалполитик* ведёт к проигрышу всех, кто действует в ее рамках; что компромиссы бывают невозможны, и надеяться на них иногда бесперспективно. (Компромисс – понятие из теории *реалполитик*.) Он знает, что есть такие ситуации в мире, где необходима смена парадигмы, чтобы всерьёз попытаться чего-то достичь.

Приметы этой возможной смены парадигмы, более того, реальные примеры, которые релевантны также и именно для темы медиации, были зарегистрированы в течение работы Кавказского Форума: это и использование миротворцев из двух регионов, находящихся в конфликте, для совместной поездки в другой регион, где есть конфликт, с мирным посланием. И то, что регионы-«начинки сэндвичей», оказавшиеся «зажатыми» между конфликтными регионами, как Гальский район и осетины, могли бы переосмыслить своё положение и из «жертв» стать сознательными медиаторами между сторонами, начать сознательно реализовывать свою посредническую роль, которая и так имеется в наличии. Если бы Форум остался, то следующим шагом было бы планирование подобных проектов: построение возможностей для гальцев посредничать между абхазами и Грузией, и для осетин – между Россией и грузинами на уровне гражданских инициатив. И этот потенциал всё ещё есть, несмотря на перипетии последних лет его можно возродить и использовать.

Межкавказские взаимоотношения

Далее, в контексте превентивных мер на Кавказе было бы очень важно, чтобы Кавказ фасилитировал развитие грузино-армянского диалога. Это тоже старая проблема, но непризнанная. И дело здесь не только в Джавахетии. Джавахетия – это только одна из проблем в отношениях этих двух стран и наций. Есть и другие. Как братья, ревнивые друг к другу, эти два народа накопили много проблем во взаимных отношениях, но оба не хотят этого признавать и не хотят входить в серьёзный диалог. Это одна из тех тем, которую поддержали бы даже международные доноры, найдись интерес с грузинской и армянской сторон. Но он не находится. Удовлетворяются отношениями на правительственном уровне, плюс многочисленные тусовки, которые, однако, не ставят целью обсудить именно грузино-армянские отношения. А почему грузино-армянские, спросите вы? Почему не грузино-азербайджанские? Да, там тоже есть проблемы. И всё же, сотрудничество по поводу трубопровода, а также тот факт, что Грузия, Турция и Азербайджан составляют часть оси «Восток-Запад», в отличие от Армении, которая в конфликте и с Турцией, и с Азербайджаном... А также то, что Грузия, потерявшая территории, в этом смысле союзник Азербайджана по вопросу территориальной целостности – все это делает отношения Грузии и Азербайджана менее проблематичными. В армяно-грузинских же отношениях есть много проблем. В Армении не изучают грузинский язык и культуру в достаточной

мере, институционально, хотя это помогло бы взаимному укреплению идентичностей обеих наций. То же и в Грузии, если не считать армянских школ, которые и так в трудном положении, и существуют только благодаря тому, что там, и не только в Джавахетии, ещё осталось армянское население. Оно, правда, поредело, его меньше в Тбилиси, чем раньше. Всё же оно есть. Армяне из Армении едут летом в Аджарию отдыхать. Армяне едут в Грузию торговать. Через Грузию в Турцию и обратно. В целом, армянский народ чуть больше знает Грузию, чем грузинский Армению. Грузины в Армению не едут, некоторые впервые оказались в Армении во время августовской войны, когда хотели вылететь на Запад, а тбилисский аэропорт был закрыт, и они приехали в Армению, чтобы вылетать отсюда. Если в Грузии есть один-два общеюжнокавказских или международных института, где могут быть один-два армянских преподавателя и студента, то в Армении грузинских преподавателей и студентов почти нет. Армения, после признания Россией Абхазии и Южной Осетии, не признаёт их, но в то же время отношения с Грузией продолжают оставаться напряжёнными. Теперь уже по вопросу армянских церквей в Грузии, плюс к Джавахетии. Два братских народа не знают истории друг друга, не знают, как именно их истории переплетены. Составить бы сравнительную историю Армении и Грузии... В Грузии явно ревнивое отношение к армянам, поскольку армяне играли важную роль в старом Тифлисе, которую теперь не играют... И потому, что армяне в Абхазии во время войны поддержали абхазов... И из-за Джавахетии... В Армении тоже есть элемент негативной установки по отношению к грузинам, несмотря на дружбу и сотрудничество. Армения зависит от грузоперевозок по территории Грузии, и это не облегчает отношения. Грузия боится, что военные базы России на территории Армении будут использованы против неё. Наконец, после окончания августовской войны, хоть Грузия и не вошла официально в НАТО, Запад решил всерьёз укрепить оборонные способности Грузии, а ОДКБ, с другой стороны, тоже решила укрепиться. Итог: единственная открытая граница между двумя военными блоками, военными союзами, альянсами – это граница между Грузией и Арменией. Закрой эту границу, и дробление Кавказа будет почти закончено. Есть силы, которые, с учетом ситуации на Кавказе и вокруг него, были бы рады и дальше баламутить воду, а может и правда резко ухудшить отношения Армении и Грузии. Ведь разделяй и властвуй!

На этом фоне серьёзный диалог на неправительственном уровне по всему ранжиру проблем и возможностей сотрудничества был бы очень важен. Но гражданские общества двух стран недостаточно это осознают. Грузия обычно отбодряется от попыток Армении укрепить отношения с ней, чтобы Азербайджан не обиделся. Грузия также, будучи местом большей части армяно-азербайджанских или трехсторонних тусовок, осознанно не взяла на себя роль фасилитатора армяно-азербайджанского диалога. Не захотела или не посмела из-за собственных конфликтов. Итог: две страны, союз и совместная деятельность которых коренным образом поломали бы негативные тенденции, развивающиеся на Кавказе, идеологически полностью разобщены, находятся чуть ли не на противоположных полюсах интересов. Ось региональной кристаллизации на Кавказе не срабатывает.

Участие ЕС

Европейский Союз ускоряет своё присутствие на Кавказе, устанавливает всё больше связей. Пример Европейского Союза, где идеал сотрудничества, начавшись с конкретной экономической основы, создал уникальную в мире инклюзивную систему из 28 стран, служил нам путеводной звездой, когда мы создавали Форум, и продолжает служить. Попытки создания объединённых структур на Кавказе в той или иной форме продолжаются. Их, наверное, станет даже больше в ближайшее время. Идея объединения Южного и Северного Кавказа сегодня кажется очень опасной, так как, казалось бы, напрямую «посягает» на всеобщий суверенитет России на Северном Кавказе. Но это не так. Мир сложнее, чем суверенитеты. Россия как легитимный актор на Кавказе только и возможна не иначе, как через Северный Кавказ, или, во всяком случае, путем участия Северного Кавказа в процессах на Кавказе в целом. Ну как можно говорить о Южной Осетии, не принимая во внимание Северную? Так что предположение, что если мы не ограничимся объединительными усилиями на Южном Кавказе, а попытаемся в них включить Россию и Северный Кавказ, то создадим из России «противника», неверно. Слово «идеализм» имеет и свой более знакомый всем смысл: вера, что, несмотря на то, как представляется реальность сегодня, она в скором времени изменится к лучшему и к логичному своему варианту. Когда Жан Моне выдвигал свои идеи, никто не мог предположить, во что они выльются через десяток-другой лет. Ещё в 1985 году в мире было только несколько человек, которые верили, что Советский Союз может исчезнуть. И сегодня мало кто верит, что на Кавказе возможны совместные структуры, созданные для того, чтобы люди могли здесь жить свободно, передвигаться свободно, и что товары и идеи здесь тоже смогут когда-либо передвигаться свободно.

Другое дело, что сложно работать со всем Кавказом. Но работать, пытаясь объединить только Южный Кавказ, на мой взгляд то же самое, что пытаться собрать воедино тело человека, имея одну руку, две ноги и половинки туловища и головы, – не получится. Когда я говорю об участии России, я не имею в виду включение всего Южного Кавказа в состав России, я имею в виду не этот вариант «объединения» Кавказа. Я имею в виду её легитимное и честное участие в объединённых структурах Кавказа. Но для этого необходимо «видение» (vision) «идеалполитик»!

Если Европа и правда собирается прислушаться к опыту кавказских миротворцев из гражданского общества, то ей надо посоветовать следующее: дай им возможность работать, претворять их мысли в реальность! Канализируй свою помощь не через госструктуры, которые коррумпированы или враждебны, а через гражданское общество! Создай школу молодых миротворцев, серьёзную, постоянную, качественную и практическую! Не диктуй им свои повестки, а дай им возможность совместно выработать независимые повестки, как это и происходило в Кавказском Форуме!

Я завершаю эти заметки в трудный для Кавказа период: августовская война и финансовый кризис ещё более ухудшили ситуацию на Кавказе. Если до войны в августе хоть какие-то миротворческие проекты финансировались западными донорами на Северном Кавказе, то после неё это прекратилось. Под угрозой также южнокавказские проекты, в первую очередь связанные с Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией. Россия не умеет финансировать проекты развития, а тем более миротворческие – в России ещё не сложилось это мышление, мышление граждан мира, помогающих тому или иному региону выкарабкаться из тупика. А другие доноры стали ещё более осторожными в вопросе финансирования «межграницных» проектов. Евросоюз решил развивать стратегию для шести государств бывшего СССР с открыто декларирующей целью – балансировать влияние России в постсоветском пространстве. Евросоюз, таким образом, политизирует свою позицию в регионе. Это можно приветствовать. Но будет катастрофично, и не только для Кавказа, но и для мира, если окажется, что в итоге этого нового подхода Кавказ станет ещё более разобщённым, чем сейчас. И наоборот – будь Европа решительна и осторожна, она сможет способствовать тому, чтобы миссия Кавказского Форума продвинулась, и чтобы на Кавказе обеспечивались в большей мере свободная циркуляция людей, товаров и идей.

А что такое циркуляция идей? Это циркуляция культур. К сожалению, западные доноры, пытаясь развить демократию, рынок и права человека, упустили из виду культуру. Вернее, не упустили, но постановили, что культуры – вещь национальная и должны развиваться самими народами и государствами, кто как умеет и может. В итоге спад культуры повсеместный, так как денег нет, культура на остаточном принципе. А ведь именно культура создаёт механизм для абсорбции тех же идей рынка и демократии. Ведь именно культура могла бы всерьёз продвинуть знание народами Кавказа друг друга. Я имею в виду не безвкусную квазинациональную музыку и застолье, они и так общие, а серьёзную культуру. Мы в Форуме мало работали по культуре, так как западные доноры могут оправдать проекты по культуре только в том случае, если это способ прямого продвижения идей демократии и рынка, или же речь идёт о продвижении западной культуры на Кавказ. Миротворческий потенциал культуры нами тоже мало использовался, но уже по другой причине – дело в том, что проводится слишком много совместных концертов или кинофестивалей, где якобы есть миротворческий потенциал, однако они не меняют отношения наций друг к другу, ибо в культуре, как она понимается в постсоветских сообществах, силен компонент традиционализма, ну а традиционализм националистичен, шовинистичен. Создавая общее культурное пространство, необходимо преодолеть этот мелкопоместнический, провинциальный «национализм» «старой культуры».

Всё же сильные общекавказские культурные проекты были реализованы: «Писатели Кавказа о войне», выставка картин детей Кавказа детям Беслана... Наиболее приближающаяся к культуре тема, которая обычно приветствуется западными донорами – это СМИ и работа с журналистами, включая съёмки документальных миротворческих фильмов о «другой стороне». В этой области тоже был ряд существенных проектов.

И всё же сама методика проведения реально культурных проектов, направленных на укрепление основ миротворчества, ещё не до конца разработана. Вот и задание Евросоюзу, который должен лучше других понимать, как важно развивать культуры в полилоге, в полифонии, знакомить народы с культурами друг друга, создавать предпосылки для совместного творчества: развить методику миротворческих культурных проектов, обобщив опыт уже реализованных на Кавказе или в других конфликтных регионах мира, и начать массированное воздействие на культуры Кавказа. Это забрало бы культуру из рук прогнивших институтов, типа постсоветских Союзов писателей и художников, поддержало бы альтернативную, молодёжную культуру, выделило бы истинно ценную, передаваемую культуру каждой нации на Кавказе, помогло бы нациям узнать друг о друге на новом уровне, при этом совместное культурное творчество, а также соперничество культур стали бы новой основой для региональных платформ. **Ибо цивилизация у нас общая, всемирная, культуры разнообразные, кавказские, а регион один – Кавказ.**

ГЛАВА 10

Феномен Кавказского Форума

Жанна Крикорова

«Даже созвездия не являются свободными союзами звезд»

Станислав Ежи Лец

1. История возникновения Кавказского Форума

Кавказский Форум неправительственных организаций (КФ) возник в июле 1998 г. в Приэльбрусье, во время встречи в рамках проекта по построению доверия между грузинскими и абхазскими НПО. По предложению абхазов и с согласия грузин на эту встречу были приглашены представители неправительственных организаций из двенадцати регионов Северного и Южного Кавказа и Москвы. Предлагая общекавказский формат, абхазы мотивировали свою инициативу тем, что в двустороннем грузино-абхазском диалоге они чувствуют определенное давление, и миротворческий процесс начинает восприниматься как попытка вернуть их в состав Грузии. Еще одним аргументом в пользу общекавказского формата было мнение о том, что мирные инициативы необходимо обсуждать в региональном контексте, так как практически весь Кавказ в период после распада СССР стал ареной вооруженных этнополитических конфликтов: нагорно-карабахского или армяно-азербайджанского, грузино-абхазского и грузино-югоосетинского, осетино-ингушского, российско-чеченского. Кроме того, в военных действиях в Абхазии участвовали добровольные вооруженные формирования из Чечни, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи.

Британская неправительственная организация International Alert («Алерт»), которая являлась организатором и медиатором грузино-абхазского проекта, пошла навстречу данной инициативе, с одной стороны – осознавая реальность доводов, а с другой – заинтересованная в мерах, способствующих продвижению проекта и его более эффективной реализации.

Но так случилось, что инициатива, в основе которой лежала идея использования общекавказского формата для повышения результативности двустороннего процесса, на встрече в Приэльбрусье приобрела совершенно иной целевой вектор: общекавказскость вышла на доминантные позиции. На встрече в Нальчике, где присутствовало более сорока человек, в числе которых были эксперты и лидеры НПО, в процессе обсуждения ситуации в кавказском регионе пришли к выводу, что усилия представителей гражданского общества необходимо направить на преодоление всеобщего отчуждения, узнавание друг друга, развитие общекавказского гражданского пространства. Решение о создании общекавказской неправительственной сети отразилось в принятом там же документе, который получил название «Эльбрусская декларация». Декларация провозгласила создание Кавказского Форума НПО, определила цели и задачи вновь основанного кавказского сообщества и стала не просто учредительным документом, но и «основным законом» КФ на протяжении всей его деятельности.

«Эльбрусская декларация» была сфокусирована на укреплении доверия и взаимосвязи между народами Кавказа, содержала положения о возрождении кавказской культуры и поддержании совместных гражданских инициатив, направленных на формирование толерантности, развитие политической культуры, утверждение гражданского сознания, возрождение традиций мирного сосуществования, преодоление этнической неприязни и предрассудков.

В числе основных задач, которые, как нам это представлялось при принятии «Эльбрусской декларации», мог бы решать Форум, были выделены следующие: обеспечение возможности регулярного контакта и диалога на Кавказе; установление общей эффективной коммуникационной сети между участниками Форума; поддержка и развитие НПО и конкретных проектов, инициируемых в рамках основных направлений деятельности Форума.

2. Институциональное становление КФ – или насколько идея стала идеологией

Процесс институционального становления и развития КФ, представляющего собой сетевую структуру, не прекращался практически весь период его деятельности. Помимо «Эльбрусской декларации» Кавказским Форумом были приняты еще два важных документа, регламентирующих деятельность КФ и отражающих динамику его становления: «Положение о Кавказском Форуме НПО. За мир и стабильное развитие» (Владикавказ, март 2002 г.) и «Стандарты Кавказского Форума» (Владикавказ, март 2004 г.).

В процессе длительного обсуждения выкристаллизовалась идея нового сообщества – Кавказского Форума неправительственных организаций как постоянно действующей, открытой конференции гражданских организаций. Форум предполагался как реальное безопасное пространство для неформального диалога между представителями гражданского сектора всех регионов Кавказа и, в частности, между представителями сторон конфликтов постсоветского периода. Кавказский Форум – миротворческая организация, моделирующая будущее мирное сосуществование и сотрудничество кавказских народов и сообществ.

Миссия КФ, в общих чертах определенная в Декларации, а позднее более конкретно сформулированная и регламентированная в иных уставных документах, не могла осуществляться без четко организованной структуры.

Основные принципы работы, структура и функции КФ были детально сформулированы на встрече в г. Сочи осенью 1999 г., где инициативная группа была преобразована в Координационный совет (КС) Форума. Принятые в Сочи решения стали ключевыми – хотя в дальнейшем они корректировались и совершенствовались, но по сути не менялись.

Главным элементом структуры Форума стал Координационный совет, в который вошли по одному представителю НПО из всех представленных на тот момент в Форуме кавказских регионов. Если первоначально в КС входили 12 человек, то постепенно, по мере подключения к работе Форума представителей других регионов Кавказа, их стало 16. В дальнейшем было принято решение о ротации координаторов из регионов.

Была также создана исполнительная структура. Функции по общей координации деятельности КФ были возложены на Исполнительного секретаря, в паре с которым

работал представитель из региона. Обе должности ротационные, но первая ограничена сроком в один год, вторая – в один месяц. В соответствии с принятыми решениями, на позицию исполнительного секретаря на первый год работы приглашался человек, нейтральный по отношению к Кавказу.

Хотя с самого начала в КФ сложилась доверительная атмосфера, говорить о полном доверии всех участников Форума было еще слишком рано; кто-то мог просто не высказывать свои сомнения. Поэтому и решили поддержать предложение Алерт о приглашении на должность исполнительного секретаря КФ человека нейтрального. Данное решение в определенном отношении характеризовало хрупкость институциональной парадигмы по установлению доверия. Поскольку выбор первого исполнительного секретаря был конфликтно-чувствительным, все согласились с предложением принять на эту должность человека отстраненного территориально и эмоционально от Кавказа. Однако уже через год позицию исполнительного секретаря занимает член Координационного совета, и это стало нормой на все последующие годы деятельности, что соответствовало собственно принципам КФ.

Срок ротации исполнительного секретаря был увеличен до двух лет. Должность представителя региона преобразуется в позицию технического секретаря из города, где в настоящий момент находится офис КФ. Создается офис КФ, также на ротационной основе, сначала на год, затем – на два года. При переезде офиса в другой город Кавказа прежний остается функционировать как ресурсный центр КФ. За годы деятельности офис КФ был в Нальчике, Тбилиси, Владикавказе и Ереване. Последние три года, с открытием офиса в Москве, Кавказский Форум фактически имел три эффективно функционирующих центра с исполнительскими функциями – в Ереване, Владикавказе и Москве.

Со временем функции Координационного совета уточнялись и дополнялись, однако основное их ядро так и осталось неизменным. Координационный совет собирался раз в год – на этих встречах заслушивали и принимали отчет исполнительных структур, а также обсуждали контекстную ситуацию во всех регионах, в соответствии с которой принимали стратегический план на следующий год.

Региональные координаторы являлись основными представителями КФ на местах. Их главная роль заключалась в привнесении позиции гражданского общества данного региона в работу Форума, а также в распространении позиции Форума в гражданском обществе своего региона.

Исполнительный секретарь КФ являлся главным представителем КФ. Дабы избежать конфликта интересов, было принято решение о том, что человек, назначенный на определенный срок исполнительным секретарем КФ, представляет интересы не своего региона, а Форума в целом. В обязанности исполнительного секретаря входило представление Форума на различных мероприятиях, обеспечение контактов и

информирование КС обо всех осуществляемых проектах, согласование решений по любым возникающим вопросам. Ему помогал в работе технический секретарь.

Определение и ознакомление Координационного совета с повесткой дня предстоящих встреч и мероприятий Форума, формирование списков участников, поиск экспертов и фасилитаторов, а главное, подготовка ежегодных конференций КФ – вот далеко не полный перечень работы головного офиса КФ.

Основной функцией Московского офиса КФ было поддержание контактов с другими организациями и сетями, работающими по Кавказу. Фактически же деятельность московского координатора была намного шире: организационное и информационное обеспечение почти всех форумовских встреч, мониторинги и экспресс-анализы в рамках направлений деятельности КФ, ресурсное обеспечение форумовцев, приезжающих в Москву, и многое другое.

Процедура принятия решений

Решения принимались только на основе консенсуса, то есть каждый член КС КФ имел право вето. (В моей памяти не сохранилось ни одного случая, когда кому-то пришлось бы воспользоваться этим правом). Но в этом была еще одна важная особенность, о которой в свое время очень точно написал Геворг Тер-Габриелян (в то время – руководитель программ по Евразии International Alert, при активном содействии которой и невероятном усилии и личном вкладе самого Геворга и стало возможным рождение и становление КФ), назвав ее «минимальным консенсусом», – когда, например, с предложением согласны основные «оппонирующие стороны», скажем, армянин и азербайджанец, и к ним присоединяется еще некто нейтральный, то остальные уже довольно легко принимают такое предложение.

От идеи к идеологии

Организационная динамика КФ свидетельствует о том, что все решения по структуре и принципам его работы служили целям и задачам Форума по укреплению доверия и взаимосвязи между народами Кавказа. Принцип ротации на всех уровнях и принцип консенсуса в стратегическом планировании и принятии решений создавали равные партнерские отношения, основывались на общекавказскости, обеспечивали распространение идей КФ.

Для успешного осуществления миссии КФ его идея должна была стать идеологией, иначе говоря, необходимо было выйти на уровень критериев, отвечающих понятию «идеология».

Идеология – конкретно-историческое системное отражение социальной действительности, она выступает формой группового сознания. Если есть стремление сделать идеологию массовой (иначе трудно себе представить реализацию форумовских целей), то она должна получить масштабное распространение. То есть система взглядов на цели и

методы развития, принятая в КФ, должна была получить как можно большее число сторонников. Кроме того, система взаимосвязанных идей и концепций должна служить фундаментом конкретной политики, для осуществления которой необходима власть. В этом смысле власть является синонимом идеологии, направленной на систематизацию форм общественного сознания. Идеология также диктует обязательное наличие ясной, конкретной цели и исторической перспективы.

Попытаемся проанализировать, какие из вышеперечисленных критериев применимы к КФ. Для этого следует ответить на ряд вопросов:

1. Была ли в Форуме единая система взглядов на цели и методы?
2. Имел ли Форум ресурсы для масштабного распространения своих идей?
3. Была ли у Форума ясная, конкретная цель?
4. Была ли у Форума власть?

Система взглядов или ценности

Обозначив вопросы, важно отметить внутренний и внешний контекст, условия, в которых формировался и работал КФ. А это различие статусов регионов, НПО из которых участвовали в работе Форума (субъекты РФ, государства Южного Кавказа, непризнанные республики Южного Кавказа). Данный фактор часто создавал сложности в работе других кавказских сетей. В Кавказском Форуме эту проблему решили, определив, что координаторы Форума не уполномочены представлять свои территории или любые политические образования и силы. Они представляют только себя и свою неправительственную организацию. Географическое место их пребывания определяется не регионом, а городом. По существу это превращало Форум в сообщество людей, разделяющих идеи друг друга и КФ, толерантных, приверженных гражданским ценностям, а также верящих в общекавказскую идентичность и соотносящих себя с нею. Кроме того, это деполитизировало деятельность Форума, придавая процессу исключительно гражданский статус. В этом смысле можно совершенно справедливо утверждать, что Форум действительно опирался на единые ценности.

Важной сферой деятельности Кавказского Форума являлось распространение форумовских идей. Здесь также необходимо учитывать контекст, к примеру, разную степень заинтересованности. Гражданские общества в Армении, Азербайджане и Грузии активно развивались, не будучи ограниченными в своем сотрудничестве с грантодателями. Участвуя во множестве сетей, работая в десятках проектов, НПО этих регионов не воспринимали КФ в качестве особенной, чем-то отличной от других и необходимой им структуры. Совершенно иначе воспринимался Форум на Северном Кавказе и в непризнанных республиках Южного

Кавказа. В Кавказском Форуме они видели выход из изоляции, возможность общекавказского и международного общения, потенциал развития. Неравным был интерес к Форуму в Баку, Ереване и Тбилиси. В Тбилиси всегда любили общекавказскость, часть ереванского НПО-истеблишмента поддерживала Форум за идею, часть – ради Степанакерта. Баку в такой ситуации просто не мог себе позволить оставаться в стороне. Ответ на данный вопрос лежал в плоскости успеха работы Форума. Все понимали, что если Форум сможет стать фактором, авторитетной структурой в регионе, то интерес к нему повысится естественным образом. На распространение идей КФ работали как исполнительные структуры, так и координаторы в регионах. Позиция регионального координатора не оплачивалась; помимо форумовской деятельности, многие из них работали в других проектах, имели собственные программы, и на каком-то этапе деятельности КФ сами же координаторы предложили, чтобы вся работа, которую они делают у себя дома, соотносилась с Форумом; они заявили о желании и готовности вносить свой личный вклад и труд своих коллег по НПО в общую форумовскую «копилку».

Но для масштабного эффекта недостаточно только наличия человеческих ресурсов и усилий. Огромную роль играет финансовая составляющая. Кроме того, для масштабного охвата необходимо время. За семь лет работы КФ в орбиту его деятельности было вовлечено примерно 600-700 человек. Много это или мало – трудно судить. Но, на наш взгляд, если Форум и имел потенциал и определенную легитимность для воплощения своих идей на уровне региона, то даже при длительном финансировании и более масштабной деятельности они не имели шансов в настоящем историческом периоде перерасти в устойчивую идеологию, формирующую региональную систему взаимодействия. Во-первых, потому, что Кавказ был и остается расколотым, разобщенным в силу происходящих здесь политических процессов. Во-вторых, потому, что ни политическая власть в странах Кавказа, ни внешние силы не заинтересованы в той модели сотрудничества, которую пытался построить КФ. Власть не готова расстаться с приватизированными ею политическими и материальными ресурсами, а внешним силам, реализующим свои интересы, легче управлять такими властями.

Таким образом, распространение идей КФ могло быть обеспечено высоким внутренним потенциалом и легитимностью, которую обеспечивала общекавказскость, но было ограничено ресурсами, временем и, самое главное, политическими обстоятельствами.

Конкретные цели

Нам кажется, что цели, обозначенные в «Эльбрусской декларации», в какой-то мере представляют историческую перспективу, но претендовать на конкретность не могут. Не случайно этот документ называется декларацией, ибо перечисленные цели, конечно, декларативны. Они скорее отражают ценностный и гражданский подход, но никак не являются стратегическим планом построения стабильного и мирного Кавказа. Но ни в тот, ни, тем более, в современный исторический период Форум не мог ставить перед собой цели иные, чем указаны в Декларации.

В кулуарах КФ часто звучали мнения о том, что необходимо конкретизировать цель, например, поставить перед собой задачу создания на базе Форума организации, идентичной ОБСЕ, но никто никогда не озвучил бы данное предложение. Отчасти потому, что понимали – по этому вопросу консенсуса не достичь, а отчасти потому, что не верили в такую возможность, считая ее нереальной и неосуществимой.

На определенном этапе в Форуме осознали необходимость кардинального институционального преобразования. Форум стремился к самостоятельности и независимости. Чем был обусловлен путь от конференции НПО Кавказа до статуса международной организации? Желанием свободы в выстраивании стратегии, или Форум был готов выйти на совершенно иной целевой уровень? Совпадение или закономерность, что через год Кавказский Форум прекратил свою деятельность? Если рассматривать эти вопросы в социально-историческом и реалистичном ракурсе, то можно сказать, что так сложились обстоятельства: закончилось финансирование, доноры потеряли интерес к региональным проектам, ужесточилась позиция российской власти в отношении международных неправительственных программ, что с лихвой ощущали на себе наши коллеги из регионов Северного Кавказа. Налицо ряд совпадений, но во всем этом есть и закономерность, только она иного порядка, скорее из области философской или метафизической. Дотянув до нового уровня институционализации, КФ остался на прежнем идейном уровне. Он не поднял целевую планку.

Вполне вероятно, что рано или поздно КФ сумел бы сформулировать вполне ясные и четкие цели, но идеологию формулирует власть.

Вопросы власти в КФ

Из описанной выше системы управления и функционирования Форума ясно, что стратегию определял Координационный Совет.

Процедура принятия решений в КФ была и его ценностью, и его сущностью, но в любой работе бывают ситуации, когда необходимо взять на себя личную ответственность. Исполнительные органы КФ не имели этих полномочий, любые вопросы необходимо было согласовывать с КС. Многие члены КС не имели возможности моментального реагирования, иногда вообще не отвечали на запросы, что соответственно тормозило весь процесс, снижало уровень взаимодействия и качество работы, не говоря уже о невозможности оперативных действий. Демократия структуры оборачивалась бюрократией. Ни один из менеджеров не рискнул бы самостоятельно принять решение, так как это могло квалифицироваться как нарушение равноправия и принципа консенсуса, что, собственно, являлось базовыми составляющими Форума как такового.

Следовательно, власти в Форуме не было, а значит, не было объективного условия для выработки пусть неприемлемого для многих, но необходимого для дальнейшего развития

стратегического плана, соответствующего институциональным амбициям. Можно совершенно определенно констатировать, что идея Кавказского Форума, как постоянно действующей конференции НПО, не стала в дальнейшем идеологией Кавказского Форума – международной организации. Но Кавказский Форум имел очевидные успехи. Конечно же, совершались и ошибки. И то, и другое с точки зрения опыта медиации одинаково ценно.

3. Практическая деятельность Форума

Кавказский Форум осуществлял свою деятельность в рамках поставленных задач («Эльбрусская декларация») в нескольких направлениях. Основные из них: развитие гражданского общества в регионах Кавказа, поддержка мирных инициатив, миротворческие миссии, изучение этнополитической ситуации с целью предупреждения конфликтов, гуманитарные миссии. Работа всегда строилась на принципах справедливости, прозрачности и независимости. В арсенале форм деятельности КФ: семинары и конференции, тренинги, мониторинги, креативные игры, гуманитарные акции, заявления и обращения, направленные на защиту прав человека, когда их нарушение угрожает миру и стабильности в регионе.

Из наиболее успешных проектов КФ (в качестве критерия успешности мы принимаем тот позитивный резонанс, который был вызван в обществе и международных структурах данным проектом, или степень влияния проекта на последующие процессы в регионе) хотелось бы отметить:

- Конференцию по традициям разрешения конфликтов на Кавказе (книга, изданная по материалам конференции, была переиздана, что свидетельствовало о большом интересе к этой теме);
- Проект «Забывтые регионы»¹, направленный на поддержку и развитие гражданского общества Карабаха, Южной Осетии, регионов Северного Кавказа;
- Встречи экс-комбатантов Кавказа, а также людей с ограниченными возможностями, пострадавших в период вооруженных конфликтов. Встречи женщин – общественных лидеров, приведшие к созданию новой общекавказской сети – «Лиги женщин Кавказа» и т.д.;
- Миротворческую миссию в Карачаево-Черкесии в 1999 г., ставшую по существу началом реального форумовского миротворчества. Отчет по результатам миссии, согласно отзывам западных специалистов, отличался объективностью и полнотой анализа;

1 См. главу 11 данного издания

- Мониторинг президентских выборов в Кабардино-Балкарии в 2002 г., когда на политической арене возникла новая авторитетная сила, представляющая реальную альтернативу действующему президенту, что грозило дестабилизацией ситуации. Отчет КФ был использован кандидатами в президенты, несогласными с результатами выборов, для подачи заявления в суд международной инстанции;
- Издание сборника рассказов о войне писателей Южного Кавказа «*Время жить*»².

Перечень успешных примеров реализации стратегии КФ может занять несколько страниц. Для нас важно другое – что обуславливало этот успех? В чем уникальность Кавказского Форума как модели регионального сотрудничества, которая могла быть, а может еще и будет использована для построения наднациональных систем взаимодействия, без которых (позволю себе выразить личное мнение) невозможно обеспечить безопасность и мирное развитие?

Постараемся выделить основные составляющие успеха КФ.

Формат

Общекавказский формат медиации, положивший начало Кавказскому Форуму, утвердил далеко не новый, но самый главный ценностный принцип: общая забота о каждом гарантирует заботу каждого об общем.

Исторический опыт показывает, что когда каждый стремится к удовлетворению только собственных интересов, это приводит лишь к еще большему отчуждению, невозможности узнавания друг друга, формированию ложных стереотипов, а значит, к росту недоверия; результат – возникновение страхов и ощущения угрозы. А это уже самая благоприятная почва для «воротил мировой политики», которые прекрасно научились манипулировать такими настроениями, используя ситуацию в собственных интересах. В итоге проигрывают все.

Общекавказский формат медиации, воплощенный в КФ, подтвердил, что эволюционная форма урегулирования конфликтов является наиболее гарантированным методом достижения долгосрочных мирных перспектив.

В процессе сотрудничества и совместного развития уже сама по себе, безотносительно к конфликтам, формируется наиболее устойчивая модель мирного сосуществования.

Общекавказский формат медиации доказал, что обеспечить динамику и результативность такого процесса гораздо проще в региональном контексте.

Доверие

Конечно, во многом доверие внутри Форума возникло благодаря формату. Более того, доверие внутри Форума формировало доверие к самому Форуму со стороны гражданского общества, а в некоторых регионах и со стороны властей. Но никакой формат не смог обеспечить доверие, если бы не люди с общим видением, общими ценностями, говорящие на «одном языке». Трудно узреть закономерность в том, что нужные люди собрались в нужном месте и в нужное время, но так произошло. Многие, кто попадал в орбиту Форума позже, очень быстро проникались этой атмосферой. Конечно, уже тогда было ясно, что на Форуме были лидеры безотносительно к их статусу и занимаемой ими позиции. Они задавали тон, заражали энтузиазмом, верой в дело, которое делали; они щедро делились опытом и ресурсами, отдавали Форуму время, вкладывали в его работу свою душу. Во многом именно они создавали Кавказский Форум, который естественным образом отражался во внешний мир через призму этих личностей.

И главное – человеческий капитал являлся движущей силой Форума.

Методология.

В работе КФ использовался широкий спектр существующих методологий, тем более, что европейские методики «воркшопов», без столов и президиумов, оказались вполне в кавказском духе. Главным методологическим достижением КФ можно считать его гибкость в выборе тех или иных методов, открытость для новых креативных методик, умение адаптировать механизмы работы под специфику и географию проекта.

Так, в одну команду, ответственную за исполнение проекта, могли быть включены представители из конфликтующих регионов (в мониторинге выборов в КБР участвовали армянка и азербайджанец; исполнителями проекта книги рассказов о войне стали грузин и абхаз). Такая команда вызывала доверие участников проекта, но со временем КФ вывел на первые позиции другие критерии отбора команды, а именно: приверженность идеям КФ, профессиональные качества и личностные возможности, и лишь затем – этническую принадлежность.

Гибкость КФ сказывалась также в вопросах фасилитации процесса: в одних случаях процесс фасилитировала Алерт, в других – сами лидеры Форума (члены Координационного совета КФ или исполнительные координаторы); иногда Форум приглашал фасилитаторов со стороны.

Кавказский Форум ориентировался больше на действие, нежели на изучение, и если осуществлял исследовательские проекты, то они всегда носили прикладной, практический характер.

Многообразие методик, гибкость, открытость и умение адаптироваться к особенностям, нацеленность на реальные действия во многом определяли результативность и эффективность проектов.

Моделирование консенсуса

О консенсусе, который лежал в основе принятия решений КФ, достаточно подробно было сказано в предыдущей части. Здесь мы лишь приведем выдержку из статьи Геворга Тер-Габриеляна, которая поможет понять, насколько ценным является консенсус, и насколько он определяет даже не успех, а саму возможность процесса: «Если молодые поколения поторопятся со своими идеями, на мгновение не примут во внимание, что они не добились консенсуса – такое добровольное образование может и погибнуть... Согласие на Кавказе – а тем более многостороннее согласие – хрупкая вещь. Тем оно и ценно»³.

И еще одна особенность

«Эльбрусскую декларацию» также подписали представители International Alert. Это автоматически сделало их партнерами, они стали частью Форума. Являясь фактическим грантополучателем и менеджером проекта «Кавказский Форум», Алерт, тем не менее, имела равные обязанности и права со всеми остальными субъектами КФ. Равноправные отношения иногда создавали дискомфорт для Алерт, но до определенного момента такое партнерство было эффективным.

Имея такие активы, Кавказский Форум, казалось бы, обладал необходимым ресурсом для устойчивого развития, но, тем не менее, его деятельность остановилась и вот уже пять лет, как Форум не функционирует.

4. Объективные и субъективные причины застоя КФ

В данной главе мы попытаемся осмыслить, в силу каких причин и обстоятельств КФ приостановил свою деятельность. Дело в том, что мы не можем использовать формулировку «прекратил свое существование», так как согласно положению о КФ, его ликвидация возможна только по решению общего собрания. Таким образом, Форум существует, существует в виртуальном режиме, в сохранении человеческих и партнерских контактов, в регистрационных документах, присланных последнему исполнительному секретарю КФ министерством юстиции Голландии. Но он не функционирует.

3 Г. Тер-Габриелян (2001 г.). «Кавказскому Форуму – 5 лет». Стр. 250, 251 в «Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества» ред. Ж. Крикорова, Ж. Мельникова, А. Неволян, Г. Тер-Габриелян

Объективные причины «застоя» КФ обозначены в части первой настоящей статьи: прекращение финансирования, осложнение внутривнутриполитической ситуации в регионе, недоверие или незаинтересованность в Форуме со стороны государств региона, потеря интереса со стороны международных структур.

Для осмысления опыта медиации гораздо важнее проанализировать внутренние обстоятельства и факторы, при которых активы Форума оказались недееспособными. Безусловно, в Форуме хватало противоречий и проблем, ведь это была живая структура. Выделим лишь некоторые из них.

Институциональное опережение идеологических установок

См. часть первую настоящей статьи.

Неравноценное личное участие

Права в Форуме были равные у всех, но к обязанностям многие относились неаккуратно, а порой – с полным равнодушием. Например, возникает необходимость оперативного принятия решения, некоторые координаторы не реагируют на запросы исполнительного секретаря, но во время встречи требуют объяснений, почему то или другое решение не было с ними согласовано. Одни вкладывались в Форум, отдавая его становлению и развитию свое личное время и ресурсы своих НПО, другие считали вполне достаточным ограничивать свою работу в Форуме приездом на встречу Координационного совета или другое мероприятие. Понятно, что такое положение постепенно охлаждало энтузиазм, а обсуждения рабочих моментов переходили из конструктивного русла на уровень межличностных проблем.

Разная степень и разный уровень заинтересованности

Для одних участников КФ стал жизненным и профессиональным приоритетом, для других он оставался ареной формального участия. Часть организаций была заинтересована в сотрудничестве с Форумом в силу заинтересованности в его идеях, но определенную часть интересовали только ресурсные возможности КФ. На определенном этапе в регионах стало наблюдаться охлаждение к Форуму, так как некоторые НПО ожидали материальной, технической поддержки (и Форум оказывал такую поддержку) и без ресурсного вливания не горели желанием пропагандировать миротворческие идеи.

Методологические противоречия

Чем крепче становился Форум на ноги, тем больше он стремился расширить методологические рамки. Использование новых методик воспринималось не всеми. Частично несогласие возникало как форма столкновения консервативного и

креативного мышления; успешного опыта и непроверенной методологии с сомнительной эффективностью. Консенсус достигался, но чувство неудовлетворенности оставалось.

Отсутствие нового подготовленного поколения

Принципы ротации в отношении всех систем Форума способствовали приходу в КФ новых людей, что само по себе замечательно и отвечало идеологическим задачам, но новые люди не могли сразу вникнуть в процесс – незнакомые с «историей становления», не прошедшие весь этот путь, они, по сути, заставляли всех остальных опять возвращаться к началу. Они принимали идеи, соглашались с принципами деятельности, но если основатели КФ относились к Форуму как к своему детищу, то новое поколение относилось к нему как к уже сформировавшемуся организму. Оно могло его любить или не любить, но изменить не могло. Это меняло внутренний контекст, возникала разнопричастность, что вызывало колебания в системе равноправия.

Проблемы фандрейзинга

После завершения проекта International Alert эта организация выделила КФ средства на годовое содержание офиса с целью осуществления фандрейзинга и привлечения новых средств для продолжения деятельности.

Может в силу объективных причин, может в результате недостаточных усилий сотрудников КФ, но фандрейзинг не был успешным. Получил финансирование лишь один проект «Передвижная выставка прикладного искусства народов Кавказа», прошедшая в четырех кавказских городах и подаренная детям г. Беслана. Это был последний проект КФ.

При общем взгляде на вышесказанное понимаешь, что подобные противоречия вполне естественны, они не настолько глобальны, чтобы их нельзя было преодолеть или успешно разрешить. Почему же тогда Форум оказался в состоянии стагнации? Думается, что многие лидеры Форума ответили бы на этот вопрос по-своему, я отвечу своим Послесловием.

5. Послесловие

На мой взгляд, объективные факторы являются доминирующими. При наличии средств Форум со временем пришел бы к правильным решениям. Но главная ошибка, по моему мнению, в институциональном скачке. Мы перепрыгнули свои стратегические возможности, переоценили ресурсы. Нам не хватило трезвости и прагматичности в оценке ситуации, мы не спрогнозировали кризис, не сделали серьезной и глубокой рефлексии в посткризисный период. Возможно виной тому наше безудержное стремление к мечте, когда желание так велико, что, кажется, хватит сил достичь ее одной только верой и стремлением. Но это все

равно, как если бы мы решили подняться на вершину горы без необходимого альпинистского снаряжения. Мы дошли до середины. Там и остались. Будем ждать...

Замечание

Кавказский Форум НПО осуществлял свою деятельность до 2005 г.

Международные организации продолжают работать в кавказском регионе, инициируя все новые и новые миротворческие программы, необходимость в которых в условиях сохраняющейся напряженности только растет. В этом контексте проект «Кавказский Форум» представляется нам достаточно интересным с точки зрения опыта медиации. Анализ достижений Форума и его ошибок может стать ценным методологическим материалом не только для построения доверия между конфликтующими сторонами, но и примером уникальной модели сотрудничества, которая, быть может, на пару десятилетий опередила историю.

Приложение

Эльбрусская Декларация

Мы, представители ряда неправительственных организаций Кавказа, собрались в г. Нальчик, у подножия Эльбруса 19-26 июля 1998 г. и учредили Кавказский Форум неправительственных организаций.

Отмечая, что многие проблемы на Кавказе сегодня связаны с недостаточной степенью развитости гражданского общества, разобщенностью и изоляцией народов Кавказа друг от друга, Форум ставит перед собой следующие **цели**:

- Укрепление доверия и взаимосвязи между народами Кавказа.
- Возрождение кавказской культуры.
- Поддержание совместных гражданских инициатив, направленных на формирование толерантности, развитие политической культуры, утверждение гражданского сознания, возрождение традиций мирного сосуществования, преодоление этнической неприязни и предрассудков.

Основными задачами Форума являются:

- Обеспечение возможности регулярного контакта и диалога на Кавказе.
- Установление общей эффективной коммуникационной сети между участниками Форума.
- Поддержка и развитие НПО.
- Поддержка конкретных проектов, иницируемых в рамках основных направлений деятельности Форума.

На учредительном собрании Форума создана инициативная группа по координации его дальнейшей работы.

Форум открыт для неправительственных организаций всех регионов и народов Кавказа, которые разделяют основные цели и направления деятельности Форума.

В связи с нарастанием напряженности в ряде регионов Северного Кавказа, Форум выражает свою обеспокоенность и считает необходимым поиск путей для нормализации обстановки на Кавказе.

Учредительная сессия Форума стала возможной благодаря программе по построению доверия между НПО Грузии и Абхазии по гранту ТАСИС Европейского Союза и при содействии международной НПО по разрешению конфликтов «International Alert».

Нальчик, пансионат «Долина Нарзана», 24 июля 1998г.

Подписи...(Учредители Форума)

ГЛАВА 11

Воспоминания о забытых

Алан Парастаев

1. Введение

При подготовке этой статьи я решил отказаться от использования архивных записей и документов, принятых Кавказским Форумом. Я постараюсь описать события так, как я их помню, а вернее, как я их воспринимаю сейчас, спустя шесть с лишним лет после последней встречи участников сети и сотрудников International Alert в рамках Кавказского Форума. Как мне кажется, таким образом я смогу отобразить реальную картину происходившего, вернее, дополнить те материалы, которые мои многоуважаемые коллеги, возможно, написали для этого издания в более академическом стиле и более структурировано. Я же остановлюсь на моментах, кажущихся мне наиболее проблематичными. Именно поэтому я о них помню...

Первый проблематичный момент – это терминология, а точнее термин «регион». Этот термин по отношению к государственным образованиям Кавказа, с которыми мы работали, пусть и нейтрален, но не устраивает меня и многих из тех, кто будет читать эту книгу (во всяком случае, я это передам им). Я бы предпочел термины «регион-субъект» или «субъект-регион».

Я хотел бы пару слов написать о моём отношении к этому изданию. Я вижу его основную роль не только и не столько в исследовании и популяризации методов медиации в процессе трансформации конфликтов, сколько в качестве пособия по работе в сетевых структурах. Есть конкретные примеры, когда крупные сетевые структуры пользовались опытом Кавказского Форума, например, сеть Gringo, созданная в своё время под эгидой Датского совета по беженцам. КСБР – Кавказская Сеть Бизнеса и Развития¹ – прежде всего потому является удачной и работоспособной структурой, что пользуется разработками Кавказского Форума и учитывает допущенные им ошибки. Кроме того, КСБР в некотором смысле можно считать правопреемницей Кавказского Форума, во всяком случае, экс-комбатантского направления его работы.

Наши достижения важны и для других организаций, но главное, на мой взгляд, – это наши ошибки! Они, безусловно, имеют определенную ценность, поскольку отражают уровень миротворческого движения. Я часто становлюсь свидетелем того, как рождаются и угасают все новые и новые сетевые проекты. На эти проекты уходит большое количество средств и усилий людей. И когда сетевые проекты не достигают поставленных задач и, как я сказал, «угасают», не достигнув намеченных целей, негативное влияние оказывается гораздо больше, чем от двусторонних региональных проектов. И какими бы новейшими достижениями не были вооружены участники и организаторы сетевых проектов на Кавказе, их усилия будут малоэффективными, пока они не изучат опыт Кавказского Форума, особенно его негативную сторону.

Почему именно Кавказского Форума? Наряду с множеством уникальных реализованных инициатив (комбатантский проект, работа с чеченскими НПО, мобильные группы и

¹ См. главы 12 и 13 данного сборника

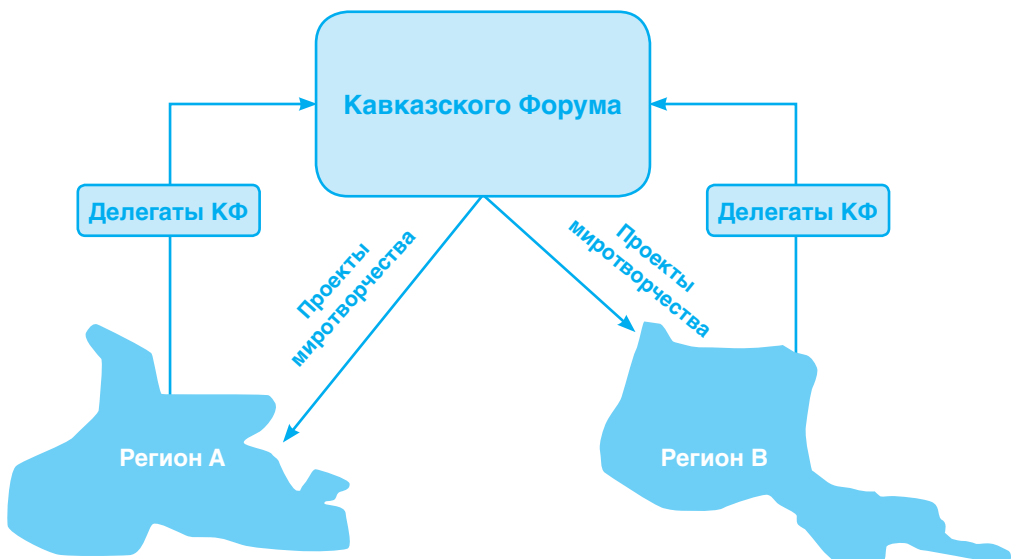
т.д.) Кавказский Форум является первой и пока единственной из известных мне сетевых структур, которая также способствовала разрешению конкретного конфликта между двумя регионами-субъектами и осуществлению медиации между ними.

Как мне представляется, сложилась ситуация, когда абхазо-грузинский гражданский диалог при посредничестве международной организации стал заходить в тупик. Тогда появилась идея подключить к процессу медиации и других представителей Кавказского региона. Но выполнив эту благородную миссию, участники встречи в Нальчике (летом 1998 г.) решили «не расходиться» и строить общекавказское пространство на уровне НПО и активистов гражданского общества. Таким образом, встреча, организованная для решения конкретной задачи медиативного характера, в конечном итоге привела к созданию постоянно действующей конференции – Кавказского Форума. Это, на мой взгляд, немаловажный фактор в процессе институционализации сетей медиативного характера.

2. Новый общекавказский формат

В этом издании, наверное, не раз будет сказано о том, как создавался КФ. Я имею в виду тот новый общекавказский формат, который участники абхазо-грузинского диалога избрали для того, что бы вывести его из стагнации. В результате процесс, так сказать, «пошел», причем в двух медиативных направлениях. С одной стороны, общекавказский элемент учрежденного Кавказского Форума способствовал повышению эффективности абхазо-грузинского диалога, а с другой – опыт и наработанные технологии абхазо-грузинского диалога применялись в различных проблемных, конфликтных и постконфликтных субъект-регионах Кавказа.

Рисунок 1: Формат Кавказского Форума

В качестве примера приведу блестящую работу, выполненную членами КФ в Дагестане, куда они были приглашены миротворческой организацией из Новочеркасска на семинар для общественных организаций. В процессе работы они включились в те проблемы, которые были озвучены самими участниками семинара по развитию гражданских инициатив, и в дальнейшем привлекли многих участников семинара к работе в сети КФ на различных уровнях, а другим просто помогли определиться со своей работой на месте в качестве фасилитаторов. Помимо включения их в КФ, они также способствовали тому, чтобы многие участники семинара достаточно активно включались в различные гражданские инициативы как в самом Дагестане, так и в других регионах России. Достаточно назвать одну из них, к примеру, Центр миротворчества (руководитель Тамара Османова) в Дербенте. Этот центр, заработавший эффективно во многом благодаря участию Кавказского Форума, внес и продолжает вносить свою лепту в сложное дело сохранения стабильности в столь разнообразном по этническому составу регионе, как Дагестан. Тогда, в уже далеком 1999 году, Дербент не был центром этнического противостояния, и многим казалось, что помощь Центру миротворчества – недостаточно актуальная тема. Но сегодня, когда межэтнические, конфессиональные и социально-политические противоречия в Дагестане, и в частности в Дербенте, все больше и больше обостряются, актуальность деятельности Центра миротворчества налицо.

Успех и эффективность местных инициатив КФ навели участников Форума на мысль о выделении работы на местах в отдельное направление деятельности КФ. К тому времени, а шел уже 2002 год, в обществах субъект-регионов уже имелось общее представление о работе КФ и его возможностях в области миротворчества. Но часто это представление было искаженным усилиями тех или иных игроков на социально-политической арене и в зависимости от их интересов. Международные организации и доноры способствовали этой негативной тенденции своим подходом к проблеме. Я имею в виду своеобразную систему определения нужд и отбора партнеров, к примеру, в Южной Осетии. Так, предпочтение в 90% случаев отдавалось двусторонним проектам, заранее написанным одним из партнеров – партнером №1. Этот проект предлагался второму партнеру уже практически без права внесения в него изменений. Понятно, что партнером №1 было НПО из Грузии, что давало возможность тем силам в юго-осетинском обществе, которые не были заинтересованы в стабилизации и трансграничном сотрудничестве, обвинять международные организации и местные НПО во всех грехах вплоть до предательства. Мы еще вернёмся к этой проблеме при рассмотрении ситуации в Южной Осетии.

3. Назад к субъект-регионам

Фактором, говорящим «за» активизацию работы на местах, было повышение эффективности работы Форума в ряде регионов. Со временем Кавказский Форум стал расширяться, привлекать все новых участников, а в таких условиях появлялись и регионы–аутсайдеры. В силу слабо развитых институтов гражданского общества «аутсайдеры» не могли «поставлять» Кавказскому Форуму полноценных участников либо за их отсутствием,

либо из-за низкого уровня представления о НПО и о роли гражданского общества. Так случилось в проекте экс-комбатантов. Идея встреч непосредственных участников боевых действий возникла уже на самой первой, учредительной встрече Кавказского Форума. Среди участников КФ были люди воевавшие. Было решено организовать встречи людей, принимавших участие в войнах на Кавказе, имеющих авторитет в обществе и готовых участвовать в миротворческих инициативах. Тем не менее, понадобилось провести две встречи с участием представителей Кавказского Форума, прежде чем в Южной Осетии подобрались люди, способные полноценно участвовать в инициативах КФ. Причиной тому была отнюдь не недостаточно эффективная моя работа в качестве координатора в регионе. На первую встречу экс-комбатантов были приглашены молодой ученый-кавказовед и сотрудник министерства юстиции.

В рамках экс-комбатантского проекта планировалась работа по двум направлениям: с силовыми структурами и по вопросам культурно-исторического единства Кавказа. Несмотря на то, что участники от Южной Осетии по роду своих основных занятий вполне соответствовали тем задачам, которые ставил перед собой Кавказский Форум, они не проявили никакой активности, хотя до сих пор с теплотой вспоминают ту первую встречу экс-комбатантов. Активным участником экс-комбатантского проекта стал впоследствии Тимур Цховребов. Мало того, участие в экс-комбатантском проекте послужило толчком для активизации работы Тимура в НПО-секторе. Он создал независимую газету, стал активистом Кавказской сети бизнеса и развития, ряда других сетевых и грузино-осетинских инициатив и проектов. В данный момент (2010 г.) Тимур занимается созданием независимой политической партии, а в условиях Республики Южная Осетия, читай, оппозиционной.

Я не случайно использовал по отношению к факту участия Тимура в экс-комбатантском движении слово «толчок», а не «начало». Тимур пришел в экс-комбатантское движение, уже имея опыт общественной деятельности и работы в НПО, в то время как предыдущие участники такого опыта не имели. Этот факт утвердил нас в мысли о необходимости работы по повышению информированности людей в регионах с целью последующего вовлечения их в программы и проекты Кавказского Форума и других организаций, в процесс миротворчества. На первой встрече были представители всех вооруженных конфликтов на Кавказе. Особое внимание также уделялось наличию регионов, которые, несмотря на реальные риски возобновления вооруженной стадии конфликтов, были обделены вниманием международных организаций, работающих в сфере развития гражданских институтов и миротворчества. Такими, в первую очередь, оказались Южная Осетия и Нагорный Карабах, а также Чечня.

4. Юго-осетинская ситуация

На самом деле в Южной Осетии работали и УВКБ ООН, и ОБСЕ, и даже было открыто отделение Фонда Сороса. Но в основе проводимой ими политики лежал принцип

билатеральности проектов НПО – обязательным условием финансирования проекта в Южной Осетии было участие в нем партнера из Грузии. Естественно, что двусторонние осетино-грузинские проекты – это важнейший элемент миротворчества на уровне НПО, но когда билатеральность навязывается в качестве условия финансирования проекта, эффект бывает зачастую обратным реальному миротворчеству.

Во-первых, сами НПО оказались между молотом государственной политики и общественного мнения, ратовавших за самостоятельность гражданского общества ЮО, и наковальной международных организаций, выступавших за обязательное совместное функционирование с грузинскими НПО. Ситуация осложнялась еще и тем, что расположенные и официально прописанные в Тбилиси международные фонды и организации имели гораздо больше контактов с грузинскими НПО. Перед тем, как приступить к программам или проектам в Южной Осетии, они встречались с грузинскими НПО. С ними же обсуждали идеи предполагаемых в ЮО проектов, затем писали сами проекты, а в Цхинвал уже привозили готовое проектное предложение. Получался своего рода тендер, когда, приехав в Цхинвал, потенциальный донор с партнером из Грузии предлагал юго-осетинским НПО просто присоединиться к проекту. Естественно, выбор падал на те НПО из Южной Осетии, которые соглашались, без внесения изменений в предложенный проект, приступить к его реализации. В других случаях, пытаясь удовлетворить требования доноров, НПО шли на различные ухищрения, чтобы максимально разделить функции и только формально оставить элемент двусторонности. Тем самым сотрудничество, как таковое, сводилось до минимума.

Во-вторых, в обществе все более усиливалось убеждение в том, что международные фонды отстаивают интересы грузинского общества и поддерживают официальную политику Грузии.

В такой ситуации инициатива Кавказского Форума была как нельзя кстати. Региональный подход Кавказского Форума, который не делал акцент на признанности того или иного субъект-региона Кавказа, с одной стороны, давал возможность юго-осетинским НПО полноценно сотрудничать с грузинскими НПО в общекавказском формате. С другой стороны, пример сотрудничества НПО в рамках абхазо-грузинских и армяно-азербайджанских проектов помогал НПО из Южной Осетии выдерживать нападки со стороны особо «патриотично» настроенных государственных и общественных деятелей. Поддержка заключалась в том, что пример сотрудничества НПО в абхазо-грузинском и азербайджано-армянском контексте позволял НПО из Южной Осетии ссылаться на них, убеждая общественность и официоз в том, что никакого предательства интересов республики в этом нет.

Возникла ситуация, которую, по аналогии с революционной, можно было характеризовать так: International Alert не хотела, а местные НПО не могли работать по-старому. Вот на такой благодатной почве предстояло начинать работу Кавказского Форума в Южной Осетии.

5. Забытые регионы меняют форматы

Первым реальным контактом с юго-осетинским НПО-сообществом можно считать участие группы представителей Кавказского Форума в I Конференции НПО Южной Осетии. Она проходила в сентябре 1999 года на практически заброшенной, но восстановленной усилиями самого НПО-сообщества туристической базе в районе Мзиу Гом (Джавский р-н). Хотя Конференция финансировалась Цхинвалским офисом Миссии УВКБ ООН, ориентирована она была как раз на перспективы сетевого сотрудничества, в частности, в рамках Кавказского Форума. Форумовцы в лице Ларисы Сотиевой, Заура Борова и Алана Плиева познакомили участников конференции с сетевым сотрудничеством НПО. Это, по сути, было первым шагом на пути к вовлечению юго-осетинских НПО в работу Кавказского Форума и наоборот. Но потом все «заглохло», интерес Форума к Южной Осетии практически никак не проявлялся, и прошли долгих пять лет, прежде чем Кавказский Форум вплотную занялся проблематикой Южной Осетии.

КФ, изучая нужды и потребности развития институтов гражданского общества на местах, способствовал их становлению и укреплению. Собственно в этом была одна из основных задач Форума. В результате этого направления родилась идея с рабочим названием «Забытые регионы». Тематика семинаров подбиралась таким образом, чтоб их можно было провести силами самого Кавказского Форума с привлечением минимума приглашенных специалистов. Это было продиктовано еще и тем, что семинары носили не только обучающий характер, но и исследовательский. Планировалось подобрать из участников семинаров потенциальных активистов Кавказского Форума. Кроме того, нам хотелось, чтобы участники семинаров как можно больше узнали о самом Форуме, почувствовали его атмосферу.

Первоначально планировалось провести серию тренинг-семинаров для НПО и активистов гражданского общества Карабаха и Южной Осетии. В ходе подготовки к реализации первых проектов появилось предложение расширить формат «забытых регионов», включив в него участников из Чечни, Карачаево-Черкесии, Ингушетии. Именно в таком формате был осуществлен первый этап проекта – семинар «Развитие и укрепление общественных организаций регионов Кавказа», состоявшийся в ноябре 2003 года во Владикавказе.

Плюсы расширения формата я вижу в следующем:

- Мы привлекали к работе в Кавказском Форуме новые регионы Северного Кавказа, которые по другим параметрам, таким как низкий уровень развития НПО, привлечь не удавалось. Это касалось, например, Карачаево-Черкесии, где была налицо предконфликтная ситуация, связанная с межэтническими отношениями (карачаевцев и черкесов, карачаевцев и русских) и религиозным фактором (распространением ваххабизма), но власти крайне негативно относились к инициативам международных организаций по развитию миротворчества. Конфликт было выгоднее замалчивать, чем говорить о нем и пытаться на него повлиять.

- Участие северокавказских НПО в Форуме позитивно сказалось и на позиции юго-осетинских неправительственных организаций в юго-осетинском обществе, и на имидже самого Кавказского Форума.

Мне вспоминаются слова одного из учредителей Кавказского Форума и участницы семинаров в рамках проекта «Забывтые регионы» Дины Алборовоной: «Меня не устраивают проекты лишь по Южному Кавказу. Куда интереснее совместные проекты, к примеру, с чеченскими или карачаево-черкесскими НПО. На эту мысль натолкнули разговоры с чеченскими ребятами. Они сами предложили идею совместного проекта, потому что, как выяснилось, ничего не знают о Южной Осетии, точно так же, как мы о них, мысля стереотипами. Они очень хорошие ребята, не вызывают никакой ксенофобии. Мы все живем на Кавказе, мы соседи, нас изолировали друг от друга события последних десяти лет. Но сегодня мы должны проводить совместные мероприятия в рамках миротворчества и под девизом «Кавказ – наш общий дом». Собственно для этих целей и был учрежден Кавказский Форум неправительственных организаций в Нальчике, в 1998 г.».

Расширение формата КФ имело, на мой взгляд, и свои минусы. Произошло распыление фокусной группы – все же проблемы Северного Кавказа несколько отличаются от проблем Южного. В частности, юго-осетинская проблематика, рассматривавшаяся как основная авторами проекта на стадии его создания, практически растворилась в общекавказской проблематике. А шел 2003 год... Через год возобновились вооруженные действия в Южной Осетии, а о грузино-осетинской проблематике на семинаре практически не говорилось. Была дезавуирована первоначальная установка – дать слово, возможность высказаться и почувствовать свою эксклюзивность именно карабахским и юго-осетинским НПО. Если говорить о функции медиации Кавказского Форума, то в данном случае она была ограничена расширенным общекавказским форматом, как бы алогично это не звучало.

Ограничения в возможностях медиации диктовались простым фактором, который можно назвать «разностью в уровневых и тематических составляющих интересов». Дело в том, что Москва официально объявила о подавлении сепаратистского сопротивления в Чечне и о разрешении территориального осетино-ингушского конфликта, а посему считала нежелательными разговоры о разрешении этих уже «разрешенных» проблем. В такой ситуации обсуждать вопросы, связанные с отсутствием международного признания и борьбой за независимость Южной Осетии в присутствии участников из Чечни, означало бы обрекать последних на вынужденное молчание. Аналогично и в случае обсуждения территориальных проблем Карабаха в присутствии представителей Ингушетии.

6. Кавказский Форум, Алерт, Абхазия, Южная Осетия: политика, проекты и война

Мы благодарны Алерт и Кавказскому Форуму за то, что они дали нам возможность поднимать и обсуждать юго-осетинскую проблематику в НПО на общекавказском и международном уровнях в контексте урегулирования конфликтов всего Кавказа, и даже предпринимать в этом направлении реальные шаги, такие как связи комбатантов, вовлечение бизнесменов в миротворчество, проект «Лиги женщин». К сожалению, так и не удалось осуществить полноценный проект в Южной Осетии. Но мы хотя бы пытались!

Важность попыток Кавказского Форума ощущается сильнее, если рассматривать их на фоне общепринятой позиции международного сообщества, которое не рассматривало Южную Осетию как полноценного игрока на политической арене, а тем более с военно-стратегической точки зрения.

Международное сообщество видело разрешение юго-осетинской проблемы в том, чтобы предложить осетинам некую альтернативу независимости в виде экономических и иных преференций. Но и эти предложения южным осетинам делались в достаточно странной форме. Речь идет о проекте «альтернативного правительства Дмитрия Санакоева», «проекте-приманке», призванном показать народу Южной Осетии привлекательность перспективы вхождения в Грузию. «Альтернативное правительство» было создано режимом Саакашвили на неконтролируемой Цхинвалом территориях Южной Осетии. Но этот проект в конечном итоге провалился, так как абсолютно не учитывал современных реалий и подлинной сути грузино-осетинского конфликта. В частности, упор делался на смену руководства Южной Осетии, в котором виделась основная причина конфликта и осетино-грузинских противоречий.

В том же русле практически полного отсутствия анализа причин конфликта работали и проекты ОБСЕ по экономической реабилитации. К примеру, в зоне грузино-осетинского конфликта, на территории, контролируемой Цхинвалом, не было реализовано ни одного проекта по сельскому хозяйству и малому бизнесу, в то время как в грузинских анклавах финансировались десятки предприятий и ферм. Я ни в коей мере не хочу обвинять ОБСЕ в этническом подходе, но налицо несбалансированный и крайне политизированный подход к разрешению даже экономических проблем и проблем развития малого и среднего бизнеса. Такая стратегия, как показало время, играла на руку тем силам, которые были заинтересованы в возобновлении конфликта, и подрывала имидж международных организаций в целом.

Военно-стратегическая составляющая является прямым следствием социальной и политической. Ни российские миротворцы, ни президент Кокойты и его охрана, ни даже министерство обороны республики Южной Осетии, КГБ и МВД – никто из них не может приписать себе заслугу в обороне Цхинвала в первые два дня войны в августе 2008 г. Цхинвал выстоял благодаря стойкости и вере в свою правоту простых граждан Южной Осетии.

Я часто привожу следующую мысль, а потом прошу аудиторию или собеседника привести аргументы против, доказать, что я в чем-то не прав. Суть ее в следующем: международные организации вложили в развитие гражданского общества Абхазии и осуществление там различных миротворческих проектов гораздо больше финансовых средств, нежели в Южной Осетии. А российский бизнес? Ведь международные вложения, по сравнению с российскими деньгами, пришедшими туда, мизерны. Тогда получается, что Россия сохранила свои деньги, пововав на территории, где не было инвестиций. Так? Цинично, но логика в этом есть. Это – во-первых.

Во-вторых, Южная Осетия и Абхазия получили существенную поддержку своей независимости, будучи признанными Россией, Никарагуа и Венесуэлой; они стали частью мирового сообщества.

И третье, в Южной Осетии разразилась война 08.08.08 – сотни жертв, тысячи беженцев. В Абхазии все это прошло практически бескровно. Когда я говорю, что вижу прямую связь между моими первым и третьим постулатами, многие эксперты из различных международных организаций, вроде занимающихся предупреждением и разрешением конфликтов, поддержкой институтов гражданского общества, правами человека и вопросами человеческой безопасности, мило улыбаются, но возразить или противопоставить ничего не могут.

Одним словом, вложенные в миротворчество и развитие демократических институтов средства международного сообщества «окупились», и кровопролития удалось избежать во многом благодаря им. Это касается и проекта «Кавказский Форум», в котором соотношение средств и усилий, вложенных в Абхазию и Южную Осетию, соизмеримо с такими же показателями международных организаций в целом. Но в чем неопределима роль Алерт, так это в том, что с помощью Кавказского Форума о юго-осетинской проблематике начали говорить.

Для примера приведу случай, произошедший на конференции, организованной в 2007 году достаточно влиятельным парижским «Институтом изучения вопросов безопасности». В качестве основного докладчика по вопросам безопасности на Кавказе была приглашена Саломе Зурабишвили, экс-глава МИД Грузии, ушедшая к тому времени в оппозицию. Так вот, в ее докладе лишь 10% было уделено проблематике Южной Осетии, причем все сводилось к набившей оскомину идее о том, что смена руководства Южной Осетии и есть путь к миру, а точнее, к вхождению в состав Грузии. Пробравшись сквозь толпу желающих пообщаться с Саломе, я задал вопрос: «А вы меня спросили, что я, оппозиционер и враг режима Кокойты, по мнению властей Южной Осетии, думаю о перспективе вхождения Южной Осетии в Грузию?». Мой вопрос повис в воздухе. Я задал этот же вопрос той же Саломе снова, но уже в Вене, после августовской войны, будучи гражданином признанной Россией Республики Южная Осетия. В ответ – все та же снисходительная улыбка и ничего более.

И только маленькая, по сравнению с такими китами как ОБСЕ и ЕС, британская неправительственная организация International Alert забила ещё в 2003 году тревогу и пыталась, как могла, изменить ситуацию. Алерт понимала казалось бы совершенно простую истину – рвется там, где тонко. Нельзя производить градацию конфликтных ситуаций и, в зависимости от их уровня, уделять внимание тем или иным регионам. Если воспринимать Кавказ как единый регион со схожей проблематикой и одними и теми же игроками на политической сцене, то напрашивается простой вывод: для того, чтобы продуктивно действовать на этом едином во многих аспектах пространстве Кавказа, следует создать соответствующую структуру – сеть НПО в качестве важнейших игроков на поле миротворчества.

А для того, чтобы сеть работала, необходимо, чтобы все ее составляющие были примерно на одном и том же уровне развития гражданских институтов, имели одну и ту же направленность и темпы развития, иначе сеть будет рваться и не будет работать!

Необходимо создать социальную среду, способствующую реализации миротворческих инициатив во всех регионах, вне зависимости от их политического статуса. Это, как мне кажется, и лежало в основе подхода Алерт к созданию Кавказского Форума и стратегии работы по трансформации конфликтов на Кавказе.

Поднять уровень гражданских институтов в Южной Осетии до уровня Абхазии в начале 2000-х было не очень сложно просто потому, что уже был опыт Абхазии по построению доверия между грузинами и абхазами и содействию развитию гражданских институтов. Это следовало переложить на юго-осетинский субстрат, тем более, что само юго-осетинское гражданское общество уже подавало «признаки жизни». Получили распространение проекты, предоставляющие гражданам трибуну для выражения своего отношения к происходящему в республике, консолидирующие различные слои гражданского общества. Это такие инициативы, как Ресурс-Центр НПО, Клуб «Гражданское Общество» и др. Помимо этого международным организациям имело смысл использовать в Южной Осетии и технологии, наработанные в Абхазии в организационном плане. Этого сделано, к сожалению, не было. Кавказский Форум и Алерт стали расплываться в выборе основного партнера, а время шло и главное – не ждало.

7. От трансформации конфликтов до трансформации Форума

В подтверждение этого факта можно привести пример с успешным проектом «Бизнес и конфликт». Организаторы проекта четко обозначили партнеров в Южной Осетии. В рамках проекта в Южной Осетии был создан полноценный Бизнес-центр, который также превратился в некое ядро, вокруг которого продолжает, несмотря на ужасающие социально-политические условия, формироваться гражданское общество. Не будь юго-

осетинского Бизнес-центра, стала бы проблематичной реализация многих гражданских инициатив, таких как независимая газета «XXI век», «Форум граждан Южной Осетии», а также многочисленных акций и разовых мероприятий, семинаров и круглых столов.

Если уж говорить о проекте «Бизнес и конфликт», то его потенциал, на мой взгляд, должен был быть востребован. Ведь в свое время сам этот проект многое перенял из опыта Кавказского Форума.

Если говорить о выводах, то они просты и понятны, ибо следуют из самой сложившейся ситуации.

- Во-первых, необходимо продолжать миротворческую деятельность.
- Во-вторых, надо восстанавливать старые связи и использовать уже существующие. Один из немногих миротворческих процессов, реально работающих на Кавказе, – это Кавказская сеть бизнеса и развития. Участники Кавказского Форума, несмотря на прошедшее время и сложность ситуации, продолжают поддерживать контакты и сотрудничать по разным направлениям и проектам. Многие продолжают этим заниматься, в том числе и в госструктурах, имеющих отношение к миротворческой деятельности.
- В-третьих, необходимо привлекать к работе новых участников.

На общественно-политическую сцену вышли новые игроки. Например, после августовских событий 2008 г. в Южной Осетии появилась новая элита из числа комбатантов, которые активно занимаются политикой, создают общественные организации и партии, уже представлены в парламенте Южной Осетии.

Для успешной реализации всех этих направлений необходима работа на разных уровнях. Она должна вестись как внутри юго-осетинского общества, так и в формате осетино-грузинских и общекавказских контактов.

V

Экономика и медиация

ГЛАВА 12

Экономика и конфликт на Южном Кавказе

Кавказская сеть бизнеса и развития

Диана Клейн и Оскари Пентикейнен

1. Введение

Кавказская сеть бизнеса и развития (КСБР) – это группа, деятельность которой позволяет надеяться на весьма позитивные результаты; в ее состав входят представители бизнеса, гражданского общества и академических кругов, которые совместно работают на благо установления мира в регионе. Члены КСБР одинаково видят будущее устройство Кавказа, где будут действовать нормальные экономические связи и механизмы сотрудничества. Они способствуют миротворчеству на Южном Кавказе, поддерживая для этой цели проекты регионального экономического сотрудничества различных форматов. Они смогли заразить своим энтузиазмом International Alert и другие организации, работающие в этом регионе. Данная статья рассматривает эту инициативу с позиции интернациональной команды, помогавшей создать этот проект и оказывавшей в дальнейшем содействие КСБР. Иными словами, это будет субъективная точка зрения сотрудников международной организации, а не тщательный анализ, проведенный совместно с нашими партнерами. Успех проекта можно определять по-разному. Одним из критериев успеха можно считать то, что процесс можно описать по памяти. При подготовке этой статьи я практически не пользовался документами (исключение составляет только методологическая часть). Это означает, что события были достаточно значимы и хорошо запомнились.

Итак, хотя проект был запущен с помощью и под руководством Алерт, совершенно очевидно, что невозможно заранее запланировать «создание группы энтузиастов, активных творческих людей, которые сделают все, что от них зависит, и даже больше, во имя мира». С самого начала было ясно, что это не «одноразовый» проект, что здесь нельзя установить временные рамки, и мы работаем на долгосрочную перспективу. Но рождение процесса из идеи определялось самим процессом, а не каким-то «генеральным планом». Можно было лишь задавать направление, создавать основу, честно работать, но, в конце концов, приходилось просто надеяться и верить. Существуют способы поддержать проект, придать ему такую форму, чтобы в его рамках могли создаваться и действовать группы, подобные КСБР. Алерт, безусловно, определила направление этого процесса и при приеме всех решений выступала за создание подобных условий.

В данной статье предпринята попытка документально зафиксировать процесс с позиции посредника, чтобы другие могли учиться на наших успехах и ошибках. Мы понимаем, что не существует единой модели, и опыт, полученный в одних условиях, не всегда применим в других конфликтах, но, тем не менее, мы уверены, что знакомство с чужим опытом может расширить «арсенал идей» и создать базу для сравнений, особенно в тех случаях, когда кажется, что искать пути разрешения конфликта бесполезно, а новых творческих идей не хватает.

2. Начало проекта

International Alert работает на Кавказе с конца 1990-х годов. В соответствии с организационной структурой, в Алерт имеются тематические департаменты (экономика и мирное строительство, безопасность, гендерные проблемы и др.) и региональные департаменты (Евразия, ЮВА, Западная Африка, Великие озера и др.). В кавказском регионе были задействованы команды как Евразийской программы, так и департамента экономики и мирного строительства (на момент начала проекта именовавшегося «Бизнес и конфликт»). Сотрудники Евразийской программы были заняты в ряде проектов, таких как Кавказский форум, проекты по установлению доверия между грузинами и абхазами. Члены команды «Бизнес и конфликт» в первую очередь анализировали влияние нефти на ситуацию в Азербайджане и в регионе в целом.

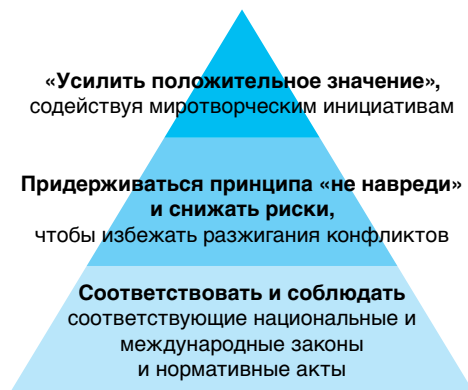
Специализация в этой тематике вызвала интерес к взаимному влиянию экономики и конфликта, и затем – к созданию КСБР.

В данной главе будет предложен анализ условий, в которых реализуется проект, с точки зрения его содержания, хода развития и общего контекста.

Содержание

С начала 90-х годов прошлого века Алерт изучает роль частного бизнеса в миротворчестве. Наша главная публикация *«Бизнес мира»* сохраняет свою значимость и сегодня. В этой работе мы детально рассматриваем различные способы участия частного сектора в деле миротворчества, начиная с соблюдения правил и законодательных актов и до снижения рисков, смягчения негативных последствий конфликта и создания в обществе позитивных ценностей.¹

Рисунок 1: Роль частного сектора в конфликте/миротворчестве (по материалам «Бизнес мира»)

1 См.: «Бизнес мира» на <http://www.international-alert.org/resources/publications/business-peace>. Дополнительную информацию о работе Алерт по теме «Экономика и миротворчество» можно найти на http://www.international-alert.org/peace_and_economy/index.php.

С учетом того, что добывающая промышленность (нефтяная, горная и газовая) оказала самое сильное негативное влияние на развитие конфликта, именно эти отрасли были главной целевой аудиторией нашего исследования и основанием для нашего присутствия на Кавказе. Начавшееся в 1999 г. строительство нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД) вызвало много вопросов и привлекло внимание западных СМИ; в это же время сформировались группы противников его строительства как в самом регионе, так и в Европе.² Маршрут газопровода был изменен, чтобы обойти территорию Армении и, в частности, Нагорного Карабаха. Строительство газопровода могло отрицательно повлиять на развитие конфликта на региональном, национальном (отсутствие прозрачности в вопросах управления доходами) и местном уровнях. Растущая озабоченность потенциальным негативным воздействием нефтепровода БТД на развитие конфликта в регионе, а также прямое приглашение местных неправительственных организаций Азербайджана и Грузии явились достаточным основанием для нашего появления в этом регионе. В последующие годы мы пытались установить контакты с представителями Бритиш Петролеум и других крупнейших компаний, входивших в консорциум БТД, с правительством Азербайджана и, конечно же, с представителями местного гражданского общества. В данной работе мы не будем останавливаться на этих контактах³, но следует отметить, что предложенные нами экспертные заключения о роли частного сектора в конфликтах и в процессе миротворчества, а также опыт работы Алерт в других зонах конфликтов способствовали тому, что многие люди были готовы обсуждать с нами эти проблемы и высказывали свежие идеи.

Мы считали необходимым провести политэкономический анализ ситуации, и на его основе пришли к выводу, что если подавать новые идеи как чисто экономические, то приоткрывается узкое окошко возможностей для применения инновационного подхода и рассмотрения представителей частного бизнеса в качестве полноправных участников бизнеса мира. Последнее решение открывало уникальные возможности – если ввести в игру частный бизнес, то появляется много заинтересованных в установлении мира людей. В дальнейшем мы неоднократно имели возможность убедиться в том, что если мы привлекаем частный сектор, то его представители могут не только поддержать усилия политиков, но и мобилизовать людей из других слоев общества.

Процессы

Наш опыт работы и вовлеченность в проблемы региона обеспечили Алерт два важных условия для дальнейшей работы: возможность физически присутствовать в регионе и доверие. Значение первого условия нельзя недооценивать, планируя посреднические интервенции. Постоянное присутствие позволяет более качественно и всесторонне проанализировать местную ситуацию и установить нужные отношения. И то, и другое, в свою очередь, может

2 Например, от финансирования проекта отказался «Банк Интеса» (Италия).

3 См.: Oil and the Search for Peace in the South Caucasus: The Baku-Tbilisi-Ceyhan (BTC) oil pipeline на <http://www.international-alert.org/resources/publications/oil-and-search-peace-south-caucasus>.

помочь с дальнейшим финансированием проекта. В данном случае мы работали в регионе по многим направлениям. Команда «Бизнес и конфликт» приступила к работе в Азербайджане по проектам, связанным с нефтяной промышленностью, а сотрудники Евразийского отдела работали над совместными проектами с местными НПО по всему региону, а точнее – на севере и юге Кавказа. Это позволило провести более широкий анализ на основе консультаций и информации, полученной от широкого круга заинтересованных лиц, что, в свою очередь, позволило лучше определить суть проблемы и лучше спланировать проект.

Уровень доверия неразрывно связан с легитимностью. Алерт признает, что главную роль в преодолении конфликта должны играть люди, пострадавшие от конфликта, и свою роль видит в том, чтобы быть помощником, посредником, оказывать поддержку и ускорять естественный ход событий. Наша легитимность определяется нашими ценностями и «приглашением», прямым или косвенным, полученным от людей, которые верят, что мы можем им помочь, и которые нуждаются в нашей поддержке. Наряду с признанием того факта, что высшей ценностью являются люди, Алерт в своей работе придерживается таких ценностей как беспристрастность, подотчетность, конфиденциальность, независимость и партнерство.⁴ Доверие не завоевывается быстро, оно зависит как от репутации самой организации, так и от людей, непосредственно занятых в посредническом процессе. Естественно, что важной составляющей этого уравнения является восприятие организации местным населением – действительно ли ее реальная деятельность соответствует декларируемым ценностям, и если «да», то насколько. Не нам судить, насколько успешно наши планы были реализованы на практике.

Важную роль играли и организационные вопросы. По мере развития процесса мы все больше понимали, как важно соответствовать меняющимся условиям и отвечать новым требованиям, продолжая при этом работать над установлением связей между микро- и макроуровнями, находить разумный баланс и гибкий подход к работе с разными группами населения из противостоящих сообществ (как признанных, так и непризнанных). Посредников и медиаторов уважают за профессиональные знания, профессиональный опыт и профессиональное поведение.

Работая с людьми на местах, многие из нас начали сомневаться в правомерности подхода, предполагавшего исключительно анализ влияния нефтяных проблем на развитие конфликта. Не то чтобы мы не видели значения нефтяного фактора, но мы видели и наличие других, непосредственно относящихся к проблеме факторов, которые также заслуживают внимания и поддержки со стороны международной организации, располагавшей ограниченными ресурсами, но эти факторы вообще не рассматривались.

Таким образом, постепенно тема нашего анализа становилась шире и могла быть сформулирована на уровне региона как «экономика и конфликт», а не просто «нефть и

4 См.: «Кодекс поведения International Alert» <http://www.international-alert.org/resources/code-conduct>.

конфликт». Мы решили провести исследование этой проблемы, прежде чем планировать свою «интервенцию» на Южный Кавказ.

С учетом уже упоминавшегося выше положения, из которого исходит организация в своей деятельности, а именно, что «люди, пострадавшие от конфликта, лучше всех могут в нем разобраться», мы решили воспользоваться результатами анализа, проведенного группой местных специалистов. Их анализ был посвящен взаимосвязям между экономикой и конфликтами.

Контекст

Как уже было вкратце упомянуто выше, по мере развития проекта и анализа конкретных данных мы пришли к выводу о необходимости более широкой постановки вопроса и исследования взаимодействия экономики и конфликта. Такая постановка вопроса казалась важной широкому кругу заинтересованных лиц, так как конфликт в регионе развивался в специфическом контексте, для которого, в частности, были характерны следующие особенности:

- Все четыре конфликта в регионе⁵ были затяжными, характеризовавшимися низким уровнем насилия, но имевшими мало шансов на благополучное разрешение, поскольку все возможные варианты уже были исчерпаны. Создавалось ощущение, что «традиционные» способы разрешения конфликтов не способны вывести ситуацию из тупика и возникало настойчивое желание попробовать новые подходы. В рамках данного отчета в наши задачи не входила оценка эффективности и последствий миротворческих усилий политиков, проектов народной дипломатии и миротворчества на низовом уровне, однако, по мнению авторов доклада, ни одна из этих возможностей не была достаточно испробована в регионе с тем, чтобы в дальнейшем быть полностью задействованной. Статус-кво, навязанный в силу геополитических причин, и отсутствие у всех народов региона рычагов влияния на власть создавали впечатление, что эти народы не контролируют свою собственную судьбу, и как бы они не старались повлиять на ситуацию, их усилия всегда тщетны. Именно поэтому требовался «свежий подход».
- Характер экономики региона. Только после завершения нашего исследования стало ясно, что региональное измерение в экономике каждого из этих государств и сообществ было слишком значимым, чтобы его можно было игнорировать. Регион всегда являл собой взаимосвязанное экономическое целое, и недавние войны нанесли экономике региона колоссальный экономический ущерб. Перспектива восстановления нарушенных экономических связей встречала отклик у делового сообщества не только потому, что сулила потенциальные прибыли, но и потому, что эти связи могли способствовать восстановлению других связей и отношений.

⁵ С самого начала проект был сфокусирован на регионе Южного Кавказа, который мы определяем как Армению, Азербайджан, Грузию и Турцию, а также Абхазию, Южную Осетию и Нагорный Карабах.

3. Проект «Экономика и конфликт»

Как уже говорилось выше, первые годы работы были отведены для исследовательского проекта, и процесс работы был сконструирован и структурирован соответствующим образом. Это объяснялось необходимостью тщательно проанализировать проблему (в данном случае – взаимосвязь между экономикой и конфликтом) и особой ролью, которую мы отводили местным участникам проекта. Мы хотели, чтобы местные исследователи самостоятельно изучили и обсудили суть проблемы, а затем совместно с нами предложили пути ее решения. Мы не скрывали, что на этом этапе, используя свои профессиональные знания, ставим задачу формирования единой группы исследователей из представителей разделенных конфликтом сообществ и налаживания между ними рабочих отношений, а также формирования группы людей, способных совместно выступать за мир, а затем использовать их в соответствующих сообществах для оказания влияния на процесс принятия политических решений, определяющих позиции по конфликту.

Модель

Было бы слишком самоуверенно с нашей стороны утверждать, что разработчики проекта предложили региональную матрицу исключительно на основе своего анализа, потребностей и уникальности ситуации. Как это бывает на войне, да и в мирное время, «следующее сражение» планируется исходя из результатов предыдущего. На этот раз мы не совершили ошибку и не стали готовиться к окопной обороне, но избрали другой подход, используемый Алерт в региональных проектах, а именно – Кавказский Форум НПО, который представлял собой группу людей с Северного и Южного Кавказа, мыслящих одинаково. Разница между этими двумя инициативами заключалась в том, что в первом исследовательском проекте «Экономика и конфликт» были задействованы люди, не только желавшие мира, но и имевшие опыт исследовательской работы в этой области, а также заинтересованные представители бизнес-сообщества. Вторым критерием было желание работать совместно с другими исследователями со всего Южного Кавказа. Соблюдение всех этих условий оказалось задачей гораздо более сложной, чем это изначально представлялось, что и нашло отражение в отборе партнеров.

Другим отличием была «неформальность» отношений в рамках группы. Мы помним, какая борьба шла в Кавказском Форуме при выработке устава – этот процесс шел бесконечно долго, обсуждалось каждое слово и запятая, пока мы, наконец, не поняли, что не можем позволить себе увязнуть в этом процессе, так как ни у нас, ни у других участников для этого нет ни времени, ни мотивации, ни терпения. Поэтому группа была организована как неформальная свободная сеть под контролем Алерт. В этом разделе мы не будем рассматривать два крайне важных и вскользь уже упомянутых вопроса, которые имеют огромное значение, а именно – контроль над процессом и сеть.

Третье отличие заключалось в том, что проект «Экономика и конфликт» никогда не выходил за границы Кавказского хребта и так и не смог включить в себя российское

измерение.⁶ Северный Кавказ с самого начала сознательно не был включен в проект по одной простой причине: проект в этом случае стал бы слишком большим, неуправляемым, дорогим (мы с трудом находили деньги на оплату исследований и командировок). В будущем мы планировали его расширить.

Четвертым и, пожалуй, самым интересным отличием, было организационное устройство. Хотя исходно это и не планировалось, КСБР руководит бизнес-центрами⁷ в каждом из семи сообществ-участников проекта (Армения, Азербайджан, Грузия и Турция, а также Абхазия, Нагорный Карабах и Южная Осетия), причем в некоторых из них имеет даже более одного центра.

Дополнительным основанием для создания подобных центров был опыт, полученный Кавказским Форумом – Форум никогда и нигде не оседал капитально, у него были передвижные штаб-квартиры и представительства в каждом из регионов, но не было «якорей». Мы опасались, что КСБР также превратится в «плавающую сеть» с виртуальным центром и не станет чем-то осязаемым, а, следовательно, будет гораздо более хрупким. Бизнес-центры действительно позволили нам пустить корни.

Люди

Как было указано выше, при отборе исследователей мы использовали два критерия. Полученный результат оказался не совсем таким, как мы планировали, и процесс отбора стал некоей комбинацией между соответствием объективному набору критериев и интуицией. Необходимость отказа от субъективных критериев при отборе объясняется: а) стремлением избежать коррупции и обеспечить прозрачность процесса отбора, но, возможно, еще больше, б) западной концепцией. Нам нужно было найти исследователей, но мы мыслили на перспективу и – сами себе в том не признаваясь – выдвигали для кандидатов критерии, удовлетворить которым было практически невозможно. Требования к уровню знаний и профессиональным навыкам кандидатов, предъявляемые Алерт, уже стали притчей во языцех как в самой организации, так и за ее пределами. Наши требования к партнерам и исследователям были не менее специфичными. Мы отправились искать в регионе экспертов в области экономики и конфликтологии, готовых работать с «врагами», способных повлиять на общественные настроения на местном уровне и оказать влияние на принятие политических решений, не слишком дорогих и готовых начать работать самостоятельно, и т.д. Впоследствии критерии и подходы к отбору участников проекта менялись. На первом этапе (2002 -2003 гг.) в нашей команде было примерно 5 человек, каждый из которых должен был отправиться в свой уголок Кавказа и привезти с собой отобранного исследователя. И естественно, что те, кто

6 КСБР ещё не нашла структурированного подхода к привлечению России, хотя обладает некоторым опытом привлечения российского бизнес-сообщества ad hoc.

7 Термин «бизнес-центр» является общепринятым среди партнеров КСБР и используется для обозначения их офисов. В каждом из сообществ наших партнеров они выглядят по-разному – где-то это исключительно офисы КСБР, где-то они действуют на базе уже существующих организаций, а где-то это просто люди с компьютерами.

нас устраивал больше всего, сказали «нет»; тому были политические и иные причины. В конце концов мы привлекли команду ученых из одного места и отдельных исследователей из другого, но в результате нам удалось сформировать группу способных, доброжелательных людей с отличным чувством юмора, приступивших к работе, определенные разделы которой должны были быть завершены в 2003 г.

Международные медиаторы официальных переговоров не всегда могут позволить себе выбирать, с кем из публичных политиков или участников диалога им работать; выбор здесь ограничен или отсутствует вообще. Объектом посредничества становится официальный политик или «человек с ружьем». Однако сделать выбор всегда очень сложно, и сейчас, оглядываясь назад, мы понимаем, что наш выбор был во многом субъективен.

Не все из тех, кто работал в этом проекте на первом этапе, остались в нашей сети до сих пор. Проект претерпел серьезную трансформацию, и из исходной группы участников лишь немногие остались работать в нем, а на смену им пришли новые. Однако текучесть состава группы (которая объясняется гибкой организационной структурой, о чем говорилось выше) позволяет людям уходить и возвращаться, и это очень важный урок, вынесенный из опыта работы Кавказского Форума. Одна из проблем, с которой столкнулся Форум в своей работе, была связана с его недостаточно гибкой структурой и фиксированным членством. Как уже упоминалось выше, исходная исследовательская группа была преобразована в исследовательскую сеть с плохо определяемой структурой. Кроме других выводов, которые мы сделали из опыта работы с Кавказским Форумом, мы также поняли, что как международная организация не должны зависеть от отношений с отдельными людьми, и что не можем ставить людей в жесткую зависимость от отношений с нами. Создание сетевой структуры предполагает менее формальные связи, сеть – это не организация, правила здесь менее жесткие, а отношения допускают большую текучесть.

Тема

Как было сказано выше, для того, чтобы начать работать на Южном Кавказе, нам был необходим анализ, позволяющий составить новый план работы и определить ее направление. Складывалось ощущение, что экономика региона выиграет от установления мира, что перспективы мирного урегулирования могут существенно укрепиться за счет экономики; однако систематических исследований на эту тему не было, имелись только несколько разрозненных спорадических работ. Кроме того, авторы ни одной из этих работ не рассматривали ситуацию в трех непризнанных республиках (Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе), а ситуацию в Турции рассматривали совсем поверхностно. С учетом того, что в Алерт принято работать со всеми, мы, естественно, не могли допустить, чтобы за рамками нашего исследования остались группы бывших участников конфликта, напрямую затронутые конфликтом и способные влиять на развитие конфликта в сторону его эскалации или наоборот. Кроме того, эти люди представляли сообщества с ярко выраженными идентичностями, это была другая сторона конфликта.

Поэтому тема нашего исследования была сформулирована весьма широко, как взаимосвязь между экономикой и конфликтом. Мы не ставили своей задачей заставить исследователей соглашаться с выводами друг друга; мы, скорее, хотели дать им возможность увидеть картину глазами другой стороны, сохраняя при этом собственную точку зрения. И хотя конечный вариант каждого из разделов в какой-то мере учитывал позицию другой стороны, исследователи, безусловно, не соглашались друг с другом.

Нам было важнее увидеть, сможем ли мы вовлечь их в единый процесс, чем провести тщательное социально-экономическое исследование и получить результат. Результаты имели смысл только для последующих мероприятий. Само по себе исследование было хорошим способом собрать людей вместе, позволяло людям объединиться в квазиакадемическом проекте и начать говорить друг с другом. И они начали.

4. Последующие мероприятия

Московская конференция – март 2004 г.

В марте 2004 г., до того как была опубликована книга *«От экономики войны к экономике мира»*⁸, мы провели в Москве конференцию, посвященную этой теме. Москва в то время все еще была наиболее удобным местом для встречи жителей Кавказа и западных стран. Нашей задачей было понять, в каком направлении следует развивать этот процесс. Мы понимали, что заинтересованные стороны можно разделить приблизительно на три основные категории: гражданское общество, деловые круги и правительство. Другим «набором мозгов» за столом были представители западных стран. Нам были нужны люди с опытом. Мы поставили перед нашими исследователями задачу – привести с собой по одному политику, одному бизнесмену и одному представителю НПО.

И хотя азербайджанским исследователям не удалось привести с собой политика, так как официальные лица Азербайджана отказались участвовать в региональной конференции совместно с армянскими представителями Нагорного Карабаха, московская конференция, тем не менее, стала первой (с момента начала войн на Кавказе в 90-е годы прошлого века) региональной встречей, на которой были представлены все стороны, государства, враги и друзья.

Настроение было отличное, так как все были рады такой возможности, но особых надежд на позитивный результат не было, возможно из-за того, что конфликт тянулся уже много лет, а может быть потому, что все предлагаемое гражданским обществом с самого начала вызывает в некоторых кругах недоверие.

8 Ф. Шампейн, Д. Клейн, Н. Мириманова (Eds.) (2004 г.), 'От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе', Лондон: International Alert и Исследовательская группа по экономике и конфликту на Южном Кавказе (ИГЭК). Доступно на http://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/war_economies_russian.pdf (158 KB).

Московская конференция стала важной вехой в процессе, так как она дала уникальную возможность разработать рекомендации, основанные на мнении ключевых заинтересованных фигур региона, с которыми были проведены консультации. Нельзя сказать, что в ходе конференции был какой-то один переломный момент, но там была создана тесно спаянная группа исследователей для работы в Южно-кавказской исследовательской группе по экономике и конфликту (ИГЭК). Перед исследователями стояла общая задача – подготовить совместные выводы и одну совместную публикацию. И хотя их взгляды на проблему отличались, такая постановка задачи позволила им работать вместе.

Консультации

Главной рекомендацией, полученной после конференции, была рекомендация связаться с малыми и средними предприятиями. Подавляющее большинство участников признавали, что нашими главными союзниками могут стать предприниматели, и именно они лучше всех смогут очертить нашу стратегию и задать направление анализу. Помимо этого, мы получили еще два важных совета: 1) крупный бизнес слишком политизирован, и его лучше избегать, как минимум, на начальном этапе, 2) микро-бизнес имеет слишком незначительное влияние, чтобы способствовать каким-то переменам. Мелкие торговцы и другие представители микро-бизнеса оказались больше всех затронуты конфликтом, но если мы хотим, чтобы частный сектор сыграл свою роль в процессе миротворчества, если мы хотим, чтобы представители деловых кругов выступали за перемены, то должны сосредоточить свои усилия на среднем бизнесе.

Считалось, что владельцы малого и среднего бизнеса (МСП) менее политизированы и хорошо укоренены в своих сообществах (в отличие от владельцев «далекого» большого бизнеса) и что они смогут повлиять на местные настроения и даже сформировать общественное мнение в местах своего проживания – как частные лица, и на политическом уровне – как группа.

С помощью ИГЭК мы начали консультации с МСП в каждом из семи сообществ. Наши консультации были привязаны к теме «Бизнес и конфликт»: мы пытались выделить те элементы конфликта, которые мешают работать частному бизнесу, а в перспективе – определить роль частного сектора в миротворчестве. И хотя на этих встречах нам не удалось решить главную задачу, мы, тем не менее, смогли выявить несколько важных моментов.

Во-первых, кавказское бизнес-сообщество с самыми добрыми чувствами вспоминало старые времена и способы ведения бизнеса, даже с поправкой на коммунистический режим и все ограничения на частные инициативы и деятельность.

Во-вторых, мы отметили проблему идентичности. В ситуации, когда нужно было вести дела с «врагом», предприниматели идентифицировали себя, прежде всего, в

качестве предпринимателей, а национальная идентичность становилась вторичной, что позволяло вести дела рационально. На многонациональных/транзитных/кроссграничных рынках (таких как Садахло и Эргнети) отношения строились на доверии, так как эти рынки действовали по неформальным правилам, а займы и кредиты не были институционализированы. Поэтому в качестве одного из центральных компонентов нашей стратегии была выбрана работа по созданию и укреплению атмосферы доверия, что на практике означало поддержку любых деловых связей между разделенными конфликтом сторонами, позволявших, насколько это возможно, создавать и поддерживать подобную атмосферу доверия.

Третья тема, постоянно всплывавшая практически на всех встречах, организованных примерно в одно и то же время различными участниками ИГЭК при поддержке сотрудников Алерт, касалась коррупции. На определенном этапе все предприниматели уже хотели говорить не о конфликте, но только о коррупции. С их точки зрения именно коррупция, а не конфликт, была основным препятствием для развития бизнеса в регионе, хотя они признавали определенную взаимосвязь между ними.

Это дало толчок еще одному исследовательскому проекту, «отпочковавшемуся» от проекта «Экономика и конфликт», который завершился публикацией работы *«Коррупция и конфликт на Южном Кавказе»*⁹.

К этому моменту мы проработали уже примерно 15-18 месяцев, провели глубокий анализ ситуации и опубликовали его результаты, провели несколько раундов консультаций и, что важно, прояснили роль Алерт. Роль Алерт в процессе работы изменилась, и тот факт, что мы были достаточно гибкими и не связывали себя традиционными формами жестко определенного мандата, не только позволил процессу успешно развиваться, но и оказывал влияние на характер процесса, поскольку мы сами своей позицией показывали, что быть гибким и приспосабливаться к обстоятельствам – это нормально.

Традиционная роль посредника уже неприемлема в мире современной дипломатии, не говоря уже о народной дипломатии, примером которой является наш проект. Нам (команде Алерт) довелось побывать в роли координаторов, посредников, челночных медиаторов,¹⁰ спонсоров, фандрейзеров, администраторов, курьеров и др., но главное – мы были удачливы. У нас была группа отличных людей, новая ниша, повестка дня, выработанная непосредственно главными заинтересованными сторонами, и немного средств.

9 Н. Мириманова, Д. Клейн (2006 г.) 'Коррупция и конфликт на Южном Кавказе', London: International Alert и Исследовательская группа по экономике и конфликту на Южном Кавказе (ИГЭК). Доступно на <http://www.international-alert.org/ru/resources/publications/corruption-and-conflict-south-caucasus-russian-language-version>.

10 Зачастую «медиаторами из маршрутки», если судить по тому, сколько времени некоторые из нас в них проводили (по-русски «маршруткой» называют микроавтобус, совершающий челночные рейсы).

Региональная встреча в Трабзоне – декабрь 2004 г.

Наш интерес к бизнес-сообществу и стремление дать слово малому и среднему бизнесу укрепили наш авторитет, а мы, в свою очередь, использовали его для того, чтобы пригласить в декабре 2004 года группу предпринимателей из региона в Трабзон. Помимо кавказцев, мы пригласили еще двух бизнесменов из Шри-Ланки – тамильского и сингальского, представителей альянса «Бизнес за мир»¹¹, которые приехали, чтобы поделиться опытом с коллегами. По ходу встречи они обнаружили, что между их конфликтом и конфликтами на Кавказе есть много общего.

На этой встрече наша программа действий и ожидания начали меняться, так как основные участники – малые и средние предприниматели – стали претендовать на ведущую роль. Мы считали, что предприниматели будут заинтересованы в участии в миротворчестве через региональное экономическое сотрудничество (как мы определили это на встрече), но забыли о том, что региональное экономическое сотрудничество нужно стимулировать, поддерживать и развивать. Мы также недооценили истинное значение регионального сотрудничества или замаяли этот вопрос, так как не были экспертами в вопросах бизнеса и торговли. Торговые связи и потенциальные деловые перспективы мотивировали предпринимателей сотрудничать с нами и друг с другом; они ожидали, что мы создадим для них такие условия. Заметным исключением из общего правила были азербайджанские бизнесмены, правительство которых решительно возражало против любых связей с Арменией, особенно экономических; такая позиция объяснялось тем, что у Азербайджана было слишком мало «дубинок» против Армении и Нагорного Карабаха. Исходя из этой логики, Армения и Нагорный Карабах должны были быть изолированы от всего региона до тех пор, пока экономические условия не заставят их пойти на переговоры с Азербайджаном. Правительство Азербайджана не допускало Армению до трубопровода Азербайджан-Грузия-Турция и бойкотировало армянский бизнес; за этой позицией, помимо всего прочего, просматривалась постоянная фрустрация и надежда на то, что если с разных сторон на Армению будет оказано достаточно сильное давление, армяне будут вынуждены сесть за стол переговоров и сформулировать «реалистичные» предложения.

Все описанное выше было лишь вершиной айсберга, если подразумевать под айсбергом всю сложность отношений, но и из этого можно было понять, какое давление было оказано на предпринимателей из Азербайджана, включившихся в наш проект. Своей репутацией, политическим капиталом и даже свободой люди рисковали отнюдь не в поисках легкой наживы. И они не думали, что мы такой всемогущий посредник, который может принести мир в их регион. У членов группы было чувство общей ответственности за тот маленький вклад, который каждый из них мог внести в дело мира. Конечно же, все смотрели в будущее, и азербайджанские бизнесмены рады были стать частью процесса, высказываясь за то сотрудничество, которое должно установиться после договора о мире. И, конечно же, за всем этим чувствовалась сильная ностальгия.

11 См.: <http://www.bpa-srilanka.com/>.

Статус медиатора, как стороны, находящейся вне конфликта, имеет ряд преимуществ и недостатков, анализ которых не входит в задачу данной работы. Но в нашем случае одним из преимуществ, практически роскошью, была возможность рассматривать ситуацию в региональном масштабе. Как уже говорилось выше, мы были хорошо представлены на местах, имели тесные связи с владельцами малых и средних предприятий, могли видеть и слышать, что думают друг о друге представители самых разных сторон-участниц конфликта. Потрясала общность этих ощущений¹², особенно одного, и мы решили сделать ставку на эти чувства. Если просто спросить людей про 'других', то в адрес врагов сыпались оскорбления, что было понятно – война принесла много горя, появились перемещенные лица, остались самые горькие воспоминания. Но если мы задавали вопрос о том, как с этими же людьми складывались их отношения до войны, то у людей загорались глаза, и они вспоминали много всего хорошего. Конечно, многие из этих положительных и отрицательных оценок были стереотипами, но, повторяю, людям везде, и не только на Кавказе, присуща склонность к обобщениям. И если люди испытывали ностальгию и вспоминали добрые старые времена с той искренностью, которую невозможно разыграть, то мы пытались укрепить в них эти чувства.

Встреча в Трарбзоне была важна с еще одной точки зрения – участники процесса поняли, что Алерт может стать отличной платформой для защиты их интересов, и мы поспешили воспользоваться этой ситуацией.

Завтрак в Париже, обед в Брюсселе, ужин в Лондоне

У нас было к кому обращаться: в органы местной власти, к международному сообществу, к донорам и т.д. Мы решили для начала обратиться к международному сообществу Европы, одновременно пытаясь выйти на максимальное число заинтересованных сторон.

К тому времени ИГЭК стала другой. Она превратилась в организацию, представляющую определенные интересы кавказского бизнес-сообщества на базе тех отношений, которые у нее сформировались со многими предпринимателями за два долгих года, пока шли консультации. Это не было предусмотрено первоначальным планом, но, повторяю, наш подход был гибким. Этот новый статус и представление интересов были новыми компонентами в деятельности ИГЭК и Алерт.

И хотя мы были готовы принять на себя эти функции, мы по-прежнему придерживались принципа, что стратегия должна определяться людьми, поэтому мы привезли ИГЭК в Лондон, чтобы предложить совместный вариант защиты упомянутых интересов. Этот вариант позднее был донесен до правительства Великобритании, ЕС, ЕБРР и других действующих на международной арене лиц. Мы исходили из того, что если в Европу приедут люди из региона, чтобы изложить точку зрения, которую разделяют представители семи

¹² См.: например, зеркальное совпадение в оценке коррупции в работе «Коррупция и конфликт на Южном Кавказе»

конфликтующих сторон, то кто-то их выслушает. Мы провели три семинара – в Лондоне, Париже и Брюсселе. Семинары в Париже и Брюсселе проходили непосредственно один за другим, и когда сразу после этого мы вернулись в Лондон, кто-то из членов ИГЭК упомянул об удивительной возможности позавтракать в Париже, пообедать в Брюсселе и поужинать в Лондоне. Для людей, которые живут в регионе, где внутренние барьеры столь высоки, а транспортное сообщение так затруднено, это казалось невероятным.

Главным достижением нашего «тура в защиту интересов» было впечатление, которое он произвел на ЕС. Теперь, оглядываясь назад, мы понимаем, что нам просто очень повезло, так как для успеха информационно-пропагандистской кампании обычно требуются три вещи: найти нужных людей, нужное время и определиться с политикой в стадии формирования. В это время разрабатывалась Европейская политика добрососедства, и там были ссылки на нашу работу «*От экономики войны к экономике мира*»; нам удалось привлечь большее внимание ЕС к экономической составляющей конфликта и, естественно, к экономической составляющей мира.

5. От теории к практике

К началу 2005 г. у нас было сильное ощущение, что мы «наконец-то что-то поняли» и нащупали новый подход к взаимосвязям между экономикой и конфликтом – у нас зарождалась своя гипотеза о возможной позитивной роли бизнеса в процессе мирного строительства. И хотя у нас были различные мнения относительно следующего этапа и о том, как он должен выглядеть, мы все сходились в одном: на следующем этапе наши эволюционирующие гипотезы должны найти практическое приложение, для них должен быть найден механизм (сеть).

А в марте 2005 г. состоялась встреча в Петербурге, в ходе которой «Исследовательская группа по экономике и конфликту на Южном Кавказе» (ИГЭК) и Алерт преобразовали «Кавказскую сеть бизнеса и развития» (КСБР). И хотя мнения о том, чем именно практически должна будет заниматься наша сеть, сильно отличались, все сходились на том, что ее главная миссия – привлечение бизнес-сообществ к работе в проектах, способствующих снижению в регионе напряженности, вызванной конфликтами.

Основные направления деятельности были разработаны до нашей следующей встречи в ноябре 2005 г., в Москве, с участием бизнесменов – представителей южнокавказской диаспоры, проживающих в Москве. Эти направления включали в себя различные формы деятельности – от установления внутренних связей с бизнесом и предоставления бизнесу услуг до информационной работы, защиты их интересов и совместных инициатив. Теперь, оглядываясь назад по прошествии 4-5 лет, мы считаем, что избранные направления работы остаются по-прежнему актуальными, но на практике мы делаем уже совсем другие вещи, и само значение этих «слов» для нас значительно изменилось. Тогда, в 2005-2006 годах,

это были только слова, вызывавшие лишь слабый резонанс, а вся работа ограничивалась отдельными сообществами, но последующие годы превратили эти слова в нечто материальное, в нечто более или менее единое. “Бизнес-сообщества” стали реальными людьми из реальных секторов экономики. “Информационная работа” позволила узнать о реальных препятствиях на пути бизнеса и о его возможностях, а также помогла задействовать СМИ. “Защита интересов” позволила внести свой вклад в подготовку политических документов. А “совместные инициативы” продвинулись от разговоров о них до начала реальной работы производственных линий с участием представителей конфликтующих сторон, общих торговых марок и др.

До сих пор процесс развивался успешно – он нашел свою нишу и принес новое мышление в дискурс миротворчества и конфликтологии. Нас услышало международное сообщество, идея понравилась донорам, и казалось, что финансовая поддержка нам обеспечена. Будущее выглядело безоблачным. Но все оказалось не так просто. В то время как процесс развивался успешно, с финансированием все было как раз наоборот. Большую часть денег доноров «съедали» Иран и Афганистан, и наши масштабные планы, хотя и не были отложены в долгий ящик, но по-прежнему были скорее темой для академических дискуссий, чем практическим проектом. Этот период выявил существенную слабость процесса: мы полагались на одного донора для всей региональной инициативы. Однако существовали и другие доноры, финансировавшие подобный региональный формат (3 признанных, 3 непризнанных + Турция). Позднее мы начали собирать средства для отдельных составляющих нашего проекта. Но проблема централизованного финансирования подобного формата остается принципиально важной для продолжения процесса.

Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что не только траектория развития конфликта в регионе напоминала аттракцион «американские горки», но нечто подобное можно сказать и о динамике развития инициативы «Экономика и конфликт». Было много взлетов и падений, вызванных как внешними (связанными с тем контекстом, в котором она развивалась), так и внутренними (процесс и т.д.) причинами.

В результате, после предыдущих шумных двух лет, процесс с начала 2005 года и до середины 2006 года резко замедлил свое развитие. Это определялось, в первую очередь, отсутствием средств; сыграли свою роль и те ожидания, которые были вызваны процессом. Многие стали сомневаться, что процесс выживет.

Хотя один-два раза в год мы продолжали встречаться, никакого «навара» и средств для его создания не возникало. Денег было мало, настроение менялось. Все планы и концепции были отложены в «долгий ящик», и мы изо всех сил работали, чтобы сохранить партнерские отношения, надежды и инерцию движения.

Медиация и миротворчество – процесс сложный, в котором с первого раза редко что получается. Добавьте сюда отсутствие денег – и вот вам отличный повод

продемонстрировать свою креативность! Мы рассмотрели несколько «более дешевых» путей развития диалога и сотрудничества, главным образом в виртуальном мире Интернета, включая электронные торги, установление контактов через Интернет и др. Но инфраструктурные проблемы остро ощущались в ряде мест, где доступ к Интернету был крайне ограничен или не существовал вообще, а «культура Интернета» явно не стала жизненной нормой. Мы еще раз убедились – мало что может заменить в жизни прямые человеческие контакты и встречи лицом к лицу, особенно если речь идет о работе с сообществом предпринимателей в условиях конфликта.

Кроме того, мы поняли нечто более важное. Даже если у нас не было средств, чтобы продолжать работать так, как хотелось бы, то мы все равно отвечали за процесс и за партнерство. Бросить все на этом этапе для Алерт было, конечно же, невозможно, и могло бы отрицательно повлиять на нашу репутацию. В то же время было непросто демонстрировать свою верность процессу и поддерживать процесс и партнерские отношения «на плаву» при ограниченных финансовых возможностях и со слабой надеждой что-то получить в обозримом будущем. Со временем эта верность процессу в тяжелой ситуации и со стороны наших партнеров, и со стороны Алерт окупилась. Пока кто-то колебался, а кто-то отходил, к нам пришли новые люди, а некоторые из прежних остались.

Ситуация изменилась весной 2006 г., когда появилось новое финансирование. Но когда оно появилось, мы оказались не готовы начать действовать немедленно. Мы набрали обороты, но направление движения было, пожалуй, не совсем понятно. Позднее мы поняли, что это было неизбежно при отсутствии готовых правил и рекомендаций по привлечению бизнеса к миротворчеству на Южном Кавказе, а также примеров, которым можно было бы следовать. В ходе последующей работы, хотя она и базировалась на нашем предыдущем анализе и исследованиях, мы во многом *учились по ходу дела*. Сложнее всего нам давались вопросы *тактики*, понимание того, *КАК* нужно работать. Как контролировать и сопровождать процесс, который не только становится все более динамичным, но и начинает жить своей собственной жизнью. Но прежде чем продолжать наш рассказ о КСБР и обо всем, что произошло потом, следует вспомнить те теоретические установки, которые были сформулированы на основе нашего анализа, и те выводы, к которым мы пришли совместно с нашими партнерами.

6. Анализ и концептуальная база

«Региональное экономическое сотрудничество полезно для мира» и другие исходные тезисы

Исследования и анализ, проведенные на первом этапе нашего проекта, стали концептуальной основой для дальнейшей работы и позволили очертить теоретические рамки проекта. Что-то потом, по ходу работы, изменилось или уточнилось. Но основные исходные положения, касающиеся «содержания», «формата» и «участников», остались, в основном, неизменными.

Во-первых, на протяжении конфликтов *экономическое взаимодействие* противостоящих сторон никогда не прекращалось. Армянские, грузинские, южноосетинские, абхазские и азербайджанские бизнес-сообщества¹³ сотрудничали друг с другом в различных формах. В некоторых случаях это сотрудничество было крупномасштабным и хорошо организованным (армяно-турецкие отношения), в других случаях это были, в основном, «механизмы, позволяющие справиться с ситуацией», своего рода «средства выживания» (например, рынки в Эргнети и Садахло, торговля через Ингури и др.), но и в этом случае общий объем был достаточно ощутим. Рынок в Садахло имел сильную классовую составляющую, и отношения здесь строились на обеспечении потребностей беднейших слоев общества. Эти отношения можно считать примером отношений, продиктованных, главным образом, потребностью в разрешенных для продажи товарах, но реализуемых через представителей теневой экономики. Подобные отношения обычно не популярны среди политиков и в обществе в более широком смысле (если не считать тех, кто непосредственно заинтересован в этом механизме или тех, кто напрямую столкнулся с политическими, экономическими и физическими препятствиями, вызванными конфликтом). Однако общий объем и уровень развития подобных отношений был весьма значительным, и занятые в них предприниматели были отнюдь не маргинальной группой в своих сообществах. Это создавало очень сомнительную и сложную ситуацию, где, с одной стороны, существовали потребности населения, а с другой – теневая экономика, что делало весь механизм весьма уязвимым с точки зрения политики. И даже если, к примеру, рынок в Эргнети и не следует рассматривать как осознанный механизм мирного строительства, он, тем не менее, был местом, где люди могли взаимодействовать на почве личных интересов – вопросов бизнеса и торговли. Его закрытие в 2004 году еще раз наглядно показало, что политический процесс в регионе непоследователен и уязвим, и, безусловно, ухудшило перспективы грузино-южноосетинского диалога не в последнюю очередь и потому, что повлекло за собой тяжелые социально-экономические последствия для Южной Осетии. Недаром наши южноосетинские партнеры ИГЭК в своих аналитических работах предсказывали печальные последствия закрытия этого рынка и писали, что оно будет способствовать эскалации конфликта.¹⁴

Вместе с нашими партнерами мы сделали вывод, что экономика и бизнес представляют сферу общих интересов, действующих поверх границ, и что на них можно опереться. Сотрудничество уже происходит, но оно происходит без учета особенностей конфликтной ситуации и не способствует смягчению обстановки. Зачастую теневой характер подобных отношений отрицательно влияет на динамику развития конфликта (например, в силу нерегулируемости процесса, его непрозрачности, коррупции, наличия вымогательства). При этом именно отсутствие взаимоприемлемых юридических или нормативных рамок толкает эти отношения в сферу теневой экономики, что только усиливает их непопулярность в

13 Выражение «бизнес-сообщество» употреблено в широком смысле и включает в себя частных лиц и группы, занятые в торговых и экономических отношениях независимо от масштаба.

14 См.: Ф. Шампейн, Д. Клейн, Н. Мирманова (Eds.) (2004 г.), 'От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе', Лондон: International Alert и Исследовательская группа по экономике и конфликту на Южном Кавказе (ИГЭК). Стр. 239

глазах общественности. Чтобы превратить проблемы в решения мы, совместно с нашими партнерами, выступили за создание позитивных примеров прозрачного взаимовыгодного сотрудничества, которое могло бы принести людям ощутимую выгоду. Мы видели, что бизнес может стать постоянно действующим механизмом укрепления доверия на основе совместной экономической деятельности, и делали выводы о важности создания юридических рамок для такой деятельности. Это бросило бы вызов существующим порядкам и позволило бы изменить отношение населения к этому процессу, с учетом сегодняшней непопулярности идеи сотрудничества.

Со временем, когда работа КСБР уже шла успешно, мы часто обсуждали эту вечную возвратно-поступательную парадигму развития «бизнес – миротворчество» под углом зрения наших инициатив. (К примеру, следует ли нам создавать рабочие места и обеспечивать людям ощутимую прибыль, или заниматься созданием скорее политических брэндов и менять отношение людей к проблеме?). В конце концов мы сошлись на том, что это была и будет наша вечная дилемма, и что баланс между двумя составляющими должен зависеть от конкретных условий.

Во-вторых, как уже упоминалось выше, одним из краеугольных камней нашей инициативы стал региональный формат ИГЭК, позднее – КСБР. По ходу развития процесса мы стали лучше понимать экономические реалии региона и его внутренние связи, последствия конфликта и закрытия границ для всего региона, а не только для конфликтующих сторон, и др. Экономика также подсказывала альтернативные пути, позволяющие обойти “политическую асимметрию” между конфликтующими сторонами в регионе. Экономика давала возможность уйти от диаметрально противоположных политических позиций и вместо этого сосредоточиться на чем-то, что представляет интерес для всех. В результате КСБР начала рассматривать взаимовыгодное и прозрачное региональное экономическое сотрудничество как позитивный фактор, способствующий установлению мира.¹⁵ Это стало одной из главных установок для работы КСБР. Региональный формат стал для сети также и бесценной страховочной сеткой в силу политических причин. С учетом того, что на Южном Кавказе мы имеем и политическую раздробленность, и конфронтационную политическую конфигурацию, и затянувшийся *status quo*, любой шок (внутренний или внешний) отзывается по всему региону. С другой стороны, региональный формат вкупе с гибкой сетью обеспечивает надежный механизм амортизации. Когда мы начали применять свою теорию на практике, региональный формат помогал нам работать в отдельных сообществах при определении рамок нашей работы и обеспечивал более «мягкую» модель для сближения людей. Позднее именно региональный формат позволял нам решать самые разные задачи: найти трактор для Южной Осетии, собрать вместе чаеводов или представителей туристического бизнеса из Баку, Армении и Нагорного Карабаха, организовать ежегодный Южнокавказский женский экономический форум. Все это удавалось «протолкнуть» именно благодаря региональному формату.¹⁶

¹⁵ См. в следующем разделе о «Связи между бизнесом и миром на Южном Кавказе».

¹⁶ См. ниже, в разделе «Дилемма: двусторонний и региональный форматы»

В-третьих, представители малого и среднего бизнеса и частные предприниматели по природе своей относятся к «партии мира», особенно те, которые живут непосредственно в зоне конфликта или в приграничных районах. Именно они в первую очередь несут потери, связанные с конфликтом, но не имеют никаких политических рычагов влияния или связей «в верхах», которые есть у крупного бизнеса. У них не только нет рычагов влияния, но и голос их не слышен в центре, там, где принимаются решения. Мы пришли к выводу, что малые и средние предприятия (МСП) являются наиболее политически независимыми представителями частного сектора, что они способны противостоять злобному национализму, что зачастую мыслят они прагматическими категориями и, практически по определению, являются естественной группой противников войны, закрытых границ и нестабильности.

Люди, живущие в зонах, прилегающих к зоне конфликта, или в приграничных районах, всегда имели (или имеют до сих пор) связи с другой стороной и живут в одинаковых условиях (экологических, безопасности и др.), что дает ряд дополнительных возможностей, обусловленных конкретной ситуацией (начиная с того, что можно производить сыр под общим брэндом «Кавказский сыр», так как скот пасется на общих высокогорных пастбищах в районах Ширак-Джавахети-Карс¹⁷, и до общих проблем борьбы с насекомыми-вредителями, наносящими урон сельскому хозяйству по обоим берегам Ингури¹⁸ и в соседних районах). Кроме того, создавалось ощущение, что люди в приграничных районах живут в реальном мире с реальными проблемами, в отличие от центра, где возможностей в десятки раз больше, и где зачастую проблемы в зонах конфликта и в приграничных регионах видятся через призму политики. В то же время сотрудничество на уровне МСП, направленное на улучшение жизненных условий населения, можно считать менее политизированным и не ставящим своей целью ослабление или укрепление чьих-то политических позиций. Это сотрудничество казалось нам хорошим инструментом для укрепления доверия.

Четкое изложение сути инициативы

Участники миротворческого проекта не славятся умением четко излагать свои рабочие планы и задачи или демонстрировать достигнутые результаты. Проект «Экономика и конфликт» не стал исключением. В нашем случае перспективы работы по «двойному мандату» – развития предпринимательства и миротворчества – не облегчали задачу. Проект иногда критикуют за излишнюю «ориентацию на бизнес», иногда за то, что в нем «бизнес перемешан с НПО» и миротворчеством. Некоторые доноры требуют отчета о количестве созданных рабочих мест или об экономической устойчивости наших инициатив, а некоторые предприниматели боятся, что бизнес будет излишне политизирован из-за того, что обращается к теме конфликта. Миссия КСБР не предполагала, что мы решаем одну из двух задач, мы должны были решить обе и создать из них единое целое. Во многом

¹⁷ Приграничные районы Турции, Армении и Грузии.

¹⁸ Разделительная линия между территориями, контролируемые Грузией и Абхазией.

наша деятельность основывалась на “интуитивных ощущениях”, мы чувствовали, что мы на “правильном пути”, но, возможно, нам не удалось достаточно ясно выразить, “что это был за путь и куда он ведет”.

Со временем КСБР смогла сформулировать общую позицию по Кавказу, экономически взаимосвязанному и живущему в едином экономическом пространстве. С этого началось четкое изложение содержания работы КСБР. Когда это все еще существовало, в основном, только на словах, инициатива часто воспринималась с усмешкой: “ну вот, опять наивные идеалисты со своими инициативами”. Когда начался промежуточный этап нашей работы, когда мы пытались совместить существующую реальность и наше видение, организуя различные двусторонние и региональные инициативы по развитию сотрудничества, “грандиозная концепция” регионального сотрудничества не только перестала казаться пустой, но и помогла КСБР научиться видеть ситуацию. Это видение могло на чей-то взгляд по-прежнему оставаться наивным и идеалистическим, но ведь люди, мыслящие в консервативных и конформистских категориях, редко становятся инициаторами перемен.

Мы сознательно уводили КСБР и ИГЭЖ от политических дебатов и необходимости занять позицию по каким-то вопросам, например, признания/непризнания или решения территориально-политических споров, и подавали все наши инициативы как деполитизированный диалог, основанный только на интересах сторон.

После того как этот подход стал общепринятым внутри организации, он стал основой для всей работы КСБР. Позиция “мы ставим своей задачей не разрешение конфликтов”, а “создание условий” стала повсеместной. С другой стороны, мир рассматривался не как “политическое соглашение” или “отсутствие войны”, но как качественное состояние существования, при котором конфликты разрешаются без насилия, люди участвуют в процессе социальных перемен, улучшающих качество их жизни, им никто не мешает сотрудничать или выбрать для себя место жительства, и т. д.

С помощью конкретных инициатив, постепенно, КСБР смогла лучше понять и четче сформулировать для себя связь между бизнесом и процессом миротворчества. Другой вопрос – насколько эту связь понимают другие?

Связь между бизнесом и миром на Южном Кавказе.

- ✓ При отсутствии политических решений конфликтов бизнес **предлагает сферы общих интересов** для всего региона, которые можно обсуждать, в которых можно сотрудничать и которые являются альтернативным путем содействия миротворчеству в регионе.
- ✓ Для **регионального сотрудничества** существует сильная экономическая база, а проблемы, стоящие перед регионом (как например, закрытые рынки, конфликты) требуют решений на региональном уровне. Определение “региональный” должно действительно распространяться на всех и включать в себя различные конфликтующие стороны.
- ✓ Бизнес-проекты, которые представляют **общий интерес** и требуют **реального партнерства**, при котором ни одна из сторон конфликта не может диктовать свою волю или получать выгоду в одностороннем порядке за счет других; такие проекты способствуют миростроительству и укреплению доверия, они помогают восстановить прежнюю веру в людей, на которой могут строиться отношения противостоящих сторон.
- ✓ Бизнес-проекты, **легальные, прозрачные и представляющие общий интерес** для людей, живущих на Южном Кавказе по обе стороны конфликта, становятся **легитимным** и уважаемым элементом экономического сектора и миростроительства.
- ✓ Важно создавать **позитивные примеры сотрудничества** (конкретные бизнес-инициативы, общие бренды для продуктов питания, производимых в регионе и т.д.) в качестве прецедентов для дальнейшего сотрудничества и смены отношения людей.
- ✓ **Региональная платформа и “институционализация”** важны для продвижения регионального экономического сотрудничества (Ассоциация кавказских чаеводов, Женский экономический форум и т.д.) и являются следующим шагом вперед после создания позитивных примеров.
- ✓ Внутрорегиональная **“мобильность”** и **“взаимодействие”** (через организацию выставок, ярмарок, командировок и пр.) очень важны для борьбы с отрицательными стереотипами восприятия, с психологией “осажденной крепости” и являются средствами противодействия закрытым границам и изоляции. Эти мероприятия позволяют больше узнать о позиции другой стороны конфликта, тем самым способствуют обмену идеями и позволяют избежать ощущения “изоляции и никем не поддерживаемых усилий”.
- ✓ Негативные социальные последствия затяжных конфликтов можно смягчить с помощью практического содействия **развитию частного сектора в приграничных районах, в зонах конфликта, и малым и средним предприятиям в целом.**
- ✓ Пример КСБР показывает, что несовпадающие или даже прямо противоположные позиции по вопросам, лежащим в основе конфликта, не мешают **настоящему эффективному сотрудничеству** между предпринимателями, принадлежащими к противостоящим сторонам.

7. Доверять процессу

Итак, весной 2006 г. наши молитвы были услышаны, и мы получили новое финансирование. Возможно, дело было не только в молитвах. Чтобы получить финансирование, нам пришлось очень постараться кого-то убедить. Первые попытки получить грант были встречены с изрядной долей скептицизма. Наша идея – “КСБР – это механизм донесения общего видения” – была встречена сомнениями и недоверием. Но, в конце концов, мы получили поддержку доноров. Вместе с нашими партнерами по КСБР мы научились доверять процессу. Может быть это отчасти определило и позицию доноров, и они решились. После того, как мы получили финансирование, у «бизнес-центров»¹⁹ КСБР (или офисов) появились собственные бюджеты, и сеть была готова начать работать.

В 2005-2006 годах мы сделали КСБР виртуальной сетью и совместно с московской бизнес-диаспорой организовали нечто вроде изучения кипрского опыта, в частности, регламента «Зеленой линии», чтобы проанализировать возможную роль диаспоры. В регионе мы начали устанавливать контакты с деловыми кругами из разных сообществ, для этого мы организовывали круглые столы и семинары, позволяющие лучше понять специфику их потребностей и найти возможные решения. Мы создавали электронную базу данных МСП, готовых к сотрудничеству, сводили воедино обзоры экономических новостей из отдельных частей региона. Мы также отслеживали экономическую деятельность, которая могла нанести урон миростроительству, но решили сосредоточить внимание в первую очередь на МСП. В целом мы больше “говорили о сотрудничестве”, чем “сотрудничали” на самом деле. А Интернет, как уже говорилось выше, не мог заменить “реальную работу”.

В марте 2007г. появились признаки того, что движение набирает силу. Турецкие и армянские партнеры КСБР совместными усилиями нашли средства и организовали форум в Карсе с участниками из Баку, Нагорного Карабаха и из армянской диаспоры и грузинских деловых кругов. Несмотря на то, что организаторы столкнулись с рядом сложностей (в частности, на местных предпринимателей оказывалось давление, с тем чтобы они не участвовали в форуме), форум прошел успешно, атмосфера была очень позитивной, и в результате работы возникло много новых идей (в том числе и относительно развития туризма и производства кавказского сыра – см. ниже). Эта была первая конкретная инициатива КСБР с участием представителей конфликтующих сообществ.

За ней последовала инициатива, ставшая поворотным моментом в нашей деятельности, известная (как минимум всем членам КСБР) как *Тур-де-Кавказ*. В результате консервативной учетной политики Алерт и колебаний обменного курса мы обнаружили, что у нас появились неучтенные излишки денежных средств. Мы много говорили о важности обмена информацией и установления контактов. Настало время перестать

¹⁹ Термин “бизнес-центр” стал общепринятым, чтобы избежать ненужной политизации. Естественно, в разных местах они выглядят по-разному. Где-то это просто человек с компьютером и телефоном, где-то – организация, или офис, и т.д.

говорить и начать действовать. Немного подумав, мы организовали бизнес-тур с участием южноосетинских, абхазских и грузинских предпринимателей и партнеров КСБР в Баку, Ереван, Гюмри и Степанакерт/Ханкенди. Хотя не все смогли проехать по всему маршруту, этот тур оказался именно тем, что нам было нужно. После посещения деловых структур, выставок, компаний, торговых палат и пр., а также организаций, занимающихся миротворчеством, обсуждения проблем и специфических условий, рождались новые идеи и открывались новые перспективы. После этой поездки и у многих открылись глаза. Позднее мы обнаружили, что многие наши последующие инициативы родились именно в ходе этого *тура*. Мы обсуждали проблему гусениц американской «белой бабочки», опасного вредителя, уничтожавшего урожай по обе стороны реки Ингури – в результате возникла общая абхазо-грузинская концепция борьбы с нею. Было предложено поддержать сотрудничество женщин-предпринимательниц Южного Кавказа и проводить для этого их ежегодный экономический форум в Абхазии. Родился чаеводческий сектор КСБР.

Для нас стало уроком, что совместные поездки представителей конфликтующих сторон к представителям третьей стороны могут не только вдохновить их на какие-то действия, но и укрепляют позиции принимающей стороны и придают значимость их высказываниям. Мы также осознали особую важность и необходимость давать возможность представителям деловых кругов, особенно из Южной Осетии и Абхазии, участвовать в других процессах и событиях на Южном Кавказе.

С точки зрения Алерт возможно главным уроком было здесь то, что дело не в идеях или их отсутствии, а в том, что если вы *верите в процесс*, то возможности обязательно появятся и разовьются на основе этих идей (например, появятся финансовые ресурсы). Мы не могли точно сказать, каков будет результат, но отчасти действовали так, потому что были твердо убеждены в важности обмена опытом, а отчасти – просто исходя из интуитивного ощущения, что это правильно. Позднее мы доработали нашу тактику и основные моменты, но именно эта инициатива стала вдохновляющим образцом для нашей дальнейшей работы. Позднее мы поняли, что когда собирается вместе критическая масса людей, заинтересованных в результате, идеи непременно появятся. Иногда некоторые из этих идей поначалу кажутся сумасшедшими, возможно потому, что они звучат довольно непривычно для традиционного процесса миротворчества.

8. Управление процессом

Развитие методологии и модели

По мере развития процесса мы пришли к пониманию того, что его общий замысел и некоторые подходы должны быть частично пересмотрены. Примером тому может быть одно наше наблюдение, связанное с финансами. Паритет всегда был одним из наших ведущих принципов. Алерт всегда делила *все* имевшиеся в нашем распоряжении средства поровну между семью

сторонами, независимо от того, шла ли речь о партнерах из Южной Осетии или из Турции. Но мы поняли, что неконструктивные принципы не должны одерживать верх над здравым смыслом. Мы делили *весь* пирог на семь частей. Такой подход не способствовал продвижению совместных инициатив, не говоря уже об инициативах региональных, что создавало напряженность между тем, что мы собирались делать, и механизмом обеспечения этой деятельности. На нашем заседании в июле 2007 г., посвященном планированию деятельности, мы обсудили этот вопрос, и все согласились “пожертвовать” треть бюджета на общий фонд КСБР для финансирования совместных инициатив – двусторонних и региональных. Это было важной вехой в нашем процессе и, в частности, для КСБР. Естественно, это означало, что в бюджетах отдельных офисов КСБР возникнут расхождения. В то же время партнеры увидели отличие в работе друг друга. Кто-то работал в КСБР на полной ставке, кто-то – меньше, и у людей появились разные роли. Кто-то был *автором идей*, кто-то *воплощал эти идеи в жизнь*, кто-то был *лидером*, а многие были всем вместе в одном лице. Возможно, Алерт чаще других сталкивалась с подобной ситуацией и прежде, но по ходу развития нашей работы различия становились все более важными для всех. Партнеры КСБР увидели эти отличия и решили, что все эти роли являются взаимодополняющими, в чем скорее наше преимущество, чем слабость. Это было очень важно, так как позволяло развить эти разные роли в работе КСБР. Если сеть была к этому готова, необходимо было, чтобы Алерт могла этим управлять. КСБР по умолчанию начала переориентироваться на работу по двусторонним и региональным проектам – в отличие от прежней установки на работу с отдельными сообществами.

К лету 2007 г. мы приняли еще одно важное решение. Мы начали проводить свои встречи в самом регионе. Мы думали об этом с самого начала, но никогда серьезно не пробовали. На ранних этапах, когда речь шла о завоевании доверия участников, о совместном анализе и выработке подходов, Алерт считала, что встречи в регионе могут быть контрпродуктивными и по этому пути идти не стоит. Если бы мы организовали встречу где-то в регионе, кто-то мог бы решить, что у нас есть любимчики, что мы пристрастны, или встреча была бы излишне политизирована. Но если бы это стало решением партнеров КСБР, то все выглядело бы по-другому.

В пользу такого решения говорило то, что так будет дешевле, что можно использовать местные условия для дополнительных встреч, что так мы сможем встречаться чаще. Сам факт серьезного обсуждения этой темы свидетельствовал о том, что КСБР поднялась в своей деятельности на новый уровень. Обратная сторона вопроса (помимо политических и других деликатных моментов) заключалась в том, что один или два бизнес-центра могли выпадать из каждой встречи.²⁰ Первую такую встречу в июле 2007 года нам удалось провести в регионе с участием всей сети. То, что все согласились с таким принципом, было знаком взаимного доверия внутри КСБР и веры в процесс. Все знали, что их время еще придет – когда-то им придется пропустить встречу, но когда-то их интересы

20 Например, наши азербайджанские партнеры не могли ехать в Армению, а армянские – в Азербайджан, или грузины – в Южную Осетию и Абхазию, и т.д..

будут услышаны и учтены. На одной из таких встреч в Ереване, прошедшей без наших азербайджанских коллег, их коллеги по КСБР, знавшие об интересах отсутствующей стороны, согласились организовать и профинансировать проведение на следующий год в Баку регионального конгресса кавказских производителей чая. Наши многолетние усилия начали давать плоды. В отсутствие предсказуемости и последовательности в регионе процесс сумел создать пространство, пусть небольшое и распространяющееся только на его участников, которое давало нечто, чего не мог дать политический контекст – чувство последовательности, возможность планировать что-то на долгосрочную перспективу.

Мы начали часто использовать слово *конкретика* в разговорах о конкретных инициативах, направленных на развитие сотрудничества, и об инициативах, от которых была конкретная польза для тех, кому они были предназначены (противопоставляя их общим разговорам на эту тему). Как уже говорилось выше, региональное экономическое сотрудничество требует поддержки и внимания. Мы пришли к выводу, что лучшим, а возможно и единственным способом привлечения новых секторов и сообществ является «не просто говорить, а действовать, обеспечивая *конкретику*».

Процесс набирал новую динамику. Качество работы требовало более гибкой модели, и логика процесса уже начинала ставить под вопрос почти религиозное отношение к принципу паритета, когда все единым фронтом участвовали в одних и тех же инициативах, когда со всеми нужно было советоваться по всем вопросам. Существовавший *modus operandi*, со всей его (заявленной или реальной) справедливостью и беспристрастностью, больше не соответствовал новой динамике. Партнеры КСБР имели, безусловно, больше прав и оснований для оценки эффективности принципа справедливости. Для команды Алерт это было не только фундаментальным принципом, но и одной из сложнейших задач, которую предстояло решить на практике. Теперь уже возникало много инициатив, в разных условиях новые возможности требовали разного подхода, разных средств и т.д. Примерно тогда же, когда шла реструктуризация финансовых механизмов проекта, мы почувствовали необходимость в пересмотре самой модели деятельности КСБР.

В результате мы приняли то, что называется «гибким подходом». Сутью этого подхода был отказ от политических позиций КСБР, отказ от «неконструктивной принципиальности» и время от времени согласие на некую «конструктивную двусмысленность». При этом мы старались действовать так, чтобы не подорвать ничьи позиции и не быть связанными вопросами терминологии. Мы стали все чаще делать паузы, чтобы понять, где нужно больше усилий, а где нужно действовать по-другому. При таком подходе мы начали больше оценивать работу по ее содержательной части (зачастую по конкретным делам, способствующим региональному сотрудничеству в разных форматах), по ее конечным целям, устремлениям, влиянию на окружающих, по тому, какую «цену» пришлось заплатить за результат (например, неучастие одной или нескольких организаций), чем по принципу соответствия неким необязательным формальностям или принятому формату. Это облегчило нашу работу в тех условиях, где мы могли действовать глубже, например,

с конкретными инициативами в двусторонних форматах, не оставляя других участников процесса вне поля зрения и не лишая их собственной роли в процессе. Возможно, такой подход корнями уходил в ту ставку на неформальность в проекте, которая была характерна для его начального периода. Такой *гибкий подход* позволял хотя бы частично решить дилемму и соблюсти баланс между более тесным сотрудничеством в рамках отдельных инициатив (часто это были конкретные двусторонние югоосетинско–грузинские и грузино–абхазские инициативы) и различными формами сотрудничества с другими проектами (часто региональными, в различных форматах с участием Азербайджана – НК – Армении – Турции), не разрушив при этом единого целого (КСБР).

Совершенно очевидно, что Алерт как третья сторона-посредник шла по лезвию ножа. Партнеры или еще кто-то могли решить, что мы отдаем предпочтение одной из конфликтующих сторон в ущерб другим. Но мы почувствовали, что процесс уже достаточно окреп, чтобы выдержать такое. Не «быть гибкими» означало бы начать сдерживать динамику процесса. Дело было не в том, чтобы кто-то получил больше или пользовался большей поддержкой, а в том, чтобы признать и принять тот факт, что существуют разные формы работы, и в результате сделать всю структуру (КСБР) сильнее.

К концу 2007 г. мы занимались разработкой конкретных двусторонних инициатив самого разного уровня – от разработки схемы совместной сдачи в аренду сельскохозяйственной техники в Южной Осетии и совместных инициатив по борьбе с сельскохозяйственными вредителями в Зугдиди – Гал/и – Очамчире до идеи создать в Гал/и небольшую производственную линию по изготовлению фруктовых соков или разработать совместный грузино–осетинский проект производства меда. На региональном уровне мы работали над развитием туристического сектора в Азербайджане, Армении, Грузии, Нагорном Карабахе и Турции; продвигали идею сотрудничества в чаеводческом секторе во всем регионе; помогали установить контакты производителям сыра из Армении, Грузии и Турции для создания в перспективе общего брэнда сыра; затем последовала региональная выставка сыра в Гюмри (Армения), в которой участвовали представители всего региона со своими сырами, в том числе и из Азербайджана.

Многие партнеры КСБР работали над несколькими проектами одновременно. По любому из этих проектов в нормальных условиях забот хватило бы с лихвой, а с учетом того, что проекты реализовывались в условиях конфликта и разделенности, что было много чувствительных политических моментов, поочередных переговоров с участниками, изменений по ходу дела планов и очертаний проектов, – не хватит слов, чтобы описать сложность этих задач. Мы сталкивались с многочисленными логистическими и политическими проблемами, например, как перевезти сельскохозяйственное оборудование из Турции в Абхазию для совместной работы? Как перевезти трактор через разделительную линию Южной Осетии? Как привезти на выставку сыров в армянском Гюмри сыры из Южной Осетии, не говоря уже об азербайджанском сыре и азербайджанских партнерах? Называть ли на публичных встречах наши проекты совместными или параллельными?

До какой степени, начиная работать в новых сообществах, нужно подчеркивать миротворческую составляющую наших проектов? Нужно ли добиваться участия официальных лиц в наших мероприятиях, и если да, то как? Как отреагируют на это власти или жители? До какой степени следует рекламировать нашу работу? Каким образом позиционировать КСБР в газетной статье, чтобы не вызвать нежелательную реакцию? Что можно сказать в ответ на заявление чиновника министерства сельского хозяйства, сказавшего, что «предоставление фермерам сельскохозяйственной техники противоречит интересам министерства»?

Причем эти сложности возникали не только на территориях, разделенных конфликтом, но и в других областях: перевоза тюки с чаем из Тбилиси в Баку, вино из Азербайджана в Тбилиси на семинар виноделов, мороженное из Армении на выставку в Грузии, мы постоянно сталкивались с формальными и неформальными проблемами. И КСБР тоже реагировала на них формально и неформально, исходя из нашего принципа совместного планирования и действий по соглашению, с изрядной долей *гибкого подхода*, с юмором и прежде всего, терпеливо. КСБР начала фиксировать многие из этих проблем и выносить их на обсуждение с политиками.

Короче говоря, работа шла полным ходом, и со временем наше понимание местных условий и того, как в этих условиях можно действовать, улучшилось.

Эволюция ролей

В то же время менялись роли партнеров КСБР и наших коллег по Алерт, и отношения между ними. Если сначала Алерт помогала установить контакты, способствовала развитию диалога и вела процесс, то теперь концепция партнерства менялась. Возможно, именно в это время мы действительно становились партнерами. КСБР все чаще играла ведущую роль в разных инициативах, как на стадии их разработки, так и в период воплощения в жизнь. Начался самостоятельный фандрейзинг для нужд КСБР, часто с помощью Алерт или рекомендательных писем от последней. Доноры часто не соглашались с нашей оценкой устойчивости развития процесса. В их представлении устойчивость означала нечто промежуточное между созданием прибыльного бизнеса и привлечением его к финансированию нашей работы. Для нас устойчивое развитие было более широкой концепцией – это политические и финансовые условия, дающие возможность КСБР работать все более независимо.

Теперь уже при планировании и обсуждении инициатив с участием представителей обеих сторон конфликта не всегда требовалось участие Алерт в прежнем качестве. Организация Алерт по-прежнему присутствовала, но вместо того, чтобы быть координатором, осуществлять «челночную дипломатию», обсуждать со всеми все детали, координировать и администрировать работу, она в ряде случаев превращалась в еще одни мозги, в «адвоката дьявола», проверяющего логику партнеров КСБР.

Возникало чувство общей цели и, возможно, более реального и равноправного партнерства между КСБР и Алерт. В результате начала меняться традиционная роль Алерт – от катализатора и координатора к действующему (в большей мере) лицу. Нейтральность – это академическое понятие, и можно утверждать, что никто из тех, кто работает с конфликтами, не остается нейтральным в полном смысле этого слова. Миротворчество, по определению, – это политическая деятельность, но ее участники должны стараться не попасть в ловушку политизированности. Беспристрастность и целостность – это те ценности, которые Алерт считает ключевыми, равно как и отказ от того, чтобы оценивать конфликт с точки зрения политики. Но сейчас, когда в своей работе мы все больше и больше ориентировались на конкретные дела, мы в большей степени оказались готовы занять позицию по каким-то «вопросам». В среде миротворцев и медиаторов неофициальных процессов само слово «позиция» подлежит анафеме. Большинство сотрудников Алерт по традиции относится с большой, почти параноидальной осторожностью к возможности высказать собственное суждение по любому поводу, даже по конкретным вопросам, не говоря уже о том, чтобы занять позицию. Но теперь наша работа требовала открытия границы Карс-Гюмри между Турцией и Арменией, экономического сотрудничества с участием представителей конфликтующих сторон, постановки вопроса о коррупции на границах. Мы решили, что если партнеры КСБР и деловые сообщества, которые они представляют, согласятся и сформулируют то, что они хотели бы заявить, или если они будут иметь общую позицию по этим вопросам, то мы не должны им мешать, и напротив, должны их поддержать.

9. Лакмусовая бумажка

В июле 2008 г. КСБР провела заседание по стратегическому планированию в Пицунде (Абхазия), на котором значительное время было уделено обсуждению результатов бурного прошедшего года. Настроение у всех было хорошее, перспективы на будущее – яркие. Одна из главных проблем заключалась в том, как реализовать все идеи и при этом не надорваться. У некоторых партнеров и у команды Алерт последствия многолетней работы и особенно пары последних сумбурных лет уже сказывались на здоровье. За встречей в Пицунде вскоре последовал амбициозный Первый конгресс кавказских чаеводов в конце июля в Баку. Это был первый съезд чаеводов после распада Советского Союза. Событие стало важной вехой в развитии отрасли и в деятельности КСБР, поддерживавшей это сотрудничество. После того, как удалось провести это мероприятие с участием ключевых азербайджанских, грузинских, российских, южноосетинских и абхазских экспертов, чаеводов, предпринимателей и представителей государственной власти Грузии и Азербайджана, КСБР почувствовала себя более уверенно. Для нас это было еще одним практическим показателем правильности “гибкого подхода”, правильного сочетания двусторонних и региональных проектов, показателем того, что у разных бизнес-центров могут быть разные роли и разные сильные стороны.²¹

²¹ В нагорно-карабахском контексте никакие конкретные инициативы через разделительные линии не были осуществимы. Но деловое сотрудничество в региональных проектах допускалось. В этом съезде в Баку смогли принять участие чаеводы и производители травяных чаев из Южной Осетии и Абхазии. На следующем съезде чаеводов в ноябре 2009г. в Тбилиси у нас были производители травяных чаев из Еревана, Гюмри и Степанакерта/Ханкенди

Летом 2008 г. стала нарастать напряженность вокруг Южной Осетии, но несмотря на большое количество настораживающих событий, наши чувства после сенсационной новости о начале войны в августе лучше всего можно описать словами «Не верю!». Еще в мае 2006 года на встрече в Киеве КСБР посвятила один день рассмотрению сценариев развития событий – лучшему и худшему. Выводы, которые мы нашли в наших материалах, были следующими: “худший сценарий – война. Главная задача в этом случае – сохранить КСБР и каналы связи”. Сеть как таковая была чем-то большим, чем совокупность бизнес-центров. Сеть была самым ценным, что у нас было. Это мы поняли после столкновений в 2004 г. в районе Эргнети и событий 2006 года в Кодорском ущелье²².

После начала боевых действий в августе 2008 г. сотрудники Алерт и наши коллеги из КСБР превратились в круглосуточный телефонный коммутатор в семи сообществах. Больше всего мы волновались за наших коллег в Южной Осетии, так как связь с ними была в лучшем случае эпизодической. Все обменивались посланиями. Как только появлялись какие-то новости о наших коллегах, их немедленно передавали всем членам КСБР. Часто новости, поступавшие от наших партнеров по КСБР, были достовернее того, что передавали многие информационные агентства, по многу раз использовавшие чужие “новости”. Кто-то из партнеров был ранен, кто-то получил травму, кто-то – и то, и другое. Многим был нанесен материальный ущерб, но, к счастью, все наши коллеги выжили. Все средства нашей сети были направлены на гуманитарную помощь, на нужды новой волны перемещенных лиц, на решение неотложных проблем, на медицинскую помощь. Естественно, это было не совсем то, на что давали деньги доноры, но тогда не было войны. Помимо чисто гуманитарных соображений, мы и наши партнеры рассматривали эту ситуацию с точки зрения возможности продолжить деятельность в будущем. Наша реакция не в последнюю очередь определялась также чувством ответственности за партнеров, потому что в последние годы именно они «высовывались», привлекали внимание. В эти ужасные дни КСБР собралась вместе. Позднее наши коллеги по КСБР поняли, что эти августовские дни 2008 года были лакмусовой бумажкой нашей устойчивости и *raison d'être*.

В сентябре 2008 г., после окончания традиционного 40-дневного траура, КСБР собралась на первую встречу в Стамбуле. Перед встречей все обязались продолжать работу в новых условиях. Мы не знали, чего ожидать; встреча была не похожа на другие. Это был один из немногих случаев, когда разрешено было говорить о политике и занимать позицию. Разительный контраст с почти религиозным отношением сотрудников проекта к отказу от политики в работе! Но дело было не в том, чтобы изменить этому правилу, а в том, чтобы найти безопасное место, где можно дать людям выпустить пар и выразить свои эмоции. Это, возможно, была единственная встреча в нашем процессе, когда эмоции и позиции бросали вызов разуму и интересам. Мы применили метод *активного слушания*, когда никого нельзя перебивать, и каждый мог сказать все, что думает. Комментарии и вопросы были сведены

22 В июле 2006 г. грузинские войска установили контроль над Кодорским ущельем, которое до тех пор контролировалось местной милицией, лишь формально подчинявшейся Тбилиси. Это была единственная территория Абхазии, не контролирувавшаяся властями Сухуми.

к разъяснениям, а не к возражениям. У каждого была своя правда, а вывод был следующим: раз уж мы работаем с конфликтами, то *“наша работа сегодня нужна еще больше”*. Ирония миротворчества заключается в том, что когда посредничество и диалог особенно нужны, их сложнее всего организовать. Это, конечно же, справедливо и применительно к нам.

Весной 2009 г. представители КСБР приехали в Лондон на совещание по планированию, семинары и встречи с донорами. В мае КСБР организовала бизнес-встречу на высшем уровне в Баку, куда приехали партнеры и бизнесмены из Южной Осетии, Грузии и Азербайджана. Это было первое мероприятие, самостоятельно организованное КСБР, без участия Алерт. За ним в октябре последовал Второй Кавказский конгресс чаеводов в Тбилиси, куда приехали более 50 производителей и экспертов из Армении, Азербайджана, Нагорного Карабаха и Грузии. Там также присутствовали эксперты из Шри-Ланки и США, которые приехали за свой счет. Это говорит о том, насколько серьезно воспринимался данный процесс. Одно из главных принятых там решений касалось приема чаеводов из НК и Армении в Кавказскую ассоциацию производителей чая и признания КСБР рабочим и координационным органом ассоциации. Конгресс завершился фестивалем кавказского чая с участием широкой публики. Особое внимание привлекли речи, посвященные сотрудничеству на региональном уровне трех депутатов парламентов из Тбилиси, Баку и Еревана. В сентябре партнеры КСБР из трех признанных государств участвовали в Экономическом форуме в Крынице²³, они говорили об идее экономического подхода к миротворчеству и о КСБР. В ноябре прошел Третий Южнокавказский женский экономический форум с участием представителей противостоящих сторон конфликта на Кипре (для обмена опытом). Ужасные события августа 2008 г. обозначили начало фундаментальных перемен в динамике конфликта. Но динамика нашего процесса, отношения и модель работы сохранились и доказали свою жизнеспособность.

10. Дилемма посредничества в рамках неофициального медиаторства

У проекта «Экономика и конфликт» было немало сложностей и проблем, как и у любого посредничества или любой инициативы в области миротворчества. Подход к их решению говорит не только о том, как мы понимаем эти проблемы, но и о том, как мы можем на них ответить. Когда у человека есть проблема, он обычно ищет ее решение. Если человек сталкивается со сложностями, он может постараться извлечь из них пользу или справиться с ними.

²³ Экономический форум в Крынице, который называют Давосом Восточной Европы, – это ежегодный форум, проводимый в Польше, где обсуждаются политические, экономические и социальные вопросы; на форуме собирается до 2000 политиков, бизнесменов, представителей гражданского общества и СМИ из десятков стран. Организаторы форума хотели бы видеть там только представителей Армении, Азербайджана и Грузии, но представители КСБР получили мандат от сети на представление всех сторон, вопреки позиции их стран.

Естественно, что при осуществлении неофициального гражданского диалога в условиях конфликта возникают сложности, проблемы и дилеммы. Дилемму часто считают состоянием неуверенности в условиях выбора из неудовлетворительных вариантов. Многие «вызовы» гражданского диалога также можно считать затяжными дилеммами, когда не ожидается окончательное решение, а к самой дилемме относятся как поиску подходящего баланса.

Ниже речь пойдет о дилеммах, перед которыми оказались проект «Экономика и конфликт» и КСБР.

Дилемма «постоянный круг участников или новые люди»

Многие гражданские инициативы направлены на создание широкого мирного фронта и привлечение все большего числа людей – как на роль партнеров, так и на роль бенефициариев. И хотя это, безусловно, не является обязательным условием для гражданских инициатив²⁴, во многих случаях это именно так. С другой стороны, существует проблема работы «с постоянным кругом», то есть с одними и теми же людьми. За это часто критикуют неформальные гражданские инициативы. В этом процессе мы изо всех сил старались, с одной стороны, сохранить авангард наших ключевых партнеров, которые будут двигать процесс вперед, а с другой – не попасть в ловушку «работы с постоянным кругом», с одними и теми же людьми. В настоящее время большинство ключевых партнеров КСБР – это не те люди, которые стояли у истоков исследовательского проекта ИГЭК. Но есть люди, которые связаны с организацией давно. Считается, что перемены несут не организации, а люди. С годами произошла естественная смена состава участников. Кто-то перестал работать с нами из-за проблем на работе или личных проблем, кто-то под давлением извне, кто-то просто отошел от движения.

Пришли новые люди: некоторых из них рекомендовал Алерт, других привели партнеры КСБР. Привлекать новых людей на роль партнеров было не всегда просто, особенно когда инициатива исходила от третьей стороны (Алерт). Иногда новички не вписывались в «команду» уже существующих партнеров и их категорически не принимали. В других случаях возникали политические и экономические основания. Здесь все было очень непросто, и хотя применялись объективные критерии, в конечном итоге многое основывалось просто на личных впечатлениях. Когда партнеры по КСБР отбирали и приводили новых людей, они несли ответственность за своих кандидатов, стараясь не привести тех, кто не будет достаточно открыт, конструктивен и может не справиться с делом. Для нас это было свидетельством развивающегося чувства корпоративной идентичности и ответственности за сеть.

²⁴ Формат гражданских инициатив или инициатив по развитию диалога может предполагать эксклюзивность (ограниченное число участников). Но даже если такой формат может повторяться много раз, в результате должно наметиться какое-то движение вперед (например, результаты должны стать достоянием общественности, как-то повлиять на официальный переговорный процесс и т.д.).

По мере того, как процесс набирал обороты, наш подход или позицию иногда можно было сформулировать как «*пусть работа отбирает людей сама*» («тех, кто больше всего подходит»). Например, если серьезно подходить к идее с чаеводством, то потребуются и настоящие профессионалы в Совете, и партнеры, и бенефициарии, чтобы успешно продвигать проект.²⁵ Ключевую роль играла также модель сети – свободный, эволюционирующий, не имеющий жесткой формы субъект, в котором мало фиксированных должностей или структур, и система подчинения выражена слабо. Поэтому людям было легко начать сотрудничать с сетью и прекращать это сотрудничество. Однако при такой модели особенно важной становится роль третьей стороны, которая следит за соблюдением правил, держит руку на пульсе и вмешивается при необходимости.

С точки зрения привлечения новых участников этому проекту очень повезло с *нишей*: МСП редко входят в «постоянный круг», но многие хотят работать, и с точки зрения посредников и участников миротворческих инициатив этот сектор еще почти не задействован.

Дилемма «двусторонний или региональный формат»

Региональные инициативы часто критикуют за то, что они не могут так глубоко проникнуть в тему или в жизнь отдельных сообществ, как, например, двусторонние процессы. Доноры относятся к региональным проектам с недоверием, так как эти проекты считаются дорогими, и они боятся, что результат будет плохо заметен. При этом двусторонние инициативы тоже можно считать не лучшим форматом для работы над вопросами, имеющими региональное значение. Как уже говорилось выше, по ряду причин региональный подход был основой этой инициативы. Процесс прошел несколько стадий: от совместной работы в региональном формате (например, исследовательская работа на начальном этапе) к выполнению большей части работы в отдельных сообществах (2005 – 2007 гг.) и до множества двусторонних, многосторонних и региональных процессов (2007 г.). В настоящее время сочетание региональных и двусторонних инициатив является уже скорее не дилеммой, а сильной стороной нашего процесса. Партнеры КСБР думают именно так и считают, что процесс достиг той стадии, когда может способствовать позитивному взаимодействию между этими двумя подходами.

Мы поняли и приняли концепцию «региональности» как гибкий формат, способный включать различные комбинированные формы участия, а не жестко заданный региональный подход, включающий всех.

Дилемма «развитие бизнеса или миротворчество»

На встрече по планированию работы КСБР в июле 2009 г. в Турции мы долго обсуждали наши проекты создания торговых марок «Кавказский сыр» и «Кавказский чай»; мы

²⁵ На это можно возразить: а кто выбрал чаеводческий сектор? См. ниже раздел «Чей это процесс? Кто и когда должен его вести?»

обсуждали вопрос о том, будут ли эти торговые марки в первую очередь *политическими* или *экономическими*. Этот вопрос был принципиальным; в рамках «Экономики и конфликта» предполагалось объединение этих двух концепций, но при этом мы только нащупывали подход к тому, как именно это можно сделать. Обычно в ходе обсуждения мы приходили к одним и тем же выводам: 1) от конкретных условий зависит, какая именно из двух составляющих даст лучший результат; 2) в равной степени возможен основной упор и на бизнес-составляющую, и на миротворчество. Когда мы планировали совместный армяно-турецкий брэнд «Кавказский сыр», мы пытались решить обе задачи: создать устойчивый бизнес и предложить положительный пример сотрудничества, который будет инструментом поддержки нашей идеи. Но производство сыра в странах развивалось неравномерно, и мы пришли к выводу, что для нас важнее разговоры вокруг *“сырной дипломатии”*, начавшиеся после публикации в журнале «Экономист», и последовавшее за этим освещение этой темы в СМИ. А совместная мастерская по обработке камня в Ткварчели или схема обеспечения сельскохозяйственным оборудованием в Южной Осетии были, скорее, важны как поддержка совместной инициативы и источник дохода для людей. Эти проекты повышали авторитет КСБР и ее партнеров и демонстрировали, что мы можем не только говорить, но и делать что-то конкретное.

Чей это процесс? Кто и когда должен его вести?

Когда международные НПО пишут свои заявки, они часто используют такие слова как “участие местных организаций”, “миротворческие инициативы под руководством местных жителей” и пр. Время от времени воплощение этих программ в жизнь критикуют за то, что НПО навязывают свои программы действий, что живут в соответствии с прежними обязательствами, что их проекты не укореняются или не носят “устойчивого характера”. Другая сложность и причина неравноправия отношений состоит в том, что международные НПО становятся не только партнерами, но и зачастую *de facto* донорами. Как говорится, *“кто платит, тот и заказывает музыку”*. Это касается и определения более широких параметров (стиль мышления, идеи и т.д.), которые часто подсказываются партнерами или рождаются в ходе дискуссий с ними. В нашем случае вопросы «участия» и «кто и когда ведет процесс» были неразрывно связаны с меняющимся процессом и меняющимися ролями. Мы старались не отступать от нашего подхода и поддерживать “миротворческие инициативы под руководством местных жителей”. Но вопрос о том, насколько это удалось, лучше задать КСБР. Вначале процессом руководила Алерт, которая обеспечивала все средства и в значительной мере определяла более широкие параметры работы. И хотя предыдущие проекты (например, Кавказский форум) и наши партнеры, конечно же, влияли на наше мышление, проект в значительной степени развивался под руководством Алерт.

Для сотрудников Алерт задача поддержки и инициирования «миротворческих инициатив под руководством местных жителей» всегда была одним из основных принципов; мы пытались найти правильный баланс наших отношений. Интересно отметить, что

внутри Алерт мы сталкивались с проблемами, связанными со степенью публичности нашей деятельности. Сотрудники Алерт решили, что в тех случаях, когда нам следует действовать публично (например, в силу политических причин, для связи с международным сообществом и др.), мы так и будем действовать. Но это не должно быть самоцелью. Укрепление авторитета и устойчивости КСБР должно оставаться главной задачей. Еще проект иногда критиковали за недостаточность руководства со стороны Алерт, за недостаточно прослеживающуюся “марку Алерт”. Но для сотрудников проекта “маркой Алерт” была поддержка местных инициатив, что, в свою очередь, предполагало крайне деликатный подход и постоянное приведение наших ролей в соответствие с динамикой процесса.

Было еще одно прагматическое соображение, заставлявшее нас передавать партнерам функции, ранее относившиеся к компетенции Алерт. На каком-то этапе “передача ответственности” стала для нас единственным способом справиться с объемом работы и сохранить динамику процесса. Если бы мы не пошли по этому пути, Алерт могла стать помехой на пути процесса. В некоторых случаях те, кому передавалась ответственность, принимали решения, которые сама Алерт не приняла бы. Но так и должно было быть.

Партнеры КСБР стали также и партнерами по фандрейзингу, и в ряде случаев имели успех. Иногда роль Алерт сводилась только к написанию писем поддержки, иногда наше имя использовалось при подаче заявок на гранты, так как мы были официально зарегистрированной организацией, а КСБР – нет.

Сеть также может рассказать о том, как у нас принимаются решения: оптимальным подходом считается такой, при котором задействованы все, а решения принимаются в ходе обсуждения. Хотя этого не всегда удается достичь. Мы разработали свои критерии, например, для сотрудничества в какой-то области (когда чем больше участников удастся привлечь, тем лучше), которые могли бы помочь контролировать процесс принятия решений. Кроме того, Алерт иногда рекомендует подход, анализирует итоги, так как видит всю картину в целом (например, положение с финансами, общую обстановку в регионе и др.). Мы старались действовать с учетом принципа сбалансированности, равенства и честности, особенно когда дело доходило до распределения ресурсов.

Но дискуссии о том, что именно нужно финансировать из средств КСБР, часто выливались в долгие, а иногда и очень горячие споры. Реальные двусторонние инициативы оказались возможны в Южной Осетии/Грузии, Грузии/Абхазии и Турции/Армении.

Иногда стремление открыто обсуждать наши ресурсы выходило нам боком. Мы тратили много нервов, но, в конце концов, приходили к решению. Иногда партнеры напрямую обращались к Алерт с просьбой принять решение по какому-то вопросу, не делая его предметом общего обсуждения. В других случаях Алерт в одностороннем порядке вводила принцип позитивной дискриминации, как было, например, в период

вооруженного конфликта в Южной Осетии из-за отсутствия внимания к теме со стороны международных организаций или ограниченности возможностей. Часто появлялись другие источники финансирования – например, турецко-армянская программа финансировалась из независимых источников. Кроме того, иногда Алерт в одностороннем порядке доставала средства (например, внося конкретные предложения и др.).

Возможно, КСБР и не выжила бы в своем нынешнем состоянии без Алерт. С учетом того, что КСБР работает в зоне четырех конфликтов, крайне важным является участие третьей стороны для координации, интеллектуальной поддержки, развития стратегии контроля, ведь Алерт имеет богатый опыт фандрейзинга и др. Мы стараемся держать руку на пульсе, чтобы понимать, когда вести за собой, а когда быть ведомыми, сопровождать, следовать за процессом или пустить все на самотек. Кроме того, Алерт, к сожалению, остается единственной организацией, которая может посещать все места и, следовательно, может помочь другим понять общий контекст и особенности позиции второй стороны. И партнеры, и Алерт научились думать о работе, как о чем-то “своем” и “общем”. Когда помощь Алерт больше не будет требоваться или “срок приглашения закончится”, настанет пора *постепенно сворачивать свое участие* и со временем дать проекту полную самостоятельность.

Дилемма «формально – неформально»

В прошлом мы вели бесконечные дискуссии на тему, следует или нет официально регистрировать КСБР. Все «за» были очевидны: возможность заниматься фандрейзингом, институциональная база устойчивости, формализация своего существования, облегчающая доступ к другим партнерам и др. При этом аргументы в защиту противоположной позиции были следующими: формализация означает меньшую гибкость, она может спровоцировать появление скрытой мотивации у участников, вместо реальной работы может начаться обсуждение формальных моментов, возрастет административная нагрузка, возникнут политические последствия (начиная с юридических адресов различных офисов, расположенных по всему региону). В результате мы всегда приходили к выводу, что формализоваться не нужно. Неформально не значит неэффективно. Во многих случаях гибкая сеть может соответствовать условиям и отвечать задачам намного лучше, чем жесткая формальная структура. В неформальной сети важность общих ценностей, общего видения и доверия несравненно выше, чем в формальной. Позитивная оценка со стороны равноправных партнеров и единство взглядов могут быть лучшей мотивацией, чем стандартные формы отчетности. Но есть еще и точка зрения, согласно которой неформальные сети редко выживают без участия третьей стороны или кого-то, кто держит их всех вместе, выступает в роли рефери, какого-то посредника, фандрейзера или координатора. И это становится еще более верным при работе в условиях конфликта. Поэтому Алерт все еще задействована в работе.

Дилемма «публичность – конфиденциальность»

С учетом всех проблем соотношение посреднической деятельности и публичности должно быть очень тщательно обдумано. Освещение работы в прессе может помешать созданию безопасного пространства, привлечь к участникам нежелательное внимание или даже поставить их под удар, нанести урон репутации и подорвать весь процесс. В то же время, если мы хотим бороться с отрицательными стереотипами и менять отношение общества к чему-то, то вряд ли сможем обойтись без помощи СМИ.

На ранних этапах деятельности КСБР, и особенно в начале работы над первыми реальными проектами, мы очень опасались излишнего внимания СМИ. Было ощущение, что *“лучше не высывываться, пока мы не увидим, что получилось, чем быть излишне публичными и все испортить”*. Чуть позже, когда у нас уже появилась поддержка некоторых МСП и других участников процесса, мы стали больше верить в себя, и КСБР стала чаще общаться с прессой. Сначала мы выработали некую «линию партии» с тем, чтобы никто не мог погубить усилия других людей, употребив неверные выражения или неправильно представив суть нашей деятельности, что могло сулить неприятности. На каком-то этапе мы поняли, что информация о нашей деятельности в официальной прессе может служить защитой или, как минимум, аргументом против обвинений в какой-то тайной, никому не известной деятельности. Бывали и ошибки, согласованная «линия партии» не всегда соблюдалась. Но у нас было уже более десятка человек, выступавших от лица КСБР, каждый из которых жил в своих непростых условиях. В 2008-2009 годах мы, наконец, достигли того уровня, когда начали думать о собственной стратегии отношений со СМИ и о рекламе нашей деятельности. Эта работа еще продолжается, хотя о нас пишут все больше; мы все еще думаем над стратегией. Некоторые из наших мероприятий (особенно региональных) мы стараемся как можно шире освещать в прессе.

11. А где результат?

Однажды мы с партнерами КСБР и сотрудниками Алерт обсуждали гипотетическую ситуацию: а что, если в какой-то момент наш проект в его нынешнем виде прекратит свое существование? Можно ли тогда считать, что сделанное стоило потраченных сил, риска и денег? Ответ был: “Да”. Это не значит, что все уже сделано. Напротив, работы больше, чем прежде. Но, тем не менее, этот результат говорит о том, что процесс достиг чего-то и что-то создал.

Процесс создал отношения поверх границ конфликта, выдержавшие испытание периодами обострения и нормализации в динамике конфликта, и, несмотря на разные политические позиции участников, помог найти пути сотрудничества и диалога поверх границ. Даже если убрать из этой формулы «проект», все равно остается многое: отношения, процессы, инициативы, мышление. Отвечавшие также упоминали создание уникальной сети с общим

самосознанием, на основе общих ценностей и представлений о более мирном Кавказе, сети, которая служит для других вдохновляющим примером.

Мы создали пилотную модель и показали всем, что экономическое сотрудничество может отвечать общим интересам и что оно возможно. «Кавказский чай» сейчас уже прошел экспертизу в Шри-Ланке, и такой экономический подход, основанный на миротворчестве, вдохновляет людей на работу в условиях других конфликтов.

В 2009 г. КСБР пригласили участвовать в Экономическом форуме в Крынице. Для нас это было знаком признания сети, желания выслушать нас на международном форуме. Диверсификация источников финансирования КСБР, самостоятельный фандрейзинг, проводимый партнерами, можно считать знаком поддержки наших взглядов и доверия со стороны доноров к нашей работе.

Естественно, нам сложнее дать какую-то количественную оценку влияния нашей деятельности на смену отношений, но нам хочется верить, что мы внесли в это свой вклад. Лучшим примером являются люди, непосредственно занятые в этой работе. Многие наши мероприятия, бизнес-туры, выставки для многих стали чем-то, что меняет всю жизнь. Сотни бизнесменов и экспертов участвовали в различных инициативах и мероприятиях. Не все из них стали активными сторонниками сотрудничества, но многие остались в нашей вспомогательной сети.

Позиции партнеров КСБР, конечно же, во многом изменились. Партнеры, которым когда-то было сложно говорить с людьми, представляющими другую сторону конфликта, превратились в главных приверженцев развития сотрудничества. Менялись их взгляды на «другую сторону» и восприятие конфликта. В ряде случаев улучшилось благосостояние людей (с помощью конкретных двусторонних бизнес-инициатив) или удалось решить их насущные проблемы (отсутствие сельскохозяйственного оборудования, совместная акция по борьбе с вредителями).

Работа, направленная на «институционализацию регионального экономического сотрудничества» через создание ассоциаций или платформ создала механизмы, которые выходят за пределы сферы деятельности КСБР. Хотя Ассоциация производителей Кавказского чая, созданная при поддержке КСБР, вряд ли сможет развиваться и даже выжить без этой поддержки, но, тем не менее, процесс пошел, установлены многие деловые связи. Южнокавказский женский экономический форум в Пицунде – еще одна платформа, объединяющая деловых женщин всего региона. Торговые марки кавказских пищевых продуктов («Кавказский чай», «Кавказский сыр» и «Кавказский букет», который еще разрабатывается), инициированные КСБР, возможно и не имели большого коммерческого успеха, но сам факт их существования говорит об интересе и желании сотрудничать в регионе. Воздействие этих торговых марок и концепций не ограничивается стенами аудитории семинара или конференц-залом, они продолжают «работать», вызывают

споры и ставят под вопрос привычные аксиомы уже сами по себе, без какой-либо внешней поддержки. Деятельность КСБР получает все больший резонанс, ее репутация в регионе укрепляется. И хотя резонанс от этой деятельности в мейнстриме все еще невелик, мы часто встречаем людей, которые что-то знают о нашей работе из СМИ, и т.д.²⁶

Хотелось бы также верить, что мы сыграли решающую роль в появлении экономической составляющей в программах разрешения конфликтов на Южном Кавказе. Подтверждением этому может служить тот факт, что мы были пионерами в разработке экономического подхода в регионе, который сейчас признает все большее число представителей гражданского общества, межправительственных организаций, а также национальных правительств. Возможно, мы более успешно работали с международными участниками процесса (особенно с ЕС), но определенные успехи были достигнуты и на национальных уровнях. В первой половине 2009 г. партнеры КСБР при различных обстоятельствах встречались с президентами 5 различных государств и территориально-государственных образований.²⁷ КСБР также успешно лоббировала развитие чаеводства в парламентских рабочих группах, наши рекомендации легли в основу двусторонних правительственных торговых соглашений. Партнеры КСБР также внесли заметный вклад в разработку национальной стратегии, особенно в Грузии, где к тому времени, когда начался этот процесс, вопросы экономического сотрудничества значительно обесценились.

12. Извлеченные уроки

Мы немногого достигли бы в проекте «Экономика и конфликт», если бы не наши партнеры. Нам очень повезло с этой внушающей вдохновение группой – с кем-то из них мы встретились случайно, кто-то был сознательно отобран, а с кем-то нас познакомил. Тот факт, что все они были из разных кругов (профессиональных, секторальных, гендерных, имели разные биографии, происходили из разных географических областей и т.д.), безусловно, добавил группе динамизма. **Разнообразие партнерской базы укрепило процесс**, предложило разные точки зрения, разные стили работы и обеспечило критерии привлечения новых людей (это существенно отличается от ограниченного участия более традиционных партнеров НПО). Гибкая модель нашего проекта и концепция неформального подхода также позволили нам не стать заложниками жестко фиксированного стиля отношений. Мы позволили процессу определять стиль нашей работы, а работе – партнеров, что также помогло обеспечить относительно естественную смену партнеров.

²⁶ КСБР никогда прежде не была в Анкаре, и в ноябре 2009 года мы организовали совместную армяно-турецкую пропагандистскую поездку для встреч с политиками, НПО, посольствами и др., и были приятно удивлены тем, что многие слышали о кавказском сыре и другой нашей работе. И подобных примеров много.

²⁷ В Армении, НК, Азербайджане, Грузии и Абхазии. Интересно отметить, что один из партнеров КСБР из Еревана встретился с президентом Алиевым. Когда Алиеву вручили листовку КСБР, он ответил: «Да, кажется, я о вас слышал».

У нас было много печального опыта, когда привлекавшиеся люди оказывались неподходящими. Было несколько серьезных проблем, но отсутствие формальных должностей, гибкая модель и сильная групповая динамика обеспечили практически естественный отбор. Подбор «правильных партнеров или правильных людей» во многих случаях оказывался самым главным моментом. Кто-то из них был мыслителем, способным видеть перспективы, другие вдохновляли и привлекали людей в регионах, у кого-то был опыт предпринимательства, у кого-то – опыт научной работы, кто-то был ближе к коридорам власти. Часто один человек мог работать на нескольких уровнях: завоевывать доверие людей в регионах и работать на политическом уровне. Нашей главной задачей было именно это – способность совмещать работу на разных уровнях вертикали.

В то же время у нас был и не самый лучший опыт, когда два или три раза мы недостаточно серьезно отнеслись к выбору партнеров. Однажды мы реализовывали двустороннюю инициативу, и команда участников с одной из сторон (за исключением одного или двух человек) была сформирована этой стороной самостоятельно. В результате «напор» и единство позиций одной группы отрицательно сказались на всем процессе. Разница подходов двух групп оказалась столь ощутимой, что их невозможно было примирить. В конце концов деньги кончились, а результат так и не был достигнут. Оглядываясь назад, мы пришли к выводу, что слишком сильно хотели получить грант от донора для реализации идеи, которая предполагала участие конкретных людей с их идеями. Хотя ни у кого не было дурных намерений, ответственность, тем не менее, ложится на посредника, то есть на Алерт, которая должна была обеспечить полную ясность, чтобы все понимали, что именно предполагает их участие в этом процессе.

Мы осознали ценность **доверия к процессу**. С одной стороны, это уже клише, но такой подход неоднократно доказывал свою правоту. Иногда мы организовывали встречи и доверяли участникам этих встреч принять решения, которые в дальнейшем определяют наше движение, хотя с самого начала эти решения не были очевидны. Иногда мы ориентировались на реальный процесс, на суждения партнеров и их видение будущего.

Проект стал воплощением глубокой веры и активной поддержки идеи **регионального формата** на Южном Кавказе. Региональный уровень не всегда должен означать работу в полномасштабном региональном формате – необходима гибкость при выборе двустороннего или многостороннего форматов. Наличие взаимных экономических интересов и мотивации слишком очевидны, чтобы их не замечать. Но такова обстановка в регионе в целом. Большинство изменений в одной части региона немедленно отзываются по всему региону, невозможно говорить о ситуации в какой-то его части без учета обстановки во всем регионе. При этом региональный формат позволяет обмениваться опытом и может обеспечить партнерам взаимную поддержку. Мобильность, поездки друг к другу могут иметь огромное значение для обучения и развития идей, но они также могут обеспечить коллегам помощь в тяжелой работе. Совместные визиты представителей конфликтующих сторон, например, совместный южноосетинско-грузинский визит в Азербайджан или

совместная поездка партнеров из Баку, Гюмри, Еревана и Нагорного-Каркбаха в Абхазию, могут помочь увидеть все сложности и возможности в другом контексте и шире взглянуть на собственную работу.

О важности деполитизации процесса. С самого начала мы очень старались так организовать и контролировать процесс, чтобы он был деполитизирован. Данный подход сохранил свою важность и актуальность на протяжении всех последующих лет. И партнеры КСБР, и команда Алерт, оказывающая им поддержку, признали этот подход одним из наиболее значимых и сильных моментов нашей работы. Это не значит, что мы отказались от идеи изменить условия. Напротив, с самого начала мы четко определили цели процесса – мы хотели создать условия для мира, а не для политического урегулирования или разрешения конфликтов. Поэтому мы последовательно говорили о создании условий, об упоре на общие интересы, а не о политических позициях, и уходили от прямых обсуждений конфликтов.

Можно считать, что экономика по природе своей менее политизированная область, тем не менее на первом этапе Алерт играла ведущую роль, задавая стиль и тщательно контролируя процесс. После того, как участники приняли этот принцип как фундаментальную основу процесса и условие участия в нем, для координаторов со стороны Алерт достаточно было сослаться на него, чтобы прекратить дискуссии, грозившие политизировать обстановку. В результате никто из партнеров, возможно, и не изменил свою точку зрения на конфликт (мы и не стремились к этому), но они вынуждены были принять и другие позиции. Это позволило партнерам временно забыть о своих политических взглядах или им и всей сети как-то подняться над политикой. Интересно отметить, что теперь, когда наши коллеги по КСБР привлекают к работе новых людей, они активно пропагандируют аполитичный стиль работы и выступают за его сохранение.

Роли могут меняться по ходу развития, и это нормально. Не нужно воспринимать заданные роли, функции, зону ответственности как религиозную догму; руководствоваться нужно тем, что реально существует, что имеет смысл. Понятно, что за эти годы наши роли существенно изменились. Если изначально Алерт руководила и выдвигала инициативы, то теперь новые инициативы исходят, главным образом, от партнеров КСБР. В то же время это не означает, что приверженность проекту со стороны Алерт изменилась. В условиях конфликта, когда ситуация мало предсказуема и трудно обеспечить непрерывность процессов, подобные процессы и долгосрочные обязательства не только помогают создать пространство и атмосферу, позволяющие быть на виду и мыслить в долгосрочных категориях, но и создают ощущение преемственности, даже, можно сказать, нормальности. Поэтому при любом вмешательстве третьей стороны нужно всегда иметь в виду возможные последствия своих поступков, действовать нужно не легкомысленно, а ответственно. У нас порой обстояли не лучшим образом дела с финансированием (нищета в 2005 – 2006 гг.), нам приходилось работать в разгар конфликтов (Эргнети – в 2004 г., Кодорское ущелье – в 2006 г., август 2008 г.), но мы никогда всерьез не думали о том, чтобы прервать на время работу.

Отчасти воодушевление участников и динамика процесса возникали благодаря конкретике и воплощению в жизнь прагматичных инициатив, дающих осязаемые результаты и реальную пользу людям. Миростроительство иногда критикуют за то, что там слишком много «говорильни», за оторванность от реальной жизни. Такое, действительно, неоднократно случалось, по крайней мере в Алерт. Многие инициативы КСБР направлены не только на создание позитивных примеров или улучшение жизненных условий людей, но и на укрепление доверия к процессу. Нельзя до бесконечности ездить в районы зон конфликта, где живут очень бедные люди, проводить там круглые столы, говорить об экономическом сотрудничестве и ждать, что люди будут вам верить. Если вы что-то делаете на самом деле, и это что-то дает результат, то вы получаете доверие и поддержку. То же самое касается и бизнес-форумов, фестивалей и пр. Бизнес-сообщество на Южном Кавказе не может поддержать такую работу, и зачастую журналисты не имеют средств, чтобы приехать на мероприятие или участвовать в нем. Если вы даете возможность профессиональным группам участвовать в подобных мероприятиях, доверие к вам крепнет, крепнут ваши позиции как субъекта, достойного доверия. Это дает партнерам чувство успеха, стимулирует их и служит дополнительным толчком в развитии всего процесса.

“**Ментальность марафонца**” – еще одно определение, которое часто используют в отношении сотрудников Алерт. Затяжные конфликты быстро не регулируются. Неофициальные гражданские процессы дают результат не сразу; реальные результаты не всегда видны в краткосрочной и даже в среднесрочной перспективе. Работа часто сводится к тому, чтобы внести вклад, поспособствовать, сменить отношение или поддержать перемены, а не к решению проблем и «нанесению решительного удара». Трудноуловимый характер этой работы, в сочетании с двусмысленностью и непредсказуемостью ситуации, может буквально «выжигать» людей изнутри или вызывать тяжелые стрессы. Кто-то сравнил нашу работу с трудом социальных работников. Тут много общего, в частности, риск перенять стиль поведения, характерный для условий, в которых мы работаем; есть потребность в поддержке со стороны людей, находящихся в том же положении, чтобы справиться с особенностями нашей работы, с отношениями между партнерами и со стрессом. Все это время мы обсуждали эту проблему с сотрудниками проекта в естественной и открытой манере. И это позволяло справиться с ментальностью марафонца, особенно в периоды, когда процесс шел на спад, а обстановка ухудшалась. Но об этом, возможно, организациям типа Алерт следует знать больше и быть готовыми предложить нечто большее, чем просто оперативную реакцию на возникающую проблему.

С учетом того, что работа была долгосрочной и интенсивной, между сотрудниками Алерт и КСБР иногда складывались очень близкие отношения. С одной стороны, это хорошо, так как для подобной работы требуется хорошее взаимопонимание и доверие. С другой стороны, возникала серьезная проблема – как не дать подобным отношениям повлиять на чьи-то решения, как не создать впечатление, что с кем-то здесь отношения ближе, а с кем-то – нет. Хотя в каких-то случаях этого невозможно было избежать. Иногда трудно

отделить личные моменты от рабочих. В какой-то мере и со стороны Алерт, и со стороны ряда лиц в КСБР процесс оказался персонифицированным. Оглядываясь назад, мы понимаем, что это было, пожалуй, неизбежно и в чем-то даже хорошо, но, тем не менее, нужно быть очень внимательным и не позволять личным отношениям возобладать над процессом и его потребностями.

Из «чрезвычайных» ситуаций мы вынесли два урока: во-первых, самые пессимистические сценарии должны быть частью стратегического планирования. Может быть предвидеть худший сценарий и невозможно, но всегда можно определить приоритеты и самые важные аспекты работы, которые должны быть сохранены. В нашем случае – это сохранение сети и каналов связи. В августе 2008 года, после начала военных действий, мы потратили на телефонные переговоры сумму, которой хватило бы на небольшой бизнес-проект. Позднее все, и особенно те, кто пострадал более всего, были благодарны коллегам за поддержку. Если бы сеть не держалась вместе, война, возможно, подорвала бы ее основы, а не укрепила, как это произошло в этих жутких условиях. Случившееся стало возможным благодаря крепким связям и коллективному чувству ответственности.

Во-вторых, быстрая реакция на происходящее, когда людям особенно нужна моральная или материальная помощь, может очень многое изменить не только в краткосрочной, но и в средне- и долгосрочной перспективе.

Когда нарастала напряженность в условиях любых конфликтов, мы часто говорили – если ждать, пока ситуация исправится, чтобы организовать встречу или провести мероприятие, нам придется ждать до бесконечности, и наша работа уже никому не будет нужна. Поэтому в условиях эскалации конфликта мы всегда продолжали работать, как ни в чем не бывало. В результате август 2008 года застал многих из нас врасплох, так как мы приняли войну за очередную эскалацию конфликта.

Гуманитарные интервенции должны действовать по **гибкой схеме**, чтобы они могли подстраиваться под меняющиеся условия. Часто все упирается в финансы. Если нужно планировать все затраты в начале года, то вам трудно подстроиться под ситуацию. На каждом мероприятии, на каждой встрече обычно рождается множество идей. Если у вас нет средств на продвижение этих идей, зачастую затухает динамика, которую создали эти события. Часто мы точно знаем, что будут идеи, но доноры не дают денег на их продвижение без описания конкретного проекта. Иногда требуется дополнительный фандрейзинг, но зачастую энтузиазм можно поддержать с помощью небольшого промежуточного финансирования. Возможно, не стоит проводить мозговой штурм или сессию по планированию работ, если нет плана или средств на поддержку высказанных предложений.

13. Заключение

Эта статья была написана почти два года тому назад и в ретроспективе интересно проанализировать результаты двух прошедших лет. Сеть КСБР продолжает разрастаться, иницилируя новые региональные брэнды и новые реальные бизнес-проекты, а некоторые из ее региональных сетевых инициатив, такие, например, как региональный чайный фестиваль, стали традиционными. Были инициированы новые исследования, касающиеся регулирования экономических взаимоотношений по обе стороны Ингури в грузино-абхазском контексте.²⁸ КСБР еще более укрепила свой международный статус, она имеет свою рабочую группу экспертов на Экономическом форуме в Крынице и начала распространять свои идеи о региональной экономической кооперации среди представителей более крупного бизнеса. Кроме того представляется, что экономические подходы, связанные с укреплением доверия между разделенными конфликтом сторонами, стали пользоваться большей популярностью среди определенных доноров, в частности, у правительства Грузии, которое включило экономический компонент в свою «Стратегию вовлечения» 2010 года.

К сожалению, однако, мы наблюдали и некоторые ограничения в восприятии комплексной философии КСБР. Некоторые доноры уделяли слишком большое внимание видимым аспектам «конкретики» без дополнительных процессуальных и правозащитных аспектов. В других случаях у них преобладали конкретные географические приоритеты, что мешает региональному подходу. Оба эти обстоятельства создавали проблемы с финансированием для поддержки сети и уменьшали ее гибкость, поскольку обычно финансирование предоставляется небольшими суммами непосредственно местным акторам для каждого конкретного вида деятельности. Это затрудняло удовлетворение требованию постоянных инноваций, с помощью которых успешно развиваются такие каталитические инициативы, как КСБР, поскольку инновационные идеи зачастую появляются в результате региональных совещаний, совместных обучающих визитов или региональных выставок, а также путем вовлечения новых лиц в новые сектора бизнеса – все это требует инвестиций и напряженной работы.

Интересно также проанализировать парадокс КСБР в качестве катализатора. Если роль КСБР заключается в развитии инноваций, в налаживании контактов, в донесении концепции до все более широких кругов бизнес-сообществ и в оказании им помощи при продвижении регионального экономического сотрудничества, то само собой разумеется, что в какой-то момент для поддержания такого сотрудничества необходимы

28 См. 'Регулирование экономических взаимоотношений по обе стороны Ингури: взгляд двух банков', на экономические и политические преимущества и потери, если эти взаимоотношения должны регулироваться, доступно на <http://www.international-alert.org/resources/publications/regulating-trans-inguri-economic-relations>. См. также 'Перспективы регулирования транс-ингурских экономических отношений: анализ заинтересованных сторон', анализ взглядов бизнес-сообществ, в частности, по вопросу регулирования транс-ингурских экономических отношений и анализ взаимосвязи между урегулированием транс-ингурских экономических отношений, трансформацией грузино-абхазского конфликта и стимулированием политического процесса, на <http://www.international-alert.org/resources/publications/prospects-regulation-trans-inguri-economic-relations>.

соответствующие действия со стороны различных властных структур данного региона. Осознавая это обстоятельство, КСБР пыталась усилить свою правозащитную практику. Однако хотя, например, включение экономических подходов в стратегию правительства Грузии в отношении Абхазии и Южной Осетии должно было быть позитивным шагом, в действительности оно привело к серьезным проблемам при наших попытках «деполитизировать» экономическое сотрудничество, поскольку грузинская стратегия была воспринята жителями Абхазии и Южной Осетии как некоторое мероприятие по организации общественного мнения.

Инициатива КСБР прошла полный круг. Чтобы преодолеть «замедленный» период финансирования, и в целях поиска новых стимулов, International Alert инициирует новый региональный исследовательский проект, направленный на развитие регионального экономического сотрудничества и миротворчества, некоторым образом воспроизводящий исходный опыт ИГЭЖ, который привел к созданию КСБР и к целому спектру инициатив, описанных в данной статье. Кто знает, как будет восприниматься эта статья через 5 лет?

ГЛАВА 13

Экономика и конфликт на Южном Кавказе

Мой опыт медиации: от теории к практике

Агавни Караханян

1. Старинная притча

Описание моего опыта миротворчества хочу начать со старинной притчи про одного благочестивого бедняка, его старой слепой матери и бесплодной жены. После 12 лет молитв бедняка с просьбой облегчить страдания его семьи, Господь, наконец, смилостивился над ним и сказал, что выполнит его одно, но самое сокровенное желание. Бедняк задумался. Он пошел домой, чтобы посоветоваться со своей женой и матерью. Конечно, желания его домочадцев очень сильно различались. Его мать хотела, чтобы к ней вернулось зрение, и чтобы она могла видеть, как раньше. Его жена хотела иметь сына, который заботился бы о ней в старости, и, возможно, принес бы богатство и благополучие семье. Но мать бедняка, услышав пожелание снохи, очень рассердилась. Разгорелся спор, а затем и драка. Две женщины вцепились друг в друга, царапались и вырывали друг у друга волосы. Бедняк убежал из дома, дабы не быть свидетелем этого неприятного зрелища. Он не знал, как ему быть и что делать дальше. Пошел он к мудрецу и представил ему свою семейную проблему, из-за которой разгорелся весь сыр-бор. Он недоумевал: “Что мне делать? Как мне быть? Моя мать хочет зрения, жена – сына, а я хочу немного денег, чтобы прокормить их. Что же мне просить у Бога? Чье желание главнее и важнее?” Мудрец задумался на минутку, и затем ответил: “Ты не должен выбирать из пожеланий твоих домочадцев самое важное и главное. Ты должен выразить пожелание, которое будет на пользу всем. Иди и скажи следующее: “О Боже! Я не прошу ничего для себя, и моя жена не просит ничего для себя. Но моя мать слепа. И перед тем как умереть, она хотела бы увидеть своего внука, который пьет молоко и ест рис из золотой миски.”¹

Истинное медиаторство и миротворчество заключаются не в примирении конфликтующих сторон, а в поиске тех форм и форматов сосуществования, в которых это примирение будет возможным, формата, в котором будет комфортно всем сторонам конфликта.

2. Мой опыт миротворчества

Мой опыт миротворчества начался с теории. И было это 12 лет назад, в 1998 г., когда мой исследовательский проект по сравнительному анализу роли посредников в миротворческом процессе по карабахскому и североирландскому конфликтам удостоился индивидуального гранта Фонда Дж. и К. Макаруров.

Изучая политический процесс в двух географически весьма отдаленных друг от друга конфликтах, которые имеют весьма отличные друг от друга первопричины, динамику и, соответственно, исход, я весьма обстоятельно углубилась в огромный фактологический и теоретический материал, касающийся данной темы. Посетила целый ряд think tank в Лондоне, беседовала с корифеями и асами мировой конфликтологии. Тогда и

¹ Народная сказка из Тринидада, указанная в писаниях из Виям, Палестинского центра по урегулированию конфликтов.

познакомилась со многими моими коллегами и партнерами по “миротворческому цеху”, с которыми работаю и дружу до сих пор.

Надо ли говорить о том, что теоретические разработки проблем конфликтов, концепции, рекомендации по их разрешению, являются едва ли не самыми многочисленными в современных исследованиях. И хотя среди них мало работ сравнительного характера, но даже с учетом оригинальности ситуации (сравнение двух достаточно разных конфликтов) мое исследование и экспертная оценка были очередной, хотя и оригинальной работой в ряду прочих теоретических работ общеконцептуального характера по проблемам урегулирования конфликтов и медиаторству.

Важным результатом моих исследовательских изысканий по посредничеству в этот период стал вывод о связи между медиаторством и миротворчеством, вернее, вывод об отсутствии прямой, автоматической связи между ними, о том, что не всегда можно ставить знак равенства между миротворчеством и посредничеством. Что медиаторство *не* всегда является миротворчеством, и что *не всякое* медиаторство является миротворчеством. Хотя теория медиации одной из ее главных и определяющих характеристик считает ее мирную стратегию, мирный способ ведения переговоров.

Когда-то давно, в студенческие годы, мой научный руководитель принес мне книгу по проблеме, о которой я собиралась писать дипломную работу, и сказал: “Почитай и знай, как *не* надо писать”. Так же и сейчас огромное значение для моего восприятия миротворчества имел этот отрицательный теоретический опыт. Я поняла, чем *является* миротворчество, и чем все же *не* является медиаторство. Что одно *отнюдь не* означает другое.

Свидетельством тому является политический миротворческий процесс вокруг конфликтов, которые я рассматривала – карабахского и североирландского. При безусловном наличии мирных методов поиска решений действия международных организаций (Минской Группы ОБСЕ, ООН и др.) или личностей (как правило, лидеров крупных государств) имеют конкретную политическую привязку и носят практически-политический характер. Политический медиаторский процесс по урегулированию конфликтов – это не абстрактный механизм, а отражение и последствие действий и деятельности конкретных правительств. И его успех или поражение зависят от того, насколько последние вовлечены в миротворческий процесс, зависят от их политической воли и от того, каким будет их политический выбор. Посреднические инициативы проистекают не из-за благородных намерений отвести непосредственную угрозу жизненным интересам конфликтующих сторон, защитить экономические интересы или территориальную целостность, а из простого понимания реальной оценки сложившейся ситуации, когда дальнейшее развитие событий может идти вразрез с интересами потенциального посредника.

Мне стал понятен смысл миротворчества. Что это не какой-то абстрактный мир *per se*, а мир, который имеет своего адресата. Конкретный мир для конкретных людей. Политический

мир – это одно, а мир для торговца, бизнесмена, рядового гражданина – это совсем другое. Для политика мир – это состояние, статус, для простых людей – это возможность работать и жить, перемещаться, вкладывать деньги, налаживать производство, торговать, учиться, быть защищенным и чувствовать себя в безопасности.

Проект “Бизнес и конфликт”, инициированный организацией International Alert, открыл для меня эту возможность – работать в совершенно иной плоскости, в иных параметрах, где миротворчество имеет важное прикладное значение, поскольку главным критерием его успеха признается человек и его потребности, его безопасность и благоденствие. Иными словами, речь идет о развороте миротворчества лицом к людям, которые являются носителями всех проблем, связанных с конфликтами, жертвами проигрыша или победителями выигрыша.

Кроме того, проект привлек мое внимание тем, что применив уже апробированный в других проектах Алерт формат² привлечения всех участников политических процессов в регионе (признанных республик и непризнанных образований), он поставил на службу миротворчеству экономические аспекты урегулирования конфликтов. Наряду с другими весьма важными и необходимыми методами и формами миротворчества, подобный подход, как выяснилось по мере развития проекта, зарекомендовал себя в качестве живучей находки Алерт с точки зрения методологии медиаторства. Ее преимущество в том, что, не игнорируя конфликтующие интересы, она выдвигает на первый план взаимодействия стран, соседей и конфликтующих сторон экономическую выгоду и канализирует миротворческий процесс в более позитивное и конструктивное русло, в сферу экономического взаимодействия конфликтующих сторон как потенциальных партнеров, выводя их из дебрей исторических и политических дискуссий, в которых их позиции несовместимы и непримиримы.

Думается, этот опыт может быть взят на вооружение даже именитыми международными фасилитаторами политических процессов по урегулированию конфликтов (ООН, Минская Группа, ОБСЕ и др.)

3. Уникальный подход International Alert

Алерт развернула свою медиаторско-миротворческую деятельность на Южном Кавказе в условиях, когда здесь уже давно и не совсем успешно пытаются урегулировать конфликты в контексте политических процессов. Длительность этих конфликтов свидетельствовала о том, что урегулирование их в традиционном ключе миротворцами “по профессии” – дипломатами и политиками – явно теряет кредит доверия в обществах, в которых выработался определенный иммунитет к разговорам о миротворчестве и которые, в

2 Имеется опыт деятельности Кавказского Форума

условиях отсутствия видимых результатов работы, устали от различного рода работающих впустую инициатив по разрешению конфликтов.

Однако Алерт пошла по пути поиска иных, нестандартных путей, ориентируя свою деятельность на реальные результаты прозрачных и понятных инициатив, базирующихся на экономических составляющих конфликтных отношений. В отличие от многих международных организаций, которые склонны рассматривать Южный Кавказ как единое целое, особенно в экономическом контексте, несмотря на то, что более 20 лет регион является зоной нескольких конфликтов, раздроблен блокированными границами и отсутствием дипломатических отношений, и время от времени сотрясается военными столкновениями, Алерт начала активную работу, направленную на восстановление нарушенных региональных связей, изменение бизнес-климата и, в дальней перспективе, создание этого *единого экономического пространства*.

Признаться, задача не из легких, учитывая ситуацию в регионе, где возможности контактов не только между деловыми людьми, но и простыми гражданами ограничены, региональное сотрудничество продолжает оставаться на низком уровне даже между теми государствами (Армения – Грузия, Грузия – Азербайджан), которые не “повязаны” между собой конфликтами и политическими проблемами межгосударственных взаимоотношений, и где для ведения бизнеса существуют серьезные военно-политические и экономические риски. Заметим, что речь идет именно о малом и среднем бизнесе, поскольку, в отличие от бизнеса крупного, он не в состоянии прорвать преграды между государствами и различными частями региона, которые в период региональной дезинтеграции стали еще более крепкими. Более того, крупнейшие по масштабам региональные стратегические коммуникационные проекты, такие как нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, газопровод Баку-Тбилиси-Эрзрум, железная дорога Баку-Тбилиси-Карс и другие, никак не повлияли на развитие сотрудничества в регионе, не говоря уже о том, что никак “не задели” (в смысле вовлечения) представителей малого и среднего бизнеса.

4. Медиация как процесс

Мотивация участия

Деятельность организации Алерт и предложенная ею инициатива по осуществлению проекта “Бизнес и конфликт” (как части более широкого проекта “Экономика и конфликт”), в отличие от большинства проектов и изысканий, которые решали или предельно конкретные, или очень общие задачи урегулирования конфликтов, представляли собой некий синтез частного и общеконцептуального решения.

Профессиональный интерес к проблемам региональной безопасности, сотрудничеству и урегулированию конфликтов на Южном Кавказе, вкупе с теоретическим багажом по

посредничеству, стали для меня более чем весомым основанием и аргументом для участия в проекте. Концептуальный и рамочный формат, предложенный Алерт в проекте “Экономика и конфликт”, предоставлял идеальную возможность приложения уже имеющегося теоретического опыта по посредничеству и реализации профессиональных амбиций, но уже в качестве медиатора-практика. Одним словом, в период работы в проекте с Алерт произошла моя трансформация из “теоретика медиаторства” в миротворца /медиатора-практика.

Добавлю также, что и мое вступление в проект имеет “медиаторское” происхождение. Я стала участником проекта благодаря и в результате “посредничества” человека с “другой” стороны конфликта, одного из моих азербайджанских коллег и партнеров, который сам так и не принял участия в проекте.

Формат и участники

Проект стартовал в сентябре 2002 года, когда Алерт инициировала работу с исследователями с Южного Кавказа по изучению проблем взаимосвязи экономики и конфликта. Это был период создания формата и концепции проекта.

Формат проекта был предопределен и продиктован общим контекстом политической экономики и реалиями Южного Кавказа, и как было уже отмечено выше, строился на принципе привлечения всех региональных субъектов, вне зависимости от их статуса “*признанный*” – “*непризнанный*”³, то есть партнеров из Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, Карабаха, Южной Осетии, а также Турции. Кратковременным участником проекта была Россия, которая позже вышла из него. А обсуждаемое в группе участие Ирана так и осталось на уровне пожеланий ввиду щепетильности его взаимоотношений с Западом.

Помимо уникальности, региональный формат со временем оправдал и подтвердил свои прагматические и концептуальные преимущества, при всех свойственных и присущих ему сильным и уязвимых сторонах. В первую очередь, он обеспечивает определенную защищенность и безопасность тем участникам проекта, чье взаимодействие со стороной “врага” считается как минимум “предательством”, что делает их уязвимыми и мишенью для критических нападок в своих обществах. Это очень важно, поскольку на карту поставлена личная безопасность участников, будущее и судьба всего проекта.

Кроме того, региональный формат, по сравнению двусторонним, оказывается гораздо более выигрышным по своим возможностям трансформации конфликтов и отвечает концепции экономически интегрированного региона. Каждому вовлеченному в проект он дает возможность участвовать в процессах создания по-настоящему единого региона. Вместе с тем, у регионального формата есть свои “финансовые” издержки. По сравнению

3 Два из ранее “непризнанных” образований – Южная Осетия и Абхазия – на сегодняшний день уже являются “полупризнанными”, поскольку после августовской войны 2008 года Россия и несколько других стран признали их независимость.

с различными проектами двустороннего формата, региональный формат неэкономичен с точки зрения затрат, необходимых для поддержания деятельности в его рамках. Кроме того, сдержанное отношение к региональному формату объясняется опасением, что чрезмерная “комфортность” может стать причиной его превалирования над двусторонними формами работы между сторонами конфликтов.

Мне бы хотелось подчеркнуть одно явное преимущество регионального формата проекта с точки зрения задач медиаторства. Вовлекая в процесс представителей практически всех конфликтов региона и всех сторон конфликтов, он увеличивает вариации медиаторских моделей, когда участники имеют дело уже не только со “своим” конфликтом, но и с конфликтом соседей, с которым у него нет проблем. Число линий пересечения позиций по конфликтам увеличивается, и объектом медиации становятся не только непосредственные представители конфликтующих сторон одного, но нескольких, при этом разных конфликтов. Знакомство с конфликтной ситуацией других, работа в одной связке снимает “заикленность” на себе и своей проблеме, отодвигает на задний план претензии на особенность и уникальность своего случая, заставляет по-иному смотреть на свой и чужой конфликт. И, в конечном счете, каждая сторона конфликта становится медиатором в нескольких форматах, а Алерт – медиатором между ними всеми. Таков мой опыт, взгляд изнутри на региональный формат.

Внутренние процессы в проекте влияли на то, как обретало форму его содержание. Результатом многочисленных встреч и дискуссий между представителями Алерт и партнерами стала *Исследовательская группа по экономике и конфликту на Южном Кавказе (ИГЭК)*, в которую вошли 16 представителей из всех стран-участниц проекта. ИГЭК поставила перед собой цель – исследовать взаимосвязь экономики и конфликтов в регионе, возможности содействия их мирному разрешению, используя потенциал экономического сотрудничества.

Группа складывалась не сразу и непросто. Одной мотивации “быть за мир” мало, чтобы вместе работали люди со специфическими конфликтными и статусными взаимоотношениями “*признанный*” и “*непризнанный*”, у которых еще сильна память о военных действиях, вражде, смертях, потерях, закрытых границах, блокадах, эмбарго и изоляции, еще более развившими и укрепившими чувство самодостаточности и независимости, а задача выживания, усиливая идентичность, связь со “своими”, еще и укрепила чувство отличия от “других”. В подобной ситуации любое внешнее вмешательство по налаживанию связей между “конфликтными” сторонами чревато возникновением серьезного недовольства и претензий. Алерт не могла не осознавать этого. Но, тем не менее, а может быть именно поэтому, проекту был дан старт.

В самом начале работы один из наших азербайджанских коллег отказался от участия в проекте. Причина обычная – неприемлемость формата, предполагающего совместную работу с Арменией и Карабахом. Это был его выбор. Некоторых мы “потеряли” по ходу дальнейшего развития проекта. Одних не устраивал формат, другие не выдерживали “прессинга” дома, третьи делали выбор в пользу более выгодных в финансовом отношении проектов.

Беспроблемным оказалось участие в проекте другого “конфликтного” для армянской стороны партнера – турецкого. Турецкие коллеги, и это особенно проявилось в ходе дальнейшей работы, оказались гораздо более свободными в своем выборе “участие – неучастие”, они были лишены всякого рода предрассудков, комплексов и политических ограничений. Парадокс ситуации заключается в том, что имея достаточно сложный политический контекст конфликтных взаимоотношений между двумя странами (блокированная граница, отсутствие дипломатических отношений, отягощенное историческим прошлым и непримиримыми позициями сторон по поводу карабахского конфликта), армяно-турецкий вектор проекта имел и продолжает иметь едва ли не самый большой позитивный потенциал к развитию.

В то время как политики проявляют неуступчивость по поводу перспектив установления дипломатических отношений, турецкие и армянские фирмы и бизнесмены, несмотря на трудности и риск, выражают большую готовность к сотрудничеству, прокладывая различные бизнес-маршруты и финансируя различные проекты. Традиционный образ врага не мешает деловым кругам, предпринимателям и торговцам Турции и Армении находить возможности для различных проектов и их реализации. Об этом говорят сами армянские и турецкие бизнесмены, особо подчеркивая, что они доверяют друг другу больше, чем бизнесменам в своих собственных странах. К примеру, некоторые представители Торгово-промышленной палаты Анталии имеют свой собственный бизнес в Армении, в частности, в Гюмри – сеть магазинов “Престиж”.⁴ И в Армении, и в Турции действует ряд совместных турецко-армянских предприятий. Есть примеры участия не только турецких бизнесменов, но и турецкого капитала в армянской экономике, и даже наблюдается определенная тенденция роста этого участия.⁵ В числе таких совместных предприятий и Армяно-турецкий совет по развитию бизнеса (TABDC).

Следует учитывать, что эти опосредованные бизнес-отношения, развивающиеся в условиях отсутствия межгосударственных отношений и закрытой границы, достаточно стабильные и устоявшиеся.

Проект Алерт фактически взял курс на поддержку этой тенденции взаимодействия между сторонами конфликта как фактора восстановления доверия и гуманизации образов друг друга, разрушения стереотипов и поддержки движения в сторону интеграции.

При всей имеющей месте “текучке” участников, уходе старых, приходе новых, группа, тем не менее, сложилась и выкристаллизовалась. Остались самые стойкие, мотивированные

4 По различным оценкам объем армяно-турецких торговых отношений достигает в год примерно 250-300 млн. долларов США даже при наличии закрытой границы между двумя странами и, в соответствии с данными торгового баланса Армении, занимает 4-5 место в ее внешнеторговом обороте, а Турция признается важным торговым партнером Армении. Согласно турецким источникам эти цифры варьируются в пределах 70-150 млн. долларов. По данным посольства США в Армении Турция занимает седьмое место во внешнеторговом обороте Армении. См: *The Stakes of the Opening of Turkish Armenian Boarder*, by Burcu Gultekin, TABDC, Istanbul, 2002, p.10

5 По данным Министерства иностранных дел и Министерства промышленности и торговли Армении в стране есть около 20 компаний с совместным армяно-турецким капиталом.

“долгожители–аксакалы” миротворчества, которые занимаются медиаторством не первый год и не только с Алерт, для которых работа в проекте – это не распространенная привязка к удобной “донорской кормушке”, а дело принципа, убежденности и приверженности миротворчеству. Они стали костяком, сердцем проекта. Помимо чисто профессиональных успехов в проекте, в его рамках сложились (что не менее ценно, если не сказать, более ценно) теплые и дружеские человеческие отношения, ощущение локтя, опоры, понимания и взаимовыручки. Все участники проекта верят в то, чем занимаются, и вкладывают время, энергию, контакты и ресурсы в свою работу и в совместные мероприятия.

Показательной с точки зрения становления проекта стала, как мне кажется, внеочередная встреча участников в Стамбуле, в сентябре 2008 года, сразу после августовских событий. За одним столом сидели люди, которые совсем недавно были по разные стороны линии огня в буквальном смысле слова. Да и у остальных участников были свои, весьма отличные друг от друга позиции и оценки по поводу случившегося.

Эта встреча стала вехой в развитии проекта. Необходимо было разобраться в причинах и последствиях произошедшего, определить наше место и позиции в сложившейся ситуации, дать оценку нашей миротворческой деятельности в условиях разразившейся войны. Нам следовало решить – готовы ли мы продолжать работу дальше, насколько это оправдано и есть ли у нас основания и потенциал для этого? Вывод, сделанный всей группой, был единогласный: проект должен продолжать свою работу вопреки случившемуся, и именно потому, что война началась. Если до августовских событий казалось, что “хуже быть не может”, то теперь оказалось, что может. Особое значение и необходимость в таких условиях приобретают миротворческие инициативы – если постоянно не противодействовать ухудшению ситуации, то она может еще более ухудшиться. Работу необходимо продолжать именно ввиду и вопреки горячим фазам развития конфликта.

Кроме того, мы еще раз укрепились во мнении, что объективно не имея возможности (да и не стремясь к этому!) предотвратить войну, решения о которой принимаются на высоком политическом уровне, мы решаем другую, посильную нам и очень важную миротворческую задачу – сохранения связей, контактов в немирных условиях, и, в конце концов, сохранения сложившегося формата проекта и отношений внутри и вне него.

Алерт и участники

Большая заслуга в становлении группы принадлежит, конечно, Алерт, которая строила свою работу в качестве фасилитатора на принципе уважительного и толерантного отношения ко всем сторонам конфликтов, открывая возможность работы со всеми сторонами в духе доверия и непредубежденности. Безусловно, не будь Алерт, не было бы ни проекта, ни его будущего успеха. Именно Алерт своей финансовой и организационной помощью, советами, защитой и поддержкой создавала эту возможность общения, встреч и дискуссий между участниками проекта – сторонами конфликтов, налаживая диалог, создавая безопасную и

нейтральную платформу для их работы. И если изначально финансирование проектов, иницируемых участниками, было делом исключительно Алерт, то со временем участники проекта стали делить с Алерт обязанности и ответственность, самостоятельно находить средства для работы и проектов. Более того, поставленный на рельсы проект, получивший импульс движения от Алерт, в дальнейшем мог самостоятельно, независимо от внешнего фасилитатора, решать вопросы, связанные с работой на местах.

При наборе команды Алерт делала основную ставку на “людей второго уровня влияния”, которые, имея определенное влияние в своих обществах (отчасти и на власть), могли при этом сохранять необходимую свободу и независимость, и участвовали в проекте лишь в личном качестве.

Каждому потенциальному члену проекта была представлена главная цель Алерт в контексте его миссии и задач как международной миротворческой организации – создание мер доверия между конфликтующими сторонами на Южном Кавказе с опорой на экономические параметры этих отношений. Отношение же к такой концепции и поиск форм, методов и путей создания этих мер доверия – это уже было нашей задачей, задачей партнеров Алерт из региона, которые в дальнейшем, на протяжении семи лет проекта, были единственными хозяевами своих идей и инициатив, предлагали и осуществляли проекты по налаживанию экономического диалога в регионе, коллегиально принимали решения и определяли приоритеты региональных и двусторонних проектов, расходов и пр.

При поддержке Алерт был также разработан и режим работы проекта: встречаться регулярно дважды в год на “нейтральной территории”, куда могли добраться все участники с учетом всех трудностей перемещения и общения в раздробленном и конфликтном регионе.

В мае и сентябре 2003 года группа в полном составе встречалась в Москве. Кроме того, за это время состоялось и несколько дополнительных не полноформатных встреч (абхазских и грузинских исследователей в Москве, югоосетинских и грузинских исследователей в Тбилиси). В промежутках между встречами контакты и обмен информацией осуществлялись по электронной почте. Со временем сложились настоящие дружеские отношения с партнерами с противоположной стороны и постоянные контакты.

Пройденный этап встреч и дискуссий открыл возможные пути взаимопонимания, оспаривания и восприятия позиций друг друга. Однако признание разности подходов к вопросу конфликтов и их интерпретаций и одновременное признание жизненной необходимости установления партнерских отношений в регионе явились основой налаживания диалога и сложившегося внутри группы командного духа и доверия, без которого невозможна была дальнейшая работа, и которое способствовало и помогало открытому обсуждению самых чувствительных вопросов.

Не ставя максималистских задач добиться консенсуса по поводу связи экономики и конфликта и по вопросу о том, *что* эта связь значит для поиска решений (в условиях, когда у каждого члена ИГЭК был свой, особенный жизненный и профессиональный путь, “традиционные” представления и позиция по конфликту, свой специфический опыт миротворца, своя мотивация участия в проекте), мы придерживались установки, которую приняли все – не мы решаем конфликт, не мы открываем границы, это не наша задача, но мы можем создать атмосферу, в которой это станет возможным.

Были преодолены расхождения в интерпретации терминов и понятий, используемых в исследованиях, согласованы приемлемые варианты, определен круг исследуемых вопросов. Вооружившись понятийным аппаратом, используя имеющийся международный опыт и различные методы исследования (интервью, полевые исследования, анализ официальной информации и др.), мы приступили к многостороннему изучению экономических процессов в регионе с точки зрения их плюсов и минусов, выгод и рисков, и пришли к ряду интересных выводов, которые сформулировали в своих работах. Они были изданы в 2004 году в виде сборника статей под названием *“От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе”* на русском и английском языках.⁶ Издание, которое явилось результатом двухлетней работы ИГЭК, имело широкий резонанс как в регионе, так и в международном экспертном сообществе.

Роль исследовательской группы как проводника перемен все более расширялась, приобретая черты посреднической деятельности, налаживания диалога и фасилитации дискуссий, распространения и пропаганды идей и выводов проведенных исследований. В конце 2004 года состоялись презентации книги на местах, в регионе, а в начале 2005 года ИГЭК всей командой провела тур презентаций книги в Европе: в Лондоне, Париже и Брюсселе. Это диктовалось необходимостью распространения результатов исследований, проведенных на локальном уровне, в широких кругах заинтересованной общественности и групп, влияющих на политические решения, вовлечь внешних акторов в поиск решения некоторых из выявленных проблем и реализацию будущих практических инициатив. Исследование удостоилось высокой оценки со стороны европейских экспертов, которые признались, что разрабатывая стратегию ЕС для стран Южного Кавказа, они руководствовались нашим сборником как “экономической библией”.

Аккумулировав миротворческий интеллектуальный потенциал собственных членов, ИГЭК стала расширять сферы влияния в своих обществах и за их пределами, стремясь привлечь возможности частного сектора и международного сообщества (инвесторов, донорские и другие организации) и готовя платформу для своей практической деятельности, направленной на миротворчество.

6 Ф. Шампейн, Д. Клейн, Н. Мириманова (Eds.) (2004 г.), *‘От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе’*, Лондон: International Alert и Исследовательская группа по экономике и конфликту на Южном Кавказе (ИГЭК).

Таким образом, работа участников проекта по трансформации взаимоотношений в регионе шла параллельно с внутренней трансформацией собственно проекта.

Переход от теории к практике

Результаты теоретических исследований и экспертные оценки бизнес-ситуации в регионе, выполненные ИГЭК, свидетельствовали о том, что экономические контакты между сторонами конфликтов, пусть небольшого объема и весьма гипертрофированного характера, не прекращались практически никогда, ни в условиях горячей фазы конфликтов, ни в период их замороженной стадии, что экономика и бизнес могут играть позитивную роль в установлении мира и что огромный потенциал миротворчества заложен в людях, занятых бизнесом, в первую очередь малым и средним (МСБ). Была выявлена интересная закономерность между МСБ и политикой: будучи наиболее уязвимым в условиях конфликта сектором экономики, МСБ заряжен на мир больше, чем кто-либо другой. Но при всей своей уязвимости он куда меньше завязан на политику, чем крупный бизнес. Внутренняя логика такой асимметрии проста: для малого и среднего предпринимателя бизнес – это вопрос выживания. Вне зависимости от политической ситуации, безотносительно к тому, открыты границы или нет, людям нужно работать, делать свой бизнес – торговать, производить, перевозить и т.д. Одним словом, работать, чтобы выжить.

Вместе с тем проведенное исследование выявило, что наряду с мирным бизнесом существуют группы людей, которым в условиях “ни войны, ни мира” выгодна эскалация конфликта, от которого они могут получить экономические выгоды.

Наличие этой дилеммы, а также вывод о том, что экономическая интеграция на Южном Кавказе невозможна без долгосрочных, прозрачных и многосторонних связей между конфликтующими сторонами, открывали новое поле для медиаторской и миротворческой деятельности участников – поле практической работы.

Объективная необходимость превращения идей в практические мероприятия подвела проект к трансформации, к переходу из теоретической фазы в практическую, к построению диалога уже другого уровня – практического. Совершенно естественно возникли вопросы: «А как можно это сделать? Каким образом теоретические выводы исследований можно претворить в практические мероприятия по развитию экономических связей между представителями малого и среднего бизнеса в зонах конфликтов по всему региону? Где найти механизм реализации конкретных бизнес-проектов?» Механизм, практический инструмент был нами найден. Им стала инициированная и созданная в мае 2005 года Кавказская сеть бизнеса и развития (КСБР), представленная на местах Региональными бизнес-центрами (РБЦ).

Продолжая работать в региональном формате, проект, теперь уже в рамках КСБР, сфокусировал свою деятельность на использовании миротворческого потенциала тех людей, которые стремятся делать бизнес, невзирая на перипетии политической конъюнктуры,

вопреки закрытым границам и блокадем, вызванным конфликтами. Выступая в качестве платформы для диалога, встреч и обмена информацией между представителями бизнес-сообщества и всеми теми, кто заинтересован в экономическом развитии, КСБР осуществляет свою деятельность в форме организации и участия в различного рода выставках, ярмарках, бизнес-турах внутри и за пределами региона. Например, это популяризация проекта и его реализации на ежегодном Международном экономическом форуме в Крынице (Польша), а также большие и важные региональные (сетевые) мероприятия последних трех лет, такие как Региональный Карский бизнес-форум, Региональная выставка “Кавказского сыра”, ежегодный Форум деловых женщин Южного Кавказа, работа над созданием единого кавказского брэнда на некоторые продукты питания (чай, вино), разработка предложения по созданию совместных предприятий между Турцией и Арменией и др. Кроме того, было проведено несколько бизнес-форумов – в Москве, Трабзоне, Стамбуле – с привлечением предпринимателей со всего региона.

Совместные поездки в 2007 году представителей КСБР и предпринимателей из Грузии, Абхазии и Южной Осетии и организация встреч с представителями бизнеса, бизнес-структур и властей в Баку, Ереване, Гюмри и Нагорном Карабахе были неофициально названы “*Tur de Kavkaz*”. Впервые в истории экономических отношений региона его посетила группа предпринимателей именно в таком формате. Результатом тура стали новые трансграничные совместные экономические инициативы, инвестиционные предложения и знакомство с экономическими тенденциями в регионе.

Проводятся тренинги, активная информационная работа, продолжаютс я и различного рода исследования, анализ экономической ситуации в регионе. На повестке дня – исследование перспектив создания специальных экономических зон совместно Грузией и Абхазией.

Помимо сетевых проектов, региональные бизнес-центры, каждый из которых имеет свою собственную программу действий, направленную на содействие восстановлению экономических и политических отношений, также проводят на местах работу с бизнес-сообществами/предпринимателями, различными местными/национальными/международными акторами и властными структурами. В разных РБЦ масштаб деятельности и проектов различный. Это и организация маленького семейного производства фруктового сока на дому в Абхазии, в котором участвуют беженцы, и совместная абхазо-грузинская борьба с АББ (Американской белой бабочкой) – вредителем, который наносит большой ущерб зеленым насаждениям, и помощь грузинских коллег в доставке трактора фермерам из Южной Осетии и др.

Армянский РБЦ, как и грузинский, имеет два офиса – в Гюмри и Ереване, чем обеспечивается бизнес-взаимодействие центра и регионов, которые страдают от нехватки ресурсов и недостатка информации. Кроме того, офис в Гюмри является непосредственным исполнителем всех мероприятий, направленных на осуществление совместных армяно-турецких бизнес-проектов, налаживание диалога между Турцией и Арменией и открытие армяно-турецкой границы.

Расширяя тем самым круг лиц, вовлеченных в проект, а значит и в диалог, Сеть фактически занимается “собираением”, сближением изолированных и разрозненных бизнес-секторов региона, содействует экономическому сотрудничеству, разрушая стереотипные подходы к миротворчеству как деятельности избранного “элитного клуба миротворцев-активистов”.

Сеть сочетает исполнение своей миротворческой миссии с деятельностью по развитию предпринимательства и трансграничного сотрудничества, с налаживанием новых бизнес-отношений, с поддержкой и помощью конкретным бизнес-проектам. В рамках Сети поощряются любые экономические инициативы, которые могут положительно влиять на динамику конфликта. В числе перспективных направлений деятельности Сети – создание совместных предприятий, лоббирование (разработка) новых моделей сотрудничества между конфликтующими сторонами, легализация уже действующих экономических отношений между бизнес-сообществами региона, лоббирование свободного передвижения товаров и людей на правительственном и международном уровнях.

Имея в своем активе большой ресурс в виде существующих бизнес-структур (торговые палаты, ассоциации бизнеса и производителей, различные международные и национальные структуры, действующие в интересах установления мира и др.), Сеть одновременно встречает на своем пути и серьезные трудности. Это и политическая конъюнктура, и ограниченные ресурсы, и доноры, неохотно поддерживающие проект из-за его формата.

5. Медиация: концептуальное развитие

В концептуальном плане рамки проекта были заданы теми вопросами, которые выделили мы сами, а также вопросами, которые представляли общетеоретический и практический интерес в области экономики войн и конфликтов. *Впервые* в истории миротворческих инициатив на Южном Кавказе была поставлена задача – рассмотреть динамику связи между экономикой и конфликтом в регионе, изучить, *как* лучшее понимание нынешней экономической динамики может способствовать разрешению конфликтов.

До сих пор такой подход не реализовывала ни одна другая организация, ни одна другая инициатива. Наши амбиции, связанные с проектом “Бизнес и конфликт”, были призваны восполнить этот пробел, занять свою нишу, “переломить” ситуацию, попытаться проложить путь к миру через экономику, через бизнес, рассматривая экономическое сотрудничество как важный элемент построения доверия и мира в регионе. Ранее работы по экономическому анализу региона фокусировались, в основном, на наличии и роли нефтяного фактора. ИГЭЖ избрала для себя иной путь, иные исследовательские рамки, а именно – проанализировать роль местных экономических структур в поддержании или разрешении конфликтов путем выявления точек пересечения и взаимосвязи между экономикой и конфликтами. По сути, это первая попытка исследовать сферу малого и среднего бизнеса в контексте конфликта.

Выбор темы и проблемы проекта со стороны Алерт уже задал посреднический смысл не только деятельности, но и всей концепции проекта. Вместе с тем Алерт осознавала, что в роли посредника ей придется нелегко, поскольку она будет находиться меж двух “конфликтных” позиций, двух известных логик, двух диаметрально противоположных подходов. Один подход признает экономическое сотрудничество вполне действенным механизмом решения политических проблем между конфликтующими сторонами, а другой, напротив, исключает любые экономические контакты и связи с “враждебной” стороной до достижения политического решения. Согласно этой логике, любые экономические связи и сотрудничество с “врагом” могут лишь укрепить и усилить последнего, еще более укрепив его претензии на независимость. Кроме того, к этой убежденности у наших азербайджанских коллег прибавлялся и другой аргумент, отражающий и позицию официальных властей: “Приведите примеры, прецеденты, когда конфликтующие страны поддерживали бы друг с другом экономические связи, торговали и сотрудничали!” А во время одного из телемостов с Баку, когда я завела разговор о важности экономического сотрудничества при поисках путей урегулирования карабахского конфликта, услышала в ответ на том конце: «О каком сотрудничестве может идти речь, о чем вы говорите! Мы вам просто не доверяем”.

И в этом смысле одна из главных целей проекта “Бизнес и конфликт” – восстановить доверие между конфликтующими сторонами – приобретает особый смысл и значение, оставаясь более чем актуальной и жизненно необходимой. В конце концов, даже при достижении политического решения конфликтов трудно представить ситуацию мира и добрососедства, если нет элементарного доверия между людьми.

Изначально подобный дискурс был присущ и ИГЭК. Однако в процессе работы, углубления изучения проблем “экономического миротворчества” нам удалось выделить некоторые общие направления в рассуждениях, ряд общих тем, подходов и выводов, на которых и была построена вся дальнейшая исследовательская и практическая работа.

Например, мы (армянские участники) не пытались переубедить азербайджанских коллег в их оценках предыстории конфликта, ограничившись договоренностью о максимально нейтральных подходах. (Хотя и подверглись критике у себя дома по поводу использования некоторых терминов, интерпретации фактов политического контекста карабахского конфликта и основных этапов его развития). Мне, как и другим армянским участникам, равно как и всем остальным, была понятна скованность и очень маленький люфт, рамки дозволенного, в которых азербайджанским коллегам приходилось озвучивать свою позицию. Они нередко просто не могли обойтись без политических трафаретов. Нетрудно было понять, в каких крайне тяжелых, если не сказать экстремальных условиях, с опаской и оглядкой приходится работать ребятам с “той” стороны конфликта, с каким риском для их работы, близких, и даже для их жизни сопряжено их участие в проекте.

Медиаторско-миротворческая миссия на самом деле является весьма чувствительной и тонкой работой, которая балансирует на грани “мир – конфликт”. Преодоление одного

разногласия выдвигает на поверхность новое. Так, в процессе работы группы возникла задача преодоления внутреннего концептуального противоречия, когда экономическая динамика, основанная на сотрудничестве, приходит в несоответствие с политической динамикой, основанной на конфронтации и изоляции. Ярким примером такого несоответствия является общий контекст армяно-турецких отношений. В то время как бизнес-сообщества (при этом с двух сторон!) выражают готовность и активно лоббируют изменение ситуации и разблокирование границы, а отдельные турецкие бизнесмены даже заявляют о готовности хоть сейчас вложить деньги в экономику Армении и Нагорного Карабаха, политическая элита проявляет неуступчивость.

Концептуальный подход проекта был основан на тезисе, что развитие экономик стран региона направлено на удовлетворение основных нужд и потребностей людей, экономические и политические процессы могут и должны дополнять друг друга, а позитивные политико-экономические сдвиги в любом из государств региона, в том числе и непризнанном, будут иметь позитивное влияние на всех его соседей.⁷

Более того, развитие политической ситуации в регионе за последние несколько лет доказало ошибочность и пагубность противоположной установки – ни в коем случае не оказывать “поощрительной” экономической поддержки “непризнанным” образованиям, не допустить их экономического укрепления, так как любые шаги в сторону экономического сотрудничества противоречат национальным интересам признанных государств (сохранению их территориальной целостности), а узаконенное сотрудничество усилит “непризнанных” экономически и у них будет еще меньше мотивов оставаться в старом составе. А потому экономическая несостоятельность врага представляется привлекательной перспективой.

Между тем, закон экономической целесообразности гласит: полный развал экономики не выгоден никому. А при возможном участии “непризнанных” экономик в будущих интеграционных процессах региона такая разрушенная экономика может значительно увеличить цену процессов интеграции для всех остальных стран. Более того, у такого подхода есть и другие издержки. Как показали наши исследования, существует высокая степень взаимозависимости между неразвитостью экономик и высоким риском вооруженных конфликтов. К примеру, меры по пресечению криминальной (неформальной) деятельности на рынке в Эргнети на юго-осетинско-грузинской границе, в результате которых рынок был закрыт, подтолкнули потерявших работу людей к вступлению в ряды новых военных формирований, вызвав тем самым еще большую милитаризацию общества, эскалацию напряженности, а затем и повторное возгорание конфликта между Южной Осетией и Грузией.⁸

7 Примечателен в данном контексте пример Северной Ирландии, где экономическое развитие Севера сделало его привлекательным партнером для Юга.

8 См. Ф. Шампейн, Д. Клейн, Н. Мириманова (Eds.) (2004 г.), ‘От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе’, Лондон: International Alert и Исследовательская группа по экономике и конфликту на Южном Кавказе (ИГЭК).

Кроме того, курс на экономическую “непричастность”, игнорирование со стороны признанных республик “непризнанных” образований, территории которых, между прочим, признанные республики считают своей неотъемлемой частью, еще более углубляет отчуждение “непризнанных” и, в конце концов, бросает их под опеку других, гораздо более “заинтересованных” патронов.⁹

Экономические подходы – это не волшебная палочка, одним движением которой можно урегулировать все конфликтные вопросы и отношения. Бизнес и экономические связи не могут обеспечить политического урегулирования конфликтов. Но они могут решить множество проблем в этой сфере и помочь поддерживать переговоры. Поскольку экономические акторы часто являются и политическими, то это может быть хорошим поводом для вовлечения.

Изучая не только экономические рычаги, способствующие трансформации конфликтов, но и потенциальные экономические силы, препятствующие миротворческому процессу, группа фактически выступила в качестве регионального медиатора. Не противопоставляя свою деятельность и выработанную экономическую модель существующим в регионе конфронтационным экономическим проектам, направленным на изоляцию отдельных государств, группа решила работать в направлении поиска методов влияния на представителей регионального и международного бизнес-сообщества, а также тех, кто участвует в переговорах на официальном и неофициальном уровнях, чтобы привлечь внимание политических элит к потребностям мелких предпринимателей, убедить в необходимости и важности налаживания экономических отношений без политических предварительных условий.

Наше know-how

Мы пытались преодолеть эти и множество других стереотипов и трафаретов, которые стоят непреодолимыми препятствиями не только на пути миротворческого процесса, но и развития деловой активности в регионе. Благодаря совместным усилиям Алерт и участников проекта был выработан совершенно новый алгоритм рассуждений и, соответственно, действий проекта. Этот алгоритм был основан как на теоретических выводах и непрекаемых доводах, так и на практических шагах, основанных и ориентированных на мир.

Участники проекта разработали свое know-how миротворческой деятельности. Логика проекта, ее концепция была ориентирована на то, чтобы разрушить старую инерцию принципа игры с нулевой суммой, когда выигрыш одной стороны автоматически становится проигрышем другой, отойти от проигрышной формулы “чем хуже соседу, тем лучше мне”, практиковать новый, гораздо более выигрышный для всех сторон принцип

⁹ В экспертном сообществе озвучивалось мнение о том, что “поддержка” Грузией экономической неразвитости Южной Осетии и Абхазии может привести к реальной экономической привязке этих территорий к России.

“чем лучше соседу, тем лучше мне”, т.е. широко известный в практической конфликтологии метод “выигрыш” – “выигрыш” (“win”-“win”).

Термины, выражения, определения, понятийный аппарат нашей миротворческой деятельности проходили проверку на “конфликточувствительность” (этот термин – также изобретение участников проекта).

Важным поведенческим правилом членов Сети стал принцип “не навреди”. Не навреди существующим на сегодня связям, уже имеющемуся и достигнутому, не навреди себе, коллегам, людям, всему процессу. Любое решение должно не навредить проекту и отдельным людям, в нем работающим.

Среди изобретений Сети – метод *гибкого подхода*, благодаря которому ни одна из целей и задач всего проекта или отдельных его мероприятий не была брошена на полпути, изменена или отвергнута. Разработанный метод предполагал тщательное планирование и разработку запасных сценариев, что является необходимой частью работ в такой бурно меняющейся обстановке.

В качестве долгосрочного механизма деятельности гибкий подход иногда требовал публичности и рекламы, активной, шумной PR-кампании и пропаганды миротворческого проекта. И, напротив, на каком-то определенном этапе *гибким подходом* была оправдана более тихая, “закулисная” работа.

Стремительная и непредсказуемая динамика региональных процессов, имевшие место на всем протяжении проекта важные, часто переломные события в политическом ландшафте отдельных республик или всего региона в целом (“революция роз” в Грузии, августовская война 2008 года, армяно-турецкая “футбольная дипломатия”, застой и пробуксовка политического процесса по урегулированию конфликтов, изменение политической географии региона, появление на его карте двух новых, теперь уже полупризнанных государств, а вместе с ними и двух новых закрытых границ, разработка новых нефтегазовых маршрутов и многое другое) требовали гибкости подходов и способности адаптироваться к переменам в турбулентной обстановке, в которой приходилось работать. Именно благодаря этому принципу удается не только лавировать в сложном окружении, но даже и привлекать новых рекрутов миротворческого процесса.

Делом принципа стало и решение о переносе встреч в рамках проекта в регион, а не проводить их в третьих странах, как это было раньше. Новое решение вызывало определенные сложности, связанные с перемещением и пересечением границ, а также обеспечением полного формата проекта. Однако общим положением для всех стала позиция, что региональные проблемы должны решаться в регионе. Помимо всего прочего, подобная региональная “привязка” помогает проекту, существующему, как известно, исключительно за счет донорских вливаний, экономить средства с учетом тенденции их систематического сокращения в условиях кризиса.

Будучи неполитическим миротворческим проектом, “Бизнес и конфликт” имеет большое социально-политическое значение и смысл в более широком контексте. Основанная на деятельности с конкретным экономическим содержанием, наша работа все же нацелена на общественные и политические перемены – то, что называется эдвокаси (*advocacy*). За время осуществления проекта многие его участники поддерживали и развили хорошие рабочие отношения с политиками, чиновниками, СМИ и международными институтами, работающими в регионе, с НПО, которые более отзывчивы и готовы сотрудничать. Некоторые из нас принимают участие в работе парламентских комиссий по отдельным вопросам, связанным с конфликтами, работают в общественных палатах, консультативных экспертных советах и в других органах, поддерживая тем самым диалоговый процесс внутри своих обществ.

Продолжая работу в данном направлении, мы намерены: всячески пропагандировать и внедрять в политические переговоры такой аспект экономических отношений, как создание правовой базы экономического сотрудничества между субъектами конфликтующих сторон до политического решения конфликтов; выдвигать этот вопрос на первый план, как более разрешимый по сравнению с вопросами статуса конфликтных территорий; лоббировать вовлечение частного сектора в переговорный процесс на всех уровнях и включение предложенных КСБР моделей экономических отношений в повестку дня переговорных процессов.

Экономический аспект миротворчества может стать и является тем вопросом, вокруг которого может выстраиваться политический и общественный диалог как между, так и внутри различных обществ.

В отличие от политической экономики войны, которая характеризуется наращиванием вооружений, закрытыми границами, эмбарго и разорванными коммуникациями, концепция *политической экономики мира* на Южном Кавказе, разработанная в рамках проекта, не нацелена непосредственно на трансформацию конфликта как такового. Она не возникнет сама собой и предполагает серьезную работу, направленную на общественные и политические перемены, трансформацию институтов, правил, поведения, подходов и оценок, относящихся к экономической составляющей конфликтов в регионе, чтобы при опоре на представителей МСБ, пользующихся доверием в своих обществах, и путем использовании экономических рычагов создать среду, в которой политический мирный процесс мог быть эффективным.

В настоящее время каждый центр КСБР работает на общественные и политические изменения в различных форматах путем непосредственного вовлечения местных предпринимателей в региональные мероприятия и бизнес-проекты, которые нацелены на искоренение предрассудков и гуманизацию отношений посредством конкретных бизнес-инициатив как напрямую между участниками, так и с помощью посредников.

Обратная связь, которую мы получаем от своих обществ и от новых участников проекта, резонанс в обществах убеждают в том, что наша работа приводит к переменам. Экономические модели мирного взаимодействия сторон, а также отдельные конкретные рекомендации и идеи участников проекта становятся предметом официальных переговоров и даже подписанных, хотя пока нереализованных договоров. К примеру, сделанное армянскими исследователями предложение о возможности создания общей Южнокавказской энергетической сети и Южнокавказской железнодорожной сети, о необходимости открытия армяно-турецкой части железной дороги Гюмри-Карс, абхазской части железной дороги и др. стали частью дискурса развернувшегося в последние два года армяно-турецкого “*garrochement*”. Между Ереваном и Анкарой (в октябре 2009 года) подписаны Протоколы «Об установлении дипломатических отношений» и «О развитии двусторонних отношений», договор о продаже Арменией электроэнергии Турции, ведутся переговоры об открытии армяно-турецкой части железной дороги Гюмри-Карс, о разблокировании армяно-турецкой границы, активно дискутируется один из тезисов нашего исследования о том, что открытие границы может оказать положительное влияние на динамику карабахского конфликта, и др.

Жаль, конечно, что политический процесс буксует, что приостановлен процесс ратификации Протоколов, а крупные экономические проекты в большинстве своем – дело весьма отдаленного будущего. Важно, что все эти вопросы являются предметом обсуждений, неотъемлемой частью политического дискурса конфликтных отношений стран региона, в чем мы видим, отчасти, и результат нашей деятельности.

6. Заключение

International Alert как международная неправительственная организация, которая достаточно давно работает в регионе, исходя из своего мандата фасилитатора диалогового процесса между представителями конфликтующих сообществ, понимая и принимая все вызовы, связанные с миротворчеством, тем более на Южном Кавказе, все же запустила процесс гражданского диалога в рамках проекта «Бизнес и конфликт». Процесс непростой, неоднозначный, полный противоречий, подводных и надводных камней, неожиданных поворотов, особенно с учетом того факта, что гражданский процесс всегда отягощается политическим контекстом, прямым или косвенным сопротивлением со стороны официальных структур, их предвзятым и негативным отношением, давлением на участников проекта, изменением ситуации (при этом не имеет значения, позитивным или негативным) в официальном переговорном процессе.

На самом деле, в условиях постоянно и стремительно меняющегося политического контекста, вопрос влияния, практической значимости и результативности воздействия такого рода проектов на общества остается открытым и сложно поддается измерению, поскольку нет каких-то общепринятых индикаторов или критериев оценки степени их

влияния. Тем более, что ни в одном обществе никогда не бывает единого мнения о том, что такое мир и миротворчество, и последнее зачастую интерпретируется участниками политического процесса как призыв к компромиссу, уступкам и даже сдаче собственных позиций.

А для кого и на чьих условиях мы стремимся приблизить мир? Если это мир для рыночных торговцев, бизнесменов, то необходимо найти им место в мирном процессе, чтобы влиять на тех, кто вовлечен в переговоры на официальном и неофициальном уровне, найти то звено, которое помогло бы связать элиты, занимающиеся поиском политического решения конфликта, и экономических прагматиков, каковыми являются представители предпринимательской среды. Народная дипломатия, совместные усилия частного сектора и международного сообщества, использование уже имеющихся экономических связей, разработка новых экономических стратегий трансформации конфликтов в регионе – вот далеко не полный ресурс изменения ситуации.

Сегодня мы можем констатировать, что работа в проекте оказывает определенное влияние на восприятие конфликта участниками, а через них – и на определенные слои обществ. Будучи миротворческой инициативой, проект направил все свои усилия на увеличение числа и значимости противников силового решения конфликтов и укрепление доверия между сторонами. С этой точки зрения миротворческая “отдача” проекта в лице КСБР имеет как краткосрочный эффект, так и долгосрочную перспективу. В иницилируемые экономические, пусть и малые, проекты вовлекаются жители приграничных районов. Налаживание связей между армянскими, турецкими, грузинскими, азербайджанскими предпринимателями-производителями сыра, вина, чая и другой продукции,¹⁰ налаживание деловых отношений между ними фактически означает повышение доверия между конфликтующими сторонами, осознание взаимозависимости, и, в конечном итоге, увеличение числа сторонников мира.

В отличие от политических субъектов региона, которые не ощущают свою связь с другими странами того же региона, ориентируются лишь на внешнюю оценку и склонны принимать опасные решения о силовых путях урегулирования конфликтов, обычные люди, имеющие личные и бизнес-связи в регионе, предпочитают мирные взаимоотношения и привержены им.

То есть работа проекта и осуществляемые в его рамках конкретные мероприятия фактически направлены на защиту, поддержку и расширение прав людей, живущих в конфликтных зонах, прав не только на жизнь, но и на свободу перемещения, свободу общения, на собственный бизнес, создающий новые рабочие места, на работу, которая дает возможность не только прокормиться, но и быть социально активными. Таким образом, наша деятельность в рамках проекта, хоть и опосредованно, но способствует обеспечению физической и материальной безопасности жителей региона.

¹⁰ В экспертном сообществе озвучивалось мнение о том, что “поддержка” Грузией экономической неразвитости Южной Осетии и Абхазии может привести к реальной экономической привязке этих территорий к России.

И наконец, что не менее важно, наша деятельность в рамках осуществляемых проектов создает предпосылки для восстановления и развития утраченных связей в регионе, связей не только экономических, но и чисто человеческих, что, в свою очередь, не может не оказывать позитивного влияния на динамику политических отношений. Представляется, в частности, что теоретические выводы, приведенные в нашей публикации, и многолетняя деятельность КСБР в плане осуществления конкретных бизнес-проектов и налаживания экономических и иных отношений в регионе, вполне могут претендовать на свое место и влияние в позитивном изменении вектора армяно-турецких отношений, которое наблюдается в последние два года.

Сложность любой медиации состоит в том, чтобы сочетать реальную заинтересованность третьей стороны в позитивных изменениях конфликтной ситуации с беспристрастностью. Партнерам из Алерт удалось справиться с этой задачей. Их способность слушать нас, своих коллег из региона, и доверять нашему мнению по всем вопросам, связанным с определением приоритетов, реалистичности, цены и пользы предлагаемых инициатив, придала определенный заряд внутренней энергии, укрепив наше чувство “собственности” и “владения” проектом, и стала залогом его долгожительства и прочности. В самом начале пути мы не могли предположить его такой продолжительности и продуктивности. А мой предыдущий опыт участия в краткосрочных “проектах-одногодках”, о которых никто (даже сами участники этих проектов) уже не помнит после отчета донору, питали мой пессимизм в отношении и этого нового проекта Алерт.

Самое сложное в медиации – быть медиатором, найти консенсус с партнерами, являющимися представителями стороны конфликта, выработать общие подходы и согласие. Истинное медиаторство и миротворчество заключаются не в примирении конфликтующих сторон, а в поиске тех форм и форматов сосуществования, в которых это примирение будет возможным, формата, в котором будет комфортно всем сторонам конфликта. Помните притчу о бедняке?

“Высшим пилотажем” медиаторской сути проекта и деятельности КСБР я считаю создание такого формата и условий деятельности, при которых удастся обеспечить равенство прав и возможностей конфликтующих сторон, чувствующих себя одинаково комфортно в проекте вне зависимости от статуса “признанный” – “непризнанный” и наличия взаимоисключающих позиций в вопросе политико-территориального решения конфликтов. Каждый из участников считает, что проект поддерживает именно его позицию: в одном случае – независимости, а в другом – территориальной целостности. Отношения, где “непризнанные” работают как равные партнеры с “признанными”, завязаны на уважении и равенстве личного и профессионального уровня, что вызывает к жизни новые стили и форматы диалога.

Другой медиаторской задачей проекта было обеспечение “сбалансированного количества” бизнеса и миротворчества в качестве ответа на вопрос: а чего в проекте больше, мира

или бизнеса? Кому-то хочется видеть в нашей деятельности больше конкретных бизнес-инициатив. Однако для нас в проекте больше мира, чем бизнеса. Все виды нашей деятельности – бизнес-инициативы с участием сторон в зонах конфликтов, встречи, дискуссии, информационные туры – это не сугубо предпринимательские решения, нацеленные на выгоду и прибыль, а миротворческая деятельность. Бизнесмен – это отнюдь не доброволец-миротворец, его решение о начале партнерских, деловых отношений с коллегой на “стороне врага” сопряжено с большими рисками, его вовлеченность во встречи и бизнес-инициативы с противоположной стороной, пусть и малые, – предмет пристального внимания властей и общества, обвинений в предательстве. Это мешает КСБР, предоставляющей свой формат как гарантию безопасности, как щит против критики и угроз при осуществлении более смелых проектов. Тем значимее участие в наших мероприятиях представителей бизнеса, фактически делающих выбор в пользу тяжелого пути, который может в конечном итоге привести к новому формату мирных отношений, а потому несет в себе больше миротворческую наполненность, чем предпринимательскую.

В любом случае путь от экономики войны к экономике мира неблизкий. Но мы уверены, что в отношениях между странами Южного Кавказа рано или поздно возьмет верх экономический прагматизм, когда главным экономическим аргументом в отношениях соседей по региону будет убеждение, что одним из основных источников жизнеобеспечения населения региона являются не международные нефтепроекты, а торгово-предпринимательская деятельность людей, живущих в этом регионе, безотносительно к статусу территории, на которой они проживают, или их национальной принадлежности. Общий региональный рынок, совместная предпринимательская деятельность, а не каспийская или какая-либо другая нефть, является и будет основным источником развития стран региона и в будущем. Не “мир в обмен на экономическое благополучие”, а “мир и экономическое благополучие во имя процветания региона”.

Великий Руссо писал, что “народы, у которых нет иного выбора, чем торговать и воевать, обречены быть слабыми. Они зависят от своих соседей, являются заложниками обстоятельств и будущее их весьма неопределенно.”

Начав свое повествование с тринидадской притчи, закончить хочу примером из опыта китайцев, которые обозначают понятие “кризис” с помощью двух иероглифов – сочетания “опасности” и “возможности”. Неся в себе опасность прямого противостояния, кризис/конфликт содержит в себе и те самые возможности, которые помогают избежать или преодолеть этот конфликт, если все же предотвратить его не удалось. Остается лишь воспользоваться этой возможностью.

VI

Медиа и медиация

ГЛАВА 14

Средства массовой информации и посредничество на Кавказе: некоторые соображения

Томас де Ваал

1. Средства массовой информации – «оружие» борьбы в конфликте

Писать на тему «Средства массовой информации и посредничество на Южном Кавказе» – задача интересная и сложная. В английском языке слова “media” (СМИ) и “mediation” (посредничество) – однокоренные, они передают общую идею «субъекта посередине», мостика между разными сторонами. Цели у них, конечно же, разные. Предоставление достоверной информации и переговоры о мире с конфликтующими сторонами – это разные виды деятельности, иногда преследующие одну и ту же цель, а иногда – нет.

Не секрет, что информационные средства – это оружие, используемое для разжигания конфликтов. Мы знаем, как использовалось радио в Руанде, во время геноцида 1994 года. Радиостанция “RLTM” называла тутси «тараканами» и призывала к убийствам и изнасилованиям. На закате Советского Союза, когда электронные СМИ на Кавказе контролировались из Москвы, главным голосом ненависти были газеты. По иронии судьбы в Грузии «Литератури Сакартвело» (*Literaturuli Sakartvelo*) – газета интеллигенции – использовалась Звиадом Гамсахурдиа для пропаганды нетерпимости по отношению к меньшинствам Грузии, что впоследствии вылилось в конфликт в Абхазии и Южной Осетии.¹ После падения Советского Союза новые постсоветские правительства на Южном Кавказе также использовали радио и телевидение для пропаганды конфликта. Мне довелось слышать, как азербайджанский телеканал ANS называли «партией войны»: новостные передачи на этом канале начинались с сообщений с линии прекращения огня в Карабахе, и из них следовало, что мир там – явление временное.

2. Иностранное упрощение, местная предвзятость

Если местные СМИ обычно усугубляют конфликт, то зарубежные грешат безразличием. Для западного редактора отдела новостей все, что касается Кавказа, может быть сведено к одному слову – «сложность»; это место часто кажется слишком далеким и вряд ли способным заинтересовать западных потребителей новостей. В 1992 и 1993 годах войны в Абхазии и Карабахе не были достаточно освещены по одной простой причине: редакторы решили уделить больше внимания конфликту, который разворачивался ближе к дому, а именно – Боснии. При работе с конфликтами такого уровня сложности, в том числе и с конфликтом в Боснии, может использоваться и другая тактика – рассматривать происходящее как источник щекочущего нервы развлечения, без какого-либо политического содержания. Для этого используются репортажи с места событий собственных корреспондентов, находящихся на переднем крае. В подобных репортажах главным действующим лицом становится сам корреспондент, сообщающий соотечественникам о своих опасных приключениях в зоне конфликта.

¹ См. книгу С. Кауфмана (2001 г.) ‘The Symbolic Politics of Ethnic War’ [Современная ненависть: символическая политика этнической войны] (Cornell University Press) для ознакомления с тщательным анализом периода Гамсахурдиа и СМИ.

Когда западные СМИ все же решили освещать события в Абхазии и в Нагорном Карабахе, они упростили себе задачу, пытаясь описать ситуацию так, чтобы это было понятно читателям и зрителям, которые ничего не знают о предыстории событий. О конфликте вокруг Нагорного Карабаха на его ранней стадии западные корреспонденты, работавшие в Москве, писали как о «головной боли Горбачева». Информация о конфликте в Абхазии на Западе сводилась к одному, знакомому западным читателям имени – Эдуарда Шеварднадзе («человека, прекратившего холодную войну»). Дошло до того, что это уже была не война в Абхазии, а «война Шеварднадзе». Джон Стил, британский оператор, работавший на телекомпанию ITN, рассказывает, что сразу после того, как было готово интервью с грузинским лидером, ему и его коллегам было сказано возвращаться из осажденного Сухуми. «Помните, нас интересует только Шеварднадзе, эта война никого не интересует», – сказал голос из Лондона». ²

Если зарубежные СМИ было сложно заинтересовать самим конфликтом в Абхазии или Карабахе, то еще сложнее было обеспечить освещение постконфликтных ситуаций, которые уже не отличались особым драматизмом: было мало жертв и практически не было «новостных поводов». Мне с трудом удавалось добиться публикации в британских изданиях статей даже о таком важном событии, как переговоры 2001 года о будущем статусе Карабаха в Ки Уэст.

В местных СМИ эти конфликты, конечно же, находятся в новостных топах. Но количество публикаций не соответствует их качеству. Более профессиональные журналисты с трудом пытаются получить информацию от «другой стороны» и отразить разные мнения по столь деликатной теме, в то время как для менее вдумчивых журналистов подобного рода материалы превращаются в «соревнования в патриотизме», где они пытаются заработать очки за счет другой стороны конфликта или же за счет международных посредников.

Бывший американский сопредседатель Минской группы Мэтью Брайза с самого начала решил установить более открытые и дружелюбные отношения со средствами массовой информации Армении и Азербайджана, чем это делали его предшественники, о чем, скорее всего, пожалел к концу срока пребывания на своем посту. Журналисты обеих сторон с наслаждением цитировали его отдельные высказывания, чтобы создать впечатление, что он в любой момент может принять как «проармянскую», так и «проазербайджанскую» позицию. Информационные агентства часто публиковали заявления о том, что «Брайза опроверг сообщение о сделанном им заявлении», при этом предполагалось, что заявление им на самом деле было сделано. Возможно, свою роль здесь сыграл и индивидуальный стиль Брайзы, который всегда отличался вспыльчивостью, но совершенно очевидно, что местные СМИ использовали его открытость не для того, чтобы более серьезно проанализировать процесс мирного урегулирования, а для того, чтобы обвинить американского посредника в непоследовательности.

2 J. Steele, "Shooting in the Dark," *Guardian Weekend Magazine*, August 10, 2002

3. Отрицание «мирной журналистики»

В таких условиях в 2002 году я начинал свою работу в этой области на Южном Кавказе для Института освещения войны и мира (IWPR) – организации, способствующей развитию СМИ и работающей в регионах конфликта по всему миру. После нескольких посещений этого региона и дискуссии с коллегами, работающими в области развития СМИ, я сделал два основных вывода о том, каковы должны быть наши приоритеты. После бесед в Лондоне с коллегами, проделавшими большую работу на Балканах, я понял, что нельзя делить журналистов на тех, кто пишет о мире или о правах человека.

Профессионалы решительно настаивали на том, что журналисты делятся только на хороших и плохих. Хороший журналист должен честно, ответственно, беспристрастно и сдержанно освещать любую ситуацию, будь то кровавая резня или день рождения пятилетнего ребенка, используя для этого надежные источники, давая всем сторонам возможность выразить свою точку зрения, и, прежде всего, стараясь помочь обрести голос невинным жертвам. Это означает, что журналист должен давать возможность высказаться и тем людям или организациям, которые, возможно, поддерживают войну, и чьи взгляды лично ему будут отвратительны, но которые, тем не менее, представляют важную часть общества. Журналист, которому поручено заниматься темой миротворчества и сообщать только о работе миротворцев, рискует поддаться соблазну замалчивать отдельные факты в интересах установления мира и уподобиться советским «борцам за мир» 70-х и 80-х годов прошлого века. Эту точку зрения разделяло все больше журналистов, что стало очевидным на крупном мероприятии, организованном International Alert (Алерт) для кавказских журналистов в Стамбуле.

4. Ограничения тренинга журналистов

Второй урок я получил на Южном Кавказе. Дело в том, что там проводилось очень много тренингов для журналистов, но были опасения, что многие из этих тренингов организуются просто «для галочки». Часто неверной была сама идея курса. Журналист-ветеран из американской газеты, имеющий 30-летний опыт работы, мог казаться просто марсианином местным журналистам на Кавказе. Я видел одного такого журналиста, не говорящего по-русски и пытавшегося «научить» журналистов из «Нужной» газеты в Абхазии. Его опыт просто не соответствовал ситуации, с которой они сталкивались, работая репортерами в Абхазии. Я сам показывал журналистам в Абхазии фильм об известном ведущем ВВС Джереми Паксмане, который в прямом эфире 12 раз задает один и тот же вопрос министру внутренних дел Майклу Ховарду, поскольку Ховард уклоняется от прямого ответа. Это было интересно, но, опять же, не принесло особой пользы – в Абхазии у них не было бы возможности провести интервью такой важности в прямом эфире, а если бы интервью приняло столь агрессивный характер, то они рисковали, по меньшей мере, быть вышвырнутыми из студии.

Многие из этих тренингов не удались, так как по сути своей были «мыльным пузырем». Другими словами, редакторы «отпускали» своих журналистов на день-два для «тренинга», проводившегося западным ветераном журналистики или медиа-тренером, где они приятно проводили время, заводили друзей, делали полезные упражнения, но когда они возвращались с тренинга, у них не было возможности работать по-другому, используя полученные знания, и они продолжали делать свои материалы так же, как и раньше.

Культура проведения медиа-тренингов на Южном Кавказе была столь распространенной, что появилась еще одна проблема: те, у кого было время и желание посещать семинары-тренинги, могли переходить с одного на другой, получать приличные «суточные», и, в результате, меньше заниматься своей профессиональной деятельностью.

Различные НПО по-разному видели пути решения этих проблем. В Кавказском институте СМИ в Ереване и в Грузинском институте общественных дел (GIPA) в Тбилиси открылись годовые программы для журналистов, где они могли пройти более длительный тренинг. Другие считали, что начинать нужно с уровня редактора и создавать новые печатные органы. Успех грузинской газеты «24 саати» («24 часа») был, как минимум на первом этапе, одним из результатов этой стратегии. В Институте по освещению войны и мира мы решили, что для развития СМИ на Кавказе стоит использовать метод «конвейерной ленты». Мы хотели обучать журналистов, но что еще важнее – нам нужны были их статьи.

Институт готовил еженедельные отчеты с мест событий, размещал их на своем веб-сайте, распространял по электронной почте и перепечатывал в местных газетах, что для журналистов, проходящих обучение, уже было явным достижением. Однако возникла еще одна техническая проблема – если издание может позволить себе публиковать в неделю не более трех-четырех материалов со всего региона, то у журналистов остается мало шансов быть опубликованными. Кроме того, наши отчеты были нацелены, в первую очередь, на зарубежных читателей, и многие статьи нуждались в серьезной редакторской правке. Мы решили создавать новые продукты – газеты и приложения к газетам. Это позволяло журналистам, прошедшим тренинги, использовать полученные знания на практике и обращаться непосредственно к читателям своего региона. Эта идея легла в основу ряда совместных проектов с местными газетами в Азербайджане и Армении и привела к созданию абсолютно новых газет в Джавахети и Квемо Картли в Грузии.

5. Панорама – объединенные усилия грузинских и абхазских журналистов

Мы применили ту же систему при работе во всех регионах конфликтов на Кавказе. Одно дело – проводить встречи между грузинами и абхазами, где можно обменяться какими-то мнениями и обсудить какие-то идеи, и совсем другое дело – работа над совместным проектом, где нужно подписаться под общими выводами. Именно по этому пути мы

и пошли, впервые начав издавать газету, в которой работали и грузинские, и абхазские журналисты. Она называлась «*Панорама*». Когда я говорю «мы», я меньше всего имею в виду себя самого: главная работа была выполнена благодаря усилиям и вдохновению Маргариты Ахвледиани из Тбилиси (именно у нее родилась идея этого проекта) и Инала Хашига из Сухуми. В качестве третьего редактора, постоянно находящегося в Лондоне, я вносил лишь символический вклад в работу этой тройки, радуясь тому, что двое моих коллег на местах успешно преодолевают все свои внутренние разногласия. Текущих проблем было очень много. Несмотря на все усилия с нашей стороны, мы так и не смогли получить разрешение на встречи журналистов на территории Грузии или Абхазии; особенно непримиримую позицию занимали власти Абхазии, не желавшие ни принимать у себя большое число грузин, ни давать разрешение на коллективную поездку своих журналистов в Грузию. Поэтому журналисты встречались в Сочи, Москве, Ереване, Одессе и Стамбуле. Два тиража появлялись на свет одновременно – в Тбилиси на грузинском языке и в Сочи на русском языке. Абхазский тираж печатался на российской территории, непосредственно за абхазской границей, так как официально зарегистрировать газету в Абхазии было сложно, опять же по политическим причинам. Осуществлять практическую координацию работы было невероятно сложно, а расстояние между коллективами неизбежно порождало разногласия, которые не так-то просто было урегулировать по телефону, да и связь была плохой. Как всегда, было трудно договориться о терминах. В итоге мы сошлись на том, что в статьях из Абхазии столицу называли Сухум, а из Грузии – Сухуми, хотя многим это, конечно, не нравилось. Читатели просто не были готовы видеть в газете другой вариант написания этих названий.

Однако добрая воля обеих сторон позволила решить эти проблемы. Сложнее оказался другой вопрос: газета, чтобы процветать, должна иметь свою идентичность, должна стать для своих читателей другом, которому можно доверять. «*Панорама*» имела, как минимум, две группы читателей, которые были разделены конфликтом. Каждая из сторон хотела видеть в газете совершенно разные вещи. Это создавало не только творческое напряжение, но и ряд дополнительных проблем. Для наших абхазских коллег было важно, чтобы газета была «кавказской», а не «грузино-абхазской». Как показал опыт, абхазы и осетины зачастую настороженно относятся к совместным проектам с грузинами, так как считают, что такие проекты имеют тайную цель подтолкнуть их обратно в Грузию. Они стремились печатать статьи IWPR с Северного Кавказа и шире освещать общекавказскую тематику, при этом их меньше интересовали статьи из грузинских городов Кутаиси и Телави. Для грузин «*Панорама*» была, в первую очередь, мостиком в Абхазию, дававшим возможность получать оттуда информацию. Самыми активными читателями были сотни тысяч перемещенных лиц, бежавших или изгнанных из Абхазии в 1993 году, которые жили в Западной Грузии. Они буквально вцеплялись в каждый новый номер, газеты передавались из рук в руки. В первое время в Абхазии газета продавалась открыто и была хорошо известна, но по мере осложнения отношений с Грузией «*Панорама*» стала исчезать и уже не имела официального статуса. Ее распространяли вручную, а не продавали в киосках. Задолго до того, как в январе 2008 года вышел последний номер, один из активистов

абхазского гражданского общества задал вопрос: «Что случилось с *«Панорамой»?*». Ответ простой – на газету, ассоциировавшуюся с Грузией, не было общественного спроса. Тираж газеты в Абхазии никогда не превышал нескольких сотен экземпляров.

Но в целом газета, безусловно, сыграла положительную роль. Она давала регулярные и объективные сообщения, отражавшие точку зрения другой стороны конфликта, предоставляя всем желающим возможность ознакомиться с ними. Она создала форум, на котором грузины и абхазы могли общаться и сотрудничать в решении практических и профессиональных задач. Она отменила табу на совместные проекты абхазов и грузин, что, по мнению многих наших собеседников, было невозможным. С политической точки зрения проект не имел «посреднических» функций, но он явился важным инструментом коммуникации и нормализации отношений людей, разделенных конфликтом. В более благоприятных политических условиях, если бы переговоры велись успешно и отношения улучшались, газета могла бы лечь в основу гораздо более крупного проекта. Тот факт, что политики недооценили ее значения, на мой взгляд, говорит скорее об их собственной ограниченности, а не о недостатках газеты.

6. Выводы

Главный положительный вывод, который я сделал из работы по развитию СМИ на Кавказе, заключался в том, что там есть мужественные люди, которые не боятся сотрудничать со своими коллегами через закрытые границы и линии прекращения огня. Дух свободы и самостоятельного мышления жив во многих людях в этом регионе. Но отсюда следовало и самое негативное заключение – этот профессиональный и объективный журнализм все еще не вписывается в общую политическую обстановку. Правительства не заинтересованы в сильных, независимых СМИ. Простые люди в регионе по-прежнему получают информацию главным образом из теленовостей, которые строго контролируются правительствами и мало чем отличаются от грубой пропаганды. Во время августовской войны 2008 года в Южной Осетии было незаметно, чтобы грузинские журналисты из центральных СМИ чему-то научились на многочисленных западных программах поддержки, а когда война закончилась, я прочел, что, как показали опросы общественного мнения, благодаря этим репортажам многие грузины считали, что Грузия победила в конфликте с Россией. С этой точки зрения, как и во многих других недемократических обществах, СМИ стали не «четвертой властью», но рупором государства, тиражировавшим удобные мифы вместо того, чтобы сообщать не укладывающиеся в общие рамки факты и разрушать стереотипы.

Конфликты способны обнажать самые примитивные рефлексy. Даже те журналисты, с которыми мы работали много лет и на обучение которых потратили много денег и сил, все же писали о конфликте в духе сторонников «твердой линии». В начале 2009 года армянский журналист, чьи статьи я редактировал в течение многих лет, опубликовал исключительно гадкую и тенденциозную статью, в которой критиковал мою работу

по карабахскому конфликту «*Карабахская ловушка*» и высказал предположение, что я нахожусь на содержании у Бритиш Петролеум! Мне было не просто уговорить моего опытного грузинского коллегу опубликовать репортаж осетинских очевидцев о первых днях августовской войны. В данном случае, я думаю, что его нежелание взять этот материал отражало и его националистические чувства, и внутреннюю боль – война была в разгаре, и у всех было впечатление, что негативное освещение действий собственной армии ослабит их позицию. Но это ничего не меняло. Конечно мне, журналисту большой страны – Великобритании, где последняя гражданская война закончилась в 1642 г., легко критиковать позиции грузинских, абхазских или армянских журналистов при освещении конфликтов, которые по-прежнему причиняют боль их маленьким странам. Плыть против течения трудно, даже если хочешь. Журнализм существует не в безвоздушном пространстве и чутко реагирует на меняющийся политический климат. В этом смысле нам повезло, что кавказский проект IWPR осуществлялся в 2002 – 2003 годах, когда в регионе было сравнительно спокойно и можно было, не спеша, добиваться прогресса. Но для того, чтобы проекты, подобные этому, производили большой эффект, необходимы гораздо более существенные политические перемены, которые простые журналисты вряд ли могут обеспечить.

Говоря о развитии независимых СМИ, часто упускают из виду экономический фактор. В эпоху перестройки советские граждане читали газеты гораздо больше, чем жители западных стран. Потом тиражи упали. Это говорит о том, что многочисленные грамотные читатели готовы, возможно, опять читать газеты. А не читают их в значительной степени по экономическим причинам. Люди задают себе вопрос – зачем тратить деньги на газеты, если их можно потратить на что-то еще. К тому же слабая система распространения и низкое качество печати приводят к тому, что на Кавказе многие газеты все еще напоминают продукцию 80-х годов, в то время как телевидение и Интернет, при наличии к ним доступа, предлагают гораздо более привлекательные альтернативы. В этом смысле поддержка независимых печатных СМИ, способных противостоять электронным, находящимся под контролем правительства, в значительной мере предполагает поддержку новой системы распространения и помощь новому рынку рекламных услуг. Пытаясь решить эту проблему, несколько западных НПО немедленно столкнулись с новой проблемой: финансовая поддержка нескольких газет со стороны западных доноров «подрывала» рынок, создавая для этих газет неоправданные конкурентные преимущества.

Я глубоко убежден, что в области развития СМИ на Южном Кавказе за последние 10 лет достигнут прогресс, но это прогресс на уровне индивидуумов и малых групп. Сейчас там существует сложившееся профессиональное сообщество журналистов, которые хотят делать свое дело и использовать СМИ для того, чтобы честно освещать события и привлекать виновных к ответственности. Возможно, это наблюдение отражает общую тенденцию. Эти люди способны задать вектор более широких преобразований и обеспечить «европеизацию» региона, если им будет оказана политическая и экономическая поддержка. Это поможет СМИ и это поможет посредникам. Но сегодня мы еще ждем весны в разгар суровой зимы...

ГЛАВА 15

Медиация – от слова “медиа”?

Карине Оганян

1. Введение

“Вначале было слово...” И уже потом появились конфликты, которые иногда начинались с одного неосторожного слова, а иногда сглаживались благодаря умело и к месту подобранному слову. Вот так слово получило сверхъестественную силу – оно стало ранить острее, чем меч, и лечить лучше, чем любое лекарство...

Особое значение слово приобрело, конечно же, в журналистике. Но непередаваемая его значимость стала осознаваться в конфликтных регионах – регионах, где зачастую место журналистики занимает пропаганда, и где слово становится едва ли не солдатом той или иной армии.

Начиная с самого начала карабахского конфликта – с 1988 года – армянская и азербайджанская пресса, можно сказать, работали в двух направлениях: на свою собственную аудиторию и на остальной мир – друг против друга. Шла агитация, пропаганда и журналистика “одного источника”. Так длилось очень долго – лет десять. Впрочем, стоило ли ожидать другого? Наследники советской прессы – армянская и азербайджанская медиабратия – одновременно стали постигать новый стиль в журналистике, параллельно осваивая азы работы в условиях военного конфликта. Тогда даже не приходилось сомневаться – ты журналист или гражданин? Ты был частью большой армии, которая делала свое дело – кто на фронте, кто в тылу. И думать о том, что армянский и азербайджанский журналисты когда-либо смогут работать в одном проекте, тогда казалось невозможным.

Но война закончилась, и постепенно мирная жизнь стала диктовать свои правила – в том числе и в журналистике. Помню, как впервые после войны я, не очень опытная карабахская журналистка, поехала на один из журналистских тренингов по конфликтологии, где познакомилась с представителями азербайджанских СМИ. Тренинг для молодых журналистов Кавказа тогда организовала незнакомая мне на тот момент организация International Alert (к слову, именно после этих тренингов возникла журналистская сеть, многие члены которой потом активно сотрудничали и в рамках IWPR)¹. Это был 2002 год – к этому времени прошло примерно 14 лет с тех пор, как я вообще вживую общалась с азербайджанцами. И мне казалось, что общение (а о сотрудничестве речи тогда и быть не могло) невозможно. Но, как и в любом конфликте, когда-то наступает общение, которое снимает опасения и стереотипы, а потом приводит к иному, более спокойному восприятию оппонента.

Это общение, как в классике конфликтологии, действительно меняет рамки взгляда и внутреннего восприятия. И возникает как желание быть услышанным и понятым, так и возможность услышать и хотя бы попытаться понять другого. Так уж случилось, что именно на этом упомянутом тренинге “Конфликтология и журналистика” мне удалось

¹ Дополнительную информацию можно найти на вебсайте IWPR на <http://iwpr.net>

познакомиться с азербайджанскими журналистами, с которыми потом не раз приходилось сталкиваться по работе в самых различных профессиональных проектах. Отныне у нас появилась возможность проверять ту или иную информацию о “противоположной” стороне или уточнять те или иные данные у первоисточников, с которыми нас уже стали связывать журналистское желание получить информацию из первых рук и проверять то или иное сообщение в собственной прессе, касающееся враждующей страны. Так постепенно стал созревать один из необходимых, на мой взгляд, элементов медиации – готовность к диалогу и зарождающееся чисто человеческое доверие к конкретным людям “с той стороны”...

2. Первый блин не комом

Вот именно на этой стадии институт IWPR предложил мне написать совместную с азербайджанской журналисткой Заремой Велихановой (с которой я уже была знакома по разным журналистским встречам) статью – журналистское расследование о людях, пропавших без вести в течение карабахского конфликта. Это был 2004 год. Статью редакция хотела издать к 10-летию прекращения огня в зоне карабахского конфликта. И я помню, как долго мы с Заремой работали над этой, насколько мне известно, первой совместной армяно-азербайджанской статьей в послевоенный период. К тому времени Зарему я знала очень хорошо – кроме карабахского конфликта, во всем остальном мы смотрели на мир почти одинаково. Хорошо знала и фактического тогдашнего медиатора (правда, тогда я это слово вряд ли даже слышала!), редактора Кавказской службы IWPR Томаса Де Ваала. Честно говоря, даже не знаю, почему именно нам было предложено написать эту совместную статью, но мы обе к тому времени уже имели достаточный журналистский опыт, обе прошли разные тренинги и знали, как именно надо писать для западного читателя, и главное – были на интернет-связи друг с другом, что позволяло непосредственно обсуждать ту или иную информацию, делиться ею и проверять разные истории.

Система написания этой одной-единственной статьи теперь уже кажется историей из книги по методике медиации. После предварительного согласия нас с Заремой пригласили на тренинг IWPR по журналистским расследованиям, который проходил на нейтральной территории – в прекрасном городе Тбилиси. Вместе с общим тренингом для нас была придумана и отдельная программа – мы в маленькой группе вместе с медиаторами из IWPR разрабатывали предварительный план статьи по пропавшим без вести: у кого брать интервью, какие структуры посетить, какие общие вопросы задавать, на что именно акцентировать внимание и т.д. Там же у нас была возможность встретиться и поговорить с другими медиаторами – специалистами по вопросам без вести пропавших, такими, например, как известный грузинский правозащитник и политолог Паата Закареишвили. Вот так общими усилиями, с учетом творческих интересов каждой стороны, была придумана схема совместной статьи. Но писать ее пришлось долго. Каждая из нас искала истории, конец которых мог бы завершиться на «другой» стороне. Мы писали друг другу, направляли копии Тому, задавали себе новые

вопросы и снова шли на интервью. Было собрано столько материала, столько документальных историй и свидетельств, что к моменту написания статьи нам с Заремой казалось, что она не может получиться. Все было важно, у каждого была своя правда, и каждой из нас, конечно, хотелось, чтоб именно «этот кусочек» вошел в общую статью. В итоге каждая из нас послала свою версию статьи, из которых редактор Том Де Ваал сплел общий материал – сокращая и добавляя, редактируя и собирая все в единый кусок. Именно эту версию уже общей статьи с названием “Карабах: пропавшие без вести – живые или мертвые?” мы с Заремой получили для замечаний, коррекции и изменений. Конечно, у каждой из нас были свои поправки по поводу статьи, которые мы в последний момент послали Тому. За давностью времени, к сожалению, не могу вспомнить, какие именно проблемы возникли в период обсуждения статьи, но что эти вопросы потом так или иначе снова поднимались, это точно. Это были проблемы, которые постепенно улаживались в ходе сотрудничества – с помощью самих медиаторов и благодаря компромиссам, на которые мы сами шли. В результате наших переговоров в конце статьи редактор Томас Де Ваал добавил следующий абзац – *Примечание редактора: Этот материал является результатом сотрудничества двух журналистов, представляющих противостоящие стороны в карабахском конфликте. Терминология, использованная в нем для обозначения различных аспектов конфликта, подбиралась в Лондоне, претендует на нейтральность и не обязательно совпадает с терминами, использовавшимися самими авторами.*

Вот так возникла одна из проблем, которая, будучи по сути определенным образом решена, в течение всего последующего периода работы все равно всплывала и требовала новых подходов и идей.

3. “Выбирай выражения!”

Одна из самых главных проблем, с которыми сталкивались карабахские журналисты при написании статей для IWPR, заключалась в терминологии. Автор из Карабаха, присылающий материал, рассказывал, естественно, о том, что происходит в его стране (пусть и непризнанной), используя ту терминологию, которая для него приемлема и привычна. Так, выражения типа “министерство финансов НКР” или “президент НКР” журналист спокойно использовал в своей статье – до соответствующей редакции со стороны медиатора, в данном случае IWPR. Потом состоялась первая “стычка”. Азербайджанские журналисты со своей стороны высказали недовольство по поводу некоторых терминов, появляющихся в статьях армянских журналистов. В свою очередь и карабахские журналисты тоже были против добавляемых редакцией в каждой статье строк типа “Карабах – территория, не признанная международным сообществом”, “Карабах – предмет территориального спора между Арменией и Азербайджаном”, “карабахские армяне считают...” и т. п. Для журналистов, живущих в Нагорном Карабахе и присылающих материал именно оттуда, подобная терминология вовсе не казалась нейтральной. Так, для нас Карабах был вовсе не предметом территориального спора между Арменией и Азербайджаном – такая формулировка для армян вообще искажает суть всего карабахского

конфликта. Мы старались объяснить редактору Тому де Ваалу, что для нас это конфликт между Карабахом и властями Азербайджана, а подобная формулировка полностью меняет картину конфликта и, по сути, вводит в заблуждение западного читателя. Кроме того, ни один журналист из Карабаха не станет в своем материале, например, про национальные меньшинства в НК, обязательно указывать, что “Карабах – это непризнанная территория, предмет спора между Арменией и Азербайджаном”, или что “На международном уровне Карабах рассматривается в качестве части Азербайджана, хотя уже пятнадцать лет он является де-факто независимым и состоит в тесных связях с Арменией” (формулировки IWPR). Когда возникли первые несогласия с подобной редактурой армянских материалов, IWPR, в данном случае выступавший как медиатор между армянскими и азербайджанскими читателями, предложил, что во всех “чувствительных” материалах по Карабаху редакция в конце напишет примечание, согласно которому “терминология принадлежит не авторам, а редакции IWPR”. Эта строчка несколько снизила “националистические капризы” журналистов, хотя были и журналисты, которые отказались писать материалы именно из-за такой редакции. Так, журналистка Анаит Даниелян сказала:

“Я живу в Нагорно-Карабахской Республике и пишу материалы именно отсюда. Пусть кто-то и не признал эту страну, но я-то ее признаю! Почему я должна отказываться от своей привычной терминологии, от терминологии, которую сама я считаю правильной?! Наконец, у редакции IWPR всегда есть возможность в конце приписать, что “терминология принадлежит авторам материалов, и редакция не несет ответственности за нее”, тем более что материал авторский, а не совместный!”

Но, в любом случае, часть армянских авторов согласилась пойти на определенный компромисс в вопросе терминологии со ссылкой на редактуру IWPR, потому что иногда сама возможность давать информацию непосредственно из региона международному изданию, которое призвано сохранять нейтралитет, может быть все же важнее терминологии и может все-таки стоить определенных компромиссов. Как бы то ни было, вместе с редакцией IWPR мы все пришли к формулировкам, которые сегодня могут устраивать и армян, и азербайджанцев, и фактически давать информацию о самом Нагорном Карабахе. Так, в последних своих статьях я стала использовать следующий вариант: “Уже более пятнадцати лет остается непризнанным Нагорный Карабах – регион, который после распада Советского Союза в одностороннем порядке провозгласил свою независимость от Азербайджана, став причиной конфликта между армянами и азербайджанцами”. Это предложение по сути и по фактам передает ту ситуацию, которая существует, но даже подобная терминология, естественно, нравится далеко не всем. Читатели как в Карабахе, так и в Армении очень часто негативно реагировали на подобные публикации армянских авторов в IWPR.

4. “IWPR следит за вами...”

Именно под таким подзаголовком на одном очень известном армянском форуме (не пишу ссылку, чтоб сайт этот не получил излишнюю рекламу) начались активные обсуждения продажности армянских авторов, пишущих для IWPR. Цитата:

‘Обязательно надо во всех статьях, во всех разговорах подчеркивать, что республика не признана мировым сообществом? ... Автор дико комплексует? Стыдно ему громко объявить, что чихать хотел он на все и всех, и НКР для него состоявшаяся республика? Мне иногда кажется, что это какая-то специальная установка, диктуемая извне азербайджанскими спонсорами нашим журналистам через их штаб-квартиры в европах. То есть это тотальная пси-атака на мозг карабахца по всем направлениям, даже в житейских статьях. Ему постоянно долбят мозг, мол, ты никем не признан, тебя никто не признает, ты в тупике, начинай уступать азербайджанцам! В целом статья классная, но там в одной незаметной строке заложена мина под мозг карабахца, о которой написал выше. Эти (...) постоянно проводят атаки на мозг и травят ядом массовое сознание’.

Тема активно развивается другим форумчанином: ‘Блин, ну сколько раз объяснять, что IWPR, Eurasia.net и прочие – это не СМИ, хоть и маскируются под таковые. Это придатки разного рода лоббистских групп, можно сказать информвойска’. При этом терминология – не единственная мишень армянской аудитории. В ходе опросов, проведенных среди читателей IWPR в Карабахе, многие указали и на искусственную паритетность со стороны IWPR в подборке материалов и подаче фактов. Конечно, если посмотреть на этот факт с точки зрения медиации, то сохранение баланса, выбор нейтральных терминов, паритетность и желание не обидеть ни ту, ни другую стороны становятся понятны и объяснимы. Но такой подход тоже не всегда достаточно популярен не только среди читателей, но и в среде коллег. Так, в своей статье “Паритет в пользу войны?” журналистка Марина Григорян пишет:

‘Чуть более года назад британский Институт войны и мира попросил меня подготовить статью об убийстве в Будапеште армянского офицера. Не буду утомлять читателя описанием долгих споров с представителями института, которые стремились даже в этом, казалось бы, очевидном случае избежать упоминания общеизвестных истин, чтобы, не приведи Господь, ненароком не “обидеть” азербайджанскую сторону. Достаточно сказать, что пришлось долго отстаивать выражение “резня армян в Сумгаите”: переводчица-грузинка менторским тоном настаивала на варианте “столкновения в Сумгаите”, дабы “избежать ненужного разжигания страстей”. Базирующийся в Лондоне Институт войны и мира довольно давно и активно действует в странах нашего региона и старается вроде объективно отражать происходящие в регионе Карабахского конфликта события. Однако неумное стремление во что бы то ни стало сохранить паритет так и выпирает из опубликованных на сайте института статей. Понятно, что в британской организации иначе и быть не могло. Однако порой

навязчивое стремление к уравниванию вины сторон буквально во всем обретает просто абсурдный характер. /.../ Паритетное освещение событий в регионе, конечно, не “ноу-хау” британского Института войны и мира. Вред, наносимый подобным ханжеским подходом, – тема отдельного материала: понятно, что мы имеем дело с тщательно разработанной концепцией, маскирующейся под миротворчество, которая изначально зиждется на лжи. Вопрос – работает ли подобная лицемерная позиция на пользу миру или способствует разжиганию ненависти и непомерных appetitov азербайджанской стороны – в данном случае звучит откровенно риторически’.

Вот, пожалуй, единственный вопрос, который и стоит рассматривать в ракурсе медиаторства IWPR вообще: работает IWPR в нашем регионе на пользу миру или войне? Вообще, стоило ли этой организации входить в этот тяжелый регион и пытаться работать здесь? И действительно ли вся армянская аудитория считает, что “такая медиация нам не нужна?” Слава Богу, нет! И вот почему.

5. “И меня сосчитали!”

Одна из самых главных проблем в освещении карабахского конфликта всегда заключалась в том, что голос самой, на мой взгляд, пострадавшей части населения – карабахцев – с самого начала конфликта не был слышен. Сначала советские СМИ сообщили миру о том, что происходящее в Карабахе является “происками отдельных экстремистов и националистов”, потом в ход пошла пропаганда из Азербайджана и из Армении, по сути являющаяся политико-отражательным элементом, а не источником информации – тем более что с самим Карабахом она тоже имела мало общего. А потом началась война, затем – послевоенная жизнь, и в результате те, кто живут в Карабахе, остались в информационной изоляции. Из-за отсутствия признания Карабаха почти все международные структуры и организации, в том числе и информационные, не “работали” непосредственно с Карабахом, предпочитая получать информацию из признанных стран – Армении и Азербайджана, что, в свою очередь, создавало различные мифы и разворачивало очередной виток неинформированности, недоверия и враждебности в конфликтующих регионах. Медиамшины армян и азербайджанцев планомерно и четко продолжали создавать образ врага, и было очень сложно говорить о беспристрастной и объективной информации, особенно касущейся противоположной стороны. Так было до тех пор, пока некоторые международные организации не решились, наконец, “открыть окно” в Карабах и получать информацию непосредственно от журналистов, которые там живут. IWPR стал приглашать на свои тренинги и журналистов из Карабаха, которые, помимо того, что начинали изучать западный стиль подачи информации и азы не советской журналистики, основанной на подаче фактов и освещении событий с точки зрения всех сторон, получили также возможность напрямую общаться с коллегами-азербайджанцами. Конечно, не всегда такое общение шло гладко, не сразу удавалось говорить друг с другом даже на профессиональные темы, но постепенно, в том числе благодаря правильному

процессу медиации, стало возможно не только разговаривать, но уже и говорить об определенном взаимном сотрудничестве. В какой-то момент пришло осознание того, что профессиональная журналистика сама может стать мостом – сначала для хорошей слышимости, потом – если не понимания, то хотя бы осознания того, что «там» есть другое мнение, отличное от твоего собственного, и оно имеет право на существование. После этого этапа обучения и хотя бы малой степени узнавания стали проявляться первые элементы доверия к тому, что пишут журналисты “с той стороны” – это положило начало возможности сотрудничества вообще: написанию совместных армяно-азербайджанских статей, проверке информации друг у друга, перепечаткам в СМИ конфликтных стран, совместным журналистским миссиям в другие регионы и так далее. Возможность говорить и быть услышанными открыла новые горизонты в восприятии и понимании конфликта для армян и азербайджанцев. Теперь, когда у журналистов появилась возможность получения “информации из первоисточника”, изменились и рамки восприятия конфликта: исчезли мифы, созданные агитпропагандой, стал заполняться вакуум осведомленности о том, что происходит «там». Доверие стало появляться в том числе и потому, что журналисты говорили не только о том хорошем, что происходит в их странах, но уже могли в своих материалах описывать и то негативное, что их окружает. Благодаря такому развитию событий стало возможным инициирование и создание IWPR общекавказской журналистской сети, в которую вошли более 50 представителей СМИ со всего Кавказа. Призвание сети – строить журналистские связи по всему Кавказу, делиться информацией и налаживать сотрудничество, несмотря на границы и разделения на Кавказе. Участие журналистов разных национальностей в написании статей приносило в эти материалы сбалансированность и плюрализм, что в постконфликтный период и в период «ни войны, ни мира» можно считать большим достижением на пути к устойчивому миру и диалогу, хотя бы виртуальному.

6. Сор из избы?

Но нужен ли такой медиа-диалог по сути враждующим обществам? Правильно ли воспринимают армяне и азербайджанцы проекты по взаимному сотрудничеству даже в таких областях, как профессиональная журналистика? Не берусь судить о реакции в Азербайджане, но армянская аудитория, по большому счету, вполне нейтрально, а зачастую и положительно реагирует на профессиональное журналистское сотрудничество, но обычно при одном “если” такого типа: “пусть себе сотрудничают в проектах и вместе пишут статьи, но... пусть сор из избы не выносят!” В условиях неразрешенного конфликта любой журналист, который пишет о проблемах своей страны не для внутреннего рынка, а для внешнего мира, особенно если его материалы читают в Азербайджане или размещаются на очень популярных сайтах, рискует получить клеймо “предателя”. Какой бы ни была правдивой информация, сор из избы, по мнению очень многих опрошенных людей, выносить нельзя, особенно в одностороннем порядке! Так, на проведенных в карабахских СМИ дискуссиях на тему возможного армяно-азербайджанского журналистского сотрудничества обсуждались вопросы о том, есть ли

понятие “миротворческая журналистика”, или понятие “профессиональная журналистика”, которая подразумевает многостороннее освещение событий, не навязывание мнения автора, публикацию всех точек зрения и т. д. – это и есть основа миротворческой журналистики? Были озвучены самые противоречивые мнения: от «Вы столько сотрудничаете с азербайджанцами, а от этого процент их военной риторики в азербайджанской прессе растет и растет. Зачем нам такое сотрудничество?» до «А как мы можем говорить о том, какие азербайджанцы, если мы с ними не общаемся? Может пресса – просто пропагандистский рупор, а простые журналисты вынуждены так работать? Ведь вон сколько журналистов сидит в азербайджанских тюрьмах!» И главное мнение – “не надо на весь мир говорить о наших проблемах, мы пока находимся в состоянии ни войны, ни мира, и каждая плохая новость будет использована враждующей стороной против нас”. Прекрасно помню случай, когда руководитель одного из карабахских СМИ в результате одной из подобных дискуссий просто открыл окно своего кабинета и показал на очень близкие горы: “Смотри, вон за теми горами находятся азербайджанцы, и война на самом деле не закончилась, хотя сегодня нас не бомбят. Так стоит ли журналистам рассказывать своим «врагам» всю правду?”

7. Журналист или гражданин?

Этот извечный вопрос в подзаголовке встает едва ли не при написании каждой статьи. Писать ли всю правду, если тебя читает и противоположная сторона; правильно ли поймет тебя общество, в котором ты живешь; где проходит допустимая грань между профессиональной честностью и патриотизмом гражданина? Уверена, что эти вопросы грызут душу как нашим, так и азербайджанским журналистам, работающим вместе в разных, но по сути миротворческих журналистских проектах. Но пока внутренний цензор кусает остатки гражданской совести, профессиональная “честь пера” и, кстати, стиль работы самого IWPR заставляют собирать все факты и свидетельства, разговаривать со всеми источниками и подавать читателю всю информацию – со ссылкой на все заинтересованные стороны. Конечно, такой подход не всегда нравится конфликтующим обществам, но у профессионала-журналиста обычно есть ответ на разного рода обвинения. И ответ этот – его материал, его статья! Всегда можно взять статью и сослаться на ее объективность и аргументированность; в подобном случае, если статья действительно написана правдиво, вряд ли кто сможет придаться к ее автору – против правды, как говорится, не поперешь... И главный аргумент поборникам правила не выносить сор из избы: “не надо и неправильно держать мусор дома – если его не выносить самим, то запах и отравы от него заживо снесет все здоровое и неотравленное внутри самого дома...”

Конечно, с течением времени в армянском обществе стало расти понимание и осознание того, что в век Интернета и спутниковой связи невозможно держать взаперти не то что информацию, но и более глобально – истину вообще. И это осознание стало увеличивать число приверженцев “журналистики без границ” в армянской среде – постепенно стало расти количество журналистов, которым действительно стало все равно, читают ли их

статьи “на противоположной стороне” или пишут ли они совместно с азербайджанцем. Правда, до сих пор в нашем кавказском медиапространстве думающих именно так журналистов не очень много, но все же их профессиональное отношение к журналистике привело к еще одной формуле – “профессиональная журналистика есть лучший способ выражения твоей гражданской позиции вообще”.

8. “Казнить нельзя помиловать”

Как всего одна-единственная запятая может прояснить суть этого подзаголовка, так и всего-навсего одно слово иногда может заставить сделать из журналиста патриота или предателя. Армянское общество, по большому счету, не очень знакомо с проектами IWPR вообще. Только узкий круг журналистов вовлекается в такие проекты как «Общекавказская журналистская сеть», в журналистские миссии, в совместные статьи и т. д. Чуть больше людей вовлекаются в проект под названием «Карабахские беседы» – это дискуссии, на которые приглашают экспертов и представителей политических, общественных и журналистских кругов. И, конечно, намного больше людей просто заходят на сайт Института освещения войны и мира, или получают рассылку IWPR, или читают перепечатанные из IWPR материалы в местных СМИ – и в Армении, и в Карабахе есть определенные газеты, которые регулярно перепечатывают статьи как армянских, так и азербайджанских авторов, делая возможным хотя бы мысленный или виртуальный диалог «напрямую».

Но, на мой взгляд, одним из наиболее интересных проектов IWPR стали «Карабахские беседы» – семинары и дискуссии, которые проводятся в Ереване, Степанакерте и Баку, на которые приглашают экспертов со своим взглядом на региональные процессы и своим анализом карабахской проблемы, где обсуждают перспективы развития политических процессов вокруг карабахского конфликта, их влияние на региональную безопасность и общественное восприятие внутри конфликтующих стран. Очень показательными обычно бывают выступления типа: «А какой интерес у британской НПО проводить такие дискуссии у нас? Они все разведчики и шпионы!» Но самым важным на подобных дискуссиях все-таки является то, что представители самых разных слоев общества знакомятся с определенными взглядами извне на карабахскую проблему, сами высказываются по поводу того, что они думают и как воспринимают сегодняшний день карабахского конфликта, и, кстати, узнают о том, что подобные проекты проводятся параллельно во всех конфликтующих регионах. Такая «целостность» проекта прибавляет осознание того, что как бы мы ни были далеко, мы все-таки близко...

И, возвращаясь к подзаголовку, стоит все-таки сказать и о рисках, связанных с проектами IWPR в регионе. Не берусь судить, как именно обстоит дело с Арменией и Азербайджаном, но в Карабахе есть определенное неприятие и непонимание проектов IWPR. По сути сам Карабах, несмотря на то, что многие годы подряд является непосредственной стороной и непосредственным местом конфликта, сегодня оказался как бы в стороне от того,

что происходит вокруг него. На тех людей, которые живут сегодня в Карабахе, редко какая международная организация не “чихает” по причине непризнанности Карабаха, а те редкие международные НПО, которые желают работать в Карабахе, получают неожиданный отпор – карабахцы начинают видеть скрытый смысл и подтекст в том, что “именно эта организация хочет работать в НКР, а значит, им что-то нужно!”. Возникает некоторая тупиковая ситуация: вместо того, чтоб радоваться еще одной возможности что-то сказать мировому сообществу, мы сами зачастую загоняем себя в угол и скрываемся под панцирем обиды на мир за непонимание и злости на то, что с нами не считаются... В таком контексте отношения к подобным проектам IWPR становится немного рискованно в них работать, потому что всегда есть те, кто может навесить на армянского журналиста ярлык “предателя национальных интересов” и “сотрудника британских спецслужб”, что часто и происходило в течение всего сотрудничества в рамках IWPR. При этом мы, конечно, понимали, что подобные риски существуют и для всех сторон проекта. Так, азербайджанцев могли упрекать за “сотрудничество с сепаратистами”, сами сотрудники IWPR тоже оказались как бы меж двух огней: в Азербайджане их обвиняли в том, что они вообще “вошли” в Карабах, а армяне их обвиняли в “притянутой за уши объективности, нейтральности и фальшивой паритетности”. Но, как говорится, кто не рискует... Конечно, подобные риски на определенных этапах снижаются – когда политические лидеры сторон с высоких трибун говорят о необходимости диалога, когда в регионе проводятся какие-либо громкие миротворческие акции, напоминающие о том, что, несмотря на разницу в графе «национальность», все мы – люди... Но, к сожалению, в периоды внутривосточных перипетий в конфликтных странах вновь увеличиваются ультранационалистические и милитаристские заявления, и риски миротворческих проектов вновь становятся очень актуальными.

При этом все те, кто в тот или иной период входил в проекты по журналистскому сотрудничеству, все равно на каком-то этапе задумывались о рисках подобных проектов, но на весы всегда ставился вопрос: важнее давать информацию миру и быть открытым и доступным для него, или лучше зарыть голову в песок и довольствоваться своим маленьким мирком?

Начиная в 1988 году Движение за воссоединение Карабаха и Армении, армяне были готовы говорить с миром и доводить до него свою правду. Сегодня очень многие армяне считают вопрос уже решенным – «мы выиграли в навязанной нам войне и де-факто построили отдельное от Азербайджана государство, о чем нам еще разговаривать с теми, кто до сих пор не то что не желает разговаривать с нами, но и продолжает нам угрожать?» В свою очередь власти Азербайджана не желают говорить с представителями Карабаха, считая, что сам по себе диалог уже означает признание. И возникает определенная тупиковая для медиаторов ситуация: в конфликтном регионе противоборствующие стороны не желают разговаривать и слышать друг друга – даже если в процесс вмешиваются медиаторы! Противостоящие стороны варятся в котле своих пропаганд, не желают видеть развитие и прогресс на противоположной стороне, и, что еще хуже – замыкаются и

заикливаются на своих рупорах, не желая слушать доводы других. В подобной ситуации роль медиаторов сводится не только к посредничеству в диалоге и сотрудничестве, но и зачастую – в объяснении сторонам своей миссии и необходимости этой миссии как таковой. Многие ли в конфликтующих регионах понимают смысл проектов по взаимному сотрудничеству? Нет, не многие. Многие ли осознают, что конфликт можно разрешить, только разговаривая друг с другом? Нет, не многие. Многие ли думают о том, что когда-нибудь они все равно будут жить в мире, где не будет разделительных линий и оборонительных районов? Ответ тот же – не многие. Как же приблизить наши общества к пониманию того, что «на той стороне» живут такие же люди, как и на этой? Как достичь того, чтобы журналистика перестала быть солдатом той или иной армии и выполняла бы роль объективного информатора? И как дойти до того, чтобы в наших обществах люди однозначно ставили свою запятую после слова «нельзя» в подзаголовке?

9. Лучше не «наоборот»!

Начнем с анекдота. Двое долгие годы прекрасно дружат в Москве. Наступает 1988 год, начинается карабахский конфликт. И один друг спрашивает другого: «Слушай, мы столько лет дружим с тобой, а я даже не спрашивал тебя – ты армянин или азербайджанец?»

- Армянин, – отвечает друг. А ты?

- А я – наоборот...

Это анекдотичное противопоставление на самом деле глубоко вошло в психологию наших народов. Я даже помню случай, когда в очередной раз сказала «нет» на очередное предложение одного моего коллеги насчет темы совместной статьи, и он спросил – «Почему? Потому что тему предлагает азербайджанец?», я задумалась – мы действительно ждем от коллег «с той стороны» подвоха или нечестности, иногда даже сотрудничая с ними в одном проекте. Конечно, такое отношение имеет свои субъективные и объективные причины, но иногда приходит понимание: когда ты воспринимаешь другого как врага, он тоже тебя начинает воспринимать именно так. И наоборот...

Проекты по журналистскому сотрудничеству действительно открывают много закрытых форточек – в страны, в людей, в возможности и в будущее. Несмотря на все трудности работы вместе, на непонимание, несогласие, определенные риски, все-таки приобретается, на мой взгляд, неоценимый опыт – как для ума, так и для сердца.

Можно ли сказать, что журналистское сотрудничество, например, в рамках IWPR, приближает армянские и азербайджанские общества друг к другу и к миру вообще, способствует примирению и пониманию друг друга? Трудно сказать – такие амбициозные цели вряд ли имеют даже самые профессиональные медиаторы, особенно в краткосрочной

перспективе. Но что эти проекты добавляют знания друг о друге и сокращают расстояния между нами – это однозначно. Конечно, процесс пока движется вперед, и по ходу процесса все мы учимся. Мы – армяне и азербайджанцы – учимся видеть риски друг друга и учимся понимать ту или иную мотивацию «с другой стороны». Наши медиаторы учатся тоже – видеть страхи и риски сторон, понимать способы дальнейшей работы. А работать стоит обязательно, потому что, несмотря ни на что, такая иногда неблагодарная на взгляд современников работа все равно открывает окна и добавляет воздуха! На одном из тренингов IWPR нас учили никогда не заканчивать статью неопределенными словами «как будет дальше – покажет время»... Но я думаю, что время действительно покажет, насколько нужны были эти первые ростки взаимного сотрудничества. Да, пусть пока они не поменяли воинственную риторику и милитаристский фон в наших обществах, но ведь если смотреть на день сегодняшний с точки зрения исторической, то мы пока что прошли лет 15 постконфликтной жизни, а это все-таки не очень большой промежуток времени для исторических изменений.

Что же делать, чтоб амбициозные цели достигли таких же амбициозных результатов? Расширять круг людей, количество статей, число журналистских миссий в страны друг друга, одним словом, «открывать закрытые краны», впуская, как воздух, потоки информации. Причем медиаторам стоит искать и заражать идеей медиации всех вокруг – и чем больше будет медиаторов и подобных проектов во всех точках конфликта, чем острее будет конкуренция и между медиаторами, тем скорее произойдут реальные изменения фона в конфликтующих обществах. И потом – годы идут, меняются сами общества, вместе с ними должны эволюционировать и сами медиаторы, иногда придавая гибкость своим старым позициям и своим стереотипам. Может уже сейчас наступило время предложить медиаторам пойти на расширение своей деятельности и, например, открыть на местах совместные с местными журналистами СМИ, обучая их и одновременно принимая их опыт в конфликте? Не думаю, что сегодня возможно создание армяно-азербайджанского совместного беспристрастного СМИ, но полагаю, что создание совместного с медиатором СМИ (например, IWPR-Карабах, IWPR-Армения, IWPR-Азербайджан) способно стать базисом для второго этапа – создания регионального СМИ, которое уже на первом этапе привыкло работать объективно и честно. Что бы мы сегодня ни говорили о трудностях восприятия проектов по сотрудничеству в наших конфликтующих странах, все-таки с благодарностью ко всем медиаторам и ко всем активным участникам подобных проектов стоит сказать, что в реальности проделана огромная работа, которая если и не видна сегодня, то завтра обязательно принесет свои плоды. И еще – все же стоит отметить, что в наших странах уже появились люди, которые, вопреки анекдоту, не всегда и не всех воспринимают «наоборот»...

ГЛАВА 16

Институт освещения войны и мира – медиа и миротворчество

Шахин Рзаев

1. Вместо предисловия

На конференциях и форумах во время знакомства участников я часто начинаю представлять себя словами: «В прошлой жизни я был инженером-электромехаником». Я закончил Азербайджанскую государственную нефтяную академию и шесть лет проработал преподавателем на родной Кафедре автоматизации промышленных установок и, конечно же, представить себе не мог, что в один прекрасный день буду заниматься журналистикой и разрешением конфликтов. Как и у многих представителей моего поколения, жизнь резко изменилась после развала Советского Союза и начала Карабахской войны. Зарплата преподавателя в те времена не позволяла удовлетворить даже самые элементарные потребности, и приходилось искать так называемую «халтуру», дополнительный заработок. Одной из таких дополнительных работ для меня стала компьютерная верстка газеты Социал-демократической партии «Истиглал» («Независимость»), редактором которой был Зардушт Ализаде, ныне известный политолог и правозащитник. Именно Зардушт предложил мне попробовать писать статьи для газеты. Я начал писать о проблемах в сфере образования, потом вместе с единомышленниками стал выпускать молодежное приложение «Текамюль» («Эволюция»), постепенно занялся правозащитной деятельностью, стал участвовать в конференциях, в том числе международных, и в результате дослужился (или докатился?) до администратора-руководителя представительства британского Института по освещению войны и мира (IWPR).

Все это я пишу потому, что хочу предупредить читателей – я никогда не считал и не считаю себя ни профессиональным конфликтологом, ни даже журналистом. Поэтому прошу читателей не ждать от меня какой-то академически выстроенной научной работы на тему медиации и разрешения конфликтов. Просто за все это время (1991-2010 гг.) непосредственного участия в различных миротворческих проектах у меня накопился определенный опыт, о котором я бы и хотел рассказать в этой статье.

2. Немного истории

Первая миротворческая инициатива с моим участием состоялась летом 1994 года, чуть больше месяца после прекращения активных боевых действий в Карабахе. Около десяти молодых активистов азербайджанского отделения Хельсинкской гражданской ассамблеи пешком пересекли заминированный участок азербайджано-армянской границы в Казахском районе и встретились со своими армянскими сверстниками на территории Иджеванского района Армении. В те времена такие встречи организовывать было гораздо легче, чем сегодня. Тому несколько причин. Во-первых, после июньского переворота 1993 года у центральных правительств обеих стран, особенно Азербайджана, были гораздо более серьезные задачи, чем давление на НПО. Наоборот, они были даже заинтересованы в использовании любых возможных средств для укрепления легитимации своей власти. Во-вторых, смельчаков, решившихся на такой рискованный шаг, в те годы почти не было.

Наиболее важным по значению для меня оказались поездки азербайджанских журналистов в Армению (1997 г.) и в Нагорный Карабах (1998 г.) в рамках проекта швейцарской организации Cimega. Это были первые визиты азербайджанских журналистов «за линию фронта» после соглашения о прекращении огня. У нас не возникло никаких проблем при общении на профессиональные темы, но чувствовалась некая напряженность при обсуждении собственно конфликта. Порой дело доходило и до демаршей, например, азербайджанская делегация однажды покинула зал заседания в знак протеста против присутствия на столе символов непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. Во избежание таких эксцессов руководителям делегаций, при посредничестве швейцарских фасилитаторов, приходилось перед каждой встречей тщательно прорабатывать даже мелкие детали, вплоть до списка нежелательных спорных слов (агрессор, сепаратист, геноцид, кочевники и т.п.) и порядка произнесения спорных географических терминов (Арцах/Карабах, Басаркечяр/Варденис, Гейчя/Севан, Степанакерт/Ханкенди и т.п.).

Как это ни странно, в 90-х годах у нас было гораздо больше возможностей свободно общаться с простыми людьми на улицах и выбирать себе маршруты для прогулок (разумеется, в сопровождении коллег, но без охраны). То же самое было и в отношении армянских журналистов, приезжавших в Баку. Для примера расскажу историю, как мой друг и коллега Марк Григорян (ныне журналист русской службы Би-Би-Си в Лондоне) приехал в Баку и только в моем сопровождении общался с местными жителями. Зайдя в один сувенирный магазин, Марк спросил у продавщицы: «Вас не удивляет, что я, армянин, приехал в Баку»? В ответ она сказала: «Если Вы приехали с добрыми намерениями, то добро пожаловать». Аналогичный случай произошел и с нами в Ереване. Продавец шаурмы, узнав, что мы из Азербайджана, наотрез отказался брать у нас деньги, так как сам был родом из Баку. Разумеется, я не хочу идеализировать ситуацию, бывали и обратные примеры проявления враждебности, но о них как-то не хочется говорить.

Такие взаимные визиты приветствовались и на самом верхнем уровне. Нас в Ереване принимал Роберт Кочарян (будучи премьер-министром, а потом и президентом), а армянских коллег – Гейдар Алиев. Он, выражая свое отношение к «журналистскому обмену», однажды заявил: «То, что журналисты взялись за такой обмен, служит нашей стратегической цели. Я рассматриваю это не как какую-то встречу журналистов, а как звено в цепи мер, которые мы должны осуществлять для того, чтобы установить мир в Закавказье».¹

Положение дел стало меняться после смерти Гейдара Алиева. Новый президент открыто заявил, что не заинтересован в так называемой «народной дипломатии». Количество визитов резко сократилось, и даже если кто-то ездил, то каждый его шаг контролировался представителями правоохранительных органов принимающей стороны «в целях безопасности».

1 Газета «Бакинский рабочий», 3 июня 1999 г.

Именно в ходе таких визитов я и вовлекся в общекавказскую миротворческую неформальную сеть, которую мы ласково называли «тусовкой». Далее было участие в Кавказском Форуме, в молодежных тренинговых проектах International Alert и, наконец, сотрудничество с IWPR, о котором я и расскажу более подробно.

3. Суть и задачи проектов IWPR в Азербайджане

Институт освещения войны и мира работает в Азербайджане вот уже десять лет, и в течение этого времени нами были реализованы как чисто журналистские проекты, так и проекты с миротворческим уклоном. Мне не очень-то нравится словосочетание «миротворческая журналистика», так как, на мой взгляд, объективный и беспристрастный журналист уже в значительной степени является миротворцем, а если журналист начинает выполнять заказ на пропаганду и передавать факты выборочно, то он перестает быть журналистом и превращается в агитатора, а это уже другая профессия.

IWPR на Кавказе осуществляет проекты, в основном, в трех направлениях: а) тренинги для местных журналистов, б) публикация статей, а также издание различных газет и приложений, в том числе и трансграничных, в) журналистские миссии в соседний регион.

Тренинги

Основная и обобщенная задача наших тренингов – научить местных журналистов, в основном молодых, писать статьи по международным стандартам. За более чем десять лет работы мы провели в одном только Азербайджане свыше ста таких тренингов, в том числе и многосторонних, с участием представителей разных регионов Кавказа, в том числе и представителей «непризнанных регионов». Не всегда местные журналисты принимали установки международных тренеров, пусть даже и маститых журналистов. Например, один молодой журналист азербайджанской газеты «Зеркало», отстаивая свой стиль письма, однажды привел такое сравнение: «Иностранные тренеры мне напоминают человека, который заблудился в пустыне с одним кувшином воды. Они предпочитают выпить всю воду сразу, а дальше будь что будет. Мы же пьем маленькими глотками, чтобы растянуть запас на весь путь». Таким образом, он возражал против международной практики изложения всей сути статьи в первых абзацах, тогда как советская школа предпочитала приберегать «соль» статьи на конец. Однако сами же журналисты потом признавали, что очень многому научились в ходе таких тренингов. «После ваших тренингов я просто привык тщательно проверять и перепроверять все факты, и всегда стараюсь соблюдать баланс, пусть даже в ущерб оперативности», – говорит бывший участник наших тренингов, ныне обладатель премии «Лучший репортер Азербайджана» Идрак Аббасов из газеты «Айна».

В настоящее время IWPR осуществляет проект «Neighbours» («Соседи»), в котором молодые журналисты из Азербайджана и Армении проходят совместные тренинги,

по итогам которых потом пишут параллельные статьи на заданную тему, одинаково интересную для молодежной аудитории двух стран (например, проблемы трудоустройства, образования, развлечений и т.п.) Этот проект предусматривает совместную работу над общими темами молодых (не старше 25 лет) армянских и азербайджанских журналистов. На основе совместной работы готовятся приложения, сборники из 8-10 статей, которые публикуются одновременно в армянской и азербайджанской прессе. Основная идея проекта заключается в попытке преодолеть образ врага в сознании молодых, талантливых журналистов. И легче всего это сделать через общую коллективную работу.

Статьи, печатные приложения

Основным продуктом нашей работы являются статьи, написанные журналистами, прошедшими через наши тренинги. Они публикуются как на сайте нашей организации², так и в специальных приложениях, размещаемых внутри местных популярных газет (например, в «Зеркале», «Обозревателе», «Алма» и др.). Публикации этих приложений преследуют цель – представить трибуну в популярных столичных изданиях молодым журналистам с обеих сторон конфликта, пишущим на актуальные темы с учетом международных стандартов.

В настоящее время мы издаем приложения в рамках молодежного проекта «Neighbours». С момента старта проекта были изданы уже семь приложений, каждое по 4 страницы, в бакинской газете «Алма» («Яблоко»), в газете «Айна» («Зеркало») и в ереванской газете «168 часов». Каждое приложение объединяла одна и та же тема, например, социальные проблемы, проблемы образования, экологии и туризма. В дальнейшем запланировано освещение более «чувствительных» тем, таких как национальные меньшинства, свобода слова и разрешение конфликтов.

Трансграничные проекты

Главной отличительной чертой нашей работы от других аналогичных проектов являются наши трансграничные (cross-border) статьи и расследования. На сегодняшний день IWPR является единственной организацией на Кавказе, проводящей такие совместные расследования для печатных и электронных СМИ. Наши партнеры из «Интерьюс» делают то же самое для электронных СМИ.

Статистика посещений сайта показывает, что такие совместные трансграничные статьи пользуются наибольшей популярностью у читателей. Мы публиковали армяно-азербайджанские, грузино-абхазские, грузино-армянские, грузино-азербайджанские и многосторонние статьи. Наиболее популярными были совместные статьи во время августовской войны 2008 года, когда грузинский и осетинский авторы, несмотря на всю драматичность ситуации, смогли вместе написать объективный репортаж о событиях. В числе

² См. www.iwpr.net

других тем для совместных статей можно назвать проблемы национальных меньшинств, общие экологические проблемы, споры об архитектурных памятниках, энергетические проблемы и т.п.

На одном примере хочу показать механизм создания таких совместных статей. Последним примером совместной работы стала статья о нарушении режима прекращения огня в Нагорном Карабахе. Карабахская журналистка Карине Оганян написала репортаж непосредственно с места событий, бакинский журналист Сабухи Маммедли написал свою часть, собрав комментарии азербайджанских политиков и официальных лиц, я же, как редактор, с согласия моей коллеги в Ереване Седы Мурадян, объединил все в единое целое. Потом я разослал рабочую версию всем журналистам, принимавшим участие в создании этой статьи, а также ереванскому редактору. Они внесли свои замечания и поправки, после чего согласованная версия статьи была отправлена в Лондон главному редактору Кавказской службы IWPR.

Но не всегда совместная работа происходила так гладко, как в этот раз. Бывали случаи, когда один из авторов, иногда даже оба, категорически возражали против какого-то абзаца или фразы и грозились отказаться публиковать свое имя под версией, предложенной редактором. Тогда приходилось проводить чуть ли не дипломатические переговоры по «скайпу» или MSN и искать компромиссные решения, иногда с участием лондонского редактора. В большинстве случаев удавалось прийти к компромиссу, но помню несколько случаев, когда было решено разделить одну общую статью на две отдельные, по одной с каждой стороны, так как авторы не могли прийти к единой позиции. В таких случаях обычно публиковалась и третья, нейтральная статья, написанная лондонским редактором или, в азербайджано-армянском случае, тбилиским редактором.

Журналистские миссии

Следующим направлением нашей работы являются так называемые «миссии». В случае каких-то значительных событий наша организация дает возможность партнерским СМИ из соседних стран и регионов направить своих журналистов в центр событий и готовить репортаж непосредственно с места события. К значительным событиям относятся выборы, стихийные бедствия, военные инциденты. Миссии иногда бывают и без привязки к какому-то событию, а просто тематические, например, «религиозный экстремизм в Азербайджане» или «национальные меньшинства в Грузии». Как правило, в миссиях принимают участие более опытные журналисты, которые не нуждаются в тренингах по стандартам журналистики, но для них проводятся тренинги по конфликтологии и по теме данной миссии.

4. Методы отбора участников проектов

У нас нет специально разработанной единой методики для отбора участников тренингов и миссий. При отборе мы полагаемся лишь на свой опыт и на рекомендации друзей и

знакомых, представителей партнерских НПО, имеющих опыт работы в такого рода проектах. При отборе участников журналистских миссий мы также обращаем внимание на предыдущие статьи кандидата на поездку.

Если отбор проводится по «open call», то в большинстве случаев количество желающих превышает количество вакантных мест – в таких случаях мы проводим собеседование с кандидатами, попавшими в shortlist. В собеседовании кроме меня обычно участвуют администратор офиса и один из наших более опытных контрибьюторов.

В качестве примера можно более подробно рассказать о процессе отбора участников молодежного проекта «Neighbours». Объявление о наборе рассылалось по электронной почте в адрес всех СМИ и партнерских НПО, кроме того, оно публиковалось в социальной сети Facebook, где представлены очень многие молодые журналисты и блогеры.

Для участия приглашались молодые журналисты не старше 25 лет. Мы специально решили, что основными исполнителями этого проекта должны стать именно молодые журналисты. Основная причина заключалась в том, что большая часть молодежи, в отличие от людей среднего и старшего возраста, еще не окончательно попала под влияние устойчивых стереотипов, и у нее есть желание самой разобраться в том, что ей говорят и навязывают.

Разумеется, требовалось знание одного-двух иностранных языков, в частности русского или английского. Очень строгой была проверка на толерантность, ведь большинство из молодых ребят впервые покидали пределы Азербайджана и сразу же оказывались в группе с представителями противоположной стороны конфликта. Проверка на толерантность проходит следующим образом: мы просим участников рассказать, как они видят решение Карабахской проблемы и роль журналистов в освещении конфликта, потом задаем вопрос – смогли бы они работать в одной группе с армянскими сверстниками, и как будут вести себя в случае неожиданной конфликтной ситуации. Если ответы кандидатов удовлетворяют проверяющих, то специально для прошедших отбор мы устраиваем однодневный тренинг по конфликтологии с приглашением опытного эксперта из партнерских НПО (Институт мира и демократии, Хельсинкская гражданская ассамблея, Правозащитный центр Азербайджана и др.). Во время тренинга эксперт также оценивает возможности кандидатов, и по совокупности всех оценок директор представительства (то есть я) принимает окончательное решение о составе группы.

В первом тренинге приняли участие пять журналистов, в дальнейших тренингах основной костяк сохранялся, но бывали также и ротации. С удовольствием отмечу, что никаких «внештатных» ситуаций между азербайджанскими и армянскими молодыми журналистами не возникало. Если и бывали споры, то они носили чисто творческий характер. И это несмотря на то, что на первом же тренинге ребята отделились от кураторов (которыми являемся я и моя коллега Седа Мурадян) и почти до утра беседовали на самые разные,

в том числе и «взрывоопасные» темы. К счастью, откровенный разговор не только не усложнил дальнейшее сотрудничество, но даже способствовал ему. Думаю, что этому способствовал и правильный отбор участников, и предварительная подготовка группы тренерами и фасилитаторами. Особых секретов и какого-то эксклюзивного ноу-хау у нас нет, просто мы беседовали с группой и рассказывали о своем прежнем опыте, приводили примеры, давали советы.

В числе факторов, способствующих работе проекта, можно назвать: взаимное доверие между кураторами групп (это доверие было достигнуто в результате многолетнего совместного сотрудничества) и непосредственно между участниками, поддержку со стороны доноров, профессионализм тренеров и фасилитаторов. Но, несомненно, самым главным фактором, способствующим успеху проекта, я бы назвал стремление самих участников к получению новых знаний и навыков, и их открытость для работы в интернациональной среде.

5. Проблемы, риски и опасения

Главной проблемой на пути наших проектов являются все еще неразрешенные конфликты. Мы не можем свободно перемещаться по всему региону. Мы также не имеем возможности связываться с армянскими коллегами по телефону; основным средством общения является Интернет. Отсутствие телефонной связи между нашими странами порой задерживает проверку тех или иных фактов при подготовке совместных материалов.

Мешает также языковой барьер. Журналисты среднего и старшего поколения свободно владеют русским языком, но молодежь порой ощущает определенные трудности при общении. Например, в нашей группе две девушки говорят намного лучше на английском языке, чем на русском. Но это не главная проблема – участники порой начинают общение на одном языке, потом незаметно переходят на другой, а при необходимости просят перевести то или иное слово прямо с родного языка.

Проект и выпущенные приложения воспринимались в азербайджанском обществе неоднозначно. Во-первых, в Азербайджане любая попытка наладить контакт с армянскими коллегами воспринимается в штыки со стороны правительства и ура-патриотов. Нам, старшему поколению журналистов-миротворцев, не привыкать к такого рода давлению, но на этот раз с нами были совсем юные ребята, рискнуть их репутацией мы не имели права. Поэтому мы неоднократно проводили беседы с их семьями, с редакторами газет, в которых они работают, старались уменьшить негативную реакцию, которая теоретически могла возникнуть по отношению к этим ребятам. Мы также информировали о своем проекте местные власти, чтобы потом нас не обвиняли в скрытом сотрудничестве с «врагом». Перед каждым мероприятием мы отправляли пресс-релизы в министерство иностранных дел и в общественно-политический отдел президентского аппарата. Время от времени мы договаривались о приеме и лично информировали заинтересованных чиновников о наших

проектах. Разумеется, мы также подстраховались и через британское посольство, которое курирует большинство наших проектов, но, к счастью, их помощь и покровительство так и не понадобились.

Негативные статьи и обвинения в наш адрес, конечно же, прозвучали, но не со стороны властей, как мы того опасались, а со стороны националистов – через оппозиционную газету «Йени Мусават». Там было написано что-то вроде того, что ради денег некоторые предают интересы родины и публикуют совместные с армянами статьи. Отвечать на эту глупость мы даже не посчитали нужным, следуя персидской поговорке «молчание – лучший ответ глушцу».

Угрозы и оскорбления раздавались и в ответ на некоторые статьи, опубликованные в местной прессе. Например, в 2005 году я опубликовал в газете «Реальный Азербайджан» статью «Девальвация героев», где подверг критике идеализацию азербайджанского офицера, который убил своего армянского коллегу во время учебы в Будапеште. После этого в эфире тогдашнего главного рупора сторонников войны – частной телекомпании ANS – показывали, как я жму руку президенту Армении, и на фоне этих кадров обвиняли меня и других участников НПО в отсутствии патриотизма. На это я ответил другой статьёй, где еще раз повторил свою позицию. В мою защиту тогда выступили и другие известные и авторитетные журналисты. Когда же наш офицер был осужден, некоторые из вчерашних критиков признались, что компания по героизации этого криминального поступка была ошибкой.

6. Результаты, ожидания и перспективы

Несмотря на все объективные и субъективные трудности, мы считаем наш молодежный проект успешным. Достигнутые участниками проекта результаты, честно говоря, даже превзошли наши ожидания. Эти результаты можно разделить на количественные и качественные. Количественные результаты – это шесть приложений, по четыре страницы каждое, изданных в течение 16 месяцев. Всего в этих приложениях было опубликовано 54 статьи, в том числе 29 азербайджанских и 25 армянских. В Армении эти цифры несколько другие, там опубликовано больше армянских статей – дело в том, что иногда объем приложения не позволяет публиковать все написанные статьи. Эти статьи прочитали как читатели газеты «Алма», выходящей тиражом в 5 тысяч экземпляров, так и многочисленные посетители ее Интернет-страницы.

Но гораздо более важными для нас являются качественные результаты. Наши журналисты научились не только писать на основе международных стандартов журналистики, но и установили доверительные отношения со своими коллегами из Армении. Эти отношения крайне важны при работе над совместными статьями, которые, кстати, уже появились и были опубликованы на сайте IWPR. Мы надеемся, что как бы не сложилась в дальнейшем

судьба наших участников, они не растеряют полученные в ходе нашего проекта навыки и контакты, а, следовательно, это будет наш посильный вклад в дело миротворчества в регионе.

В дальнейшем мы планируем распространить нашу работу и на сферу так называемой «новой» или «социальной» журналистики. Под этим понятием имеются в виду информационные и аналитические блоги в различных социальных сетях. В условиях ограничения свободы слова в электронных и печатных СМИ с каждым годом все большее значение приобретает Интернет. Молодое поколение все больше отдает предпочтение Интернету. Общение между пользователями Интернета из разных противоборствующих стран и регионов до сих пор в достаточной степени не изучено. До сих пор не было миротворческих проектов, нацеленных на блогосферу, а ведь именно эта отрасль является наиболее молодой и быстроразвивающейся. Главная проблема у них – недостаток профессионализма, поэтому нам кажется целесообразным проведение серии тренингов для избранных блогеров и создание миротворческой сети в сфере «new media». Это было бы логическим продолжением нашей работы и своеобразной передачей эстафеты более молодому поколению.

VII

Гендер и медиация

ГЛАВА 17

Лига женщин Кавказа как опыт миротворчества

Нателла Акаба

1. Как все начиналось

Когда в конце 90-х годов, в ходе одной из встреч на тему «Построение доверия между грузинским и абхазским обществами», проходивших в рамках проекта британской неправительственной организации «International Alert» (Алерт), возникла идея создать Кавказский Форум – свободное объединение лидеров гражданского общества кавказских регионов, начался весьма интенсивный и многообещающий диалог. Встречались журналисты, молодежь, экс-комбатанты, женщины. Оказалось, что в таком формате можно обсуждать любые вопросы и при этом прекрасно понимать друг друга, хотя, конечно, в ходе этих дискуссий возникали и болезненные моменты.

В рамках этого же проекта работало так называемое «женское направление», которым с грузинской стороны руководила Марина Пагава, а с абхазской – Нателла Акаба. Естественно, у обеих появилось желание усилить свое направление и придать ему самостоятельный характер. Участвуя в бесконечных дискуссиях на различных женских встречах на тему «Существует ли особый, специфический женский подход, и есть ли у женщин свой ответ на все новые вызовы?», абхазский и грузинский координаторы посчитали важным разобраться в этом вопросе.

Хотя женщины в период вооруженных конфликтов оказываются в крайне сложном положении и часто вынуждены в одиночку нести бремя заботы о семье, после окончания вооруженных действий и с началом периода восстановления у них иногда появляется уникальный шанс добиться улучшения своего положения и строить новое общество на основах гендерного равенства. Во многих странах послевоенный этап характеризуется радикальными изменениями государственного управления, а если реформы направлены на демократизацию системы, то ясно, что на место политики дискриминации женщин должна прийти политика гендерного равноправия. Не воспользоваться этим было бы непростительно.

Многие женщины на Кавказе испытывали в конце 1990-х – начале 2000-х годов некий оптимистический подъем, когда вооруженные конфликты, бушевавшие в ряде регионов Кавказа, были заморожены и, как тогда казалось, появилась возможность строить более справедливый и человечный мир. Вряд ли будет преувеличением сказать, что женщины более чувствительны к неравенству и несправедливости, возможно, именно женщины смогли бы сконструировать более долгосрочные и справедливые соглашения о мире. Вот почему несправедливо рассматривать женщин исключительно в качестве жертв конфликта – скорее они в большей степени являются ресурсом мира.

Итак, при поддержке International Alert начался диалог между абхазскими и грузинскими женщинами, и первая их встреча прошла в Сочи. После встречи, обсуждая свои впечатления, М. Пагава и я пришли к мысли, что стоит расширить круг участниц и пригласить женщин из других регионов Кавказа. Вполне естественно, что такому ходу

наших мыслей способствовал учрежденный к тому времени Кавказский Форум. Кроме того, лично я находилась под впечатлением лекции, прочитанной известным норвежским социологом И. Гальтунгом в ходе его поездки по странам Южного Кавказа. В этой лекции он интересно говорил о роли женщин в демилитаризации своих стран и миростроительстве в регионе Южного Кавказа, и развивал мысль о южнокавказском женском парламенте, который объединил бы женщин-лидеров Азербайджана, Армении и Грузии. На мой взгляд, речь должна была бы идти о шести субъектах Южного Кавказа, а не о трех, но сама идея показалась перспективной, особенно если распространить ее на весь Кавказ.

Кавказский Форум (КФ), как и Алерт, довольно благосклонно отнеслись к нашим предложениям об организации встречи женщин-лидеров гражданского общества из разных регионов Кавказа. Нам с М. Пагава было поручено организовать такой форум в Сочи, как наиболее удобном для всех участников месте. В процессе подготовки возник естественный вопрос: кого приглашать? Мы с Мариной и коллегами по КФ стали подыскивать женщин-активисток кавказских НПО, с которыми мы когда-либо пересекались на конференциях, тренингах или просто были знакомы. Некоторые из этих женщин охотно согласились участвовать, другие сослались на занятость и предложили делегировать своих коллег.

2. Создание Лиги женщин Кавказа

10 сентября 2001 г. мы все (19 женщин из разных уголков Кавказа, а также из Москвы, и прибывшая из Лондона координатор Алерт) собрались в конференц-зале одного из Адлерских пансионатов, чтобы обсудить вопрос: нужна ли общекавказская женская организация, и если нужна, то каким будет ее лицо, и какой мессидж она хочет адресовать Кавказу и всему мировому сообществу? Была очень теплая атмосфера, все были воодушевлены и прекрасно понимали друг друга. Во второй день очень плодотворной дискуссии мы разошлись на небольшой перерыв, и вдруг в своем номере, на экране телевизора я, как и другие участницы, увидела кадры того самого Нью-Йоркского теракта. Это было 11 сентября. Мы все вернулись в конференц-зал, шокированные увиденным. А потом стали еще более страстно генерировать идеи, полагая, что происходящее в США лишь подтверждает, что нам необходимо действовать. Мы пытались спрогнозировать – что эти события могут принести Кавказу. 13 сентября участницами была единогласно принята Декларация Лиги женщин Кавказа (ЛЖК), возвестившая о рождении новой сетевой организации. Поскольку в некоторых республиках Северного Кавказа и областях юга России у нас все еще не было никаких контактов с женскими организациями, то было решено попытаться установить такие контакты (речь шла о Краснодарском и Ставропольском краях, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). Все остальные регионы Кавказа были представлены на Сочинской встрече.

Итак, 14 сентября, сфотографировавшись на память, мы разъехались по домам, полные идей и планов. Среди этих идей были самые разнообразные и смелые: создать Женский

парламент Кавказа; учредить общекавказский женский журнал (или даже телеканал); обратиться ко всем лидерам Кавказа с призывом установить общекавказский день без войны, когда в зонах боевых действий не должен прозвучать ни один выстрел. По предложению одной из участниц, которая у себя на родине в тот период подвергалась преследованиям за свою правозащитную деятельность, было решено, что в критических ситуациях Лига будет публично выступать в защиту своих активисток.

3. Слабые стороны и победы Лиги

Теперь уже можно рассматривать некоторые из этих планов с известной долей скепсиса – ведь это было такое непростое время для Кавказа (хотя, когда на Кавказе было просто?!). Продолжающиеся военные действия в Чечне, рост милитаризма и агрессии по всему Кавказу, постоянная нестабильность в приграничном Гальском районе Абхазии и в зоне Нагорно-Карабахского конфликта, ситуация в Панкисском ущелье в Грузии, осетино-ингушский конфликт и т.д. еще более осложняли и без того не простую обстановку в регионе. Ставшие вдруг непрозрачными границы между отдельными странами Кавказа и режим блокады, действовавший в ряде регионов, плохие коммуникации (Интернет тогда был еще не столь доступен, как сейчас) – все это чрезвычайно усложняло, а то и делало невозможными контакты между гражданами отдельных стран Кавказа и взаимные поездки. Слабость и разрозненность гражданского общества, с одной стороны, и чрезмерная активность силовиков разного рода, с другой, создавали не слишком благоприятный фон для реализации амбициозных планов новорожденной Лиги. Но нам тогда казалось, что женщины сумеют подняться выше официальной политики и национальных предрассудков, выше разделительных линий и вражды, и сформулируют свои, специфические женские интересы и цели, и что это будет способствовать умиротворению Кавказа и торжеству справедливости. Наверно можно сказать, что одной из слабых сторон энтузиастов Лиги был излишний романтизм и максимализм. Но, с другой стороны, было и искреннее желание изменить к лучшему жизнь кавказцев.

На второй встрече (Сочи, 4-9 Марта 2002 г.) было уделено уже больше внимания организационному развитию ЛЖК. Была утверждена структура организации: Координационный совет из 11 представителей различных регионов Кавказа, Исполнительный секретарь (планировалось избрать позже) и участницы – те, кто принял участие хотя бы в одном мероприятии ЛЖК. Последний пункт подчеркивал тот факт, что Лига является открытой для сотрудничества организацией. Важно отметить, что на этой встрече было принято два обращения. Одно участницы адресовали Генеральному секретарю ООН (тогда Кофи Аннан). Оно содержало призыв оказать ЛЖК поддержку в ее миротворческих инициативах, а также способствовать продвижению интересов женщин на Кавказе. Второе обращение было направлено в адрес президентов России, стран Южного Кавказа, лидеров северокавказских республик и регионов, а также ведущих глобальных и региональных организаций (ООН, ОБСЕ и др.). Активистки Лиги требовали прекращения военных действий в Чечне, а также предлагали переименовать день 1 июня из Международного

дня защиты детей в Международный день без войны. Предлагалось в этот день объявить перемирие во всех зонах боевых действий, чтобы дать детям всей планеты хотя бы один день мира и спокойствия. С сожалением приходится признать, что ни на одно из своих писем мы не получили никакой реакции. И такое дружное молчание рождало ощущение какой-то беспомощности. Нам как будто подрезали крылья, и вместо того, чтобы вновь и вновь требовать ответа и реакции на наши обращения, мы как-то сникли...

Но были и победы – мы сумели защитить одного из наших координаторов, офис которого подвергся явно организованному сверху нашествию группы так называемых патриотов, которые обвинили нашу коллегу в предательстве национальных интересов только за ее участие в миротворческом проекте. Остальные координаторы Лиги оперативно составили письмо на имя главы государства, с помощью электронной почты собрали подписи и отослали в администрацию президента одной из стран Южного Кавказа. Мы протестовали против преследований нашей подруги и просили защитить ее. Аналогичные письма были направлены женщинам-депутатам парламента той же страны. И все акции, направленные против этой женщины, прекратились.

Но все-таки мы все грешили некоторой переоценкой своих возможностей, чрезмерным оптимизмом относительно перспектив скорого урегулирования конфликтов и возможностей сотрудничества с властями наших стран и с бюрократией из глобальных и региональных институтов. Почему-то вначале нам казалось, что международные организации просто ухватятся за Лигу, как единственную сетевую женскую организацию, объединившую женщин как из признанных и непризнанных государств Южного Кавказа, так и из субъектов Российской Федерации. Уникальность Лиги, думали мы, должна подтолкнуть к активной поддержке наших усилий тех серьезных игроков, которые ответственны за урегулирование конфликтов и продвижение демократии на Кавказе. Но ничего особенного не случилось, и наши дальнейшие контакты с чиновниками Евросоюза, ОБСЕ и ООН не дали абсолютно никаких результатов. Когда нам удавалось добиться у них аудиенции, они вежливо выслушивали наши предложения и инициативы, направленные на миротворчество и построение доверия, обещали их рассмотреть и исчезали. Только Алерт, а затем Фонд Бёлля с интересом воспринимали наши инициативы и поддерживали их.

4. Встреча-семинар «сотрудничество во имя мира»

Тем временем нестабильность на Кавказе продолжалась, радикализация позиций конфликтующих сторон возрастала. И мы стали думать над тем, как заставить политиков услышать голоса женщин из гражданского общества. В случае грузино-абхазского конфликта на тот момент было крайне актуально подтолкнуть политических лидеров к подписанию Соглашения о невозобновлении военных действий, текст которого уже несколько лет находился на столе официальных переговоров, но бесконечные дискуссии и предварительные условия уводили переговорщиков в сторону. Казалось, что если

женщины из гражданского общества с обеих сторон конфликта выйдут к политикам с общей платформой и общими призывами, то официальным лицам трудно будет сослаться на неготовность своих обществ к компромиссам. Ход наших рассуждений был таков: политики не приглашают женщин на официальные переговоры, объясняя это тем, что за столом переговоров могут присутствовать только официальные лица, а коль скоро среди них нет женщин, то «на нет и суда нет». Чтобы найти выход из этого заколдованного круга, представительницы гражданского общества Грузии и Абхазии предложили руководителям официальных делегаций на грузино-абхазских переговорах провести совместную встречу-семинар. Это выглядело так, как будто бы мы, женщины, пригласили их на свое мероприятие. Естественно, все это было бы невозможно без поддержки Алерт. Надо отметить, что спецпредставитель Генсека ООН в зоне грузино-абхазского конфликта Хайди Тальявинни и ее заместитель Роза Отунбаева (примечательно, что обе они – женщины) всячески приветствовали эту идею и даже обещали делегировать на семинар своего представителя, но потом по какой-то причине отказались от этой идеи.

Данная встреча-семинар рассматривалась как мероприятие ЛЖК, хотя и посвященное теме грузино-абхазского урегулирования. Вряд ли было бы реалистично рассматривать на одной встрече все конфликты на Кавказе. Поэтому в качестве первого опыта была запланирована встреча по грузино-абхазскому конфликту, тем более что на тот момент контакты на уровне народной дипломатии были самыми интенсивными именно между грузинами и абхазами. От Лиги была приглашена в качестве наблюдателя Лариса Сотиева из Владикавказа. До последнего момента М. Пагава и я опасались, что абхазские и грузинские официальные лица могут внезапно отказаться от участия по разным причинам – или им запретит вышестоящее руководство, или отвлекут более важные дела. Однако встреча все же состоялась, и проходила она при полной ресурсной, моральной и иной поддержке Алерт в рамках проекта «Меры по построению доверия между грузинским и абхазским обществами». Это произошло 24–25 июля 2003 г. в небольшом городке Фарнхам (Farnham), поблизости от Лондона. Мы с М. Пагава и координаторами Алерт заранее разработали повестку дня. Долго думали над названием встречи, чтобы обойти политически щекотливые моменты, и остановились на следующем: Встреча-семинар Лиги женщин Кавказа «Официальные переговоры и гражданская дипломатия – сотрудничество во имя мира». Чтобы избежать конфликтных ситуаций, мы не стали указывать название должностей официальных лиц и договорились, что все чиновники участвуют в своем персональном качестве. Иначе было бы трудно избежать споров относительно терминологии, которая слишком часто является камнем преткновения. Было решено, что в повестке дня будут две темы: 1) ситуация в Гальском районе Абхазии, который, как известно, является одной из самых чувствительных и проблемных точек в абхазо-грузинских отношениях, 2) необходимость подписания Соглашения о невозобновлении военных действий.

Важно отметить, что на встречу была приглашена руководитель Ассоциации женщин Гальского района Тина Кецбая, которая получила прекрасную возможность изложить свой взгляд на наиболее острые проблемы района и пути их решения. В дискуссии участвовали и другие активисты НПО из Грузии и Абхазии. Руководители обеих официальных делегаций на грузино-абхазских переговорах в тот период – С. Шамба и М. Какабадзе (тогда

посол по особым поручениям Грузии), как и два других абхазских и грузинских чиновника – демонстрировали демократичный стиль поведения и общались с представителями гражданского общества на равных. В качестве наблюдателей на встрече присутствовали британские эксперты, сотрудники британского МИДа и исследователи.

В первый день состоялся обмен мнениями по вопросу о том, что может сделать гражданское общество Абхазии и Грузии, и, в частности, женские НПО, чтобы активизировать мирный процесс. В ходе дискуссии были обсуждены наиболее острые проблемы повседневной жизни возвратившихся в Гальский район грузинских беженцев. Участники встречи сошлись во мнении, что гражданское общество может внести серьезный вклад в решение этих проблем, и наметили вполне конкретные шаги: обеспечение школ района учебниками, проведение тренингов для педагогов, организация досуга детей (открытие детской библиотеки, спортивных секций), ремонт и оснащение городской больницы и т.д. Кроме того было отмечено, что приход в Гальскую районную милицию профессионалов, наряду с улучшением технического оснащения правоохранительных структур, поможет бороться с криминалом как проникающим в район с сопредельных территорий, так и местным. Все эти меры помогли бы в решении повседневных проблем возвратившихся людей и, следовательно, усилили бы человеческую безопасность.

В ходе Фарнхамской встречи еще раз получило подтверждение существующее предположение о том, что женщине свойственно повышенное внимание к тем «мелочам», которые составляют суть повседневной жизни людей. Если бы голос женщин был услышан дипломатами разных уровней, то они бы осознали, что мирный процесс надо начинать именно с восстановления школ, больниц, ремонта водопровода, оснащения полиции (милиции), и со всего того, что связано с качеством жизни людей, с удовлетворением их базовых нужд и с возвращением их к мирной жизни.

Абхазские участницы затронули в ходе дискуссии также проблему международных гарантий невозобновления военных действий. Они настаивали на том, что без таких гарантий невозможно говорить о мерах по укреплению доверия, являющихся необходимым компонентом мирного урегулирования. Это мнение было поддержано и представителями грузинского гражданского общества, которые согласились, что долгосрочный мир возможен только тогда, когда два общества преодолеют взаимное отчуждение и недоверие, чему, несомненно, будет способствовать создание надежных международных механизмов невозобновления войны. В ходе дискуссии грузинские и абхазские участники обратились к Алерт с предложением об организации международной конференции по гарантиям безопасности. Было решено заняться поисками международных экспертов в этой области, которых можно будет пригласить на такую конференцию и начать подготовительную работу.

Не будет преувеличением сказать, что эта встреча вселила в женщин Лиги оптимизм и уверенность в том, что активистки гражданского общества совместно с официальными лицами конфликтующих сторон способны выработать качественно новые подходы и решения, в наибольшей степени отвечающие нуждам и интересам рядовых граждан. Однако,

к сожалению, развить установленные с официальными лицами контакты и осуществить намеченные, вполне конкретные и реалистичные шаги не удалось. Через несколько месяцев после Фарнхамской встречи в Грузии произошла так называемая «Революция роз» и к власти пришли уже совершенно другие люди. И хотя новые грузинские лидеры взяли власть в свои руки под демократическими лозунгами, их отношение к инициативам гражданского общества оказалось более чем прохладным. Да и отношения между Сухумом и Тбилиси неуклонно ухудшались, что никак не способствовало миротворческой активности.

5. Мобильная группа

Другим успешным опытом я считаю проект «Мобильная группа», идея которого родилась в ходе одной из встреч ЛЖК. Офис Фонда Бёлля на Южном Кавказе заинтересовался этим проектом и согласился его профинансировать. Суть проекта заключалась в формировании мобильных групп активисток Лиги для взаимных визитов в регионы Кавказа с целью адвокатирувания интересов женщин, демонстрации поддержки и укрепления авторитета членов ЛЖК. Состав групп и маршруты поездок должны были постоянно меняться по решению Координационного совета Лиги. Первая (и, увы, последняя) мобильная группа посетила Цхинвал в сентябре 2003 г. Состоялись встречи членов группы с министром иностранных дел и спикером парламента Южной Осетии, запись интервью с нашими женщинами на государственном ТВ, поездка в отдаленное горное село и встреча с местными женщинами и, наконец, посещение центра расселения осетинских беженцев из Грузии. Одна из целей всех этих мероприятий заключалась в демонстрации солидарности с женщинами Южной Осетии и лично с координатором Лиги. Встречаясь с должностными лицами, члены мобильной группы старались обратить их внимание на важность женского участия в принятии решений, рассказывали о Фарнхамской встрече. И это явно производило впечатление на чиновников.

Координатор ЛЖК от Южной Осетии Анна Чочиева провела подготовительную работу, и наш визит был четко спланирован. Жили мы в семьях простых цхинвальцев, что позволило лучше понять их проблемы и горький опыт вооруженного конфликта. Особо следует подчеркнуть, что в составе нашей группы была и грузинская женщина. Опыт мобильной группы показался нам очень интересным, и мы стали планировать другую поездку, но Фонд Бёлля, к нашему разочарованию, отказался продолжить финансирование этого проекта, и вообще как-то потерял интерес к Лиге. Его представитель дал нам понять, что не видит никаких конкретных результатов работы мобильной группы, хотя трудно было ожидать каких-то быстрых конкретных результатов. Мы сразу как-то пали духом. Так начался период упадка Лиги.

6. Извлеченные уроки

В чем же причины того, что век ЛЖК оказался столь коротким?

Прежде всего следует признать, что не все члены Координационного совета ЛЖК в равной степени ощущали себя ответственными за судьбу этого начинания. Членство в КС не оплачивалось, и, возможно, это кому-то казалось несправедливым. Большинство членов КС охотно участвовали в мероприятиях и генерировали идеи, но совершенно не занимались продвижением наших общих идей и проектов. По моему ощущению, подразумевалось, что всем этим должны заниматься М. Пагава и Н. Акаба, как инициаторы создания ЛЖК. Вероятно, мы так и не сумели убедить остальных женщин в том, что мы, образно выражаясь, не являемся держателями «контрольного пакета акций» ЛЖК. Возможно, это происходило и потому, что не были выработаны четкие критерии отбора членов КС ЛЖК. Далеко не для всех наших коллег Лига была приоритетом, поскольку все работали в своих НПО и не горели желанием или не имели времени заниматься рутинной работой – писать проектные предложения, искать доноров. Можно сказать, что ахиллесовой пятой Лиги был подбор региональных координаторов.

Возможно, слабая активность большинства координаторов объясняет и то обстоятельство, что Лига не сумела по-настоящему заинтересовать серьезных доноров и стейкхолдеров. Не исключено, что со стороны эта инициатива воспринималась чиновниками из международных организаций как абхазо-грузинская, а не общекавказская, поскольку самыми активными в продвижении проектов ЛЖК были именно грузинский и абхазский координаторы. К тому же высокая стоимость проектов такого общекавказского формата и сложность их менеджмента и мониторинга вполне могли отпугивать доноров.

Не в пользу общекавказского сотрудничества складывалась и общая политическая ситуация. Как известно, в 2001 г. со стороны Грузии в Абхазию пытались совершить вторжение вооруженные банды северокавказцев под руководством Гелаева. В 2004 г. «молодые демократы», пришедшие к власти в Грузии в результате «Революции роз», совершили неудачную попытку силой вернуть Южную Осетию. Да и в других зонах вооруженных конфликтов ситуация становилась все более напряженной, а позиции сторон все более радикализировались. Северный Кавказ лихорадило, возрастало влияние радикального ислама, что не могло не беспокоить Россию, и, возможно, деятельность западных фондов и институтов казалась российским силовикам вредоносной. На таком фоне народная дипломатия и взаимные визиты представителей конфликтующих сторон были чреватые все большими издержками, а попытки активистов гражданского общества продолжить сотрудничать с властями не увенчались успехом.

Как рождение Лиги во многом было обусловлено созданием Кавказского Форума, так же и прекращение ее существования в какой-то степени было предопределено упадком КФ. Усталость от нестабильности и пессимизм накапливались, а повсеместный рост авторитарных тенденций подрывал силу и влияние гражданского общества во всем регионе. И все-таки в основе ЛЖК лежала позитивная идея консолидации женщин и совместного миростроительства на Кавказе. Хочется верить, что знамя Лиги будет подхвачено другими.

ГЛАВА 18

Лига женщин Кавказа: через призму пяти лет

Марина Пагава

*«Мы не можем творить великие дела –
а только маленькие дела с большой любовью»*

Мать Тереза

1. Предпосылки

Именно вооруженные конфликты начала 90-х годов XX века встряхнули привычные гендерные установки и вынудили кавказских женщин пересмотреть представления о своей роли, различиях и потребностях. Проблемы выживания в сложных постконфликтных условиях, часто в местах вынужденного перемещения, мобилизовали в женщинах адаптационные возможности, изобретательность и прагматизм. Часто успешные личные стратегии выживания женщин становились стимулом для более амбициозных социальных и общественных планов. На Кавказе стали появляться женские неправительственные организации, которые, несмотря на разнообразие видов деятельности, объединяла одна идея – желание участвовать в жизни общества и оказывать на нее влияние.

К концу 90-х годов женская/гендерная тема становится одним из приоритетов международных организаций. Пекинская конференция (1995 г.), «Гаагский призыв за мир» (1999 г.), Резолюция Совета Безопасности ООН 1325 (2000 г.) обратили внимание мировой общественности и государств на специфические потребности женщин и девочек в вооруженных и постконфликтных процессах, и призвали обеспечить «более активное участие женщин на всех уровнях принятия решений в рамках национальных, региональных и международных институтов и механизмов предотвращения, регулирования и разрешения конфликтов» (Резолюция СБ ООН 1325).¹

Мировое сообщество признало как специфические потребности женщин и девочек, так и специфические возможности женщин в постконфликтном миростроительстве и построении мостов доверия между сторонами конфликтов.

Таким образом, международные тенденции совпали с процессами, происходящими на Кавказе, когда политические и социальные катаклизмы вытолкнули женщин из привычных рамок на неформальную общественную арену.

В этот же период предпринимались попытки наладить процесс грузино-абхазского гражданского диалога. При организационной и фасилитационной поддержке International Alert (далее Алерт) летом 1996 г. в Москве состоялась первая грузино-абхазская встреча неправительственных организаций, вслед за которой прошло несколько встреч в кавказском формате, в том числе – женская встреча в Сочи (1998 г.).

В 1999 г. «Ассоциация женщин Абхазии» провела женскую конференцию в Пицунде. Люитгард Хаммерер, работавшая тогда в Алерт, и я были в числе приглашенных гостей. Поездка в Абхазию через шесть лет после войны была для меня новым и впечатляющим опытом, и в Тбилиси я, конечно, рассказывала о ней. И в который раз, обсуждая с Анной Цвинария-

1 Полный текст резолюции: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2000/res1325.htm>.

Абрамишвили² наши возможности в мирном процессе, я обронила – вот было бы хорошо пригласить женщин из Абхазии в Тбилиси. Анна с присущей ей мудрой простотой ответила – давай пригласим. Так появилась идея организации женской кавказской конференции.

Концепция конференции родилась очень быстро. В то время по инициативе Алерт и при участии ряда международных организаций проходила кампания «Женщины строят Мир: от деревенских советов до стола переговоров» («Women Building Peace: From the Village Council to the Negotiating Table»)³. Это была попытка, с одной стороны, наладить обмен информацией между женскими группами из конфликтных регионов на низовом уровне (grassroots), а с другой – поднять потребности и повестки миротворческих инициатив женщин до международного дискурса. Мне выпала честь быть контактным лицом в Грузии для Женской программы Алерт. Ценности кампании – участие женщин на всех уровнях принятия решений и в миростроительстве – совпадали с нашими ценностями, и это позволило спроецировать международный процесс на региональный уровень.

Фонд «Открытое общество – Грузия» поддержал проект конференции «Женщины Южного Кавказа участвуют в построении мира»⁴. Организаторами конференции стали «Фонд солидарности народов Кавказа», «Помоги себе сам»⁵, «Кавказский Дом» и «Кавказский Форум»⁶, офис которого тогда находился в Тбилиси и исполнительным секретарем которого был представитель югоосетинского гражданского общества Алан Парастаев. Выбор участниц конференции определился контактами этих организаций. Наиболее активную роль в этом сыграл Кавказский Форум в качестве сети, имевшей своих координаторов в большинстве регионов Кавказа.

Успех конференции определили не только отличная подготовка, мотивация и выступления участников, но в большей степени – особая атмосфера, дух взаимопонимания и стремления к объединению. «Однажды я уже была в стороне, думала, что меня не касается политика, и война проехала по мне танками. Я не хочу, чтобы это повторилось...» – эти слова одной из участниц отражают мотивацию женщин к объединению. Состав участников усиливал ощущение неординарности происходящего: шесть человек из Сухуми (многие из них – впервые после войны), пять из Цхинвали, женщины из Степанакерта, Еревана, Баку, Грозного, Махачкалы, Новочеркасска и Москвы, два человека из Алерт.

Эти процессы на международном и региональном уровне рассматриваются как благоприятные рамочные условия для создания кавказской женской сетевой организации.

2 Анна Цвинария-Абрамишвили (1933-2008 гг.) Заместитель директора Центра культурных взаимосвязей «Кавказский Дом» (директор – Наира Гелашвили) и руководитель НПО «Фонд солидарности народов Кавказа». Здесь и далее указаны должности, занимаемые людьми на период описываемых событий.

3 Мандат кампании: <http://www.womenaction.org/global/peacebuilding.html>.

4 Подробности конференции: <http://www.owl.ru/win/womplus/2002/events.htm>.

5 НПО перемещенных из Абхазии лиц.

6 Миротворческая сеть, объединяющая ряд НПО Северного и Южного Кавказа и юга России. См. главы 9-11 данного сборника.

Возможно, эмоциональный, но в то же время осознанный (и потому прагматичный) заказ на объединение, прозвучавший на конференции, потонул бы в повседневной рутине. Но через несколько месяцев был запущен проект Алерт «Построение доверия между грузинским и абхазским обществами с участием Кавказского Форума», в котором предусматривалось и женское направление, а именно – создание женской кавказской сети. Женское направление начало свою работу не с чистого листа, были задействованы человеческие ресурсы и идеи конференции.

2. Дорога Лиги

Структурно женское/гендерное направление проекта было следующим: два координатора с грузинской (Марина Пагава⁷) и абхазской (Нателла Акаба⁸) сторон, и фасилитация Алерт на всех этапах проектного процесса. Геворг Тер-Габриелян⁹ координировал все направления проекта, женское фасилитировали Десса Руссанова¹⁰ и Магдалена Фришова¹¹. И сейчас, по прошествии стольких лет, считаю политику, которую выбрала Алерт для взаимодействия с региональными партнерами, наиболее эффективной. Проект задавал рамочные форматы и темы, а содержанием и сутью их наполняли региональные партнеры. Этот подход демонстрировал уважение к жизненному и профессиональному опыту партнеров, к их знанию своих обществ, стимулировал ответственность и творческую отдачу. Заданные проектом рамочные форматы были следующими: построение кавказской женской миротворческой сети; взаимодействие женщин из разных сторон конфликта; работа со своими обществами. В числе ценностных ориентиров можно выделить преодоление негативных стереотипов, узнавание, доверие, партнерство, сотрудничество.

Технически процесс работы Лиги включал несколько компонентов: так называемые большие встречи; рабочие встречи с ограниченным числом участников; наши рабочие поездки с партнерами из Алерт в Сухуми; постоянные сетевые интернет-коммуникации координаторов Лиги между собой и с Алерт.

В сентябре 2001г. прошла первая встреча в рамках женского направления проекта, где было принято решение о создании Лиги женщин Кавказа (ЛЖК). Участницами встречи, с небольшим добавлением, стали участницы тбилисской конференции. Как уже упоминалось, большинство участниц конференции были рекомендованы Кавказским Форумом.

7 Координатор ЛЖК, с 2003 г. – Исполнительный Секретарь ЛЖК. НПО «Помоги себе сам».

8 Координатор ЛЖК. НПО «Ассоциация женщин Абхазии».

9 Руководитель Программы Алерт по Евразии.

10 Сотрудница Программы Алерт по Евразии.

11 Сотрудница Программы Алерт по Евразии.

Сходство Лиги и Кавказского Форума

Все становление Лиги и ее развитие происходили под влиянием опыта Форума. Проект осуществлялся, как видно из названия, с участием Кавказского Форума; у обеих сетей был общий международный партнер – Алерт, и многие координаторы Лиги были либо координаторами Форума, либо членами организаций, входивших в него. В этом влиянии можно усмотреть как свои плюсы, так и минусы. К плюсам можно отнести то, что дорога, по которой пошла Лига, уже была пройдена Форумом, и это давало чувство реальности и перспективы. Структура Лиги формировалась по аналогии со структурой Форума – участницы, координаторы, координационный совет и исполнительный секретарь. С учетом опыта Форума были определены темы для обсуждения, которые необходимы для создания функционирующей сети: дефиниции, права, функции и обязанности всех структурных составляющих сети. Решения Форума по всем этим вопросам (даже решения типа «что именно надо обсудить, чтобы принять решение»), которые координаторы Форума добывали в жарких дебатах, воспринимая каждое принятое общее решение как очередную победу, мягко и безболезненно были восприняты Лигой. С точки зрения экономии времени и наращивания темпов это было полезно. Однако в Лиге не произошло критического переосмысления опыта Форума, и с сегодняшней позиции отношение Лиги к Форуму как к «старшему брату, который знает», кажется немного инфантильным.

Немалую роль в описываемом процессе сыграли личности, бывшие координаторами в обеих сетях. В связи с тем, что Форум был создан несколькими годами раньше, участие в нем дало им возможность для самовыражения. Чувство причастности к уникальному формату и участие в Форуме было для них, на мой взгляд, важнее. Впрочем, сколько-нибудь запомнившейся рефлексии по поводу эффективности участия одних и тех же людей в обеих сетях не было – ни со стороны координаторов, ни со стороны Алерт. Хотя и в Форуме, и в Лиге обсуждалась тема сменяемости координаторов и ее механизмы. Надо подчеркнуть, что Лига переняла опыт Форума исключительно в вопросах структурной организации, а содержательное самоопределение Лиги, поиск своего лица – это не заимствованный, «свой» процесс.

Определение ее особенности

Возвращаюсь к первой встрече. Там была принята Декларация Лиги, в которой, в частности, говорится: «Мы, представительницы женщин из различных уголков Кавказа, собрались для того, чтобы способствовать установлению долгосрочного мира и стабильности на нашей земле... Пришло время, когда женщины не должны больше оставаться молчаливыми жертвами или безучастными свидетелями насилия и разрушения. Мы убеждены, что женщины должны играть более активную роль в определении будущего наших стран и региона в целом».

Это были искренние и благородные цели, но у участниц не было никакого представления о том, что и как они могут делать вместе. Поскольку понятие «мир» было для нас намного

шире, чем просто отсутствие войны, то в сферу интересов Лиги на первой встрече вошли практически все социальные области и группы – образование, здравоохранение, участие в переговорах, гражданское общество, социально незащищенные слои, дети, подростки, молодежь, забытые регионы, экология и т.д.

Хотя мы хорошо понимали, что невозможно объять необъятное, на первой встрече мы не определились с приоритетами. Но уже тогда выявились две тенденции, определившие будущий профиль сети. Первая сводилась к тому, что все предложения можно рассматривать в концепте, «под зонтиком» прав человека, прав женщин. Второй акцент был сделан на то, что участие женщин в предотвращении и урегулировании конфликтов, и в миростроительстве на Кавказе – это безусловный интерес всех кавказских участниц. Скептическое отношение некавказских участниц к последнему было заметно уже на первой встрече, а на последующих мы открыто дискутировали целесообразность участия женщин в урегулировании конфликтов. Думаю, что подобное отношение наших коллег диктовалось тем, что война не была для них непосредственным жизненным опытом, и потому в профессиональной сфере более привычными для них были программы по лидерству, правам, домашнему насилию, меры по выдвижению женщин в местные органы самоуправления.

После первой встречи начался процесс содержательного самоопределения Лиги. Это был процесс в полном понимании этого слова, со своей динамикой и трудностями.

В марте 2002 г. прошла вторая встреча Лиги. Она состояла из двух частей. В течение первых трех дней обсуждались вопросы безопасности на Кавказе с точки зрения женщин, Резолюция 1325 СБ ООН, понятия «полиси» и «эдвакаси». Эту сессию вела руководитель Женской программы Алерт Ансил Адриан-Паул. Нельзя не сказать о той роли, которую сыграла эта программа в деле усиления координаторов женского направления проекта и включения женской грузино-абхазской повестки в международный дискурс женщин из зон конфликтов. Следующие два дня были посвящены вопросам институционализации (стратегии, структуры, членство, коммуникации Лиги, немедленное реагирование на обострение ситуаций) и идеям проектов.

Вторая встреча знаменательна еще и тем, что Женский Фонд ООН (UNIFEM), представительство которого незадолго до этого открылось в Тбилиси, после предварительных консультаций с координаторами и Алерт прислал на встречу около 10 женщин из НПО регионов Южного Кавказа. Цели программы, которую начал Фонд, совпадали с целями женского направления проекта Алерт, разница была в формате – он ограничивался Южным Кавказом. Учитывая общность целей и полагаясь на опыт работы Алерт в конфликтах, Фонд предложил Лиге и Алерт сотрудничество и объединение ресурсов. Абхазский координатор не согласилась на это предложение, аргументируя, насколько я помню, тем, что офис UNIFEM находится в Тбилиси, и это может быть негативно воспринято в Абхазии.

Думаю, я всегда достаточно внимательно относилась к этому аргументу, понимая, что от отношения политического и общественного спектров наших обществ к проекту зависит его успешность и имидж координаторов. Но на той встрече этот аргумент выглядел для меня слабым, поскольку от UNIFEM на встрече были женщины из Абхазии и Южной Осетии, и Фонд уже заявил о своем намерении открыть представительство в Сухуми. Несмотря на это, я согласилась. И вот, оглядываясь на то время, я задаю себе вопросы: «Почему мы тогда приняли решение за всю Лигу и не поставили это предложение на обсуждение координаторов? Почему мы не провели более детальные переговоры с Фондом для уточнения его подходов в отношении непризнанных регионов?». Действительно, через некоторое время Фонд открыл свое представительство в Сухуми и работал с женскими организациями Сухуми и Цхинвали. Почему мы не захотели поговорить с Алерт и выяснить ее отношение? И почему представители Алерт, присутствовавшие на встрече, воздержались от комментариев – было ли это продолжением мягкого фасилитационного подхода? (Впоследствии Алерт пришлось приложить усилия для восстановления отношений с UNIFEM.) Почему я согласилась, хотя для меня предложение выглядело привлекательным?

Этот пример иллюстрирует и мою недостаточную твердость в качестве способа ухода от разногласий, и незрелость на том этапе Лиги как института. На память приходят и другие примеры, свидетельствующие о слабой практике принятия решений и открытого обсуждения болезненных вопросов, примеры авторитаризма и иерархичности при формально признанном равноправии координаторов. Все это так. Но даже при самой критичной ретроспективе строго судить Лигу за институциональную незрелость не представляется оправданным по нескольким причинам. Одна из главных заключается в том, что мы были увлечены самим форматом и теми возможностями, которые он давал в плане содержательного и эмоционального наполнения сети. Можно выделить и другие причины, в частности, процесс институционализации, требовавший больше времени и частых встреч, при том, что весь процесс функционирования Лиги продолжался немногим больше трех лет и финансово был зависим (не считая двух инициатив, о которых говорится ниже) от проекта Алерт, который на протяжении первых двух лет позволил организовать лишь по одной встрече Лиги в год.

Своеобразным препятствием было и то, что Лига развивалась в рамках грузино-абхазского проекта по построению доверия, и почти все это время координаторы женского/гендерного направления этого проекта были одновременно и координаторами Лиги от своих регионов. С одной стороны, это концентрировало ответственность указанных лиц и придавало динамику и интенсивность всему процессу становления сети, в том числе процессу коммуникации вне встреч, что имеет огромное значение для поддержания живой, «дышащей» сети. С другой стороны, это создавало сложности для полноценной реализации идеи равноправия координаторов, и в некоторых случаях большая ответственность перетекала в большие права и обязанности.

Геворг Тер-Габриелян всегда был в курсе нашего процесса благодаря хорошо налаженной коммуникации и частым приездам в регион. Но так получилось, что до московской рабочей встречи Лиги, которая рассматривалась как подготовительная к третьей встрече, он не принимал участия в самих встречах. Третья встреча планировалась крайне насыщенной и потому рабочей встрече все мы придавали большое значение. Эту встречу в Москве фасилитировал Геворг. Запомнилось его удивление, когда он сказал: «Как у вас все мирно и гладко». На самом деле, если сравнить со встречами Форума (на которые меня иногда приглашали), то встречи Лиги проходили, в основном, в спокойной атмосфере. Тогда это воспринималось как преимущество, основанное на хорошем взаимопонимании. Может быть последнее и работало, но только частично. Сегодня видно, что Лиге иногда не хватало критической дискуссии, страстности. Это можно связать с тем, что сами координаторы Лиги по причинам, о которых упоминалось выше, отдавали первенство координаторам женского направления грузино-абхазского проекта. И еще с тем, что последствия вооруженных конфликтов продолжали оказывать свое травмирующее влияние на сознание и жизнь людей в кавказских обществах, включая профессиональную сферу и внутрисемейные отношения. Уставшие женщины старались доказать себе и другим, что могут работать «мирно и гладко» даже в формате «через границы».

Возрождение надежд

2003 г. был годом ренессанса Лиги женщин Кавказа и грузино-абхазского проекта. Лига провела третью встречу в Москве, рабочую встречу в Тбилиси, встречу мобильной группы в Цхинвали и встретила с политиками-переговорщиками.

На третью встречу Лиги приехала заместитель Специального представителя Генерального секретаря ООН в грузино-абхазском конфликте г-жа Роза Отунбаева, которая в своем выступлении об этапах грузино-абхазского официального процесса отметила: «Я оцениваю грузино-абхазский конфликт не как «замороженный», а как «тепленький», так как тонкий слой льда все эти годы подогрывается непрекращающимся гражданским диалогом». Эти слова означали для нас признание усилий гражданского общества и международных партнеров.

На этой встрече Лига конкретизировала свою миссию и стратегические направления. Стало ясно, что такое Лига, что и как она может делать. По образному выражению нашей коллеги, «Лига вышлыла из моря проблем и вытащила за собой те, с которыми могла и хотела работать».

Координаторы пришли к согласованному восприятию Лиги как целостной системы, чьи миссия, цели и стратегические направления ясны и логически связаны. За сухими проектными формулировками стоял почти двухлетний процесс отсечения второстепенного и кристаллизации идей. Вот как они были сформулированы:

- Миссия – усиление женского движения на Кавказе, участие женщин в принятии решений.
- Цели – участие женщин в предотвращении, урегулировании конфликтов и миростроительстве на Кавказе; защита прав женщин и лоббирование участия женщин на всех уровнях принятия решений; развитие и укрепление институтов гражданского общества во всех странах Кавказа; формирование общекавказского гражданского пространства.
- Стратегические направления – трансформация конфликтов; усиление роли женщин; межрегиональное сотрудничество.

Самосознание – непростой процесс для любой организации, а для кавказской сети вообще очень трудный. Хотя все участники сетей являются представителями гражданского общества и разделяют демократические ценности, они, в то же время, являются представителями своих обществ, переживших кровавые конфликты, потери и травмы, обществ, официальная пропаганда которых строится на раздувании «образа врага» и «жертвы». И потому для создания живой кавказской сети требовалось время, чтобы отсечь второстепенное и выкристаллизовать основные идеи, нужны были человеческие и финансовые ресурсы и международные партнеры. Немаловажное значение имеет и взгляд всех игроков «в одну сторону», но, как показал опыт, такой взгляд фокусируется по мере развития процесса и при условии его восприятия как справедливого и равноправного, учитывающего основные потребности всех участников, независимо от географии и политического статуса их стран (север – юг, центр – регион, признанные – непризнанные). Привлечение к процессу смешанных команд фасилитаторов, как это было в Форуме и Лиге, также усиливало дух сотрудничества и равноправия в сетевых проектах.

На каком-то этапе, по мере приобретения сетью опыта, появляется необходимость в выработке внутренних правил и формализации подходов. Эти согласованно принятые акторами сети детальные правила придают ей функциональную устойчивость и помогают поддерживать необходимый баланс между интересами дела и позитивным эмоциональным фоном. Так, после поездки Мобильной группы в Цхинвали (об этом проекте будет сказано ниже) у многих координаторов Лиги появилось желание принять ее в своем регионе. Тогда мы разработали «Методичку по проведению Мобильной группы», в которой подробно расписали все правила.

Опыт и извлеченные уроки

Однако даже при учете всех вышеперечисленных факторов кавказская сеть остается чувствительной и достаточно незащищенной системой. Личности, объединенные общей идеей и при этом имеющие персональные мотивации (личное и организационное усиление, успешность, признание, укрепление безопасности и др.), в случае возникновения проблем со своими властями видели в сети опору и защиту.

На сеть влияют и общественно-политические контексты с их обязательствами. Включаясь в сеть и поднимаясь над национальным уровнем, люди постепенно освобождаются от ограничивающих стереотипов, но корни их по-прежнему остаются в национальных интересах своих сторон. Много в сети зависит от соблюдения ее участниками этических норм, от их приверженности таким понятиям, как честность, партнерство, верность принципам сети.

Международные партнеры – влиятельные игроки сетевого процесса; они нужны для фандрайзинга затратных сетевых проектов, а также в качестве медиаторов, способствующих непредвзятости, стабильности и поступательному развитию чувствительного процесса. При таком множестве влияний и рисков есть средство, позволяющее сделать сеть по возможности устойчивой и живой (при соблюдении прочих условий, о которых упоминалось выше), – это не только не стесняться, но поощрять и развивать идеализм участников сети, и при этом не забывать о прагматизме и важности повседневной рутинной работы.

Опыт Лиги научил также, что сеть не должна приступать к проектам до тех пор, пока не найден согласованный ответ на вопрос: «Что такое сеть, что и как она может делать?».

Единственный проект, который реализовала Лига до того, как этот ответ был найден, оказался неудачным. Речь идет о проекте «Обзорный доклад о положении женщин на Кавказе». Это была попытка проследить динамику изменений в положении женщин за 10 лет (с 1992 г. до 2002 г.) в 10 регионах Кавказа и юга России. Доклады, составленные по единому вопроснику на основе существующих материалов (статистика, отчеты), были подготовлены. Но дальше дело не пошло. Не были выполнены задуманный сравнительный анализ и гендерная экспертиза, не была выпущена публикация. Интерес к проекту пропал. Проблема этого проекта связана с тем, что он был излишне амбициозным для возможностей Лиги на том этапе, не была продумана целевая аудитория и даже внутри сети не было дискуссии по докладам.

Проекты, которые Лига осуществила после того, как дошла до первичного уровня самоопределения, были в русле стратегии и возможностей сети. Поэтому можно говорить об их миротворческом заряде и вкладе в развитие Лиги.

3. Встреча в Фарнхаме

В 2003 г. в Великобритании (местечко Фарнхам) Лига женщин Кавказа, при поддержке Алерт, провела встречу с политиками-переговорщиками – министром по чрезвычайным ситуациям Малхазом Какабадзе и министром иностранных дел Сергеем Шамба. Контекст для организации такой встречи был благоприятный. Успешно работают грузино-абхазские проекты Алерт, “Ресурсов примирения” и Калифорнийского университета. Официоз

сторон не только неплохо информирован о гражданском процессе, но и проявляет заинтересованность и видимую симпатию. Тема все больше интересна грузинским СМИ, они печатают интервью, критические статьи, обращения гражданского общества в периоды обострения ситуации, на ТВ проходят ток-шоу по грузино-абхазской тематике. Благодаря диалогу лидеры гражданского процесса приобретают чувство внутренней правды и значимости.

Встрече в Фарнхаме предшествовала кропотливая подготовка, в основе которой лежал принцип – «не организовывать встречу ради встречи», а предложить конкретную повестку, ориентированную на сотрудничество и объединение ресурсов формального и неформального процессов, направленную на решение проблем, представляющих интерес для обеих сторон. В конце концов взаимоприемлемая тема для встречи была найдена – гарантии безопасности в грузино-абхазском конфликте и вопросы безопасности в Гальском районе. Состав участников встречи определился по принципу «1+1 и 1+2»: каждый министр привез на встречу еще одного политика по своему выбору, координаторы пригласили на встречу еще по два человека из гражданского общества по своему выбору. Таким образом, с абхазской стороны в Фарнхам приехали Сергей Шамба, Беслан Бутба¹², Нателла Акаба, Ирина Адлейба¹³, Тина Кецбая¹⁴, с грузинской – Малхаз Какабадзе, Заал Гогсадзе¹⁵, Марина Пагава, Паата Закареишвили¹⁶, Лела Гаприндашвили¹⁷. Лариса Сотиева¹⁸ была приглашена как эксперт по Гальскому району. Фасилитировал встречу Мартин Ханевелл¹⁹. Первый день прошел «в галстуках», второй – «без галстуков». Получилась изящная встреча, открытая и деловая, с присущей очень хорошо продуманным встречам захватывающей атмосферой. Это был интересный и перспективный формат. Представители гражданского общества Грузии и Абхазии выступили с единой повесткой и, с точки зрения намерений участия и вмешательства, – с единой позиции. По составу участников – политики и представители гражданского общества сторон – встречу в Фарнхаме можно сравнить с Шлайнингским процессом²⁰. Однако концепции были совершенно разные. Шлайнинг предоставлял стейкхолдерам площадку для неформального общения, там нащупывали и узнавали их мнения и готовность. В результате это был закрытый процесс и все участвовали в личном качестве.

Фарнхамская встреча, по замыслу, должна была положить начало сотрудничеству официального и неофициального процессов по конкретным вопросам, представляющим интересы обеих сторон. Так, например, обсуждалась возможность совместной работы в Гальском районе по вопросам образования, медицины, по молодежным программам; речь

12 Член Парламента Абхазии.

13 НПО «Ассоциация женщин Абхазии».

14 НПО Гальского района.

15 Глава департамента МИДа Грузии.

16 НПО «Центр по развитию и сотрудничеству». Лидер грузино-абхазской неформальной дипломатии.

17 Координатор ЛЖК. НПО «Инициатива женщин за равноправие».

18 Координатор ЛЖК. НПО «Кавказский Совет по беженцам».

19 Заместитель директора Алерт.

20 См. главу 3 в данном сборнике

шла также об организации конференции и изучении международного опыта по гарантиям безопасности. Фарнхам задумывался как открытый процесс. Продолжить его именно так, как он задумывался, не удалось. Но эта встреча дала возможность акцентировать внимание женского направления проекта на теме человеческой безопасности.

4. Выявление новых подходов и преодоление препятствий

Вскоре нами по единому вопросу было проведено исследование восприятия аспектов безопасности населением в сторонах конфликта. Это исследование выявило новые тенденции в восприятии безопасности среди беженцев из Абхазии. Так, по словам одной из участниц зугдидской фокус-группы, «моя безопасность зависит от того, насколько безопасно чувствуют себя люди на той стороне».

На грузино-абхазской встрече в Стамбуле в 2005 г. было принято решение изменить рамки грузино-абхазского диалога и вместо вопросов построения доверия заняться вопросами человеческой безопасности. Когда в 2006 г. правительство Грузии заявило о начале работы над Стратегией по интеграции ВПЛ, «Кавказский диалог»²¹ провел большое исследование по отношению ВПЛ из Абхазии к интеграции – с точки зрения человеческой безопасности. Таким образом, встреча Лиги с политиками оказала концептуальное влияние на развитие грузино-абхазского диалога в целом.

Направление Лиги, названное нами «работа с властями», базировалось на четком осознании необходимости поиска форм взаимодействия с ними. В любом случае взаимодействие официального и неофициального мирного процессов помогает не только понять повестки/подходы друг друга, но и лучше разобраться в мотивациях, опасениях и рисках. А в лучшем варианте взаимодействие с властями оставляет гражданскому обществу шанс влияния.

В Фарнхаме Лига смогла продемонстрировать свое отношение к «мужской политике», а именно – нерадикальный, мягкий подход, ориентированный на участие, политическое вмешательство и взаимодействие с государством.

Примечательно, что женщины Лиги не называли себя феминистками, хотя концепция Лиги, основанная на идее усиления женщин, гендерного равенства и повышения их роли в процессе принятия решений, по сути была феминистской. Возможно, это связано с негативным восприятием крайних форм феминизма, принижающих и дискриминирующих мужчин, что несовместимо с природой и мироощущением кавказской женщины. Лига искала свое «женское лицо» через идентификацию специфических потребностей и возможностей

21 Грузинский партнер проекта «Построение доверия между грузинским и абхазским обществами с участием Кавказского Форума».

кавказских женщин. Например, такой возможностью на разделенном пространстве Кавказа была названа мобильность, т.к. женщины не ассоциируются с образом воина, способность влиять на мужчин, детей и молодежь в семье и социуме и др.

Чем лучше в процессе самоопределения Лига понимала, что она собой представляет, тем больше координаторов тянуло к конкретным делам. Это было сформулировано нами так: «работать как Лига, посеять зерна Лиги в своих обществах», вернее, работать в своем обществе, отдавая ему все новое, что дала сеть – мироощущение, человеческие связи, знания, методологии.

Вообще, соотношение региональной сети и национального уровня – это отдельная тема. Сеть способствует личностному и профессиональному росту людей и усиливает возможности их локальных организаций, к ним повышается интерес других доноров, работающих в регионе по схожим проблемам. Но длительное участие в сети может привести эти личности/организации к отрыву от национального сообщества НПО. Речь идет даже не о дефиците информации – как правило, Лига, по возможности, информировала общества о своей работе. Дело, скорее всего, в том, что в работе неправительственных организаций есть области, где без чувства причастности очень трудно сформировать интерес и доверие. К этим областям я отношу гражданскую дипломатию и сетевую работу. Не познавшие «вкуса этого процесса» национальные НПО чувствуют себя отстраненными от него, и интерес, если и присутствует, то замыкается на желании равноправно включиться в сеть. Надо сказать, что мы и тогда осознавали эти риски. Так, в структуре Лиги были так называемые участницы – женщины, хотя бы раз побывавшие на встрече. Время от времени они включались в коммуникационное пространство сети.

К рискам отношу и то, что у координаторов сети, отдающих ей время и силы, ухудшается экспертиза местных проблем, ослабевают связи и появляется чувство вины и долга перед своими локальными организациями.

В Лиге часто и подробно обсуждались возможности взаимодействия региональной сети с национальным уровнем. В нашей лексике появились и все чаще звучали слова «синхронность», «параллельность», «единый», «общий», «специфика региона».

Мы смогли облечь эти слова-пожелания в идею так называемого большого проекта на рабочей встрече «Стратегия Лиги – в дела Лиги» (Тбилиси, июнь 2003 г.), поддержанной Южно-кавказским отделением Фонда им. Генриха Бёлля²². Это был первый случай независимого фандрайзинга Лиги. Идея проекта состояла в следующем: он должен быть реализован на национальном уровне и при этом оставаться проектом Лиги. Для этого проект должен был быть концептуально, структурно и методологически единым,

²² Фонд является частью движения «зеленых». Особое внимание уделяет равноправному участию женщин в политике и общественной жизни.

осуществляться синхронно и при этом учитывать специфику каждого региона. Помимо сказанного, «кавказский акцент» проекту придавали смешанные команды тренеров и мультипликаторов из разных регионов. Вальтер Кауфман²³ открыто заявил о намерении продолжить сотрудничество с Лигой.

Однако идея проекта не была оформлена в заявку по нескольким причинам. Идея проекта требовала коллективной доработки, а организовать это не удалось. Южнокавказское отделение фонда Бёлля могло поддержать только южнокавказские инициативы, но не северокавказские. А делать большой проект Лиги без участия Северного Кавказа нам представлялось неэтичным по отношению как к идее Лиги, так и к коллегам. И последнее – это напряженный график работы Лиги в тот период. В июне, июле и сентябре Лига провела 3 мероприятия: рабочую встречу в Тбилиси, встречу с политиками и Мобильную группу в Цхинвали. Из всех этих препятствий самым серьезным, на мой взгляд, было «Север – Юг». Кроме проблемы финансирования, мы столкнулись с проблемой различного уровня свободы и развития гражданского общества на Северном и Южном Кавказе, а поэтому и различных потребностей и возможностей в плане реализации концептуально единого проекта. На сегодняшний взгляд и это препятствие видится преодолимым. Так, Лига могла подготовить два схожих и адекватных запросам Севера и Юга проекта и предложить один Московскому отделению Фонда им. Г. Бёлля.

Этот пример демонстрирует недостаточную гибкость Лиги для выхода из тупиковой ситуации и отсутствие налаженной практики перераспределения функций. Фактически Лига упустила возможность реализовать большой проект, поскольку готовность Фонда работать с нами была высокой. Из этого примера можно сделать и другой вывод. Нужно четко разграничивать возможности общекавказских и южнокавказских сетей. Идея общекавказской сети очень привлекательна, но в существующих условиях она может эффективно действовать в области культурного обмена, образования, во всех «политически нейтральных» проектах, нацеленных на общение, узнавание, сближение народов Кавказа. Возможно, это и станет настоящей политикой будущих общекавказских сетей. Возможно, с этого и надо начинать. У нас есть пример молодежных программ Евросоюза. На мой взгляд, между странами Евросоюза нет такой разобщенности, как на Кавказе, тем не менее их интеграционные программы нацелены на формирование человеческих связей, через которые и происходит узнавание и сближение. Южнокавказский формат до недавнего времени давал больше возможностей для мониторинга и адвокатирувания. Однако в последние годы заметна тенденция ограничения свободы и давления на гражданское общество и на Южном Кавказе, и это обстоятельство может поставить под угрозу как работу сети, так и безопасность ее участников. В любом случае, тематический поиск сети должен быть предметом усиленной коллективной рефлексии с учетом сложного и изменчивого контекста Кавказа.

23 Руководитель южнокавказского отделения Фонда им. Генриха Бёлля.

Возвращаясь к рабочей встрече в Тбилиси. Пожалуй, это была самая сильная встреча в смысле общественного резонанса. У женщин Лиги взяли интервью многие печатные органы, телевизионные каналы и радиостанции. Мы встретились с председателем Парламента Нино Бурджанадзе, с министром Малхазом Какабадзе, с посольством Великобритании, с международными организациями.

Искания Лиги были связаны с поиском таких форм работы, которые могли бы совместить возможности уникального, отчасти виртуального формата с прагматическим стремлением к конкретным делам. Проект Анны Чочиевой²⁴ «Мобильная группа Лиги женщин Кавказа в Южную Осетию» сбалансировал это стремление. Этот проект – второй случай независимого фандрайзинга Лиги. Поддержанный Фондом Бёлля, проект по существу отвечал всем стратегическим направлениям Лиги. Пять женщин – Айшат Магомедова²⁵, Валентина Череватенко²⁶, Ирина Григорян²⁷, Нателла Акаба и Лела Гаприндашвили – приехали к своей коллеге Анне Чочиевой. Приехали для того, чтобы поделиться опытом и увидеть, послушать, прочувствовать, понять. Встречи на всех уровнях (с женщинами поселка Квайса, где в советское время были рудники, а сейчас жители пытаются выживать в невыносимо трудных условиях; с журналистами и неправительственными организациями; с министрами и членами Парламента), а также проживание в семьях цхинвальцев помогли участницам мобильной группы увидеть жизнь югоосетинского общества изнутри, с его проблемами, болью и надеждой.

Такие проекты как нельзя лучше отвечают назначению кавказской сети, формируют единое гражданское пространство. И добавлю – формируют кавказское самосознание, кавказскую идентичность. В лучшие периоды Лиги я говорила о себе: я – кавказка. Мир, наверное, с этого и начинается.

За то, что это было, спасибо Алерт, всем участницам Лиги, хотя бы раз побывавшим на встрече, спасибо координаторам Лиги женщин Кавказа – Нателле Акаба (Абхазия), Гаине Армагановой²⁸ (Армения), Фатиме Бжассо²⁹ (Адыгея), Леле Гаприндашвили (Грузия), Зейнаб Гашаевой³⁰ (Чечня), Ирине Григорян (Нагорный Карабах), Айшат Магомедовой (Дагестан), Ларисе Сотиевой (Северная Осетия), Залихе Тагировой³¹ (Азербайджан), Валентине Череватенко (Новочеркасск), Анне Чочиевой (Южная Осетия).

24 Координатор ЛЖК. Женское общественное движение «Мадэ арм».

25 Координатор ЛЖК. НПО «Лига защиты матери и ребенка».

26 Координатор ЛЖК. НПО «Женщины Дона».

27 Координатор ЛЖК. НПО «Институт народной дипломатии».

28 Координатор ЛЖК. НПО «Ассоциация женщин с университетским образованием».

29 Координатор ЛЖК. НПО «Союз женщин Республики Адыгея».

30 Координатор ЛЖК. НПО «Эхо войны».

31 Координатор ЛЖК. НПО «Правозащитный центр Азербайджана».

5. Заключение

Как-то Лига провела анализ своих сильных и слабых сторон, возможностей и препятствий/рисков (SWOT). И вот что бросилось в глаза, когда при подготовке этой статьи я просматривала старые записи. Сильных сторон и возможностей было названо в три-четыре раза больше, чем слабых сторон и рисков. Риски, названные тогда, в основном и стали тормозом для кавказских инициатив: региональная нестабильность, резкое изменение политической ситуации, столкновение интересов и т.д.

Но за основу надо брать то, что сильные стороны и возможности остались прежними и даже усилились благодаря нашему опыту, который и вправду был иногда «сыном ошибок трудных». Это весомый аргумент в пользу создания новых кавказских объединений. А с духовной точки зрения вопросов нет. Если Кавказ выбирает свет, то свет, как известно, всегда объединяет.

VIII

Медиация через культурное и научное сотрудничество

ГЛАВА 19

Грузия-Абхазия: историография и конфликт

О моем опыте медиации посредством
передачи исторических знаний

Георгий Анчабадзе

1. Введение

Изучение этнотерриториальных конфликтов показывает, что историческая тема – их важная составляющая часть. В идеологической борьбе стороны часто обращаются к истории, затрагивая вопросы как непосредственно касающиеся причин этнополитических противоречий, так и имеющие к ним весьма отдаленное отношение. От этого, разумеется, в первую очередь страдает историческая правда, так как в информационном противоборстве она становится заложником и жертвой политических целей.

В этом отношении грузино-абхазский конфликт, долгое время находившийся в латентной форме, также не представляет исключения. По мере нагнетания обстановки в Абхазии начались попытки пересмотра устоявшихся взглядов на историю и происхождение абхазов, характер исторических грузино-абхазских связей и др. В этом плане особо надо отметить появление в середине XX века т.н. теории Ингороквы. Ее автор, грузинский литературовед П.И. Ингороква, опубликовал труд, в котором без опоры на научные доказательства объявил абхазов относительно недавними (с XVII века) пришельцами на территорию Абхазии, якобы заселенную до того исключительно грузинским населением. Этим тезисом Ингороква попытался перечеркнуть практически все, что к тому времени считалось установленным в истории Абхазии, включая построения ведущих грузинских историков (И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашиа и др.).

Хотя позиция Ингороквы еще в 1950-х гг. была основательно раскритикована грузинскими и абхазскими учеными (Н.А. Бердзенишвили, К.В. Ломтатидзе, З.В. Анчабадзе, Х.С. Бгажба и др.) и никто из грузинских историков не выступил в ее защиту¹, среди части грузинской интеллигенции, особенно не специализирующейся в сфере истории и языкознания, она приобрела определенную популярность. Пожалуй, именно после публикации книги Ингороквы история стала предметом нагнетания страстей в грузино-абхазских отношениях. Не случайно в массовых выступлениях абхазов в 1956, 1967 и 1978 годах четко прослеживается «историографическая» тема.

2. Конкурирующие взгляды на историю Абхазии

Как отмечалось, грузинская историография второй половины 50-х и начала 60-х годов XX века в целом отвергла взгляды Ингороквы об этническом характере смены населения в феодальной Абхазии, но тезис о миграции абхазо-адыгов с Северного Кавказа остался. Дело представлялось так, будто древние абхазы в языковом отношении мало отличались от

¹ Здесь уместно привести слова проф. Н.Ю. Ломоури, который по этому поводу пишет: «Грузинские историки не поддержали Павле Ингороквы не потому, что испытывали давление каких-то сил, а потому, что невозможно было его поддержать с позиции научной объективности» (Н.Ю. Ломоури. Симон Каухчишвили. Тбилиси, 1996 г. стр. 60, на груз. яз.). Можно отметить также, что «теорию» Ингороквы не разделяет ни один историк за пределами Грузии.

современных, но в культурно-политическом плане были органической частью феодальной Грузии. Автор этой концепции академик Н.А. Бердзенишвили убедительно сформулировал свои мысли о месте и роли средневековых абхазов в грузинском феодальном мире, особо подчеркнув, что в строительстве грузинского государства с ролью абхазов может сравниться роль далеко не любого грузинского племени. Впоследствии, по мнению Н.А. Бердзенишвили, в результате хронического упадка Грузии в XIII–XV веках сложились условия для переселения в Абхазию горских племен с Северного Кавказа. Ученый считал, что переселение происходило отдельными волнами с XIII по XVII–XVIII века. Ввиду того, что в этнолингвистическом плане мигрировавшие в Абхазию племена мало отличались от основной части местного населения, легко произошло их смешение и консолидация, причем привнесенные горцами незрелые социально-политические институты, хозяйственный тип и религиозные верования способствовали культурной деградации Абхазии и ее отрыву от более передовой грузинской феодально-христианской культуры.

Разделяя мнение Бердзенишвили о характере грузино-абхазских взаимоотношений в феодальную эпоху, нам трудно согласиться со второй частью его концепции, где он объясняет культурное состояние позднесредневековой Абхазии массовой иммиграцией горского населения. На наш взгляд, здесь есть ряд недоказанных и спорных положений². Ученый часто руководствуется аналогиями из других частей Грузии, в то время как в Абхазии дело фактически обстоит по-иному. Так, тезис о массовых переселениях с Северного Кавказа не находит подтверждения в письменных источниках. В Абхазии XIII–XVIII веков явно превалировал процесс оттока населения с юга на север, т.е. из Абхазии на Северный Кавказ, нашедший свое отражение в разнообразных исторических (в том числе и письменных) источниках. Это переселение положило начало утверждению на северных склонах Кавказского хребта представителей абхазской этнической общности, которые впоследствии сформировались в самостоятельный абазинский народ.

Таким образом, можно утверждать, что социально-экономический и культурный упадок Абхазии после XIII–XV вв. был вызван, в целом, теми же известными причинами (не считая некоторых местных особенностей), которые послужили причиной упадка феодальной Грузии. Поэтому нет повода объяснять ситуацию, сложившуюся в Абхазии, широкой иммиграцией родственных элементов с Северного Кавказа.

* * *

Активизация в 1989 г. этнополитического конфликта в Абхазии резко отразилась на позициях грузинской историографии. В Тбилиси, с легкой руки лидеров национального движения (бывших диссидентов), была реанимирована «теория» Ингороквы. Вслед за

2 Подобнее об этом см.: Г. Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии (на основании личного опыта) // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Ирвайн, 1999 г. – Повторная публикация в кн.: «Вопросы грузино-абхазских взаимоотношений», ч. I. Тбилиси, 2006 г.

этим и ряд профессиональных историков (в большинстве своем не работавших прежде над проблемами истории Абхазии) стали искать факты, способные служить оправданием для отвергнутой концепции.

Вскоре в подходах грузинских историков, изучающих прошлое Абхазии, обозначились две основные линии: первая из них полностью базируется на идейном наследии Ингорквы, и поэтому ее приверженцы считают «современных» абхазов пришельцами в Абхазию. Другая часть историков признает на территории Абхазии два автохтонных этноса – грузинский и абхазский. Эта позиция во многом использует положения, выдвинутые в свое время академиком Бердзенишвили, но с той разницей, что его последователи сегодня больше пишут об историческом превашировании на территории Абхазии картвельских этнических элементов (чего нет у Н. Бердзенишвили) и ищут доказательства миграции абхазо-адыгских групп с Северного Кавказа. История и культура Абхазии этим авторам видится в сугубо грузинском контексте (рассматривается с точки зрения грузинских шаблонов), а некоторые отличия от грузинской действительности объясняются поздним северокавказским влиянием. Наконец, к процессу подключилось и множество «любителей», реконструирующих историю сообразно собственным идеям и представлениям. Всё это приводит к большому разному во мнениях и радикализму в подходе к спорным проблемам этнической и политической истории Абхазии, хотя их решение не так сложно с научной точки зрения, как политизировано и привязано к национально-политическому вопросу.

Позиция абхазских историков по отношению к трудам грузинских ученых в конце 80-х и в начале 90-х годов прошедшего столетия носила, в целом, оборонительный характер, но это была жесткая и бескомпромиссная, а в какой-то степени и вызывающая позиция. Главный информационный удар со стороны абхазов пришелся на исторический период, охватывающий примерно 1880–1953 гг., когда в больших масштабах происходило переселение в Абхазию жителей близлежащих районов Западной Грузии (грузинские авторы обычно опускают этот момент). В результате этого переселения, отчасти стихийного, а отчасти организованного властями, грузины превратились в самую крупную этническую группу на территории Абхазии. Абхазскими учеными были опубликованы многочисленные архивные документы, показывающие организованный характер переселения. На землях, где селили грузин, когда-то проживали абхазы, вытесненные в Турцию завоевательной и колониальной политикой царской России. Вместе с тем, акцентируя внимание на переселении грузин в Абхазию с конца XIX столетия, абхазские авторы игнорировали факты обитания грузин-мегрелов в значительной части нынешней Восточной Абхазии в средние века. В целом же, абхазскую версию истории стало характеризовать стремление всемерно отпочковаться от истории Грузии.

Разгоревшееся идеологическое противоборство было вызвано столкновением двух национальных проектов, актуализировавшихся на фоне быстрого развала СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Грузины, готовясь к независимости, пытались сохранить (и, по мере возможности, укрепить) свой контроль над всей территорией союзной республики,

мало считаясь при этом с правами автономных образований. Абхазы же, составлявшие менее 18 процентов населения Абхазской АССР, боялись утратить политические позиции, как это было в 1938 – 1953 гг., когда местная власть в Абхазии оказалась полностью в руках партийных функционеров, присылаемых из Тбилиси. Свои политические требования обе стороны аргументировали преимущественно историческими доводами, в конечном итоге упиравшимися в вопрос – чья земля? При этом, видимо, подразумевалось, что первопоселенцы имеют какие-то особые права на землю.

Пропагандистские войны

Информационное противоборство в значительной степени способствовало внутренней подготовке людей к развитию силового конфликта, формируя у них «образ врага». В этом процессе так четко выделялась историческая тема, что представители третьих стран порой называли грузино-абхазский конфликт «почином историков и филологов», хотя в основе подобных коллизий всегда лежат причины социально-экономического и политического характера. (На этом фоне появляется, конечно, и субъективный фактор, вызванный желаниями отдельных лиц показать свой патриотический пыл.)

С точки зрения сохранения гражданского мира польза от такой политики, мягко говоря, весьма сомнительна. В старании любыми средствами доказать свое историческое право на Абхазию, грузинская пропаганда вызывала в абхазах негативное отношение к грузинам, раздражая даже прогрузински настроенных лиц. В то же время игнорировались многочисленные исторические данные, свидетельствующие о тесных узах, связывавших грузин и абхазов на протяжении веков. Неоправданные попытки доказать «пришлость» абхазов «отсекали» их от общего с грузинами исторического прошлого, отказывали в сопричастности к культуре «золотого века» феодальной Грузии, правители которой титуловались царями абхазов и картвелов³. Если следовать рациональной логике, то грузинская сторона должна была бы пропагандистки использовать эти исторические факты вместо того, чтобы ввязываться в несообразные территориальные споры.

С окончанием боевых действий в 1993 г. информационное противоборство продолжилось с прежней силой. Немецкий автор Р. Зульцман в своей работе «*Пропаганда как оружие в войне*» говорит следующее: «...действие пропаганды продолжается и после окончания войны, и остановить его так, как, скажем, останавливают огонь пушек или сброс бомб с самолетов, невозможно. Пропаганда подобна снаряду, снабженному множеством дистанционных взрывателей, заставляющих его взрываться по прошествии многих лет, иногда даже десятилетий, и разбрасывать вокруг себя питательную среду для бесчисленных укуров и обид, мешающих нормализации международных отношений».

3 Подробнее об этом см.: Г. Анчабадзе. Грузино-абхазское государство: историческая традиция и перспективы // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 5. Ирвайн, 2001 г. – Повторная публикация в кн.: «Вопросы грузино-абхазских взаимоотношений», ч. I. Тбилиси, 2006 г.

Эти слова полностью относятся и к «историческому сектору» информационных войн. Например, в поствоенной абхазской историографии отдельные авторы – сторонники пересмотра традиционных исторических взглядов – объявили грузинское царство XI–XIII вв. абхазским государством. Один из них, полемизируя на страницах своей книги с «заингурскими» коллегами, даже утверждает, что «...объединенное грузинское государство, о котором не знает ни один средневековый источник», – это выдумка грузинских историков. Такое, мягко говоря, странное заявление, как нельзя лучше иллюстрирует степень познаний автора в источниках истории Грузии.

Современная грузинская историография, со своей стороны, продолжает уделять большое внимание доказательству древности и повсеместности распространения картвельских этнических элементов в Абхазии; отвергается сам факт существования феодальной абхазской народности, а отсюда вывод, что абхазы никогда не были государствообразующим этносом. Абхамам фактически отказывают в творческом начале (тезис о том, что *все* историко-архитектурные памятники на территории Абхазии созданы предками грузин), замалчивают их ведущую роль в создании Абхазского царства, а также вклад в историю единого грузинского государства. В общем, оспаривается все, что абхазы считают знаковыми событиями своей истории. Обидно читать такое! Тем не менее я допускаю, что эти вопросы можно обсуждать в научных кругах, но такие материалы постоянно публикуются на страницах СМИ и преподносятся как единственно правильная точка зрения. Если учесть, что Абхазия после 1993 г. фактически вышла из политико-информационного пространства Грузии, то главным адресатом этих сообщений становится грузинская общественность. Ввиду своей недвусмысленности и легкодоступности эти взгляды широко распространяются среди населения, переплетаясь с утверждениями Ингороквы и его последователей, и создают у многих людей превратные представления об абхазах и их истории.

Примером такой неправильности можно назвать коллективное письмо, опубликованное в газете «24 Саати» и удивляющее, мягко говоря, каскадом неточностей. Здесь, в частности, находим такую информацию: «...исторические абхазы были грузинами, а современные абхазы – потомки северокавказских кочевников-апсуйцев (от самоназвания абхазов – «апсуа» – Г.А.), переселившихся на южные склоны Кавказа в XVII–XVIII веках. По камеральным описаниям царской России установлено, что в этой части Грузии проживало лишь около двадцати апсуйских семейств, а основными насельниками Гудаутско-Сухумского приморья... прежде были мисимияне (сваны), южнее которых располагались эгры (мегрелы)»⁴.

Данный документ, разумеется, не претендует на какую-либо роль в современной историографии, но это – документ времени, пример того, как выдуманные исторические конструкции внедряются в массовое сознание. Однако особенно поражает список подписантов – пятьдесят два профессора Тбилисского государственного университета, Грузинского технического университета и Тбилисского медицинского университета (!).

4 См.: «24 Саати» от 24.01.2005 г, № 15.

Уважение исторической правды

Спрашивается, кому это нужно? Разве в интересах Грузии, чтобы ее граждане пребывали в неведении? Заблуждение не является источником моральной силы, а ложные воззрения не могут мобилизовать общество для решения позитивных задач. Но они могут помешать принятию верных решений, когда власти всерьез задумаются о взаимоприемлемых путях разрешения проблемы.

Что делать в этих условиях? Существует мнение (в основном среди не историков), что надо устраниваться от истории, не касаться исторических тем и не писать о них. Но мне этот путь не кажется продуктивным. Побег от истории ничего хорошего не принесет, тем более что табуирование не остановит авторов, готовых переписывать историю в угоду конъюнктурным запросам. Разрешение конфликта – конечная цель миротворческого процесса – требует уважения к исторической правде. Ее нельзя замалчивать и ею нельзя манипулировать, а чисто научные вопросы надо отделять от политических и идеологических.

Поэтому я считаю, что в данной ситуации самое правильное – снизить накал риторики, освободить научную мысль от предвзятых мнений, а широкой аудитории, интересующейся вопросами истории, предлагать исторически корректную информацию, которую, кстати, относительно недавно разделяло большинство грузинских и абхазских ученых.

3. Первый опыт медиации

В 1984 г. я впервые стал свидетелем столкновения соперничающих идей в истории. Речь идет о выходе *первого* учебного пособия по истории Абхазии (авторы З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария и А.Э. Куправа), против которого ополчились некоторые грузинские и абхазские историки. Началом всему послужил почин нескольких грузинских ученых, обратившихся в соответствующие инстанции с требованием ревизии основных положений книги, готовящейся к печати. Это дало повод группе абхазских ученых выдвинуть аналогичное требование, хотя их претензии к учебнику диаметрально отличались от замечаний тбилисских коллег. В тех условиях такая двойная атака вообще могла привести к запрету публикации, чего видимо и добивались определенные силы, если бы не желание тогдашнего министра образования Грузии Д.И. Чхиквишвили, ведомство которого курировало издание учебников, помочь выпутаться из создавшегося положения. Для уточнения спорных вопросов была создана специальная смешанная (грузино-абхазская) редакционная коллегия во главе с академиком А.М. Апакидзе. Поскольку основные замечания с обеих сторон, причем взаимоисключающего характера, касались периода до XIX в. (этот раздел был написан моим отцом, который умер незадолго до описываемых событий), то было решено ввести в редколлегию и меня, в ту пору младшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии АН Грузии.

Могу заявить, что основная работа по редактированию и защите учебного пособия была проделана мною, хотя без поддержки со стороны остальных членов редколлегии (в первую очередь А.М. Апакидзе), а также доброжелательного отношения тогдашнего президента АН Грузии Е.К. Харадзе книга, вероятно, так и не увидела бы свет. В течение двух лет я возил рукопись учебника из Тбилиси в Сухуми и обратно, отстаивая авторский вариант. При этом получалось, что с грузинскими учеными я полемирую как абхазец, а с абхазскими – как грузин. Я защищал позицию Зураба Анчабадзе не потому, что был его сыном, и не потому, что она являлась вынужденным компромиссом, своего рода «золотой серединой» между крайностями, – как специалист я верил в ее научную обоснованность.

После многочисленных совещаний и бурного публичного обсуждения, проходившего под надзором партийных органов, опасавшихся, что историческая тема снова станет катализатором массовых волнений в Абхазии, учебник наконец-то был издан⁵. При этом полностью удалось сохранить все его основные положения. Остается добавить, что после публикации книга уже не вызывала никаких нареканий. Мне тогда открылась одна истина – гораздо легче бороться с неизданной рукописью, чем с уже напечатанной книгой.

За эти два года я, к большому моему сожалению, убедился, что отчужденность между определенными кругами грузинской и абхазской интеллигенции зашла довольно далеко. Это рождало взаимное недоверие и подозрительность, вызывавшие порой неадекватную реакцию. Общаюсь и работая с обеими сторонами в обстановке, которую можно охарактеризовать как этнический конфликт в латентном состоянии, я приобретал опыт поиска взаимоприемлемых решений по спорным, конфликтогенным вопросам.

4. В условиях открытого конфликта

В 1985 г. руководство СССР взяло курс на перестройку, которая привела советское государство к развалу. В этот период в Грузии, как и в ряде других республик, возникли массовые общественно-политические движения, ставившие целью разрешение национальных проблем, а впоследствии и достижение политической независимости. Я разделял основные стремления грузинского национального движения, но хорошо понимал, что грузины должны протянуть руку абхазскому народу, чтобы общими усилиями преодолеть негативное наследие уходящей эпохи. Свою основную роль в национальном движении я видел в том, чтобы в меру своих возможностей способствовать грузино-абхазскому сближению. Я знал, что этот процесс мог быть только обоюдным и для его начала необходимо провести большую подготовительную и разъяснительную работу. Бывая в Сухуми и встречаясь с представителями абхазской молодежи и интеллигенции, я рассказывал о характере грузинского движения, которое поначалу действительно не имело антиабхазской направленности. В Тбилиси же я выступал на собраниях актива нацио-

5 См.: З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария, А.Э. Куправа. История Абхазии. Изд. «Алашара», Сухуми, 1986 г.

нального движения и объяснял, кто такие абхазы, каков их язык, рассказывал об узловых моментах истории, подробно говорил о махаджирстве (массовом выселении абхазов в Османскую империю в XIX в.) и его последствиях, сообщал о фактах национальной дискриминации абхазов в 40-х – начале 50-х гг. XX века.

Для большинства слушателей все это было внове, они внимательно слушали меня, задавали вопросы. Многие потом подходили ко мне и просили выступить также в их вузе или трудовом коллективе. Конечно, среди присутствующих попадались и те, кому не нравилось сказанное мною, но, не обладая нужными знаниями, они не могли дискутировать со мной и ограничивались репликами и брюзжанием. Обычно их заставляли умолкнуть другие присутствующие. Небольшая стычка вышла у меня только со Звиадом Гамсахурдиа, будущим президентом Грузии. Звиад тогда быстро набирал очки в национальном движении и для этого не гнушался демагогии. Так, ссылаясь на Ингороквы, он объявил абхазов адыгейцами и заявил, что если они желают самоопределиться, пусть сделают это на Северном Кавказе. Вскоре после нашего столкновения Гамсахурдиа на митинге призвал слушателей не верить мне.

Это было в марте 1989 г., спустя несколько дней после того, как в абхазском селе Лыхны многолюдный сход, организованный абхазским народным движением «Айдгылара», выставил требование о повышении статуса Абхазии до уровня союзной республики. Эта декларативная акция, показавшая, что абхазы хотят выйти из состава Грузии, вызвала в грузинском обществе взрыв негодования. В национальном движении отношение к абхазам, бывшее до того в целом индифферентным, резко изменилось в худшую сторону. Было выставлено ответное требование об упразднении абхазской автономии, появлялись заявления, оскорбляющие национальное достоинство абхазского народа. Именно тогда была реанимирована и мифотворческая идея Ингороквы.

Власти Грузии смотрели на это благосклонно и через подчиненные им СМИ подливали масла в огонь. Между тем интересы Грузии требовали обратных действий: надо было успокоить грузинское население, наладить широкий диалог с абхазами, показать им свое благорасположение, готовность совместно решать насущные проблемы. На встрече с первым секретарем ЦК КП Грузии Д.И. Патиашвили, которая произошла примерно через шесть дней после лыхненских событий, я изложил ему свое мнение и сформулировал программу действий, где, помимо прочего, предлагалось безотлагательно заняться решением вопроса о восстановлении исконных абхазских топонимов (эта проблема крайне волновала абхазов), а также способствовать популяризации взглядов крупнейших грузинских историков первой половины и середины XX в. – И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашиа, Н.А. Бердзенишвили, которые писали о проживании абхазских племен на данной территории с глубокой древности, и отмечали значительную роль, которую абхазы сыграли в истории Грузии⁶.

6 Подробнее об этом см.: Г. Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии (на основании личного опыта) // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Ирвайн, 1999 г. – Повторная публикация в кн.: «Вопросы грузино-абхазских взаимоотношений», ч. 1. Тбилиси, 2006 г.

Меня выслушали, но ничего сделано не было. Видимо, власти опасались непопулярных шагов или сами тоже были заражены общим настроением.

5. Исторические публикации и преподавательская деятельность

Хотя к началу 90-х гг. я уже был профессиональным историком, доктором наук, автором ряда научных статей и монографий, но еще воздерживался от печатных публикаций на тему грузино-абхазских отношений, руководствуясь принципом экологической валидности. Стал писать лишь около 1991 г., но начал не с оценки текущих событий, а с изложения исторических фактов. В тот период в грузинских СМИ абхазов часто обвиняли в стремлении обрусеть и играть роль инструмента в российской политике, направленной против Грузии. Я надеялся, что публикации на тему освободительной борьбы абхазов в XIX столетии хоть у кого-нибудь развеют эти заблуждения и помогут непредубежденному читателю разобраться в правде. Так появилась на свет моя статья «Абхазская хроника XIX века (Из истории утверждения русского владычества в Абхазии)»⁷. За ней последовали статьи в первом томе энциклопедии «Грузия» об абхазских восстаниях 20-х и 40-х гг. XIX века. Впоследствии, в известной серии «Аспекты грузино-абхазского конфликта», вышедшей под эгидой Калифорнийского университета (Ирвайн), я публиковал уже статьи исторического содержания, напрямую связанные с мотивами нынешнего конфликта. Мои книги и статьи распространялись как в Грузии, так и в Абхазии; они хранятся и там, и здесь в основных библиотеках.

Параллельно с публикацией трудов я выступал по телевидению, радио, перед «живой» аудиторией, давал интервью печатным СМИ. Значительная часть этих выступлений опять-таки была связана с вопросами истории. Грузинские СМИ, а также общественность в целом, особенно интересовались такими вопросами, как происхождение абхазского народа, проблема его автохтонности, история Абхазского царства и абхазской царской династии, возникновение Абхазского католикосата, история области Самурзакано (Южная Абхазия) и самурзаканцев, носителей смешанных абхазо-грузинских (мегрельских) традиций и др. Впоследствии часть этих интервью была опубликована в моей книге «Вопросы грузино-абхазских отношений», изданной в 2006 г. при поддержке британской неправительственной организации International Alert.

Напряженный интерес грузинской общественности к абхамам я вполне почувствовал в конце 1990-х гг., когда при содействии международных организаций между представителями гражданского общества начались регулярные встречи в рамках так называемой неформальной дипломатии. Я некоторое время принимал активное участие в этом движении и хорошо помню, что вначале, пока будущие партнеры еще не были

7 См.: Газета «Свободная Грузия» от 2, 3, 6 августа 1991 г. (№ 141, 142, 143). – Повторная публикация в кн.: «Вопросы грузино-абхазских взаимоотношений», ч. I. Тбилиси, 2006 г.

близко знакомы, между ними существовала как бы невидимая стена. Скванность была особенно заметна у грузин, многие из которых впервые видели перед собой абхазов и мало что знали об их культуре и истории. Зато во время перерывов и по вечерам всегда находились желающие поговорить со мной об истории и культуре Абхазии. Иногда такие беседы затягивались до трех-четырёх часов ночи. Однако на следующий день разговор на эту тему начинался заново. Впрочем, так было только на первых встречах. После того, как у грузин установились отношения с абхазскими партнерами, первоначальный общий интерес к истории Абхазии постепенно угас.

Хочу особо остановиться на своем опыте педагогической работе в высшей школе. В 1984-1992 гг. я работал по совместительству в Абхазском государственном университете (АГУ). Как известно, в советский период там было три сектора: абхазский, грузинский и русский. Я ввел тогда в учебную программу новые курсы: «Историческая география Абхазии» и «Военная история Грузии», которые до этого нигде не преподавали. После начала военных действий моя работа в АГУ, естественно, прервалась. Однако, находясь в Абхазии в 1999 г. с группой представителей гражданского общества, я получил эксклюзивное предложение возобновить чтение лекций в университете в удобное для меня время. Подумав, я согласился, и до 2010 г. регулярно приезжал ненадолго (на 1-2 недели) с лекциями в Абхазию, обычно весной и осенью. В АГУ я возобновил преподавание «Исторической географии Абхазии». Кроме того, читал и обзорные курсы – «Абхазия и Кавказская война» и «История Османской империи».

Ввиду того, что я преподавал (и преподаю) также и в тбилисских вузах, мне удалось получить опыт преподавания истории одновременно по обе стороны политического водораздела. История абхазского и грузинского народов тесно переплетена. Поэтому само собой так получилось, что зачастую я рассказывал студентам об одних и тех же вещах. Кроме того, у меня бывали встречи с группами грузинской и абхазской молодежи и вне стен высшей школы. Так, например, запомнились встречи в Сухумском Доме юношества, а также в культурно-благотворительном центре «Мир без насилия» имени Зураба Ачба (этот центр особенно значим для меня, ибо Зураб был истинный мой брат по крови и духу!).

Многочисленны были встречи-беседы с грузинской молодежью в Тбилиси – это и ребята, вовлеченные в грузино-абхазский молодежный диалог, и представители молодежных организаций политических партий, а также студенты и учащиеся различных учебных заведений. У грузинских ребят наблюдается искренний интерес к Абхазии, к ее истории и культуре. Непременно задают вопрос – современные абхазы действительно пришельцы в Абхазии или это автохтонный народ? Абхазская молодежь не так интересуется историей Грузии, и их вопросы ограничивались, преимущественно, историей Абхазии. Однако так получалось, что, в целом, я в обоих местах излагал один и тот же нарратив, рассказывал об истории Абхазии, аспектах грузино-абхазских отношений и пр.

На основании опыта этих лекций и бесед у меня сложилось впечатление, что практически не существует темы, которой нельзя коснуться в разговоре с молодежью, если хорошо

знать материал и излагать его непредубежденно. Разумеется, при этом немаловажно и отношение аудитории к лектору, вера в его квалификацию и знания. За эти годы я не помню случая, чтобы кто-нибудь из молодежной аудитории открыто выразил недоверие к моим словам, хотя многие из них, возможно, впервые слышали такие суждения. Молодые, в целом, более открыты и толерантны к неординарному мнению. Трудно сказать, какой из факторов имеет тут ключевое значение – возрастные особенности или то, что наша современная молодежь выросла в иной идейно-политической атмосфере?

Наконец, хочу сказать об учебнике истории Грузии. В учебниках по истории Грузии, выпускавшихся в 1990-х – начале 2000-х гг., в отличие от учебной литературы советского периода, явно чувствовалось влияние тез Ингороквы. Однако в учебниках, изданных в рамках новой учебной программы (вступила в силу в 2005 г.) этого уже практически нет. Это объясняется не переменой в подходах современной грузинской историографии к рассматриваемому вопросу (о чем свидетельствует, например, работа большой группы авторов *«Очерки из истории Грузии, Абхазия с древнейших времен до наших дней»*, Тбилиси, 2007 г., написанная в духе теории Ингороквы), а позицией Национального центра учебных планов и оценки при Министерстве образования и науки Грузии, который, в соответствии с рекомендациями Совета Европы, явно предлагал при составлении новых учебников избегать моментов, способных внести напряженность в межнациональные отношения.

Я принял участие в написании учебника девятого класса по истории Грузии (первое издание в 2008 г.). Эта книга – плод коллективного труда. Авторский коллектив работал в тесном сотрудничестве с руководством издательства «Логос Пресс». Учебник освещает события с глубокой древности до наших дней.⁸ В него вошли даже такие недавние, по отношению к моменту публикации, события, как политический кризис и разгон оппозиционного митинга в ноябре 2007 г., а также президентские выборы в январе 2008 г. В ходе работы над учебником встал вопрос о том, как излагать факты грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. Обойти молчанием этот вопрос или только ограничиться официальной версией ввода войск в Абхазию (защита транспортных магистралей), как это делают авторы других современных грузинских учебников, полагаю, было бы неправильно. Последствия войны по сей день активно обсуждаются в грузинском обществе. Учащаяся молодежь ежедневно сталкивается с упоминанием о тех событиях в теле- и радиопередачах, на страницах газет. Поэтому она имеет право знать (хотя бы в общих чертах), как все происходило. В то же время в школьном учебнике содержатся непозволительны материалы, возбуждающие гнев и межнациональную рознь. Надо воздерживаться от собственных оценок и передавать только чистые факты, дополняя нарратив соответствующими документальными источниками. Материал надо излагать в нейтральном тоне, простым, понятным языком. Это особенно касается таких тем, которые интерпретируются неоднозначно. Я предложил издателю Л. Берая воспользоваться моим очерком *«История Грузии»* (2005 г.). Предложение

8 Г. Анчабадзе, Г. Гамкрелидзе, З. Кикнадзе, М. Сургуладзе, Д. Швелидзе. С участием Л. Берая и Е. Сумбаташвили. *История Грузии. IX класс. Рекомендовано Национальным центром учебных программ и оценки. Изд. «Логос Пресс». Тбилиси, 2008 г.*

было принято, и в результате впервые на страницах школьного учебника появилось изложение основных фактов самого болезненного события в истории грузино-абхазских взаимоотношений – войны 1992-1993 гг. Надо заметить, что вначале были попытки выступить с критикой некоторых положений учебника, в том числе и того раздела, в котором описаны события Абхазской войны, но это продолжалось недолго. После распространения учебника в школах никаких нареканий уже не поступало. Наш учебник используется уже два года, причем не только в школах с грузинским языком обучения, но также и с русским, армянским и азербайджанским (Министерство образования и науки организует перевод и издание учебной литературы на соответствующие языки).

В приложении приводятся соответствующие фрагменты из раздела «Третья республика Грузии (с 1991 года до наших дней)» в учебнике девятого класса «История Грузии» (изд. Логос Пресс, 2008 г.).

Приложение

Грузия в 1992-2003 гг.

Государственный совет и абхазский вопрос: Пришедший к власти Государственный совет не смог обеспечить в Грузии мирную обстановку. В 1993 году в регионе Самегрело, который представлял основную опору для сторонников Гамсахурдиа, опять была нестабильная обстановка (сам экс-президент скрывался в Чечне и оттуда призывал население к неповиновению), а грубые попытки властей силой навести порядок фактически привели к противоположным результатам. Однако самой большой ошибкой Государственного совета, последствия которой и сегодня являются для Грузии одной из важнейших проблем, был ввод войск в Абхазию в августе 1992 года.

Ввод правительственных войск в Абхазию: После свержения Гамсахурдиа Государственный совет не принял предложения абхазов о федерализации Грузии, где Абхазия представляла бы субъект федерации. На фоне существующего в стране гражданского противостояния между Тбилиси и Сухуми началась «война законов», которая фактически свела до минимума юрисдикцию Грузии в автономной республике. После международного признания государственной независимости Грузии в кругах, близких к Государственному совету, окрепла точка зрения, что самым прямым путём восстановления юрисдикции Грузии в Абхазии является демонстрация силы «сепаратистам». Толчком к решению силовыми методами изменить ситуацию в автономии в пользу центра послужила передача Россией Грузии летом 1992 года большой партии оружия (в том числе танков и другой тяжёлой техники). Возможно, российская сторона сознательно пошла на этот шаг, чтобы, втянув Грузию в вооружённый конфликт, сохранить механизм своего влияния в этой бывшей советской республике.

14 августа 1992 года правительственные войска (это не была регулярная армия – таковой в Грузии в то время фактически не существовало; в Абхазию был послан контингент полиции, главным образом различные военизированные формирования, получившие боевой опыт во время гражданской войны и грузино-осетинского конфликта) перешли административную границу Абхазии и вступили в столицу автономной республики – город Сухуми. В то же время в самую крайнюю северо-западную часть страны, близ города Гагра, был высажен морской десант, который перерезал автомобильные и железнодорожные пути, связывающие Абхазию с Россией. Эта операция была объявлена Государственным советом как запланированная с целью защиты железнодорожной магистрали, проходящей по территории Абхазии, однако действия ворвавшихся в Сухуми бойцов мало походили на деятельность защитников транспортных магистралей. Одной из первых акций, которую они провели в городе, было снятие с крыши Дома правительства абхазского флага, который не признавали в Тбилиси, и водружение на его месте грузинского флага. Абхазская часть руководства автономной республики, которая переместилась в город Гудаута (центр района, компактно заселенного этническими абхазами), призвала свой народ к сопротивлению. Видимо, абхазы ожидали такого развития событий. У них была создана силовая инфраструктура (хотя они не располагали достаточным количеством оружия) и они были связаны с национальными движениями на Северном Кавказе, которые в то время пользовались значительным влиянием в южной части Российской Федерации. Лидеры конфедерации горских народов Кавказа (была создана в Сухуми в 1991 г.) в ультимативной форме потребовали от грузинских властей вывода войск, угрожая, в противном случае, выслать добровольцев в зону боевых действий. Шеварднадзе принял предложенные условия игры и заявил, что в отряды самообороны, создание которых началось по всей Грузии в ответ на ультиматум конфедерации, уже записались более 30 тыс. человек. Таким образом заработал механизм войны, и Грузия более года была втянута в вооружённый конфликт...

Значительную моральную и практическую поддержку малочисленным абхазам (согласно переписи 1989 года в Грузии проживало 96 тысяч этнических абхазов, а в автономной республике – 94 тыс.) оказали этнически и культурно родственные северокавказские народы (кабардинцы, адыгейцы, черкесы, чеченцы, абзины и др.), а также абхазско-черкесская диаспора Ближнего Востока. Только осенью 1992 года в Абхазию приехали от 4-х до 7 тыс. бойцов Горской конфедерации. Кроме того, на стороне абхазов воевало множество лиц славянской национальности, в особенности из военизированных казачьих организаций. Этими неоднородными силами в грузино-абхазской войне двигали различные мотивы, однако в целом фактор их участия склонил чашу весов в пользу абхазов. Несмотря на это следует отметить, что в войне с грузинами основная тяжесть легла на плечи этнических абхазов. Абхазские формирования составляли основное ядро противоборствующих с грузинами сил.

В октябре 1992 года абхазы взяли Гагру, чем была восстановлена связь между Россией и Гудаутой. После этого под контролем войск Государственного совета фактически оставалась лишь та часть Абхазии, большинство населения которой составляли этнические грузины. Главным опорным пунктом грузин в Абхазии был город Сухуми. 11 октября 1992

года в Грузии были проведены парламентские выборы, которые придали легитимность фактической власти в стране. Тогда же Эдуард Шеварднадзе был избран председателем парламента, а вскоре – и главой государства. Находящиеся в Чечне З. Гамсахурдиа и его сторонники не признали законность октябрьских выборов. В Самегрело вновь открыто действовали поддерживающие экс-президента силы. В таких условиях Грузии сложно было вести войну в Абхазии, тем более что для грузинской общественности до конца не был ясен характер этой войны и главный противник – в качестве такового объявлялись то абхазский сепаратизм, то Россия, то исламский фундаментализм. После потери Гагры грузинская армия, фактически представлявшая собой механическое объединение разнородных отрядов, перешла к обороне.

Борьба за Сухуми: В первой половине 1993 года было отражено несколько абхазских наступлений на Сухуми, но стратегически важные высоты на подступах к городу перешли в руки абхазов. В такой обстановке 27 июля 1993 года в Сочи при посредничестве России была достигнута договорённость о прекращении огня. Договор предусматривал демилитаризацию зоны конфликта и создание необходимых условий для восстановления законных органов власти Абхазии. Находящиеся в Абхазии российские войска обязаны были соблюдать строгий нейтралитет. Для обеспечения порядка в регионе из коренных жителей Абхазии должны были быть созданы полинациональная милиция и внутренние войска, в которые вошли бы абхазский полк и грузинское подразделение. Другие грузинские формирования, равно как и отряды абхазских союзников, должны были быть выведены с территории Абхазии не позднее, чем через 10-15 дней после прекращения огня. Грузинская сторона приступила к выводу из Сухуми тяжёлой техники, в которой до этого имела определённый перевес. Однако вывод войск был задержан в связи с тем, что к тому времени находящаяся в Абхазии грузинская группировка в значительной степени состояла уже из местных жителей, и их разоружение или вывод из региона, естественно, не были простым делом. Абхазы расценили это как нарушение договора и 16 сентября неожиданно возобновили штурм Сухуми.

Тяжёлые бои за Сухуми продолжались 12 дней. Грузины вынуждены были оставить город (27 сентября 1993 г.). Из абхазской территории Тбилиси удалось сохранить под своим контролем лишь труднодоступное ущелье в верховьях реки Кодори. Вместе с армией оставила Абхазию и большая часть ее грузинского населения (245 тыс. человек). Сегодня многие из этих людей являются беженцами в собственной стране, многие уехали за границу и там (в основном в России) живут со статусом беженцев.

Продолжавшаяся целый год война нанесла большой ущерб Абхазии, этому прекрасному краю. Погибли тысячи людей. Во всей Грузии создалось критическое положение. В такой ситуации Звиад Гамсахурдиа попытался вернуть себе власть. В сентябре он возвратился на родину и встал во главе вооружённых формирований, состоящих из его единомышленников. Экс-президент попытался двинуться из Самегрело на Тбилиси, но потерпел поражение и умер 30 декабря 1993 года при невыясненных обстоятельствах.

ГЛАВА 20

Диалог через культуру или культурный диалог

Батал Кобахия

1. Введение

Осенью 2000 года под эгидой ОБСЕ была издана книга «Защита будущего. Кавказ в поисках мира», в которой собраны произведения 26 авторов из разных республик и регионов Кавказа – писателей, интеллектуалов, журналистов, ученых, литераторов. «Важно, чтобы голос каждого был услышан», – посчитали редакторы Хайди Тальявини и Фраймут Дуве¹, предоставив страницы сборника для статей, эссе, рассказов, воспоминаний и размышлений. Именно к этому времени относилась и наша идея издания книги писателей Южного Кавказа под эгидой Кавказского Форума². И хотя обе идеи были близки по духу и времени, мы предполагали собрать небольшие художественные произведения – новеллы, рассказы писателей Южного Кавказа. Главное различие состояло в том, что сборник рассказов писателей Южного Кавказа о войне был инициирован представителями гражданского общества Южного Кавказа, и поэтому процесс подготовки и издания книги затянулся на три года. Обе книги в тот период восполнили некий пробел в культурном диалоге народов Кавказа, который был прерван в связи затянувшимися на десятилетия конфликтами и войнами.

Обсудив с представителями Кавказского Форума идею издания сборника, в котором предполагалось собрать небольшие рассказы писателей Южного Кавказа, разделенных на долгие десятилетия войнами и конфликтами, авторы издания приступили к работе, полагая, что на это необходимы незначительные ресурсы, как человеческие, так и финансовые. Но мы ошиблись – понадобилось около трех лет, чтобы прийти к окончательному продукту, потребовалось длительное обсуждение идеи в регионах Кавказа.

Суть идеи состояла в том, что публицистика по своему эмоциональному воздействию на читателя не может, по нашему мнению, сравниться с художественным произведением, в котором бьется пульс настоящей жизни и настоящей боли, пережитой людьми, вовлеченными в войны. Несмотря на то, что каждая война имеет свои особенности, все они в чем-то похожи. Яркий пример тому – сценарий фильма азербайджанского режиссера Явера Рзаева «*Сафы Галим*» («*Желтая невеста*»), написанный за 25 лет до своей экранизации, героями которого были русский и немец во время Великой Отечественной войны прошлого столетия. В выпущенном в 1999 г. фильме, снятом по данному сценарию, героями стали армянин и азербайджанец. А время событий перенеслось с просторов Второй мировой войны на карабахские нагорья. Войны похожи, прежде всего, страданиями людей, а посему изменение этничности главных героев и места событий никак не повлияли на антивоенный пафос сценария. Именно общество, простые люди, являются заложниками конфликтов. Мы не хотели дальнейших потерь и понимали, что надо что-то делать, чтобы мир стал добрее и люди поняли отсутствие ему альтернативы. А для этого нужна была некая интервенция – мы выбрали художественную. Целью проекта не было выяснение причин конфликтов и путей их решения, поскольку это дело политиков и дипломатов. Главное для нас было – отразить чувства людей, переживших войну и размышляющих о ней сегодня.

1 В то время Хайди Тальявини была личным представителем действующего председателя ОБСЕ на Кавказе. Фраймут Дуве был представителем ОБСЕ по свободе СМИ.

2 См. раздел IV данного сборника.

2. Цель книги

Актуальность такого литературного издания в период «ни войны, ни мира» была осознана многими представителями как гражданских организаций в регионах, так и международных организаций. Именно в это время стали появляться различные сборники, посвященные анализу конфликтов на Кавказе, а также совместные пособия по работе с конфликтом. Это был также период, когда гражданские организации Кавказа активно участвовали в различных сетевых программах, как общекавказских, так и на уровне СНГ. К тому времени уже более трех лет действовал Кавказский Форум НПО, набирала силу Лига женщин Кавказа, формировалась Кавказская сеть по внедрению идей независимой жизни инвалидов, работали журналистские и многие другие сетевые проекты.

Среди изданий были те, где была представлена точка зрения одной из сторон в конфликте; были и такие, где отражались взгляды обеих сторон; появлялись издания и в многостороннем формате. В частности, мне вспоминается, как в тот период в Тбилиси с большим шумом было отмечено издание на грузинском языке сборника стихов абхазских поэтов. Выпустил книгу Зураб Шенгелия, возглавлявший некий «Грузино-абхазский институт». По многим причинам и в Грузии, и в Абхазии этот проект считали неудачным. Он, по сути, работал не на построение доверия, а наоборот, уводил далеко от демаркационной линии мира. И это, и последовавшие за ним другие издания осуществлялись грузинской стороной без обсуждения с абхазами как идеи, так и ее необходимости. В памяти абхазов все еще оставались травмирующие воспоминания о сожжении абхазских архивов, библиотек, уничтожении источников по истории Абхазии в период вооруженной стадии (1992-1993 гг.) грузино-абхазского конфликта. Поэтому послевоенные попытки издания в Грузии книг на абхазском языке в Абхазии не воспринимались как гуманитарная акция.

Именно в рамках Кавказского Форума родилась уникальная идея литературного проекта, предполагающего впервые собрать в одном сборнике художественные произведения представителей различных регионов Кавказа, вовлеченных в этнополитические конфликты. Ввиду масштабности такого проекта мы решили ограничиться Южным Кавказом.

Цель проекта заключалась в том, чтобы собрать под одной обложкой произведения писателей из конфликтных районов Южного Кавказа, в которых они делятся своей болью, болью своего народа, пропагандируют мир без войн и насилия. По мнению авторов проекта, которую полностью поддержал Координационный совет Кавказского Форума, такая книга могла бы стать своеобразным диалогом литератур народов Южного Кавказа. В конечном итоге была издана книга, в которой собраны небольшие художественные произведения (новеллы, рассказы) 18 авторов Южного Кавказа – региона пяти литератур: абхазской, азербайджанской, армянской, грузинской и осетинской. В последнее десятилетие эти литературы фактически были оторваны друг от друга.

3. Процесс

Началу работы над сборником предшествовал длительный процесс формирования группы, ответственной за оформление и издание сборника. В редакционный совет вошли: авторы проекта – абхазский историк и политолог Батал Кобахия и писатель Гурам Одишария (сухумчанин, ныне живущий в Тбилиси); Рейчл Клогг – английский филолог, занимавшийся русской литературой, в частности, творчеством Фазиля Искандера, сотрудник международной неправительственной организации «Ресурсы примирения» (Лондон); Магдалена Фришова – чешская журналистка, работавшая тогда в International Alert (Лондон). Абхазский писатель Даур Начкебия стал одним из главных редакторов издания.

После сбора всех материалов мы планировали объявить конкурс среди дизайнеров и художников из всех регионов Кавказа, которые могли бы иллюстрировать книгу, поскольку придавали большое значение ее художественному оформлению. Однако это оказалось слишком сложным делом из-за проблем коммуникаций, отсутствия достаточных ресурсов и времени. Выбор пал на Леварса Бутба из Сухума и Ладо Почхуа из Тбилиси, которые и выполнили все работы по графическому оформлению книги. Основные финансовые затраты по подготовке издания взяла на себя британская неправительственная организация International Alert. Поиском средств для издания книги занимался и Кавказский Форум. В частности, авторам идеи удалось убедить Закавказское бюро Фонда Бёлля профинансировать заключительный этап – издание книги.

До начала процесса поиска рассказов, которые могли бы войти в издание, состоялся ряд встреч редакционного совета с представителями КФ. Был выработано консенсусное решение об основных принципах работы над проектом и о представительстве в нем координаторов и редакторов из каждого региона Кавказа – Баку, Еревана, Степанакерта, Сухума, Тбилиси и Цхинвала. К тому времени повсюду на Южном Кавказе было опубликовано немало книг военной публицистики, рассказов и стихов о войне. В основном это были издания на национальных языках, цель которых заключалась в осмыслении прошедших событий и обращении к своим сообществам. Мы же искали рассказы, которые, при всем их национальном своеобразии, могли быть собраны в единый сборник и предложены читателям во всех регионах Кавказа. Естественно, здесь очень важен «конфликтно-чувствительный» язык: как, рассказывая о своей боли, отражая все драматические события через призму своего общества, не оскорбить других; как добиться, чтобы читатели, представляющие другую сторону конфликта, задумалась о том, что пережитые ими боль и потрясения схожи по своему эмоциональному накалу с тем, что пережила другая сторона. Главное же заключалось в том, что отныне рассказы писателей, опубликованные в общем сборнике, становятся достоянием не только своих собственных сообществ, но будут доступны всем жителям Южного Кавказа и других регионов мира.

Книгу формировали люди, которые на протяжении последних шести-семи лет работали в общесетевых программах; у них был опыт взаимодействия между собой, они доверяли и

хорошо понимали друг друга. Изначально издание книги предполагалось на русском языке, пока еще общедоступном для каждого региона. Затем, если книга будет востребована, предполагалось перевести ее на английский и национальные языки Южного Кавказа. Однако этому не суждено было сбыться из-за отсутствия у международных доноров особого интереса к подобным межкультурным проектам, а также из-за стагнации и практического сворачивания деятельности Кавказского Форума.

Кстати, практически все рассказы были ранее опубликованы на национальных языках в своих сообществах. В нашем сборнике они впервые публиковались в русском переводе. В процессе подготовки сборника велись переговоры о возможности его издания в московской общественной организации «Мир Кавказа», публикующей художественную литературу, а также с другими издательствами. Однако для организаторов было важно, чтобы книга вышла под эгидой Кавказского Форума неправительственных организаций и в одном из регионов Кавказа. В конечном итоге было решено издать книгу в Майкопе. И это тоже весьма важно и показательно. Мир на Южном Кавказе весьма условный, и мы понимали, что издание сборника в одном из регионов Южного Кавказа окажется «конфликтно-чувствительным» для других. Майкоп представлялся нам своего рода «символическим мостом» между Южным и Северным Кавказом; в будущем мы надеялись на продолжение издания, в которое войдут произведения писателей, живущих на всем обширном кавказском пространстве.

Чтобы познакомиться с будущими авторами, мы совершили ряд поездок по Южному Кавказу. Мы встречались с журналистами, писателями, представителями издательских домов, обсуждали концепцию книги. Наша идея вызывала различную реакцию, но ее общая цель и миротворческий пафос постепенно начали восприниматься. При отборе произведений мы акцентировали внимание не только на их художественной ценности. Нам нужны были интересные рассказы о войне, в которых не было бы призывов к войне, пропаганды агрессии и насилия, а также политических оценок событий и этнических стереотипов, оскорбляющих национальное достоинство проживающих на Кавказе народов. В своем издании мы хотели дать ясную, эмоциональную картину тех несчастий, драматических и трагических событий, которые произошли во всех регионах Южного Кавказа.

Очень важно было, чтоб авторы отнеслись с пониманием к миротворческим ценностям самого факта издания книги и были готовы, при необходимости, отредактировать тексты, учитывая «конфликтную чувствительность» языка. Хотя признаюсь, нам не пришлось воспользоваться этим правом. Представленные авторами тексты, при всей их эмоциональности, были вполне корректными в оценках сторон, вовлеченных в конфликт. В частности, в процессе отбора рассказов мы следовали определенному правилу: например, армянский координатор читал азербайджанские рассказы и делился своими впечатлениями, и, наоборот, азербайджанский координатор делился своими впечатлениями об армянских рассказах; абхазские координаторы читали грузинские рассказы, а грузины внимательно читывались в абхазские и осетинские произведения.

Редакционный Совет был также единодушен во мнении о том, что без согласования мнений авторов рассказов, редакторов и партнеров по проекту мы не сможем составить окончательный вариант книги.

Необходимо было определиться и с тем, чему отдать приоритет – художественной ценности произведения или «конфликтной чувствительности» языка. В итоге все сошлись во мнении, что «конфликтная чувствительность», при всей ее важности, не должна посягать на художественную выразительность. И мне кажется, нам это удалось.

По окончании работы над сборником мы решили, что следует провести его презентацию во всех регионах Кавказа, что и было сделано. Однако из-за ограниченности средств нам не удалось пригласить на презентации всех авторов рассказов, вошедших в книгу. В итоге организацию презентации книги во всех шести регионах Южного Кавказа взяло на себя южно-кавказское бюро Фонда «Генриха Бёлля». Но эти презентации были хотя и интересными, но не столь представительными, как мы задумывали первоначально.

Во многих регионах Кавказа с некоторой ностальгией вспоминают советский журнал *«Дружба народов»*, в котором печаталась литература народов СССР. Многие писатели сетовали, что знают своих коллег, хорошо знакомы с русской и западной литературой, но совсем не знают писателей Кавказа, потому что нарушены коммуникации и утеряны связи.

Действительно, книги на национальных языках бесполезно везти в регионы, где их не понимают. Их надо переводить, но такая работа не проводится, а те книги, которые издаются в Москве, появляются в регионе спонтанно и нерегулярно. Сейчас мы практически не делаем ничего нового, мы просто хотим возродить те традиции, которые существовали прежде, но без идеологической подкладки, которая едва выдержала 70-летие. Журнал, подобный *«Дружбе народов»*, не может появиться на месте, полном слез и трагедий, связанных с военными конфликтами. Прежде должны появиться такие книги, как наша, как та, которая была задумана Хайди Тальявини, которые ориентированы на наши уязвимые, больные места.

Мы полагали, что если успешно справимся с задачей издания сборника рассказов о войнах на Кавказе, сумеем проговорить многие моменты, разобщающие людей, и тем самым объединить читателей, помочь различным обществам лучше понять проблемы друг друга, то нам легче будет взяться за новую идею – издание «Кавказского альманаха», в котором смогут публиковаться авторы со всех регионов Кавказа, пишущие не только о войне, но и о традициях, культуре, жизни своих народов, о ценностях, объединяющих людей.

Сборник *«Время жить»* увидел свет, а идея «Кавказского альманаха» так и осталась пока не реализованной³.

3 Примечание редактора: Статья написана в начале 2011 г. Первый номер Литературного альманаха «Южный Кавказ» вышел в свет в сентябре 2011. Доступно на <http://www.international-alert.org/resources/publications/south-caucasus-literary-almanac-first-ed-russian>.

Чтобы как-то отразить динамику процесса поиска подходящих рассказов для сборника *«Время жить»*, я привожу путевые заметки, которые вел во время поездок по регионам Южного Кавказа. В них можно почувствовать нюансы, связанные с подобными миротворческими визитами.

4. Путевые заметки

Прямая речь из Баку

О городе

Последний раз я был в Баку 16 лет тому назад, задолго до тех событий, которые потрясли Кавказ. Приехав в Баку сейчас, я был ошеломлен ощущением, что вернулся в знакомый город. Мы попали в суховей (ветер дует в сторону моря), когда не чувствуешь, что рядом море, да и жара в 45-47 градусов не позволяла ни много думать, ни много чувствовать. Один раз, ошалев от жары, мы решили прокатиться на катере по Каспию. Хотелось подышать озоном, так щедро растворенным в воздухе у нас дома. Но ветер уносил все запахи и влагу. Под тобой вода, а ощущение, что это целлофан, как в знаменитом финале фильма Феллини *«И корабль плывет»*.

Баку чист, красив, праздничен, готов к приему. Бакинская набережная обилием хорошо одетых, праздно гуляющих людей напомнила сухумскую набережную в ее золотые времена. Но запах нефти – везде, и меня, привыкшего к запаху озона, он слегка раздражал. А бакинцы радовались: «Это запах стабильности и нашего будущего благополучия», – говорили они. Баку пытается сохранить национальный колорит своего центра, но практически везде строятся помпезные офисы различных корпораций и западных фирм, привлеченных нефтью. Их пытаются стилизовать под старину, но уши современности все равно торчат. Однако в двух шагах от центра вы попадаете в настоящий старый город. Узкие улочки, на которые едва пробивается только полуденное солнце, почти полное отсутствие зелени. Днем здесь можно увидеть небольшое количество местных горожан, озабоченных собственными проблемами, и редких, самых любопытных и отчаянных туристов, забредающих сюда в поисках собственно бакинского колорита.

О нравах

Люди безмерно теплые. Ответы на любой наш вопрос заканчивались плачевно: отвечали с удовольствием и очень подробно, к концу ответа мы почти забывали, о чем спрашивали. Как говорят о себе сами бакинцы, они очень законопослушный народ, и в Азербайджане легко наводить порядок. Они с удовольствием подчиняются ГАИ, милиции, властным структурам. Мне это импонировало, я чувствовал себя в полной безопасности. Я был просто потрясен вежливостью и жизнерадостность представителей сферы обслуживания, их стремлением удовлетворить пожелания клиента. В конце я уже заболел от этого, хотелось, чтобы на тебя не реагировали. Несмотря на жару, на улицах много людей. И

это неудивительно, потому что в Баку практически проживает большая часть населения Азербайджана. У меня сложилось ощущение, что в этом городе все отдыхают.

О языке

Закономерность времени: со многими из тех, с кем мы встречались по проекту, нам пришлось разговаривать при помощи переводчика. Пожилые люди, которые, казалось, должны помнить русский язык по советским временам, понимали нас, но говорить на русском им было уже сложно. Вначале мы с Гурамом Одишария решили, что это естественная национальная позиция многих людей постсоветских республик, создающая проблемы на местах. Мне приходилось наблюдать нежелание многих говорить на русском языке и в Молдове, и на Украине, и в Грузии, и в Центральной Азии. Однако, как нам объяснили, для людей, живущих в Баку, языком общения всегда был русский, но за пределами столицы он был распространен мало. А сейчас в Баку много беженцев из Карабаха, и, в частности, из сельских регионов, и азербайджанский язык слышится очень часто. Хотя русский пока все еще в ходу. Для многих он даже единственно понятный язык. Но слышна и английская речь, и арабская, вообще очень много иностранцев на улицах – чувствуется, что это открытый город, чего, к сожалению, нет у нас.

О еде и пиве

Очень вкусная и дешевая пахлава: мы перепробовали, наверное, сортов тридцать – ели, ели... Я думал и домой привезти, но нет, я наелся ею на год вперед. Огромные рестораны (один просто поразил меня своей площадью – вся Абхазия вполне могла бы пообедать разом) забиты публикой. Попав в него первый раз, я решил, что что-то произошло, и, привычный к экстремальным ситуациям, не удивился. Вокруг бегали люди, по несколько человек вместе. Оказалось, это официанты. Ресторанные площадки большие, желающих отдохнуть много, посадочных мест мало, прожиточный минимум высокий – вот тебе и сервис. Но что было приятно – там почти не пили. Много шашлыков, зелени, фруктов, пива, каких-то легких алкогольных напитков, но никаких пьяных оргий. И все всегда заканчивается чаем с сахаром вприкуску.

Жара вынудила многих бакинцев уехать за город на дачи; не сезон и для всякого рода культурных мероприятий. Перед выездом нас предупредили, что город почти пустой. Нужных людей нет. Что ж, решил я – посмотрим. Поговорим просто с интересными людьми. Наверное, в Баку, как и везде, не все имеют возможность отдыхать на загородных дачах. И мы оказались правы. Нужные люди оказались на месте.

Даже почти пустой город мне показался Вавилоном. Справляться с жарой помогает только пиво, подаваемое здесь холодным, а не теплым, как в наших заведениях, и в ледяных кружках. Мы по достоинству оценили местное пиво – оно ничуть не уступает нашему, сухумскому, как, впрочем, и чешскому. Пиво – как глоток воздуха. Новое ощущение.

И все-таки люди

В Баку, как и во всяком столичном кавказском городе, много писателей. Однако сами писатели жалуются, что национальную литературу мало кто уже читает. Всех настораживала и одновременно интересовала цель нашего приезда. Вначале у них в голове никак не укладывалось – почему вместе приехали участник войны из Абхазии и писатель из Грузии. Поговорив немного о конфликтах и их корнях, о войнах, об истории, возвращались, глядя на наши измученные и терпеливо ожидающие лица, к цели нашего визита. Спрашивали, на каком уровне отношения между нашими народами. Печально улыбались, услышав ответ – везде одно и то же! Сколько нам еще предстоит всем сделать! Возвращались опять к цели книги, говорили о том, что сегодня практически все, что пишется, носит документальный и справочный характер. Художественной литературы о последнем конфликте практически нет. Она не востребована. Да и война им не кажется законченной. Еще столько незаживших ран. Еще столько открытых ран. Однако практически все, с кем мы встречались – писатели, журналисты, литературоведы, издатели, ученые, представители неправительственных организаций и партий, работники гостиницы, таксисты, без которых невозможно было передвигаться в жару по городу, случайные знакомые за кружкой пива – начинали живо интересоваться целью нашего визита. Несмотря ни на что, многим эта идея не казалась утопической. Нашлись писатели, имеющие уже подходящие рассказы. Другие стали подумывать о том, что тем много, и, возможно, они попробуют.

Нам все время говорили о художественном фильме про карабахскую войну, снятом азербайджанском кинорежиссером. Кино в этот момент никак не входило в наши планы, но мы с Гурамом все-таки решили посмотреть фильм у автора дома. Он любезно согласился. Это был Явер Рзаев. Запомните это имя.

«Сары гялим»

Мы встретились с Явером Рзаевым у него дома. Всего две комнаты, но уютно, и сразу чувствуется, что здесь живет творческий человек. Смуглый, небольшого роста. Предлагает чай. Мы говорим о целях визита в Баку и непосредственно к нему. «Да, конечно, мы собираем рассказы, но нам столько говорили о твоём фильме, что мы не могли не воспользоваться случаем его посмотреть». Он сразу воодушевился и ответил, что удивлен тем, как такие идеи возникают параллельно. Сам он уже подумывал о выпуске на экран фильма с киноновеллами национальных кинорежиссеров Кавказа, поэтому ему очень понятна цель нашего издания. Собственно, и фильм его об этом. Долго, не спеша, говорим о жизни, о том, что с нею стало сегодня, о поэзии, о литературе. Я забываю, что он из Баку. Ощущение, что мы на «Амре», только вместо кофе пьем чай, и совсем в другом, не бегущем от нас, времени. Настолько комфортно, что я уже и не знаю, хочу ли смотреть фильм. Вдруг он испортит впечатление необъяснимого узнавания. Не понимая, о чем я думаю, он ставит кассету.

Смотрим фильм о войне со странным названием «*Сары Гялим*». Это «*Желтая невеста*» или «*Невеста в желтом*». У карабахских азербайджанцев была простая песенка с таким названием. Армяне называли ее иначе – «*Сары Ахчик*». Мотив тот же, да и слова те же, только поют они песню на разных языках. Это всегда было для них предметом спора. Теперь предмет спора изменился, ужесточился.

Он снял фильм о войне в Карабахе, а дал ему название незамысловатой песенки, в которой говорится о женитьбе. Синхронно он нам переводит азербайджанский текст. Иногда фильм идет на русском, но всегда сопровождается английскими титрами. Долгое время я не понимаю, что фильм художественный. «Как ты умудрился снять так диалог?». «Но ведь это художественный фильм. И это игра актеров». Мы смотрим долго. Едва слышен перевод Явера. Молчим. По ходу он поясняет некие символы. О том, что там намешано много всяких символов, он нас предупредил. Но это не мешает смотреть фильм и не думать об этих символах. У меня ощущение, что все это я уже видел. Видел этих командиров, оружие, лагерь, героя, сельского художника из азербайджанского села с блаженными глазами в предвкушении важности участия в священной войне. Неуклюжесть. Выстрелы. После завершения фильма не хочется говорить. Тихо выпадаю в осадок, ощущение, что только что спустился из Шромы 1993 года. Но он ждет. Начинает сам. В фильме ни разу не выступает на передний план соблазн выстрела. Звуки выстрелов неприятны. Да и сам он считает, что наступает время философов, а не политиков, историков и религиозных деятелей. Религия – не догма, нужна и важна пропаганда всех религий.

Фильм получил в 2000 году премию в Карловых Варах, а также премию за лучший сценарий на VIII открытом фестивале стран СНГ и Балтии. Кстати, сценарий к фильму он написал около 25 лет тому назад, когда еще учился в Москве во ВГИКе. Я удивился: «Но ведь тогда никто не предполагал войны в Карабахе?!». Он улыбался, нетерпеливо ожидая этого вопроса. Тогда сценарий был о двух солдатах, русском и немце, которые во время войны переходят фронт с одной стороны на другую. Теперь это история о двух «идиотах» по Достоевскому, армянине и азербайджанце, которые своим нестандартным поведением и восприятием происходящего, активным невмешательством разрушают стереотипы войны. Тогда ему не дали денег. Зато несколько лет назад ему предложили снять фильм в Азербайджане. Он взял старый сценарий и изменил национальности и имена героев, а также место и время действия. Остальное все оставил как есть. И действительно, он нам дал потом два сценария, о второй мировой войне и о карабахской. Почти все одно и то же. Только время и место другие. Ощущение уникальности конкретного конфликта исчезает. Сюжет так же прост, как и слова песенки, которая дала название фильму. Вначале армянин отказывается стрелять в пленного азербайджанца, потом попадает в плен к азербайджанцам, и в него отказывается стрелять азербайджанец, которого он спас в армянском плену. Что делать? Бежать?! И они бегут. Об этом и весь фильм. И только «*Невеста в желтом*», явившаяся из сновидений одного из героев, помогает им, убегающим навстречу свободе от объединившихся для их поиска и наказания армянского и азербайджанского командиров. Но впереди тупик. Сценарий и реальный финал фильма значительно расходятся. В сценарии герои погибают. Но, снимая

фильм, Явер не смог лишить их жизни. В финале непонятно, погибают герои вместе со своей мечтой в желтом или нет. «Пусть об этом думают зрители. Я не смог их убить. Может быть, они и останутся живы».

Во время съемок было знамение: «Когда они подходили к концу, на небе вдруг появилась стройная стая лебедей. Всем стало грустно. Нам показалось, что это знак о том, какой фильм мы снимаем. Но неожиданно в тишине раздалась автоматная очередь. Стая смешалась, закружилась в вихре, и мы увидели, как с неба упал один лебедь. Вдруг от мечущейся стаи отлетел еще один лебедь, с размаху бросился вниз и разбился у наших ног. Стая недолго была в смятении. Вскоре она опять выровнялась и продолжила свой путь. Только два окровавленных лебедя напомнили нам о том, что произошло что-то ужасное». Явер быстро подбежал к толпе, где стояли солдаты, принимавшие участие в съемках фильма, и актеры в военной форме: «Кто стрелял?». Все молчали. Вдруг один из них, а это был актер, не знавший, что такое война, сказал, что ему дали автомат, и он хотел попробовать пострелять. Все молчали, подавленные жестокой нелепостью ситуации. Явер вырвал у него автомат и попросил уйти со съемочной площадки. В дальнейшем он даже вырезал кадры с его участием: «Так реальная символика и в жизни сопровождала создание фильма о войне, где нет места соблазну выстрела, а один из нас выстрелил и просто так погубил целую жизнь».

В Баку фильм смотрели в узких кругах. В широком прокате его еще не было. Автор уверен, что время для фильма пока не пришло ни на родине, ни в Армении, ни в других частях Кавказа, где еще не прекратились войны. Наверное, это так. Но мне хочется усомниться в этом. Мне хочется сделать его доступным и в Армении, и в Абхазии, и вообще на Кавказе. Потом были просмотры в узких кругах в Ереване, Степанакерте, Сухуме, Тбилиси – на фестивале и по телевидению.

Ереван

В последние годы мне часто приходилось бывать в Ереване. И каждый раз он поражал своими изменениями. Когда в 1996 году мы впервые привезли сюда женщин, пострадавших во время войны, на реабилитацию, город, казалось, еще не оправился от последствий карабахского конфликта – вечерами, мрачней, он погружался в темноту. Но с каждым нашим приездом он становился все светлее и теплее. Поэтому, попав туда в очередной раз, я не особенно удивился тому, что он стал значительно уютнее, поскольку уже привык к изменениям в этом городе. Везде чувствовалась жизнь: неоновый центр и беззаботно гуляющие до поздней ночи люди, появилась масса новых кафе, ресторанов, дорогих магазинов.

Однако на этот раз нам надо было встретиться с писателями, представителями интеллигенции, чтобы обсудить идею издания книги о войне. Для меня это было необычно. Если раньше мне приходилось встречаться, в основном, с врачами и с людьми, занимающимися психологической реабилитацией жертв конфликтов, что сказывалось на моем видении Армении, то теперь мне приходилось смотреть на Армению под другим ракурсом. И он мне понравился.

Журналистка Алвард, бросившая во время карабахского конфликта все свои филологические дела, чтобы освещать события с линии фронта, познакомила нас со многими интересными писателями.

Грант Матевосян

Все время я находился в ожидании встречи с мэтром армянской литературы Грантом Матевосяном. В городе говорили, что он приболел, редко принимает посетителей. И когда Анаид Баяндур, переводчик его прозы, сказала, что вечером нас ждет Грант, меня охватило волнение. Вечером, когда мы, спотыкаясь, плутали по темной лестнице в поисках квартиры мэтра, она вдруг сказала мне: «Грант наполнил мою жизнь светом». Действительно, ощущение света постоянно исходит от него, как это бывает в присутствии детей или очень пожилых людей. Разговор был очень простой и теплый. О нынешней жизни, о новом поколении писателей. Уточнив цель нашего приезда, скептически заметил, что ему нравится идея книги, хотя сам лично не верит в то, что она может принести пользу этому миру. «Ничего не изменит, ничего не даст», – сказал мэтр. Потом, вернувшись к разговору о литературе, вновь стал светлым. Отметил, что сегодняшняя литература делится на «документальную, которая пришла к нам от американцев и европейцев, и камерную, и ни одна не выигрывает». Сам он остается сторонником камерной литературы. Изредка вспоминая о том, что я сижу рядом, спрашивал, что происходит в Абхазии. Один раз я вспомнил о том, что в Абхазию, наконец, приехал Фазиль Искандер. Он ответил, что многие современные писатели стали гениями благодаря тому, что могли жить вдали от Родины и сосредоточиться на своем творчестве. Помолчав немного, вдруг ожесточился и сказал: «Настроение взять автомат и выйти на улицу». Ему не нравится сегодняшний день, то, что творится вокруг. Во время разговора сын писателя находился рядом с нами. Видно было, что их связывает нежность и дружба. Он записал на камеру монологи отца, а совсем недавно их показали по телевидению. Монологи произвели на всех огромное впечатление, и сейчас Анаид Баяндур готовит их публикацию на русском. Всех удивило, что, несмотря на слабое здоровье, Грант активно общался. Он взял с нас слово, что по возвращении из Карабаха мы непременно к нему опять зайдем. К сожалению, у нас не получилось. Спускаясь от него, опять же по темной лестнице, я подумал, что стало очень светло. Рядом витал свет гения, о котором на пути к нему мне говорила Анаид.

Левон Хечоян

Писатель из глубинки. Народный писатель, как говорят о нем все. Очень камерный в общении. Живет и работает в маленьком городишке Раздан, но и тот слишком большой для него. Он любит деревню, а вынужден жить в городе. Редко, по необходимости, приезжает в Ереван, как в этот раз, когда услышал про нас. Чистый, восторженный взгляд – такой я, пожалуй, встречал в Абхазии только у Гиви Смыра. Провинциал в хорошем смысле слова. Недавно, когда его представляли к государственной премии по итогам конкурса, не пошел. Не хотел получать ее из рук представителей властей. «Нет смысла участвовать

в конкурсе, там ведь все уже заказано», – сказал он. Однако первую премию получил именно его рассказ. О современных писателях с грустью и спокойно заметил: «Есть писатели легковоспламеняющиеся, востребованные в этот миг». Я вспомнил о «пафосе сегодняшнего дня» Искандера.

Овик Еранян

Молодой писатель, пишущий о карабахской войне. Первые же его слова остужают меня: «Почему искусство не может отражать войну? Потому что она не закончилась. В умах, в подсознании людей. Сегодня невозможно написать роман. Нельзя, так как нет нормального конца. Читатель все равно ждет ответа. Роман – точка, рассказ, эссе – может быть запятой. Я больше не могу писать о войне. Сейчас». Дает мне книгу рассказов. Потом пересказывает сюжет еще неизданного рассказа. Речь идет о реальном событии. Два друга, армянин и азербайджанец, воевали в Афганистане. Была ситуация, в которой армянин спас своего друга азербайджанца. Опять они встретились случайно на Карабахской войне. Оба были радистами там и узнали друг друга по радио. Они начинают говорить о войне, о жизни, вспоминают прошлое. Оба призывают сложить оружие и выйти из войны. Заканчивается рассказ информацией по радио и ТВ о том, что шли страшные бои и что имеются жертвы с азербайджанской стороны, погибли почти все. Жертв с другой стороны нет. Все ликуют. Только один парень, армянин, знает, что произошло. Он единственный, кто не радуется. Он понимает, что нет больше его друга. Он выходит из войны. Когда я попросил его дать нам рассказ, чтобы напечатать его в нашей книге, он отказался, потому что хотел, чтобы он впервые появился на армянском языке и в Армении. Общественность в Армении неправильно понимает его: «Мол, что, зря воевали?» Друзья говорят, что это против их правды. «Но я считаю, что можно остаться человеком и на войне».

Говорю ему о Явере Рзаеве. Он заинтересован. К сожалению, мы поздно познакомились, и он не попал на просмотры фильма, которые мы с Гурамом устроили в Ереване.

- «Нет, в Армении таких фильмов нет. Пока нет. Попытки были, но не получились. Но нам еще это предстоит. Американцы сумели выразить в кино горе одного человека, связанное с войной. “Апокалипсис сегодня” – последний из этой серии. А мне надоели чувства человека в экстремальной ситуации. Но я пока не все выразил о войне».
- Вы бывали в «Поплавке»? Это кафе на островке, – вдруг, ни с того ни с сего, спросил он.
- Разумеется, кто же не бывал там, тем более находясь в гостях. Это ведь очень модно.
- Для вас модно, а на нем прошла моя молодость. Я там жил своей жизнью. Но сегодня «Поплавок» не тот. И Ереван уже не мой город. Каждый раз я чувствую, что теряю свою родину. Мы там созрели. Там формировалась нынешняя интеллигенция за

чашкой кофе. Это было самое доступное место для всех. Какие там были разговоры! Какие идеи рождались там! Сколько радости, любви, дружбы витало меж дымящихся чашек кофе. Но мы теряем его сейчас. Сегодня там, у входа, сидят две персоны, левый и правый, и договариваются, кого будут ругать. Вечерами там играют модный джаз и разодетая публика выставляет себя напоказ. Это фарс. Капитализм входит в наши отношения. Но я не думал, что «Поплавок» сдастся. Второго места, где рождается мечта, у нас нет и не будет.

Едва слышу, о чем он говорит. Неожиданный и страстный переход от литературы и обзора нынешней политической ситуации к кафе на острове меня подавляет. Едва слышу его. Комок подкатывает к горлу. О чем мы с ним говорим? Понимал ли он, как мне было больно слышать о том, что «второго места» для нас не будет. Я понимаю: «Поплавок» – это наша «Амра». Он жалеет, что бывал в Абхазии, но не знает «Амру». Прошлое объединяет нас. Это «Амра» в «Поплавке» или «Поплавок» в «Амре». Думаю об «Амре», кому сдалась «Амра»? После разговора с Овиком я решил понять, что происходит со мной. Иду в «Поплавок», но сажусь с новыми друзьями в кафе напротив. Кто эти двое, которые договариваются, кого ругать? Это скульптуры у входа. Мне объясняют, что их посадили тут недавно. Кажется, что они о чем-то шепчутся, неприлично склонившись друг к другу. Более года назад здесь, в кафе, сидели нынешний президент Армении и Шарль Азнавур. Бывший одноклассник президента, завсегдатай «Поплавка», приветствовал его, проходя мимо: «Привет, Робик!». Охране это не понравилось. Его отвели в сторону и забили насмерть в уборной. Потом охранника посадили. Все в шоке. Вскоре после этого там проходил джазовый фестиваль. В самый разгар к кафе подошли бывшие «поплавчане» и молча спустили траурный венок в пруд, на котором стоит «Поплавок». Так они прощались со своей мечтой. Так они выразили свой протест. Я вспомнил Явера Рзаева, написавшего сценарий *«Сары Гялим»* 25 лет назад. Как все похоже?! Мировая война и карабахская, «Поплавок» и «Амра». Найдя еще одного «амритянина», я понял, что надо уезжать. Я уже 10 лет не хожу в «Амру». Я больше уже никогда не пойду в «Поплавок», очень модный уголок в центре Еревана.

Не зря приезжали...

Неделя в Ереване подходила к концу. Позади много встреч. Не всегда нас встречали восторженно. Некоторым идея казалась практически нереальной. Однако впоследствии почти все, с кем мы общались, приносили свои рассказы. Как-то после встречи с группой писателей один из них, очевидец карабахских событий, мрачно спросил: «Война глазами писателя? Но я пишу глазами армянина». На следующий день он отвел меня в сторону и сказал, что вчера он практически ничего не говорил, потому что был потрясен тем, что грузин и абхаз предлагают им участвовать в подобном проекте. Однако потом подумал и понял, что ему нравится атмосфера, в которой все это происходит. Протянул свои рассказы. Не знаю, попадут ли его рассказы в сборник, но для меня в тот момент они были самыми желанными.

На пути в Степанакерт

Все эти годы мне непрестанно хотелось поехать в Карабах. Но так получалось, что планируемые мероприятия в последний момент отменялись. Дорога в Степанакерт, как мне все говорили, нелегкая и небезопасная, и добраться туда без сопровождения нереально. Однако мне казалось, что побывав там, я смогу понять многие вещи, которые происходят у нас в Абхазии, – новый взгляд со стороны не помешает. В Ереване о Карабахе говорят теперь редко. Конфликт хоть и продолжается, но в Армении у людей уже нет того ощущения опасности войны, которое испытывал я. Все поглощены своими делами, внутренними проблемами, будущим. Поэтому о Карабахе говорят скорее из вежливости, нежели из внутренней потребности. Это еще более подстегивало меня.

Наконец, пережив жаркую неделю в Ереване, мы готовимся с Гурамом Одишария в путь. Когда еще в Ереване представитель Кавказского Форума готовил нам встречу с журналисткой, назвав ее человеком, хорошо знающим писательский мир и, в особенности, тех, кто пишет о войне, поскольку она освещала карабахский конфликт на всех его этапах, сработали стереотипы. Я полагал, что придет шумная, деловая женщина, возможно с сигаретой в зубах. Когда же нам представили женщину с милой, застенчивой улыбкой на лице, с незнакомым для слуха именем Алвард, я почувствовал разочарование. Ну вот, попались. Что она может знать о войне? И видела ли она ее? Наверняка писала что-то, не выходя из уютенького кабинета в Ереване, под впечатлением телевизионных передач. За чашкой кофе спокойно и деловито обсуждая план действий, выясняем, что она филолог, преподает классические языки в университете, в духовной семинарии, пишет иногда статьи в различные газеты, а во время карабахской войны, бросив все, постоянно освещала события с линии фронта. Потом нам сказали, что в свое время она пользовалась огромной популярностью, много печаталась на армянском и русском языках, непосредственно знает комбатантов, полевых командиров, журналистов, представителей властей в Армении и Карабахе, в особенности тех, кто играл значительную роль в период конфликта. Становится интересно. Прочитав вечером вырезки из старых газет с репортажами, статьями и зарисовками, понимаю, что они отличаются объективностью, попыткой понять и зафиксировать то, что чувствуют люди на той или другой стороне, а это почти невозможно в период наиболее сильной, вооруженной конфронтации. Вместе с Алвард мы и отправляемся в путь.

Наше путешествие в Степанакерт началось с Араратской долины, с той ее части, которая вплотную примыкает к армяно-турецкой границе. Впритык к ней расположена одна из святынь Армении – храм Хорвироб. Легенда гласит, что Григорий Просветитель был в свое время (в начале новой эры) заключен на этом месте в яму царем Трдатом. В наказание за это царю ниспослали свыше ослиные уши. Далее известно, что Григорий Просветитель остался жив благодаря царевне, приносившей мученику хлеб и воду, поддерживавшей его веру. То ли царь уверовал, то ли его убедила дочь, которая приняла христианство, придавшее ей силу убедить отца, то ли он боялся семейного разлада, то ли хотел

избавиться от неудобных ушей, но он выпустил мученика и принял крещение. Именно к этому времени и относится официальное принятие христианства в Армении. Вокруг той ямы, где провел долгое время Григорий Просветитель, отстаивая в одиночестве веру, в V веке н.э. был построен храм, как полагается – на холме. Рядом Турция. С холма видны сооружения на той стороне и прекрасный вид на гору Арарат – символ Армении и армян, который вот уже почти столетие практически им недоступен. Рядом с исторической святыней – остатки древнего кладбища с погребальными камнями, на которых выбиты кресты и замысловатые геометрические рисунки. В армянской христианской культуре не допускается изображение святых, поэтому армяне украшают свои храмы и надгробия специфическим орнаментом, смесью традиционной и христианской символики.

Вся дорога – это череда храмов. На огромной скале, высоко в горах, над дорогой, в поднебесье, возвышается храм Арени. Постройки храма относятся к позднему средневековью, но армяне называют его еще *Норованк*, что означает «новая церковь», поскольку он был воздвигнут на руинах древних храмов IV века н.э. Уникальность храма в том, что это единственная в Армении церковь с изображением лика Христа.

Главное, что поражает в Карабахе сегодня – это все-таки дороги. Широкие, идеально проложенные, они выются по горам и постепенно, по мере продвижения вглубь, цвет охры, характерный для армянских горных пейзажей, сменяется буйной зеленью. Если отвлечься от дорог, разительно отличающихся от нашего бездорожья, то появляется ощущение, что ты едешь по горной Абхазии, и оно уже не покидает тебя в самом Карабахе. Через несколько часов мы, петляя по горным дорогам, прибываем к нынешней границе Карабаха. В пути нас сопровождают звуки фантастической музыки, извлекаемые Дживаном Гаспаряном из дудука – национального армянского инструмента. Перед нами Лачин. Это коридор из Армении в Карабах. До начала боевых действий здесь практически не проживало армянское население. Для карабахцев это стратегическое место. Лачинский коридор является одним из камней преткновения в переговорах между Арменией и Азербайджаном. Вернуть его – значит опять лишиться живой связи с Арменией. Сегодня Лачин практически восстановлен. Все дома отстроены. Но живут в нем уже армяне. На самом видном месте возвышается недавно возведенный диаспорой храм.

Именно диаспора, помимо бюджетных средств Карабаха и Армении, является сегодня главным спонсором восстановления разрушенной войной инфраструктуры и поддержки различных реабилитационных программ в социально-экономической сфере. Каждый километр дороги по всему Карабаху отмечен табличками с именами зарубежных соотечественников, выделивших деньги на восстановление именно этого участка. Вначале имена читаешь, потом привыкаешь. Получается, что и в памяти людей механически остаются имена первых соотечественников, решившихся раскошелиться. (Хотелось бы напомнить, но не в качестве упрека, и абхазским соотечественникам ближнего и дальнего зарубежья, пока только размышляющим о возможности инвестирования в Абхазию, о капризной избирательности исторической памяти). Их пока много. Власти всячески

поощряют армянскую диаспору к спонсорству, а также следят за законностью вкладов, ростом их влияния и популярности у населения. Все должно быть сбалансировано. И во всем должна быть мера.

Степанакерт

Сегодня в Карабахе не так уж много жителей. После вынужденного переселения азербайджанцев в результате конфликта в Карабахе осталось около 140 тысяч человек. Следов разрушений от военных действий практически не видно. Почти все восстановлено. Разумеется, их нет и в Степанакерте, хотя город и подвергался обстрелам и бомбардировкам. Практически все восстановлено, а жилья, тем не менее, не хватает. Хотя нет, одно здание возле городской мэрии напоминает все еще о разрушении. Оно ограждено бетонным забором и кокетливо украшено цветными картинками то ли детей, то ли местных художников-примитивистов, дожидаясь восстановления. Город убран и чист. И центр, который, впрочем, можно обойти за полчаса, весь освещен лампами. Как и положено столицам, здесь есть все, что должно быть в столице: свое телевидение, театр, кинотеатр, дискотеки, частные отели, интернет, мобильники в руках у хорошо одетых и деловитых горожан и бесконечное количество кафе и ресторанов, которые мало отличаются друг от друга. В Степанакерте около 60 тысяч жителей. В отличие от Армении, здесь везде слышна русская речь. И хорошая. Сегодня это становится проблемой. До конфликта в Нагорном Карабахе, помимо азербайджанских, были и русские школы, в которых армянский язык преподавали как один из предметов для желающих. Поэтому практически все армяне учились в русских школах. В городе живут многие армянские беженцы из Баку, для которых русский язык также более привычен. На слуху специфический, едва уловимый акцент, не имеющий сходства с тем, к которому привыкаешь в Ереване. Теперь, после введения закона о государственном языке, многие практически отрезаны от некоторых сфер жизни. Русская школа – всего одна, и то коммерческая. Однако она пользуется популярностью, несмотря на ограниченность финансов простых горожан. По мнению многих, уровень образования в этой школе очень хороший. На этой волне даже возникла одна правозащитная организация в поддержку русскоговорящего населения. В основном она защищает права армян и очень редких представителей этнических меньшинств.

Телевидение

Местные телевизионщики, в отличие от наших, быстро реагируют на события и более терпимо, если не сказать с интересом, относятся к представителям неправительственных организаций. Не успели мы распаковать вещи в маленькой частной гостинице, как нам сразу сообщили, что нас с нетерпением ждут на телевидении. Несмотря на то, что эфирное время невелико, нам оно было предоставлено без ограничений. В этот день местных новостей больше не давали, поскольку отпущенное на трансляцию время поглотило наше интервью на тему о миротворчестве, народной дипломатии и развитии гражданского общества. На следующий день нас многие уже узнавали и здоровались прямо на улице.

Местный канал в Карабахе смотрят с таким же вниманием, как у нас Абхазское телевидение. И с таким же раздражением говорят иногда о содержании и качестве телепередач. Меня, конечно же, заинтересовала работа телевидения. Сегодня вместо оплачиваемого государством одного часа эфирного времени его растягивают до двух часов. Сотрудников немного. Всего 85 человек. Разумеется, и здесь не обошлось без спонсора, на этот раз некоего армянина из Аргентины. Все ждут введения на ТВ предусмотренного новым законодательством Общественного совета, в который войдут представители всех ветвей власти и общественности. Помимо этого, есть еще два коммерческих канала, которые, как и полагается, занимаются ретрансляцией западных и российских каналов вещания. Национальный канал при этом ведет передачи только на армянском языке. Исключение делают, как в нашем случае, когда снимают интервью с гостями. Правда, радио работает на трех языках: армянском, русском и азербайджанском. Как нам сказал директор, закрытых тем на телевидении нет, власти позволяют говорить в эфир всем и все. Тем не менее, в свое время он ушел с телевидения из-за трений с властями и вернулся совсем недавно.

Пресс-клуб

В Степанакертском Пресс-клубе, независимом информационном агентстве, договариваемся о встрече с писателями и журналистами. Почти все мужчины в военной форме. Практически все – участники войны и освещали ее на разных этапах. Суровы. Начинаем объяснять цель своего визита. Не ожидая обратной связи, предлагаем посмотреть фильм азербайджанца Явера Рзаева о карабахской войне. Они этого и ждали. Видимо, уже слышали о нем от наших друзей. Перевод практически не нужен. Многие местные жители знают азербайджанский язык. Лишь иногда мне приходилось уточнять некоторые диалоги. По завершении просмотра никто не спешит говорить. Интересуются, как прошел показ в Баку. Объясняем, что пока фильм показывают в узких кругах. Позже один из журналистов, присутствовавших на встрече, дал в прессе информацию о запрете этого фильма в Азербайджане, что не соответствовало действительности.

Мне важно услышать именно их мнение. Молчание, наконец, прерывается, и начинается осторожный разговор вокруг общечеловеческих ценностей. Развитие событий в фильме, в особенности объединение командиров враждующих сторон, принимается с трудом. Кто-то говорит, что раскрыты не все стороны войны, что герои метафорически объединяются во имя идеи, которой нет в фильме. Понимая, что перед нами сидят непосредственные участники войны, мы их не торопим. Но главное – нет резких высказываний, а звучат мысли об этике войны и этике мира, о том, что этот фильм – попытка европейского взгляда на ценности, не привязанные к местным реалиям. Люди постепенно углубляются в воспоминания о реальных военных событиях и отмечают, что автор старался быть объективным.

Участники встречи обращают внимание на то, что причина многих конфликтов кроется в безнравственности политики. Дружбу двух бедолаг, бегущих к мифической свободе,

они объясняют тем, что в фильме нет ненависти и превосходства одних над другими. Я задумался над тем, что люди, сами испытавшие все связанное с войной, отличаются, как правило, большей терпимостью и неприятием самой войны. Фильм был фоном для нашей беседы. Мы сравнивали наш опыт и согласились с тем, что хотя цели у сторон конфликта бывают разные и мораль, возможно, имеет два пласта, тем не менее существует этика войны, которая часто нарушалась сторонами вопреки традиционным ценностям.

... и официальные лица.

«Мы не мыслим признания нашего государства без создания гражданского общества», – сразу оглушил нас начальник управления информацией при президенте Нагорного Карабаха Александр Григорян. Что-то вроде этой фразы я сам намеревался сказать в прелюдии к беседе с представителем власти. Однако после того как мой собеседник отметил, что данный процесс достаточно сложный и надо учитывать национальный менталитет, я немного пришел в себя и стал несколько уверенней. Потом для нас был проведен небольшой экскурс в историю трансформации менталитета, которая, по мнению главы информационного управления, происходила еще в советское время, ибо тогда народ думал, что государство (власть) только говорит о гражданском обществе, но не реагирует на его нужды и сдерживает его саморазвитие. А поскольку в Карабахе именно власть несла ответственность за войну, то очень сложно нести «дополнительную ответственность за народ», хотя данное обстоятельство, как отметил наш собеседник, не должно отражаться на развитии гражданского общества. Мы говорили очень долго, а вернее слушали о проблемах развития непризнанного государства, о необходимости развития демократических институтов, которые являются единственным гарантом международного признания. В качестве положительного примера он привел высокую оценку независимыми наблюдателями недавних выборов, а также признание их справедливыми самим населением. Я не стал возражать, тем более не стал говорить, что многие из тех, с кем нам удалось побеседовать, все же имели возможность убедиться, что справедливые выборы – это пока труднодостижимая идея. Они, конечно же, исходили из собственного опыта.

Мне хотелось понять, с какими проблемами связано развитие гражданского общества в Карабахе, как осуществляется процесс возвращения бывших военных на стезю мирной жизни? На это начальник управления ответил, что в Карабахе, как и в других постконфликтных и конфликтных регионах, существовала проблема столкновения между гражданским обществом и военными авторитетами, он даже выразился жестче – с криминалитетом. Когда часть военных, по словам Александра Григоряна, решила приватизировать победу и стать привилегированной частью общества, взяв власть в стране по праву участия в войне, это привело 22 марта 2000 года к кризису власти и террористическому акту. Военная структура развалилась как «карточный домик». Карабах выбрал цивилизованный путь становления государства, в котором, как надеется г-н Григорян, будут доминировать не личности, а демократические ценности. Нам нужны эффективная система власти, законы,

парламент, гарантированная свобода слова, – отметил он. Далее наш разговор принял некоторый сюрреалистический оттенок. Я перестал понимать, с кем говорю и где нахожусь, едва успевая фиксировать мысли о том, что власти не должны вмешиваться в работу телевидения, газет, даже если они критикуют правительство, что нормально, когда есть люди, мыслящие по-разному, и именно представители НПО наиболее остро это ощущают и являются локомотивом, ускоряющим процесс демократизации. Я вспомнил, что слышал уже нечто подобное по российским каналам в период подготовки Гражданского Форума на фоне непрекращающегося конфликта и гибели гражданского населения в Чечне, во время дискуссий о важности развития демократических ценностей после трагедии 11 сентября и форсированных действий по их реализации, например, в Афганистане. Вспоминал, что игры с демократизацией и свободой слова прерываются так же внезапно, как и начинаются везде, где государство и часть его граждан еще не совсем отчетливо понимают, как легко декларировать демократию, но как сложно придерживаться ее основополагающих принципов. Я слушал и думал, как хорошо, наверное, что представитель власти, контролирующий в силу своих обязанностей информацию – наиболее важный рычаг, способствующий становлению и реализации различных свобод, говорит: «Не надо мешать людям думать, мы должны к ним прислушиваться». Может быть сегодня это еще только игра, но завтра это уже будет естественным и неотъемлемым стилем поведения, потому что сегодня в Карабахе есть люди, лишённые свободы за свои политические убеждения. В Ереване я встречался с карабахским журналистом Ваграмом Агаджаняном, бывшим в свое время под следствием, а затем выдворенным из республики за критические материалы, вызывающие, как выразился г-н Григорян, лишь «неизбежные проблемы в личных отношениях». У Агаджаняна, работающего сегодня в Ереване, также постоянно возникают проблемы. И хотя он считается самым скандальным журналистом в Армении и Карабахе, сам он очень доволен собой и своей скандальностью, и производит впечатление открытого и жизнерадостного человека. Но пообщавшись с ним часок, я уже сожалел, что слишком много и открыто говорил. Чувствуется хватка: хитро, ласково и вовремя он задает различные вопросы. Правда, несмотря на репрессии, сегодня он успешно работает в газете «Иравунк» («Право»), которая печатается в США и Германии.

Я уезжал из Карабаха, понимая, что при различии ситуации на местах, у нас есть много схожих черт. И мы стремимся к свободе слова, невзирая на устанавливаемый регламент и контроль сверху. И у нас кое-кто наверху стал понимать, что сильное гражданское общество – это опора демократического государства, однако не всем оно по духу. И тут, и там есть попытка контролировать свободу мысли, слова, но все понимают, что это уже невозможно. Есть проблемы, но есть и понимание того, что авторитарный стиль руководства страной давно изжил себя, и развитие демократических институтов, хоть это и не всем по душе, может вывести страну из кризиса, связанного с войной и становлением, а главное – способствовать признанию государственности нового времени.

Карабах был последним звеном в поиске писателей, пишущих о войне. Отбор произведений редакционным советом практически подходит к концу и начнется новый этап подготовки

к непосредственному изданию книги. Мы все надеемся, что она найдет своего читателя и внесет свою лепту в развитие общекавказского пространства, где не должно быть места войнам и насилию. Но это уже завтрашний день.

Немного юмора, или что делать, чтоб не вставать ни на чью сторону

Как-то, когда мы с моим соавтором по проекту были в Баку, чтобы отобрать рассказы азербайджанских писателей о войне для сборника *«Время жить»*, а в тот день было жарко, где-то за 40 градусов, мы решили зайти в ближайший бар выпить пива. Заглянули. Нам он не очень понравился, мы сразу вышли. Но нас нагнал бармен и стал уговаривать все-таки зайти к нему. Разговорились. Он понял, откуда мы. Удивился такому тандему: абхаз и грузин вместе и готовят книгу о мире. Спросил, где мы живем. «В Тбилиси», – ответил мой коллега. «Я из Сухума», – встрял невольно в разговор и я. И тут пошел душевный разговор. Наш новый знакомый, не скрывая восхищения, повторял: «Ах! Какой красивый город Тбилиси!»; «Ах! Какой красивый город Баку!» – вторил ему мой партнер по проекту. И так несколько раз. Сравнивая оба города, собеседники согласились с тем, что Тбилиси и Баку очень похожи. И опять по несколько раз повторили эту мысль. А солнце печет. Августовское. Я устал. И тут я опять встрял: «Конечно, ваши города похожи. Ведь и тот, и другой армяне строили!». В воздухе повисло гробовое молчание, соперничавшее по накалу с августовской жарой. Бармен не отреагировал на мое последнее замечание и пригласил нас вечером в бар. Когда ближе к вечеру мы вернулись в гостиницу, приняли душ, остудились, позвонил мне мой коллега и спросил, пойдём ли мы в гости. Я в свою очередь переспросил его: «Ты остыл?» «Да», – ответил он мне. «Думаю, что и бармен остыл после нашей встречи, и уже не так лениво и бесстрастно может воспринять брошенную мной реплику о том, кто строил два больших и великих города на Кавказе», – весело резюмировал я. Короче, пить пиво в бар мы не пошли. А зря. Думаю, что бармен правильно воспринял нашу шутку. И в этом меня убедило наше очередное путешествие через месяц в Ереван и Карабах. Цель та же – встречи с писателями. На первой же встрече группа писателей и интеллигенции радостно меня спросила, правда ли, что в Баку мы говорили нечто подобное о градостроительстве. Я посмотрел на них и, набравшись наглости, ответил: «Да, это так. Но у меня вопрос к вам. Почему вы не строили так же красиво у себя дома? Вокруг не на что смотреть, сплошной почерневший от времени розовый туф». Вижу, у некоторых в глазах мелькнули нездоровые искорки, а потом вдруг ... все стали смеяться. В итоге шутками, вызванными жгучим августовским солнцем, остались довольными и в Баку, и в Ереване, и в Степанакерте. Хотя мне казалось, что у всех были основания обидеться. Был неправ. Вернее точно знал, что не должны обижаться. Собственно, о чем это я? Думаю, надо бороться за право быть самим собою, и тогда тебя будут правильно воспринимать. Вот так вот и создавался наш маленький сборник рассказов о войнах и конфликтах на Южном Кавказе, которые, судя по всему, пока еще далеки от разрешения.

ГЛАВА 21

«...Постигать и защищать человека»

Гурам Одишария

1. Предыстория

Девять лет назад в одной из независимых газет Абхазии была напечатана моя новелла. Если не ошибаюсь, после грузино-абхазского конфликта я был одним из первых грузинских писателей, чьи произведения читало абхазское общество.

Для меня этот факт очень важен – я ведь сухумец.

На одной из встреч под эгидой народной дипломатии одна из моих подруг студенческих времен сказала: «Не забывай, что ты и сухумский писатель».

Я об этом всегда помню и горжусь тем, что я тоже докер сухумской литературы, частица чудесного, дружелюбного, родного, обильного в любви и, к великому сожалению, многострадального города. До выхода моей новеллы я также переводил и печатал в грузинских журналах и газетах небольшие произведения абхазских писателей о войне и не только о ней. Мне очень хотелось, чтобы грузины знали о проблемах, боли и надежде абхазского общества.

Правда, из-за отсутствия коммуникации мне приходилось печатать эти произведения без ведома абхазских авторов, но я успокаивал себя тем, что и меня печатали без моего согласия. Думаю, это было одним из нормальных и поощрительных нарушений авторских прав.

На одной из встреч, которую проводила международная организация “International Alert” в рамках проекта «Построение доверия между грузинскими и абхазскими обществами с участием Кавказского Форума НПО», я и хорошо известный в Абхазии человек, Батал Кобахия, долго беседовали о сильных и слабых, объективных и субъективных, гуманных и агрессивных сторонах произведений о войне. В конце концов родилась общая идея – издать книгу, в которой будут напечатаны произведения писателей о войне. Тема войны активно обсуждалась и в другом направлении вышеназванного проекта – экс-комбатантском. Издание такой книги вполне вписывалось в стратегию этого направления. Мы поставили цель – показать картину войны через произведения писателей.

Участвуя в работе Кавказского Форума и разделяя его ценности, мы считали, что дискуссии представителей гражданского общества по острым и актуальным проблемам, равно как и многочисленные конференции способствуют процессу урегулирования отношений на Кавказе. Вместе с тем мы понимали их недостаточность.

Информации о подобных встречах зачастую просто мало; она не всегда широко распространяется среди населения – в отличие от художественной литературы. У подобной информации и текстов круг читателей ограничен. Подключение к диалогу писателей через издание книги способствовало бы большему пониманию ситуации гражданами.

2. Комплектование книги

Мы начали с того, что стали собирать произведения абхазских и грузинских писателей, а потом и осетинских, азербайджанских, армянских. Южный Кавказ – родина пяти литератур: абхазской, осетинской, армянской, азербайджанской и грузинской. Проект изначально был задуман как кавказский, но скоро стало ясно, что невозможно охватить весь Кавказ, и было решено подготовить и издать книгу писателей Южного Кавказа. К великому сожалению, у нас в этом регионе три конфликта: грузино-абхазский, грузино-осетинский и армяно-азербайджанский. Общества Южного Кавказа живут как бы повернувшись друг к другу спиной. И это продолжается уже более двух десятилетий.

Мирный характер книги, участие в сборнике представителей разных регионов позволили бы читателю взглянуть на проблемы глазами народов, населяющих Южный Кавказ, в том числе и глазами противостоящих в конфликтах сторон. Издание книги могло бы стать примером новых мирных гражданских инициатив, содействовать общекавказскому диалогу как альтернативе насилию.

Мы ознакомили с нашей идеей друзей и сотрудников из “International Alert”. Им понравилась идея, и они поддержали нас. В качестве составителя и соредактора был приглашен абхазский писатель Даур Начкебия.

Для того чтобы «раздобыть» нужные произведения для книги и познакомиться с авторами, пришлось съездить и в Баку, и в Ереван, и в Степанакерт. Позже мы выбрали редакторов в каждом регионе и вместе с ними начали работать над книгой.

Я и Батал Кобахия начали с Баку, где нас сопровождал журналист Шахин Рзаев. Спустя месяц мы поехали на пять дней в Ереван, а оттуда – в Степанакерт. Во время встреч с азербайджанскими и армянскими писателями, журналистами и представителями НПО мы подробно рассказывали о проекте. Сначала почти все удивлялись приезду представителей противоположных сторон конфликта, но вникнув в суть концепции издания книги рассказов писателей Южного Кавказа, старались помочь нам в поиске материалов. Они знакомили нас с писателями, чьи произведения, по их мнению, могли войти в книгу, и сами рассказывали очень интересные истории. Так мы познакомимся с Елчином Гусейнбеили, который позже предоставил нам произведения Фахри Угурлу и Рафига Таги.

В Ереване нас сопровождала журналистка Алвард Бархурдарян, а в Степанакерте – Гегам Багдасарян. Они познакомили нас с армянскими писателями Леоном Хечояном, Ара Назаретяном, Ованесом Ераняном, Вардгесом Овяном, Сусанной Арутюнян, Микаелом Абаджанелом. С некоторыми их произведениями мы были знакомы и раньше.

Везде, где бывали, мы при первой возможности устраивали встречи с представителями НПО. На одной из таких встреч Арзу Абдулаева рассказала об азербайджанском режиссере Явере

Рзаеве. Позже мы познакомились с ним, побывали в его квартире в Баку, на улице Киевской. Он показал нам свой художественный фильм «*Невеста в желтом*», который поразил нас. «*Невеста в желтом*» – это удивительная история взаимоотношений армянского крестьянина и азербайджанского художника во время карабахского конфликта.

Фильм Явера мы показывали и в Ереване, и в Степанакерте. Там не знали о существовании этой картины. Среди армянских зрителей фильм вызвал большой интерес. Они сделали его копии и, как мне известно, часто показывали.

Здесь же я хочу отметить, что проект породил новые инициативы. Так, по моему предложению, этот фильм был дважды показан в Тбилиси известным киноведущим Гоги Гвахария в телепередачах «*Психо*» и «*Красная зона*». Теперь этот фильм хорошо известен грузинскому телезрителю. Получилось так – искали особенные рассказы, нашли и особенный фильм.

Процесс поиска материалов, редактирования рассказов, издания книги фактически превратился в настоящий миротворческий процесс. Каждый шаг, каждое решение, почти каждый абзац мы, писатели, согласовывали друг с другом, часто перезванивались, общались по Интернету, встречались.

В Южную Осетию поехал я один, посетил боевые места, знаменитую цхинвалскую среднюю школу №5, во дворе которой захоронены погибшие (среди них и дети) во время грузино-осетинского конфликта. Вместе с осетинами молился в церкви святого Георгия. Еще раз убедился, что мир ходит детскими шажками, а война несётся прыжками чудовища.

Кроме вышеперечисленных азербайджанских, армянских и осетинских писателей, в сборник писателей Южного Кавказа вошли работы абхазских авторов – Алексея Гогуа, Фазиля Искандера и самого Даура Начкебия. В числе грузинских авторов – Бесо Хведелидзе, Шалва Бакурадзе, Каха Чабошвили и автор этих строк. Осетинскую литературу представляли Коста Дзугаев и Инал Плиев.

На одну из встреч мы пригласили ныне покойного великолепного абхазского художника Леварсу Бутба и грузинского художника Ладю Почхуа, которые должны были вместе оформить книгу. Они консультировались в течение недели и через некоторое время прислали иллюстрации, вошедшие в книгу.

Цель книги

В отличие от литературных сборников, издающихся одной из сторон в конфликте, мы подготовили совместное издание писателей Южного Кавказа. Концепция издания нашей книги была принципиально иной – она предусматривала совместную работу представителей литератур противоборствующих сторон конфликтов, обмен мнениями, консультации,

согласование всех спорных моментов. Таким образом, в результате совместной работы в течение года мы подготовили к изданию очень интересный сборник.

Прежде чем напечатать сборник, авторы проекта, составители, члены редакционного совета устроили еще одну большую встречу, где в течение трёх дней еще раз обсудили все нюансы и спорные вопросы, согласовали все тексты, включая предисловие и краткие биографии авторов, максимально используя т.н. «конфликтно-чувствительный» язык. Было решено издать книгу на нейтральной территории – выбор пал на Майкоп.

Уже после издания книги серьезной проблемой стало распространение тиража: в 2004 году вновь разразился грузино-осетинский конфликт, с обеих сторон погибли десятки человек. Часть тиража осталась во Владикавказе (через Владикавказ книги должны были вывезти в Южную Осетию и распространить по всему Южному Кавказу). Позже, благодаря помощи сотрудников ООН и лично главы миссии ООН в Грузии Хайди Тальявини, проблема была улажена.

В предисловии к книге говорится:

«Перед Вами книга, в которой собраны небольшие художественные произведения (новеллы и рассказы) 18 авторов Южного Кавказа – региона пяти литератур: абхазской, азербайджанской, армянской, грузинской и осетинской. В последнее десятилетие войн и конфликтов эти литературы фактически оторваны друг от друга, бывшие связи оборваны.

В книге дана попытка средствами художественного обобщения передать эмоциональное состояние людей, в котором бьется пульс настоящей жизни. В самом начале предполагалось охватить писателей со всего Кавказа, но на данном этапе мы решили ограничиться Южным. Цель проекта заключалась в том, чтобы представить под одной обложкой рассказы писателей из конфликтных регионов Южного Кавказа. В основном все рассказы, представленные здесь, были уже опубликованы на национальных языках. Здесь они впервые собраны в одной книге в переводе на русский язык. Книга станет своеобразным диалогом писателей. В ней они делятся своей болью, болью своего народа, пропагандируя мир без войн и насилия.

Мы верим, эта книга объединит всех читателей, поможет различным обществам Кавказа лучше понять проблемы друг друга»¹.

В выборе названия книги – *«Время жить»* – принимали участие все координаторы проекта. Из многих вариантов голосованием решили оставить вариант Ельчина Гусейнбеги.

1 *«Время жить»*, ГУРИПП «Адыгея», Майкоп, 2003 г., стр. 5.

3. Успех и внимание общества

Работа над книгой (авторов идей издания книги, редакторов, редакционного совета, доноров...) стала примером для других. В процессе подготовки сборника мы приобрели интересный и полезный опыт общения, преодоления противостояния, согласования, решения сложных вопросов и т.д.

Успешно прошли бакинские, ереванские, сухумские, тбилисские, степанакертские презентации книги. Их широко освещала пресса. Книга получила много отзывов. На Южном Кавказе и по сей день часто вспоминают эту книгу. Например, в июне 2008 года в одной литературной телепередаче известные грузинские критики долго беседовали о книге *«Время жить»*.

К сожалению, из-за возобновленного грузино-осетинского конфликта презентация книги в Южной Осетии не состоялась.

Благодаря этой книге впервые за последнее 20 лет азербайджанцы и армяне читали произведения друг друга. Осетины, абхазы и грузины также интересовались тем, что пишут «они» и что пишут «наши»?!

Кавказские писатели, напечатанные в этой книге, имеют большую читательскую аудиторию. С выходом книги фактически произошло объединение их читателей (тираж книги 5800 экземпляров).

Издание этой книги продемонстрировало значительную роль литературы, искусства, культуры в урегулировании конфликтов. Главное, что книга *«Время жить»* не была очередным проектом, о существовании которого знали лишь несколько десятков людей. *«Время жить»* узнали многие читатели; книгой интересуются, ее читают по сей день.

Может быть не все рассказы, вошедшие в книгу, высокохудожественные, но не это главное. Главное, что каждый из них понятен для любой стороны, так как в этих рассказах человечность оказывается выше войны и жестокости, что очень важно для людей, уставших от хронических конфликтов, теряющих веру и надежду. Книга вышла на русском языке и некоторые рассказы из нее были переведены на грузинский язык (рассказы Фазиля Искандера и Даура Начкебия напечатаны в журнале *«Арили»* и в сборнике рассказов *«Хиди»*, а произведения Левона Хечояна и Ельчина Гусейнбейли – в журнале *«Цискари»*).

Многие рассказы из этой книги были переведены и напечатаны на других языках в различных журналах и сборниках. Поскольку абсолютное большинство рассказов и новелл, вошедших в сборник *«Время жить»*, было написано и ранее напечатано на родных языках, то мы перевели их все на русский язык. Исключение составляют рассказ Косты Дзугаева и новеллы Шалвы Бакурадзе, написанные специально для этого сборника.

Вот что сказано об этой книге в московском журнале «Дружба народов»² (этот очень популярный в СССР журнал издается и сейчас, он распространяется как на территории бывшего Союза, так и в других странах мира):

“Только все взаимосвязано: если сдают свои позиции наука или культура, то распоясывается толпа, и пробуждаются дремлющие в ней варварские инстинкты.

Кто-то берет верх в пограничных, территориальных спорах, кто-то пакует чемоданы, становясь изгнанником, изгоем. Сегодня одолевают одни, завтра берут реванш другие. А в проигрыше и человечность, и человечество.

«Время жить» — так озаглавлена книга, на страницах которой встретились писатели Абхазии, Грузии, Армении, Южной Осетии и Азербайджана. Названа программно, полемически, с вызовом. Жить, а не умирать, собирать, а не разбрасывать камни. Соединять, а не увязать в раздорах. Это попытка вновь услышать друг друга, восстановить, если не чувство общности, то чувство совместной ответственности за будущее.

Книга, послужившая катализатором этих заметок, если честно признать, осталась вне критического резонанса. Ни статей, ни рецензий — полный штиль. Тоже симптоматично. Разразился бы скандал, запахло бы модной художественной провокацией, возможным Буккером, глядишь, и пошло-поехало бы обсуждение.

К тому же сами тексты, собранные под общей обложкой, явно неравноценны. Кто во что горазд. Психологические новеллы, отточенный гротеск, восходящая к библейским мотивам символика — и бок о бок почти репортажные зарисовки. А уж стиливых небрежностей, опечаток... Однако взятая в целом, эта книга не просто сборник, но поступок. Потребовавший от авторов, от составителей мужества, гражданственности, решимости не потакать той или иной стороне, а осмыслять происходящее с обществом, с народами, со всеми нами. Литература словно бы возвращается к своему исконному предназначению — постигать и защищать человека”³.

Когда автор статьи в «Дружбе Народов» пишет, что книга «осталась вне критического резонанса. Ни статей, ни рецензий — полный штиль», он имеет виду отсутствие международного резонанса (в статье в связи с этой книгой два раза упоминается Букеровская премия, говорится и о переводе книги на европейские языки и т.д.). К сожалению, популяризация книги на международной арене была участникам проекта не под силу. Что касается Южного Кавказа, то об этой книге написаны десятки статей на армянском, азербайджанском, абхазском и грузинском языках. Кроме того, о «Времени жить» был подготовлен не один сюжет различными телекомпаниями Южного Кавказа. Насколько мне известно, были попытки перевести книгу

2 Журнал «Дружба народов», Москва, №11, 2005 г.

3 Леонид Теракопян, «Навеки вместе. Или навсегда врозь? Заметки на полях книги рассказов писателей Южного Кавказа “Время жить”». Доступно на <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2005/11/te13.html>.

на европейские языки: так, фонд им. Генриха Бёлля хотел перевести и издать сокращенный вариант книги на немецком языке, но не удалось.

4. Концентрация внимания на посредничестве и миротворчестве

Проект длился год, в нем участвовало до двадцати человек. Исходя из специфики проекта, все его участники (даже те, кто плохо знали значение слова «медиация») становились в какой-то степени медиаторами. Вся наша работа по подготовке и изданию сборника превратилась, можно сказать, в миротворческий процесс, ведь нам пришлось контактировать с самыми различными людьми, с которыми встречи и не планировались.

Во время работы над книгой, осуществляемой в рамках проекта «Построение доверия между грузинским и абхазским обществами с участием Кавказского Форума НПО», мы часто встречались в разных городах Кавказа. Кроме того, у нас была постоянная связь по телефону и интернету с алертовцами и форумовцами, и мы согласовывали с ними свои действия, информировали о ходе работы над книгой. То, что International Alert и координаторы Форума (как с Южного, так и с Северного Кавказа) участвовали в обсуждении и вносили свои коррективы, я тоже считаю процессом активной медиации.

В своей работе мы придерживались общих ценностей и преследовали некие общие цели, которые можно сформулировать следующим образом:

- содействие процессу примирения народов Кавказа;
- гуманизация отношений;
- содействие общекавказскому диалогу, как альтернативе насилию;
- знакомство с современным творчеством кавказских писателей;
- содействие регулярному диалогу на Кавказе;
- пропаганда кавказской дипломатии, толерантности, культурных традиций;
- разрушение образа врага;
- понимание предмета озабоченности другой стороны.

По моему наблюдению, люди, с которым мы встречались и работали, устали от накала политической жизни, войн, недопонимания, изоляции и неопределенности. Они охотно шли на сотрудничество и хорошо понимали значение данного проекта. Мы все скучаем по истинному миру и гармонии, истинным человеческим отношениям.

5. Решение вопросов, связанных с негативными реакциями

Авторы проекта во время работы над «*Временем жить*» часто давали интервью СМИ Южного Кавказа. Благодаря прозрачности нашей деятельности, правильному объяснению и популяризации проекта на всех уровнях, а также опыту партнеров нам фактически удалось минимизировать факторы, которые могли бы помешать нам в подготовке сборника.

Был лишь единственный случай, когда руководителю одного из азербайджанских НПО (думаю, нет необходимости назвать его фамилию) не понравилось, что я, грузинский писатель, побывал в Карабахе. Но мы с ним обменялись письмами, я ему объяснил суть нашего проекта и ситуации, и все на этом закончилось.

Хочу привести выдержку из письма, которое он распространил среди грузинских НПО:

«К своей досаде, 2 сентября 2002 года в сведениях Информационного агентства «Арминфо» прочел сообщение о том, что грузинский писатель, член ассоциации «Кавказский диалог» Гурам Одишария посетил Степанакерт с целью ознакомления с творчеством карабахских писателей, пишущих на военную тему и т.д. и т.д. (сообщение прилагаю).

Мне, азербайджанцу, уроженцу Грузинской Республики, хорошо знакомому с новейшей политической ситуацией в Грузии (стеснение с 4 сторон: Осетии, Абхазии, Аджарии и Ахалцихского района), стало непонятно – неужели грузины желают пятой, борчалинской проблемы на свою голову?

Надо быть слепым, чтобы не видеть во всех этих событиях российско-армянский почерк, а в Ахалцихском районе и скрыть это невозможно.

При всем этом, дружба грузинских писателей с отщепенцами из Степанакерта, проводившими сепаратистскую политику по отношению к законной власти в республике, по меньшей мере непонятна. Ведь такой же политики придерживаются и абхазские, и осетинские сепаратисты. Неужели надо было быть столь недалководидным, чтобы не представить, как среагирует грузинское общество, если какой-нибудь азербайджанский общественный деятель посетит Абхазию или Осетию без ведома центральных властей Грузии, и напрямую окажет содействие в издании книги местных военных писателей, где, несомненно, будет восхвалена доблесть бандформирований в борьбе с законной властью.

Вот чем занимается господин Одишария, который носит титул «грузинского писателя».

Думаю, литературное общество Грузии оценит этот поступок Г. Одишария по достоинству, и грузинские общественные деятели не допустят подобное действие, затмевающее историческую дружбу грузинского и азербайджанского народов».

Здесь же привожу фрагмент из моего письма, которое я тоже распространил среди разных НПО:

«Уважаемый ... Мы хотим издать книгу о войне и против войны, о взаимопонимании и против стереотипов, об уважении друг друга и против ненависти, о справедливости, о мире, о том, как спасали друг друга от смерти люди, находящиеся на разных сторонах.

Это должна быть книга мира!

Когда начинается война, общества становятся заложниками. Когда начинается война, человечество теряет свою привлекательность («Все пули войны попадают в сердце матери» – Кайсын Кулиев). Народы начинают уставать.

Мы все представляем утомленные общества, которые сегодня живут скорее вчерашним, чем завтрашним днем...

Мы, южнокавказские писатели, уже больше 15 лет в изоляции друг от друга, не встречаемся, нас не переводят, иногда и не печатают.

Поэтому я и мои единомышленники начали искать произведения, которые будут читаемы везде, особенно в противостоящих регионах. Мы ищем то самое лучшее, что создали за последнее 15 лет пять южно-кавказских литератур – абхазская, осетинская, азербайджанская, армянская и грузинская.

Хорошие писатели не принадлежат только своему обществу, об их произведениях должны знать все. Думаю, это хоть немного облегчит наш общий удел, сблизит невинных, страдающих людей. На другое мы не имеем права. Иначе нас будут проклинать будущие поколения.

К моему счастью, мы нашли таких творцов, других людей разных профессий, людей, существование которых дает надежду.

Я еще раз убеждаюсь в том, что мы, кавказцы, сами и вместе должны лечить наши раны, найти формулу своего спасения, код которой затерян в наших народах.

Мы должны с новым видением, с новым творческим мышлением решать старые проблемы!

Чтобы глубже вникнуть в наше настоящее, я и мои друзья часто ездим по Кавказу: Нальчик, Минводы (1998, 2000 гг.), Баку и Ереван (2000, 2001 гг.), Цхинвали (2002 г.)... Моя последняя поездка в Баку состоялась в этом году (25 июля – 2 августа). Потом был Ереван, потом – Степанакерт (в конце августа).

Ни одна наша поездка не имела политического характера. Мы (конфликтологи, психологи, социологи, писатели и др.) представляем неправительственные организации. Мы – народные дипломаты, миротворцы.

Война в нашу жизнь ворвалась прыжками зверя, а мир ходит детскими шажками. Тяжела пролитая кровь, очень сложен процесс сближения позиций...

Я горжусь тем, что у меня много друзей по всему Кавказу. Незабываемы проведенные дни в Азербайджане, встречи с азербайджанскими писателями, моими старыми друзьями. Я видел удручающую картину – жизнь палаточных городков. Среди моих друзей есть и беженцы из Карабаха, из Физулинского, Агдамского районов.

Для сведения: я сам беженец, родился в Сухуми и до конца войны жил там. Меня очень радует, что мои произведения читают и в Абхазии.

Я приветствую диалог, контакты. Я призываю всех встречаться, говорить, понимать друг друга, быть понимаемыми... (Форматы встреч ведь разные: когда встречаются политики – это одно, а когда встречаются миротворцы – другое)...

Я сердечно приветствую всех тех, кто могут проявить старание, умение, талант для построения доверия между абхазским и грузинским обществами. И для меня не имеет значения, какой национальности эти люди! Главное, чтобы они от сердца делали свое дело, мудро, с результатом!

Я сердечно приветствую тот факт, что мои друзья из Азербайджана ездят в Абхазию. Иногда я встречаю и провожаю их. И это нормально. Нормально и то, что некоторые из них побывали и в Карабахе.

Меня удивляет то, что порой мы – живущие в конфликтных зонах – поощряем встречи «больших» чинов, но не воспринимаем встречи коллег, соседей, знакомых...»

20 сентября 2002 года.

Здесь же хочу отметить, что, к сожалению, мне иногда приходилось и в грузинском обществе аналогичным образом объяснять суть нашего проекта. Иногда меня преследовали – так, например, руководство «Абхазского Верховного Совета в изгнании» запретил своему телевидению («Телевидение Абхазии») освещать мою писательскую и миротворческую работу. Были и другие факты преследования.

6. Более широкое значение книги и новые инициативы

Я считаю, что цели и задачи проекта были достигнуты – книга *«Время жить»* стала популярной. Некоторые рассказы из книги, как я уже отмечал выше, были переведены и изданы на других кавказских языках без нашего участия (в проекте мы это не планировали); обсуждение книги устраивали в университетах, литературных объединениях, НПО (мы это тоже не планировали).

В Грузии книга обсуждалась в «Кавказском Доме», Тбилисском Госуниверситете, в НПО «Новое видение» и т.д.; о книге писали грузинские газеты «24 саати», «Абхазский меридиан», «Резонанси», «Кавказский акцент», «Шанси», «Дилис газети», «7 дге», «Литературули Сакартвело», «Алия» и др. Информацию о выходе книги распространяли все грузинские агентства.

В Азербайджане рецензии о «Времени жить» были напечатаны в «Азадлыг», «Йени Мусават», «525-ая газета», «Вышка», «Айна», «Адалят», «Халг джебехси», «Бакы-хебер», «Олайлар» и др., информация о книге была распространена агентствами Туран и АПА.

В Армении о выходе книги писали в «Арменпресс», «Ноян Тапан» и «Арменинфо». Рецензии о книге напечатали до десяти газет.

Так же было в Абхазии и Нагорном Карабахе.

Многие телерадиокомпании Южного Кавказа на должном уровне освещали выход сборника *«Время жить»*. Выходу книги посвятили свои радиопередачи «Би-би-си», «Голос Америки» и «Свобода».

Можно сказать, что книга зажила своей жизнью. С произведениями, напечатанными в ней, познакомились десятки тысяч человек.

Все это способствовало пропаганде идеи мирного сосуществования народов Кавказа, распространению культуры мира и межнационального общения, активизации мирного диалога средствами народной дипломатии и творческого потенциала Южного Кавказа.

Издание книги стало примером новых мирных гражданских инициатив. В Грузии вслед за «Временем жить» появились маленькие сборники рассказов писателей Южного Кавказа, но они были составлены по инициативе грузинской стороны (исполнителем проекта тоже была лишь грузинская сторона).

После выпуска книги мы написали проект издания литературно-общественного альманаха южнокавказских писателей, но не смогли убедить доноров в необходимости такого издания. Мы планировали печатать в альманахе прозу и поэзию южнокавказских авторов,

литературную критику, статьи о театре, кино, музыке, изобразительном искусстве и многое другое. Проект альманаха давал возможность использовать еще незадействованные ресурсы в деле общения разъединённых, изолированных обществ.

В 2004–2005 годах проект издания южнокавказского альманаха я лично передал в несколько международных фондов и посольств, функционирующих в Грузии. Откликнулся только фонд «Открытое общество – Грузия», который был готов принять долевое участие в издании альманаха, но другие международные организации (я имею в виду международные организации, действующие на Южном Кавказе) не поддержали эту идею.

Проект издания альманаха мы предложили и International Alert, но, видимо из-за отсутствия финансов, здесь мы тоже не нашли поддержку.

На одной из главных встреч мы создали «Ассоциацию южнокавказских писателей», но не смогли ее задействовать. Также не удалось создать мобильную группу южнокавказских писателей, которая при необходимости, в экстремальных ситуациях оперативно выезжала бы в регионы, изучала ситуацию на местах и объективно информировала широкую общественность. Виной тому – инертность нашей группы; мы ждали финансирование и надеялись, что работа над альманахом объединит нас, поэтому не готовили другие проекты. Надеюсь, что в будущем нам все же удастся начать издавать альманах и задействовать нашу ассоциацию, для чего потребуются приложить усилия и потратить определенное время.

Лично для меня период работы над книгой – незабываемый момент моей жизни.

Пройденный нами путь показал, что необходимо продолжать деятельность в этом направлении, а именно – начать выпуск периодического альманаха, активизировать деятельность Ассоциации писателей Южного Кавказа. А то «*Время жить*» пока что остается единственным проектом такого рода. К сожалению, для абсолютного большинства международных организаций, функционирующих на Южном Кавказе, поддержка межнациональных проектов по культуре, литературе и искусству не относится к числу приоритетных направлений их работы. Уже имея определенный опыт, мы будем надеяться, что в будущем более успешно продолжим сотрудничество.

Записи

Во время работы над проектом я вёл записи, которые позже вошли в мою книгу *«Планета отчуждения»*.⁴ Представляю некоторые из них. Думаю, они как-то дополняют картину нашей работы в то время.

I

Батал и я показываем в Ереване фильм азербайджанского режиссера Явера Рзаева *«Невеста в жёлтом»*. Он тоже о войне. После просмотра со мной знакомится корреспондент радио и рассказывает следующую историю: «Моя тетька жила в Азербайджане. После войны в Карабахе она оказалась беженкой и теперь живет здесь, в Ереване. В Азербайджане у нее скончался пятнадцатилетний сын, который там и похоронен. Однажды тетька тайно отправилась в Азербайджан, чтобы повидать могилу сына. Вначале ее не пускали армянские пограничники, опасаясь за ее жизнь, а затем азербайджанские, однако тете удалось убедить и тех и других, что ей обязательно надо повидать могилу сына, который в свиданиях просил ее об этом. Военные уважили просьбу женщины в трауре и пропустили ее.

Вначале она пришла в свой дом, в котором жили азербайджанские беженцы из Армении. Она сказала им, что о доме вообще не думает, сюда ее привела могила сына. Тетька четыре дня прожила у них, и каждый день ходила на могилу. Азербайджанцы делились с ней и своими переживаниями, а на пятый день проводили до границы. Сейчас за могилой моего двоюродного брата присматривают они».

II

В Баку нам рассказали такую историю. До начала войны один карабахский армянин купил у азербайджанца плотницкий станок. Армянин обязался расплатиться за станок осенью, после продажи фруктов. Однако вскоре началась война и азербайджанцу пришлось покинуть Карабах. Сейчас он живет в Азербайджане, в «центре компактного поселения беженцев». Через десять лет после окончания войны к нему пришел один бакинец, передал 500 долларов и сказал: «Перед началом войны в Карабахе ты продал станок, я познакомился с его владельцем в Москве, он просил передать тебе большой привет и вот эти деньги».

III

Рассказывает участник Карабахской войны: «Во время очередного боя мы укрепились в одном доме. Среди разбросанных на полу тетрадей и книг мое внимание привлекла одна тетрадка, я перелистал ее. Ученик восьмого класса писал сочинение: «Дружба народов СССР». Он получил пятерку, а я читал сочинение и плакал».

4 Г. Одишария (2007 г.). *«Планета отчуждения»*. Тбилиси, «Кавказский дом».

IV

В Баку нам рассказали, что известный карабахский хирург-азербайджанец сделал в Москве бесплатно операцию армянину. Когда тот вернулся на родину, то со своими друзьями поехал в Карабах, нашел дом азербайджанского хирурга, накрыл стол на поляне и выпил за здоровье хирурга тутовой водки. Все это сняли на видеопленку, которую отправили хирургу в Москву. Говорили, что армянин необыкновенный тост произнес, однако, к сожалению, мне не смогли показать кассету, ее кто-то унес – в Баку многие за ней охотились.

V

Классик азербайджанской литературы Джалил Мамедкулизаде написал пьесу под названием «*Кяманча*» (кяманча – струнный музыкальный инструмент). В пьесе рассказывается об армяно-азербайджанском конфликте, происшедшем в начале XX века. Отряд азербайджанских бойцов, многие из которых потеряли в ходе войны родных и близких, взял в плен в карабахских горах старого армянского музыканта, большого мастера игры на кяманче. Старик со своим инструментом был на свадьбе. Члены отряда хотели расстрелять его, но один из бойцов сказал: «Пусть перед смертью он сыграет нам что-нибудь». Печальные звуки кяманчи подобно плачу разносятся по всему лесу.

Командир отряда, бесстрашный и мужественный человек, со слезами на глазах слушает музыканта, безмолвны и его воины. Потом командир говорит старику: «Перестань играть, твоя музыка пробуждает во мне воспоминания о мирной жизни... Бери свою кяманчу и уходи, иначе я могу убить тебя и покончить с собой».

Старик уходит.

У нас у всех, у всего Кавказа, есть одна большая культура, но принадлежим ли мы сегодня своей культуре.

VI

В Цхинвали полдень. Сидим в ресторане «Эльдorado» (почему-то вспоминается известный тбилисский ресторан «Потерянный рай»). Коста рассказывает историю: «В первый день вооруженного конфликта между грузинами и осетинами Цхинвал проснулся под звуки автоматных очередей. Один веселый (не хочу говорить «с приветом») человек, известный всему Цхинвалу Вовочка, идет к осетинам и ругает их: «Что вы делаете, почему стреляете? Почему разбудили весь город? Почему беспокоите людей? Почему перекрыли дорогу блоками? Разберите сейчас же баррикады, по улице должны ходить машины и люди!..» Вове полчаса объясняли, что это грузины пришли воевать, они первыми построили баррикады, первыми стали стрелять, что осетины только защищаются и т.д.

Через полчаса Вова решает прочить грузин, перебирается через баррикады и направляется в их сторону.

– Ребята, не стреляйте, он ненормальный! – кричат осетины грузинам.

– Это вы ненормальные раз с нами воюете! – отвечают грузины.

Тем не менее стрельба прекращается. Вова перебирается через баррикады и в течение двух с половиной часов его не видно.

– Убили что ли? – спрашивают друг друга осетины. Через два с половиной часа Вова оставляет баррикады грузин и нетвердой походкой возвращается к своим. Он пьян, грузины угощали его вином. Вова оповещает жителей Цхинвала о том, что он договорился с грузинами, «они больше не будут стрелять, за это и выпили».

Осетины смеются. Смеются и грузины, а Вова не смеется. Главное, что пока Вова выполнял «миротворческую миссию», не было ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны. Никто не смог остановить войну, а Вова смог – почти на три часа».

Вовы нет сегодня в живых.

Благослови, Господи, его добрую душу!

VII

Смотрю по ТВ: на пропускном пункте миротворцев вблизи зоны Цхинвали – Гори задержали машину с ультрасовременным противотанковым оружием под названием «Фагот».

Задержание машин в зонах конфликта – обычное явление, но меня поражает название оружия. Ведь «Фагот» – прекрасный духовой инструмент (fagotto по-итальянски означает узел). Инструмент был создан в средние века и является неотъемлемой частью любого серьезного оркестра.

И вот новый «Фагот» – смертоносное мощнейшее оружие, которое пробивает даже 80-миллиметровую броню.

Какая тайная, садистская любовь создателей ощущается в поэтических названиях орудий смерти: автоматический миномет «Василек» (прекрасный цветок, украшающий поляну); «Нона» – прекрасное женское имя, девятая ступень музыкальной гаммы, девятистрочная строфа; «Эдельвейс», «Мимоза», «Акация» – минометы, подобные «Ноне»; или хотя бы всем известная ручная граната «лимонка». Не лимон, а «лимонка», почти что «лимоночка».

Армии мира оснащены «Бананами», «Апельсинами», «Магнолиями», «Дождями», «Ветерками»...

Я видел людей, разорванных на части «Васильками», «Акациями», «Мимозами», «Эдельвейсами». Поэтому и возненавидел оружие, которое сегодня легко попадает в руки злонравных и безумных людей. И они своими действиями доказывают нам, как мы далеки от цивилизованного мира, в каком положении изгоев оказались. Несчастлива страна, в которой пуля ценится дороже доброго слова, ненависть – дороже любви.

VIII

Моя осетинская подруга рассказывает, как ей в нескольких местах снайпер прострелил длинное ситцевое платье. Это было в Цхинвали во время грузино-осетинского конфликта.

Не думаю, чтобы снайпер хотел убить меня, – говорит она. Он, наверное, шутил, решил пофлиртовать со мной.

Трудно себе представить такой уровень профессионализма, но еще труднее представить степень невежества того, кто вот таким способом решил пофлиртовать с очаровательной женщиной.

IX

В Баку азербайджанский кинорежиссер рассказывает Баталу и мне: «Когда в Карабахе началась война, в двух селах возникла особая опасность для жизни. В одном из сел основную часть жителей составляли армяне, а во втором – азербайджанцы. Из-за географического расположения сел и опасений за свою жизнь азербайджанцы и армяне решили, предварительно все наметив, обменяться домами, и в один день на легковых и грузовых машинах, на тракторах и тележках с домашним скарбом обменялись, фактически, не домами, а селами. Политикам и военным было не до них, так вот они взяли и обменялись. Однако произошло непредвиденное: собаки и кошки потеряли ориентир – их родные дома были в одном селе, а хозяева в другом. В течение полугода ходили они между селами. По ночам собаки сторожили свои прежние жилища, а днем были со своими хозяевами. Так же вели себя и кошки».

Слушаю кинорежиссера и думаю: хоть бы кто-нибудь снял фильм или запечатлел на видеопленку, что сделала с ними война, как по холмам и равнинам утром и вечером ходили они из одного села в другое, как встречались на дороге, как не трогали друг друга.

Этот фильм был бы наиболее достоверным описанием войны.

С середины 1990-х годов представители международного и местного гражданского обществ занимались большим количеством различных инициатив, направленных на трансформацию конфликтов на Южном Кавказе. Целый ряд этих инициатив, описанных в данной книге, выбран для демонстрации разнообразия миротворческих работ, выполняемых гражданским обществом, в числе которых работа с политиками, в экономических кругах, с женщинами, детьми, учеными, деятелями культуры и др.

В данной книге отображены точки зрения и оценки как западных фасилитаторов этих инициатив, так и местных участников с противоположных сторон конфликта. Она предлагает взгляд изнутри на восприятие и движущие силы различных процессов, на их развитие с течением времени, на мотивацию участников, а также содержит субъективную оценку успехов и поражений самими авторами статей.

Особое внимание уделено инициативам, осуществленным британскими организациями International Alert, Ресурсы примирения и Институт по освещению войны и мира, а также Калифорнийским университетом Ирвайн (UCI) из США. В первую очередь, но не исключительно, она предназначена для сообщества практикующих миротворцев. Мы надеемся, что книга поможет информировать и стимулировать обсуждение различных инициатив гражданского общества, направленных на построение мира в регионе Южного Кавказа.

International Alert.

346 Clapham Road, London SW9 9AP, United Kingdom

Tel +44 (0)20 7627 6800, Fax +44 (0)20 7627 6900, Email general@international-alert.org

www.international-alert.org

ISBN: 978-1-906677-21-3